АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1955 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ и *М. И. МАКСИМОВА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приблизительно две с половиной тысячи лет тому назад на северном побережье Черного моря были основаны греческие города. Прилегающую к северному побережью Черного моря степную полосу занимали в то время скифские племена; прилегающие к северо-восточному побережью земли населяли племена меотов и сарматов. Рабовладельческие греческие города здесь сосуществовали на протяжении почти тысячелетия с племенами, находившимися на различных ступенях первобытно-общинного строя.

В результате многовекового тесного общения тех и других в античных причерноморских городах создавалась своеобразная культура, выросшая из корней как греческих, так и местных. Экономические и культурные взаимоотношения греческих городов с местным населением сыграли важную роль в развитии местных племен, ускоряя процесс их социального расслоения и приобщая их к достижениям эллинской культуры. Поэтому история культуры северного Причерноморья в античную эпоху должна рассматриваться как неотделимая часть древней истории культуры юга СССР

Своеобразное и яркое искусство античных городов северного Причерноморья составляет существенную часть их культурной истории. Оно может быть понято только в тесной связи с конкретно историческими условиями, которые создали предпосылки для его появления и развития. Поэтому статьям, посвященным в настоящем сборнике специально искусству, предпосланы обзор источников, исторические очерки и статья о монетном деле, которые должны дать общее представление об истории древнегреческой колонизации, об экономической и политической истории северопричерноморских античных государств. Вместе с тем эти статьи выясняют в общих чертах основные линии развития и взаимоотношений греческого и местного населения.

В очерках по искусству авторы стремились показать те специфические стилистические особенности, которые присущи только искусству античных городов северного Причерноморья.

Такая постановка вопроса является шагом вперед по сравнению с ранее высказывавшимися точками зрения, в которых либо признавалось заслуживающим внимания только античное (греческое и римское) искусство (что шло от старых традиций буржуазной науки), либо категорически утверждалось превосходство всего местного перед античным (что имело своим истоком вульгарно-социологические построения, в частности одну из их разновидностей — марризм). Постановка этой проблемы в сборнике (особенно в специально посвященной данной теме статье Т. Н. Кницович) является бесспорным достижением советской исторической науки.

Следует отметить, что публикация сборника, посвященного истории и культуре городов северного Причерноморья в античную эпоху, была задумана еще до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Война прервала эту нужную и полезную работу. Авторы ряда статей — Е. В. Ернштедт, Е. О. Прушевская, А. Н. Зограф, — так же как и инициатор сборника акад. С. А. Жебелев, погибли в дни блокады Ленинграда. Их статьи печатаются с дополнениями, сделанными редакцией (дополненный редакцией текст помещен в квадратные скобки) в связи

с появлением новых материалов и положений, выдвинутых исследованиями последнего времени.

Издаваемые в томе I статьи дадут возможность широкому кругу читателей ознакомиться с интересным материалом, накопленным русской дореволюционной и советской археологической наукой более чем за 100 лет, а также и результатами его изучения.

С. А. Жебелев

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Знакомство с историческим прошлым основывается, как известно, на том фактическом материале, который от этого прошлого и об этом прошлом сохранился до нашего времени.

Материал этот называется историческими источниками. Ими могут быть или сами остатки прошлого, или дошедшие до нас свидетельства о них. Сохранившиеся памятники прошлого составляют группу источников вещественных. Свидетельства о прошлом заключаются в дошедших до нас памятниках письменных, будут ли это записи делового характера — документы, как официального, так и частного характера, или произведения литературные в широком значении этого понятия, т. е. памятники не только изящной литературы, но и научной, публицистической и пр.

Свидетельства, заключающие в себе указания о прошлом, распадаются в свою очередь на свидетельства, современные самим фактам этого прошлого, и свидетельства, отделенные от этих фактов бóльшим или меньшим промежутком времени. Ясно, что свидетельства первой категории имеют большее значение, чем свидетельства второй. Ясно также и то, что чем ближе к нам рассматриваемая историческая эпоха, тем большее количество источников имеется в нашем распоряжении, тем более они разнообразны, доступны и понятны нам. Чем дальше отстоит от нас рассматриваемая историческая эпоха, тем источников для нее меньше и тем они для нас драгоценнее, но вместе с этим тем большего критического отношения требуют они к себе.

Глубокая давность отделяет нас от того периода, когда северное Причерноморье переживало свою античную эпоху и когда здесь существовали греческие рабовладельческие государства — Ольвия, Херсонес, Боспорское царство. За это время большая часть источников, которыми мы могли бы располагать для изучения ее, погибла от самых разнообразных причин: стихийных бедствий, вражеских нашествий, людского невежества и пр. Тем бережнее должны мы относиться к уцелевшим источникам, будут ли это памятники материальной культуры во всем их разнообразии или документы в виде дошедших до нас надписей на каменных плитах, или, наконец, свидетельства античных писателей, греческих и римских.

К нашему счастью, число доступных нам источников, благодаря постоянному притоку их и благодаря более тщательному изучению источников, ранее известных, постоянно возрастает, и в этом отношении XIX в. и прожитые десятилетия XX в. могут быть названы, до известной степени, эпохой возрождения античного (а также и средневекового) северного Причерноморья. В особенности это касается прироста археологического материала, добываемого раскопками на местах античных поселений северного Причерноморья. При этих же раскопках часто открывают и документальный материал в виде надписей. Что касается

свидетельств античных писателей о северном Причерноморье, то число этих свидетельств не возросло количественно за последние полтора века, зато они подверглись более углубленному и тщательному толкованию, принесшему свои плоды, и были собраны, как увидим ниже, в особый свод.

И все-таки следует сказать, что общее число источников, которыми располагает наука для выяснения истории культуры северного Причерноморья, еще очень ограничено в количественном отношении и далеко не совершенно, за немногими исключениями, в отношении качественном. Это обстоятельство тем более налагает на нас обязательство внимательно относиться к каждому из источников, каким мы располагаем, и стараться извлечь из него необходимые данные для написания, если и не полной истории культуры северного Причерноморья — для этого время еще не пришло, — то хотя бы отдельных очерков из этой истории, поскольку это позволяет сделать материал, сохранившийся в источниках.

Литературные источники. Наше положение было бы гораздо более благоприятным, если бы от самой античности дошло до нас хотя бы одно литературное произведение, в котором бы излагалась пусть даже в общих чертах, но в последовательном порядке история северного Причерноморья на всем ее протяжении. Но такого произведения нет, да его, надо полагать, и не существовало. Вероятно, в северопричерноморских городах были свои местные историки, произведения которых содержали много ценных сведений, а может быть, в некоторых из них была даже обстоятельно изложена история отдельных государственных образований северного Причерноморья на протяжении достаточно длительного периода. Об одном из них, об историке Сириске Херсонесском, мы уже кое-что знаем. Но, к сожалению, сочинения этих местных писателей до нас не дошли. Как бы то ни было, при отсутствии связного изложения в литературных источниках приходится довольствоваться и опираться на те более или менее разрозненные свидетельства, какие имеются в дошедших до нас памятниках античной литературы. При этом нужно помнить, что при пользовании каждым свидетельством необходимо соблюдать правила исторической критики, не принимать каждое свидетельство во что бы то ни стало на веру, а проверять как общую его достоверность, так и удельный вес его, сопоставлять друг с другом, где это окажется возможным, показания об одном и том же предмете различных авторов с тем, чтобы в случае разногласий в этих показаниях отдавать предпочтение тому или тем из них, которые представляются наиболее достоверными.

Дошедшие до нас литературные свидетельства о северном Причерноморье могут быть разбиты на две основные категории. К первой относятся более или менее значительные отрывки из произведений древних писателей, преимущественно греческих, ко второй — краткие сведения и случайные заметки. Мы скажем подробнее о представителях первой категории, а из материалов второй категории отметим лишь наиболее существенные.

Во главу угла должен быть поставлен «отец истории» Геродот (480—425 гг. до н. э.). Значительная часть четвертой книги его труда посвящена описанию северного Причерноморья, правильнее сказать Скифии и скифов, так как из греческих колоний северного Причерноморья Геродот сообщает только некоторые сведения, касающиеся Ольвии. Ни Херсонеса, ни городов Боспора он даже не упоминает. Скифия попала в повествование Геродота в связи с его рассказом о скифском походе 514/13 г. персидского царя Дария. «Скифский рассказ» Геродота в общей композиции его труда носит эпизодический характер, несмотря на это он представляет большую ценность как рассказ очень обстоятельный и сообщающий нам такие сведения, каких ни у одного из античных писателей мы не найдем. Напротив, можно предполагать, что последующие писатели, касавшиеся Скифии и скифов, основывались в значительной степени на показаниях Геродота. Поэтому неудивительно, что в новой литературе нередко пользуются термином «Геродотова Скифия». Геродот сообщает лишь краткие, сравнительно, сведения исторического характера, касающиеся скифов, центр же тяжести в «Скифском рассказе» Геродота занимает география и этнография Скифии, а также сообщения некоторых легенд, с нею связанных. Не в систематическом, а в довольно пестром порядке, перебиваемом вставными эпизодами, Геродот рассказывает о проис-

хождении скифов, о природе их страны, о скифских реках, об образе жизни, обычаях, религии, численности скифов, о достопримечательностях в их стране, о картографическом ее виде, о племенах, соседивших со скифами, и пр. Сведений сообщено, как мы видим, немало, но какова степень их достоверности? Геродот — добросовестный историк и потому относиться заранее с недоверием к его показаниям нет оснований. И тем не менее нужно помнить, что Геродот — историк-повествователь, а не историк-критик. Он сообщает, не мудрствуя лукаво, то, что он вычитал о скифах и Скифии у своих предшественников и что он увидел и услышал о Скифии и скифах в бытность свою в Ольвии. Из своих предшественников, так называемых логографов, Геродот несомненно пользовался сочинением Гекатея «Описание земли». От этого сочинения до нас дошли только незначительные отрывки, из которых видно, что Гекатей писал о Скифии и скифах; но установить степень зависимости Геродота от Гекатея не представляется возможным, с вероятностью же этой зависимости следует, во всяком случае, считаться.

Гораздо важнее было бы установить, насколько точны те сведения, какие Геродот сообщает в результате своего личного знакомства со Скифией и скифами. И здесь мы снова находимся в затруднительном положении, так как у нас отсутствуют данные, с помощью которых мы могли бы проверить показания Геродота. Остается ему поверить на слово, но при этом постоянно принимать в расчет следующие соображения: 1) Геродот если и был лично знаком со Скифией и населяющими ее племенами, то это знакомство не охватывало всей Скифии, а лишь незначительную ее часть, непосредственно примыкающую к Ольвии, бывшей, так сказать, штаб-квартирой Геродота, откуда он мог совершать экскурсии, сравнительно непродолжительные и не очень далекие, если принять в расчет средства сообщения в середине V в. до н. э.; 2) не столько личное знакомство служило источником сведений Геродота о Скифии и скифах, сколько те рассказы о ней и них, какие Геродот мог слышать в Ольвии от ее обитателей, как греков-колонистов, так и скифов, проживающих в Ольвии и научившихся объясняться по-гречески, ибо скифского языка сам Геродот, очевидно, не знал и должен был, как и во время своего пребывания в Египте, пользоваться услугами переводчиков; 3) несмотря на всю непритязательность Геродота как повествователя, у него несомненно наблюдаются черты рационализации, т. е. осмысления того, что он видел и слышал в чужих странах, стремления подкреплять свои домыслы сопоставлением виденного и слышанного в них с тем, что ему было более знакомо, т. е. с тем эллинским миром, к которому Геродот принадлежал и для обитателей которого он писал свой труд. Необходимо подчеркнуть еще раз, что относиться с принципиальным недоверием ко всему, что содержится в «Скифском рассказе», нет оснований, но к каждому из сообщений, в нем заключающемуся, нужно подходить с осторожной и вдумчивой критикой, ставя перед собой вопрос, каким путем попали в «Скифский рассказ» те или иные сведения. Так как контролировать эти сведения при помощи сопоставления их с другими письменными источниками мы лишены возможности, как уже упоминалось выше, то здесь полезно прибегать в надлежащих случаях к услугам археологии и связанной с ней исторической географии и топографии.

«Скифский рассказ» Геродота касается главным образом западной Скифии и почти не затрагивает восточной Скифии и Кавказа. Поэтому важным дополнением к нему является отрывок в трактате «О воздухе, водах и местностях» неизвестного автора, жившего в последней четверти V в. до н. э. В древности ошибочно считали, что это сочинение написано врачом Гиппократом, но поскольку оно несомненно ему не принадлежит, то теперь принято называть автора трактата псевдо-Гиппократом. Автор этого труда отчасти этнограф, отчасти физик. Его целью является рассказать о том влиянии, какое оказывают климатические и физические условия местности на ее население: этим объясняется и заглавие трактата. Автор сообщает любопытные подробности о племенах, живших по течению р. Фасиса (Рион), т. е. в Колхиде, а также о племенах, обитавших вокруг Меотиды (Азовского моря), т. е. о сарматах и скифах-кочевниках. Знакомство автора с этими странами основывается как на личных наблюдениях, так, возможно, и на использовании существовавшей, но утраченной для нас литературы его предшественников, в числе которых, очевидно, Геродот не состоял.

В ошибочно приписанном Скилаку (современник персидского царя Дария), но составленном во второй половине IV в. до н. э. неизвестным писателем перипле (перипл значит «круговой объезд по морю»), имеющем чисто практическое назначение служить интересам мореплавания, кратко перечисляются наиболее достопримечательные греческие колонии (Ольвия, однако, опущена) северного побережья Черного моря, упоминаются скифы, сарматы, меоты, синды и другие племена, иногда с очень краткой их характеристикой. Несколько подробнее другой перипл, написанный стихами (ямбом) во второй половине II в. или в начале I в. до н. э. и приписанный Скимну. В этом перипле перечисляются в последовательном порядке греческие колонии: Тира, Ольвия, Херсонес, Пантикапей, упоминаются племена тавров, скифов, сарматов и др. Если для перипла Скилака можно предполагать в известной степени личное знакомство автора с северным и восточным Причерноморьем, то автор второго перипла, надо полагать, составил свое произведение исключительно на основании бывших в его распоряжении литературных источников. Установить последние мы лишены возможности за утратой той географической и этнографической литературы, которая несомненно существовала у греков после Геродота и вплоть до «Географии» Страбона, к счастью, сохранившейся до нас и являющейся наряду с историей Геродота нашим главным источником для знакомства с северным и восточным Причерноморьем.

Страбон (63 г. до н. э.—19 г. н. э.) писал свою «Географию», за ничтожными исключениями, не на основании личного знакомства с описываемыми странами (в северном и восточном Причерноморье он во всяком случае не был); зато им широко была использована не дошедшая до нас греческая географическая и историческая литература. Поэтому при использовании Страбона постоянно встает вопрос, каким источником или какими источниками он в каждом отдельном случае пользовался. Далеко не всегда удается дать на этот вопрос точный и определенный ответ, с одной стороны, потому, что источники Страбона в огромном большинстве случаев до нас не дошли, а с другой стороны, потому, что сам Страбон очень редко на них ссылается. В тех случаях, когда удавалось проверить эти показания, проверка эта говорила в пользу Страбона, а потому к сообщаемым им сведениям по Причерноморью можно относиться с доверием. Сведения эти касаются разнообразных предметов. Он говорит и о киммерийцах, и о климате северного побережья Черного моря, и о населении Скифии, и о протекающих в Скифии реках. В высшей степени ценно описание Крыма, даваемое Страбоном, в частности описание Херсонеса, Керченского полуострова с главным его центром — Пантикапеем, и другими городами Боспорского государства. Большую ценность представляет также подробное описание побережья Азовского моря, восточного Причерноморья и пр. При этом нужно отметить, что в свои географические и этнографические описания Страбон нередко вставляет исторические эпизоды. Именно Страбону мы обязаны наряду с Геродотом самыми обстоятельными сведениями о северном Причерноморье, и во многих случаях он является здесь нашим единственным и притом надежным источником. То же значение для положения Ольвии на рубеже I и II вв. н. э. имеет «Борисфенитская речь» Диона Хрисостома (Златоуста), составленная им на основании личного знакомства с этим городом.

Мы не будем задерживаться на таких произведениях первых веков нашей эры, как «Описание населенной земли» Дионисия (середина II в.); к этому сочинению уже во второй половине XII в. написал обширные комментарии Евстафий Фессалоникийский, ценность которых состоит в том, что Евстафий мог пользоваться древними сочинениями, не дошедшими до нас, перипл Арриана (середина II в.), перипл безыменного автора, жившего в V в. Во всех этих произведениях содержится немало ценных сведений по этнографии северного Причерноморья. Необходимо сказать несколько слов о двух сочинениях, представляющих для изучения северного Причерноморья особенно большой интерес. Это, во-первых, «География» Клавдия Птолемея (вторая половина II в.), содержащая много ценных сведений о северном побережье Черного моря, Крыме, Таманском полуострове, нижнем Прикубанье и перечисляющая большое количество населенных пунктов в этих местах с указанием их долготы и широты. Произведенная проверка ряда данных, сообщаемых Птолемеем, показала их досто-

верность, хотя окончательное решение этого вопроса будет получено лишь в результате археологического обследования упоминаемых Птолемеем населенных пунктов. Вторым важным для северного Причерноморья сочинением является «Географо-этнографический словарь» Стефана Византийского (жил, вероятно, в V в.), из которого дошло до нас только извлечение, сделанное в конце VII в. Автор исцользовал большую, в значительной мере утраченную для нас античную литературу, и в его указаниях содержатся иногда ценные данные, требующие, конечно, критического к ним отношения.

Из латинских цисателей наиболее обстоятельные отрывки о северном Причерноморье дают Помпоний Мела и Плиний Старший, жившие в середине I в. н. э. Первый из них в своем сочинении «Землеописание» («De chorographia») сообщает сведения о географии и этнографии Скифии, говорит о нравах и обычаях скифских племен— и то и другое исключительно на основании использования автором более ранних источников, определение которых не всегда бывает легко установить. Такой же характер имеют отделы, посвященные северному Причерноморью в энциклопедическом труде Плиния «Естественная история», преимущественно в четвертой книге ее, где автор, помимо географических и этнографических сведений о Скифии, говорит также вкратце и о греческих колониях. Вопрос об источниках, которыми пользовался Плиний, не менее сложен, чем тот же вопрос в отношении Мелы.

Потребовалось бы много места, если бы мы захотели перечислить рассеянные почти по всей античной литературе, начиная с Гомеровских поэм и кончая поздними авторами, краткие известия и заметки о северном Причерноморье. Мы выделим из этого материала лишь самое существенное. В «Банкирской речи» греческого оратора Исократа (первая половина IV в. до н. э.) имеется очень ценный отрывок, касающийся торговых отношений Боспорского государства с Афинами в IV в. Столь же важны отрывки из некоторых речей Демосфена. Показания обоих этих источников ценны уже потому, что они современны излагаемым в них фактам. Знаменитый греческий историк первой половины II в. до н. э. Полибий в книге IV своей «Истории» дал краткое, но точное описание Черного моря. В сохранившихся частях исторического труда Диодора Сицилийского (вторая половина I в. до н. э.) «Историческая библиотека» автор на основании предшествовавшей ему исторической литературы дал древнейшую историю Скифии (2-я книга), а также сообщил (12-я, 16-я и 22-я книги) ценнейшие сведения из истории Боспорского государства V—IV вв. до н. э.; этот труд является единственным нашим литературным источником по Боспору как для V в., так и для конца IV в. Основным источником для истории Боспора в эпоху Митридата Евпатора и его преемников служит «Римская история» Аппиана, составленная им на греческом языке, на основании хороших, но утраченных для нас источников, в середине II в. н. э. Еще ранее Аппиана Помпей Трог в начале I в. н. э. составил на латинском языке всеобщую историю («Historiae Philippicae»), от которой мы имеем только введения (prologi) к отдельным книгам (дающие их краткое содержание), а также сокращенное изложение (epitoma), составленное во II—III вв. Юстином, где даются сведения о Скифии и скифах и отрывочные упоминания из последующей их истории. Такие же отрывочные известия о скифах и о боспорском правителе Левконе дошли до нас в написанном на греческом языке Полиеном (в 60-х годах II в. н. э.) сочинении «Военные хитрости», где наряду с данными анекдотического характера имеется исторический материал. Среди сочинений латинских писателей большую ценность представляют отрывки из «Летописей» и «Истории» Тацита (55—117), касающиеся главным образом истории Боспорского царства в I в. н. э.; для характеристики более позднего периода важна «История» — труд Аммиана Марцеллина (330—400).

Таковы наиболее существенные литературные источники для изучения северного и северо-восточного Причерноморья в античную эпоху. Греки и за ними римляне бесспорно интересовались им, причем этот интерес был сосредоточен в значительно большей степени на местном населении, скифах, сарматах и других племенах, нежели на греческих колониях, о которых наши источники упоминают постольку, поскольку их история имеет то или иное отношение к греческой, а затем и римской истории. Интерес к Скифии и Кавказу и к населяющим их племенам, начавшийся с VI в., т. е. со

времени возникновения там греческих колоний, сохраняется до позднего времени античности и вызван был этот интерес тем своеобразием быта местного населения, прежде всего кочевых племен, который отличался от быта греков и римлян, до известной степени даже склонных идеализировать его. Это обстоятельство не следует упускать из виду при пользовании античными свидетельствами о Скифии и Кавказе.

Все литературные источники, относящиеся к северному и северо-восточному Причерноморью, сведены в двух томах труда В. В. Латышева (составленного при участии привлеченных В. В. Латышевым сотрудников) «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» («Scythica et Caucasica», в дальнейшем — SC): т. I — «Греческие писатели» (СПб., 1893—1899), т. II — «Латинские писатели» (СПб., 1904). Собранные отрывки даны в греческом и латинском оригиналах и в русском переводе.[1]

Эпиграфические источники. Выше было указано, что литературные источники, относящиеся к северному и северо-восточному Причерноморью, дают сравнительно немного материала, касающегося находившихся в этой области греческих колоний. В этом отношении ценным дополнением являются источники эпиграфические, надписи, вырезанные на каменных плитах и находимые в большом количестве в развалинах городов и в городских некрополях. Большая часть надписей из городов северного Причерноморья написана на греческом языке, гораздо меньше надписей латинских. По месту своего происхождения надписи относятся главным образом к Тире, Ольвии, Херсонесу и к городам Боспорского государства: Пантикапею, Фанагории, Гермонассе, Горгиппии, Танаису и их окрестностям. Время надписей — V в. до н. э.—IV в. н. э., причем бóльшая часть их относится к периоду римской империи. По своему содержанию надписи распадаются на следующие главные три группы: 1) государственные декреты, 2) так называемые посвятительные надписи, начертанные или по почину государственных властей, или от имени частных лиц, 3) надписи надгробные. Разумеется, первая группа имеет наиболее важное значение, так как в ней содержатся документы государственного значения и среди них такие уники, как ольвийский декрет IV в. до н. э., регулирующий денежное обращение в Ольвии, декрет второй половины III в. до н. э. в честь ольвийского гражданина Протогена, содержащий очень ценные данные для характеристики положения Ольвии в указанное время, херсонесская гражданская присяга конца IV—начала III в. до н. э., документ начала II в. до н. э. о договоре Херсонеса с понтийским царем Фарнаком, херсонесский декрет последнего десятилетия II в. до н. э. в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора.

Группа посвятительных надписей имеет важное значение для истории религиозных культов в греческих колониях. Наконец, группа надгробных надписей, самая обильная по числу сохранившихся эпиграфических памятников, знакомит нас с северопричерноморской просопографией, т. е. с теми греческими и местными именами, которые имели хождение в северном и северо-восточном Причерноморье, что позволяет в свою очередь судить о составе населения греческих колоний в различные периоды их истории, и о том, как постепенно в среду греческого населения проникало население местное. Из числа боспорских надписей заслуживает особого внимания серия документов II—III вв. н. э., касающихся города Танаиса.

В общем, нужно сказать, что происходящий из северного и северо-восточного Причерноморья эпиграфический материал носит случайный характер. Как уже упомянуто, наибольшую часть этого материала составляют надгробные надписи, найденные иногда in situ, т. е. там, где они находились в древности, или, что бывает чаще всего, уже вторично использованными в качестве строительного материала в более поздних сооружениях. Надписи публично-правового характера немногочисленны. И тем не менее, несмотря на скудость и сравнительное однообразие эпиграфического материала, он как материал документальный имеет чрезвычайно важное значение, так как современен тем событиям, которые в нем отражены. Вместе с тем эпиграфический материал, найденный на месте первоначальной

[1] [Русский перевод древних авторов, вошедших в «Scythica et Caucasica», переиздан в последнее время в «Вестнике древней истории»: №№ 1—4, 1947; 1—4, 1948; 1—4, 1949. — *Ред.*].

постановки надписей, служит наиболее надежным критерием для локализации тех или иных античных поселений, упоминаемых в литературных источниках, а также для определения планировки этих поселений. Не говорим уже о том, что надписи в некоторых случаях служат нашими единственными источниками для ознакомления с историческими фактами и с государственно-правовым, социально-экономическим, религиозно-культовым и частным бытом античных городов северного и северо-восточного Причерноморья.

Все надписи на камнях, найденные до 1916 г. в Тире, Ольвии и Херсонесе и в соседних с ними местностях, сопоставлены В. В. Латышевым (с приложением перевода на русский язык и необходимых комментариев) во 2-м издании первого тома его монументального издания «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» (Petropoli, 1916; в дальнейшем — IPE). Надписи, найденные в пределах Боспорского государства до 1900 г., сопоставлены в томах II (1890) и IV (1900) того же издания. Надписи северного Причерноморья, найденные после указанных дат, издавались в различных периодических изданиях (главным образом в «Известиях Археологической комиссии»); сводка их (до 1928 г.) дана в издаваемом голландским ученым Гондиусом «Supplementum epigraphicum graecum» (Leiden, II, 1925; III, 1929).

Те или иные упоминания, касающиеся северного Причерноморья и в некоторых случаях представляющие очень важное значение для его истории (хотя бы, например, афинские декреты середины IV в. до н. э. в честь боспорских правителей Спартока и Перисада или афинский декрет 289 г. до н. э. в честь боспорского правителя Спартока), встречаются в греческих надписях материковой, островной и малоазийской групп. Эти эпиграфические данные частично собраны, снабжены переводом на русский язык и необходимыми комментариями в статье Б. Н. Гракова, помещенной в 3-й книге журнала «Вестник древней истории» за 1939 г.

Помимо надписей на камнях, дошло большое количество надписей, найденных в различных местах северного Причерноморья, начертанных на предметах домашнего обихода, на ручках глиняных амфор, глиняных черепицах, на металлических и ювелирных изделиях и пр. Эти надписи, несмотря на краткость и внешнюю невзрачность, имеют большое значение, особенно для истории торговых и культурных сношений северного Причерноморья с другими странами античного мира. Многочисленный и разнообразный материал рассеян пока по отдельным публикациям или периодическим изданиям. Хорошо ориентирует по керамической эпиграфике северного Причерноморья статья Е. М. Придика «Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.» (МИА, № 4, 1941); в ней указана основная литература вопроса. Готовятся к изданию своды керамических надписей и граффити северного Причерноморья Б. Н. Граковым (клейма) и И. И. Толстым (граффити).[1]

Наконец, имеется ряд надписей или, точнее сказать, знаков на памятниках архитектуры и утвари, на надгробиях, чтение которых пока не разгадано. Напрашивается предположение, не представляют ли эти надписи и знаки остатки местного, возможно сарматского, письма.

Таковы письменные, литературные и эпиграфические источники для истории северного и северо-восточного Причерноморья. Критический анализ письменных источников дан в первом отделе книги М. И. Ростовцева [2] «Скифия и Боспор» (Л., 1925).[3]

А р х е о л о г и ч е с к и е и с т о ч н и к и. Следующую группу источников наших сведений о культуре античных колоний северного Причерноморья составляют археологические источники, т. е. памятники, обнаруженные при раскопках. К числу архео-

[1] [В настоящее время уже опубликованы граффити, хранящиеся в Гос. Эрмитаже: И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов северного Причерноморья. М.—Л., 1953. — *Ред.*].

[2] [См. также немецкое издание: M. Rostowzew. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931. Критика ряда содержащихся в этой работе положений об античной литературной традиции, касающейся местного населения северного Причерноморья, содержится в книге Д. П. Каллистова «Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи» (Л., 1949, стр. 81). — *Ред.*].

[3] [Труды М. И. Ростовцева, упомянутые здесь и на следующих страницах настоящего очерка, заключают в себе большой фактический материал: критическая оценка методологических установок М. И. Ростовцева как буржуазного ученого дана в сборнике статей «Вопросы скифо-сарматской археологии (итоги Конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)», стр. 51 сл. — *Ред.*].

логических источников принадлежат и только что рассмотренные памятники эпиграфические, выделенные нами в особую группу, поскольку в них мы имеем особый вид письменных источников. Но те же самые плиты с надписями являются и вещественными памятниками; многие из них (это особенно касается надгробий) имеют наряду с надписями также рельефные изображения, ставящие их в число интересных образцов искусства северного Причерноморья. Это, таким образом, памятники одновременно и письменные и археологические.

Среди собственно археологических источников следует прежде всего упомянуть открываемые раскопками части самих городов, с их улицами, зданиями, хозяйственными приспособлениями. Открываемые при раскопках остатки древних поселений представляют обычно развалины, в которых части рухнувших зданий перемешаны с предметами хозяйственного и домашнего обихода, преимущественно дошедшими тоже в обломках. Тем не менее значение раскопок исключительно важно в деле изучения древней культуры, в частности культуры северного Причерноморья, так как они знакомят нас с обликом древних городов, особенностями их строительства и планировки и вместе с тем дают возможность сделать ряд важных наблюдений, касающихся хозяйственной и культурной жизни населения. Существенное значение имеют также раскопки окружающих города некрополей (кладбищ), содержащих и рядовые грунтовые могилы, и группы курганов. Эти некрополи и курганные погребения и дали нам значительную массу находок, на основании которых мы знакомимся с историей культуры, во всех почти ее проявлениях, а отчасти и с религиозными воззрениями населения северного Причерноморья. Живописное и скульптурное убранство погребальных сооружений, их архитектура позволяют проследить этапы развития архитектуры, декоративной скульптуры и живописи.

Северное Причерноморье дает нам памятники материальной культуры во всех ее разнообразных проявлениях. Памятников статуарной скульптуры дошло немного; зато памятников рельефной скульптуры сохранилось большое количество в виде надгробных стел, украшенных рельефами, относящихся главным образом к I—II вв. н. э. Изображения на этих рельефах дают материал для характеристики предметов домашнего обихода, вооружения, религиозных верований и др.[1]

В числе многочисленных вещей, найденных при раскопках погребений, нужно отметить каменные и деревянные саркофаги, последние, конечно, в обломках, а также сделанные из дерева туалетные шкатулки, сосуды, остатки мебели, остатки тканей и поделок из кожи.

Терракотовые статуэтки, находимые при раскопках, являются важным источником для характеристики домашнего быта и религиозных верований.

Количество терракотовых статуэток, происходящих из северного Причерноморья, велико, сюжеты их разнообразны и в некоторых случаях оригинальны, но полного свода их, хотя бы по типам, пока не имеется.

Выделение из состава терракот изделий привозных дает представление о тех центрах, откуда терракоты могли быть привозимы и с которыми, следовательно, северное Причерноморье состояло в торговых сношениях. В то же время группа терракот, сделанных на месте, знакомит нас с важной отраслью искусства северного Причерноморья.

Такое же значение (и даже в еще большей степени) имеет многочисленный материал, состоящий из глиняных сосудов, дошедших до нас как в целом виде, так и в обломках. Этот керамический материал, находимый в погребениях, вместе с тем служит и наиболее надежной точкой опоры для определения времени погребений. Нужно, однако, иметь в виду, что наряду с привозным керамическим материалом в наиболее значительных греческих городах северного и северо-восточного Причерноморья существовало широко развитое местное производство глиняной утвари. Было оно также и у скифо-сарматского и меотского населения. Многочисленная серия керамических находок, как привозных, так и местных, с последовательным изменением их стиля и техники, охватывает длинный промежуток времени, и эти находки в ряду археологических источников занимают бесспорно первое место. Начавшая (с I в. н. э.)

[1] Основные типы северопричерноморских надгробных рельефов даны в книге Кизерицкого и Вацингера: G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

постепенно вытеснять керамику стеклянная посуда также представлена многочисленными находками, особенно в боспорских некрополях.

Для характеристики культуры северного Причерноморья важное значение имеют те памятники декоративной росписи, которые украшали общественные здания, частные богатые дома, а также погребальные сооружения, склепы, особенно в пределах Боспорского государства. Эти росписи, помимо их чисто художественного значения, дают много для ознакомления как с бытовыми чертами, так и с религиозными воззрениями населения.[1]

Наконец, должен быть отмечен и тот совершенно исключительный по своей важности археологический материал, который представляют обильные находки в некрополях и погребальных сооружениях разнообразных предметов металлического производства (золото, электр, серебро, бронза, железо и пр.), начиная с высоко художественных вещей, представляющих в некоторых случаях уникальные произведения, и кончая предметами домашнего обихода и военного дела. Здесь мы имеем и сосуды, и предметы вооружения, и украшения в виде серег, ожерелий, браслетов, колец и других образцов ювелирного искусства. Среди них имеются вещи и привозные, и местного изготовления.

К числу последних должны быть отнесены и те многочисленные серии монет, которые чеканились в Тире, Ольвии, Херсонесе и городах Боспорского государства на протяжении всей их истории. Для экономической истории северного и северо-восточного Причерноморья нумизматический материал, как местный, так и привозной, является очень ценным по своей документальности источником.[2]

Таков в самых кратких чертах тот богатый и разнообразный материал, который представлен для северного и северо-восточного Причерноморья археологическими источниками и который, так же как и материал этнографический, стал нам доступен главным образом благодаря проводившимся в пределах северного и северо-восточного Причерноморья раскопкам и разведкам.

Основные вехи археологического исследования северного и северо-восточного Причерноморья в новое время. Археологические исследования северного Причерноморья начались со времени включения Крыма в 1784 г. в состав Русского государства. Уже тогда стали собирать античные вещи, находившиеся на поверхности земли, устанавливать местонахождение развалин древних городов, снимать планы их. Работа эта проводилась отчасти иностранными путешественниками, но главным образом лицами, состоявшими на русской службе и действовавшими по поручению их начальства. Из русских Иван Потоцкий объездил в конце XVIII—начале XIX в. юг России, Крым и Кавказ с историческими и археологическими целями. Большой археологический материал собрали во время своей поездки на юг в конце XVIII в. академики Паллас, Кёлер и Кеппен. Из числа иностранных путешественников заслуживает упоминания Дюбуа де Монпере, издавший на французском языке в начале 40-х годов XIX в. в 6 томах с атласом описание своего путешествия по Кавказу и Крыму. Все эти путешествия возбудили живой интерес к Крыму и его памятникам как среди ученых, так и в руководящих административных сферах России. Случайно попавший в Керчь француз Дюбрюкс (Paul Dubrux) увлекся разысканиями местных древностей, произвел тщательное для того времени археологическое обследование Керчи и ее окрестностей, сделал ряд археологических съемок и раскопок древних погребений. В тот же период работал и И. А. Стемпковский, бывший тогда керченским градоначальником. Им положено начало изучению исторической географии Черноморского побережья. Наряду с более или менее систематическим добыванием археологического материала проявлена была забота о его хранении: были основаны музеи в Феодосии (1811 г.), Одессе (1825 г.), Керчи (1826 г.). С основанием музея в Керчи на исполнявших должность директора музея было возложено производство археологических раскопок в Керчи и ее окрестностях, а в дальнейшем и на Таманском полуострове. К числу таких деятелей при-

---

[1] Памятники этой декоративной живописи изданы в книге М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1914).

[2] [Капитальным трудом по нумизматике северного Причерноморья является недавно опубликованная книга А. Н. Зографа «Античные монеты» (МИА, № 16, 1951). — *Ред.*].

надлежат И. Бларамберг, Д. Карейша, А. Ашик, оставивший после себя первый обстоятельный труд о Боспорском царстве.[1] К числу наиболее важных по своим результатам раскопок, произведенных в период до шестидесятых годов XIX в., относятся раскопки на берегу Ахтанизовского озера на Таманском полуострове (начались с 1804 г.), Кульобского кургана (1830 г.), Золотого кургана (1832 г.), Царского кургана (начало положено в 1833 г.), на горе Митридат (1842 г.) и пр. Много ценных находок сделано было и при сравнительно небольших раскопках на европейской и на азиатской стороне Боспора. Велась и научная разработка добытого при раскопках материала; начало ей положил своими трудами, напечатанными на немецком языке в изданиях Академии Наук, академик Кёлер. В конце 40-х и в начале 50-х годов А. С. Уваров объезжал северное побережье Черного моря, производил в некоторых местах раскопки и издал свои «Исследования о древностях южной России на берегах Черного моря» (СПб., 1851—1856). Плодотворно для археологического исследования юга России было то время, когда в 40-х годах во главе Министерства внутренних дел, а затем Министерства уделов стоял Перовский, страстный любитель археологии. Он составил широкую, строго научную программу систематического археологического исследования юга России путем планомерных раскопок развалин греческих городов и рассеянных по степи курганов; по инициативе Перовского особенно энергично стали проводиться работы в Керчи. Оказывал Перовский поддержку и возникшим тогда общественным археологическим организациям: основанному в 1839 г. в Одессе Обществу истории и древностей, в 1846 г. — Русскому археологическому обществу в Петербурге.

Количество памятников, открытых на Керченском и Таманском полуостровах, настолько выросло к 50-м годам, что возникла мысль об объединении их в одном издании. В 1854 г. в Петербурге вышло в свет три тома (два тома текста на русском и французском языках и один том атласа) под названием «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа». Целью издания было познакомить не только ученых, но и более широкие слои общества с археологическими сокровищами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах. Памятники, изданные в атласе, были воспроизведены в гравюрах, текст был составлен на основании извлечений из рукописей Дюбрюкса, отчетов Ашика, Карейши и др. Для своего времени издание это было событием большой важности; как свод ценного материала оно и в настоящее время не потеряло значения.[1]

К 60-м годам XIX в. археология у нас сделала уже такие успехи, что являлась потребность в создании особого правительственного учреждения, которое должно было руководить производством раскопок и научно разрабатывать их. В начале 1859 г. учреждена была состоявшая при Министерстве Двора Археологическая комиссия, в круг ведения которой входило как производство раскопок, так и исследование древностей, «преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом Россией». В 60-х и 70-х годах деятельность Археологической комиссии была направлена почти исключительно на исследование юга России и сосредоточивалась главным образом на добывании и исследовании античных памятников. В 1862—1863 гг. в районе Никополя был раскопан И. Е. Забелиным знаменитый скифский Чертомлыцкий курган, давший огромной ценности материал по культуре скифов IV в. до н. э., тесно связанной в своем развитии с античными причерноморскими городами. Исключительно успешную раскопочную деятельность развил в 50—60-х годах директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко. Вынужденный покинуть Керчь в связи с Крымской войной, он в 1855—1856 гг. произвел раскопки скифского Александропольского кургана, обогатившего науку замечательным комплексом скифских вещей III в. до н. э. По возвращении в Керчь Люценко энергично занялся расследованием выдающихся боспорских курганов на Керченском и Таманском полуостровах. Им раскопаны Павловский и Мелек-Чесменский

[1] А. Б. Ашик. Воспорское царство, тт. I—III. Одесса, 1848—1849.

[1] В 1892 г. «Древности» были переизданы в Париже С. Рейнаком (S. Reinach) под заглавием «Antiquités du Bosphore Cimérien», в более портативном формате, в виде однотомной книги, с некоторыми дополнениями к объяснительному тексту.

курганы, курганы Юз-Оба, Большая и Малая Близница, Васюринский и др. Благодаря этим раскопкам археологический материал, освещающий культуру Боспорского царства периода его расцвета (IV—III вв. до н. э.), чрезвычайно расширился и пополнился первоклассными памятниками. В 70-х годах было сделано также немало важных археологических открытий. В 1872 г. был открыт в Керчи склеп с интереснейшей росписью II в. н. э. Склеп этот был затем описан и исследован известным русским художественным критиком В. В. Стасовым. Одновременно с Люценко раскопки вели на территории Боспора и другие археологи (В. Г. Тизенгаузен, Н. П. Кондаков). Раскопкам подверглась группа курганов «Семь братьев» в районе нижней Кубани, в результате был получен превосходный материал по культуре синдов — одного из племен, входивших в состав Боспорского царства.

Важные результаты дали исследования курганов близ городища Нимфея на Керченском полуострове. Находками очень ценного комплекса вещей конца III—II вв. до н. э. увенчались раскопки Артюховского кургана на Таманском полуострове, произведенные В. Г. Тизенгаузеном и С. И. Веребрюсовым.

С 1888 г. Археологическая комиссия начала вести систематические раскопки Херсонеса, возложив руководство работами на К. К. Косцюшко-Валюжинич, который с большой преданностью делу производил эти исследования на протяжении 20 лет. Раскопки раскрыли широкую картину исторического развития как античного, так и средневекового Херсонеса. Важной вехой в изучении античного периода истории северного Причерноморья явилась магистерская диссертация В. В. Латышева на тему «Исследование об истории и государственном строе города Ольвии» (книга была напечатана в Петербурге в 1888 г.). Впервые русский ученый, ставший впоследствии крупнейшим эпиграфистом, имя которого (как издателя монументального свода надписей) заняло почетное место в истории отечественной науки, выступил с капитальным научным трудом, в котором была подвергнута глубокому тщательному исследованию история одного из важнейших рабовладельческих городов-государств древнего Причерноморья. В работе были использованы все виды исторических источников, включая и вещественные (например монеты), хотя последний раздел источников по Ольвии был тогда еще крайне незначителен.

Своим трудом (не утратившим известной ценности и в настоящее время) В. В. Латышев убедительно доказал, что античное Причерноморье представляет важный раздел в древней истории нашей Родины, вполне заслуживающей серьезного, всестороннего, планомерного изучения со стороны русских ученых.

Хотя с 80-х годов деятельность Археологической комиссии стала значительно расширяться, все же и тогда основным центром ее продолжал оставаться наш юг. То же было и в первое двадцатилетие XX в. В 1896 г. по инициативе директора Керченского музея древностей К. Е. Думберга была предпринята попытка начать планомерные раскопки столицы Боспорского царства Пантикапея. В течение трех летних сезонов производились исследования остатков древнего города на северном склоне горы Митридат, были открыты различные сооружения, развалины общественного здания, частных жилых домов, бани римского времени и. т д. Стала уже вполне ощутимо вырисовываться картина многовековой жизни одного из районов боспорской столицы. Однако Археологическая комиссия была не удовлетворена этими раскопками и прекратила их, так как они не дали тех исключительных по своей художественной и материальной ценности вещевых находок, которыми полагалось ежегодно пополнять коллекцию Эрмитажа и которые обильно получались при раскопках курганов и некрополей. Руководивший керченскими раскопками (с 1901 по 1918 г.) ученый-эпиграфист В. В. Шкорпил производил исследования только боспорских некрополей. Добытые раскопками В. В. Шкорпила многочисленные комплексы находок весьма обогатили археологию Боспора, а научные отчеты о раскопках некрополей, составленные В. В. Шкорпилом, являются до сих пор ценным материалом при разработке различных вопросов истории культуры Боспорского царства.

С 1900 г. начались строго систематические и вполне научно поставленные раскопки Ольвии под руководством Б. В. Фармаковского. Раскопки в Ольвии, ведшиеся под руководством Б. В. Фармаковского в течение многих лет, помимо тех очень ценных

научных результатов, которые они дали для изучения истории Ольвии, представляют также большое значение как важный этап в развитии русской археологической науки вообще.

Применявшаяся Б. В. Фармаковским методика тщательного послойного исследования культурных напластований, которые образовались в результате тысячелетнего существования города, в значительной мере явилась исходной основой нашей современной методики исследования многослойных городищ. Производились также раскопки на острове Березани, в Подонье, на месте древнего Танаиса; продолжались раскопки курганов в Причерноморье, в Прикубанье, причем в этой области особенно плодотворны были работы Н. И. Веселовского.

О результатах раскопок давались сведения в печатных «Отчетах» Археологической комиссии. Помимо них, они издавались от времени до времени в «Материалах по археологии России», где публиковались и исследовались группы однородных памятников, происходящих из одной какой-либо раскопки или находки. С 1901 г. предпринято было издание «Известий Археологической комиссии», где помещались отчасти отчеты о производимых раскопках, а главным образом научные обзоры отдельных групп памятников, руководящие статьи на различные археологические темы, связанные с находимыми памятниками, хроники и библиографии. Короче говоря, «Известия» являлись журналом, посвященным археологии, причем археологическим памятникам северного Причерноморья отводилось значительное место. Наконец, комиссия предпринимала отдельные монументальные издания типа упомянутой выше «Античной декоративной живописи на юге России».

Наряду с Археологической комиссией внесли свой вклад в изучение северного Причерноморья и существующие у нас археологические общества. Старейшее из них по времени основания Одесское общество истории и древностей (основано в 1839 г.) предпринимало небольшие раскопки (на островах Левке-Фидониси и Березани), принимало меры к поддержанию и сохранению приходивших в разрушение древних памятников, организовало прекрасный музей, напечатало в своих «Записках» много ценных работ, а также издало отдельно собрание терракот и керамических остатков из Феодосии, хранящихся в музее. В «Записках» классического и нумизматического отделений «Русского Археологического общества в СПб.» (основано в 1846 г.) помещено много статей по южнорусским древностям. По инициативе общества осуществлено было такое издание, как упомянутые выше «SC» и «IPE».

По таким основным линиям шло у нас добывание и изучение археологических источников, касающихся северного и северо-восточного Причерноморья в дореволюционную эпоху. Попытка подвести некоторые итоги была сделана в научно-популярном издании, предпринятом в 1889 г. И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым и носящем название «Русские древности в памятниках искусства» (первые два выпуска посвящены «классическим» и «скифо-сарматским» древностям нашего юга). Аналогичную попытку сделал в 1913 г. профессор в Кэмбридже Миннз (Ellis Minns) в своем большом труде «Scythians and Greeks», названном им «руководством по античной истории и археологии северного берега Черного моря от Дуная до Кавказа». Использовав русскую и иностранную литературу, дав подробный ее библиографический перечень, Миннз представил общий свод археологических, этнологических и исторических сведений, относящихся к указанной территории. В 1924 г. академик В. П. Бузескул во втором томе своей книги «Открытия XIX и начала XX в. в области древнего мира» (стр. 31—34, 139—151) дал обстоятельную картину изучения северного и северо-восточного Причерноморья за указанные хронологические периоды. Наконец, летопись археологических раскопок и открытий на Керченском и Таманском полуостровах можно найти в книге Ю. Ю. Марти «Сто лет Керченского музея» (Керчь, 1926). На немецком языке сжатый очерк под названием «Südrussland im Altertum» (Bonn—Leipzig, 1921) дал Эберт (M. Ebert); дополнением к этому очерку служат статьи, составленные Эбертом и другими учеными для большого словаря «Reallexikon der Vorgeschichte» (Berlin, 1924—1930) и основанные на широком привлечении археологического материала.

Не подлежит сомнению большое значение той работы, которая была проделана русскими археологами еще в дореволюцион-

ное время в деле открытия и изучения источников по северному и северо-восточному Причерноморью античной эпохи. Но работа эта имела и существенные недостатки. Перед состоявшей при ведомстве императорского дворца Археологической комиссией ставилась как основная цель раскопок задача пополнения музейных коллекций и в первую очередь коллекций Эрмитажа предметами, имевшими значительную художественную или материальную ценность. Этим определялся и характер раскопок. Важнейшая задача археологического исследования поселений неизбежно отодвигалась на второй план: раскапывались крупные курганы, а также городские некрополи, так как погребения сулили большие надежды на добывание ценных предметов. Случаи, когда все-таки и в дореволюционное время удавалось осуществить производство систематических археологических расследований древних поселений, являлись исключением; таким счастливым исключением была Ольвия, где Б. В. Фармаковскому удалось добиться возможности осуществления систематических и планомерных раскопок, непрерывно проводившихся им здесь с 1901 по 1915 г. Правда, в результате этих работ была вскрыта сравнительно небольшая часть территории Ольвии, но все же они дали представление о границах города в различные периоды его жизни, его планировке, его строительстве. В отношении других античных городов не было и этого. В Херсонесе были открыты очень интересные монументальные оборонительные сооружения, но античный город оставался в значительной мере еще нераскрытым. Из городов Боспорского царства ни один не был подвергнут в дореволюционный период систематическим и планомерным расследованиям, а попытка наладить такие исследования (мы имеем в виду раскопки пантикапейского городища К. Е. Думбергом в 90-х годах прошлого столетия), как известно, не встретила сочувствия у Археологической комиссии, и работы были прекращены как раз в тот момент, когда они могли дать ценные результаты.

За время империалистической и последовавшей за ней гражданской войны археологическая работа в причерноморской полосе, разумеется, должна была заглохнуть, но вскоре она возобновилась в новых условиях советского строя. На значительно расширенных основах бывш. Археологической комиссии возникла по декрету от 18 апреля 1919 г. (этот декрет был подписан В. И. Лениным), находившаяся в ведении Наркомпроса Российская (позже Государственная) Академия истории материальной культуры, просуществовавшая до 1937 г., когда она перешла в состав учреждений Академии Наук СССР и стала называться Институтом истории материальной культуры. По сравнению с прежней Археологической комиссией, Академия, а затем Институт получили более широкую организацию, причем в круг их деятельности, разумеется, вошло практическое и теоретическое исследование античных древностей северного Причерноморья. С 1924 г. Академией материальной культуры были возобновлены совместно с Академией наук УССР раскопки Ольвии, работы эти велись под руководством Б. В. Фармаковского. Затем исследования Ольвии всецело перешли в ведение Академии наук УССР и с 1935 г. систематически проводятся при участии сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Л. М. Славина, являющегося учеником Б. В. Фармаковского. Раскопки в Ольвии велись и ведутся как на территории города, так и его некрополя и дали большие результаты. Начаты были и разведочные работы по обоим берегам Буга с целью изучения местных поселений, находившихся в ближайшем к Ольвии районе.

В 1926 г. Херсонесским музеем были возобновлены раскопки Херсонеса, ведшиеся затем ряд лет под руководством К. Э. Гриневича. Одновременно (1928—1929 гг.) музеем предпринимались археологические исследования в окрестностях Херсонеса — на Гераклейском полуострове, где впервые подверглись широкому изучению, в том числе и раскопкам, остатки очень интересных укрепленных сельских усадеб античного времени, давно уже привлекавших к себе внимание ученых.

С 1932 г. раскопки в Херсонесе были перенесены в северный прибрежный район городища, где они ведутся уже много лет Г. Д. Беловым. Сведения об экономической жизни, культуре, искусстве Херсонеса значительно расширены благодаря этим раскопкам. Особенно ценным является открытие наиболее раннего Херсонесского некрополя (V—IV вв. до н. э.) с погребениями

греков и тавров. Большой интерес представляют также открытые остатки жилых домов эллинистического времени.

П. Н. Шульцем (в 1933—1934 гг.) обследовано северо-западное побережье Крыма. При этом выявлен ряд греко-скифских и скифо-сарматских поселений этого района, находившегося в сфере культурно-экономического влияния Херсонеса.

Археологические исследования на территории древнего Боспора возобновились в советский период прежде всего в виде разведочных работ, направленных на изучение остатков поселений, т. е. как раз той группы памятников, на которую почти совершенно не обращали внимания в дореволюционный период.

В 1927—1930 гг. Керченский археологический музей провел ряд удачных разведок по Керченскому полуострову. Они сразу же наглядно показали, насколько ценны боспорские городища как исторический источник и как много может дать их планомерное изучение для восстановления картины реальной жизни Боспорского царства в различные его исторические периоды.

В 1926—1927 гг. группой московских археологов во главе с А. С. Башкировым был обследован почти весь Таманский полуостров, что позволило собрать сведения, необходимые для составления археологической карты этого столь богатого памятниками района.

С 1932 г. начались планомерные многолетние работы Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР при участии Керченского музея, продолжавшиеся непрерывно до 1940 г. Объектом систематических раскопок, производимых названной экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича, явились два боспорских города: Тиритака (в 11 км к югу от Керчи) и Мирмекий (в 4 км к северо-востоку от Керчи). Исследования этих городов дали огромный и чрезвычайно разнообразный материал, который освещает самые различные стороны культуры древнего Боспора в ее историческом развитии. Представляются особенно ценными открытые при раскопках остатки многочисленных производственных сооружений (винодельни, рыбозасолочные постройки и др.), которые характеризуют хозяйственную жизнь боспорских городов, экономическое положение Боспора в разные периоды его существования.

Той же экспедицией были начаты (в 1938 г.), а Гос. Эрмитажем продолжены раскопки городища Нимфея (16 км южнее Керчи), где удалось открыть остатки святилища богини Деметры, существовавшего несколько столетий, начиная с VI в. до н. э.

На Таманском полуострове была сделана попытка начать широкие плановые археологические работы в 1930—1931 гг. Таманской экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Раскопки велись на Таманском городище и некрополе, на городище Фанагории и в других пунктах полуострова, производилось обследование всего района в целях составления археологической карты. К сожалению, эти работы оказались прерванными, а материалы экспедиции в большей своей части пока не опубликованы.

С 1936 г. стали производиться сначала под руководством А. П. Смирнова, а затем В. Д. Блаватского и М. М. Кобылиной систематические раскопки Фанагории — азиатской столицы Боспора. Изучению подверглось и городище, и связанный с ним некрополь. Впервые была выяснена стратиграфия культурных наслоений фанагорийского городища. Выявлено до 14 слоев, которые охватывают время от VI в. до н. э. до XIII в. н. э. Собран многочисленный материал, особенно керамический, открыты остатки различных построек. Все это характеризует различные периоды жизни Фанагории и определяет особенности ее культуры.

Заметный вклад в изучение Боспора внесла Северокавказская экспедиция, работавшая в 20-х годах на Кубани и на Дону под руководством А. А. Миллера. Указанной экспедицией произведены в 1928 г. разведки на Елисаветовском городище, в котором с полным основанием можно видеть остатки древней боспорской торговой колонии, основанной в V в. до н. э. в дельте Дона (в древности Танаис). Добытый археологический материал позволил уяснить яркие черты своеобразия культуры этого греко-сарматского города, лежавшего на отдаленной окраине Боспорского царства.

Необходимо также отметить разведочные и раскопочные работы, начатые краснодарскими археологами (М. В. Покровский, Н. В. Анфимов) по изучению городищ и мо-

гильников Прикубанья. Результаты этих работ имеют важное значение и проливают новый свет на развитие культуры меотских племен, часть которых находилась в древности в зависимом от Боспорского царства положении. На одном из самых больших прикубанских городищ (у ст. Елизаветинской) произвел раскопки В. А. Городцов. Последние показали, что это было наиболее крупное торговое и ремесленное поселение на средней Кубани; возможно, оно являлось торговой факторией Боспора.

Интересны также предпринятые в 1938 г. раскопки на так называемом Семибратнем городище (нижняя Кубань), представляющем собой остатки сильно укрепленного боспорского города, в котором обитало греко-синдское население.

Все перечисленные главные раскопки значительно обогатили запас наших сведений о северном Причерноморье не только разнообразными памятниками материальной культуры, в том числе и некоторыми новыми эпиграфическими памятниками, но и познакомили с такими сторонами античной культуры этого района, которые раньше нам были неизвестны. Примечательной особенностью новых археологических исследований, ведущихся в наше время, является их систематичность, планомерность. Вместе с тем очень важно, что они преследуют подлинно научные цели, поскольку их задачи определяются не погоней за отдельными эффектными, редкостными находками, а стремлением всесторонне изучить историю и культуру тех государственных образований, которые в античную эпоху существовали на северном побережье Черного моря. Параллельно с работой над новым археологическим материалом продолжалась работа по изданию и исследованию материала, известного уже ранее. Это нашло свое отражение в статьях, помещенных в «Известиях» (5 томов) и в «Сообщениях» (2 тома) Академии истории материальной культуры и других повременных изданиях.[1]

*Работы по изучению античных городов северного Причерноморья были прерваны Великой Отечественной войной. Вторжение фашистских войск в южные районы нашей страны, временная оккупация ими прилегающей к Черному морю территории нанесли огромный ущерб археологическим памятникам и музеям, связанным с хранением и изучением материалов по истории культуры северного Причерноморья в античную эпоху.

Но вскоре же после изгнания вражеских войск, уже в 1945 г., возобновились археологические работы, которые затем из года в год стали приобретать все более широкий размах, — и в Ольвии, и в Херсонесе, и на Боспоре.

Последнее десятилетие полевых исследований Ольвии, ведущихся под руководством Л. М. Славина (при постоянном участии Ленинградского отряда ИИМК — Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасев), характеризуется развертыванием работ на новых городских участках, ранее не подвергавшихся исследованию, а также началом планомерного изучения ольвийской периферии.

Разведочными работами охвачен большой район Буго-Днепровского лимана, как по правому, так и по левому берегам, что дало возможность составить подробную археологическую карту. На некоторых находящихся здесь древних поселениях начаты раскопки. На городище Ольвии впервые развернулись работы по изучению агоры догетского периода в центральной части верхнего города. Раскрыты остатки общественных и культовых зданий, большой водоем, найдены новые ценные эпиграфические памятники. Вновь начаты систематические раскопки на территории римской цитадели. На участке в районе Зевсова кургана открыты остатки больших жилых домов эллинистического периода, а в наиболее ранних слоях найдены интересные памятники скифской культуры.

В Херсонесе в течение последних лет продолжались раскопки (под руководством Г. Д. Белова) северного района города, где обнаружено много новых ценных материалов по истории культуры античного Херсонеса — открыты остатки жилищ эллинистического времени, винодельни первых веков нашей эры и т. д. Возобновлены и работы (их ведет С. Ф. Стржелецкий) по изучению сельскохозяйственной округи Херсонеса на Гераклейском полуострове.

Стали проводиться и работы по изучению городов северо-западной части Крыма, некогда входивших в состав владений Херсо-

[1] [Сведения об изучении античных городов северного Причерноморья в период после Великой Отечественной войны включены при подготовке статьи к печати. Начало и конец дополнительного текста отмечены звездочками. — *Ред.*].

неса. Здесь, на территории древней Керкинитиды (теперь Евпатория) и Калос Лимен (теперь пос. Черноморское,) произведен ряд раскопок М. А. Наливкиной, давших материалы по истории культуры названных городов.

Важное значение имеют начатые в 1945 г. и продолжавшиеся затем под руководством П. Н. Шульца (при ближайшем участии А. Н. Карасева) раскопки столицы скифского государства Неаполя (на окраине Симферополя). Эти исследования впервые дали представление о городской культуре скифов (с III в. до н. э. до III в. н. э.), очень своеобразной и в то же время заключающей в себе много таких черт, которые являются результатом тесных культурных взаимодействий между скифами и античными городами северного Причерноморья. Раскопками открыты остатки оборонительных сооружений Неаполя, а также, повидимому, царский родовой склеп с большим количеством захоронений и множеством разнообразных вещей, обнаруженный рядом с городскими воротами. С оригинальной живописью знакомят расписные склепы, открытые на окраине городища Неаполя.

Снова систематически ведутся (с 1945 г.) археологические исследования боспорских городов. Под руководством В. Д. Блаватского в течение ряда лет успешно производятся раскопки Пантикапея, значительно углубившие наши представления о столице Боспорского царства. Внесена бóльшая ясность в вопрос о границах города в различные периоды его существования, открыты жилища VI в. до н. э., установлено раннее возникновение ремесел, в частности керамического, получен интересный материал по хозяйственной жизни Пантикапея в первые века нашей эры — раскопаны большие зернохранилища, винодельни и др., найдено несколько новых важных эпиграфических памятников, освещающих существенные моменты истории Боспорского царства.

Возобновила и опять ведет изучение древних городов на Керченском полуострове Боспорская экспедиция, работающая совместно с Керченским музеем, под руководством В. Ф. Гайдукевича (при участии Е. Г. Кастанаян, А. П. Ивановой, Л. Ф. Силантьевой и др.). Продолжаются раскопки Мирмекия и Тиритаки, а с 1948 г. основным объектом раскопочных работ экспедиции стал город Илурат (в 17 км юго-западнее Керчи). Результаты раскопок Илурата — сильной боспорской крепости, существовавшей в период I—III вв. н. э., — представляют особый интерес. Прекрасно сохранившиеся оборонительные сооружения и остатки города внутри крепости раскрывают картину своеобразного боспорского поселения, возникшего в середине I в. н. э. в качестве мощного военного опорного пункта на подступах к Пантикапею. Город Илурат был военно-земледельческим поселением; его жители, основной состав которых принадлежал к аборигенному эллинизованному населению, выполняли функции гарнизона крепости.

На материалах раскопок Илурата раскрывается яркая картина своеобразия культуры Боспора в первые века нашей эры как результат длительного культурного взаимодействия боспорских эллинов с местными племенами.

Раскопки последних лет в Нимфее, ведущиеся М. М. Худяком, завершили исследование святилища Деметры, обнаружили остатки оборонительной стены и ряд других сооружений. Исследование ранних культурных отложений Нимфея показало весьма интенсивную жизнь этого города в VI—V вв. до н. э., являвшегося, очевидно, в то время очень важным торговым центром в Боспоре Киммерийском. Заслуживают большого внимания остатки раннего керамического производства, открытого в Нимфее в районе святилища Деметры.

Ведущиеся с 1947 г. раскопки Киммерика, самого отдаленного от Пантикапея боспорского города в пределах Керченского полуострова, также оказались плодотворными. Особенно удачными были здесь работы И. Т. Кругликовой, открывшей жилой дом VI—V вв. до н. э., под которым обнаружены культурные отложения II и начала I тысячелетий до н. э. Таким образом, в Киммерике открыты значительные следы жизни местного населения, протекавшей здесь до греческой колонизации, еще в доскифский период.

Предпринятые И. Б. Зеест в последние годы пробные раскопки в Феодосии показали, что под мощными средневековыми культурными напластованиями так называемого Карантинного холма сохранились остатки и античной Феодосии. Это открывает перспективы дальнейшего ар-

хеологического изучения последней в более широком масштабе.

Развернулись снова и работы на Таманском полуострове. М. М. Кобылиной ведутся раскопки Фанагории как на территории городища, так и на некрополе. Особенно интересны исследования ремесленного квартала с гончарными печами. А. С. Башкиров и Ю. С. Крушкол раскапывали Патрей, где открыты остатки города различных периодов, в том числе хорошо сохранившаяся винодельня II века нашей эры. Обследован так называемый Киммерийский вал. В самое последнее время экспедицией В. Д. Блаватского начаты систематические археологические исследования на Таманском полуострове в целях изучения античных сельских поселений. Разведки в Анапе позволили уже в главных чертах выяснить границы древней Горгиппии. Привлекают к себе внимание и ценные результаты вновь систематически проводимых Н. В. Анфимовым раскопок на Семибратнем городище.

Кроме кратких отчетов о раскопках античных городов северного Причерноморья, систематически печатающихся в «Кратких сообщениях ИИМК АН СССР», а также отдельных публикаций в «Советской археологии» и «Вестнике древней истории», опубликован ряд капитальных изданий археологических материалов и исследований, суммирующих результаты многолетних исследований советских археологов-античников.[1]

В последнее время издан ряд монографических работ обобщающего характера.[2]

Основной особенностью современного, советского периода в изучении истории и культуры античных государств северного Причерноморья является то, что наши ученые ведут исследования на основе марксистско-ленинского учения о законах общественного развития. В соответствии с этим уделяется большое внимание прежде всего изучению экономики античных городов, их социально-экономического строя, которым определялся весь характер их культуры.

Вместо нарочитой погони за находками редкостных «антиков», отдельных эффектных вещей, — главным образом в виде произведений античного искусства, что было присуще дореволюционному периоду исследований северного Причерноморья, — советские исследователи планомерно осуществляют широкие исследования северопричерноморских античных государственных образований с целью всестороннего выяснения их исторического развития, экономического и культурного. При этом важнейшей задачей, как и для всей исторической науки, является раскрытие «истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, истории народов».[1]

Большое внимание уделяется советскими исследователями проблеме взаимоотношений античных городов северного Причерноморья с местным населением. Характерной чертой дореволюционной буржуазно-дворянской науки является неправильное освещение роли античных греческих государств в отношении к местному населению. Последнее до крайности принижалось, трактовалось как некий «другой мир», лишенный своих культурных достижений, предельно примитивный. Местному населению историки приписывали только усвоение античной культуры, само же местное население никакого влияния на формирование культуры античных городов якобы не оказывало. Совершенно с иных позиций подходят к этому вопросу советские исследователи. Не подлежит сомнению, что античные государственные образования, возникшие в результате греческой колонизации и обладавшие высокоразвитой

---

[1] См.: Ольвия, I. Киев, 1940; МИА, № 4, 1941 (итоги исследований Тиритаки и Мирмекия за 1932—1934 гг.); МИА, № 19, 1951 (исследование Пантикапея, Фанагории, Харакса); МИА, № 25, 1952 (итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.).

[2] В. Д. Блаватский. Искусство северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1947. — Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948. — А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1948. — В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949. — Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949. — Д. П. Каллистов. 1) Очерки по истории северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1948; 2) Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. — А. И. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951. — Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. — А. П. Иванова. Искусство античных городов северного Причерноморья. Л., 1953. В то время, когда уже печаталась настоящая книга, вышли еще работы:

В. Д. Блаватский. 1) Земледелие античных государств северного Причерноморья. М., 1954; 2) Очерки военного дела античных государств северного Причерноморья, М., 1954.

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1946, стр. 116.

культурой, оказывали глубокое влияние на местное население — скифов, сарматов, меотов и т. д., с которыми эти государства находились в определенных, прежде всего экономических, взаимосвязях. Но сейчас уже прочно установлено, что культура античных городов северного Причерноморья, хотя и была всегда в основе своей греческой, приобретала с течением времени немало черт яркого своеобразия.

Это было обусловлено тем, что местное население, жившее вблизи античных городов, а частично обитавшее в этих городах, являлось важным фактором в развитии культуры античных городов. Оно придавало их эллинской культуре много таких особенностей, которые не свойственны культуре древней Греции. Проблема культурного взаимодействия занимает сейчас в исследованиях советских античников очень важное место, особенно в работах по Боспору, где это взаимодействие наиболее интенсивно проявлялось вследствие этнической смешанности населения государства, в жизни и развитии которого играли роль не только греки, но и местное население.

Не подлежит сомнению, что только при условии учета процесса взаимодействия между греческой культурой античных городов и культурой местного населения можно дать правильное представление о развитии древней культуры северного Причерноморья в ее конкретных проявлениях на определенных территориях.*

Из представленного сжатого очерка видно, каким богатым и разнообразным запасом археологических источников мы располагаем для воссоздания истории культуры северного и северо-восточного Причерноморья в античную эпоху. Если прибавить этот материал к материалу литературному и эпиграфическому, то окажется, что его не так мало, как могло бы показаться на первый взгляд.

Правда, все эти материалы страдают одним недостатком, общим, впрочем, для истории греческой и римской культуры: они отрывочны, неравномерно распределены хронологически, неравноценны по своему содержанию и удельному весу. Но удовольствуемся тем, что имеем, и, не задаваясь несбыточным пока заданием: дать исчерпывающую историю культуры античных государств северного Причерноморья в античную эпоху, попробуем в ряде очерков осветить хотя бы основные стороны этой культуры — культуры, своеобразной по своему характеру, так как в ней элементы греческие тесно переплетаются с элементами местными, скифскими, меотскими и сарматскими.

В. Ф. Гайдукевич

ИСТОРИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Колонизация греками северного Причерноморья является одним из этапов широкого колонизационного движения, охватившего древнегреческий мир на протяжении VIII—VI вв. до н. э. Это был период, когда в самой Греции и в местах расселения греков на островах Эгейского моря, а также в прибрежной полосе западной части Малой Азии завершался процесс ломки старых патриархально-родовых общественных отношений. На смену им шел рабовладельческий строй, ставший основой существования городов-государств. Особенно быстрыми темпами протекал этот процесс формирования рабовладельческого способа производства в тех греческих центрах, которые были втянуты в интенсивную морскую торговлю. Последняя стимулировала широкое развитие промыслов, ремесел, в которых все более расширялось применение труда рабов. Сельское хозяйство также приспосабливалось к потребностям торгового обмена, что выражалось в усиленном развитии таких отраслей хозяйства, как оливководство и виноградарство, ибо оливковое масло и вино являлись очень выгодными товарами для экспорта.

Внедрение рабского труда во все отрасли производства наиболее развитых торгово-промышленных городов при неуклонном росте численности их населения создавало «избыточное население». В его состав входили разорявшиеся рядовые земледельцы, которые оказывались без земельной собственности.

Развернувшаяся острая борьба за переделы земли не могла полностью решить аграрной проблемы. Дробление земельных наделов в конечном итоге также приводило к обезземеливанию известной части мелких собственников.

Наряду с этим большие трудности испытывали и мелкие производители в городах. Им было не под силу конкурировать с рабовладельческими эргастериями, т. е. с мастерскими, владельцы которых имели возможность достаточно широко использовать рабский труд.

Таким образом, вступавший в действие рабовладельческий способ производства создавал в греческих полисах, городах-государствах, притом в наиболее передовых из них, то «относительное перенаселение», которое принуждало часть жителей этих полисов покидать свои насиженные места и уходить на жительство подчас в весьма отдаленные от родины области.

Так стали возникать, начиная с VIII в., греческие колонии в Сицилии, южной Италии, северной Африке и т. д. (рис. 1).

Сопровождавшая становление рабовладельческого способа производства внутренняя социальная борьба в греческих полисах, направленная главным образом на ликвидацию остатков родового строя, являлась

еще дополнительным фактором в развитии колонизационного движения.

Группы жителей, терпевшие неудачи, поражение в этой борьбе, недовольные новыми социально-политическими порядками, также уходили в колонии.[1]

К. Маркс писал: «В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция».[2]

Следовательно, коренной причиной, порождавшей древнегреческую колонизацию, был тот способ производства, который являлся основой греческих государств и который в свою очередь определялся соответствующим уровнем развития производительных сил.

Условия материальной жизни наиболее экономически развитых полисов создавали перед их гражданами неотвратимую дилемму: или при неограниченном росте численности свободного населения самим гражданам, вернее известной части их, пришлось бы превращаться в непосредственных производителей материальных благ, так как возможности поступления рабской силы извне были ограничены; или часть населения должна была уходить на чужие земли с тем, чтобы там в материальном производстве использовать физический труд туземного населения и тем самым сохранить за собой положение «свободных граждан».

Греческие колонии никогда не возникали в безлюдных, незаселенных местах. И это понятно. Колонии могли существовать там, где открывались возможности использования природных ресурсов путем развития сельского хозяйства, организации различных промыслов и ремесел, но при условии, что в числе этих «местных ресурсов» было самое главное — те человеческие контингенты, которые можно было заставить работать на колонистов, в качестве ли просто рабов, или в качестве зависимых полусвободных производителей.

Греческая колонизация была теснейшим образом связана с торговлей: многие колонии после их основания играли важную роль в ее развитии, открывая широкие возможности для сбыта промышленной продукции греческих центров и получения сырьевых ресурсов, а также рабов.

Морская торговля греков вместе с тем создавала благоприятную почву для самой колонизации. Купцы, на ранних этапах развития греческой торговли часто совмещавшие в своем лице и пиратов, отважно бороздили моря, проникали в погоне за наживой в самые отдаленные части доступной для мореплавания ойкумены — вплоть до Геракловых столбов (Гибралтар) в Средиземноморье и северного побережья Понта Евксинского (Черное море).

Во многих прибрежных местах купцы организовывали эмпории — более или менее постоянные пункты торгового обмена. Через эмпории налаживался регулярный обмен с местными племенами, жившими обычно еще родо-племенным строем. В торговле с греками, как правило, становились заинтересованными руководящие слои местных племен — вожди племен, родовая верхушка туземных общин. Именно они извлекали немало выгод, вступая в торговые сношения с греческими купцами, ибо в руках родо-племенной верхушки сосредоточивался прибавочный продукт, который шел в обмен на греческие товары — вино,

---

[1] Образная характеристика греческих колоний как убежища для недовольных существующим строем у себя на родине имеется у Платона. В одном из его сочинений государственным законам приписаны такие рассуждения: «Кому мы не нравимся, тот может взять свое имущество и уйти, куда ему угодно. И ни один из нас, законов, не препятствует и не запрещает желающему из вас отправиться в колонию, если мы и государство ему не нравимся». (Платон. Критон, 51Д).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 278.

оливковое масло, художественную глиняную и металлическую посуду, ткани и т. д.

Эти торговые связи, производившиеся через эмпории, создавали у верхушечных слоев аборигенного населения интерес к расширению торгового обмена с греками, к превращению его в постоянный фактор.

Поэтому-то очень часто греческие колонии и основывались на месте уже ранее существовавших торговых эмпориев. Последние как бы «перерастали» в регулярно построенные греческие города-колонии, не встречая активного сопротивления со стороны местного населения, руководящая верхушка которого, соблазняемая выгодами торговли, не считала нужным противодействовать оседанию греческих колонистов.

Нельзя не согласиться с С. А. Жебелевым, который писал: «Вообще было бы неправильно рассматривать греческую колонизацию как своего рода ряд разбойничьих набегов или вооруженных экспедиций.

Последние были бы немыслимы, так как число являвшихся колонистов значительно уступало количеству туземного населения, окружавшего или жившего по соседству с основанной колонией».[1]

Следовательно, нет основания рассматривать греческую колонизацию в целом как процесс, неизменно осуществлявшийся посредством вооруженного вторжения в колонизуемые области. Но и такой «мирный» путь внедрения в колонизуемые области греков отнюдь не мешал им в дальнейшем порабощать рядовое местное население, превращать его в эксплуатируемую массу непосредственных производителей. Однако этот процесс был более сложным, нежели простое завоевание и захват с помощью открытого насилия, ибо здесь важную роль играло соединение экономических интересов верхушечных слоев местных племен с интересами колонизаторов-греков, что и позволяло последним закрепиться в колонии.

Вместе с тем история греческой колонизации знает ряд примеров, когда местное население, особенно в густо заселенных земледельческих районах, оказывало упорное сопротивление колонистам, изгонявшим силой коренных жителей и обращавшим последних в рабство. Упорной борьбой с сикулами ознаменовано основание ряда греческих колоний в Сицилии.[1]

Иногда сопротивление туземного населения представлялось настолько непреодолимым, что греки в таких местностях не могли создать своих колоний. Так, например, успешно сопротивлялись греческой колонизационной экспансии ликийцы на южном побережье Малой Азии. Показательна в этом отношении также история основания Кирены — греческой колонии в северной Африке. В ответ на бесцеремонное хозяйничанье греческих колонистов, деливших между собой земли, заселенные ливийцами, последние оказали грекам отпор, обратились за помощью к египетскому царю и таким путем несколько ограничили захватническую деятельность греков.

Как правило, греческие колонии, возникавшие обычно в прибрежной полосе, далеко вглубь материка не распространялись. Это и дало основание Цицерону сказать, что в некоторых случаях береговая линия, заселенная греками, «оказывается как бы пришитой к варварским полям» (barbarorum agris quasi attexta videtur).[2]

В колонизации берегов Черного моря руководящая роль принадлежала не материковой и не островной, а малоазиатской Греции, в частности той ее области, которая носила название Ионии и охватывала западное побережье Малой Азии от Измирского залива до залива Мандалья. Берег Ионии, окаймленный островами, обладал прекрасными гаванями, почва ее была очень плодородной. Однако не столько земледельческое хозяйство, сколько развитие обрабатывающих промыслов, а также ремесел и связанная с ними торговая деятельность стояли в центре внимания обитателей ионийских городов, которые, будучи расположены главным образом по берегу, имели возможность легко сообщаться с окружающим их миром по морю, а сверх того вести и караванную торговлю с внутренними областями Малой Азии. По преданию, ионийцы были выходцами из Аттики, откуда они должны были бежать под напором дорийцев. К этим переселенцам из Аттики,

---

[1] С. А. Жебелев. Греческая колонизация. Глава в книге: История древнего мира, т. II — Древняя Греция, ч. I, Л., 1936, стр. 153.

[1] Ф. Соколов. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865, стр. 182 сл., 231 сл.

[2] Цицерон. О государстве, II, 4.

которые принадлежали к ионийскому племени, присоединились греки из других племен. Обосновавшись на новом месте жительства, переселенцы объединились в союз, состоявший из 12 городов (вместе с островами Хиосом и Самосом). Центром союза стал так называемый Панионион на мысе Микале, где справлялся общий культ Посейдона. В политическом отношении каждый из союзных городов сохранял свою независимость. Из этих городов первое место сначала принадлежало Эфесу, но вскоре оно перешло к Милету, считавшемуся самой цветущей из ионийских колоний Малой Азии.

Плодородная почва области Милета, пригодная для разведения зерновых культур, для виноградников и фруктовых деревьев, изобиловала также превосходными пастбищами. Со стороны суши Милет было нетрудно защитить. Доступ в обе бухты, между которыми находился Милет, прикрывался группой небольших островов. Город имел в своем распоряжении четыре гавани. Все это позволило Милету стать со временем первоклассным торговым центром. К этому присоединилось еще и то, что Милет сумел наладить мирные взаимоотношения с соседними крупными восточными державами, а когда между последними возникали напряженные отношения, держался строгого нейтралитета.

Главным предметом хозяйственной деятельности Милета было овцеводство, выработка и обработка овечьей шерсти; милетские изделия из нее славились еще в I в. до н. э. Наряду с этим Милет был известен также изготовлением особого сорта мебели; несомненно было в Милете и свое керамическое производство. Позднее Милет вел также и посредническую торговлю, продавая получаемый им, в особенности из причерноморских городов, зерновой хлеб. Для нужд экспорта были построены гавани у храма Афины; там были сооружены большие амбары и винные погреба. В связи с широким развитием торговли и судоходства в Милете сравнительно рано должна была найти распространение письменность, достигшая уже в VII в. значительного развития. В VII в. Милет был не только крупным промышленным и торговым городом — он занимал передовое место и как центр культурный. Достаточно напомнить, что из Милета происходил родоначальник греческой философии и науки Фалес, один из «семи мудрецов».

В начале VII в. Милету грозила катастрофа — вторжение в соседнюю с Ионией Фригию киммерийцев. Милет предотвратил эту опасность возведением мощных укреплений. В то же время сильно окрепло Лидийское царство. Будучи отрезанным от общения со странами, расположенными в глубине материка, Милет вынужден был еще более усилить морскую торговлю. Вместе с тем началась широкая колонизационная экспансия Милета. По свидетельству Плиния,[1] «Милет, столица Ионии... был родоначальником свыше 90 городов, рассеянных по всем морям». И тут возникает вопрос: как могло хватить у Милета людей для заселения столь большого числа мест, если даже считать даваемую Плинием цифру преувеличенной? Вероятно, некоторые из основанных Милетом поселений были только факториями, недоразвившимися до положения колоний; с другой стороны, как это бывало неоднократно, к выселенцам из Милета присоединялись колонисты из других малоазийских городов. Как бы то ни было, ясно, что уже в VII в. до н. э. в Милете создались те условия, которые заставляли часть его жителей уходить в колонии.

Здесь нужно отметить коренное различие античных греческих колоний по сравнению с колониями эпохи капитализма. Колонии нового времени, будучи основаны тем или другим из европейских капиталистических государств, находятся в теснейшей политической и экономической зависимости от последних. Метрополия беспощадно эксплуатирует свои колонии, за счет этой эксплуатации обогащается класс капиталистов, их государство. Так как в древности единого греческого государства не существовало, а был ряд отдельных греческих городов-государств (полисов), то их колонии мы можем называть греческими лишь в этническом смысле, поскольку эти колонии были и основаны, и населены греками, на самом же деле каждая из греческих колоний была колонией той метрополии, из которой она была выведена. Будучи поселениями греков в чужой стране, греческие колонии с момента своего основания становились самостоятельными государст-

[1] Plin., N. H., V, 112.

венными образованиями, ни в политическом, ни в экономическом отношениях не зависящими от своих метрополий. Каждая из колоний имела свою собственную конституцию, которая могла совпадать, но могла и не совпадать с конституцией метрополии. Население колоний составляло гражданство колонии, а не метрополии. Колония имела свои законы, свои суды, своих должностных лиц, чеканила свою монету, проводила свою как внутреннюю, так и внешнюю политику, независимо от метрополии. Отношения колонии к метрополии не имеют ничего общего с подчинением первой последней; эти отношения скорее напоминают, как это было отмечено уже в древности, отношения детей к родителям. Связь между колонией и метрополией поддерживалась часто торговыми сношениями. Она же находила свое выражение в том, что и в колонии, и в метрополии нередко существовали одинаковые религиозные культы, принесенные из метрополии, что колонии и метрополии пользовались одинаковым календарем, сохраняли некоторые одинаковые обычаи и т. п. В случае нужды колонии иногда обращались за помощью к метрополии и наоборот, но эта помощь не носила никакого принудительного характера.

Порядок основания колонии (ἀποικία) был обусловлен соблюдением определенных формальностей. Город, отправлявший колонистов, назначал из среды своих граждан руководителя колонии, так называемого ойкиста (οἰκιστής), или же последнего избирали сами колонисты.[1] На обязанности ойкиста при основании колонии лежало прежде всего разделить на земельные участки между колонистами территории колонии, была ли она добыта путем насильственного захвата или по договору с руководящей верхушкой местных племен. Ойкист руководил выработкой конституции колонии, которая в дальнейшем испытывала или могла испытывать те или иные изменения в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Если колония учреждалась в результате происходившей в метрополии социальной борьбы, в колонию отправлялись обыкновенно граждане побежденной группы со своими семьями. Если же колония учреждалась по инициативе самого государства, то последнее имело право отправить колонистов только из определенных слоев населения или бросать жребий между всеми гражданами.

Не может быть сомнения, что планомерной колонизации Милетом черноморских берегов предшествовали поездки на Черное море милетских мореходов по их личной инициативе, но, возможно, и по поощрению со стороны милетских властей. Из этих поездок мореходы возвращались не с пустыми руками, а привозили с собой образцы того сырья, которым Причерноморье славилось. Рассказывали, надо полагать, мореходы и о тех местных жителях, с которыми им приходилось сталкиваться и с которыми они обменивались привезенными с собой товарами. Так подготовлялась почва для основания колоний в прямом значении этого слова. Колониям в большинстве случаев, как сказано выше, предшествовало учреждение торговых факторий, эмпориев.[1]

Чтобы попасть в Черное море, нужно было предварительно утвердиться на морских путях, ведущих к нему из Эгейского моря: на Геллеспонте (теперь Дарданеллы) и Пропонтиде (Мраморное море); самый термин «Пропонтида» означает «преддверие Понта», т. е. Черного моря. И вот уже около 670 г. до н. э. милетцами был основан на азиатской стороне Геллеспонта город Абидос. В первой же половине VII в. Милетом основан был на южном берегу Пропонтиды славившийся своими рыбными ловлями Кизик и был занят лежавший против него остров Проконнес, богатый ломками мрамора. Лишь утвердившись на путях, ведущих в Черное море, Милет обратился к колонизации его берегов, причем эта колонизация началась, очевидно, с южного берега Черного моря, где, по некоторым данным,

[1] С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 149.

[1] О торговых «доколонизационных» сношениях греков с северным Причерноморьем см.: Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 90 сл. Спорадические связи между Эгейским бассейном и Черноморьем, может быть, уже существовали во второй половине II тысячелетия до н. э., когда они осуществлялись карийцами; см.: Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 15 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 14—15; А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 66—67.

уже в VIII в. греки пытались обосноваться в Синопе, но были затем изгнаны оттуда киммерийцами; повторное заселение Синопы милетянами произошло позднее — в течение последних десятилетий VII в. до н. э.[1] В конце VII—начале VI в. до н. э. возникли греческие колонии на западном берегу Черного моря, из них Аполлония, Одесс, Томы, Истрия и Тира были колониями милетскими.[2]

В конце VII в. до н. э. было основано греческое поселение, повидимому, являвшееся крупным эмпорием на о. Березань, — древнейшее греческое поселение в северном Причерноморье. Существование его облегчило несколько позднее, но в пределах еще первой половины VI в. до н. э., основание крупной милетской колонии Ольвии на правом берегу р. Буг, близ впадения его в Днепровско-Бугский лиман.

Весьма значительной была роль Милета в колонизации северо-восточного отрезка Черного моря, точнее говоря — Боспора Киммерийского (Керченского пролива), его европейской и, следуя античной терминологии, азиатской частей, что в переводе на современный язык означает побережья Керченского и Таманского полуостровов. Там в течение VI в. были основаны колонии: Феодосия (теперь Феодосия), Пантикапей (теперь Керчь), на азиатском берегу Боспора — Кепы. Может быть, к числу милетских колоний должно отнести и Мирмекий (к северо-востоку от Пантикапея) и некоторые другие. Кроме милетских колоний, на побережье Боспора Киммерийского были основаны Фанагория (станица Сенная на Таманском полуострове) — выходцами из ионийского города Теоса, Гермонасса (теперь Тамань) — ионийцами совместно с жителями из г. Митилены. Обилие колоний, связанных с Боспором Киммерийским, показывает, какое важное значение придавал его колонизации Милет и другие ионийские города. Это было обусловлено не только экономическими, но и социально-политическими причинами.

Дело в том, что в конце VII в. Милету пришлось выдержать упорную и неудачную для него борьбу с Лидией, окончившуюся заключением союза с этим государством. Может быть, в связи с этим, в Милете, где к VIII в. существовал олигархический строй, опиравшийся сначала на аристократию, а затем на плутократию, возникла тирания, т. е. насильственный захват власти со стороны Фрасибула, занимавшего до тех пор высшую правительственную должность притана. Это было в конце VII—начале VI в. до н. э. По имеющимся свидетельствам древних писателей, время тирании Фрасибула было временем высшего расцвета Милета. При нем началась чеканка милетской монеты из электра. После смерти Фрасибула были еще кратковременные тирании, а затем Милет вступил в длительный, продолжавшийся около 60 лет период гражданских войн, когда в городе боролись две партии: партия богатых судовладельцев и купцов и партия демоса, состоявшая из ремесленников и мелких землевладельцев. Первая партия носила название πλουτίς — «богатеи», т. е. лица, жившие на свои капиталы, вторая χειρομάχα, т. е. лица, трудами рук своих борющиеся за свое существование и добывающие себе средства к жизни.[1] У «богатеев» были и другие клички, данные им, очевидно, в насмешку. Они назывались ἀειναύται — «вечные мореходы»: вечными странствованиями по морям с торговыми целями сколотили они свои богатства. Борьба между обеими партиями велась ожесточенно, и господство переходило в руки то одной, то другой из них. Возможно, что в конце концов, превосходство оказалось бы на стороне «вечных мореходов», если бы среди них самих не начались раздоры. При создавшемся положении вещей милетянам не оставалось ничего другого, как прибегнуть к часто практиковавшемуся в таких случаях средству — обратиться к посредничеству другого государства. Таковым был выбран Парос на одноименном острове. После того как враждующие партии примирились, власть в Милете перешла в руки средних собственников. Из их числа стал избираться главный магистрат Милета, носивший название эсимнета. По милетским документам, первый эсимнет засвидетельствован для 525/24 г. Младший современник происходившей в Милете сословной борьбы милетский поэт Фокилид, желает этим «средним» наибольших

[1] Ср.: F. Bilabel. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, стр. 30 сл.

[2] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., стр. 13 сл. — Хр. М. Данов. Западният бряг на Черно море в древността, София, 1947.

[1] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 57 сл.

благ; он сам желал бы быть в городе «средним». А Геродот говорит, что при «средних» Милет, «жемчужина Ионии», процветал как никогда. Есть основание полагать, что именно к последнему периоду внутренней борьбы в Милете относится окончательное водворение милетцев и в пределы Киммерийского Боспора. Период колонизационного освоения северного Причерноморья охватывает, таким образом, весь VI век. В 499 г. начинается ионийское восстание. Пять лет спустя Милет был разрушен персами. Правда, вскоре он возродился вновь, но тогда пора греческой колонизации была уже позади.

Значительно позднее, во второй половине V в., в северном Причерноморье водворились дорийцы, имевшие там лишь одну колонию — Херсонес Таврический (около теперешнего Севастополя), это была колония Гераклеи Понтийской, большого города на южном берегу Черного моря.

Что касается колонизации милетянами юго-восточного берега Черного моря, точнее сказать, Колхиды, то легенда, разумеется, приводила эту колонизацию в связь с «походом аргонавтов», но на самом деле основание колоний Диоскуриады (на месте Сухуми) и Фасиса (теперь Поти) вряд ли произошло ранее второй половины VI в. и осуществлялось, может быть, выходцами не из самого Милета, а из одной из милетских колоний на южном берегу Черного моря, с которыми Фасис и Диоскуриада были в течение всего их существования в тесных сношениях.

Чтобы уяснить себе основные причины, вызвавшие черноморскую колонизацию, необходимо принять во внимание те экономические и социально-политические условия, в которых протекала жизнь греческих полисов в VII и VI вв. Как уже отмечалось, эти века как для материковой, так и для островной и малоазийской Греции были периодом формирования рабовладельческого общества. Во многих местах возникала борьба между демократией и отстаивающей свои родовые привилегии аристократией. Результатом этой борьбы, особенно когда одна из боровшихся групп терпела поражение, была эмиграция. Вместе с тем в связи с ростом греческих городов увеличивалась потребность в продовольствии; для удовлетворения этих потребностей местных ресурсов нехватало, особенно зернового хлеба, в котором греческие города с большим их населением испытывали недостаток. С другой стороны, вместе с ростом городов ра вались различные промыслы и реме для которых местного сырья или было м или оно отсутствовало совершенно; о ощущалась нужда и в рабской силе. «относительное перенаселение» в грече полисах, на которое указал К. Маркс на главный стимул колонизационного жения греков, в сочетании с экономиче заинтересованностью греческих полисов в плуатации «варварской периферии» и лись основой, на которой в течение VI VI вв. греческие колонии широко рас странились от испанского побережья в диземном море до Меотиды (Азовское м Надо полагать, что в северное Приче морье устремились преимущественно ние слои населения ионийских горо а из верхушки, вероятно, потерпевшие п жение в происходившей в Милете бо «вечные мореходы», обосновавшиеся, м быть, главным образом в Пантикапее.

Лиманы, заливы, бухты и проливы верного Причерноморья представляли б шие преимущества для защищенной от в стоянки судов. Реки восточной Евр Дунай, Днестр, Буг, Днепр, Донец, Кубань — открывали грекам возможн проникать вглубь причерноморских сте Как устья, так и нижние течения этих создавали прекрасные условия для р ловства. Соленые озера у Буго-Днеп ского лимана по западному побере Крыма и по берегам Меотиды служили гатым источником для добывания соли главным богатством северного Приче морья был тучный чернозем причерномор степей. Плодородная земля была как не более пригодна для культуры ячменя, ницы и проса. Богатые травой степи и лины балок (оврагов) и рек представл все условия для развития скотоводства. исключительно благоприятные условия зволили греческим колониям северного черноморья организовать широкий экс пшеницы, а также вяленой или соленой р мехов, кож, шерсти и пр. Все же основ продуктом вывоза из северногоПричерном служил зерновой хлеб; несомненно эта ст вывоза играла важную роль при основ северночерноморских колоний.

Греки называли обыкновенно Черное просто «Морем» (Πόντος). Лишь ин к слову «Понт» прибавлялось определ «Евксинский», т. е. «Гостеприимный».

кое название Черному морю дано было греками уже после того, как они прочно обосновались на его берегах. До тех же пор, пока по Черному морю плавали на свой риск и страх лишь отважные мореходы-пираты, оно будто бы называлось «Аксинским», т. е. «Негостеприимным». Все это, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимонаучными комбинациями греческих ученых. В действительности дело, вероятно, обстояло так: когда первые греческие мореплаватели по Черному морю столкнулись с обитавшими по его берегам туземцами, они, естественно, заинтересовались как окружающее их море зовется, и местные жители отвечали на своем языке «Ашхаейна», что в переводе с иранского значит «темное», «мрачное», очевидно, от обычного цвета воды Черного моря. Греки стали подбирать к этому слову свое, однозвучное название, и отсюда получилось название Ἄξεινος — «Негостеприимное», а от последнего легко создалось и название Εὔξεινος — «Гостеприимное». И Черное море в продолжение всей истории античного мира оправдало это наименование, ибо причерноморские колонии снабжали античный мир продуктами первой необходимости. Но значение Понта Евксинского было еще больше. Причерноморские колонии расширили область распространения античной культуры. Благодаря этим колониям границы античного мира значительно раздвинулись: через проливы и Эгейское море Черноморье соединилось со Средиземноморьем — очагом античной культуры.

Этот факт имел большое значение и для истории нашей родины. Основание греческих колоний в северном Причерноморье положило начало почти тысячелетнему сосуществованию в тесном экономическом, политическом и культурном общении пришлого греческого и местного населения, стоявших на различных ступенях социально-экономического развития. Столь длительная совместная жизнь не могла пройти бесследно ни для коренных жителей страны, ни для греческих колонистов. И действительно, можно наблюдать, как начавшийся с появлением греков процесс взаимного проникновения культур со временем породил явления не только чрезвычайно своеобразные, но и полные глубокого исторического значения. Без их учета не может обойтись история античного мира в целом и, что особенно важно для нас, не может быть полной и история нашей родины, неотъемлемую часть которой составляет история северного Причерноморья античной эпохи.

Итак, в VI—V вв. до н. э. на северном побережье Черного моря возникли следующие наиболее крупные греческие рабовладельческие колонии: Ольвия (у Бугo-Днепровского лимана), Херсонес (в Крыму, близ Севастополя) с принадлежавшей ему территорией вдоль западного крымского побережья и ряд городов — Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Фанагория и др. (в районе Керченского пролива), объединение которых затем привело к образованию Боспорского государства с обширными владениями по обеим сторонам пролива. Поименованные античные государственные образования на всем протяжении своей тысячелетней истории существовали раздельно, самостоятельно. Это, конечно, не исключало наличия между ними в различные периоды тех или иных экономических и политических отношений. Однако они никогда не были объединены в одно целое и не составляли какого-либо единого государства, за исключением того кратковременного периода, когда все греческие города северного Причерноморья были подчинены в первой половине I в. до н. э. Митридату Евпатору и являлись тогда составной частью Понтийского царства.

В соответствии с этим ниже даются краткие очерки истории каждой из греческих колоний северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса, Боспора), в целях ознакомления читателя в главных чертах с историческими судьбами каждой колонии и специфическими их особенностями, без учета которых нельзя правильно понять античную культуру всего северного Причерноморья в целом.

ОЛЬВИЯ

С самого начала возникновения торговых сношений греков с северным Причерноморьем, еще до основания там постоянных городов-колоний, ионийские купцы-мореходы должны были обратить внимание на тот пункт побережья, где устья двух больших рек Скифии — Гипаниса (Буг) и Борисфена (Днепр) — вливаются в общий лиман, впадающий далее в Понт Евксинский. Легко было заметить, что, утвердившись близ устья этих двух крупнейших рек, греческие купцы получили бы возможность широких торговых сношений с местным насе-

лением, используя для этой цели указанные выше реки с их притоками, уходящими далеко вглубь страны. Поэтому уже во второй половине VII в. до н. э. в Черном море, у входа в Днепровско-Бугский лиман, на небольшом острове (теперь о. Березань)[1] возникло греческое ионийское поселение. Это была первая торговая и рыбопромысловая база ионийцев, эмпорий, через посредство которого осуществлялись в наиболее ранний период торговые сношения грековионийцев со скифским населением Побужья и Поднепровья.[2] Однако место, выбранное для устройства этого эмпория, страдало серьезными недостатками, в числе которых наиболее существенными были отсутствие источников с хорошей питьевой водой и затрудненность причала кораблей во время бурной погоды. Вследствие этого греки вынуждены были искать поблизости другое место с более благоприятными условиями для развития большого торгового города.

В первые десятилетия VI в. до н. э., когда переселенцы из Милета решили основать свою колонию в районе Днепровско-Бугского лимана, место для нее было избрано на правом берегу Буга, близ впадения его в лиман, где наличие соответствующих условий делало возможным строительство большого укрепленного торгового города, обладающего благоустроенной гаванью.[1] С основанием этого города ранее возникшее поселение на о. Березани вскоре потеряло значение и превратилось в рядовой пункт рыбного промысла.

Основанный милетянами[2] город в низовьях Буга получил название «Ольвия» («Счастливая»). Следует заметить, что если в официальных документах город всегда назывался Ольвией, а жители его — ольвиополитами, то в обыденной речи и в литературных сочинениях город широко принято было называть Борисфеном или «торжищем борисфенитов», а ольвийских граждан — бо-

---

[1] Высказывавшееся раньше в литературе мнение, что о. Березань в античную эпоху был полуостровом и лишь позднее потерял свою непосредственную связь с материком, в настоящее время подвергается сомнению и большинством специалистов не разделяется.

[2] Пробные раскопки на о. Березани были произведены в 80-х годах XIX в. В 1900—1901 гг. Г. А. Скадовский осуществил обширные раскопки древнего некрополя на о. Березани, давшие большой и интересный археологический материал. В 1904—1908 и 1913 гг. на о. Березани вел раскопки Э. Штерн. Позднее раскопки велись в 1927—1931 и 1946 гг. Раскопками раскрыта часть остатков поселения — жилища, хозяйственные хранилища, ямы для свалки жилого мусора и т. д. Наиболее примитивными типами жилищ были землянки, вероятно, принадлежавшие аборигенам. Жилища греческих поселенцев представлены остатками строений каменных или глинобитно-сырцовых на каменном цоколе. Обилие в культурных отложениях рыбьих остатков и рыболовных принадлежностей подтверждает исключительно важную роль рыбного промысла в хозяйственной жизни древнего населения о. Березани. Как в некрополе, так и на месте поселения обнаружено громадное количество привозной греческой расписной керамики VII—VI вв. до н. э. — родосской, коринфской, клазоменской и пр. Вероятно, известная часть этой архаической расписной керамики принадлежит продукции Милета. К сожалению, милетские архаические вазы не поддаются точному определению (делавшиеся ранее в этом направлении попытки не дали надежных результатов), так как до сих пор немецкими археологами не опубликованы материалы их раскопок в Милете. Характеристике древнего поселения на о. Березани на основании литературных и археологических данных посвящена статья: Д. И. Нудельман. Древнегреческое поселение на северном Причерноморье. Уч. зап. Моск. Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. XXXVII, Историч. фак., вып. 3, 1946, стр. 21—42 (в статье приведена вся основная литература вопроса); см. также: Д. И. Нудельман. Древние авторы о Березани. Одеський Державний університет. Труди історичного факультета, т. I, Одесса, 1939, стр. 37—44; О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК, V, 1940, стр. 49—54; М. Болтенко. Розкопки на о. Березані в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949, стр. 31—38; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 56—61.

[1] Вопрос о времени возникновения Ольвии в свете новых археологических данных рассматривается в статье: Е. И. Леви. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 316. Имеющееся в хронике Евсевия (греческий писатель — христианский епископ в Палестине IV в. н. э.) указание, что Ольвия основана в 645/44 г. до н. э. (см.: SC, I, стр. 67), археологическим материалом не подтверждается. М. Ф. Болтенко высказано предположение, что дата, приведенная у Евсевия, относится не к Ольвии, а к греческому поселению, возникшему около середины VII в. до н. э. на о. Березани (см.: Вісник Одеської комісії краєзнавства, № 4—5, Одесса, 1930, стр. 35 сл.).

[2] Что эллины — жители Ольвии — были выходцами из города Милета, с полной очевидностью вытекает из сообщения Геродота, свидетельствующего, что ольвиополиты называли себя милетянами. Об основании Ольвии милетянами сообщает Псевдо-Скимн (§ 804: ταύτην τὴν πόλιν Μιλήσιοι — κτίζουσι — «этот город основали милетяне»; SC, I, стр. 88), а также Страбон, по словам которого Ольвия — большой торговый город, основанный милетянами (VII, 3, 17: μέγα ἐμπόριον, κτίσμα Μιλησίων; SC, I, стр. 120).

рисфенитами.[1] Распространенность этих названий, фактически противоречивших официальной традиции, была обусловлена тем, что Ольвия действительно находилась недалеко от реки Борисфен, красотой и величиной которого древние греки всегда восхищались; к тому же было принято считать, что Днепровско-Бугский лиман, в непосредственной близости от которого лежала Ольвия, является продолжением Днепра, а не заливом, образуемым низовьями двух рек — Днепра и Буга. Важную роль Днепр играл и в торговой деятельности ольвиополитов, поскольку обмен с населением Приднепровья занимал едва ли не первое место, чрезвычайно способствуя развитию материального благосостояния Ольвии. Греческий историк Геродот, побывавший в Ольвии и оставивший о ней и прилегающих к городу местностях ценные сведения, называет Борисфен полезнейшей и самой прибыльной рекой в мире, уступающей только египетскому Нилу. Вдоль Борисфена, по словам Геродота, тянулись превосходные луговые пастбища и не менее прекрасные пахотные земли. В устье реки изобиловала рыба и в большом количестве оседала соль, что давало возможность успешно развивать здесь соответствующие промыслы — рыбный и соляной, причем соль не только шла на местный рынок, но и вывозилась в Крым.

В ближайших окрестностях Ольвии, согласно показаниям Геродота, жили каллипиды, выше них находились алазоны, а еще севернее — скифы-пахари (рис. 2). К востоку же от Ольвии обитали скифы-земледельцы, называвшиеся еще борисфенитами. Восточнее скифов-земледельцев обширные пространства заселяли скифы-кочевники, земледелием в ранний период не занимавшиеся. Общей чертой перечисленных племен, составлявших ближайшее окружение Ольвии во времена Геродота, являлось то, что в основном это было земледельческое население. Указанное обстоятельство способствовало быстрому росту Ольвии, так как она имела возможность не только обеспечить себя хлебом и сырьевыми ресурсами, но и наладить обширный вывоз этих продуктов на внешние рынки. Рост крупных торгово-промышленных городов в Греции, на островах Эгейского моря и в Малой Азии вызывал значительную потребность в сырье, а главное в хлебе, что создавало весьма благоприятные предпосылки для успешного развития торговой деятельности греческих городов северного Причерноморья.

Геродот сообщает некоторые подробности относительно быта местного населения, жившего по Бугу и Днепру.

О развитом земледелии оседлых племен, живших в Приднепровье, говорит одна из переданных Геродотом легенд. В ней рассказывается, что в числе четырех предметов, упавших с неба на землю при первых скифах, были плуг и ярмо.[1] Населявшие окрестности Ольвии каллипиды (они же эллино-скифы), а также располагавшиеся севернее их по Бугу алазоны жили, по словам Геродота, одинаково со скифами, но сеяли и употребляли в пищу хлеб (т. е. пшеницу), а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Еще выше по Бугу жили скифы-пахари (σκύθαι ἀροτῆρες), которые сеяли хлеб не для употребления в пищу, а на продажу.[2] К востоку от Ольвии также находилось земледельческое население — скифы-земледельцы (σκύθαι γεωργοί), распространение которых на север определялось 11 днями пути вверх по Борисфену, а на восток — 3 днями

[1] Геродот называет Ольвию городом Борисфенитов (Βορυσθενειτέων ἄστυ), отмечая при этом, что сами себя жители называют милетянами (IV, 78). Несколько ниже (IV, 79) Геродот упоминает ту же Ольвию как город Борисфен (Βορυσθένης). В другом месте (IV, 18) Геродот сообщает, что эллины, живущие на реке Гипанисе, именуют себя ольвиополитами (Ὀλβιοπολίτας). У Геродота (IV, 17) упоминается еще и торжище борисфенитов (Βορυσθενειτέων ἐμπόριον), в котором также надлежит видеть Ольвию. Этот разнобой, вызванный существованием двух названий, из коих одно было официальное, а другое бытовое, послужил причиной того, что у более поздних писателей создалось впечатление, будто город первоначально назывался Ольвией, а потом был переименован в Борисфен (об этом, например, говорит Псевдо-Скимн, цитированный выше).

Геродотовское сообщение, согласно которому жители эллинского города на Гипанисе именовались милетянами и ольвиополитами (первое, конечно, было обусловлено их происхождением как переселенцев из города Милета, а второе — официальным названием города), дало основание римскому писателю Плинию Старшему, пользовавшемуся при составлении описания северного Причерноморья отчасти старыми сведениями, почерпнутыми из литературы, сконструировать еще два названия Ольвии: Olbiopolis и Miletopolis (P l i n., N. H., IV, 82).

[1] H e r o d., IV, 5.
[2] H e r o d., IV, 17.

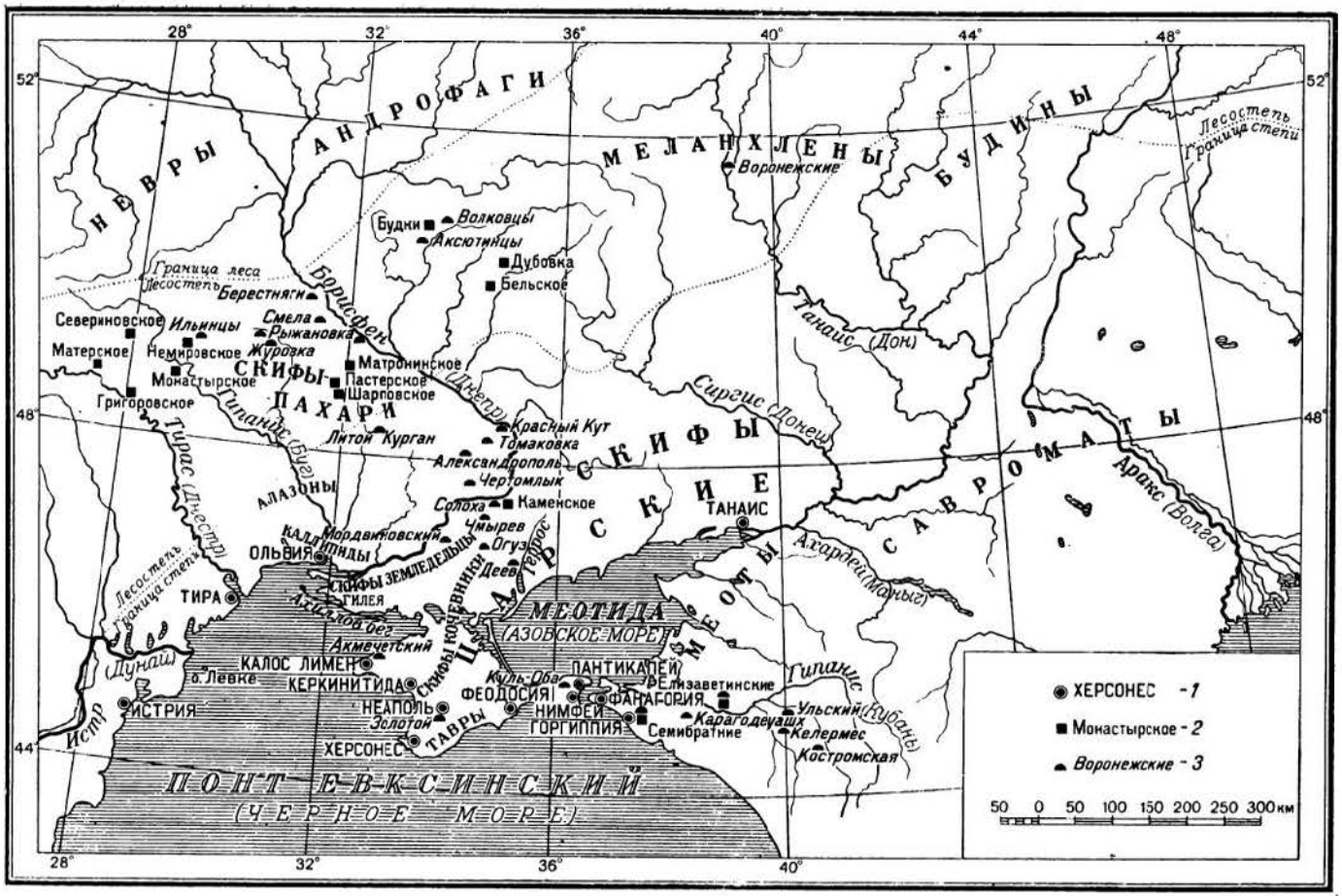

Рис. 2. Скифия по Геродоту и важнейшие археологические памятники скифской эпохи.

1 — античные города; *2* — городища — местные поселения; *3* — курганы.

пути вплоть до р. Пантикапа.[1] По другую сторону этой реки начиналась уже область скифов-кочевников, простиравшаяся на востоке до р. Герроса.[2]

Таким образом, к середине V в. до н. э. смежные с Ольвией районы были заняты земледельческим населением.[3]

Часть местного оседлого населения занималась в этих краях земледелием до основания Ольвии.[1] Однако возникновение такого крупного торгового центра, который предъявлял большой спрос на хлеб и другие продукты земледелия, безусловно способствовало дальнейшему быстрому развитию земледельческого хозяйства в прилегавших к Ольвии районах.

Внимание ученых давно привлекал тот факт, что Геродот, перечисляя земледельческие племена, в одном случае называет скифов пахарями, а в другом — земледельцами. Естественно возник вопрос, случайно ли Геродот применял два разных термина, которые, как кажется с первого взгляда, выражают в сущности одно и то же понятие.[2]

Различные названия двух земледельческих племен, повидимому, обусловлены были некоторыми особенностями их хозяйства. Можно думать, что скифы-пахари вели плужное земледелие, но их хозяйство было ограничено главным образом зерновыми культурами — просом, пшеницей. Под влиянием торговли с Ольвией земледельческое население расширяло посевы пшеницы в расчете на выгодный ее сбыт. Как утверждает Геродот, скифы-пахари сеяли хлеб (т. е. пшеницу) только на продажу (ἐπὶ πρήσι), для собственного питания пшеницы у них, наверное, оставалось мало, поэтому использовалось

---

[1] Herod., IV, 18. Возможно, р. Пантикап соответствует современной р. Ингулец (см.: Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 8).

[2] Herod., IV, 19. Р. Геррос, повидимому, теперь р. Молочная.

[3] Согласно Геродоту (IV, 100—101), Скифия простиралась от р. Истр (Дунай) до р. Танаис (Дон). С юга ее омывал Понт Евксинский, с востока — Меотида. Со стороны Истра к северу Скифия граничила с агафирсами, затем с неврами, далее с андрофагами и меланхленами — все эти племена были нескифскими. Танаис отделял скифов от савроматов, родственных по языку со скифами: савроматы, по словам Геродота, говорили на искаженном (συλοικίζοντες) скифском языке (IV, 116). Скифы занимали также степной Крым, а в горной части последнего жили тавры, к скифам не принадлежавшие.

В свете современного состояния археологического изучения Скифии выясняется, что в культурном отношении ее территория делится на два района — степной и лесостепной. И хотя каждый из них распадается в свою очередь на ряд локальных зон со свойственным каждому из них некоторым своеобразием черт культуры, тем не менее особенно рельефно выступают различия в характере культур между степными и лесостепными районами (см.: Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 111—127; в статье приведена вся основная литература вопроса).

Степная территория Скифии связывается с собственно скифами (называвшими себя, по словам Геродота, сколотами; скифами же их прозвали эллины), являвшимися в основном племенами кочевыми. Язык этих собственно скифских племен, как и савроматов (сарматов), согласно лингвистическим исследованиям, представлял собой диалекты североиранских языков, присущих таким среднеазиатским племенам, как массагеты, саки и др. Ф. Энгельс писал: «Скифы, обитатели степей к северу от Черного моря, — народ, ближе всего родственный североперсидским племенам» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 341). К числу собственно скифских племен несомненно относятся упоминаемые Геродотом скифы-кочевники и наиболее мощная их группировка — царские скифы; повидимому, этнически близки им были скифы-земледельцы, каллипиды (они же, по Геродоту, эллины-скифы), а также, может быть, и алазоны. Географическая локализация этих племен не вызывает особенных затруднений. Более спорным представляется вопрос о территории, которую занимали скифы-пахари, как равным образом дискуссионным является и вопрос об их этнической принадлежности. (М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 171 сл.). Но в одном сходятся мнения большинства советских исследователей: выделяющиеся по своей культуре оседлые земледельческие племена лесостепной Скифии, как правобережной, так и левобережной (примерно территория теперешних Винницкой, Киевской, Кировоградской, Черкасской, а также Полтавской областей), с собственно скифами, повидимому, связаны не были, хотя элементы «скифской» культуры (оружие, принадлежности конского убора, «звериный стиль» в искусстве) получили с течением времени и здесь свое распространение в результате взаимосвязей со степным населением Скифии.

До более углубленного выяснения отдельных культур, существовавших на территории древней Скифии, и четких границ их распространения, на основе чего возможно будет и более надежное определение географических районов расселения отдельных этнических групп, попытки разместить на карте все упоминаемые Геродотом племена Скифии неизбежно будут иметь, особенно в отношении лесостепной полосы, лишь приблизительный характер.

[1] Характеристика этого района в период, предшествующий греческой колонизации, дана в книге А. А. Иессена «Греческая колонизация северного Причерноморья» (Л., 1947, стр. 26 сл.).

[2] W. Vogel. Pflugbau-Skythen und Hackbau-Skythen. Studien und Forschungen zur Menschen- und Völkerkunde, XIV, 1917.

преимущественно просо, может быть, также ячмень. Что касается населения, именуемого Геродотом скифами-земледельцами, то оно, вероятно, в V в. до н. э. было связано с более разносторонним сельским хозяйством. Наряду с выращиванием различных хлебных культур скифы-земледельцы, как можно предполагать, занимались и огородно-полеводческим хозяйством.

При тех или иных местных различиях в ведении земледельческого хозяйства все же одно несомненно: вокруг Ольвии жило оседлое земледельческое население, причем, находясь в сфере торгового воздействия Ольвии, оно в некоторой своей части занималось специально разведением пшеницы для сбыта ее в Ольвию. Менее ясен вопрос, в какой мере сами жители Ольвии связаны были с земледелием, а стало быть, и с землевладением. Не ограничивались ли ольвиополиты скупкой хлеба у местного населения? Хотя прямых указаний в источниках нет, все же имеются основания считать, что часть ольвиополитов владела земельными участками в окрестностях Ольвии. Нужно при этом также помнить, что ближайшими соседями Ольвии были каллипиды, называвшиеся иначе эллинами-скифами. Стало быть, известное количество греков влилось в состав местного оседлого населения и занималось земледелием. Находки в Ольвии таких орудий сельского хозяйства, как серпы, среди остатков домашнего обихода подтверждают, что часть жителей самой Ольвии имела прямое отношение к сельскому хозяйству.

Вероятно, в Ольвии было некоторое число и довольно крупных землевладельцев, угодия которых в окрестностях города обрабатывались рабами или арендаторами. Но земледелие все же не являлось основным элементом экономики Ольвии, как равным образом и землевладельцы не занимали доминирующего положения в среде ольвиополитов.

Такое положение было обусловлено отчасти тем, что район, смежный с Ольвией, являлся незащищенной, открытой местностью, доступной для набегов кочевников. Обеспечить безопасность этих владений было трудно. Поэтому Ольвия всегда оставалась преимущественно торговым и ремесленным центром, куда стекались продукты сельского хозяйства, в том числе и хлеб, производившиеся прежде всего местным населением Прибужья и Приднепровья.

В VI в. в Ольвию ввозилось много греческой расписной керамики с о. Родоса, о. Самоса, из Навкратиса, Коринфа, ионийских городов Малой Азии — Клазомен и др. Повидимому, значительная часть импортных товаров доставлялись в этот период милетскими купцами. Ввозилось вино, транспортировавшееся в глиняных остродонных амфорах, с о. Хиоса, Фасоса и др. К предметам ввоза относились также металлические изделия — бронзовые зеркала, оружие, ювелирные вещи и пр.[1]

В дальнейшем, как показывает все увеличивающееся количество поступавшей в Ольвию аттической керамики, наиболее крупным и солидным партнером в товарообмене становятся Афины, для которых в V, а затем и IV в. до н. э. греческие города северного Причерноморья играли очень важную роль как источники хлебных ресурсов.

Хозяйство местных племен, находившихся в сфере влияния Ольвии, приспосабливалось к условиям все более широко развивавшегося торгового обмена. Быстро увеличивались посевы хлебных культур и прежде всего пшеницы, которую особенно охотно скупали греческие купцы в обмен на свои товары. Через Ольвию в Скифию на протяжении VI—V вв. шло большое количество товаров как заморского происхождения, так и ольвийского производства. Глиняные амфоры с импортным виноградным вином и оливковым маслом, тонкой выделки глиняная, украшенная росписью или покрытая сплошь черным лаком посуда — чаши для питья вина, сосуды для хранения благовоний и т. п.; металлические изделия в виде бронзовых зеркал с изящно орнаментированными или фигурными ручками, украшения из золота и серебра, резные изделия из кости — все это из Ольвии шло как в более близкие к ней, так и достаточно удаленные от нее районы. Особенно в значительном количестве Ольвия снабжала различными товарами окрестное население нижнего Побужья. Вместе с тем ольвийские куцы продвигали свои товары и далеко вглубь Скифии, в лесостепные ее области, используя для этой цели главным образом речные пути Буга, Ингула, Днепра с притоками последнего (Ворскла, Сула, Тясмин, Рось). Уже начиная с VI в. до н. э. разнообразные греческие изделия

[1] Н. Н. Бондарь. К вопросу о торговых сношениях Ольвии в VI—I вв. до н. э. Археологія, Київ, 1954, стр. 79 сл.

и в первую очередь высококачественная греческая керамика широко распространялись по Скифии, достигая территории теперешних Киевской, Кировоградской, Черкасской и Полтавской областей. Привозившиеся туда из Ольвии вещи обнаруживаются как в составе погребального инвентаря курганов, в которых были похоронены представители знати местных племен, так и в поселениях. Весьма оживленный торговый обмен поддерживали ольвийские купцы в VI—V вв. до н. э. с земледельческим населением района р. Тясмин (городища Пастерское, Шарповское и др.), где особенно много встречается греческой керамики, в том числе амфор, в которых доставлялось вино.[1]

Некоторые металлические изделия, изготовлявшиеся в ремесленных мастерских Ольвии, например бронзовые зеркала с ручками, украшенными изображениями зверей, встречаются на северном Кавказе, а также в Поволжье и Приуралье — в районе Орска. Эти находки свидетельствуют о существовании в VI—V вв. до н. э. торгового пути, ведшего из Ольвии на восток — к Волге, оттуда он шел далее на Урал.[2]

Однако начиная с IV в., когда в северном Причерноморье выдвигается на первый план Боспорское царство как ведущая сила и в политическом и в экономическом отношении, роль Ольвии в качестве поставщика греческих товаров в Скифию весьма заметно сокращается. Доминирующее положение в товарообмене со степными и лесостепными районами северного Причерноморья занимает Боспор. Ольвия продолжала вести достаточно интенсивный обмен с населением нижнего Побужья.

Как мы уже указывали выше, некоторое количество греков из состава населения Ольвии влилось в среду ближайшего к ней местного земледельческого населения, что и привело к возникновению племени эллинов-скифов, как называет Геродот племя каллипидов, которые позднее стали еще определеннее именоваться миксэллинами. Образование этого полугреческого полуместного населения являлось результатом этнического смешения, следствием брачных связей эллинов со скифами и сильной культурной эллинизации последних.

Влияние Ольвии как крупного торгового и ремесленного центра сказывалось прежде всего на обширной территории нижнего Побужья. По правому и левому берегам Буга, а также вдоль Бугского и Днепровского лиманов выросло много земледельческих поселений, остатки которых сохранились до настоящего времени и ныне систематически изучаются.[1] Некоторые из этих поселений возникли уже в VI в. до н. э., другие несколько позже, но особенно интенсивно протекала жизнь в ольвийской земледельческой округе на протяжении IV—III вв. до н. э. Ольвийские купцы получали отсюда хлеб, рыбу, продукты животноводства. Об оживленной торговле свидетельствует, между прочим, обилие в поселениях греческой керамики — привезенной извне и ольвийского производства. Культурное воздействие Ольвии здесь проявлялось и в распространении греческих приемов городского домостроительства. Жители поселений строили каменные или каменно-сырцовые дома, сходные по своему устройству с ольвийскими. Однако, несмотря на сильную, в общем, эллинизацию, в культуре населения сохранялось немало традиций, присущих местным, негреческим племенам. Наряду с домами ольвийского образца строились самобытного типа полуземляночные жилища, в быту видное место занимала и скифская посуда, вылепленная без гончарного круга, и т. д. На ближайшей к Ольвии территории, где обитало смешанное греко-скифское население (миксэллины), господствующим языком стал, повидимому, греческий. Это подтверждается и находками греческих надписей на территории некоторых поселений, о том же говорят нередко встречающиеся граффити — греческие надписи, выцарапанные на поверхности сосудов их владельцами.

---

[1] В. Фабриціус: 1) До питання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 68 сл.; 2) Тясминска експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949, стр. 80 сл.

[2] Подробнее см.: Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям и Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Археологія, I, Київ, 1947, стр. 23 сл.

[1] Краткая характеристика остатков античных поселений, выявленных близ Ольвии, дана в книге Л. М. Славина «Древний город Ольвия» (Киев, 1951, стр. 62 сл.). О раскопках одного из поселений, существовавшего в VI—V вв. до н. э. рядом с Ольвией, см.: Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, XL, 1951, стр. 114 сл.; Ф. М. Штительман. Городища и могильники Бугского лимана VII—I вв. до н. э. КСИА, № 3, 1954, стр. 102—105.

Благоприятные экономические условия способствовали быстрому росту и расширению города Ольвии.

Древнейшая Ольвия занимала небольшую территорию в прибрежной части, где имеющиеся родники обеспечивали жителей хорошей питьевой водой, а пологий песчаный берег позволял наладить причал кораблей, прибывавших в Ольвию [1] (рис. 3, 4). Но уже в течение VI в. до н. э. город распространялся по обширной площади не только нижней прибрежной территории, но и занял верхнее нагорное плато, достигнув так называемой Заячьей балки, ставшей естественной границей Ольвии. Где в это время заканчивался город с севера, пока не совсем ясно. Остатки построек этого раннего времени обнаружены поблизости от Зевсова кургана, западнее его.[2] Отсюда следует, что в северном направлении город рос очень быстро. Повидимому, тогда еще не было регулярно распланированного города с четкими кварталами, разделяемыми сетью прямых улиц. Застройка велась более или менее произвольно, стихийно. Не было и монументальных оборонительных сооружений вокруг города. Самое большое, что могли построить в то время ольвиополиты в целях некоторой защиты населенной ими территории, была невысокая ограда из сырцовых кирпичей, возведенная на каменном цоколе. Такая ограда проходила по краю поселения, закрывая промежутки между отдельными домами.[3] Дальнейшее интенсивное развитие города происходит в первой половине V в. до н. э. Именно в это время в Ольвии возникает регулярная планировка по гипподамовой системе,[4] город со стороны суши охватывается каменно-сырцовыми оборонительными стенами с башнями. Линия стен проходила, очевидно, по южной, западной (т. е. вдоль Заячьей балки) и северной границам города. Эти фортификационные сооружения видел Геродот во время своего пребывания в Ольвии. Он упоминает стены, башню и ворота города в связи с рассказом о скифском правителе Скиле.[1] Территория Ольвии еще не достигла Северной балки, ставшей несколько позднее окончательной границей города в его наибольших размерах, но уже в середине V в. до н. э. занятая городскими кварталами территория очень близко подошла к этой границе.

Геродот сообщает, что в городе находился большой пышный дворец Скила, правителя царских скифов. Последние представляли собой самое сильное племя кочевников, державшее в подчинении все остальное население — земледельцев и номадов. Жизнь в благоустроенном греческом городе настолько привлекала быстро богатевшую скифскую знать, что некоторые из ее представителей переселились в Ольвию, где они переняли ряд обычаев греков, их культуру. Скифский царь Скил, по словам Геродота, проводил в Ольвии ежегодно по несколько месяцев и даже участвовал в отправлении эллинских религиозных обрядов. Правда, все это Скил делал втайне от скифского населения, относившегося враждебно к чересчур тесному сближению с греками, видя в этом измену своим родовым обычаям и интересам племени. Узнав о неподобающем образе жизни правителя, скифы подняли восстание и свергли Скила, а брата его избрали правителем. Скил вынужден был бежать во Фракию, но был там выдан фракийским царем Ситалком новому скифскому правителю, по приказу которого Скил был казнен. Эпизод со Скилом, а также рассказанная Геродотом аналогичная история о знатном скифе Анахарсисе, которого убили свои же сородичи за чрезмерное увлечение эллинской культурой и отказ от скифских обычаев, ярко показывают, как скоро у греческих купцов Ольвии обнаружились общие интересы с местной знатью, т. е. скифской племенной верхушкой. Скупка таких товаров, как хлеб, кожа, рыба и др., производилась греческими купцами главным образом у скифской знати, в руках которой и были сосредоточены нужные грекам товары. Особенно ценными для Ольвии поставщиками товаров были, несомненно,

[1] Б. В. Фармаковский. Ольвия. Пгр., 1915, стр. 21.

[2] А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 27—28.

[3] А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 28.

[4] Выявивший эту регулярную планировку города Б. В. Фармаковский отнес ее к VI в. до н. э. (Б. В. Фармаковский. Разкопування Ольби р. 1926. Одесса, 1929, стр. 40). Однако последующие исследования позволили уточнить датировку.

[1] Часть оборонительной стены V в. до н. э., проходившей над Заячьей балкой, открыта раскопками Б. В. Фармаковского в 1904 г. и доследована экспедицией Л. М. Славина в 1948 г. (см.: Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 101—102).

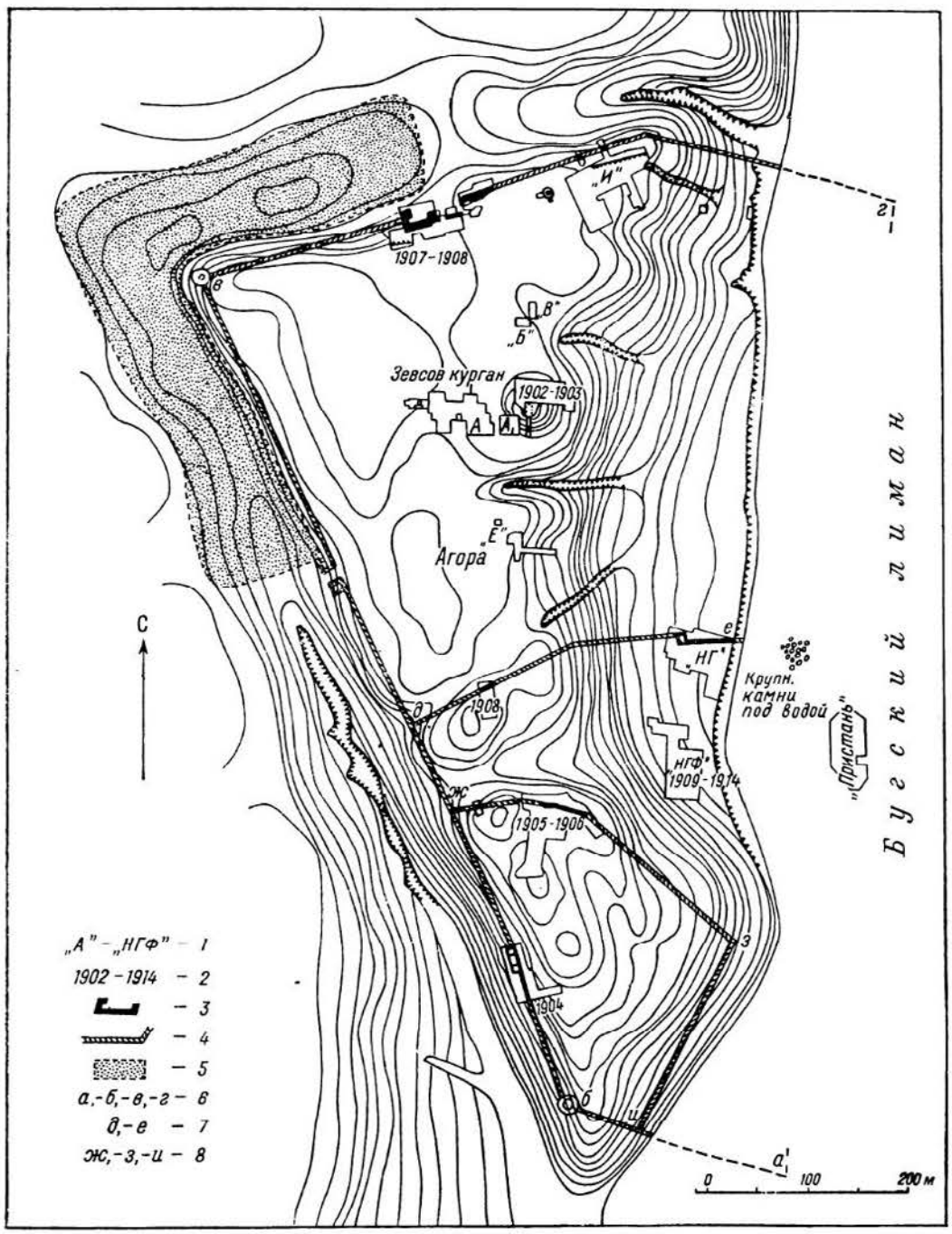

Рис. 3. Ольвия — план городища.

1 — участки раскопок советского периода; *2* — участки раскопок дореволюционного времени; *3* — открытые раскопки части оборонительных стен; *4* — предполагаемые оборонительные стены; 5 — место водоема (по А. Н. Карасеву); *6* — границы города при максимальной его территории в III в. до н. э.; *7* — северная граница города в первые века н. э.; *8* — стены римской цитадели.

вожди царских скифов и близкие к ним представители скифских верхов. Держа в зависимости остальное население северного Причерноморья и собирая с него дань, они являлись наиболее крупными обладателями тех товаров (пшеница, скот, шкуры), на которые предъявляли особенно большой спрос греческие купцы. Как наиболее сильные и воинственные, они же всегда располагали значительным числом военнопленных, которых можно было выгодно сбывать греческим купцам-работорговцам. Последнее обстоятельство ставило Ольвию в выгодное положение в смысле обеспеченности необходимой рабочей силой, т. е. рабами, эксплуатация которых составляла основу всей хозяйственной жизни Ольвии.

Участие скифских племен в регулярном торговом обмене с греческими купцами имело своим результатом ускорение процесса распада патриархально-родового строя у этих племен, существование которого в V в. до н. э. подтверждается сведениями, сообщаемыми Геродотом.[1] Возможность обогащения посредством торговли неизбежно вела у скифов к образованию слоя богатой родовой знати, стремившейся теперь умножить свои богатства прежде всего путем увеличения количества тех товаров, которые можно было выгодно продавать греческим купцам. Это толкало скифскую знать к усилению поборов с оседлых земледельческих племен, к расширению эксплуатации своих же общинников, а также более широкому использованию труда рабов-военнопленных.

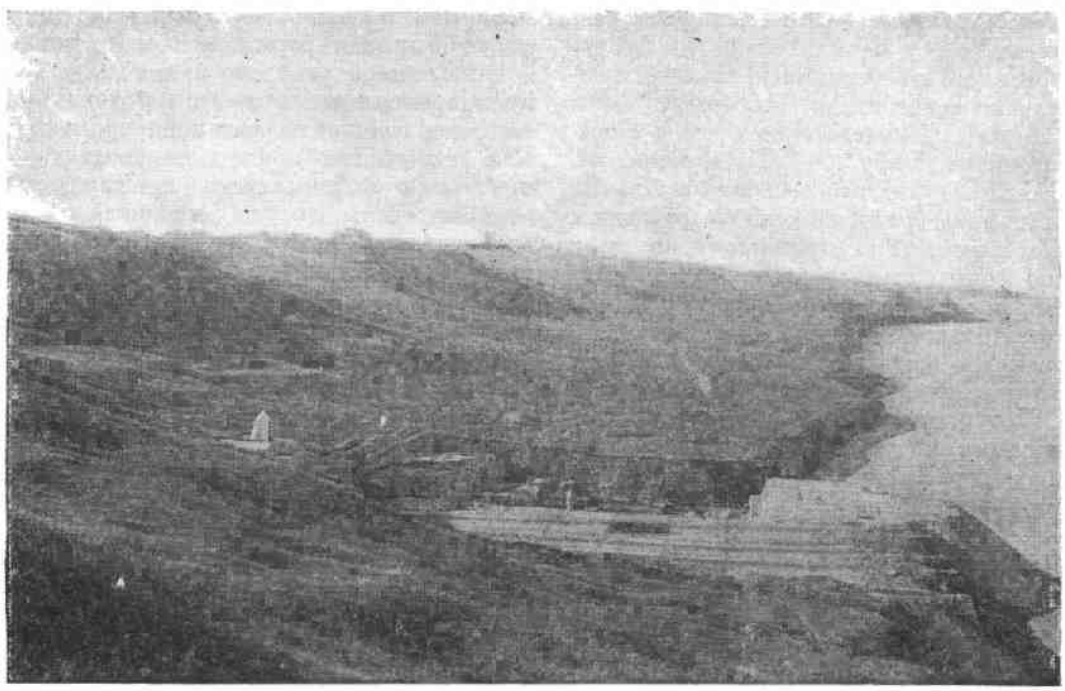

Рис. 4. Общий вид городища Ольвия.

Пользуясь выгодами торгового обмена с греками, скифские верхи сочувственно относились к Ольвии как торговому городу, откуда шли в Скифию товары обрабатывающей промышленности Греции, Малой Азии и других областей античного мира, а также ремесленные изделия самой Ольвии. Развитие ремесел в Ольвии началось очень рано, уже в VI в. до н.э. В городе существовали различные мастерские, изготовлявшие зна-

[1] С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота. ИГАИМК, XI, вып. I, 1931. — М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. Вестн. Лен. Гос. унив., № 9, 1947, стр. 70—87. — Д. П. Каллистов. Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 101 сл.

чительный ассортимент изделий из металла, глины, кости. Несомненно, ремеслами занимались не только греки; очевидно, было немало ремесленников, являвшихся выходцами из местного скифского населения. Последнее послужило причиной привнесения в некоторые ремесла таких технических приемов, которые не были свойственны греческому ремеслу, но зато были присущи скифскому производству.[1]

Участие в ольвийском ремесле местных мастеров-скифов, а вместе с тем необходимость приспособить изделия к художественным вкусам потребителя, каковыми были не только жители самого города, но и скифское население Побужья и Поднепровья, имело своим результатом создание в Ольвии некоторых категорий изделий в скифском «зверином стиле»[2] или привнесение в вещи греческой формы отдельных элементов этого стиля (таковы, например, ольвийского производства бронзовые зеркала, ручки которых украшены изображениями зверей).

Некоторые отрасли ремесла засвидетельствованы открытыми при раскопках остатками мастерских.

Так, при раскопках центральной части верхнего города Ольвии были открыты интересные остатки металлургической мастерской V в. до н. э. На дворе оказался ряд печей, применявшихся для плавки меди. Пол дворика глинобитный. Печи, прямоугольные в плане, сложены из сырцовых кирпичей. В хорошо сохранившемся поде одной печи имеются сквозные отверстия. При раскопках дворика с печами было найдено большое количество обломков медных изделий, медных и железных шлаков, кусков древесного угля и золы. Очевидно, мастерская эта выпускала различные металлические изделия, в том числе медные украшения.

В том же районе Ольвии обнаружены остатки другой металлургической мастерской более позднего времени, в которой также сохранились остатки медеплавильных горнов, металлических изделий, куски шлака.[3]

Отливка изделий производилась обычно в каменных и глиняных формах. Их много обнаружено в Ольвии. В одной из найденных форм сохранился отлитый из бронзы браслет. В таких формах отливались и золотые украшения. Нередко литейные формы делались из амфорных ручек.

Плавка золота производилась в небольших глиняных тиглях и чашках.

Рано началось в Ольвии и изготовление глиняных изделий. Уже с конца VI в. до н. э. наряду с привозными керамическими изделиями в Ольвии бытовала сделанная на месте ольвийскими гончарами сероглиняная посуда, причем формы ее обычно воспроизводили привозную греческую посуду. С течением времени ассортимент изготовлявшихся на месте гончарных изделий увеличивается. Как и в других причерноморских городах, в Ольвии выделывались преимущественно ходовые сорта посуды, предназначавшиеся для удовлетворения нужд домашнего хозяйства. В большом количестве изготовлялась кухонная утварь (горшки, служившие в качестве котлов для варки пищи), а также тонкая посуда, тарелки, рыбные блюда, чаши, мелкая столовая посуда, кувшины, светильники и т. д.

Наряду с простыми изделиями, лишенными украшений, выпускалась и посуда, покрытая сплошь красной тусклой краской (тарелки, рыбные блюда) или украшенная поясками. В небольшом количестве выделывалась чернолаковая керамика; более распространена была посуда, покрывавшаяся тусклой «глазурью», отдаленно лишь напоминающей черный лак. Ольвийские керамисты успешно изготовляли и разнообразные терракотовые статуэтки, отчасти используя для этого привозные формы.[1]

Хотя ткани, текстильные изделия несомненно занимали видное место в импорте, направлявшемся в Ольвию из заморских центров, тем не менее очень широко было распространено ткацкое дело и в самой Ольвии, особенно как подсобная отрасль домашнего производства, что являлось характерной чертой античного хозяйства.

Весьма интересно сохранившееся ольвийское частное письмо первой половины IV в. до н. э., текст которого вырезан на свинцовой пластинке. Автор письма, Артикон, дает своим домашним указание, как

---

[1] См. об этом в статье Е. О. Прушевской, напечатанной в настоящем томе, стр. 329.

[2] С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 42.

[3] Л. Славін. Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період. Наукові записки, II, 1943, стр. 73.

[1] М. М. Худяк. Терракоты. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 85—103. — Г. Г. Виницкая. Технологические основы производства терракот в Ольвии. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 35—44.

следует поступить, если их выгонит из дома некий Миллион; при этом писавший письмо советует, куда надо отнести часть шерсти. Возможно, Артикон был торговцем шерсти или сукноваляльщиком.[1]

Тесная связь Ольвии со скифским населением, обусловленная экономическими причинами, находила свое проявление и в определенном культурном взаимодействии греков со скифами. Хотя эллинизирующее влияние Ольвии на окрестное скифское население и в первую очередь на его верхние социальные слои сказывалось гораздо интенсивнее, чем обратное культурное влияние скифов на греков, особенно в ранний период существования Ольвии, тем не менее процесс этот не был односторонним, и в культуру Ольвии постепенно проникали некоторые местные элементы. Объясняется это, в частности, тем, что в Ольвии жили не только греки, но и выходцы из местных племен.

Весьма интересные данные для выяснения этнического состава населения в ранний период существования Ольвии получены в 1938—1940 гг. при раскрытии на территории города IV в. и более поздних времен архаического некрополя, находившегося первоначально вне города. Здесь наряду с типично греческими погребениями с костяками в вытянутом положении и с греческим инвентарем, обнаружено немалое количество погребений со скорченными костяками, содержащих иногда греческий инвентарь (рис. 5). Очевидно, это захоронения скифов, поселившихся в Ольвии. Надо отметить, что и греческие погребения приняли некоторые, правда незначительные, местные особенности, как, например, деревянные перекрытия, помещение в могилу оружия. Следовательно, уже в ранний период население Ольвии не было чисто греческим.[2]

Политический строй Ольвии, как и многих других греческих колоний, был организован греками-колонистами в форме рабовладельческой демократической республики.[1] Полноправное гражданство составляло только свободное мужское население города, представлявшее господствующий класс рабовладельцев. Женщины, а также иностранцы в своей основной массе, за исключением отдельных лиц, и многочисленное несвободное население рабов и зависимых политическими правами не пользовались. Таким образом, полноправные граждане составляли меньшинство населения и понятие демократической республики являлось условным, характерным для античного общества, где никогда не было истинной последовательной демократии, охватывающей все население государства и осуществляющей всеобщее равноправие.

В. И. Ленин следующим образом характеризовал основную классовую сущность греческих городов-государств: «Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов».[2]

Главными и почти единственными источниками, на основании которых можно судить о форме государственной организации Ольвии, являются официальные документы, различного рода постановления органов государственной власти, которые подлежали обнародованию. Их вырезывали на каменных плитах и выставляли для всеобщего сведения в наиболее видных местах города.

Помимо этих декретов, эпиграфические памятники сохранили нам также ряд религиозных посвящений, совершаемых различным божествам от лица тех или иных государственных деятелей, откуда мы узнаем о названиях различных должностей и некоторые сведения об их функциях.

Эпиграфических памятников раннего периода жизни Ольвии дошло до нас немного. Самые ранние надписи относятся уже к V в. до н. э. В большом количестве представлены надписи более поздних периодов. Эти источники все же далеко не достаточны

---

[1] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 10—12.

[2] Т. Н. Книпович. 1) Архаический некрополь на территории Ольвии. КСИИМК, VI, 1940, стр. 80 сл.; 2) Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 92 сл. См. также: В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 166.

[1] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 29, стр. 443.

для освещения всех вопросов политической организации города. Некоторые дополнения могут быть сделаны путем привлечения сравнительного материала, касающегося политической организации тех демократических полисов, о которых имеется больше сведений, но все же полной картины политического строя Ольвии мы пока еще нарисовать не можем. Внешние формы государственного строя Ольвии оставались неизменными в течение всего античного периода. Органами верховной власти являлись народное собрание и совет, а органами государственного управления — коллегии архонтов, коллегии девяти, семи, стратегов, агораномы, астиномы и др. Однако политическая роль этих государственных органов была в различные времена различна. В ранний период большую роль, повидимому, играли органы верховной власти и особенно народное собрание, позднее, в I—II вв. н. э., усилилась роль магистратов.

В какой степени государственный строй Ольвии был близок государственному строю его метрополии — Милета, трудно определить, так как достаточных сведений о политической организации Милета раннего периода мы не имеем. Как известно, в Милете в конце VII в. до н. э. установилась тирания Фрасибула, а затем власть пытались захватить другие тираны и, наконец, в городе разыгралась жестокая сословная борьба между родовой и торговой аристократией, с одной стороны, и городским демосом, с другой.

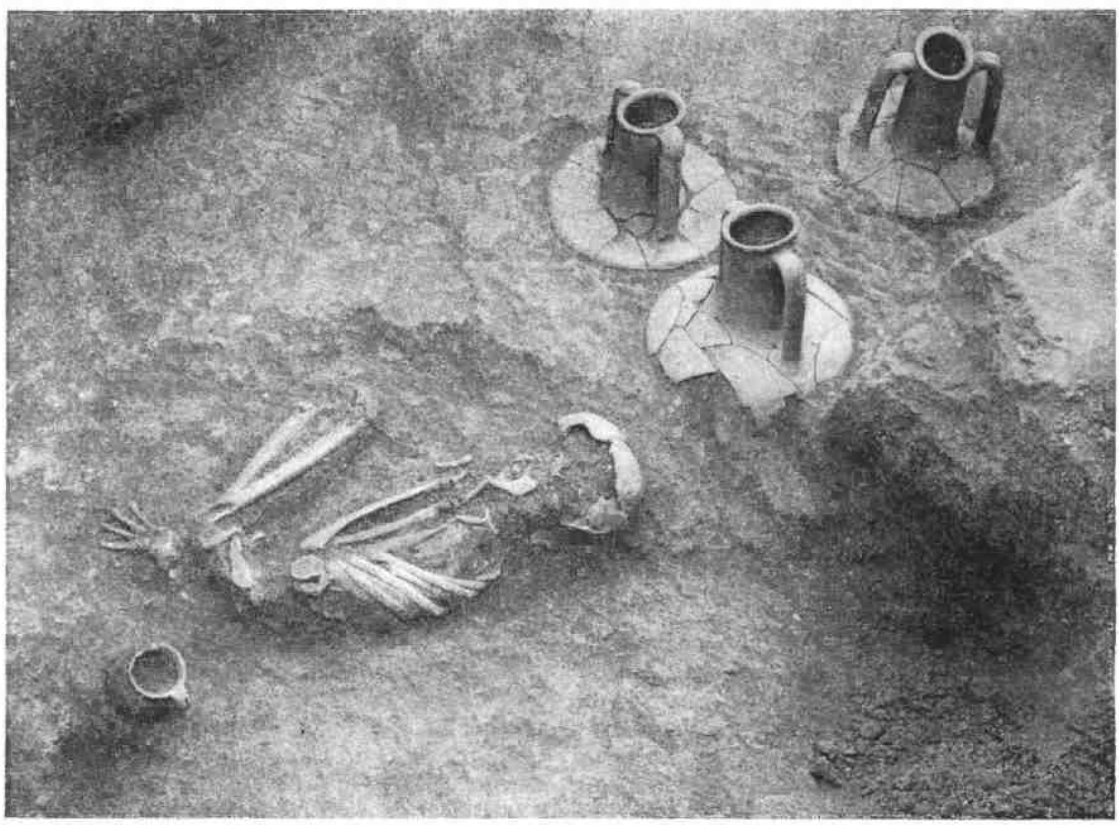

Рис. 5. Погребение V в. до н. э. Ольвия.

Основание колонии в Ольвии падает примерно на вторую четверть VI в. Кто были первыми колонистами: представители аристократической партии или демоса? Поскольку в Ольвии уже с ранней поры прочно установился демократический строй, следует предположить, что в среде основателей колонии значительный удельный вес занимали представители городского демоса.

Как отмечалось выше, в политической жизни города принимали участие полноправные граждане, представители господствующего класса рабовладельцев. Первоначально, повидимому, таковыми являлись только греки — постоянные жители города; ни греки-иноземцы, приезжавшие в Ольвию спорадически, на короткое время, преимущественно для торговых целей, ни представители местного, негреческого населения, которые входили в состав жителей города, в управлении государством участия не принимали.[1]

Греки-иноземцы получали право гражданства только в особых случаях, когда они оказывали городу те или иные услуги.

Что же касается местного, негреческого населения, то оно приобщилось к политической жизни Ольвии только в более поздние периоды. По мере распространения смешанных браков и внедрения местной знати в состав господствующего класса, что происходило особенно интенсивно в первые века нашей эры, лица негреческого происхождения, эллинизованные «варвары», стали пользоваться гражданскими правами наряду с греками. На это указывает широкое распространение сарматских личных имен среди должностных лиц, упоминаемых в надписях I—III вв. н. э.[2]

Высшим государственным органом Ольвии было народное собрание, в котором могли принимать участие только полноправные граждане.

Обычно официальные государственные постановления, имевшие силу закона, выносились от лица совета и народа по формуле, которая имела распространение во всех греческих демократических полисах: «Совет и народ постановили по предложению таких-то, или такого-то. . .». Однако среди ранних декретов IV в. до н. э. в Ольвии встречаются и такие, в которых упоминание совета отсутствует, а постановление исходит от лица ольвиополитов (Ὀλβιοπολῖται)[3] или от лица народа (δῆμος).[1] Такого характера декреты выносились при даровании проксении[2] и других льгот иностранцам, а также в честь особенно ревностных ольвийских граждан, награждаемых за различного рода заслуги перед городом. Очевидно, в ранний период в Ольвии народное собрание пользовалось большей самостоятельностью и его роль была более значительна.

Проекты декретов, выдвигавшиеся как должностными, так и частными лицами, предварительно обсуждались в совете, а после одобрения советом выносились в народное собрание, где они оглашались внесшими их. После обсуждения предложенное постановление ставилось на голосование, производившееся обычно поднятием рук (χειροτονία).

Текст утвержденного народным собранием постановления глашатай (κῆρυξ) объявлял во всеуслышание, а затем постановление (псефизма) вырезывалось на каменной плите, или на пьедестале статуи и выставлялось на видном месте в городе. Надпись иногда снабжалась датой: указывалось, при каком архонте, какого числа и какого месяца было вынесено постановление.

Какие же вопросы разбирало народное собрание в Ольвии?

Круг вопросов, являвшихся предметом обсуждения народного собрания Ольвии,

---

[1] См.: Т. Н. Книпович. Население Ольвии догетского периода по данным эпиграфических источников. КСИА, № 2, 1953, стр. 48—51.

[2] Перечень и лингвистический анализ скифо-сарматских личных имен, встречающихся в ольвийских надписях, а также в надписях других античных городов северного Причерноморья, представлен в книге: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 151 сл. (статья «Скифский язык»).

[3] IPE, I², 20, 21.

[1] IPE, I², 25.

[2] Наиболее распространенной формой установления дружественных отношений с иноземцами, пребывание которых было выгодно государству и которые оказывали ему те или иные существенные услуги, иногда даже денежные, был институт проксений, государственного гостеприимства. На основании специального декрета иностранец мог получить почетное звание проксена. Последнее налагало на него обязанность оказывать услуги городу и его гражданам. Проксен получал право гражданства и ателию, т. е. освобождение от пошлин на все товары, какие он ввозил или вывозил сам или дети его, или братья, или даже слуги; он получал также право входа и выхода в гавань как в военное, так и в мирное время, без опасности разграбления. Этот институт дарования иноземцам проксений, широко практиковавшийся во всей Греции, получил распространение и в северопричерноморских античных городах, преимущественно в отношении к купцам и судовладельцам, в руках которых был сосредоточен экспорт и импорт товаров, в чем были крайне заинтересованы колонии. В настоящее время известны ольвийские проксении, дарованные месембрианцу, IV в. до н. э. (IPE, I², 20), каллатийцу, III в. до н. э. (IPE, I², 27), родосцу, III в. до н. э. (IPE, I², 30), херсонесцам, III в. до н. э. (Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 сл.).

известен нам далеко не полно. Несомненно, однако, что значительное внимание уделялось вопросам внешней политики, обороны города и взаимоотношений с окружающими местными племенами.

Известно, например, что в III в. до н. э., когда началась активизация скифских и сарматских племен, для обсуждения необходимых мероприятий высшими должностными лицами созывалось народное собрание.

Народное собрание созывалось также для отправки посольства к скифскому царю и для сдачи на откуп снаряжения посольства. Очевидно, и в более поздние времена вопросы обороны города проходили также через народное собрание.

Что касается вопросов внутренней политики, то прежде всего на народном собрании производились выборы должностных лиц; для этой цели устраивалось специальное собрание, носившее название «экклесии, назначенной для выборов властей» (ἐκκλησία ἀρχαιρετική), которое собиралось каждый год, так как большинство должностей были годичными.

Поскольку благосостояние Ольвии находилось в тесной зависимости от успешного развития торговли, постольку связанным с нею вопросам уделялось в народном собрании особое внимание. Советом и народным собранием в первой половине IV в. до н. э. был опубликован специальный декрет о ввозе и вывозе золотой и серебряной монеты и о покупке иноземного чеканенного серебра и золота в определенном месте, очевидно, под строгим наблюдением городских властей (рис. 7).[1] Народное собрание ведало также дарованием иностранным купцам различных привилегий, в том числе освобождением их от пошлин за ввозимые и вывозимые товары (ἀτέλεια) и дарованием права

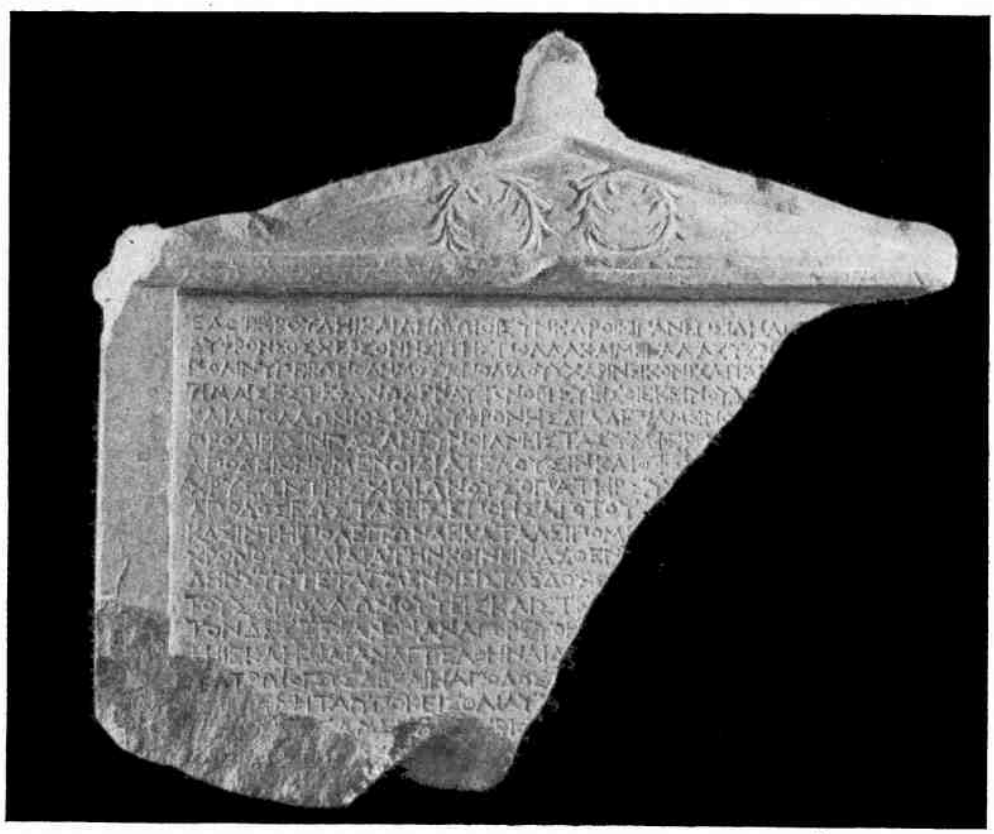

Рис. 6. Ольвийский декрет в честь херсонесских граждан III в. до н. э.

[1] IPE, I², 24. Мраморная плита с текстом декрета найдена в 1878 г. в Анадолу Кавак, на азиатской стороне Босфора.

входа в ольвийскую гавань и выхода из нее как в мирное, так и военное время. В компетенцию народного собрания входила также сдача различных предприятий на откуп и выслушивание отчетов откупщиков. Система отдачи на откуп государственных доходов и расходов имела широкое распространение во многих греческих городах.

Через народное собрание проводились мероприятия во время продовольственных кризисов, выносились постановления против поднятия цен на хлеб, предлагалось богатым гражданам закупать дешевое вино и т. д.

Весьма щедро издавало народное собрание похвальные декреты и раздавало различные награды за те или иные услуги городу, как иностранцам (рис. 6), так и своим гражданам, действуя таким образом на их честолюбие, поощряя их самих и других лиц на новую полезную деятельность, «чтобы и остальные граждане были более ревностны в услугах отечеству, видя, что благодетели украшаются надлежащими почестями», как говорится в одном декрете.[1] Иностранцы получали проксению, право гражданства (πολιτεία) и различные торговые привилегии и не только они сами, но и их потомство. Ольвийцы прежде всего были заинтересованы в их торговой деятельности, но иногда иностранцы оказывали услуги иного рода, например, совершали общественные жертвоприношения, помогали городу своевременно платить дань (δῶρα) соседним «варварским» царям[2] и пр.

Заслуги граждан, удостоившихся почетных декретов, заключались в отражении нападения «варваров», в участии в посольствах, в благосклонном и внимательном отношении к иностранцам, а также в добросовестном выполнении различных государственных поручений и исполнении своих обязанностей во время занятия той или иной должности. Эти последние заслуги часто упоминаются в декретах. Особо отмечалось оказание денежной помощи в трудное для города время.

Награды чествуемых лиц заключались прежде всего в опубликовании почетного декрета и весьма часто в увенчании золотым венком, что нередко практиковалось уже после смерти, когда чествуемый иногда удостаивался торжественных похорон на общественный счет, причем во время похорон в городе закрывались лавки, чтобы весь народ мог участвовать в погребальном шествии.[3]

В честь особенно выдающихся деятелей воздвигались статуи (бронзовые или мраморные), выставлявшиеся на видном месте.

Рис. 7. Ольвийский декрет о ввозе и вывозе золотой и серебряной монеты. IV в. до н. э.

Как уже было указано, вторым органом верховной власти в Ольвии был совет (βουλή). В демократических греческих полисах народное собрание обсуждало и прини-

[1] IPE, I², 34.

[2] IPE, I², 30 — декрет III в. до н. э. в честь родосца Елланика; в этом декрете отмечается, что благодаря оказанному в городе Еллаником финансовому содействию цари прилегающей к Ольвии области (οἱ τῆς χώρας βασιλεῖς) «своевременно получают дары».

[3] Такого рода почести были оказаны Никерату в конце II в. до н. э. (IPE, I², 34); вследствие фрагментированности дошедшего до нас текста декрета остается не совсем ясным, предписывалось ли во время похорон Никерата закрыть лавки (πωλητήρια) или мастерские (ἐργαστήρια).

мало решение по тому или иному вопросу только после предварительного обсуждения его в совете, и таким образом все важнейшие государственные дела проходили и через народное собрание (ἐκκλησία) и через совет.

Из милетского декрета, касающегося политических прав милетян в Ольвии (о нем см. стр. 50), известно, что милетянин, желающий занимать в Ольвии государственную должность, должен был обратиться в ольвийский совет и там зарегистрироваться. Очевидно, в совете происходила проверка, так называемая докимасия, кандидатов на должность с точки зрения их прав и пригодности. По всей вероятности, такой проверке подвергались не только милетяне, но и ольвийцы. Функция докимасии находилась в руках совета и в других полисах, например в Афинах. Члены совета и его специальной комиссии, которые носили иногда название синедров (σύνεδροι; термином синедрион обычно по-гречески обозначался римский сенат),[1] делали доклад о проекте постановления в народном собрании.

О других функциях ольвийского совета, например, судебных или финансовых, которыми ведал, например, афинский совет, никаких сведений не имеется. Очевидно, совет наблюдал за деятельностью магистратов.

Исполнительной властью в Ольвии, как и в других греческих демократических полисах, являлись различные магистратуры как коллегиальные, так и единоличные. Должностные лица избирались на определенный срок народным собранием путем голосования; по истечении срока они слагали свои полномочия и отчитывались иногда в народном собрании, иногда в совете.

Высшей магистратурой была должность архонта. Архонты составляли коллегию из пяти человек во главе с первым архонтом, председателем коллегии.

Об обязанностях, возлагавшихся на архонтов, сведений мало. Архонты созывали народное собрание в особых экстренных случаях, например, когда городу угрожали враги. Нередко архонты вносили в народное собрание проекты постановлений, иногда совместно с другими должностными лицами, например с членами коллегии семи (οἱ ἑπτά). Архонты имели касательство и к государственным финансам, они же следили за выпуском монет.

Военными делами в Ольвии, как и в других полисах, ведали стратеги, которые так же, как и архонты, составляли коллегию, но не из пяти, а из шести человек с главным стратегом во главе. Стратеги заботились об охране города, командовали войском. Своим покровителем стратеги считали Аполлона Простата.

Управление финансами в Ольвии находилось в руках ряда должностных лиц. В III в. до н. э., например, известный Протоген был поставлен ввиду особо тяжелого финансового положения города во главе общественного управления (ἐπὶ τῆς κοινῆς οἰκονομίας), он занимал должность казначея, заведовал важнейшими доходами города, очевидно, в его руках были сосредоточены функции ряда должностных лиц, в течение не одного, а трех лет. Интересно, что Протогену ставилось в заслугу снисходительное отношение к откупщикам податей, которым он или прощал долги, или давал отсрочку, следовательно, он весьма свободно распоряжался общественными доходами и должен был только представлять в установленный срок отчеты. Такой руководящий финансовый административный пост имелся и в других греческих государствах. В Афинах, например, известен избиравшийся на четыре года начальник общественных доходов (ἐπιμελητὴς τῆς κοινῆς προσόδου), в руках которого находился верховный контроль за всеми финансовыми делами. К финансовым делам, повидимому, была причастна в Ольвии и коллегия девяти. Также и коллегия семи имела отношение к финансам: на ее попечении находилась сокровищница, священная казна, куда поступали доходы от жертвоприношений;[1] этой коллегией в III в. до н. э., между прочим, было вынесено постановление относительно обложения жертвоприношений денежными взносами (см. стр. 54).

[1] Государственная должность синедров была известна до последнего времени только по ольвийским надписям конца II в. н. э. (IPE, I², 43 и 44); найденная в 1951 г. при раскопках ольвийской агоры очень интересного содержания надпись — декрет, отмечающий заслуги проживавшего в Ольвии херсонесца Аполлония и его сыновей (см. рис. 6), — свидетельствует о существовании должности синедров в значительно более раннее время, уже в первой половине III в. до н. э.; см.: Е. И. Л е в и. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, № 1, 1953, стр. 177 сл.

[1] Т. В. Б л а в а т с к а я. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 57—58.

Коллегия семи имела в некоторые периоды отношение и к монетному делу; в Ольвии чеканилось два типа монет со штампом этой коллегии.[1] К финансовым делам, как мы видели, были причастны и архонты.

Главными источниками государственных доходов были налоги и пошлины за ввозимые и вывозимые товары; поступали в казну и суммы от взыскания штрафов, а также добровольные пожертвования. Возможно, имелись и другие поступления средств, например, доходы с государственного имущества (с участков земли, домов и др.), но сведений о них не сохранилось.

Взимание податей возлагалось на откупщиков. Из декрета в честь Протогена известно, что архонты не могли заплатить деньги откупщикам, взявшимся снабдить посольство к скифскому царю, так как откупщики податей еще не сдали денег в казну. Сбор штрафов поручался также откупщикам; так, например, с нарушителей постановления о продаже иностранных денег взимался штраф через откупщиков, которые преследовали нарушителей судебным порядком.

Большое значение для финансов города имели нерегулярные доходы, составлявшиеся главным образом из добровольных пожертвований богатых граждан; последние, оказывая помощь городу, вместе с тем удовлетворяли свое честолюбие, удостаиваясь публичных похвал и наград.

Что касается государственных расходов, то они распадались на регулярные и экстраординарные. К основным статьям расходов в демократических полисах обычно относилось содержание государственного аппарата, оплата низших должностных лиц. Вероятно, так было и в Ольвии.

Государство расходовало средства также на устройство различных общественных празднеств, религиозных жертвоприношений, состязаний и т. д., но и при этом большую роль играли взносы частных лиц. Больших расходов требовали также награждения выдающихся граждан: награды состояли в денежных суммах, золотых венках, почетных статуях, почетных декретах, вырезывавшихся на мраморных плитах, и пр. Экстраординарными расходами являлись прежде всего расходы на военные нужды (сооружения укреплений и их ремонт), на постройку и восстановление общественных зданий, кроме того, на уплату дани «варварам».

В особых случаях, когда городу угрожал голод, государство закупало хлеб для раздачи населению.

За порядком в городе, особенно на рыночной площади, наблюдали агораномы, образующие коллегию из пяти человек, с начальником коллегии во главе. На эту должность, очевидно, тоже выбирались лица путем голосования на народном собрании на годичный срок. В Ольвии, как и в других полисах, агораномы наблюдали за продажей товаров, за их доброкачественностью и за правильным весом.

Рис. 8. Свинцовая пластинка с именем агоранома Агатоклея.

Находка в Ольвии свинцовой пластинки с надписью, содержащей имя агоранома и обозначение меры (один литр), подтверждает, что агораномы проверяли меры веса и емкости (рис. 8). Агораномы в Ольвии считали своим божественным покровителем Гермеса Агорея (Рыночного), которому они приносили различные посвящения.

К числу магистратов относятся и служители культа — жрецы. Существовал в Ольвии и ряд второстепенных должностей, обслуживающих органы верховной власти и управ-

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 133—134.

ления. Были, например, глашатаи, на обязанности которых лежало оглашать в народном собрании постановления, возвещать похвалы выдающимся гражданам и иностранцам и т. д. Были несомненно и различного рода секретари. Некоторые общественные обязанности возлагались на граждан по мере надобности, например, участие в посольствах к скифским царям, наблюдение за постройкой общественных зданий и т. д.

О судебных органах в Ольвии имеются крайне скудные данные. Из милетского декрета, касающегося прав милетских граждан в Ольвии (о нем подробнее см. стр. 50), известно, что суд в Ольвии имел несколько разделов и что был специальный отдел, ведавший гражданскими делами: «Если у милетянина будет тяжба в Ольвии, — гласит декрет, — он должен иметь доступ к суду и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделе суда, которому подведомственны дела между гражданами». В том же декрете говорится, что милетяне должны подчиняться судебным постановлениям Ольвии. Но кто были судьи в Ольвии, какова была организация суда, об этом у нас нет почти никаких сведений. В других полисах судебные функции осуществлялись народным собранием, советом, архонтами, судом присяжных и другими судебными органами.

В судебном порядке в Ольвии преследовались провинившиеся по различным государственным и гражданским делам, в частности, нарушители постановлений народного собрания. На суде граждане обычно выступали сами лично, призывались к суду и свидетели.

Наказания, налагаемые судом, были весьма разнообразны. Применялись штрафы и конфискация имущества; по отношению к вольноотпущенникам применялись особенно суровые меры — их могли снова обратить в рабство, как это было, например, с отцом философа Биона, уроженца Ольвии.

Вторая половина V в., IV в. и первая половина III в. до н. э. были периодом наивысшего процветания Ольвии: город в это время заметно расширился, подвергся значительной перестройке и благоустройству. В IV в. до н. э. была построена новая монументальная каменная оборонительная стена вдоль Северной балки,[1] ранее существовавшие стены подверглись капитальной перестройке. Город достиг теперь максимальных размеров. Были сплошь застроены и прибрежная нижняя терраса («нижний город»; рис. 9) и нагорная часть («верхний город»). В настоящее время городище Ольвии составляет площадь в 27 га. Принимая во внимание, что немалая часть территории древнего города исчезла совершенно, будучи размытой водами Буга, площадь города Ольвии в IV—III вв. до н. э. была гораздо больше указанных размеров.

Ольвия в IV—III вв. до н. э. обладала всеми чертами, свойственными античному эллинскому городу. Сеть прямых улиц разделяла город на отдельные кварталы, последние снабжались питьевой водой из специальных колодцев, цистерн и резервуаров-водохранилищ.[1] В городе были рынки,[2] в частности, особый рыбный рынок,[3] а для хранения хлебных запасов были построены общественные амбары.[4] Наряду с благоустроенными каменными домами частных жителей существовал экклесиастерий — специальное помещение,[5] где заседало народное собрание, имелись храмы и святилища, театр.[6] В соответствии с прочно установившейся традицией устройства греческих городов в Ольвии была агора — обширная городская площадь, вокруг которой располагались торговые сооружения с лавками, здесь же находились и культовые здания. На агоре выставлялись надписи с текстом государственных постановлений.[7] В городе регулярно устраивались религиозные

[1] План северных ворот и прилегающих к ним укреплений, следы которых выявлены раскопками Б. В. Фармаковского в 1907—1908 гг., см.: Б. В. Фармаковский. Ольвия, стр. 19; Л. М. Славин. Ольвія, стр. 23. Внешний вид ольвийских стен IV—III вв. до н. э., часть которых раскопана в 1904 г. над Заячьей балкой, показан в работе Л. М. Славина на стр. 24.

[1] А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 129 сл.

[2] IPE, I², 32B, 49.

[3] IPE, I², 32B, 4. — С. А. Семенов-Зусер. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947, стр. 35.

[4] IPE, I², 32B, 48.

[5] IPE, I², 49.

[6] IPE, I², 25 (надпись конца IV в. до н. э.).

[7] Ольвийская агора открыта в самые последние годы, раскопки агоры продолжаются, см.: Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции [1949 г.]. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 177 сл. — Л. М. Славин. Основные итоги исследования Ольвии за послевоенные годы. Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953, стр. 120.

празднества, посвященные Ахиллу Понтарху, они сопровождались гимнастическими и конными состязаниями. В быту ольвийцев видное место занимал спорт как необходимый элемент физической тренировки и закалки граждан-воинов, готовых с оружием в руках защищать свое государство.

В течение продолжительного времени Ольвии удавалось поддерживать мирное существование, что обеспечивалось хорошо налаженными взаимоотношениями со скифскими племенами и прежде всего с царскими скифами.

В 331 г. до н. э. Ольвия неожиданно подверглась серьезному нападению, причиной которого, однако, явились обстоятельства, лежавшие вне взаимоотношений Ольвии с местными племенами Скифии. Военачальник Зопирион, на которого Александр Македонский возложил охрану во Фракии северных границ Македонского царства, решил предпринять поход в Скифию и подчинить македонскому владычеству северопричерноморские города, пока Александр был занят завоеванием Азии. Зопирион выступил на север с армией около 30 000 человек, и, достигнув Ольвии, подверг ее осаде.[1] В городе находилось большое количество рабов, которые эксплуатировались в различных отраслях хозяйства, а также использовались в качестве домашней челяди богачей. Ольвийские власти боялись, что рабы, воспользовавшись осадой города войсками Зопириона, поднимут в Ольвии восстание. Поэтому первой мерой, предпринятой властями города при начале осады, было освобождение рабов. Во избежание внутренних раздоров, которые могли бы способствовать ослаблению Ольвии, всем проживавшим в городе иностранцам были даны права ольвийских граждан. По тем же мотивам были ликвидированы посредством введения новых долговых книг прежние

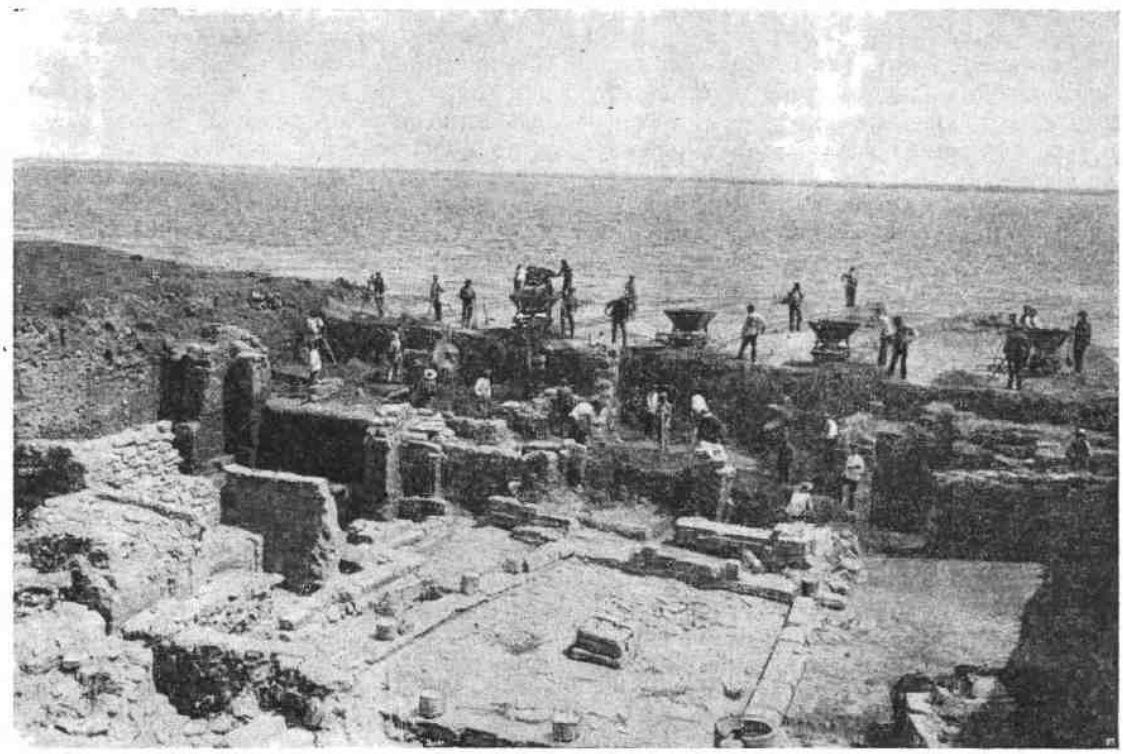

Рис. 9. Раскопки Нижнего города Ольвии.

[1] Об осаде Ольвии войсками Зопириона сообщает Макробий (M a c r o b., Saturn., I, XI, 33= =SC, II, стр. 392); см. также: С. А. Ж е б е л е в. Милет и Ольвия. Северное Причерноморье, стр. 41 сл.

долговые обязательства.[1] Добившись некоторого временного смягчения внутренних социальных противоречий, грозивших взрывом, Ольвия, при поддержке со стороны скифов, отразила нападение Зопириона, войска которого потерпели поражение, а сам он был убит. Жизнь в Ольвии стала снова постепенно вступать в прежнее русло. К этому времени, т. е. к последним десятилетиям IV в., относится интересный документ, рисующий весьма тесную связь Ольвии со своей метрополией — Милетом. Повидимому, уже и раньше между ними экономические взаимоотношения были взаимно благоприятными и оживленными. Теперь же, в связи с тем, что во время осады Ольвии Зопирионом пришлось провести в жизнь ряд экстраординарных мер, нарушивших существовавшее ранее положение, появилась необходимость вновь урегулировать взаимоотношения между Ольвией и Милетом. Этими соображениями было вызвано издание закона (плита с текстом его найдена была близ Милета) о предоставлении гражданам Милета и Ольвии исополитии, т. е. равных прав. На основании такого соглашения все милетцы в Ольвии освобождались от налоговых обложений наравне с почетными иностранцами, которым обычно только в исключительных случаях и притом за особенно выдающиеся заслуги давалась такая привилегия. Закон предоставлял право жителям Милета свободно переходить в ольвийское гражданство и занимать в Ольвии государственные должности, неся при этом, разумеется и соответствующие повинности (уплата налогов и пр.). В судебном отношении милетцы также приравнивались к ольвийцам: тяжбы милетцев должны были разбираться в том же отделении суда, где разбирались гражданские дела ольвийцев. При отправлении религиозных обрядов граждане Милета так же не подлежали никаким ограничениям, как и граждане Ольвии. Все аналогичные привилегии предоставлялись ольвиополитам в Милете.[1]

Таким образом, Ольвия, будучи самым значительным городом-государством северо-западной части северного Причерноморья, в IV в. до н. э. в своих внешних культурных и торговых сношениях продолжала развивать традиционную связь прежде всего с ионийскими городами Малой Азии и в первую очередь со своей метрополией — Милетом. Афины не играли доминирующей роли в экономической жизни Ольвии в IV в., что представляется резким контрастом в сравнении с Боспором, который именно в это время являлся важнейшим поставщиком хлеба и сырья в Афины, а вместе с тем и одним из самых важных рынков сбыта изделий афинской обрабатывающей и художественной промышленности.

В первой половине III в. до н. э. Ольвия продолжала процветать, в городе возникли новые кварталы с большими благоустроенными домами и общественными зданиями (рис. 10).[2] В Ольвию обильно ввозились изделия художественного ремесла из западных районов Малой Азии, много импортировалось вина с о. Родоса, Коса, а также из Гераклеи Понтийской (рис. 11) и Синопы, откуда доставлялось одновременно и немалое количество оливкового масла; импортировалось вино и из Херсонеса Таврического, поддерживались торговые связи с западным Причерноморьем (рис. 12). Расписные глиняные вазы и скульптурные произведения привозились из Александрии (Египет).[3] Значительное количество различных изделий — металлических, глиняных и других — по-

[1] Так обычно толкуются слова Макробия; factis tabulis novis. Б. В. Фармаковским предложено иное толкование. По его мнению, приведенные выше слова скорее всего обозначают составление новых списков граждан (см.: Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1925 г. СГАИМК, I, 1926, стр. 199, прим. 1.). Несомненно, в городе, помимо рабов, было еще значительное число бесправных людей, к которым принадлежали лица негреческого происхождения, «варвары». Даже будучи формально свободными, они не могли пользоваться политическими правами, ибо таковые распространялись только на потомственных ольвиополитов-эллинов. Само собой разумеется, что эта группа населения имела все основания относиться враждебно к привилегированному слою ольвиополитов. Толкование, предложенное Б. В. Фармаковским, вызывает сомнение у С. А. Жебелева; см.: С. А. Жебелев. Милет и Ольвия. Северное Причерноморье, стр. 47, примеч. 3.

[1] С. А. Жебелев. Милет и Ольвия. ИОН, № 6, 1929, стр. 427—435. Об оживлении связей Милета с западночерноморскими городами см.: Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., стр. 103 сл.

[2] Л. М. Славин. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части города. СА, VII, 1941, стр. 292—305.

[3] Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗОО, т. XXVII, 1907. — B. Pharmakowsky. Olbia 1901—1908. ИАК, вып. 33, 1909, стр. 123 сл. — Б. В. Фармаковский. Раскопки Ольвии в 1902 и 1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 191—215.

Рис. 10. Раскопки квартала раннеэллинистического времени в северо-восточной части Ольвии.

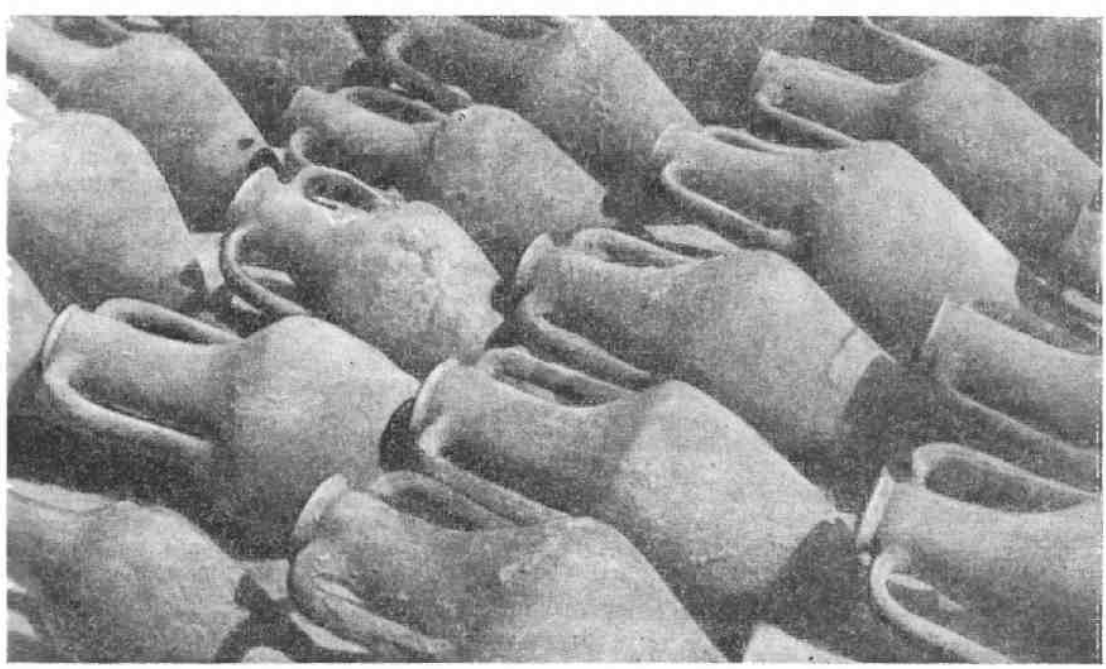

Рис. 11. Склад гераклейских и фасосских амфор IV в. до н. э., найденный в яме-погребе.

прежнему изготовляли мастерские в самой Ольвии.

В эллинистический период получила значительное распространение выделка художественной керамики. Изготовлялась по-

Рис. 12. Надгробие Сатира сына Дионисия, месембрианца. III в. до н. э.

суда, покрывавшаяся светлой обмазкой (для этой цели применялась светлая глина), по которой наносилась роспись в виде растительных узоров, гирлянд и поясков.[1]

[1] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 140 сл.

С конца IV и до II в. выделывались также и полихромные вазы;[1] некоторые из ольвийских «акварельных» ваз отличались большими художественными достоинствами, хотя того распространения, которое эта группа получила на Боспоре, в Ольвии она не имела.

Во второй половине III в. положение Ольвии начинает ухудшаться, прежде всего в результате тех существенных социально-политических изменений, которые произошли у племен, населявших северное Причерноморье. Эти изменения привели, в частности, к тому, что сарматские племена, ранее занимавшие пространства к востоку от Дона, теперь стали переходить в районы, где господствующее положение до этого занимали царские скифы. Тесня последних,[2] сарматы заставили скифов-кочевников отходить на юг, в сторону Крыма.

Следует отметить, что и у скифов значительно видоизменился их уклад жизни в сравнении с тем, что было в V в., когда о Скифии писал Геродот. На нижнем Днепре в результате перехода к оседлому быту значительной массы кочевников возникло, начиная с II в. до н. э., немалое число скифских укрепленных земледельческих поселений, находившихся в зависимом положении от разбогатевшей на хлебной торговле скифской знати, все более превращавшейся в настоящий класс рабовладельцев. Этот быстро развивавшийся процесс классообразования, протекавший особенно интенсивно под влиянием античной торговли, разлагающе действовавший на патриархально-родовой строй местных племен, привел в конечном счете к образованию скифского государства,[3] политический центр которого был организован в Крыму, так как в Придне-

[1] В. Блаватський. Поліхромна ойнохоя з Ольвії. Археологія, I, Київ, 1943, стр. 153—160.

[2] Diod., II, 43 = SC, I, стр. 459. — П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 98.

[3] Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами северного Причерноморья. АИБ, стр. 103 сл. — В. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 117—145. Число известных в нижнем Поднепровье скифских земледельческих поселений, возникших в позднеэллинистическое время, значительно увеличилось благодаря археологическим исследованиям, проводившимся украинскими археологами в последние годы.

провье хозяевами положения теперь оказались не скифы, а сарматы. Столкновение между скифами и сарматскими племенами, а наряду с этим все более усиливавшийся нажим и тех, и других на Ольвию предопределили наступление кризиса.[1] Если раньше Ольвии удавалось поддерживать мирные отношения с окружавшими ее племенами, то теперь, напротив, настало время крайне тревожное и напряженное. Участились конфликты и войны с соседними племенами, а одновременно обострились и внутренние социальные противоречия в самой Ольвии.

Фрагмент почетного декрета, изданного в III в. до н. э. в честь одного ольвийского гражданина, указывает на большие услуги, оказанные им городу. Он не только принес ощутительную пользу финансовым делам города, но и сумел водворить в городе мир, нарушенный внутренней борьбой между различными группами ольвийского населения.

Тревожная обстановка, обусловленная надвигавшейся со стороны степей опасностью нашествий, заставляла Ольвию усилить заботу об обороне города, о его фортификационных сооружениях. Между тем, ухудшившееся финансовое положение Ольвии делало невозможным выполнение таких работ за государственный счет. Приходилось прибегать к частной благотворительности богатых ольвийцев. Согласно надписи,[2] относящейся еще к первой половине III в. до н. э., один из таких ольвийских богачей, Клеомброт сын Пантакла, принадлежавший, повидимому, к купечеству, построил на свои средства в прибрежной части города мощную башню, посвятив ее Гераклу и народу, за что Клеомброту были оказаны городом большие почести.[3]

Особенно значительными заслугами перед Ольвией прославился крупный богач Протоген; сохранившийся в честь него декрет с подробным описанием и прославлением его деятельности представляет первостепенной важности источник для ознакомления с условиями жизни Ольвии и ее положением в конце III в. до н. э.[4] Из декрета явствует, что город переживал тогда трудные времена. В период процветания в V—IV вв. и первой половине III в. Ольвия находилась, как уже указывалось выше, преимущественно в мирных взаимоотношениях с окружавшим ее скифским населением. Этому способствовала экономическая заинтересованность обеих сторон. Но в конце III в. царские скифы уже не обладали былой мощью, их положение значительно осложнилось вследствие вторжения в скифские владения сарматских племен, что резко нарушало установившиеся здесь ранее межплеменные связи. Вместе с тем скифы теперь сами стали предъявлять Ольвии все более возрастающие требования. Еще хуже с точки зрения интересов Ольвии было то, что скифы не являлись теперь единственными хозяевами степей в северном Причерноморье. Появившиеся тут новые племена смотрели на Ольвию как на источник обогащения, к которому они прибегали время от времени, пуская в ход угрозы или силу, если угрозы не достигали цели. Из декрета, посвященного Протогену, явствует, что Ольвия прежде всего систематически выплачивала дань («дары») скифскому царю Сайтафарну. Для вручения «даров» Сайтафарну снаряжались специальные посольства, направлявшиеся в резиденцию (εἰς βασίλεια) царя. Являлись за «дарами» и вожди других племен (сайев и др.). Вторжение в степные районы новых племен кочевников и набеги их на Ольвию, от которых последней приходилось то отбиваться, то откупаться «дарами», весьма отрицательно отзывалось на ее хозяйственной жизни, поскольку были дезорганизованы торговые отношения с окрестным населением. Упадок доходов Ольвии вызывался прежде всего расстройством товарообмена с местными земледельческими племенами, не в малой степени испытывавшими и на себе ту беспокойную обстановку, которая складывалась в северном Причерноморье. Городская казна Ольвии находилась в плачевном состоянии, вследствие чего удовлетворить требование Сайтафарна и других претендентов на «дары» становилось невозможным. Одной из важнейших заслуг Протогена являлось неоднократное предоставление городу денежных займов. Насколько тяжелым было состояние финансов Ольвии, показывает тот факт, что городские власти в целях изыскания средств принуждены были заложить у какого-то

---

[1] Н. В. Шафранская. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. ВДИ, № 3, 1951, стр. 9 сл.
[2] IPE, I², 31.
[3] IPE, I²,179.
[4] IPE, I², 32.

иностранца-ростовщика даже драгоценные священные сосуды, хранившиеся в ольвийских храмовых сокровищницах. По истечении срока залога город оказался не в состоянии выкупить эти храмовые сосуды и они чуть было не попали на слом и в переплавку. Бедственное положение Ольвии в рассматриваемый период ярко иллюстрирует ольвийский закон об обложении жертвоприношений большим налогом.[1] Каждый, кто желал принести в жертву богам быка, обязан был уплатить налог в размере 1200 медных монет, за овцу взималось 300 монет и т. д. Из декрета в честь Протогена видно, что Ольвия в то время неоднократно испытывала голод, так как вследствие неурожая и нарушенного товарооборота хлеб в город поступал в совершенно недостаточном количестве и цены на него быстро росли в результате развившейся спекуляции, а все это естественно порождало страх и неуверенность населения. Городу приходилось прибегать к помощи таких крупных богачей, как Протоген и ему подобные. На полученные у них взаймы средства производилась закупка хлеба и другого провианта, которые отпускались затем населению из общественных амбаров по более умеренным ценам.

В довершение всех бедствий над Ольвией тогда же нависла угроза нападения галатов совместно со скирами. Под галатами, о намерении которых напасть на Ольвию сообщается в протогеновской надписи, повидимому, подразумевалось одно из кельтских племен, находившихся в придунайских районах западного Причерноморья. Кельты, они же галлы или галаты, как их, начиная с III в. до н. э., обычно называли, населяли в древности Британию и Галлию. Около середины V в. до н. э. очень воинственные кельтские племена пришли в движение, в результате которого кельты появились в северной Италии, в районе верхнего и среднего течения Дуная, в северо-западной части Балканского полуострова, на восточном побережье Адриатического моря и в долине р. Савы. Особенно грозный характер приобрели набеги кельтов в 70-х годах III в. до н. э., когда они, опустошив Македонию, прорвались в Грецию и достигли там города Дельф. Вынужденные под напором греческого войска отступить, кельты обосновались на территории Фракии, от Дуная до Мраморного моря. Отсюда часть кельтов проникла в Малую Азию, где с ними вел успешную борьбу царь Антиох I.

Как только в Ольвию проник слух о предстоящем нашествии галлов, множество ольвийских жителей, а также иностранцев стало покидать город, тем более, что внутреннее положение в городе возбуждало неменьшую тревогу: в городе стало известно, что, пользуясь замешательством, вызванным опасностью нападения галатов, рабы намереваются поднять восстание, чтобы расправиться со своими угнетателями и сбросить с себя иго рабства. Положение Ольвии осложнилось еще и тем, что ближайшие ее соседи миксэллины, принимавшие раньше участие в военных столкновениях на стороне Ольвии, в качестве ее союзников, теперь отказывались поддерживать Ольвию.

Весть о предстоящем нашествии галатов и скиров вызвала панику не только в Ольвии, но и в прилегающих к ней районах. Некоторые соседние племена (фисаматы, скифы, савдараты), опасаясь столкновения с галатами, захотели укрыться в Ольвии под защитой ее оборонительных стен. Это еще более усиливало смятение, так как ольвиополиты не ожидали ничего хорошего от проникновения столь многочисленной массы «варваров» во внутренние пределы города.

Не предвещало ничего утешительного и состояние оборонительных сооружений Ольвии. Они не могли обеспечить надежной защиты, поскольку приречная полоса города была снабжена только отдельно стоявшими башнями, не имея сплошной крепостной стены, чем галаты и хотели воспользоваться, предполагая совершить нападение в зимнее время, когда в город можно было проникнуть со стороны Буга по льду. Поэтому были спешно предприняты работы по возведению каменной ограды вдоль берега и по восстановлению пришедших в ветхость существующих укреплений.[1] Состоялось ли ожидавшееся нападение галатов на Ольвию, неизвестно. Ясно одно, что для Ольвии это были трудные времена. В конце концов остался лишь один наиболее надежный выход: отдать себя под покровительство

[1] IPE, I², 76.

[1] В декрете Протогена упоминается 5 башен, подвергнутых ремонту: 2 башни у больших ворот и еще 3 башни, называвшиеся, очевидно, по имени лиц, на средства которых они были построены, — Кафигеторова, Епидавриева, Посиева.

скифов, заручившись их защитой от посягательств со стороны других кочевых племен. Существование протектората скифов над Ольвией во II в. до н. э. доказывается ольвийскими монетами, носящими имя скифского царя Скилура.[1]

Скилур возглавлял скифское царство, центром которого, после того как сарматы вытеснили царских скифов из Приднепровья, служил город Неаполь в Крыму (близ современного Симферополя). Подчинив себе Ольвию, Скилур, очевидно, не ограничивался использованием вытекавших из этого положения экономических выгод, но в какой-то мере обеспечивал защиту города, предоставляя последнему возможность поддерживать товарообмен с местным населением. Впрочем, эту задачу скифы выполняли далеко не в той мере, как этого, очевидно, хотели ольвийцы. Внимание правителей скифского царства, основной базой которого стал центральный Крым, вскоре переключилось на другие, более широкие задачи. Скифы, укрепившись в Крыму, были озабочены тем, чтобы распространить свое господство на греческие города Крыма, так как последние служили выходом к морю и открывали широкие возможности торговли с заморскими странами.

При таком положении протекторат скифов над Ольвией не мог вполне обеспечить устойчивое положение города и дать ему возможность уверенно и широко развивать свою торговую деятельность, хотя она и продолжалась, но уже без прежнего большого размаха. Сильной помехой была неспокойная обстановка в степях, что препятствовало ведению регулярного обмена с населением Скифии в районах Побужья и Поднепровья.

[1] Зависимость Ольвии от скифских царей во II в. до н. э. (во всяком случае при Скилуре) не подлежит сомнению. Остается не совсем выясненным вопрос, было ли это подчинение достигнуто скифами путем насильственного захвата города, или оно явилось результатом более или менее мирного соглашения. Сообщение Диона Хрисостома о том, что город еще до разгрома его гетами (в середине I в. до н. э., об этом подробнее см. ниже) «уже несколько раз был взят врагами», дает как будто основание предполагать захват Ольвии скифами силой. Однако тот факт, что при Скилуре, когда город находился под властью скифов, Ольвия сохраняла право автономной чеканки городской монеты наряду с царской (см.: А. И. Зограф. Античные монеты, стр. 137), позволяет с значительной долей вероятности думать, что подчинение Ольвии скифам было осуществлено ими без военного разгрома города.

Во II в. Ольвия, повидимому, поддержи вала довольно оживленный обмен с крым скими скифами. Характерно, что некий По сидей, повидимому, родосец по происхож дению, обосновавшийся в Ольвии по торго вым делам, проявлял большую активност в Неаполе, столице скифов в Крыму.[1] Вер ятно, он состоял на службе у скифског царя Скилура и был его ближайшим сове ником. Надо заметить, что в рассматрива мый период особенно рельефно выступае роль Родоса как крупнейшего торговог контрагента Ольвии. Ввоз родосского вин в это время занимал очень видное мест в ольвийском торговом обмене.

Хотя торгово-рабовладельческая вер хушка Ольвии уже не имела таких богатст как раньше, тем не менее в городе был отдельные семьи, обладавшие немалыми сре ствами, такова, например, засвидетельств ванная эпиграфическими документам семья, члены которой были жрецами сам фракийских божеств и богини Артемид Ими были поставлены в городе 3 статуи

Почетный декрет в честь ольвийца Ник рата сына Папия, отличившегося рядо заслуг перед городом, рисует в весьм безотрадном виде состояние Ольвии в рубеже II—I вв. до н. э.[3] Город почти непр рывно пребывал в состоянии войны с «ва варскими» племенами и к тому же еще бы раздираем внутренней социальной борьбо

Намерение скифов овладеть греческим городами в Крыму натолкнулось на ож сточенное сопротивление Херсонеса, кот рый повел упорную борьбу за свою полит ческую независимость с царем Скилуром сменившим его сыном Палаком. Так ка скоро обнаружился явный перевес сил в стороне скифов, то Херсонес, не жела оказаться под властью последних, привл к себе на помощь понтийского царя Митр дата VI Евпатора. В результате военно вмешательства Митридата скифы в кон II в. до н. э. принуждены были отказать от своих завоевательных планов, но вмес с тем Херсонес и Боспорское царство ок зались полностью под властью понтийско царя (об этом подробнее см. ниже, в разде о Херсонесе и Боспоре). Вслед за тем Ольвия принуждена была подчиниться М

[1] IPE, I², 670—672.
[2] IPE, I², 190 и 191.
[3] IPE, I², 34.

тридату, имевшему все основания рассматривать этот большой город в Скифии как важный стратегический опорный пункт, а также источник материальных ресурсов. В Ольвии был размещен гарнизон, а в целях большего усиления своего влияния Митридат переселил в Ольвию еще и некоторое количество наиболее преданных ему малоазийских жителей из Понта.[1] Когда управление Боспором после неудачной его попытки отложиться от Митридата возложено было им на своего сына Махара, власть последнего, вероятно, распространилась и на Ольвию. Во время третьей войны Митридата с Римом, когда после измены Махара и его изгнания Митридат снова взял под свое руководство северное Причерноморье, рассчитывая отсюда предпринять наступление на Рим, Ольвия, повидимому, снова оказалась в подчинении у Митридата, пока не вспыхнуло окончательно погубившее его восстание греческих городов северного Причерноморья, в числе которых была, может быть, и Ольвия.[2]

После бурных событий митридатовского периода Ольвию скоро постигла в полном смысле катастрофа: на город напали геты и подвергли его разгрому, после которого Ольвия смогла возродиться далеко не сразу.

Геты представляли собой один из родственных фракийцам племенных союзов, занимавший с I в. до н. э. территорию между нижним Дунаем (Истр) и Днестром (Тирас). Геты в течение долгого времени не играли заметной роли в истории западного Причерноморья, пока во главе их не стал выдающийся правитель Биребиста. Последний сумел в очень короткий срок сплотить и должным образом организовать сильно ослабленных частыми войнами гетов, превратившихся теперь под руководством своего энергичного правителя в большую силу. Выиграв ряд войн с ближайшими своими соседями, Биребиста к середине I в. до н. э. стал правителем сильного объединения племен, опираясь на которое, смог подчинить себе греческие рабовладельческие города западного побережья Понта Евксинского.[1] Расширяя завоевательные действия в северном направлении, геты совершили в 48 г. до н. э. поход на Ольвию, закончившийся полным разорением города. После отхода гетов часть разбежавшегося населения опустошенной Ольвии стала постепенно возвращаться на прежние места, и город понемногу начал опять оживать. Интересно, что к восстановлению города весьма сочувственно относилось окрестное население. И это вполне понятно. Уничтожение Ольвии гетами парализовало торговлю между местным населением и греческими купцами. Прекращение ввоза в Скифию товаров как ольвийского производства, так и иностранного происхождения неблагоприятно отзывалось на культурно-хозяйственной жизни окрестного населения, особенно земледельческого, которое издавна было втянуто в товарообмен с Ольвией и привыкло многое получать оттуда в обмен на сельскохозяйственные продукты.

Восстановленная Ольвия была значительно меньше по размерам занимаемой территории, чем Ольвия до гетского разгрома. Согласно рассказу Диона Хрисостома, ритора из Вифинии, посетившего Ольвию (Дион называет ее городом Борисфеном, а жителей борисфенитами) лет 150 спустя после гетского нашествия, в новой Ольвии городские постройки отличались довольно скромным внешним видом и были расположены весьма скученно.[2] О постигшем город разгроме еще красноречиво говорили поврежденные статуи в храме («не осталось ни одной целой», — замечает Дион) и обезображенные скульптурные изображения на

---

[1] С. А. Жебелев. Ольвия и Мифрадат Евпатор (IosPE, I², 35). Ольвия, I, Киев, 1940, стр. 281 сл.

[2] Для такого предположения дает основание сообщение Аппиана, согласно которому, «все ближайшие укрепления, недавно захваченные Митридатом, подражая смелому поступку фанагорийцев, отпали от него, именно Херсонес, Феодосия, Нимфей и все прочие удобные для ведения войны укрепления вокруг Понта» (App., Mithr., 108=SC, I, стр. 533). В числе «прочих» укреплений могла быть и Ольвия.

[1] Царство Биребисты охватывало почти всю территорию современной Румынской Народной Республики. В недавно опубликованной интересной работе К. Дайковичиу, посвященной изданию результатов раскопок дакийской крепости Пятро Рошие, на основе широкого привлечения источников и углубленного их анализа автором убедительно показано, что гето-дакийские племена к I в. до н. э. достигли высокого уровня социально-экономического развития и значительной племенной консолидации, в результате чего при Биребисте уже сформировалось сильное гето-дакийское государство раннерабовладельческого типа. (C. Daicoviciu. Cetatea dacică de la Piatra Roşie. Editura Academiei Republicii Populare Romîne, 1954).

[2] SC, I, стр. 171—178.

надгробиях оливийского некрополя. Характерной особенностью греческих городов, в которых возобновилась жизнь после гетского разгрома, в том числе и Ольвии, было, по словам Диона, большое количество поселившегося в них негреческого населения. Большой процент выходцев из местных племен в составе городского населения оказывал значительное влияние на культуру Ольвии, сарматизация которой все время усиливалась.

Очень ярко обрисовал Дион внешний облик ольвиополита. Мужчины — это прежде всего воины. Они носят на поясе большой, очевидно, сарматского типа меч. Одежда состоит из шароваров (ἀναξυρίδες) и других элементов скифского костюма, на плечах — небольшой тонкий черный плащ. Преобладание в одежде черного цвета Дион объясняет скифским влиянием. По-гречески ольвиополиты говорят уже не совсем чисто «вследствие того, что они живут среди варваров». Но при всем этом жители города почитают Гомера, творения которого почти все знают наизусть.

К сказанному следует добавить, что и в области религиозных культов у ольвийцев сохранялись прежние греческие традиции. Культы Аполлона и Ахилла были и теперь господствующими. Проникновение в Ольвию культов фракийских и восточных божеств (Кибелы, Исиды и Сераписа, Митры) в значительной мере было обусловлено пребыванием в городе римского войска (большую часть которого составляли фракийцы), представителей римской администрации,[1] а также малоазийских купцов.

На базе снова широко развившихся торговых сношений в I—II вв. н. э. благосостояние Ольвии окрепло. Наряду с импортной продукцией, которая шла на сбыт через Ольвию из иноземных производственных центров, в Ольвии снова возродилось свое ремесленно-промышленное производство (гончарное, металлическое и др.), изделия которого не только удовлетворяли потребности самой Ольвии, но продавались и местному земледельческому населению, жившему в смежных с Ольвией районах, где имелись ольвийские торговые фактории.[2] Ряд сохранившихся надписей подтверждает оживленные внешние торговые сношения Ольвии, о развитии которых ольвийские государственные власти проявляли большую заботу. В I в. н. э. город Византий издал декрет в честь ольвиополита Оронта.[1] Ему предоставлялись права гражданства Византия; кроме того, было решено поставить ему позолоченную бронзовую статую в булевтерии (т. е. в здании совета) Византия за то, что Оронт, выполняя обязанности ольвийского магистрата, относился с особенным вниманием к иностранным купцам, приезжавшим по торговым делам в Ольвию.

Не менее показателен декрет второй половины II—начала III в. н. э., в котором перечислены 19 городов, почтивших золотыми венками покойного ольвийского архонта Теокла сына Сатира, успешно исполнявшего в течение своей жизни многочисленные должности и ответственные поручения, включая жреческие обязанности и важные дипломатические миссии.[2] Особенную привязанность Теокл заслужил от иностранцев, прибывавших в Ольвию с торговыми целями, за предупредительное к ним отношение.

В числе городов, удостоивших Теокла почестями, в декрете упомянуты Херсонес и Боспор (т. е. Пантикапей), что указывает на существование торговых сношений и между городами северного Причерноморья.[3] Из городов западного Причерноморья названы Тира, Томы, Каллатия, Истрия, Одесс. Из всех греческих колоний северного Причерноморья Ольвия, очевидно, поддерживала наиболее оживленные сношения с западными понтийскими городами.

В надписи Теокла значатся также все крупные города южного Причерноморья и Пропонтиды (Византий, Тий, Гераклея, Амастрия, Синопа, Никомидия, Никея, Апамея, Прусы, Кизик), из более же отдаленных центров восточного Средиземноморья фигурирует только Милет, с которым и в этот период Ольвия продолжала поддерживать сношения, очевидно, помня свое милетское происхождение.

Круг внешних связей Ольвии был в действительности еще шире, чем об этом можно судить по надписи в честь Теокла. При

[1] IPE, I², 170, 184.

[2] А. В. Добровольский. Земледельческое поселение первых веков нашей эры на р. Ингульце. Археологія, III. Київ, 1950, стр. 175.

[1] IPE, I², 79 (копия декрета, которая была выставлена в Ольвии).

[2] IPE, I², 40.

[3] Имена проживавших в Ольвии боспорцев упоминаются в нескольких надгробных надписях I—II вв. н. э.; см.: IPE, I², 202—204.

раскопках города Дура Европос в Месопотамии была найдена карта первой половины III в. н. э., исполненная красками на кожаной обивке щита, принадлежавшего пальмирскому солдату-лучнику одной из римских когорт. На карте изображено Черное море и окружающая его суша, причем на сохранившемся фрагменте карты обозначены города западного и северного Причерноморья — Каллатия, Томы, Тира, Борисфен (т. е. Ольвия), Херсонес, — далее малоазийский город Трапезунт и, наконец, Артаксата — столица Великой Армении.[1] Несомненно, карта отражает тот путь, по которому производились военно-административные сношения между западными понтийскими городами и юго-восточным Причерноморьем, откуда шли дороги к Евфрату, к границам Парфии. Ольвия лежала на этом пути, являясь одним из пунктов расположения римских войск и морской станцией, куда заходили корабли, поддерживавшие связь между северо-западным и юго-восточным Причерноморьем. Парфянские изделия (глазурованные сосуды, художественная резная кость), встречаемые при раскопках Ольвии, очевидно, попадали туда благодаря функционированию вышеуказанного пути.[2] Через Ольвию по речным путям в первые века нашей эры различные изделия греческого и римско-италийского ремесла проникали на территории, заселенные славянскими племенами.[3]

В Ольвию теперь ввозилась краснолаковая посуда из западных центров Малой Азии (район Пергама), с о. Самоса, в небольшом количестве этого рода посуда поступала из Италии. Импортировались стеклянные сосуды из Александрии (Египет), а также из Сирии; не исключена возможность, что некоторая часть стекла ввозилась из западноримских областей. Основными поставщиками вина и оливкового масла в это время были, повидимому, города южного Причерноморья. Значительное место в импорте занимали текстильные изделия — ткани, платье. Главным предметом ольвийского экспорта была несомненно пшеница и продукты скотоводческого хозяйства (кожи), вывозилась также соль. Открытые раскопками ольвийского городища остатки виноделен свидетельствуют, что в первые века нашей эры в Ольвии существовало собственное виноделие, а стало быть, было развито и виноградарство.

Как уже отмечалось выше, в городе производилось много ремесленных изделий. Интенсивно работали керамические мастерские, выпускавшие разнообразную посуду, кровельные черепицы, пифосы и т. д., а равным образом и художественные терракотовые статуэтки.

В первые века нашей эры в местной керамике Ольвии наблюдаются существенные изменения. Если ольвийская керамика предшествующего периода примыкает в основных своих особенностях к изделиям греческим, то теперь в ней наблюдается резко выраженное местное течение, стоящее в несомненной зависимости от общей сарматизации Ольвии. Это течение представлено группой сероглиняных лощеных (т. е. полированных лощилом — камнем или костью) сосудов, украшенных различного рода простейшими орнаментами, выполненными тоже лощеными линиями. Как в формах, так и в орнаментах эти сосуды обнаруживают большое сходство с местной сарматской керамикой.

Наряду с серыми лощеными сосудами продолжалось производство простой посуды, кухонной и отчасти столовой, близкой по стилю и технике тем же группам предшествующего периода. Среди этой посуды получает значительное распространение существовавшая и ранее группа керамики краснолаковой, покрытой тусклой красной «глазурью»; типы ее очень близки в это время типам малоазийской краснолаковой керамики, но по технике выделки они несколько слабее, чем у малоазийских изделий этого рода.

Раскопками в Ольвии в ряде мест открыты остатки керамического производства первых веков нашей эры. В 1930—1932 гг. в северо-восточной части ольвийского городища обнаружено несколько гончарных печей, относящихся к I—II вв. н. э.[1] На рис. 13 представлена одна из них.

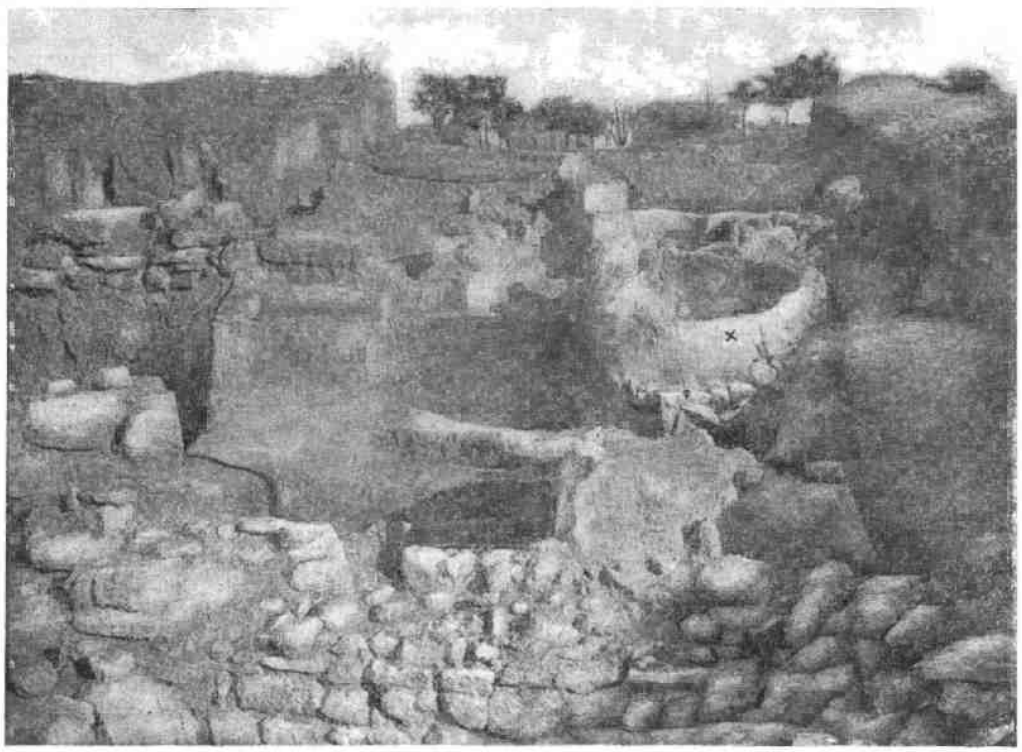
---

[1] F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, стр. CIX—CX; см. также: Syria, v. VI, 1925.

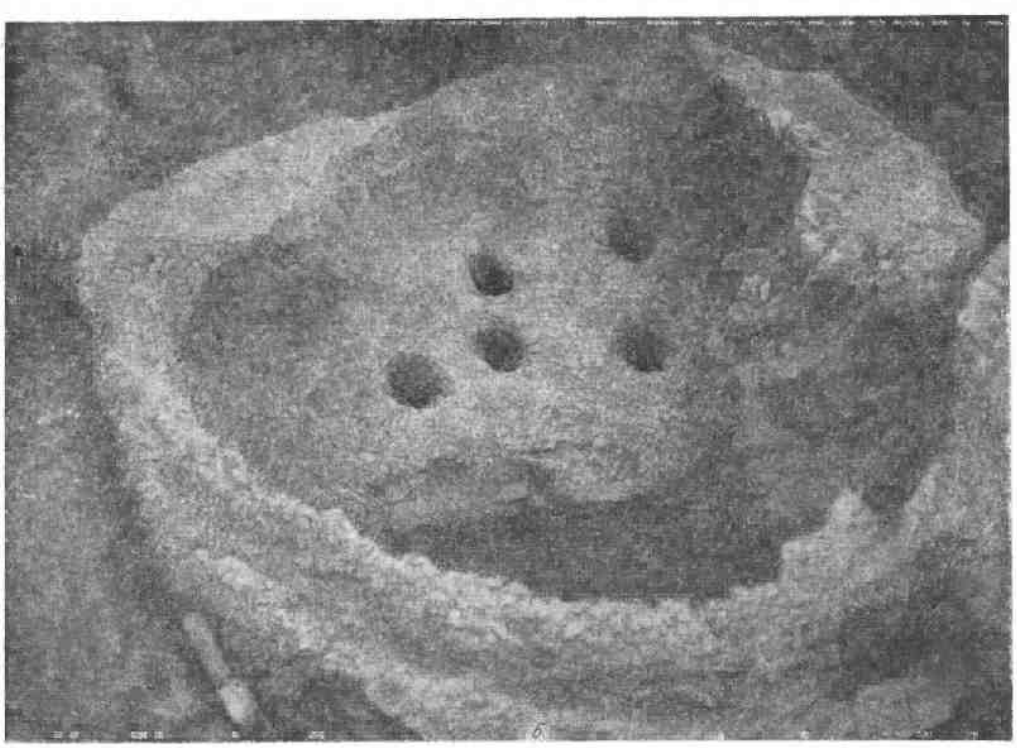
[2] AA, 1935, стр. 58—70.

[3] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949; см. также: ВДИ, № 2, 1951, стр. 189 сл.

[1] Р. И. Ветштейн. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Автореф. дисс., Киев, 1953.

а

б

Рис. 13. Гончарная печь I в. н. э. в Ольвии.

а — общий вид раскопа; *б* — обжигательная камера печи.

Сохранился круглый корпус печи, построенной из сырцовых кирпичей, и обложенное камнями топочное устье. Над топкой, занимающей нижнюю часть печи, расположена обжигательная камера диаметром 1.2 м, в которую укладывалась предназначенная к обжигу посуда. Под обжигательной камеры, поддерживаемый поставленным в центре топки столбом, снабжен отверстиями, через которые из топки проникали горячие газы. Обжигательная камера имела, повидимому, куполообразное покрытие с дымовытяжным отверстием вверху. Возле печи были найдены обломки испорченных при обжиге сосудов. Судя по ним, в печи обжигались сероглиняные кувшины, наружная поверхность которых подвергалась лощению.

Остатки двух обжигательных печей I в. н. э. открыты на территории бывшей ольвийской агоры в центральной части городища. Одна маленькая, круглая, другая большая, четырехугольная, с двумя подпорными столбами в топке. Эта большая печь предназначалась для обжига кровельных черепиц.

К II—III вв. н. э. относятся гончарные печи, обнаруженные в нижней приречной части ольвийского городища. Эти печи расположены с внешней стороны городской стены и принадлежали, повидимому, двум керамическим мастерским. К одной из них относятся развалины трех печей. Большая печь, прямоугольная в плане, сохранилась только в нижней своей части, представляющей топочное помещение. Внутри него уцелело основание двух прямоугольных столбов, выстроенных, как и корпус печи, из сырцовых кирпичей и служивших для поддержания пода обжигательной камеры. Печь предназначалась для обжига черепиц и крупной посуды. Последнее подтверждает находка круглых кольцеобразных подставок, на которые устанавливались сосуды внутри обжигательной камеры. Интересно, что ниже основания этой печи обнаружены частично сохранившиеся следы ранее существовавшей тут же небольшой круглой печи, позднее уничтоженной и замененной печью бóльших размеров.

Расположенная рядом с большой четырехугольной печью третья печь меньших размеров и круглой формы сохранилась неполностью. Посредине топки стоял столб, поддерживавший под обжигательного отделения. Но обжиг изделий производился не только в этой верхней обжигательной камере; для этой цели использовалась отчасти и сама топка, где обнаружены были при раскопках оставшиеся от последнего обжига крышечки сосудов и пирамидальные подвески для ткацких станков.

Восстановленная после гетского нашествия и экономически быстро окрепшая Ольвия в первые века нашей эры все же почти постоянно жила в тревожной обстановке. Если Ольвия была в состоянии с относительным успехом защищать себя от набегов небольших кочевнических отрядов, то гораздо более трудным и сложным был вопрос о взаимоотношениях с мощными группами кочевников, населявшими степные районы, где господствующее положение теперь занимали сарматские племена роксоланов. Выгоды, извлекаемые из торговых сношений с Ольвией, как и раньше, способствовали известному сближению правящей верхушки местных племен с ольвиополитами. Но это не могло обеспечить длительного и прочного мира, так как в степях северного Причерноморья теперь не было внутреннего достаточно устойчивого соотношения сил между населявшими их племенами. Поэтому не могли установиться и вполне надежные взаимоотношения между ними и Ольвией. Кроме того, положение последней усложнялось еще и тем, что крымские скифы, распространявшие свое господство на район между Крымом и Ольвией, опять начали, следуя традиции Скилура и Палака, проявлять стремление к подчинению греческих городов, в том числе и Ольвии, с тем чтобы стать хозяевами посреднической торговли, которую вели эти города, извлекая из нее большие доходы. В политической истории Ольвии теперь стало играть немаловажную роль вмешательство Рима в жизнь греческих городов северного Причерноморья, начавшееся тотчас же вслед за падением Митридата Евпатора. Правда, на первых порах это вмешательство коснулось Ольвии в довольно слабой степени. Интерес к греческим северопричерноморским городам со стороны Римской империи возрастал по мере того, как расширялись ее захватнические планы в прилегающих к Черноморью районах. К тому же, Риму важно было на северо-восточной периферии иметь в лице греческих колоний опорные стратегические пункты, которые должны были способствовать охране дунай-

ской границы, прикрывавшей завоеванные Римом области и прежде всего Фракию. Уже при императоре Тиберии (14—37 гг.) Фракия стала зависимой от Рима областью, надзор за которой римские власти вели из учрежденной по правой стороне Дуная провинции Мёзии. С превращением Фракии в 46 г., при императоре Клавдии, в римскую провинцию, являвшуюся одним из первостепенных поставщиков людей для римской армии, Дунай приобретал весьма большое значение как пограничная зона империи. В осуществлении своего владычества над придунайскими землями Рим использовал греческие города западного побережья Черного моря. В целях дальнейшего укрепления позиций Рима на нижнем Дунае в 56 или 57 гг. Тира была превращена в зависимый от Рима город,[1] а немного позднее (в 80-х годах) в районе нижнего Дуная была образована отдельная нижнемёзийская провинция как самостоятельный округ,[2] под наблюдением военных властей которого находились греческие города северного Причерноморья.

В целях противодействия возможным наступательным действиям на греческие города северного Причерноморья со стороны Скифского царства, основной территорией которого был теперь центральный Крым, римские правители пытались использовать Боспор, располагавший значительными вооруженными силами, в качестве защитника северопричерноморских городов. По этим соображениям поощрялся протекторат Боспора над Херсонесом (см. стр. 126), хотя последний всячески стремился освободиться от такого рода опеки, ограничивавшей его суверенитет. Повидимому, предпринимались попытки связать и Ольвию оборонительным союзом с Боспором. Об этом свидетельствует найденный в Ольвии фрагмент декрета, сохранившаяся часть текста которого говорит об оказании почестей боспорскому царю Котису I,[3] водворившемуся на трон с помощью римских легионов в 45 г. (см. стр. 129).

Однако расчеты на помощь Боспора не оправдались, так как боспорские цари, очевидно, не желали тратить свои силы на защиту других городов, опасаясь ослабления обороны собственной территории. Скифское царство настолько усилилось, что Ольвия около середины I в. н. э. вынуждена была признать себя зависимой от скифских царей, подобно тому, как это уже было во II в. до н. э. Подвластность Ольвии скифам подтверждается выпускавшимися ольвийскими монетами с именами скифских царей Фарзоя и Инисмея.[1] Достигнув определенного успеха в Ольвии, скифы направили свое внимание на Херсонес, пытаясь и его подчинить себе. При таких обстоятельствах власти Рима решили оказать военную помощь Херсонесу, тем более, что это могло служить подходящим поводом для прямого вмешательства в политические дела северного Причерноморья, а в дальнейшем и захвата этой территории, что входило в планы Рима. Из Мёзии в Крым были отправлены римские войска, принудившие скифов отступить (см. стр. 89). Весьма вероятно, что одновременно с посылкой римских войск для защиты Херсонеса Ольвия также была занята римским отрядом. Но реализовать замыслы императора Нерона о создании в северном Причерноморье римской провинции оказалось Риму не под силу. Дело ограничилось расквартированием в Таврике и ряде других пунктов черноморского побережья некоторого количества римских войск.

Внутреннее положение Рима при ближайших преемниках Нерона способствовало ослаблению положения римлян на Дунае. Воспользовавшись этим, даки, возглавляемые своим вождем Децебалом, нанесли при Домициане (81—96 гг.) серьезное поражение римлянам. Спасая свое сильно пошатнувшееся положение на Дунае, римское правительство стало стягивать сюда военные силы и в связи с этим оно вывело из северного Причерноморья размещенные там ранее римские гарнизоны. Положение Ольвии в это время превосходно отображено Дионом Хрисостомом в его рассказе о пребывании в Ольвии. Находясь в окружении воинственных племен, Ольвия, по словам Диона, часто подвергалась нападениям, и поэтому население жило в постоянной готовности с оружием в руках защищать свой город. Город обнесен был крепостной стеной, правда, гораздо менее мощной, чем та, ко-

[1] Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II веках нашей эры. М., 1951, стр. 59.
[2] Там же, стр. 81.
[3] IPE, I², 38.

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 137.

торая окружала Ольвию раньше.[1] Охрану города нес гарнизон гражданского ополчения; сторожевые дозоры, рассеянные по окрестностям, обязаны были своевременно оповещать жителей о приближении врага в целях принятия надлежащих оборонительных мер.

Как сообщает Дион, население Ольвии было озлоблено против римлян. Очевидно, кратковременное пребывание римского войска в Ольвии настроило широкие слои населения враждебно по отношению к римлянам. Вместе с тем удаление войск из Ольвии в связи с осложнением положения на Дунае ясно показало, что в действительности римские власти мало беспокоил вопрос о безопасности Ольвии и что ввод римского войска в город при Нероне отнюдь не преследовал цель подлинного обеспечения охраны города. С полной очевидностью должна была выявиться грубая корыстность римской политики. Римские войска «охраняли» Ольвию, поскольку это соответствовало интересам империи, но когда обстановка изменилась, римлянам ничего не стоило оставить на произвол судьбы подопечный им город.

Чтобы ликвидировать последствия поражения и снова утвердить римское владычество в придунайских землях, императору Траяну (98—117 гг.) пришлось вести упорную борьбу с даками, которая закончилась в начале II в. н. э. успешно для Рима. Некоторые ученые полагали, что императором Траяном защита Ольвии была поручена боспорским царям. Однако скорее можно думать, что при Траяне в целях усиления стратегических позиций римлян в связи с борьбой против даков из Нижней Мёзии в Ольвию были откомандированы воинские отряды, которые и образовали там римский гарнизон.

Для размещения последнего южная часть города была превращена в сильно укрепленную цитадель. Но и при наличии римского гарнизона Ольвия, не полагаясь на его силу, предпочитала поддерживать мирные отношения с окружавшими ее племенами, избегая военных столкновений с ними. Ряд надписей II в. н. э., изданных в честь видных ольвийских должностных лиц, в перечне заслуг последних содержит указание на то, что они участвовали в посольствах к царям соседних племен для дипломатических переговоров,[1] или «встречали» сарматских[2] царей. В последнем случае несомненно подразумевалась организация надлежащего приема сарматских правителей, являвшихся время от времени в Ольвию за «дарами», подобно тому как это было раньше, в эллинистический период. Как известно, к такому способу обеспечения безопасности своих границ прибегала теперь нередко и Римская империя, периодически выдававшая «подарки» жившим подле границы опасным соседям.

Имевшихся в Ольвии военных сил оказалось совершенно недостаточно. Когда при Антонине Пие (138—161) тавро-скифы сделали попытку овладеть Ольвией, римские власти послали туда из Нижней Мёзии подкрепления, которые, действуя совместно с ольвийским гарнизоном, оттеснили тавроскифов и заставили их принять соответствующие условия, в числе которых было требование о выдаче заложников.[3] Внутренний государственный строй Ольвии в первые века нашей эры формально оставался таким же, каким он был раньше, до гетского нашествия; даже в период оккупации Ольвии отрядами римской армии до конца II в. н. э. город сохранял свое управление как самостоятельный полис. Но роль отдельных органов власти, их удельный вес заметно

[1] Остатки стены, ограничивавшей Ольвию в первые века нашей эры с севера, открыты раскопками 1935—1936 гг. (Л. М. Славин. Отчеты о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, I, Киев, 1940, стр. 51 сл. — Л. Славін. Розкопки Ольвії в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 8); тем самым точно установлены границы города, восстановленного после гетского нашествия. Совсем заново была построена северная стена (ее ширина 1.7 м), часть старых стен у Заячьей балки была использована и надстроена новой, более узкой стеной (А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 34 сл.). Протяженность городских стен в эллинистический период составляла 2850 м, в первые века нашей эры — только 1600 м (там же, стр. 35). Время от времени оборонительные стены и башни Ольвии в течение I—III вв. подвергались ремонту, усиливались новыми башнями. Так, например, в одной из дошедших до нас надписей сообщается, что некий Анаксимен сын Посидея с братьями построил башню, посвятив ее Зевсу Полиарху, т. е. Градоначальнику (IPE, I², 183). Надпись, высеченная на мраморной плите, очевидно, была вмурована в стены башни.

[1] IPE, I², 39 — декрет первой половины II в. н. э. в честь Карзоаза сына Аттала, который участвовал в посольствах к «соседним царям».

[2] IPE, I², 54 — декрет рубежа II—III вв. н. э.

[3] J. Capit., Ant. P., 9.

изменились по сравнению с более ранними периодами. Демократический строй, присущий греческим городам-государствам, внешне сохранялся, но фактически власть сосредоточилась в руках наиболее состоятельной верхушки рабовладельцев, вершившей всеми государственными делами.

Магистратуры занимали теперь главным образом родовитые и наиболее богатые граждане, часто избираемые из одного и того же рода, одной и той же семьи; иногда одно и то же лицо занимало разные должности или одну и ту же должность в течение нескольких лет. Таким образом, круг стоящих во главе государственного управления политических деятелей все более и более сужался, и государственный строй приобретал «аристократический» характер, хотя демократическая форма и продолжала номинально существовать. Был ли введен имущественный ценз для занятий высших магистратур в Ольвии, мы не знаем, во всяком случае фактически он проводился в жизнь.

Высшими органами государственной власти попрежнему считались народное собрание и совет.

В поздних декретах неоднократно встречаются упоминания о «всенародных» собраниях. Повидимому, это название не имело какого-либо специфического значения и далеко не соответствовало действительному положению вещей; этот термин употреблялся только для придания большей цышности и торжественности. Исполнительная власть осуществлялась, как и раньше, соответствующими магистратурами. Должностные лица — магистраты — и теперь были выборными, но фактически богатая верхушка почти полностью сосредоточила в своих руках экономическую и политическую силу.

Показательно, что в первые века нашей эры должность архонта, как первой, высшей магистратуры, получали обычно наиболее знатные и богатые ольвиополиты, причем известен ряд случаев, когда одно и то же лицо занимало эту должность несколько лет подряд. Следовательно, демократический принцип ежегодной сменяемости должностных лиц не соблюдался.

Так, некий Каллисфен сын Каллисфена занимал должность первого архонта четыре раза.[1] В почетном декрете подчеркиваются заслуги его предков, основавших Ольвию (κτισάντων τὴν πόλιν), и далее отмечается, что он, оказывая помощь нуждающимся, издержал свое имущество. Из текста декрета следует, что Каллисфен не только многократно избирался архонтом, но был также и стратегом. Упоминавшийся уже выше Теокл сын Сатира тоже четыре раза был архонтом; он происходил от славных предков, наследовал достоинства предков и обнаружил доблесть и благосклонность к отечеству; как и его предки, заботясь о городе, он воздвигал на свой счет различные постройки, оказывал всяческое внимание приезжим греческим купцам, за что был удостоен высокой награды.

В первые века нашей эры к первому архонту перешла функция эпонима, т. е. лица, именем которого обозначался год. На монетах ставились монограммы с начальными буквами наименования должности и имени архонта; на некоторых монетах помещалась монограмма первого архонта как ответственного за выпуск монет. Во II—III вв. н. э. архонты иногда наряду с народным собранием и советом выносили постановления в честь выдающихся ольвийских граждан. Как показывают дошедшие до нас надписи II в. н. э., по окончании срока службы коллегия архонтов обыкновенно делала посвящения Ахиллу Понтарху — своему покровителю. В Ольвии и ее окрестностях было найдено несколько мраморных стел с посвящениями Ахиллу Понтарху от имени коллегии архонтов «за мир, многоплодие, мужество граждан города и за собственное здравие». В другом случае коллегия архонтов еще во время занятия должности отстроила молельню (προσευχή);[1] очевидно, архонты принимали деятельное участие и в религиозном культе.

В первые века нашей эры наряду с греческими именами среди архонтов встречаются и скифо-сарматские; очевидно, в указанное время даже эту высшую должность могли занимать лица негреческого происхождения, т. е. эллинизованные выходцы из местного населения.

---

[1] IPE, I², 42.

[1] IPE, I², 176. В надписи, повидимому, упоминается еврейская молельня (см.: Р. Л. Эрлих. Ольвийская надпись, IPE, I², 176. ДАН—В, 1928, стр. 124—127), что свидетельствует о проникновении иудейской религии в Ольвию в первые века нашей эры; ср.: ВДИ, № 4(5), 1938, стр. 208.

В связи с почти постоянным напряженным положением города в отношении его внешней безопасности в первые века нашей эры важную роль играла коллегия стратегов, ведавшая вопросами обороны и осуществлявшая командование войском; по истечении срока службы у стратегов был обычай посвящать своему божественному покровителю

Рис. 14. Посвятительная надпись ольвийской коллегии стратегов в честь Аполлона Простата. II в. н. э.

«за благосостояние города и за свое здоровье» какой-нибудь ценный дар, например золотое ожерелье, серебряную фиалу, золотое или серебряное изображение Ники, треножник и пр., о чем гласят многочисленные надписи на мраморных стелах, найденных в Ольвии и ее окрестностях (рис. 14). Известен случай, когда стратеги реставрировали храм Аполлона Простата «гордые славой, сведя на толпу супостатов трофееносную победу, которую все отечество празднует жертвоприношением», как говорится в стихотворной концовке одной надписи II в. н. э.[1] В данном случае стратеги называли себя служителями святилища. Удостаивались стратеги и похвалы от совета и народного собрания, а также увенчания золотым венцом за «прекрасное исполнение должности».

Аристократизация государственного строя Ольвии, сосредоточение власти в руках немногочисленной верхушки ольвийских богачей-куццов и рабовладельцев, очевидно, происходила не без содействия этому со стороны Рима. В осуществлении своих планов Римская империя могла больше всего рассчитывать на поддержку рабовладельческой верхушки, заинтересованной прежде всего в сохранении своего классового господства, в сохранении того социально-экономического строя, который обеспечивал ей возможность обогащения. Все неприятные стороны ограничения суверенитета, вытекавшие из вмешательства римлян во внутренние дела Ольвии и ввода в город оккупационных войск, компенсировались тем, что последние не только облегчали оборону от внешнего врага в лице «варваров», но и обеспечивали возможность подавления внутренних восстаний эксплуатируемых масс, в первую очередь рабов.

Характерно, что в ряде ольвийских надписей в отношении отдельных представителей господствующей верхушки льстиво подчеркивалось, что они или их предки «известны Августам», т. е. римским императорам.[2]

Ольвиополит Абаб Каллисфенов на свои средства воздвиг портик (στοά), который он посвятил императорам Августу и Тиберию, а также народу. Римские императоры в посвятительной надписи именуются «богами», Август назван «отцом человечества и всего человеческого рода».[3]

Политическое положение Ольвии изменилось в конце II в. н. э., в первые годы царствования Септимия Севера (193—211), когда Ольвия была присоединена к римской провинции Нижней Мёзии, что было вызвано желанием Рима усилить свои позиции в северо-западной части Причерноморья ввиду все более увеличивавшейся угрозы дунайским рубежам империи со стороны «варваров». Высшая власть в Ольвии теперь

[1] IPE, I², 175.
[2] IPE, I², 42, 79.
[3] IPE, I², 181.

перешла к наместнику провинции как уполномоченному римского императора. Прямым следствием этого явился выпуск Ольвией монет с изображением римского императора и членов императорского дома. Сыновьям Септимия Севера были поставлены в Ольвии статуи от имени совета и народа.[1] Сооруженную в 90-х годах II в. общественную баню (τὸ βαλανεῖον) ольвийцы посвятили императору Северу и сыну его Каракалле. В посвятительной надписи упоминается имя наместника провинции (епархии) Нижней Мёзии, которому в это время непосредственно подчинена была Ольвия.[2] При Александре Севере (222—235) в Ольвии прекратилась чеканка городской монеты, что свидетельствует о тяжелом экономическом кризисе. Усилившееся в это время в северном Причерноморье передвижение племен, в числе которых были готы, подорвало торговые связи Ольвии с местным населением Прибужья и Приднепровья, что и обусловило быстрый культурно-экономический упадок города. Найденный в Ольвии алтарь с латинской надписью 248 г., посвященной двумя римскими солдатами фракийцами императору Филиппу и его сыну,[3] говорит о пребывании еще в Ольвии римского военного отряда. Ольвия обозначена (под именем города Борисфена) и на упоминавшейся раньше карте первой половины III в. н. э., которая найдена при раскопках города Дура Европос. Однако полное прекращение выпуска ольвийских монет при Александре Севере, а равным образом тот факт, что римские монеты последующего времени встречаются при раскопках Ольвии очень редко, убеждают в том, что Ольвия, повидимому, в 30-х годах III в. н. э. подверглась нападению и была сильно разорена готами. Более поздние римские монеты, встречающиеся в Ольвии в виде единичных экземпляров, доходят до времени императора Констанция II (337—361).[4] Известна даже находка одной монеты византийского императора Юстина II (565—578). Очевидно, Ольвия обезлюдела не сразу. Все же говорить об Ольвии как о крупном культурно-экономическом центре северного Причерноморья начиная с середины III в. уже не приходится. В течение еще некоторого вре в ней продолжал стоять отряд рим солдат и продолжали жить все более р шие остатки населения города. Но лише одной из важнейших своих экономиче функций, какой для рабовладельче Ольвии всегда являлись внешние торг связи и обмен с населением северо-запа части Причерноморья, город был бежно обречен на гибель. В IV в. вия опустела и превратилась в р лины, на которых жизнь уже не возро лась.

[1] IPE, I², 199.
[2] IPE, I², 174.
[3] IPE, I², 167.
[4] А. Н. Зограф. Римские монеты в Ольвии. ИГАИМК, VI, вып. 4, 1930.

ХЕРСОНЕС

Почти одновременно с основанием вии греческие колонии появились и в Кр называвшемся в древности Таврикой Херсонесом (полуостровом) Тавричес реже Херсонесом Скифским. Первонача колонизация затронула его восто часть, несколько позднее на юго-запа выступе полуострова возникла одноиме с ним колония Херсонес Таврический, валины которой расположены близ тепе него города Севастополя, к западу от следнего (рис. 15). Город Херсонес бы нован на скалистом мысу, к восто стороне которого примыкает глубоко зающаяся в материк бухта (теперь Ка тинная), с пологим берегом, удобным причала кораблей. Вообще вся берег линия в районе расположения Херсо представляла большие удобства для р него морского судоходства ввиду нал здесь ряда превосходных бухт, изрезы щих побережье, начиная от бухты Кте (теперь Севастопольская) и далее на з вплоть до Херсонесского мыса, где мор берег резко поворачивает на юг. Поэ вполне естественно, что указанные м привлекли внимание греческих морех и купцов сравнительно рано. Немного ленные пока, но все же встречающиеся раскопках Херсонеса керамические нах первых десятилетий V в. позволяют пре лагать существование на месте Херсо хотя бы морской станции уже в то вр Возможно, что здесь же заезжими куп спорадически производился торговый о с местным населением. Однако некот обстоятельства мешали грекам сразу прочно обосноваться в данном районе. ной из основных причин была, повидим

близость горного Крыма, заселенного таврами. Племена тавров, жившие в горах и занимавшиеся главным образом скотоводством, неохотно втягивались в торговые отношения

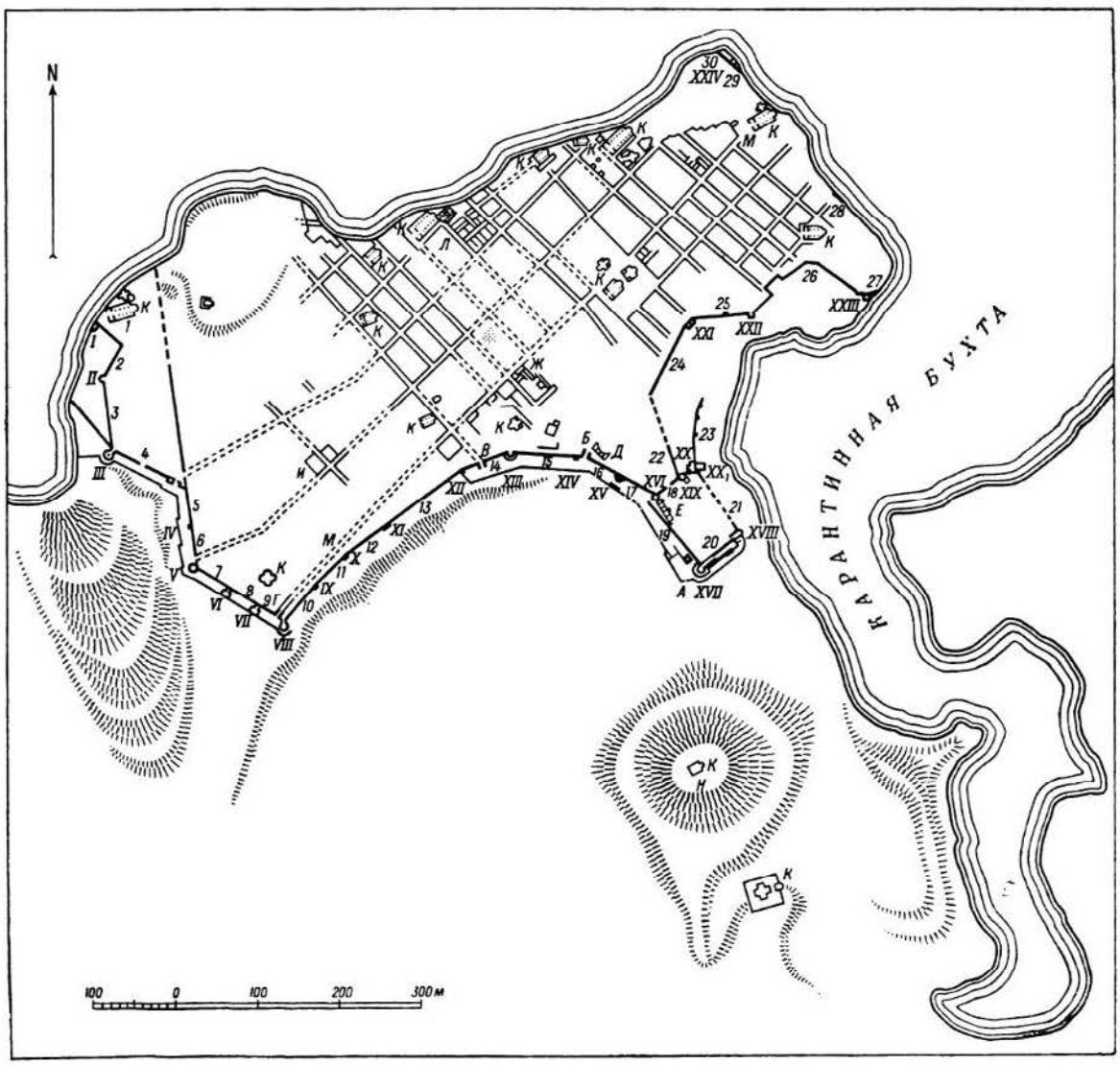

Рис. 15. План Херсонеса (по Г. Д. Белову).

I—XXIV — башни городской стены; *1—30* — куртины городской стены; *А—Г* — городские ворота; *Д* — «казарма» конца IV—III вв. до н. э.; *Е* — «казарма» I—III вв. н. э.; *Ж* — монетный двор; *З* — здание IV в. до н. э.; *И* — дома эллинистической эпохи; *К* — христианские культовые постройки (храмы, часовни) средневекового периода; *Л* — некрополь, V—IV вв. до н. э.; застроен жилыми домами в эллинистическую эпоху; *М—М* — главная улица; *Н* — «Девичья гора» (выс. 30 м).

военных столкновениях: их обезглавливали, а воткнутые на длинный шест отрубленные головы водружались затем на таврских жилищах.[1] Псевдо-Скимн сообщает о таврах, с иноземными купцами. Суровые обычаи тавров описаны Геродотом. Он сообщает, как тавры приносили в жертву своей богине греков, захваченных в море. Тавры круто расправлялись с врагами, захваченными при что они предпочитают кочевую жизнь в горах и умилостивляют богов человеческими

[1] Herod., IV, 102.

жертвоприношениями.[1] Древние писатели особенно подчеркивают воинственность и храбрость тавров. Во время войны они имели обыкновение перекапывать дороги в тылу; делая их непроходимыми, они закрывали себе пути к отступлению, руководствуясь девизом «победить или умереть».[2] По словам Страбона, тавры имели пиратское пристанище у бухты Симболон (Συμβολων, теперь Балаклавская бухта). Когда, спасаясь от бури, сюда заходили суда, они подвергались нападению.[3] Помимо близкого соседства не склонных к развитию торгового обмена горцев — тавров, основанию эллинского города-колонии в районе теперешнего Севастополя не благоприятствовали и природные условия. Местность юго-западной оконечности Крыма, называемая у Страбона Малым Херсонесом (μικρὰ Χερρόνησος, ныне Гераклейский полуостров), была мало благоприятной для развития хлебных культур. Отделенный от центральной степной части Крыма отрогами Крымского предгорья, район этот не принадлежал к числу обеспеченных своими местными хлебными ресурсами.

Поэтому-то довольно поздно, лишь во второй половине V в. до н. э., у бухты Карантинной мог возникнуть греческий город Херсонес. Его основали выходцы из дорийского города Гераклеи, расположенного на южном берегу Понта Евксинского. Несколько ранее, в конце VI в. до н. э., та же Гераклея основала колонию Каллатию на западном побережье Понта.[4] Херсонес был единственной дорийской колонией в северном Причерноморье.

Вопрос о времени возникновения Херсонеса вызвал в науке немало разноречивых предположений. Следует считать наиболее вероятным, что Херсонес как колония Гераклеи Понтийской был основан в 20-х годах V в. до н. э. По сообщению автора стихотворного землеописания, составленного в I в. до н. э. и ошибочно приписывавшегося Скимну Хиосскому, эллинский город Херсонес Таврический основан гераклейцами совместно с делосцами согласно указанию дельфийского оракула.[1] Повидимому, делосцы приняли участие в основании Херсонеса Таврического в 422—421 гг., во время Пелопонесской войны, когда жители Делоса были изгнаны с острова афинянами, отомстившими таким образом за переход делосцев на сторону спартанцев.[2] Делосцы, выселенные в один из городов Малой Азии, оказались там в тяжелом положении, что, вероятно, и побудило их присоединиться к гераклейцам, предпринявшим в то время организацию колонии в Крыму. Но так как вскоре, уже в 421 г., в связи с заключением так называемого Никиева мира, делосцам позволено было вернуться к себе на родину, то их участие в основании Херсонеса оказалось, очевидно, лишь номинальным. В дальнейшей истории Херсонеса совершенно нет упоминаний о наличии в составе его населения делосцев. Однако очень показательны поступавшие время от времени в делосскую храмовую сокровищницу пожертвования Херсонеса. В 70-х годах III в. до н. э. херсонесцы пожертвовали серебряные фиалы, которые фигурируют в списках инвентаря делосской сокровищницы.[3] Интересен также факт существования на Делосе особого праздника «Херсонесий», проводившегося на проценты с капитала, специально вложенного Херсонесом.[4]

Не менее показательно, что делосцы в начале II в. до н. э. увенчали лавровым венком херсонесского гражданина за выказанное им благочестие к делосскому святилищу.[5] Поддерживались херсонесцами и связи с Дельфами, так как колония была основана (об этом говорит Псевдо-Скимн) согласно прорицанию дельфийского оракула, который пользовался в то время политическим влиянием и нередко санкционировал основание колоний.

---

[1] Ps.-Scymn, 831—834=SC, I, стр. 89; ср.: Anonym. Peripl. PE=SC, I, стр. 284.

[2] Polyaen., Strateg., VII, 46=SC, I, стр. 566.

[3] Strab., VII, 4, 2.

[4] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., стр. 30.

[1] Ps.-Scymn., 822—829=SC, I, стр. 88.

[2] Определение времени возникновения Херсонеса (20-е годы V в.) на основании убедительного сопоставления сообщаемых Псевдо-Скимном данных с историческими событиями периода Пелопонесской войны принадлежит А. И. Тюменеву (см.: А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, I — К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса; II — Херсонес и Делос. ВДИ. № 2 (3), 1938, стр. 245 сл.).

[3] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, № 3, 1939, стр. 258—259 (№ 25—27).

[4] Там же, стр. 262 (№ 29—31).

[5] Там же, стр. 256 (№ 22).

В III—II в. до н. э. ряд херсонесцев получил проксении в Дельфах. Повидимому, они должны были обслуживать феоров, дельфийских послов, оповещавших о времени начала дельфийских празднеств. Херсонесцы снаряжали посольства в Дельфы, где они приносили жертвы Аполлону, Дельфы же в свою очередь вынесли постановление в честь херсонесской общины и предоставили ей право промантии, т. е. право первыми вопрошать оракула.[1]

Тесные религиозные связи Херсонеса с Делосом были, вероятно, вызваны именно тем, что в основании Херсонеса известную роль сыграл Делос, являвшийся как бы второй, хотя и номинальной, метрополией Херсонеса.

Главную и руководящую роль в основании Херсонеса несомненно играли гераклейцы. Гераклея Понтийская, расположенная на южном побережье Черного моря, сама была колонией греческого города Мегар. Она занимала весьма выгодное положение, так как обладала одной из лучших гаваней из числа немногих существующих на южном побережье Черного моря. Прилегающая к Гераклее и подчиненная ей гористая местность, покрытая лесами, имела обширные долины с плодородной почвой, пригодной для успешного развития земледелия и садоводства. Местное население этих долин — мариандины — было порабощено, оно принуждено было обрабатывать землю и отдавать значительную часть своего урожая гераклейцам. Все это позволило Гераклее стать экономически сильным и многолюдным городом. Довольно рано в Гераклее началась длившаяся затем весьма долго упорная борьба между партией землевладельцев, державших власть в своих руках, и демократическими слоями населения, добивавшимися политических прав, ликвидации долгов и раздела землевладельческих поместий.[2] В 424 г. Афины послали в Гераклею военную карательную экспедицию за отказ платить Афинам дань.[3] Войско афинян, пройдя через земли, принадлежавшие гераклейцам, нанесло им большой ущерб. Эти события, сопровождавшиеся к тому же обострением внутренней борьбы, очевидно, и послужили толчком к переселению в Крым известной части гераклейцев, к которым пожелали примкнуть и делосцы, хотя последние, как уже указывалось, реального участия в организации колонии принять не смогли и фактически это дело полностью было осуществлено гераклейцами. Так возник город Херсонес Таврический у Карантинной бухты.

Археологические памятники Херсонеса подтверждают основание города в одно из последних десятилетий V в. до н. э. Массовые вещественные находки, главным образом керамика и остатки градостроительства, восходят ко времени не ранее последней четверти V—первой половины IV в. до н. э. Учеными много обсуждался вопрос о том, был ли сразу Херсонес основан у Карантинной бухты. Поводом к этой дискуссии послужило сообщение Страбона о том, что к западу от города Херсонеса находятся три следующих одна за другой бухты, а за ними расположен «старый Херсонес», лежащий в развалинах (ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη).[1] Эти слова Страбона дали основание полагать, что прежде чем обосноваться у бухты Карантинной, гераклейцы построили город там, где Страбон отмечает «старый Херсонес», т. е. на западной оконечности Гераклейского полуострова, называемой обычно Херсонесским мысом. В вопрос этот внесли должную ясность археологические исследования, произведенные в 1910—1911 гг. на Херсонесском мысе, примыкающем одной своей стороной к Казачьей бухте, а с другой омываемом морем. Как показали археологические раскопки, территория мыса была действительно густо застроена и заселена в древности.[2] Все пространство этого района было занято многочисленными сельскими усадьбами и прилегавшими к ним садами и виноградниками (рис. 16). Вещественные остатки, обнаруженные при раскопках усадеб, относятся к IV—II вв. до н. э. Войны Херсонеса со скифами во второй половине II в. до н. э. привели этот район к запустению. Несомненно, у Страбона речь шла именно об этом заброшенном, лежавшем в его время в развалинах сельскохозяйственном поселении, которое называли «старым Херсонесом» в смысле «бывший ранее». Между тем, это

[1] Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 247—248 (№ 12—14).
[2] H. Apel. Die Tyrannis von Heraklea. Halle, 1910.
[3] А. И. Тюменев, ук. соч., стр. 256 сл.

[1] Strab., VII, 4, 2.
[2] Н. М. Печенкин. Археологические разведки на месте Страбоновского старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 108—126.

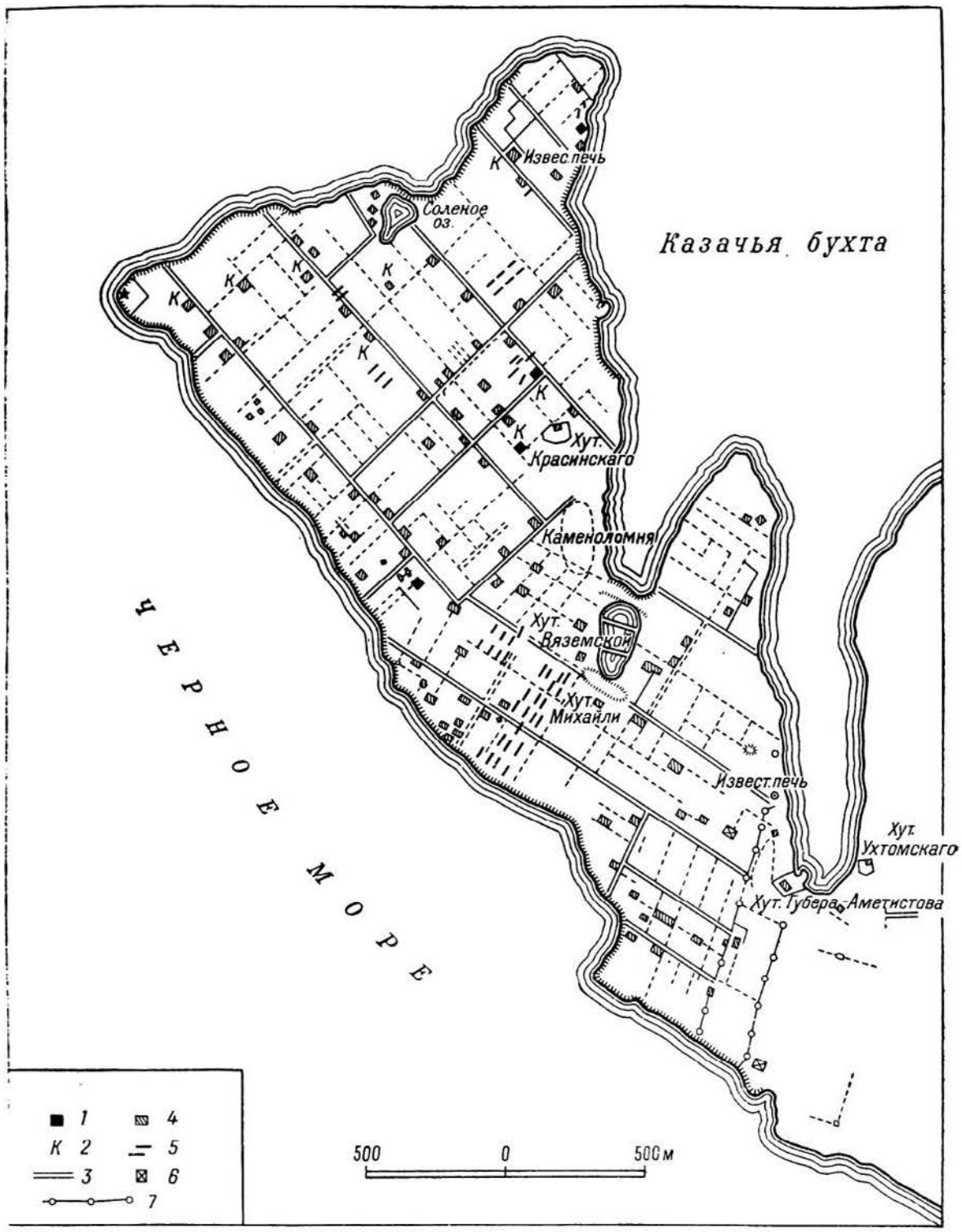

Рис. 16. План сельского поселения на Херсонесском мысу (по Н. М. Печенкину, 1910 г.).

1 — раскопанные Н. М. Печенкиным здания; *2* — колодцы — цистерны; *3* — улицы — дороги; *4* — определенные разведкой здания; *5* — разведочные раскопы; *6* — здание, раскопанное К. К. Косцюшко-Валюжиничем; *7* — оборонительные стены.

было истолковано некоторыми учеными как указание на существование какого-то более древнего города Херсонеса, чем тот, развалины которого сохранились у Карантинной бухты. В действительности же Херсонес Таврический, колония гераклейцев, изначально связан был с бухтой Карантинной. Лишь в результате роста города в его окрестностях, на мысе Херсонесском, возник обширный сельский район с усадьбами, виноградниками и т. д.; наиболее густо заселенная часть его образует своего рода поселок, огражденный к тому же на перешейке двойными оборонительными стенами.

Подобно тому как Ольвия была тесно связана с Милетом, еще более крепкие узы связывали Херсонес с метрополией — Гераклеей Понтийской — на всем протяжении его истории. Столь прочные связи Херсонеса с Гераклеей были обусловлены экономическими интересами, обоюдной выгодностью торговых сношений, поддерживавшихся между Гераклеей и ее крымской колонией. Тот факт, что Гераклея своим флотом и войском весьма активно защищала в конце V и начале IV в. до н. э. Феодосию — милетскую колонию в Крыму — от посягательства на нее со стороны Боспора (подробнее об этом см. в разделе истории Боспора), показывает, насколько стремление Боспорского царства расширить свои владения в Крыму, создавая угрозу независимости Херсонеса, затрагивало интересы и его метрополии. Связь с метрополией поддерживалась через граждан Гераклеи, постоянно прибывавших в Херсонес преимущественно с торговыми целями. Херсонес охотно предоставлял им проксению, права гражданства, право участия во всем, в чем участвуют и херсонесцы, право беспрепятственного въезда и выезда и пр.

Заботы Гераклеи о Херсонесе не прекращались и позднее, в первые века нашей эры; недаром херсонесцы в официальных документах этого времени называли Гераклею «своей матерью» и особо подчеркивали проявления «родственного сочувствия» со стороны гераклейцев.

До середины IV в. территория города была еще небольшой, но уже и тогда ее, повидимому, охватывала каменная оборонительная стена.[1] К концу IV в. до н. э. город по занимаемой им площади увеличился почти вдвое.[1] Первоначальные оборонительные стены подверглись сносу, взамен их были поставлены новые.

В IV в. до н. э. Херсонес уже был вполне сложившимся рабовладельческим городом-государством. Со второй четверти IV в. до н. э. он стал чеканить собственную монету. Город теперь был окружен мощной, отлично построенной крепостной стеной с многочисленными башнями (рис. 17—21). Время сооружения стены определяется, в частности, склепом, построенным внутри стены и вместе с нею (рис. 22). Это исключительное, не имеющее аналогий явление определяет принадлежность данного погребального сооружения лицу, осуществлявшему стеностроительство, в связи с чем ему разрешено было устроить семейную гробницу в основании и в толще крепостной стены города. Склеп, имеющий в плане форму буквы «Т», устроен у городских ворот. Входное отверстие в него прикрывала каменная плита.[2] Склеп заключал захоронения семи членов семьи. Пережженные кости шести лиц были помещены в бронзовых или чернолаковых глиняных урнах (рис. 23). Останки последней представительницы семьи с погребального костра были перенесены в склеп и помещены вместе с убором на полу. Четыре урны не заключали предметов женских украшений, в связи с чем могут считаться мужскими погребениями (в одной найден массивный золотой перстень), остальные две среди пережженных костей содержали роскошные золотые уборы (серьги, ожерелья, браслеты и т. п.). Время украшений точно определяется их стилем — вторая половина IV в. до н. э., причем последнее захоронение вне урны в коридоре склепа может относиться к началу III в. Эта счастливая находка определяет строительство оборонительной стены Херсонеса второй половиной IV в. до н. э. В III в. была дополнительно пристроена стена, защищавшая очень важную портовую часть города. В дальнейшем,

---

[1] Остатки древнейшей оборонительной стены Херсонеса открыты К. Э. Гриневичем в 1927 г. см.: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, стр. 20—23.

[1] Рост территории города показан на плане Херсонеса в книге: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 43.

[2] О подстенном херсонесском склепе см.: К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, ч. I. Севастополь, 1926, стр. 10 сл.; A. Manzewitsch. Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad, 1932.

до конца античной эпохи, территория города почти не изменялась, оставаясь в пределах границ, определявшихся линией городских крепостных стен IV—III вв. до н. э., хотя последние и подвергались на протяжении веков не раз различного рода ремонтам, а местами и существенной перестройке.[1]

ков отделаны «в руст». Камни в рядах облицовки чередуются через один — длинный и короткий, лежащие то логом, то тычком. Тычки глубоко впущены в толщу стены, служа ее перевязью. Облицовочные камни, положенные насухо, связаны между собой вырубками в виде ласточкиных хвостов. В последние вгонялось дерево, выгнивав-

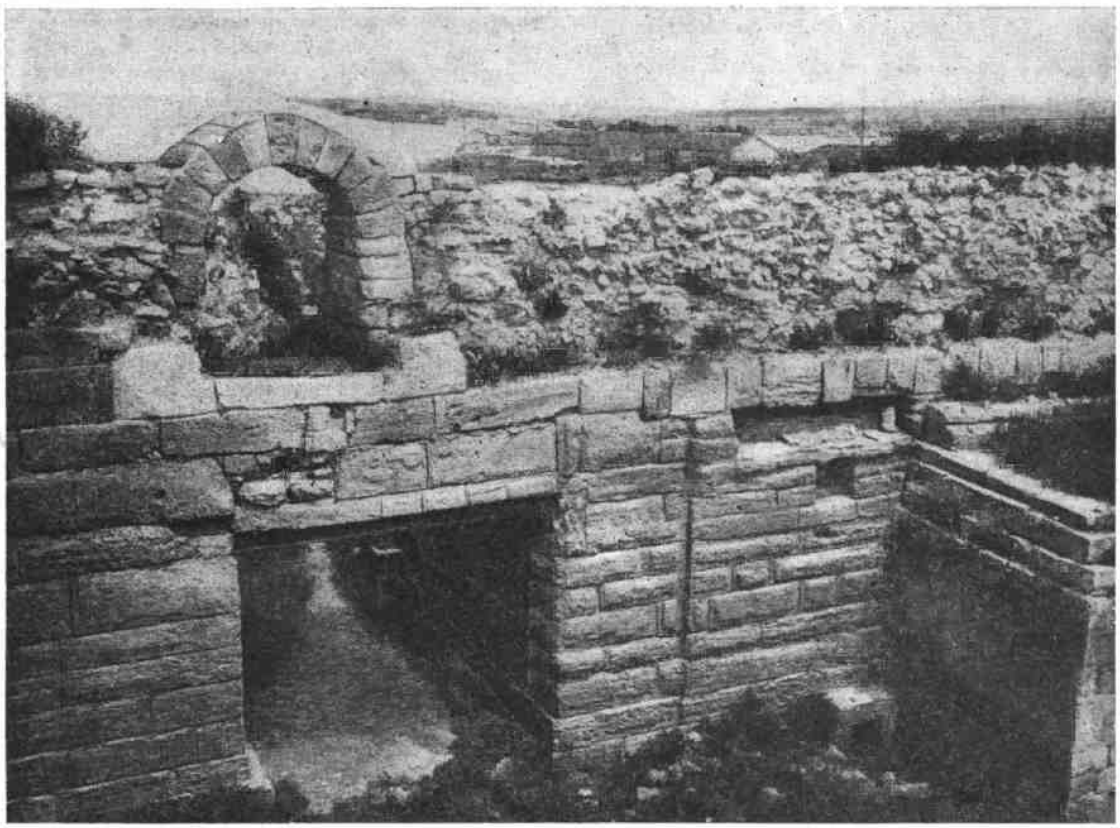

Рис. 17. Ворота в оборонительной стене Херсонеса. IV в. до н. э.

Сохранившиеся на значительном протяжении херсонесские оборонительные стены IV в. до н. э. с башнями и воротами являются прекрасным образцом древнегреческого фортификационного строительства.

Оборонительная стена толщиной до 3.85 м забутована мелким камнем на глине. Облицовку ее составляют тщательно отесанные штучные блоки, лицевые стороны блошее впоследствии без остатка. На облицовочных камнях иногда имеются рабочие метки каменотесов (буквы греческого алфавита).

Херсонес был крупным торговым городом. Это подтверждается литературным известием второй половины IV в. до н. э., а именно периплом Псевдо-Скилака, в котором Херсонес упоминается как эмпорий, т. е. торжище, торговый город.[1] Да и само местоположение Херсонеса около весьма удобной для стоянки кораблей бухты гово-

[1] Описание и исследование оборонительных стен Херсонеса см.: К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, ч. I. Севастополь, 1926; ч. II, Херсонесский сборник, II, Севастополь, 1927.

[1] Ps. - Scyl. 68=SC, I, стр. 84.

рит о том, что при выборе места для города колонисты учитывали возможность организации здесь хорошего торгового порта. О внешних торговых сношениях Херсонеса, о ввозе извне вина и оливкового масла говорят находимые при раскопках клейменые глиняные амфоры из Фасоса, Книда, Синопы, Гераклеи Понтийской, с Родоса, Коса и других островов Эгейского бассейна, что и имена херсонесских купцов встречаются в различных торговых центрах — в Афинах,[1] Дельфах,[2] на о. Делосе,[3] в Ольвии,[4] на Боспоре.[5]

Говоря об импорте в Херсонес изделий обрабатывающей промышленности и художественного ремесла, надо заметить, что в Херсонес направлялся более рядовой и массовый материал, тогда как в города со-

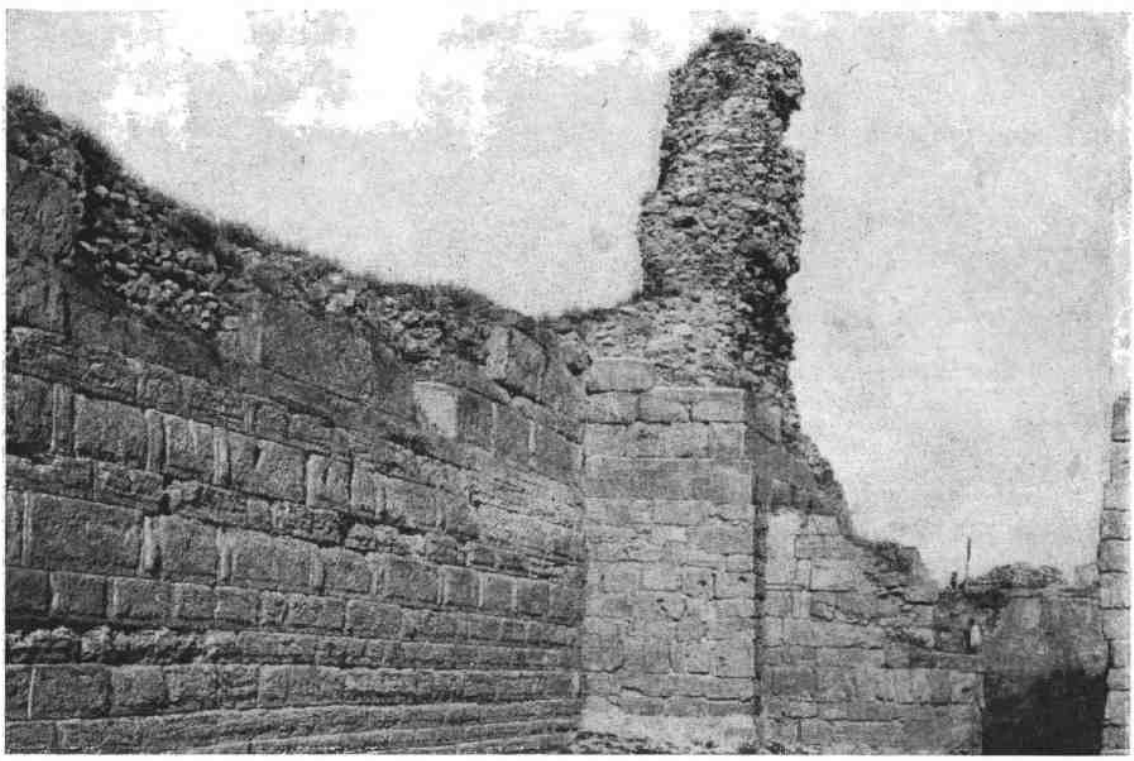

Рис. 18. Оборонительная стена и башня (*XV*) в юго-восточной части Херсонеса.

а также находки расписных ваз, столовой чернолаковой посуды аттического и малоазийского производства. Из Синопы ввозились кровельные черепицы и некоторые виды глиняной посуды, в том числе и пифосы.

Ряд иностранных купцов за особые заслуги перед Херсонесом был почтен проксенией. В известных в настоящее время проксениях эллинистического времени мы встречаем имена купцов Родоса,[1] Синопы[2] и Ольвии.[3] Вместе с тем необходимо отметить, седнего Боспорского царства, благодаря его особенной экономической мощи и бо-

[1] IPE, I², 340 (III в. до н. э.).

[2] IPE, I², 351 и 352 (обе надписи II в. до н. э.).

[3] IPE, I², 345 (почетный декрет в честь ольвиополита, III в. до н. э.), 546 — фрагмент надписи II в. до н. э., повидимому, надгробия, бывшего на могиле умершего в Херсонесе ольвиополита. Интересна также найденная в Херсонесе копия ольвийского почетного декрета IV в. до н. э. в честь одного из херсонесцев (IPE, I², 21).

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. . ., стр. 280 (№ 56), 289 (№ 66).

[2] Там же, стр. 248—249 (№ 13 и 14).

[3] Там же, стр. 258 (№ 25—27).

[4] Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. ВДИ, № 1, 1951, стр. 142 сл. Кроме того, в 1951 г. в Ольвии найден почетный декрет в честь херсонесца и его двух сыновей, отличившихся большими заслугами перед Ольвией, см.: Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г., стр. 177 сл.

[5] IPE, II, 302 (IV в. до н. э.), 302¹, 303 (IV в. до н. э.).

гатству господствующих слоев населения, неизмеримо больше поступало дорогих изделий, предметов роскоши и художественного ремесла. Если основание Ольвии, с одной стороны, Пантикапея и других городов Боспорского царства, как в Крыму, так и на Таманском полуострове, с другой стороны, подсказывалось в первую очередь возможностью получать там в большом количестве зерновой хлеб, могущий идти на экспорт, то едва ли этим соображением могли руководиться при основании Херсонеса. Конечно, и степная полоса западной части Крыма представляет собой плодородную область, но херсонесцы здесь утвердились не сразу, с горной же части Крыма хлеб поступать не мог.

По своему положению Херсонес не обладал возможностями развития зерновых культур даже в таких масштабах, какими располагала Ольвия, так как в ближайших

Рис. 19. Башня близ городских ворот Херсонеса.

окрестностях Херсонеса не было подходящих для этой цели земель.

Ввиду малоблагоприятных для развития хлебопашества условий Херсонес использовал прилегавшую к городу местность, называвшуюся в древности Малым Херсонесом, а теперь именуемую обычно Гераклейским полуостровом, преимущественно под виноградники. В древности территория этого полуострова разделялась на две части: основная ее площадь, расположенная к западу от линии, соединяющей южную Севастопольскую бухту с Балаклавской бухтой (в древности бухта Симболон), доходила до перешейка у Казачьей бухты, за которым расположен так называемый Херсонесский мыс.

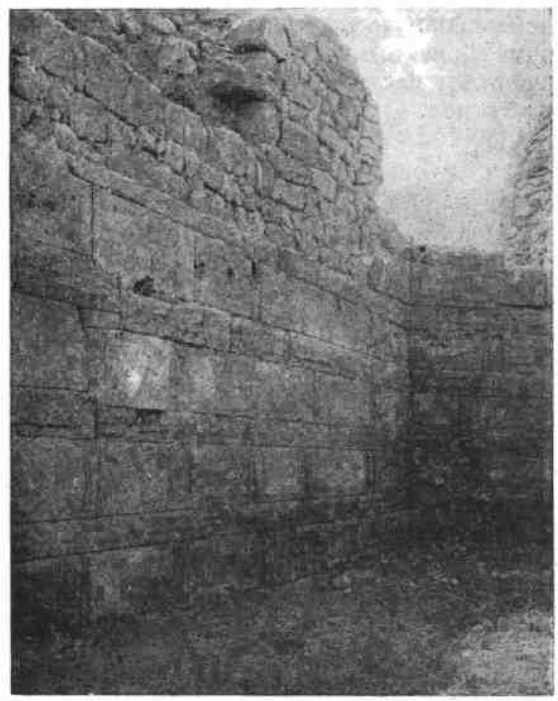

Рис. 20. Оборонительная стена Херсонеса — вид со стороны города.

На Гераклейском полуострове (рис. 24), вне пределов мыса, были расположены многочисленные сельские усадьбы укрепленного типа, построенные так, что каждая из них могла быть надежным убежищем для жителей в случае военной опасности.[1] Этой цели служили имеющиеся в каждой усадьбе мощные наружные ограды и башни. Обычно комплекс такого укрепленного жилища

[1] К 1940 г. археологическими разведками на указанной территории полуострова было установлено свыше 100 пунктов, где сохранились остатки таких древних усадеб.

включал в себя ряд построек и мощеных двориков, замкнутых внешней оградой. Центральное место в усадьбе занимала монументальная квадратная башня, облицованная громадными блоками известняка, сложенными насухо, без применения вяжущих растворов. Снаружи стены часто имели наклонную поверхность, что придавало башне пирамидообразную форму (остатки таких башен сохранились во многих местах Гераклейского полуострова).[1] В одной из стен башни находилась дверь, ведущая во внутреннее помещение. Нижняя подвальная часть предназначалась для хранения продовольственных припасов, там же иногда устраивалась цистерна для воды. Башни имели значительную высоту; в них, повидимому, были помещения верхних этажей, устроенных на деревянных настилах и сообщавшихся с нижней частью башни посредством лестниц. Такая башня обеспечивала возможность достаточно длительного пребывания в ней людей в случае осады. В больших усадьбах имелась не одна башня, а две.[1]

Очевидно, жизнь протекала в условиях, заставлявших жителей быть всегда в боевой готовности. Одной из причин этого было соседство воинственного населения в лице тавров, занимавших горные районы Крыма и не желавших примириться с захватом греческими колонистами территории, ранее принадлежавшей таврам.[2]

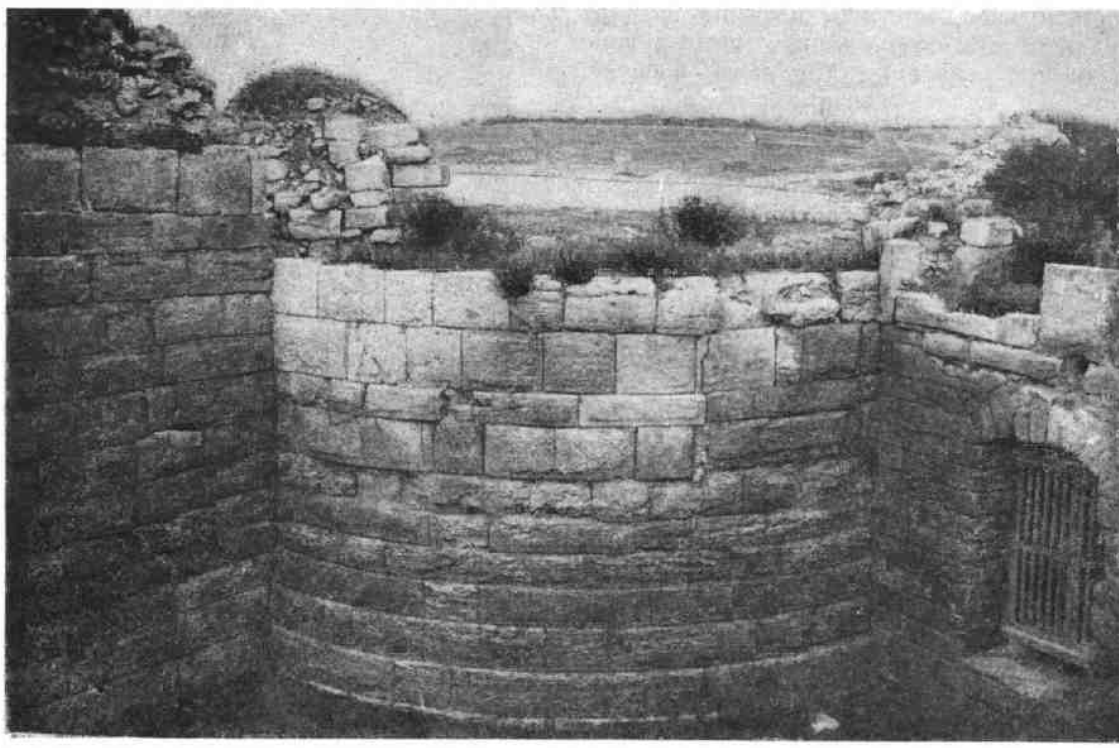

Рис. 21. Башня и калитка в оборонительной стене Херсонеса.

[1] Они очень похожи на сторожевые башни (блокгаузы) IV в. до н. э. в Арголиде; вероятно, в этом сказалась общность дорийских архитектурных традиций; см.: L. E. Lord. The Pyramids of Argolids. Hesperia, VII, 4, 1938.

[1] О результатах раскопок укрепленных усадеб Гераклейского полуострова см.: И. Н. Бороздин. Новейшие археологические исследования в Крыму. Раскопки на Гераклейском полуострове. М., 1925; К. Э. Гриневич. 1) Социологические проблемы и исследования Севастопольского района. «Крым», № 2 (10), 1929, стр. 38 сл.; 2) Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929.

[2] Участки земли, ограниченные каменными оградами, принадлежали, очевидно, отдельным землевладельцам. Внутренняя территория таких земельных угодий делилась на ряд

Весь полуостров был разделен длинными оградами, межами на правильные четырехугольные участки, между которыми проходили дороги шириной 4.5—6 м. Следы этих дорог, сохранившиеся до сих пор, были особенно отчетливо видны в начале прошлого столетия и привлекали к себе тогда внимание многих путешественников

На больших участках, разделенных дорогами, имеется иногда значительное количество мелких валообразных узких насыпей из щебня, расположенных на расстоянии 9—12 шагов одна от другой; это следы производившейся в древности очистки почвы от засорявших ее камней и обломков скалы. Полуостров представлял собой скалистую местность с тонким слоем почвенной земли. Лишь в немногих балках имеются естественные источники воды. Чтобы приспособить под виноградники, сады, а отчасти и хлебные посевы такой район, потребовалось немало труда. Образованные из щебня валообразные насыпи, возможно, служили и для целей мелиорации: поглощая атмосферные воды, они могли способствовать увлажнению почвы и предохранению ее от смыва и выдувания, что представлялось особенно важным ввиду незначительности слоя полевой земли.

Рис. 22. Подстенный склеп в Херсонесе.

Рис. 23. Чернолаковая гидрия конца IV в. до н. э. из подстенного склепа.

В ряде мест на склонах полуострова и сейчас еще видны остатки террас, образованных при помощи подпорных стен. На этих террасах был искусственно создан слой полевой земли такой толщины, который обеспечивал возможность разведения различных культур.

Западный выступ Гераклейского полуострова, носящий название Херсонесского мыса, был в древности, как это уже отмечалось выше, отделен от остальной территории двумя длинными крепостными стенами, построенными на узком перешейке между верховьями Казачьей бухты и морем. Таким образом, территория Херсонесского мыса была более защищенной и в соответствии с этим более густо заселенной. Здесь находилось много сельских усадеб, которые в отличие от усадеб остальной части Гераклейского полуострова не были укреплены, так как защита всего района сосредоточивалась

мелких участков, предназначавшихся для различных сельскохозяйственных культур; размеры отдельных землевладений были от 2—3 га до нескольких десятков га; см.: С. Ф. Стрželецкий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, № 3, 1951, стр. 85—90.

на указанном перешейке. Пространство между двумя оборонительными стенами, возможно, использовалось в качестве убежища для населения в случае военной опасности.[1]

использовались в основном под виноградники и сады, выпасы для скота, а частично и для посевов хлеба.

Во многих местах Херсонесского мыса, разделявшегося дорогами на ряд правиль-

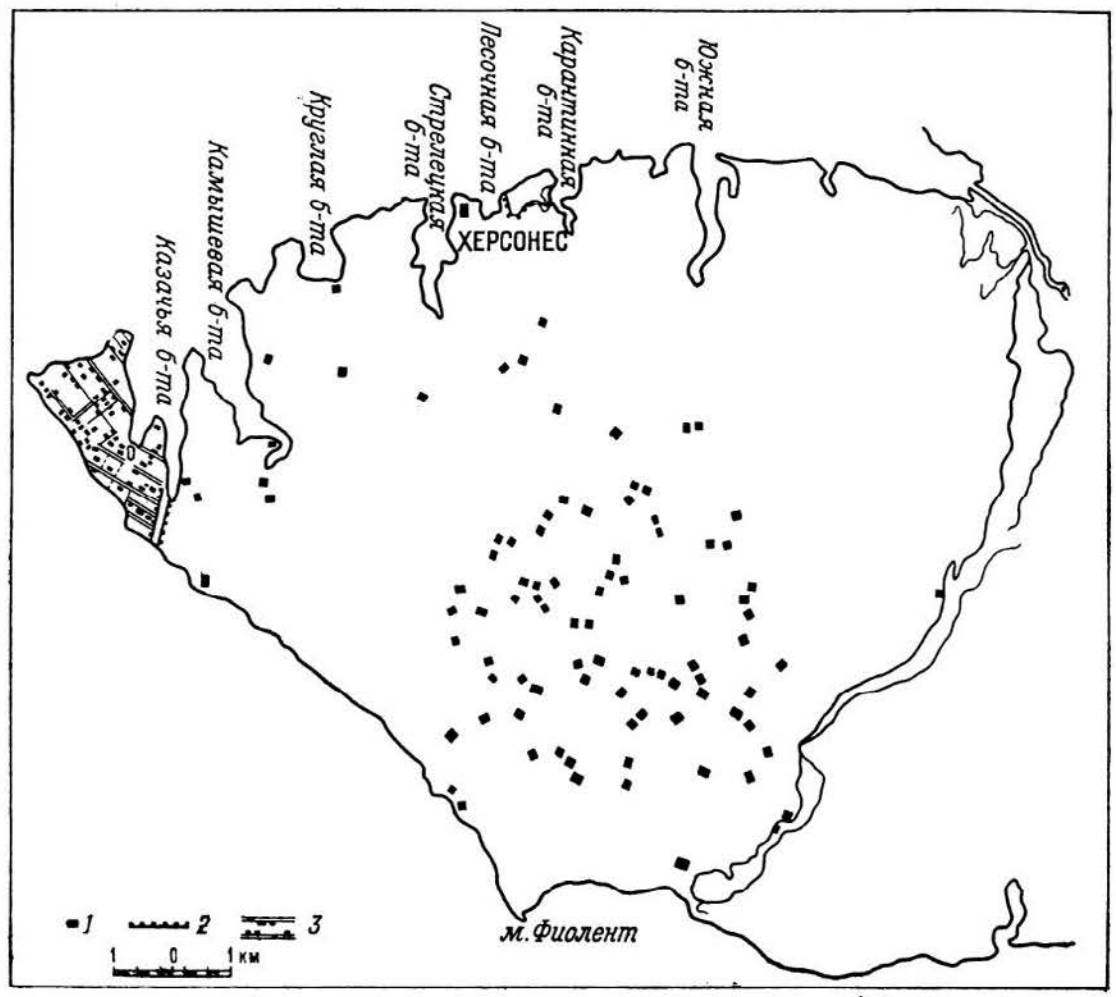

Рис. 24. Гераклейский полуостров.

1 — укрепленные сельские усадьбы; *2* — крепостные стены на перешейке Херсонесского мыса; *3* — сельское поселение на Херсонесском мысе.

Несмотря на различие в типах усадеб, в хозяйственном отношении и та и другая части прилегающей к Херсонесу местности

ных прямоугольников, сохранились также межи из мелкого камня, тянущиеся на протяжении 20—30—50 м параллельными рядами в количестве 10 и более рядов на расстоянии приблизительно 5 шагов одна от другой. В промежутках между этими межами в древности находились виноградники, сады и огороды. В целях образования более мощного грунта для посадок почва была перекопана, в результате чего и обра-

[1] На этой защищенной территории у южного конца западной стены в 1890 г. был открыт маленький сельский храмик Диониса эллинистического времени. У херсонесских виноградарей Дионис, как видно, пользовался большим почетом (см.: С. Ф. Стржелецкий. Жертвенник Гераклу из так наз. Страбоновского Херсонеса. Херсонесский сборник, IV, Симферополь, 1948, стр. 102 сл.).

зовались узкие (метров по 5) участки обработанной земли.

Из сказанного видно, что на территории Гераклейского полуострова и Херсонесского мыса в античную эпоху была произведена большая работа по созданию участков, пригодных для хозяйственного использования, причем в число этих мероприятий входило искусственное образование почвенного слоя. Водоснабжение было организовано посредством устройства колодцев и цистерн, в которые собиралась дождевая вода. Такие цистерны были почти в каждом доме, вода в них накапливалась в периоды осенних и весенних дождей.

Один из исследователей Гераклейского полуострова так характеризует его древний ландшафт: «Тогда зеленеющие верхушки садов и доминирующая над всем масса виноградников чередовались с золотистыми волнами пашен, а в зимнее и весеннее время террасы их разделялись шумными потоками вод, ниспадавших по каменным ложам водотоков в устроенные в лощинах цистерны. Не оставалось и куска земной поверхности без определенного назначения, и на фоне столь интенсивного полевого хозяйства и окраин рощ, в которых бродили стада, среди красных пятен крыш там и здесь поднимались коричневато-серые массивы башен, создавая своеобразный архитектурный пейзаж».[1]

Действительно, весь Гераклейский полуостров был использован под многочисленные сельскохозяйственные усадьбы. Особенно густо они занимали район у Казачьей бухты (Херсонесский мыс). На всем же остальном пространстве полуострова, разделенном межами, располагались укрепленные усадьбы, устроенные так, что каждая из них включала в себя не только комплекс жилых и хозяйственных построек, но являлась в то же время маленькой крепостью, обитатели которой могли в случае военной опасности укрыться в башню, являющуюся неотъемлемой составной частью каждой усадьбы. Как уже отмечалось, земельные угодья на Гераклейском полуострове широко использовались под виноградники. Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в перечне заслуг одного из видных херсонесцев, Агасикла сына Ктесия, в честь которого в III в. до н. э. была воздвигнута статуя с почетной надписью на постаменте, упоминается произведенное Агасиклом «размежевание виноградников на равнине».[1]

В тесной связи с виноградарством стояло широкое развитие виноделия. Херсонесское виноградное вино составляло одну из важных статей херсонесского экспорта. Оно шло не только в ближайшие к Херсонесу районы, но экспортировалось и в другие города северного и западного Причерноморья, о чем говорят находки херсонесских остродонных глиняных амфор, в которых перевозилось вино; ручки их снабжались клеймами специальных городских должностных лиц — астиномов.

В качестве подсобной отрасли хозяйства служило животноводство. В прибрежной полосе интенсивно развивалось рыболовство. Благодаря наличию в херсонесских владениях соляных озер была налажена добыча соли, которая использовалась, в частности, для заготовки соленой рыбы.

Ввиду того, что наиболее освоенный Херсонесом и прочно принадлежавший ему Гераклейский полуостров не мог обеспечить население города и его округи хлебом, Херсонес подчинил себе западную хлебородную полосу Крыма, где греками было основано несколько приморских городов, на месте которых, возможно, уже и раньше существовали селища местного населения. О херсонесских владениях в западной части Крыма свидетельствует замечательный документ, относящийся к концу IV—началу III в. до н. э. и известный под именем «гражданской присяги херсонесцев» (рис. 25).

Полный текст этой присяги гласит:

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев.

«Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому не предам, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа.

[1] Л. А. Моисеев. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове. Зап. Крымск. общ. естествоисп., IX, 1926, стр. 115—123; ср.: А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, III. ВДИ, № 4, 1949, стр. 76—77.

[1] IPE, I², 418.

Рис. 25. Мраморная плита с текстом гражданской присяги херсонесцев.

Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспровергающему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц.

Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрепленные пункты и территорию херсонесцев.

Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан.

Я буду охранять для народа „састер“ [1] и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству.

Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам.

Я не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан, не отпавших, и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам.

Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если я вступил с кем-либо в заговор или связан какой-либо клятвой или заклятием, то мне, нарушившему это, и тому, что мне принадлежит, да будет лучшее, а соблюдающему — противоположное.

Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц.

Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо место, но только в Херсонес.

Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские! Пребывающему во всем этом да будет благо мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, не пребывающему же да будет злое и мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, и пусть ни земля, ни море не приносит мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно. . .».[2]

Присяга была введена, повидимому, после неудачной попытки в Херсонесе ниспровергнуть демократический строй и являлась общегражданской; аналогичные при-

[1] О значении этого термина см. ниже, стр. 82.

[2] IPE, I², 401 — С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, ИОН, № 10, 1935, стр. 913—914.

сяги, связанные с внутренним переворотом, известны и в других государствах, например на Крите, в городе Итаке, в Афинах и др.

Из текста присяги следует, что в состав владений Херсонеса в начале III в. до н. э. входили город Керкинитида, бывший на месте теперешней Евпатории, и город Калос Лимен (Прекрасная гавань), развалины которого находятся близ теперешнего поселка Черноморское. Что касается остальных «укрепленных пунктов», то они, вероятно, были на Гераклейском полуострове, а также в западной полосе Крыма.

Расположенные на морском берегу Керкинитида и Калос Лимен[1] служили морскими станциями, облегчавшими сношения Херсонеса с Ольвией и западным побережьем Черного моря. Но главная задача этих подвластных Херсонесу пунктов состояла в том, чтобы добывать хлеб, столь необходимый для удовлетворения потребностей Херсонеса в продуктах питания. Хлеб, поступавший из западных районов Крыма, мог идти в каком-то количестве на внешний экспорт, непосредственно через Керкинитиду и Калос Лимен, но ввиду того, что ближайшая округа Херсонеса не в состоянии была обеспечить себя и город хлебом, приходилось принимать особые меры, чтобы обеспечить провиантом прежде всего население города Херсонеса. Поэтому оказалось необходимым включить в херсонесскую присягу специальный пункт, в силу которого «хлеб, свозимый с равнины», разрешалось продавать и вывозить только в Херсонес. Такой закон имел целью полностью сосредоточить торговлю хлебом в Херсонесе, чтобы тем самым иметь возможность тщательно контролировать экспорт, обеспечивая в первую очередь самих жителей Херсонеса необходимыми хлебными запасами. Следовательно, хлебный вопрос в Херсонесе стоял очень остро и вполне понятно, что вывоз хлеба на внешние рынки не мог получить в Херсонесе такого значения, какое он приобрел на Боспоре и даже в Ольвии.

Херсонес в эллинистический период стал крупным ремесленным центром. Особенно широко было развито керамическое производство, что подтверждается открытием при археологических раскопках Херсонеса остатков нескольких керамических мастерских. В восточной части херсонесского городища в 1888 г. под развалинами средневековых построек обнаружены были остатки домов эллинистического периода. В числе их оказались развалины трех помещений, в которых в древности находилась мастерская по изготовлению художественных керамических изделий. В первом, ближайшем к морю, помещении найден обломок глиняной формы для изготовления медальона с изображением нескольких человеческих фигур. В следующем большом помещении найдено около сорока, частью целых, частью более или менее поврежденных глиняных форм для разных терракотовых изделий, как то: масок, медальонов, статуэток и т. д. В третьем, расположенном несколько выше, помещении в углу открыто высеченное в скале круглое неглубокое углубление (диаметр около 1.25 м), где, вероятно, находилась обжигательная печь.

Наряду с глиняными статуэтками и рельефами изготовлялись сосуды, украшенные рельефными изображениями мифологических сцен, богов и т. д. Изучение форм позволило установить, что они в некоторой своей части были слепками с художественных украшений на привозных, главным образом малоазийских, металлических изделиях (фиалы, крышки зеркал и т. п.). Некоторые формы воспроизводили глиняные и мраморные статуэтки. Конечно, каждое оттиснутое формой изображение подвергалось еще отделке от руки при помощи соответствующих мелких инструментов.[1]

Остатки другой, более крупной керамической мастерской эллинистического времени раскопаны в Херсонесе в 1900 г. с внешней стороны крепостной стены, вне черты

---

[1] О новых археологических исследованиях Керкинитиды и Калос Лимен см.: М. А. Наливкина. 1) Основные итоги работ Евпаторийского отряда. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 114—118; 2) Раскопки в Евпатории, КСИИМК, XLI, 1953, стр. 128—133. См. также: К. Э. Гриневич. Городище «Прекрасная Гавань» в свете новейших данных. ВДИ, № 1, 1949, стр. 155—161; М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. СА, VI, 1940, стр. 107—119. Последние раскопки на территории евпаторийского городища (1952 г.) показали, что Керкинитида существовала как греческое поселение уже с начала V в. до н. э.

[1] В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе. МАР. вып. 7, 1892.

города, около некрополя.[1] Производство было вынесено за город, вероятно, в целях пожарной безопасности. Кстати заметим, что подобное местонахождение керамических мастерских имело место и в Ольвии; очевидно, это было обычным явлением.

Здание самой керамической мастерской, состоявшей из трех помещений, оказалось сильно разрушенным в раннесредневековое время, когда на месте мастерской прошла передовая крепостная стена (протейхизма). К востоку от здания мастерской обнаружены развалины обжигательных печей и другие производственные сооружения. Печей было не менее трех, причем каждая печь предназначалась для особого вида изделий.

Самая большая печь служила для обжига остродонных амфор. На месте разрушенной обжигательной печи, от которой хорошо сохранилась вырубленная в скале четырехугольная выемка, наряду с кирпичами, из которых печь была построена, уцелело около 30 раздавленных амфор последнего обжига. На ручках этих амфор имеются клейма одного херсонесского астинома — Истрона сына Аполлонида.

Находка клейменых амфор и обжигательной печи убедительно свидетельствует, что Херсонес производил свои амфоры, предназначавшиеся для херсонесских виноделов; в этих амфорах вино поступало в продажу в самом Херсонесе, а также экспортировалось далеко за его пределы.

Рядом с печью для обжига амфор находилась вырубленная в скале большая четырехугольная яма, отделенная от печи каменной стеной. Яма предназначалась, вероятно, для глины, запасы которой нужны были как для производства сосудов, так и специально для обжигательных печей, требовавших систематического ремонта; глиной закрывалось обычно и топочное устье после окончания обжига.

Потребность в воде удовлетворялась устроенными поблизости от печей колодцами. Один из колодцев в виде вырубленной в скале грушевидной ямы оказался непригодным из-за того, что порода была очень рыхлой, пористой. Колодец этот был обращен в мусорную яму, куда сбрасывали отходы производства — результаты неудачного обжига, разбившиеся при разгрузке печей сосуды и т. п. Зато другой колодец глубиной около 5 м, также грушевидной формы, вырубленный в более твердой скале, был более удачным и выполнял свои функции. Дождевая вода, собиравшаяся в расположенном по соседству бассейне, поступала по вырубленному в скале жолобу в колодец.

Неподалеку от печи, в которой найдены амфоры, сохранились следы круглой печи, для которой часть поверхности материковой скалы вырублена в виде полукруга. На месте печи обнаружены обломки сырцовых кирпичей, а также несколько глиняных форм для изготовления терракотовых фигур. Одна разбитая форма высотой 0.31 м служила для изготовления крылатой женской фигуры. Голова выделывалась при помощи отдельной формы. В другой форме изготовлялись головы силенов. Наряду с формами были найдены и фрагментированные статуэтки.

Перечисленными выше видами изделий не ограничивалось данное производство. В одной из печей обжигалась еще и столовая чернолаковая посуда. Превращенный, как уже отмечено, в свалочную яму колодец был заполнен доверху битой, частью поврежденной при обжиге посудой, покрытой тусклой черной «глазурью» (так называемым лаком). Среди обломков бракованной посуды, число которых достигало нескольких сот, оказалось большое количество канфаров с каннелированной нижней частью туловища, обломки от чашек, украшенных гирляндами, написанными светлокоричневой и белой краской, тогда как стебли исполнены резцом. В числе изделий были также обломки рыбных блюд с круглой впадиной посредине, обломки блюдечек и тарелок с розетками, вытисненными на дне с помощью штампа.

Интересно, что вместе с обломками посуды найден и глиняный, кверху суживающийся стержень — штамп, применявшийся для тиснения розеток на блюдечках и тарелках. Очень изящно чернолаковое блюдце, дно которого в центре украшено рельефным изображением двух целующихся головок.[1]

[1] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом. ИАК, вып. 2, 1902, стр. 2, 17—26 и 38—39.

[1] К. К. Косцюшко-Валюжинич, ук. соч., стр. 19, рис. 19.

Для обжига чернолаковой посуды, вероятно, была специальная печь. Это предположение подтверждается тем, что в нескольких шагах от развалин круглой печи обнаружена отвесно вырубленная выемка в скале со следами сильного действия огня.

Как показывает глина чернолаковой посуды, херсонесские гончары умели тщательно подготовлять керамическую массу; они очищали ее от примесей, добивались однородности глиняного теста.

Обнаруженные в 1900 г. печи принадлежали скорее всего одной мастерской, которая выпускала разнообразную продукцию—от простых остродонных амфор до чернолаковой посуды и сосудов с рельефными украшениями, а также терракоты. Очевидно, в такой мастерской работали керамисты различных специальностей.

Мастерская, подобная открытой у оборонительной стены Херсонеса, нуждалась в доставке глины, что вызывало дополнительные расходы производства. Вследствие этого некоторые гончары предпочитали устраивать мастерские в непосредственной близости от глинищ. Так, у устья реки Бельбек (несколько севернее Севастополя) были замечены следы древних карьеров по добыче глины, в которых обнаружены античные амфоры и сосуды, а в некоторых местах, ближе к морю, найдены и остатки обжигательных печей. Здесь выделывалась посуда, отсюда же, может быть, доставлялась в Херсонес и глина для тех мастерских, которые существовали в самом городе.[1]

Клейма херсонесских астиномов, встречающиеся не только на амфорах, но и на черепицах, подтверждают, что в Херсонесе выделывалась кровельная черепица. Изготовлялись также пифосы, простая кухонная посуда — кувшины, миски, большие толстостенные чаши, сосуды для варки пищи, глиняные сковороды, светильники и т. п.

Что касается посуды с художественной отделкой, то, кроме уже указанных видов посуды с рельефными украшениями и чернолаковой керамики, в эллинистический период в Херсонесе выделывалась еще и посуда, покрытая светлой обмазкой, по которой наносилась красная роспись в виде растительных украшений, гирлянд, завитков, полос.[1]

Широко было развито в Херсонесе ткацкое ремесло, преимущественно по изготовлению тканей из шерсти. При раскопках в Херсонесе в одном из зданий эллинистического времени в северной части города обнаружены резервуары, выкопанные в глинистом материке и наполненные остатками красной краски. Возможно, это остатки красильных резервуаров, в которых подвергались окраске готовые ткани.[2]

Основной рабочей силой, применявшейся во всех отраслях хозяйства Херсонеса — как в сельском хозяйстве, так и в городских ремесленных эргастериях, несомненно были рабы. Последних поставляли главным образом степные кочевники, добывавшие рабов путем военных набегов. На одном из херсонесских надгробий II в. до н. э. отмечено имя Афанагора, бывшего домашним рабом (θρεπτός).[3] Это редкий, можно сказать, единственный известный в Херсонесе случай, когда на могиле раба было поставлено надгробие. Объясняется это тем, что Афанагор являлся рабом, выросшим и «вскормленным» в доме рабовладельца, где он, очевидно, исполнял функции слуги.

Херсонес в ранний период своего существования не имел возможности широко вовлечь в торговый обмен окружающие его местные племена и втянуть в активное экономическое сотрудничество верхние их слои. Находившиеся бок о бок с Херсонесом тавры жили замкнуто в горном Крыму и, занимаясь почти исключительно пастушеским хозяйством, были невыгодными для развития торговых сношений соседями. Товарообмен со скифами был затруднен, так как ко времени возникновения Херсонеса доминирующее положение в скифской торговле занимал Боспор. Только позднее, начиная с III в. до н. э., по мере роста численности оседлых земледельческих скифских поселений в Крыму, открывались более широкие возможности для торговой деятельности херсонесских купцов. Херсонес жил,

---

[1] Н. Печенкин. Раскопки в окрестностях г. Севастополя. ИТУАК, вып. 38, 1905.

[1] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики. . ., стр. 144.

[2] Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936, стр. 9.

[3] IPE, I², 709. О значении термина θρεπτός см.: С. А. Жебелев. Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре. ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 64—65.

не будучи столь тесно связанным с местными племенами, как это имело место в Ольвии и тем более в Боспорском царстве. Это отразилось и на составе населения Херсонеса, в котором число выходцев из местных племен было меньшим, чем в других греческих городах северного Причерноморья. Поэтому и в культурном отношении Херсонес испытал более слабое воздействие местной среды. Длительное сохранение Херсонесом греческого облика отмечено было уже древними писателями. Впрочем, степень отчужденности Херсонеса от соседних племен не следует преувеличивать. В частности, новые раскопки, открывшие в северной части херсонесского городища ранний херсонесский некрополь конца V—IV вв. до н. э., обнаружили могилы с погребением тавров (скорченные костяки), расположенные вперемежку с погребениями греков.[1] Стало быть, уже с самого начала в составе херсонесского населения были не только эллины, но и некоторое количество тавров.[2]

Влияние тавров сказалось на религии херсонесцев. Пантеон последних наряду с чисто эллинскими божествами включал в качестве главного божества и покровительницы полиса богиню Деву (Παρθένος), в которой имеются основания видеть образ таврской богини (ее Геродот также называет Девой),[3] воспринятой херсонесцами и подвергнутой ими эллинской интерпретации.[4] Как сообщает Страбон,[5] помимо святилища этой богини, находящегося в самом Херсонесе, был еще храм богини Девы на мысе Парфении (Девином), расположенном в 100 стадиях (т. е. около 18 км) от Херсонеса. В храме был ксоан богини, т. е. какое-то примитивное изваяние, изображавшее Деву, идол, возможно, местного таврского изготовления. По очень интересному предположению С. А. Жебелева, упоминаемый в тексте херсонесской присяги «Састер» (σαστήρ) — слово, не поддающееся объяснению с греческого языка, — является местным названием этого кумира, повидимому, пользовавшегося особенным почитанием как святыня, охранявшая общественную безопасность.[1]

В Херсонесе Таврическом, как и в Ольвии, был демократический государственный строй: верховная власть принадлежала народному собранию и совету, исполнительную власть осуществляли различные магистраты, отличавшиеся, однако, от ольвийских и названиями и функциями.

При создании государственного управления в Херсонесе был учрежден ряд органов власти таких же, какие имелись в Гераклее Понтийской и ее метрополии — Мегарах. В Херсонесе с самого начала установился рабовладельческий демократический строй, характерные черты которого отмечены были выше, при описании государственного устройства Ольвии. Политическими правами и здесь пользовались прежде всего «природные граждане» (πολῖται ἀπο γένους), как они называются в одном херсонесском декрете,[2] т. е. исконные граждане, принадлежащие к господствующему классу. Наряду с «природными гражданами» в Херсонесе были лица, получившие права гражданства (πολίτης ποιητός) за особые заслуги. К этой группе относились иностранцы, получившие проксению, право гражданства и другие привилегии.

Органы верховной власти Херсонеса — народное собрание и совет — ведали важнейшими вопросами внешней и внутренней политики.

Целый ряд постановлений херсонесского народного собрания и совета дошел до нас в эпиграфических памятниках; в числе их главное место занимают постановления в честь тех или иных выдающихся деятелей города-государства.

Проекты постановлений народного собрания подвергались, как и в Ольвии, предварительному обсуждению в совете, членом которого мог быть избираем любой полноправный гражданин. Члены совета или члены одной из комиссий совета назывались

---

[1] Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, стр. 272—284.

[2] В раннем некрополе Херсонеса около 40% открытых погребений оказались со скорченными костяками.

[3] И. И. Толстой. Таврическая богиня. ЖМНП, V, 1917, стр. 129 сл.

[4] С течением времени херсонесцы стали отождествлять таврскую богиню Деву с эллинской Артемидой; см.: А. Н. Зограф. Статуарные изображения Девы в Херсонесе. ИГАИМК, II, 1922, стр. 337 сл.

[5] Strab., VII, 4, 2.

[1] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, стр. 928 сл. О местных элементах в религии херсонесцев см. также: Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, № 3, 1947, стр. 213 сл.

[2] IPE, I², 364.

в Херсонесе эйсимнетами (благоразумными), так же как и в Мегарах. В декрете в честь полководца Диофанта говорится, что постановление было вынесено советом и народом при председателе эйсимнетов (προαισυμνῶν) таком-то.[1] В декретах первых веков нашей эры эйсимнеты больше не упоминаются, зато встречаются проедры (πρόεδροι), очевидно, являющиеся также членами совета; они вносили проекты постановления в народное собрание.

В Херсонесе, повидимому, более значительную роль, чем в Ольвии, играл секретарь совета и народного собрания. О секретаре (γραμματεύων) неоднократно упоминается в декретах.

В ранних декретах, кроме секретаря, упоминается еще и царь (басилевс): в ряде документов после указания месяца и числа, когда было вынесено постановление, называется имя царя (βασιλεύων), который в данное время занимал эту должность. Царь был эпонимом, т. е. должностным лицом, именем которого датировались документы; такая же должность была и в Мегарах. Название этой должности являлось пережитком отдаленных времен, когда басилевсами в период патриархально-родового строя назывались племенные вожди, являвшиеся представителями родовой аристократии. В демократических полисах магистраты, именовавшиеся царями, выполняли только религиозные функции и функции эпонима. В I в. до н. э. в Херсонесе эта должность вовсе отменяется, титул царя и его функции переносятся с реального лица на мифическое, на богиню Деву, которая именуется «царствующей» (βασιλευουσα Παρθένος).

На обязанности специальной коллегии магистратов — симмнамонов (συμμνάμονες) — лежало провозглашать постановления народного собрания. Как известно, в Ольвии эту функцию исполняли глашатаи. Кроме того, симмнамоны ведали вырезыванием постановлений на каменных плитах и увенчанием почитаемых лиц золотыми венками. Обязанности симмнамонов были близки обязанностям секретарей.

Исполнительная власть в Херсонесе была сосредоточена в руках различных магистратов, из них некоторые уже были названы выше. Не вполне ясно, была ли главной магистратурой в Херсонесе коллегия демиургов (служителей народа) или архонтов. Дело в том, что в ранних надписях до I в. н. э. не встречается упоминания об архонтах. С этого же времени и позже имеются надгробные памятники, поставленные в память умерших первых архонтов, например памятник Газурия сына Метродора, бывшего первым архонтом (πρωταρχοντεύων),[1] или памятник в честь Дельфа сына Стратоника, бывшего агораномом и занимавшего первую должность (τὴν πρώτην ἀρχήν), т. е. должность первого архонта.[2] Имеется также ряд декретов в честь выдающихся граждан, где упоминаются должности, занимаемые ими, а среди них называется первая должность.

В одном декрете в честь неизвестного лица (имя его не сохранилось) указывается, что он трижды занимал первую должность, т. е. был первым архонтом, а ниже говорится, что он был и демиургом, следовательно, одно и то же лицо занимало должность первого архонта и было демиургом; отсюда можно заключить, что это были две различные должности.

Существование демиургии в первые века нашей эры не подлежит сомнению, вопрос же о существовании ее в более раннее время остается открытым, так как единственное упоминание о ней в гражданской присяге скорее позволяет считать этот термин обозначающим всякую должность, а не какую-либо специальную: приносящий клятву обязуется служить народу (быть демиургом) и доводить до сведения демиургов, т. е. должностных лиц-служителей народа, о лицах, покушающихся на демократический строй. В этом контексте разбираемый термин скорее следует рассматривать как обозначающий всякую магистратуру.[3]

Особую коллегию, сначала (в III—II вв. до н. э.) из пяти, а затем (в первые века нашей эры) из трех человек, составляли номофилаки (νομοφύλακες — «стражи законов»), на которых лежала обязанность следить за выполнением законов и привлекать к ответу правонарушителей. Известно, что номофилаки обыкновенно вносили проекты постановлений в народное собрание и что

[1] IPE, I², 352.

[1] IPE, I², 471 — надпись I в. н. э.

[2] Г. Д. Белов. 1) Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг., Крымгиз, 1938, стр. 42; 2) Херсонесские рельефы. ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 269.

[3] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, стр. 919—920.

они (в первые века нашей эры) наряду с другими должностными лицами скрепляли декреты печатями, гарантируя их подлинность. Эта должность встречалась и в других мегарских колониях: в Гераклее Понтийской, в Халкедоне и др.

За порядком на рынках, как в Ольвии, наблюдали агораномы, ведущие надзор за продажей товаров. В III в. до н. э. Агасикл сын Ктесия (упоминавшийся уже выше) наряду с другими обязанностями исполнял и должность агоранома (ἀγορανομήσας), он же устроил агору — рыночную площадь. Агораномы распоряжались специальными средствами на расходы по своей должности: один гражданин Херсонеса, занимавший эту должность (в III в. н. э.), пожертвовал на храм Афродиты 3000 динариев из расходных сумм агораномии.[1] Не вполне ясно, были ли эти средства государственными или частными. Свободное распоряжение оставшимися деньгами скорее говорит о том, что это были частные средства. Должность агоранома считалась одной из видных, ее занимали и высшие магистраты, например Дельф сын Стратоника, бывший первым архонтом.[2]

Документально засвидетельствовано в Херсонесе и наличие коллегии астиномов, о существовании которой в Ольвии данных нет; они следили за правильностью меры емкости глиняных сосудов, в которых продавались различные товары. На ручках амфор, которые изготовлялись в самом Херсонесе, ставились клейма с именами астиномов, гарантирующих определенную емкость сосудов. В Херсонесе иногда встречаются одни и те же имена астиномов и на ручках амфор, и на монетах; быть может, астиномы ведали и монетным делом, или занимавшие эту должность потом переходили на заведование монетным делом.

Очевидно, в Херсонесе была специальная коллегия стратегов, ведавших военным делом, но о них нет никаких данных, за исключением известного декрета в честь Агасикла, где упоминается, что он был стратегом (στραταγήσας).

О единоличной должности продика (πρόδικος) имеется весьма мало сведений. Она встречается только в эпиграфических документах первых веков нашей эры; эту должность занимали видные политические деятели и за добросовестное исполнение ее наряду с другими заслугами они удостаивались почетного декрета и наград.[1] Судя по названию, эта должность имела отношение к судебным делам.

О херсонесских судебных органах нет почти никаких сведений. Из херсонесской присяги лишь известно, что на суде голоса подавались «по законам». Суд, повидимому, являлся народным и каждый полноправный гражданин мог быть членом суда.

Не вполне ясна и должность «стоящего во главе управления» (ὁ ἐπὶ τᾶς δοκήσεος). В надписи III в. до н. э. упоминается, что «стоящие во главе управления» и номофилаки предложили устроить религиозное служение Деве в благодарность за какую-то большую «услугу» с ее стороны, связанную, повидимому, с отражением врагов.[2]

В другом декрете номофилаки и «стоящие во главе управления» предложили проксению синопскому гражданину.[3] Каковы были специальные функции должностных лиц, «стоящих во главе управления», неизвестно.

В декрете I в. н. э. в честь Аристона среди перечисленных его заслуг упоминается, что он «управлял [финансами] и выяснял денежные средства города», т. е. ведал финансами города. Этот документ подтверждает предположение, что должность «стоящего во главе управления» носила финансовый характер. Эта должность упоминается в херсонесских документах вплоть до I в. до н. э., позднее встречается должность эпимелета, т. е. попечителя общественных доходов.[4] Имеется одна херсонесская надпись с упоминанием должности казначея, ведавшего государственной казной.[5]

Известен в Херсонесе также казначей священных сумм (ταμίαι τῶν ἱερῶν), который выдавал средства на расходы, связанные с опубликованием почетных декретов. Повидимому, священная казна являлась своего рода отделением государственной

[1] IPE, I², 440.
[2] Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, стр. 268 сл.

[1] IPE, I², 420, 423, 424.
[2] IPE, I², 343.
[3] IPE, I², 351 (II в. до н. э.).
[4] Интересно отметить, что в Афинах в V в. до н. э. существовала должность эпимелета общественных доходов, которая впоследствии была заменена должностью «стоящего во главе управления»; это должностное лицо осуществляло верховный надзор за государственными доходами и расходами.
[5] IPE, I², 423 (διοκήσας).

казны; из нее, вероятно, черпались средства в экстренных случаях, как из запасного государственного фонда.

Помимо вышеназванных постоянных магистратур, которые занимались гражданами по выборам и в течение определенного срока, по большей части годичного, в Херсонесе, как и в Ольвии и других греческих полисах, на отдельных граждан возлагались те или иные временные поручения; эти лица носили название эпимелетов, попечителей или надзирателей, избиравшихся на народном собрании из состава граждан. Поручения, возлагаемые на них, были весьма разнообразны; в одной надписи III в. до н. э., касающейся, повидимому, продажи государственных земельных участков (надпись плохо сохранилась), указывается, что продажа производилась под наблюдением пяти эпимелетов.[1]

Эпимелетам поручалось и наблюдение за постройкой или восстановлением городских стен. В надписи II в. н. э. сообщается о сооружении на средства какого-то херсонесца стены, постройка которой была осуществлена через эпимелета, являвшегося вместе с тем и старейшиной города.[2] Кто были старейшины города, неясно. Был ли это почетный титул лица наиболее преклонного возраста, или с этим титулом связывались какие-либо определенные обязанности? Возможно, его надо сопоставить с почетным титулом «отца города», встречающимся в Ольвии.

Город возлагал на граждан и другие поручения, например, участие в посольствах, размежевание виноградников, устройство гарнизона и др. Имели место в Херсонесе и так называемые литургии — натуральные повинности, связанные с большими расходами, которые возлагались на наиболее зажиточных граждан. В одном почетном декрете (III в. н. э.) при перечислении заслуг гражданина указывается, что он выполнял всяческие литургии (πᾶσαν λειτουργίαν).[3] Одной из таких литургий была почетная обязанность гимнасиарха,[4] которому поручалось устройство гимнастических состязаний.

Херсонес был типичным эллинским полисом, городом-государством, в основе которого лежал рабовладельческий способ производства.

«Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя».[1] К сожалению, дошедшие до нас источники почти не освещают этой важной стороны внутренней истории Херсонеса. Имеются лишь некоторые сведения о борьбе, происходившей между различными слоями рабовладельческого класса.

Не один раз в Херсонесе делались попытки ниспровергнуть его демократический строй. Внутренние противоречия в среде господствующего класса рабовладельцев, борьба за политическую власть различных общественных группировок, например сторонников умеренной демократии и сторонников олигархического строя, проявлялись в организации заговоров, в попытках установить тиранию.

В конце IV — начале III в. до н. э., судя по отдельным намекам, имеющимся в тексте гражданской присяги, повидимому, был организован заговор против демократии, но переворот не удался, заговор, очевидно, был раскрыт, а его участники были объявлены врагами народа.

Другая попытка изменить строй Херсонеса была предпринята в I в. н. э.[2] (некоторые относят это событие к I в. до н. э.).[3] Смутные указания об этом имеются в фрагментарно сохранившемся почетном декрете. По отдельным уцелевшим обрывкам фраз можно заключить, что в то время как чествуемый декретом гражданин (имя его не сохранилось) отсутствовал в Херсонесе, власть в городе захватил тиран, «народ» страдал под его властью и желал его ниспровергнуть. Когда этот гражданин вернулся, его выбрали вождем и он без кровопролития ликвидировал тиранию, за что и был почтен золотым венком, статуей, а также почетным декретом.

К какой общественной группировке принадлежали восставшие? Чьим вождем

---

[1] IPE, I², 403.
[2] IPE, I², 438 (πρεσβύτερος πόλεως).
[3] IPE, I², 425.
[4] IPE, I², 424.

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1946, стр. 120.
[2] IPE, I², 355; ср.: В. Н. Дьяков. Положение Херсонеса в половине I в. н. э. ВДИ, № 1, 1941, стр. 90—91.
[3] Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, стр. 95.

был тиран, захвативший кратковременную власть в Херсонесе? Возможно, это были сторонники крайней демократии; в декрете говорилось, что гражданин, возглавивший борьбу с тиранией, избавил город от кровопролития и беспорядков из-за «неистовства черни». Отсюда можно предположить, что тиран опирался на беднейшие слои населения.

Наступившие в III—II вв. до н. э. изменения в жизни скифских племен, о чем говорилось раньше, в связи с рассмотрением истории Ольвии, затронули также и Херсонес. Последний стал теперь испытывать все более усиливающийся напор скифов, стремившихся овладеть Херсонесом, чтобы получить выгодный выход к путям морской торговли. Херсонесцы в целях обороны прежде всего постарались использовать враждебные отношения между скифами и сарматами. Заключив союз с вождями сарматских племен, а может быть, и заинтересовав их материально, херсонесцы сумели получить на некоторое время поддержку со стороны сарматов. Это отчасти затрудняло развитие наступательных действий скифов против Херсонеса. В декрете второй половины III в. до н. э. в честь местного историка Сириска указывается, что он в своем труде осветил вопрос о взаимоотношениях Херсонеса с боспорскими царями. Херсонес, вероятно, пытался противодействовать надвигавшейся скифской угрозе путем установления союзных отношений с более сильным своим соседом в лице Боспорского царства. В этой же связи нужно упомянуть заключенный в 179 г. договор «о дружбе» между понтийским царем Фарнаком I и Херсонесом.[1] Договор был заключен при посредничестве Рима после окончания войны в Малой Азии между Фарнаком I и коалицией царей Пергама, Вифинии и Каппадокии,[2] во время которой ряд городов Причерноморья, в том числе Гераклея Понтийская, находились под угрозой захвата их понтийским царем.[3]

Очевидно, Херсонес выступал в указанной войне на стороне своей метрополии. Интересно, что к заключению мирного договора, помимо ранее названных государств и городов, участвовавших в войне, был привлечен сарматский царь Гатал. Он, по-видимому, был союзником Херсонеса и мог бы поддержать последний, если бы Херсонесу действительно пришлось принять участие в защите своего союзного города в Малой Азии. Все это показывает, насколько широки были политические связи между северным и южным Причерноморьем в эллинистический период. Вместе с тем мы видим, что в рассматриваемое время на первый план в северном Причерноморье выступили сарматы, они как вполне реальная сила участвуют в достаточно сложных международных дипломатических комбинациях. На антагонизме между сарматами и скифами пытался, как мы видим, упрочить свое пошатнувшееся положение Херсонес. В договоре, заключенном между Херсонесом и царем Фарнаком I, последний обещал навсегда быть «другом херсонесцев». Одновременно понтийский царь брал на себя обязательство содействовать защите Херсонеса, «если соседние варвары выступят походом на Херсонес или подвластную

---

[1] IPE, I², 402. — Р. Ф. Лепер. Херсонесские надписи. ИАК, вып. 45, 1912, стр. 23—39.

[2] Polyb., XXV, 2, 12=SC, I, стр. 44.

[3] Иной точки зрения придерживается К. М. Колобова (см. ее статью «Фарнак I Понтийский», ВДИ, № 3, 1949), к ней примыкает и Т. В. Блаватская (Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., стр. 147—151). Суть этой точки зрения состоит в том, что во время войны, которую Фарнак I вел с коалицией малоазийских царей Пергама, Вифинии и Каппадокии, причерноморские города Гераклея, Месембрия и Херсонес якобы были городами, дружественными Фарнаку I, и выступали на его стороне.

Между тем, совершенно ясно, что Фарнак I, выступая с претензией на территориальное расширение Понтийского царства (превращение последнего во «всепонтийское» государство позднее удалось осуществить Митридату VI), создавал смертельную угрозу независимости понтийских греческих полисов. Фарнак I захватил ряд городов южного Причерноморья — Синопу, Котиору, Керасунт, Тий. Прямая опасность нависла над Гераклеей Понтийской. Поэтому представляется невероятным, чтобы Гераклея, а также родственные ей Месембрия и Херсонес могли в таких условиях играть роль единомышленников и сторонников Фарнака I. Характерно, что заключенный между Фарнаком I и Херсонесом в 179 г. (т. е. после окончания войны в Малой Азии) договор «о дружбе» (IPE, I², 402) — это было дипломатическим оформлением взаимоотношений после окончания войны — содержит весьма развернутую формулировку, имеющую целью предупредить враждебные действия Фарнака I против Херсонеса. Фарнак I в договоре обязуется «не замыслить зла против херсонесцев, не пойти походом на Херсонес, не поднимать оружия против херсонесцев» и т. д. Странно выглядело бы включение такого рода обязательств, если бы до этого понтийские автономные города были союзниками Фарнака I.

херсонесцам страну или будут причинять обиду херсонесцам». Воспользовавшись удобной возможностью, херсонесцы не преминули включить в договор пункт о помощи со стороны понтийского царя, чтобы тем самым продемонстрировать усиление своих возможностей к сопротивлению против скифов.

Не взирая на все предупредительные меры дипломатического характера, Херсонес лет 50 спустя очутился в критическом положении, когда скифы повели решительное наступление против Херсонеса, опираясь на ряд своих укрепленных городов (Неаполь и др.), расположенных в центральной части Крыма. Ко второй половине II в. до н. э. Херсонес потерял все свои владения вдоль западного побережья Крыма, и военные действия перекинулись непосредственно в окрестности города Херсонеса. Скифы, повидимому, действовали совместно с таврами, помогали им и сатархеи — племя, жившее в северо-западной части Крыма и известное своим пиратством на Черном море. Ольвия тогда находилась в подчинении у скифов, а экономически слабевший Боспор, будучи не в состоянии отстаивать даже собственные интересы от притязаний скифов, никак не мог облегчить положение Херсонеса. Не имела возможности помочь Херсонесу и его метрополия, которая обычно принимала близкое участие в судьбах своей крымской колонии. Потеряв в войне с вифинским царем Прусием I в начале II в. до н. э. значительную часть своих владений, едва сохранив независимость, Гераклея Понтийская была теперь не в состоянии что-либо предпринять в пользу Херсонеса.

При таких неблагоприятных обстоятельствах Херсонес решил просить об оказании ему помощи у Митридата VI Евпатора, царя Понтийского государства, вскоре ставшего центром упорной борьбы против Рима и его экспансии на Восток.

Юридическим основанием для обращения к понтийскому царю мог служить упомянутый выше договор от 179 г., заключенный между Херсонесом и Фарнаком I и содержавший пункт об оказании помощи Херсонесу в случае нападения на него варваров. Найденный в Херсонесе фрагмент декрета в честь посла Митридата VI показывает, [1] что понтийский царь со своей стороны проявил большую заинтересованность в делах Херсонеса и послал туда для ведения переговоров своих представителей, может быть, еще до формального обращения Херсонеса с просьбой о вмешательстве в его борьбу со скифами. Интерес Митридата к Херсонесу был продиктован желанием закрепиться в северном Причерноморье, чтобы тем самым упрочить свое положение в предстоящей схватке Митридата с Римом. Кончилось тем, что для защиты Херсонеса Митридат отправил в 110 г. из Понта военный экспедиционный корпус, возложив командование им на военачальника Диофанта, уроженца города Синопы. О ходе военных операций Диофанта в Крыму сообщает известная почетная надпись, высеченная на пьедестале статуи Диофанта, установленной в Херсонесе подле алтарей наиболее чтимых богов, в ознаменование «освобождения от владычества варваров».[1]

По прибытии в Херсонес войска Диофанта совершили переправу на северную сторону теперешней Севастопольской бухты. Вскоре произошло сражение, в котором скифы во главе с царем Палаком, не выдержав натиска войска Диофанта, потерпели поражение и были рассеяны. Прервав здесь временно развитие дальнейших операций, Диофант направил свои действия против тавров, желая предотвратить возможность их удара с тыла. И лишь после того, как тавры были подчинены, Диофант приступил к осуществлению основной задачи. Совместно с отборными солдатами херсонесского ополчения понтийские войска двинулись в центральную часть Крыма и заставили скифов сдать основные свои крепости — Хабеи и Неаполь. Потеряв главные опорные пункты, скифы вынуждены были признать себя побежденными. Полагая, что скифы теперь уже не смогут больше угрожать Херсонесу, Диофант вернулся в Понт со своим войском.

Однако вскоре скифы возобновили наступательные действия против Херсонеса. Тогда Митридатом были повторно посланы войска из Понта под начальством того же Диофанта. Достигнув Херсонеса, Диофант сначала занялся отвоеванием северо-западных херсонесских владений, где находились города Керкинитида, Прекрас-

[1] IPE, I², 349.

[1] IPE, I², 352.

ная гавань и др., оказавшиеся уже в руках скифов. Пока все основные силы Диофанта находились в западной части Крыма, Палак собрал большое войско, привлек к себе на помощь сарматское племя ревксиналов[1] и стал готовиться к решительному столкновению с Диофантом. Но генеральное сражение закончилось для скифов неудачей. Диофант снова взял скифские укрепленные города и лишил скифов возможности дальнейшего сопротивления. От последствий этого поражения скифы могли оправиться теперь нескоро. После окончания военных действий Диофант прибыл на Боспор для завершения ранее начатых здесь дипломатических переговоров о передаче боспорским царем Перисадом своей власти Митридату Евпатору. Во время пребывания Диофанта в Пантикапее вспыхнуло восстание боспорских скифов, и Диофанту пришлось спасаться бегством в Херсонес. Для подавления восстания потребовалось снаряжение из Понта специальной третьей военной экспедиции, к которой по прибытии ее в Крым были присоединены также и войска Херсонеса. После того как восстание на Боспоре было подавлено, Митридат стал полновластным хозяином греческих городов северного Причерноморья. Некоторая самостоятельность чекана монет Херсонеса в митридатовское время говорит о том, что Херсонес в период подчинения его Митридату обладал довольно значительной административной автономией.

Но с течением времени и Херсонес все более чувствительно стал испытывать тягость митридатовского режима, по мере того как затягивавшиеся войны Митридата с Римом осложняли дела понтийского царя и заставляли его все более энергично прибегать к использованию ресурсов подвластных ему городов северного Причерноморья. Неизвестно, какова в точности была роль Херсонеса в поставках Митридату материальных средств и людей для его армии. Во всяком случае представляется вполне вероятным, что в последний период, когда Митридат, лишившийся всех своих малоазийских владений, находясь уже в Пантикапее, пытался организовать новый поход против Рима, Херсонес был также призван принять активное участие в осуществлении задуманного Митридатом плана и подвергался в связи с этим усиленным поборам.

Вряд ли рабовладельческий Херсонес, свободное население которого состояло в преобладающем большинстве из греков, мог сочувственно относиться к той политике Митридата, которую он, гибкий и ловкий политик, стал особенно настойчиво проводить в последний период своей деятельности и которая резко отличалась от прежней, когда Митридат посылал войска в Крым против скифов. Теперь Митридат всячески стремился установить тесную дружбу с местными племенами северного Причерноморья. Опираясь на их силы, Митридат надеялся добиться победы над Римом. В числе близких союзников Митридата писатель Апциан отмечает не только скифов, но и тавров.[1] К этой дружбе Митридата с причерноморскими племенами Херсонес, повидимому, относился недоверчиво и недружелюбно. Еще более должна была восстановить против Митридата организованная римлянами в 64 г. блокада Крыма с моря, которая сделала совершенно невозможными какие-либо морские и торговые сношения греческих городов северного Причерноморья с Малой Азией и Грецией. Поэтому, когда в 63 г. Фанагория подняла мятеж против Митридата, к восстанию немедленно присоединился Херсонес вместе с рядом других греческих городов северного Причерноморья,[2] что окончательно и погубило Митридата.

Херсонес не получил автономии за участие в восстании против Митридата, как Фанагория. Он перешел под власть боспорского царя Фарнака, сменившего на Боспоре своего отца Митридата, в устранении которого Фарнак принял весьма деятельное участие. Херсонес остался попрежнему составной частью Боспорского царства, каковым он фактически стал уже в митридатовское время. С этим херсонесцы не желали примириться. Они всячески пытались освободиться от боспорской опеки, чтобы восстановить свой суверенитет. В 46 г. в Риме перед Юлием Цезарем хлопотал о предоставлении Херсонесу автономии специально туда направленный херсонесский посол Гай Юлий Феоген сын Сатира.[3]

[1] Так оно названо в декрете в честь Диофанта; вероятно, это были те же роксоланы, о которых, как союзниках скифов, говорит Страбон (VII, 4, 17).

[1] App., Mithr., 15=SC, I, стр. 526 и 528.
[2] App., Mithr., 108=SC, I, стр. 533.
[3] IPE, I², 691.

Просьбу Херсонеса Цезарь удовлетворил, но свобода, полученная Херсонесом, была эфемерной. Наступившие в связи с убийством Цезаря политические перемены в Риме повели к тому, что Херсонес не смог реализовать полученное от Цезаря право на политическую автономию и продолжал оставаться под протекторатом Боспора, во главе которого в то время стоял царь Асандр. По словам Страбона, писавшего во времена Августа, территория Крымского полуострова тогда «находилась под властью боспорских царей, которых назначают римляне».[1] Между тем, начиная с 25/24 г. до н. э. херсонесцы ввели свое летосчисление. Некоторыми исследователями высказывалось предположение, что это произошло в связи с получением в Риме подтверждения предоставленной Херсонесу еще Цезарем автономии. Но это только гипотеза, никаких документальных данных, которые могли бы подтвердить ее, нет.[2] Но если даже допустить, что именно такое событие послужило основанием установления в 25/24 г. новой эры, то придется все же признать, что и на этот раз «свобода» Херсонеса была лишь формальной, так как одновременно последнему, очевидно, было вменено в обязанность заключить военно-оборонительный союз с Боспором в целях более надежной защиты от «варваров» и в первую очередь от тавро-скифов. На деле такой союз принимал форму политического господства более сильного Боспора над его более слабым союзником.

Ряд надписей проливает свет на взаимоотношения Херсонеса с Боспором на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э., определявшиеся положением Херсонеса в качестве зависимого боспорского союзника. В надписи, отмечающей заслуги одного херсонесца, указано, что он стоял во главе вспомогательного отряда, посланного в помощь царю Полемону I.[3] Херсонесский отряд, вероятно, участвовал в военных операциях, проводившихся боспорским царем Полемоном I против Танаиса и местных племен азиатской части Боспора. Со своей стороны Боспор также оказывал Херсонесу какую-то помощь, поскольку власти последнего издали в честь Полемона I почетную надпись, в которой он именуется «спасителем херсонесцев» (σωτῆρ Χερσονησειτῶν).[1] Одна отрывочно сохранившаяся надпись сообщает о торжественной встрече херсонесцами посла боспорской царицы Динамии,[2] а другая надпись представляет собой начало текста, высеченного на постаменте статуи боспорского царя Аспурга.[3]

Несмотря на возросшую мощь Боспора в I в. н. э., последний не обладал такими силами, чтобы вполне обеспечить безопасность Херсонеса. Это с полной очевидностью выяснилось, когда скифы, занимавшие подвластному степные части Крыма, около середины I в. н. э. стали снова тревожить Херсонес, пытаясь осуществить то, что в свое время не удалось Скилуру и Палаку. Боспор не смог парализовать активность скифов, и Херсонес оказался в тяжелом положении. Римские власти были этим обстоятельством весьма обеспокоены, так как усиление местных племен северного Причерноморья и переход в их руки греческих городов — спорных приморских пунктов, мог создать серьезную угрозу захватническим планам Рима в прилегающих к Черному морю районах. Поэтому, когда скифское войско вплотную подошло к Херсонесу, из провинции Мёзии на кораблях были посланы в Крым римские войска, которые и принудили скифов прекратить осаду Херсонеса. Об этом известно из надписи в честь римского наместника Мёзии Тиберия Плавтия Сильвана, возглавлявшего римское войско, отправленное в Херсонес.

Военная операция Плавтия Сильвана была связана с созревшим в Риме планом овладения северным Причерноморьем и организации здесь римской провинции. В осуществление указанного плана после завершения военного похода Плавтия Сильвана, император Нерон приказал расквартировать в Крыму отряды войск. Римские отряды были размещены в береговой полосе северного Причерноморья и на побережье Кавказа. Общая численность солдат составляла 3 тысячи. Кроме того, для охраны морских путей сообщения важнейшие гавани были взяты под наблюдение специально откомандированной эскадры равеннского флота, для которой гавань Херсонеса стала

---

[1] Strab., VII, 4, 7.
[2] Ср.: Е. С. Голубцова, ук. соч., стр. 96.
[3] IPE, I², 419.

[1] IPE, I², 704.
[2] IPE, I², 354.
[3] IPE, I², 573.

главной базой. В целях усиления стратегических позиций римских отрядов, находившихся в Крыму, была построена при Нероне или Веспасиане на месте таврского укрепления крепость Харакс (теперь мыс Ай-Тодор).[1] Задачей стоявшего здесь гарнизона, как и других военных постов, размещенных на южном берегу Крыма,[2] являлся контроль над прибрежной зоной и создание угрозы тавро-скифам с юга.

В первые века нашей эры Херсонес значительно окреп в экономическом отношении. Ожила сельскохозяйственная округа Херсонеса на Гераклейском полуострове с ее обширными виноградниками, хотя, повидимому, и в меньших масштабах, чем это было раньше, до скифских войн и митридатовской интервенции. Опять в какой-то мере, повидимому, была использована Херсонесом западная часть Крыма с его землевладельческим населением, поставлявшем Херсонесу хлеб. Хлеб шел главным образом на удовлетворение потребностей населения Херсонеса и войска. Спорадически зерновой хлеб мог идти из Херсонеса и на внешний экспорт, но вряд ли он носил систематический характер. Усиленно развивался в Херсонесе рыбный промысел, позволявший вести массовую засолку дешевых сортов рыбы.

Рис. 26. Рыбозасолочная ванна. Херсонес.

Судя по археологическим данным, рыбный промысел получил особенно широкое развитие в I—III вв. н. э. На это указывают многочисленные рыбозасолочные ванны указанного времени, открытые раскопками в Херсонесе в различных местах древнего города (рис. 26). Так же как и на Боспоре, эти рыбозасолочные ванны строились из камня и внутри покрывались цементом в целях достижения непроницаемости стенок и днищ. Ванны эти нередко бывали очень велики. От боспорских они отличаются по своему устройству тем, что днища их иногда выложены кирпичами,[1] чего в боспорских рыбозасолочных ваннах никогда не бывает. Как показывают рыбьи остатки, находимые в херсонесских засолочных ваннах, последние служили главным образом для переработки хамсы. Находка остатков хамсы в небольших сосудах позволяет заключить, что эта рыба шла не только на соление, но что из нее приготовлялся также и дорогой соус, известный под названием «гарум», который делали чаще всего из скумбрии и султанки. Готовили также, вероятно, более дешевый соус «муриа» из внутренностей, крови и жабер тунца или из скумбрии. Эту смесь в глиняных открытых сосудах держали под действием воздуха в течение двух-трех месяцев.[2] Подобные соусы готовились, повидимому, и в других пунктах северного Причерноморья, где было развито рыболовство.

Обилие остатков рыбозасолочных ванн первых веков нашей эры в Херсонесе позволяет считать, что торговля соленой рыбой и другими рыбными продуктами не ограничивалась только пределами города, но была связана и с экспортом. Как и в Ольвии, в Херсонесе был специальный рыбный рынок.[3]

Развитие рыбного промысла и заготовки соленой рыбы предъявляли значительный спрос на соль. Страбон упоминает «морское болото с солеварней» близ

[1] В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 254.

[2] Н. И. Репников. О характере римской оккупации южного берега Крыма. СА, VII, 1941, стр. 121 сл.

[1] Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 206 и 224.

[2] М. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. Вестн. рыбн. промышл., № 1—3, 1917.

[3] С. А. Семенов-Зусер. Рыбное хозяйство и рынки, стр. 35 сл.

Херсонеса (на теперешнем Херсонесском мысе).[1] Следовательно, потребность в соли удовлетворялась в Херсонесе в какой-то мере из собственных ресурсов, частично она могла доставляться из Ольвии, которая ввозила соль в Крым, как об этом сообщает Дион Хрисостом.[2] Интенсивное развитие виноделия в Херсонесе в первые века нашей эры подтверждается винодельнями, открытыми в последние годы при раскопках херсонесского городища[3] (рис. 27).

В первые века нашей эры Херсонес продолжает быть ремесленным центром с развитым керамическим, текстильным, металлическим производствами. Изделиями херсонесских мастерских удовлетворялись не только потребности самого города и примыкавшего к нему района, но и более отдаленных скифских поселений центральной и западной части Крыма.

Хотя до сих пор не обнаружены какие-либо остатки керамического производства первых веков нашей эры, не подлежит все же сомнению, что и в этот период в Херсонесе продолжали существовать местные гончарные мастерские, изготовлявшие строительные материалы (черепица, водопроводные трубы), посуду различных сортов — простую обиходную, кухонную, а также более дорогую столовую краснолаковую, светильники и пр. Выделывались и терракотовые статуэтки.

Внешние торговые сношения Херсонеса и его роль в товарообмене с местным населением не отличались столь широкими масштабами, какие свойственны были Боспору, все же Херсонес поддерживал регулярную торговую связь с южным и отчасти с западным побережьем Понта Евксинского. Со времени Митридата торговые связи с Малой Азией стали безусловно доминирующими. Серия херсонесских почетных декретов, изданных в честь купцов Амастрии, Синопы, Гераклеи, подтверждает указанный вывод.

В Херсонес ввозились вина, оливковое масло, глиняная краснолаковая и стеклянная посуда, предметы украшения, ткани.

Херсонес вел теперь достаточно оживленную торговлю с крымскими скифами, с их городами и селениями, сбывая туда и свою продукцию, и некоторые товары, доставлявшиеся извне.

Новый экономический подъем, наступивший в I в. н. э., сопровождался большим городским строительством. Подверглись, в частности, перестройке оборонительные сооружения Херсонеса. Особенно капитальной была реконструкция юго-восточной

Рис. 27. Цистерны для виноградного сусла в винодельне II в. н. э. Херсонес.

части херсонесских крепостных стен в I в. н. э. Значительный отрезок старых боевых стен был искусственно засыпан. Поднятие уровня оборонительных стен на этом участке было обусловлено необходимостью обезопасить торговую часть города от возможности обстрела с вершины Девичьей горы, расположенной к югу от Херсонеса. На искусственном уровне, частью на основе выравненных кладок старой стены, а частью на специальных бутовых фундаментах была построена новая линия стены.

Помимо фортификационных работ были проложены водопроводные магистрали из гончарных труб, по которым вода само-

[1] Strab., VII, 4, 7.
[2] Dion Chrys., Orat., V, 2, 48=SC, I, стр. 172.
[3] Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, № 2, 1952, стр. 225 сл.

теком подавалась в город от естественных мощных родников — из верховья Юхариной балки (в 8 км от Херсонеса), а возможно и Сарандинакиной балки. До этого Херсонес пользовался колодцами и цистернами, в которые собиралась дождевая вода.

В первые века нашей эры, как и раньше, все отрасли хозяйства Херсонеса держались на эксплуатации рабского труда. Известно несколько надгробий этого времени с упоминанием вольноотпущенников. В одном случае наследники и вольноотпущенники поставили памятник некой Аврелии Тихе,[1] в другом случае отпущенник какого-то римлянина, проживавшего в Херсонесе в I в. н. э., поставил надгробный памятник с латинской надписью двум отпущенникам, «убитым таврами», из них один был врачом (medicus).[2] Возможно, он был домашним врачом своего патрона и сопровождал его в походе против тавров.

В Херсонесе, где сохранился в наиболее чистом виде греческий полис, рабство несомненно было широко распространено; очевидно, рабами пользовались и в сельском хозяйстве, и в различных производствах. Имело распространение в Херсонесе, повидимому, и рабство при храмах, институт так называемых иеродулов. Об этом свидетельствует надгробная надпись восьмидесятилетнего Сатирика, «принадлежавшего богине Деве», и подруги его Конхи.[3]

Государственный строй Херсонеса в первые века нашей эры оставался формально прежним — Херсонес продолжал быть рабовладельческим полисом.

В I в. до н. э. и позднее был проведен ряд частичных изменений во внутренней структуре государственного управления, с сохранением, однако, демократической формы строя. Как известно, начиная с 25/24 г. до н. э. была введена новая эра и в связи с этим ликвидирована должность царя-эпонима, вместо него была объявлена царицей богиня Дева, которой стали приписывать функции эпонима.

На монетах также помещалась монограмма Девы.[4] Новая херсонесская эра исчислялась по годам царствования богини Девы. Обычай выставлять богов в качестве магистратов-эпонимов имел место и в других греческих городах; такие случаи известны начиная с III в. до н. э. В этом обычае выражалось особое почитание божества, чудесной помощи которого приписывалось какое-либо событие, например избавление от нашествия врагов.

Усиливается, или даже вводится вновь должность архонта, с первым архонтом во главе, в руках которого постепенно сосредоточивается главное управление.

Ряд декретов первых веков нашей эры скреплен печатями коллегии архонтов, состоявшей из пяти человек.

Поскольку архонты встречаются только в это время, можно предположить, что названная должность либо была впервые учреждена, либо — что вероятнее — приобрела тогда большое значение. Члены совета стали теперь называться проедрами. были ли введены какие-либо изменения в их функциях — неизвестно.

В первые века нашей эры вошло в обычай скреплять декреты печатями ряда должностных лиц, о чем специально указывается в декретах с подробным перечислением имен и должностей всех приложивших печати. Скрепление печатями должно было гарантировать законность и подлинность постановления народа и совета. Количество лиц, скреплявших декреты печатями, доходило до 25 человек,[1] среди них были архонты с первым архонтом во главе, номофилаки, продик, секретарь совета и лица без обозначения их должностей, очевидно, виднейшие граждане, быть может, бывшие магистраты. Иногда во главе списка ставилась богиня Дева как высший магистрат. Обычай скрепления текстов печатями существовал в эллинистических государствах и в Риме.

Повидимому, в Херсонесе государственное делопроизводство в первые века нашей эры становится более громоздким и сложным, происходит бюрократизация управления, что имело место и в других государствах античного мира и прежде всего в Риме в императорский период.

В одной из поздних надписей (III в. н. э.) совет именуется сильнейшим (κρατίστη), а

---

[1] IPE, I², 508.

[2] IPE, I², 562. Надпись эта свидетельствует о продолжавшихся в первые века нашей эры враждебных отношениях между таврами и Херсонесом, переходивших порой в открытые военные столкновения.

[3] IPE, I², 457.

[4] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 154. Самая ранняя датированная монета обозначена 73 г. херсонесской эры.

[1] См., например, IPE, I², 359.

народное собрание священнейшим (ἱερώτατος).[1] Несмотря на то, что роль верховных органов власти сохраняется и внешне всячески превозносится, фактически роль их в этот период становится ограниченной.

Подобно Ольвии в Херсонесе происходила своеобразная «аристократизация» государственного управления. Руководящие государственные должности, остававшиеся попрежнему выборными, фактически сосредоточены были в руках немногочисленной группы богатых херсонесцев, пользовавшихся доверием и покровительством римских властей, причем некоторые такие семьи херсонесской знати из поколения в поколение оставались у кормила власти. Во II в. н. э. ряд должностей, например, занимали члены рода Агеполиса, которые получили права римского гражданства и вместе с тем римские имена Флавиев.[2] Одни и те же лица занимают ряд должностей и одно и то же лицо занимает одну должность в продолжение нескольких лет. Круг граждан, активно участвующих в политической жизни, сильно сужается, политическая власть сосредоточивается в руках богатой верхушки херсонесских рабовладельцев, тяготевшей к Риму и стремившейся использовать его поддержку против надвигавшейся опасности разрушения рабовладельческой системы под напором «варваров» и восстаний рабов.

Наступившие при императоре Домициане военные осложнения на Дунае заставили римлян вывести свои гарнизоны из Крыма, в результате чего Херсонес снова оказался под опекой Боспорского царства. В последнем убеждает сообщение Флегонта Траллийского, согласно которому император Адриан подчинил боспорскому царю Котису II (123/4—132/3 гг.) город Херсонес.[3] Херсонес пользовался любой возможностью, чтобы освободиться от боспорского вмешательства в свои внутренние дела. Надпись в честь херсонесца Аристона[4] свидетельствует, что он был послан в Рим, где в течение 6 лет добивался предоставления Херсонесу «свободы», т. е. политической независимости от Боспора. В хлопотах этих Херсонесу помогла Гераклея Понтийская, продолжавшая проявлять заботу о своей колонии, с которой она поддерживала оживленные торговые сношения. Усилия Херсонеса в конце концов увенчались успехом: при императоре Антонине Пие (138—161) подчинение Херсонеса Боспору прекратилось. В ознаменование столь важного события Херсонес стал выпускать монеты с надписью ἐλεύθερας, что обозначало принадлежность монет «свободному» городу. Одновременно с освобождением Херсонеса от боспорской зависимости Рим, повидимому, предполагал все же связать Херсонес с Боспором договором об оказании взаимной помощи в случае военной опасности. Упомянутый выше Аристон, как гласит его почетная надпись, дважды успешно вел переговоры с боспорским царем Римиталком о заключении союза (περὶ συμμαχίας). Но наступление на Ольвию, предпринятое тавроскифами, послужило поводом для более решительного вмешательства Рима в дела северопричерноморских городов. Император Антонин Пий не только направил войска в Ольвию для отражения напора тавроскифов, но и оккупировал ряд пунктов в Крыму. В Херсонесе разместился гарнизон римских солдат (рис. 28); гавань была превращена в место стоянки эскадры мёзийского флота, а в крепости Харакс на южном берегу Крыма снова расположился военный отряд. Херсонес стал играть роль главного опорного пункта римских военных сил в Таврике. Здесь же было местопребывание трибуна-командира всех сухопутных и морских сил на Таврическом полуострове.[1]

Содержание римского гарнизона ложилось тяжелым бременем на городские средства Херсонеса, источником которых были торговые пошлины и налоги, взимавшиеся с жителей. Надпись времени императора Коммода (80-е годы II в. н. э.), содержащая переписку херсонесских властей с наместником Нижней Мёзии, которому были подчинены стоявшие в Крыму римские войска, наглядно показывает, насколько вопиющи были злоупотребления римских военных

[1] IPE, I², 425.
[2] IPE, I², 359.
[3] SC, I, стр. 512.
[4] IPE, I², 423.

[1] О пребывании гарнизона римских солдат в Херсонесе свидетельствует серия херсонесских надписей, в том числе надгробия солдат (IPE, I², 547 сл.). В течение II в. в Херсонесе расквартировывались солдаты из I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, а также I Киликийской, I Бракаравгустанцев и II Луцензиевой когорт. Для размещения гарнизона в южной части города была построена казарма; она открыта раскопками К. Э. Гриневича в 1928 г. (см.: МИА, № 34, 1953, стр. 306).

властей в Херсонесе. Они грубо нарушали установленные порядки, занимались лихоимством, прибегая к незаконным отчислениям, например с проституционного налога (τέλος πορνικόν),[1] вызывая этим озлобление жителей и жалобы городских властей. Римский гарнизон находился, повидимому, в Херсонесе до середины III в. н. э., когда войска из Таврики были выведены в целях концентрации сил на дунайском театре военных действий. Правда, одна латинская надпись второй половины III в. н. э. указывает на пребывание в Херсонесе командира XI Клавдиева легиона,[2] из чего можно заключить, что в Херсонес были стянуты войска целого легиона. Но это было скорее всего непродолжительным, эпизодическим явлением, вызванным какими-то обстоятельствами момента, ибо основные силы Рима в то время сосредоточились на дунайских рубежах империи. В Херсонесе постоянно находился лишь немногочисленный местный гарнизон городского ополчения. Нависшая и над Херсонесом опасность вторжения «варварских» племен, среди которых теперь были готы, заставила город в середине III в. заняться усилением своих оборонительных стен.[1]

В начале IV в. ввиду временного укрепления Римской империи при Диоклетиане (285—305) и его ближайших преемниках Херсонес снова был использован в качестве военно-стратегического аванпоста. Опять водворился здесь отряд римских солдат. Вторжение в 70-х годах IV в. н. э. в пределы Крыма гуннских племен потребовало особых забот об усилении боевой мощи Херсонеса. О строительных работах по укреплению и переустройству крепостных стен известно из надписи времени Валентиниана (70-е годы)[2] и надписи времени импе-

Рис. 28. Раскопки римской казармы в юго-восточной части Херсонеса.

[1] IPE, I², 404.
[2] IPE, I², 550.

[1] IPE, I², 439.
[2] IPE, I², 449.

саторов Феодосия и Аркадия (383—395).[1] Важную роль в херсонесском гарнизоне на протяжении IV в. играли баллистарии, т. е. солдаты, управлявшие метательными машинами (баллистами).[2] Повидимому, этот род оружия особенно был эффективен при отражении атак войск «варваров», не обладавших такого рода боевыми машинами.

Присутствие в IV в. хорошо вооруженного гарнизона, наличие мощных оборонительных стен, а также известная изолированность Херсонеса от степной части Крыма явились причиной того, что Херсонес в течение всего IV в. не подвергся разрушению, несмотря на вторжение гуннов в степную полосу, повлекшее за собой гибель большей части населенных пунктов северо-западной области Крыма и на Керченском полуострове.

В конце IV в. сведения о Херсонесе прекращаются, хотя жизнь в нем несомненно не прерывалась. В V в. Херсонес перешел под власть Византийской империи, став ее опорным пунктом в Крыму. Об этом с полной определенностью сообщает сохранившаяся плита с надписью 488 г. в честь византийского императора Зенона, который позаботился о восстановлении оборонительных стен Херсонеса «во спасение этого самого города».[3] Повидимому, указанные фортификационные работы были предприняты в связи с вторичной волной гуннского нашествия на Крым, имевшего место в 80-х годах V в.

БОСПОР

В отличие от Ольвии и Херсонеса, представлявших собой типичные греческие полисы, Боспорское государство — Боспор, как оно кратко обозначалось,[4] было среди греческих колоний северного Причерноморья явлением своеобразным: Боспор включал в свой состав не один полис, а несколько, причем владения его в периоды процветания государства составляли обширную территорию (рис. 29). Свое название Боспор получил по имени пролива, соединяющего Черное море с Азовским и называемого теперь Керченским, а в древности именовавшегося Босцором Киммерийским, что в свою очередь было связано с названием племен киммерийцев, повидимому, обитавших в прилегающих к проливу районах в IX—VIII вв. до н. э.[1]

В VI в. до н. э. по обоим берегам Керченского пролива был основан ряд греческих колоний, впоследствии объединившихся в одно большое Боспорское государство, существование которого прекратилось только в IV в. н. э. Еще до основания греческих городов на берегах Боспора Киммерийского здесь появлялись с целью торгового обмена предприимчивые ионийские купцы, проникавшие на своих кораблях и далее в Азовское море (называвшееся у греков Меотийским озером или просто Меотидой), вплоть до низовьев Дона (Танаиса).[2]

Дошедшее до нас через раннесредневекового писателя Стефана Византийского известие о том, что место города Пантикапея — впоследствии столицы Босцорского государства — было получено от скифского царя,[3] весьма показательно. Очевидно, заинтересованная выгодами торгового обмена скифская знать вступала с греками в соглашение и предоставляла последним места для организации постоянных поселений.

Основным центром, откуда исходила колонизация побережья Боспора Киммерийского, был Милет. Время основания колоний в районе Боспора Киммерийского, падающее на первую половину и середину VI в. до н. э., совпадает с периодом острой внутренней социальной борьбы в Милете, закончившимся поражением торговой аристократии. Представители групп, терпевших поражение в этой борьбе, недовольные создавшимся для них положением, составляли инициативное ядро первых греческих колонистов на Боспоре.[4]

В первой половине VI в. до н. э. милетянами был основан город Пантикапей

---

[1] IPE, I², 450.
[2] ИГАИМК, I, 1921, стр. 319.
[3] В. В. Латышев. Сборник надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 7 сл.
[4] См.: Ps.-Scymn., Peripl., 837 и 898 = GG. I, стр. 89 и 90; Strab., VII, 4, 3.

[1] Herod., IV, 11—12. — Strab., VII, 4, 3.
[2] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—VI вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 90 сл. — А. А. Иессен, ук. соч., стр. 54 сл.
[3] SC, I, стр. 264.
[4] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. ИОН, № 10, 1930.

(теперь Керчь; рис. 30, 31),[1] которому суждено было стать вскоре столицей, полити-

основан ионийскими переселенцами из Теоса город Фанагория,[1] превратившийся впослед-

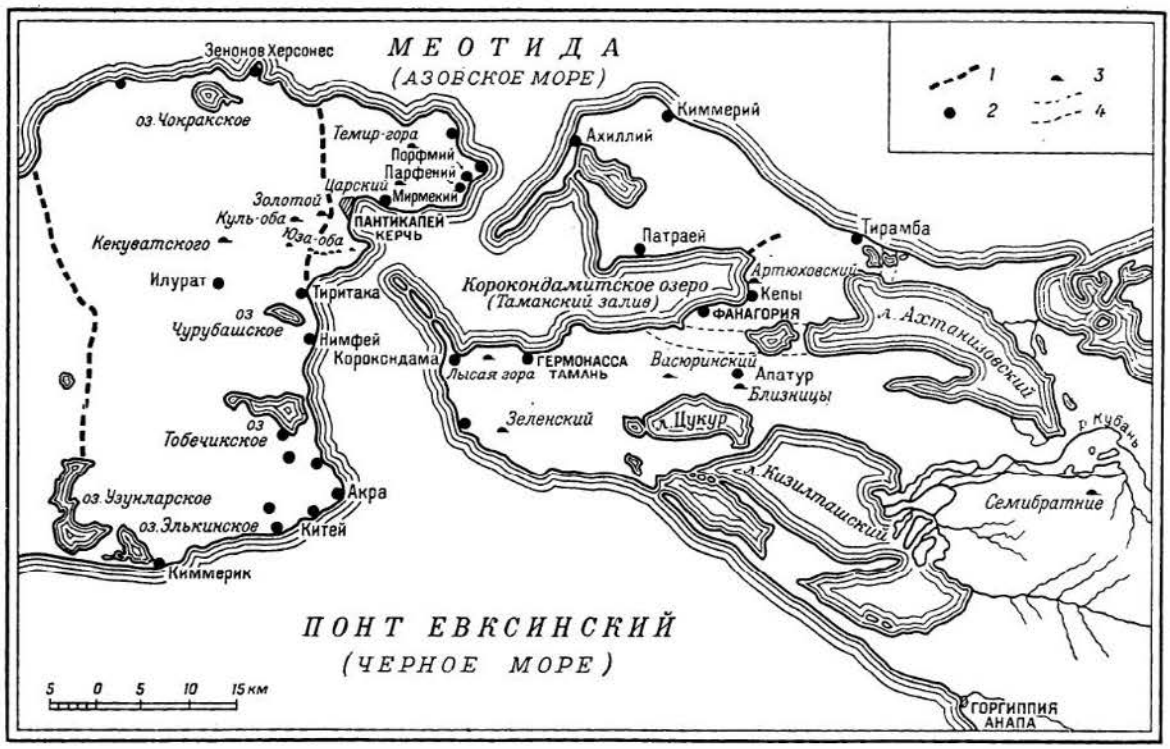

Рис. 29. Боспор Киммерийский и прилегающие к нему территории Боспорского государства.

1 — оборонительные валы; *2* — населенные пункты; *3* — курганы; *4* — древнее русло Кубани (Гипанис) в районе Фанагории.

тическим центром Боспорского государства. В VI в. на противоположной стороне пролива, т. е. на территории современного Таманского полуострова, имевшего в древности несколько иную, обусловленную изменчивостью русла реки Кубани, конфигурацию и состоявшего из нескольких островов, был

[1] Об основании колонии Пантикапея милетянами сообщают Страбон (VII, 4, 4: κτίσμα δ' ἐστὶ Μιλησίων) и Плиний Старший (IV, 86; Panticapaeum Milesiorum). Новейшими раскопками, производимыми на территории Пантикапейского городища экспедицией В. Д. Блаватского, обнаружены археологические материалы, которые свидетельствуют о наличии здесь греческих культурных остатков первых десятилетий VI в. до н. э. (В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 219). Повидимому, еще до того, как милетяне основали город-колонию, на месте Пантикапея была торговая фактория, через которую ионийские купцы производили торговый обмен с местным населением.

[1] Фанагория упоминалась уже у Гекатея Милетского, который, не указывая, каким греческим городом была основана эта колония, сообщал, что название ее происходит от имени некоего Фанагора (Φαναγόρεια πόλις ἀπὸ Φαναγόρου), очевидно, бывшего ойкистом, т. е. предводителем первых колонистов, основавших город. В перипле Псевдо-Скимна (886—888) сказано, что Фанагорию, «как говорят, основали теосцы» (SC, I, стр. 90), это же повторено в перипле Анонима (SC, I, стр. 281). В перипле Дионисия из «азиатских» городов Боспора названы только два самых больших — Фанагория (Φαναγόρη) и Гермонасса, при этом дано пояснение, что оба они заселены выходцами из Ионии (SC, I, стр. 183). В комментариях к Дионисию, составленных средневековым византийским писателем Евстафием, по поводу Фанагории даны дополнительные сведения со ссылкой при этом на Арриана: «Фэнагория, которую основал Фэнагор Теосский, бежавший от насилия персов» (SC, I, стр. 198). Таким образом, здесь не только подтверждено указание Псевдо-Скимна относительно основания Фанагории теосцами, но отмечено событие, явившееся причиной, которая заставила теосцев во главе с Фанагором переселиться на Боспор.

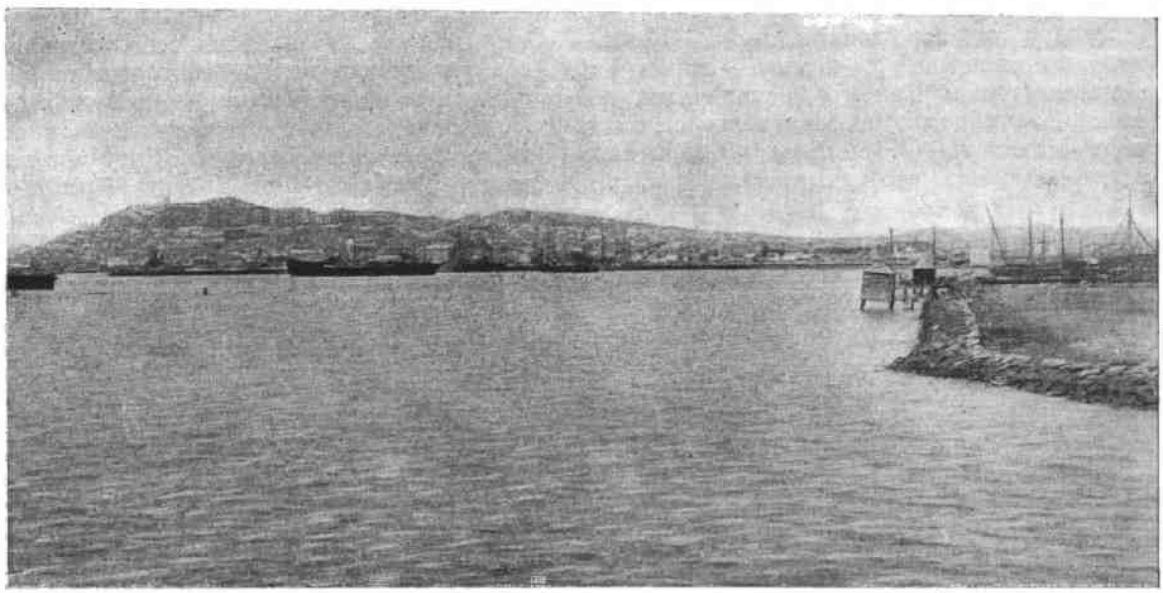

Рис. 30. Вид на гору Митридат — древний Пантикапей.

Рис. 31. Вид на цепь древних курганов Юз-Оба.

ствии в важнейший экономический и культурный центр так называемой азиатской части Боспора.[1] Неподалеку от Фанагории к северу от нее возник город Кепы — колония милетян,[2] а к югу — город Гермонасса (теперь Тамань), основанный, возможно, эолийцами, переселившимися из города Митилены (о. Лесбос).[3] Как показывают новейшие археологические раскопки развалин боспорских поселений, греческая колонизация Боспора Киммерийского в VI в. до н. э. не ограничивалась основанием двух-трех крупных колоний. На протяжении VI в. на берегах Боспора Киммерийского возникло значительно больше поселений, так как греки прежде всего стремились создать пункты выгодного торгового обмена с местными племенами, а для этой цели необходимо было иметь поселения, рассеянные по разным местам. Ряд поселений, возникших в восточной части Крыма и на противоположной стороне пролива, получал название, повидимому, по имени их ойкистов, т. е. лиц, возглавлявших первые партии колонистов, переселившихся из метрополии; таковы Фанагория, Гермонасса (об этом, как уже указывалось выше, сообщают античные писатели), Мирмекий[1] (рис. 32, 33), другие же поселения имели местные, негреческие наименования, например, Пантикапей,[2] Тиритака,[3] Ки-

Рис. 32. Вид г. Керчи и мыса Мирмекия с горы Митридат.

[1] Ср.: Strab., XI, 2, 10.

[2] Ps.-Scymn., Peripl., 839 = SC, I, стр. 90; Plin., N. h., VI, 18.

[3] Как уже известно, Дионисий в своем перипле связывает Гермонассу с ионийцами. Его комментатор Евстафий сначала воспроизводит эту же версию, называя даже имя основателя Гермонассы — Гермонакт, но затем цитирует выдержку из Арриана, в которой после уже приводившейся выше характеристики Фанагории говорится: «Гермонасса, [названная по имени] Гермонассы, жены некоего Симандра Митиленского; он вывел в колонию некоторых эолийцев, но умер при основании города, жена его овладела правлением города и дала ему свое имя». Следовательно, в античной литературе существовали разноречивые сведения о том, кто основал Гермонассу — ионийцы или эолийцы. Возможно, это было обусловлено тем, что в основании данной колонии наряду с ионийцами приняло участие и некоторое число эолийцев с о. Лесбоса.

[1] С. А. Жебелев. Откуда ведет свое происхождение название «Мирмекий». МИА, № 4, 1941, стр. 149—151.

[2] По мнению В. И. Абаева, название «Пантикапей» — скифское, образовано оно из двух слов и обозначало «рыбный путь» (см.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 175).

[3] Остатки этого города находятся в 11 км к югу от Керчи (см.: В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 85—92).

тей,[1] Киммерик,[2] Тирамба.[3] Последнее объясняется тем, что многие греческие города, вошедшие впоследствии в состав Боспорского царства, возникли на месте селений, существовавших еще раньше.

Среди колоний, основанных греками в Боспоре Киммерийском, очень скоро выдвинулся город Пантикапей, что обусловлено было прежде всего его весьма выгодным местоположением. Находясь на побережье

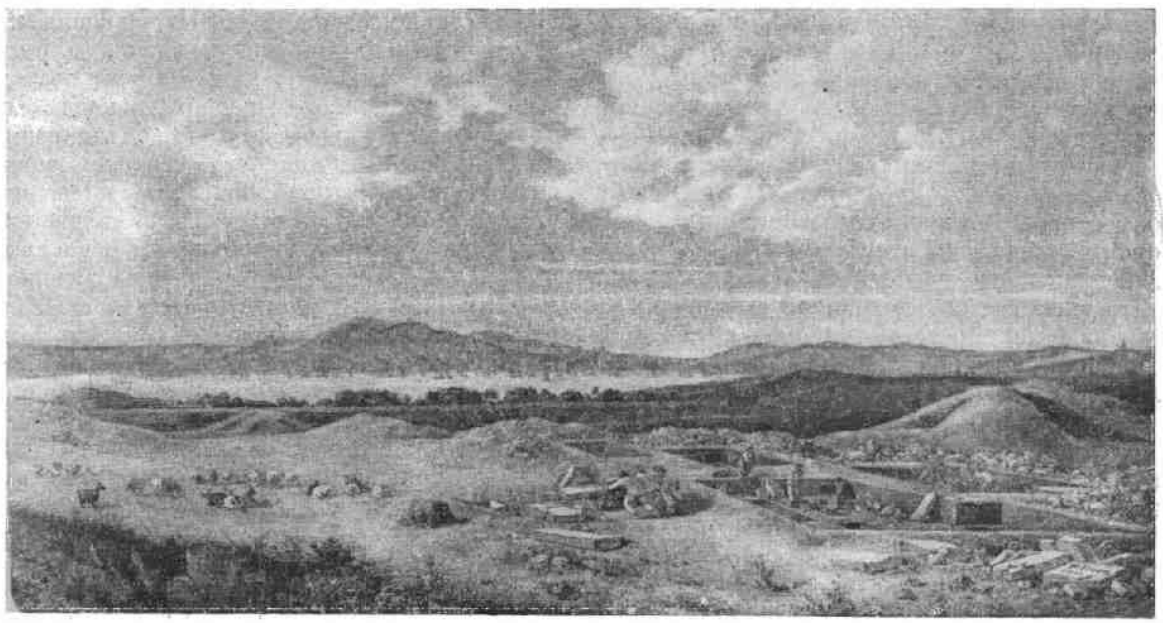

Рис. 33. Раскопки мирмекийского некрополя. На заднем плане гора Митридат. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1885 г.).

большой удобной бухты в проливе, соединяющем Евксинский Понт с Меотидой, имея в тылу плодородные земли восточного Крыма, Пантикапей, расположенный по склонам холма, который нетрудно было превратить в хорошо защищенную крепость, занял ключевую позицию на морском пути, ведшем через пролив в Меотиду, славившуюся изобилием рыбы. Из Меотиды же открывался доступ к устью Танаиса (Дона), дававшему выход товарам кочевников и земледельческих племен Придонья. Поскольку в античную эпоху р. Кубань (Гипанис, Антикит) одним из своих рукавов выходила прямо в Керченский пролив, отсюда был удобный речной путь в плодородные районы Прикубанья. Все это определило превращение Пантикапея в главный политический и экономический центр, возглавивший все прочие греческие города в Боспоре Киммерийском. Экономической основой всех этих городов являлись прежде всего торговый обмен с местным населением, широкие возможности развития рыбного промысла и земледелия. С течением времени из городов Боспора Киммерийского все в более возрастающем количестве вывозились такие товары, как хлеб, соленая рыба, кожи, меха, шерсть; с другой стороны, здесь находили обширный сбыт изделия обрабатывающей промышленности собственно Греции и Малой Азии — керамическая посуда, вино, ткани, оливковое масло, предметы украшения и другие, шедшие на удовлетворение потребностей греческих городов и окружавшего их местного населения.

Керченский полуостров, как и всю степную часть Крыма, населяли царские скифы.[1]

[1] На побережье Черного моря, в 35 км от Пантикапея.

[2] На побережье Черного моря, в 50 км от Пантикапея.

[3] Этот город находился на азовском побережье Таманского полуострова, несколько западнее устья одного из протоков Кубани.

[1] Herod., IV, 20. Псевдо-Скилак говорит, что в восточной части Крыма «живут скифы» (εἰσὶ Σκυθαι) и что там находятся эллинские города: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий (SC, I, стр. 84).

Таманский полуостров принадлежал синдам, которые занимали территорию примерно до современной Анапы, где в древности находился боспорский город Горгиппия, построенный, повидимому, на месте прежней Синдской гавани.[1] Южнее синдов жило племя торетов, в низовьях Кубани — дандарии, а севернее их, в Приазовье, — псессы. Племена, населявшие нижнее Прикубанье и побережье Меотиды, назывались общим именем «меоты».[2] При всей пестроте этнических названий вышеуказанных племен, оказавшихся втянутыми в экономические отношения с греческими колониями, все они были более или менее близки по уровню своего общественно-экономического развития. Наряду с кочевыми племенами часть населения, обитавшего на Керченском и Таманском полуостровах ко времени возникновения там колоний, жила оседлым бытом, занимаясь рыболовством и отчасти земледелием.[3] В дальнейшем по мере роста товарообмена и увеличения спроса на зерновой хлеб, количество земледельческих поселений быстро увеличивалось как на европейской, так и на азиатской сторонах Боспора. Степень социальной дифференциации не у всех местных племен была одинакова, но наличие слоя родовой знати, извлекшей выгоды из торговли, подтверждается, например, богатыми погребениями VI—V вв. до н. э. в Прикубанье. Верхушечные слои местных племен — скифов, с одной стороны, и синдов, с другой, — будучи заинтересованными в развитии торгового обмена, не оказывали противодействия основанию греческих городов-колоний, и это значительно облегчало последним освоение прибрежных территорий по обеим сторонам Боспора Киммерийского. Основанные здесь в течение VI в. до н. э. греческие колонии первоначально представляли собой самостоятельные рабовладельческие полисы. Однако, находясь в окружении сильных и воинственных местных племен, они вскоре же вынуждены были почувствовать необходимость объединения, чтобы иметь возможность успешно развивать экономическую экспансию и не пассивно противостоять окружению «варваров», а наоборот, активно использовать его в своих интересах. Присущий греческим полисам партикуляризм, узкая их замкнутость были весьма опасны в условиях Боспора Киммерийского, где на сравнительно узкой прибрежной полосе сосредоточилась близко одна от другой целая группа греческих колоний. Действуя вразброд, взаимно конкурируя, они не только не могли обеспечить себе достаточно прочного положения, но, наоборот, ослабляя одна другую, колонии могли в конечном итоге оказаться в зависимости от местных племен. А в случае резкого обострения отношений с ними последствия могли быть еще более плачевными для отдельных колоний-полисов. Таким образом, реальная обстановка толкала колонии Боспора Киммерийского к отказу от автономии полисов, толкала их к объединению.

Этот процесс объединения колоний в одно Боспорское государство вполне оформился в 80-х годах V в. до н. э. С 480 г., на протяжении 42 лет, как сообщает Диодор Сицилийский, Киммерийским Боспором правили («царствовали») Археанактиды.[1]

Так как, кроме краткой заметки Диодора, об Археанактидах нет никаких других сведений, то вопрос об их происхождении, характере их власти и размерах территории государства, находившегося под управлением Археанактидов, решается обычно посредством тех или иных предположений. Очевидно, род Археанактидов вел свое происхождение от некоего Археанакта. По-

[1] Очевидно, заселение греками Синдской гавани, существовавшей первоначально как поселение синдов, было результатом внутренней боспорской колонизации. В перипле Псевдо-Скимна сказано, что Синдская гавань населена эллинами, «пришедшими из ближних местностей» (ἀπὸ τῶν ἐγγὺς. . . τόπων; SC, I, стр. 90). С включением этого города в IV в. до н. э. в состав Боспорского государства он получил новое официальное наименование — Горгиппия, по имени одного из членов боспорской царской династии. Но наряду с новым названием продолжало удерживаться и старое.

[2] Точная локализация отдельных меотских племен затруднена отсутствием в источниках достаточно определенных указаний. Хорошо лишь известно, что территория современного Таманского полуострова вплоть до Анапы (т. е. древней Горгиппии) была населена синдами (см. последнюю работу о расселении меотских племен, входивших с IV в. до н. э. в состав Боспора: В. П. Шилов. О расселении меотских племен. СА, XIV, 1950, стр. 102 сл.; ср.: Л. И. Лавров. О происхождении народов северо-западного Кавказа. Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954, стр. 200 сл.).

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. АИБ, стр. 20—23. — И. Т. Кругликова. Раскопки древнего Киммерика. АИБ, стр. 59 сл.

[1] Diod., XII, 31, 1 = SC, I, стр. 473.

скольку это имя засвидетельствовано милетской надписью как имя отца одного из видных тамошних магистратов середины VI в. до н. э., имеются основания полагать, что Археанакт был милетянином, переселившимся на Боспор и игравшим здесь видную роль. Высказывалось предположение, что Археанакт был ойкистом, т. е. руководителем милетских переселенцев, основавших Пантикапей,[1] который потом стал центром объединения остальных греческих колоний Боспора Киммерийского. Повидимому, в Пантикапее с самого начала руководящее положение заняли представители милетской аристократии, так называемые «вечные мореходы», принужденные переселяться в колонии под давлением той ожесточенной борьбы, которую в VI в. до н. э. вел против них милетский демос. Поэтому-то в Пантикапее, являвшемся в VI в. до н. э. одним из наиболее значительных греческих полисов на Боспоре Киммерийском, вероятно, с самого начала стал складываться аристократический строй полиса. Верховная власть сосредоточилась здесь в руках архонта — одного из высших магистратов города, и эта власть стала в дальнейшем переходить по наследству от отца к сыну.

Очевидно, Археанактиды были наследственными архонтами Пантикапея, ставшими единоличными правителями боспорских греческих колоний, объединившихся вокруг Пантикапея как наиболее сильного центра в районе Боспора Киммерийского.

Какие именно города вошли в государственное объединение, возглавленное Археанактидами, неизвестно, но можно думать, что в него входили все наиболее значительные колонии, находившиеся как на европейской, так и на азиатской стороне Боспора.

Как уже отмечалось, основным стимулом, который заставил боспорские греческие колонии образовать своего рода федерацию городов, управляемую единоличной властью пантикапейских архонтов, была опасность поглощения колоний «варварами».

В 40-х или начале 30-х годов V в. афиняне, заинтересованные в усилении связей с Причерноморьем в целях бесперебойного получения оттуда прежде всего хлебных ресурсов, отправили в Черное море эскадру во главе с Периклом. Одной из важнейших задач этой морской экспедиции, согласно сообщению Плутарха, была демонстрация военной мощи Афин «варварам», окружающим эллинские города.[1] Отсюда следует заключить, что опасность наступательных действий местных племен на эллинские колонии была вполне реальной. Существовала она, вероятно, уже и раньше, что и побудило греческие колонии Боспора Киммерийского объединиться, отдав себя под власть Археанактидов.[2]

Археологические исследования остатков боспорских городов, ведущиеся в последнее время, дают интересный материал, характеризующий их экономику и культуру раннего периода. Они дали возможность ознакомиться с жилищами первых греческих поселенцев [дома VI в. до н. э. открыты в Тиритаке[3] (рис. 34), Киммерике,[4] Пантикапее[5]]. Многочисленные находки импортированной керамики показывают, что в VI в. до н. э. главными центрами, откуда поступали керамические изделия, были о. Родос, о. Самос,[6] малоазийские города — Клазомены и др., а также города Коринф и Навкратис.[7] Афинские расписные вазы поступали сначала в небольшом количестве, но постепенно афинский импорт усиливался.

Обильным был импорт вина в глиняных остродонных амфорах с о. Хиоса и других центров. Раскопками установлено очень раннее возникновение ремесел в боспорских городах. Уже в VI в. до н. э. в них было налажено керамическое производство, выпускавшее не только простую обиходную посуду, но также и расписные сосуды ионий-

---

[1] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 810.

[1] Plut., Vitae parall., XX = SC, I, стр. 485—486.

[2] В качестве аналогии объединению боспорских колоний С. А. Жебелев указывал на объединение «городов и селений на Херсонесе Фракийском вокруг основанного Мильтиадом Старшим Херсонеса»; см.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 165, примеч. 2.

[3] МИА, № 25, 1952, стр. 74 сл.

[4] И. Т. Кругликова, ук. соч., стр. 62 сл.

[5] В. Д. Блаватский. Исследования города Пантикапея. АИБ, стр. 47.

[6] Особенно много самосских изделий обнаружено в культурных наслоениях архаического периода в Нимфее.

[7] Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 223—248.

ского типа.[1] С ранних пор существовало в городах ткацкое производство, хотя высокосортные ткани обычно импортировались извне. Столь же рано в городах Боспора появились мастерские по изготовлению металлических изделий—оружия, орудий труда, а также различного рода художественных предметов обихода и украшений из благородных металлов.

В начале V в. города стали обстраиваться оборонительными стенами. Правда, эти стены

Рис. 34. Остатки дома VI в. до н. э., Тиритака.

еще не отличались мощностью. Как показывают раскопки Тиритаки, первая оборонительная стена представляла собой каменную ограду, местами лишь закрывавшую промежутки между отдельными зданиями, расположенными по периферии поселения. Боспорские города не располагали еще достаточными материальными ресурсами, необходимыми для возведения более монументальных фортификационных сооружений.

В 438/37 г. закончился период правления Археанактидов. Во главе Боспора оказался Спарток,[2] первый представитель новой династии Спартокидов, члены которой в наследственном порядке управляли Боспором государством в течение более 300 лет, вплоть до конца II в. до н. э. Каким образом произошел переход власти от Археанактидов к Спартокидам, неизвестно. Возможно, что Спарток пришел к власти в результате государственного переворота. В пользу такого заключения говорит сообщение древних писателей о том, что в Феодосии жили какие-то «изгнанники из Боспора»,[1] в которых можно с известной долей вероятности предполагать представителей Археанактидов, удаленных из Боспора в связи с водворением новой династии. Самое имя Спартока указывает как будто на фракийское его происхождение. Последующие представители Спартокидов носили или фракийские или греческие имена. При этом не безынтересно, что их фракийские имена (Спарток, Перисад) были аналогичны именам членов фракийской династии Одрисов (Спарадок, Берисад). Предполагают, что Спартока могла выдвинуть знать местных меотских племен; высказывалась и гипотеза о том, что Спарток был скиф. Отсутствие достаточно определенных указаний в источниках не позволяет внести в этот вопрос полную ясность.[2] Одно очевидно — предки Спартокидов не были

[1] М. М. Х у д я к. 1) Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. АИБ, стр. 84; 2) Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 249 сл.

[2] D i o d., XX, 31, 1=SC, I, стр. 473.

[1] A n o n y m., Peripl., 77=SC, I, стр. 283.

[2] Наибольшего внимания, повидимому, заслуживает гипотеза, согласно которой основатель династии был выходцем из фракийской среды. Принад-

греками, это подтверждается прямыми указаниями античных писателей. Спартокиды были эллинизованными выходцами из среды «варваров».

Представители династии Спартокидов путем браков вступали в родственные отношения с знатью местных племен.[1] Переход власти в руки такой династии мог быть только выгоден рабовладельческому классу греческих городов, поскольку власть Спартокидов как выходцев из негреческой среды, связанной к тому же узами родства с верхушечным слоем местных племен, приобретала соответствующий авторитет в глазах коренного, негреческого населения. Первые Спартокиды энергично и с успехом проводили политику, диктовавшуюся интересами управляемых ими греческих колоний. Поскольку основой экономики Боспора было сельское хозяйство, обеспечивавшее массовый вывоз сырьевых продуктов и главным образом хлеба, Спартокиды, став у власти, немедленно стали принимать меры к территориальному расширению Боспора с тем, чтобы как можно больше увеличить возможности получения товарной продукции. В первую очередь, однако, пришлось заняться ликвидацией опасного конкурента в лице Феодосии, милетской колонии, основанной во второй половине VI в. до н. э. на том же месте, где находится теперешний город Феодосия, в Крыму.[2] Феодосия обладала прекрасной гаванью и вела торговлю с Грецией и Малой Азией, куда поставляла хлеб. Попытка Боспора в начале IV в. овладеть Феодосией и включить ее в состав боспорских владений встретила сильное сопротивление, которое оказалось труднопреодолимым ввиду того, что Феодосия получила поддержку от Гераклеи Понтийской. Война за овладение Феодосией потребовала значительных усилий со стороны Боспора. Боспорский архонт Сатир I (433—389) не смог взять Феодосии и умер при ее осаде. Дело это довел до конца уже Левкон I (389—349), который именовался «архонтом Боспора и Феодосии».

Специальное упоминание Феодосии в титулатуре боспорских правителей имело целью подчеркнуть исключительно большое значение этого города как одного из важнейших экономических центров Боспорского государства. Через Феодосию стала обильно

лежащая А. В. Мишулину мысль, что династия Спартокидов в Пантикапее появилась в результате захвата царской власти одним из фракийских племен, вторгшимся в северное Причерноморье, относится к числу недоказуемых догадок (см.: А. В. Мишулин. К истории восстания Спартака в древнем Риме. ВДИ, № 1, 1937, стр. 133—142). Более вероятно, что Спарток выдвинулся из военачальников фракийского наемного войска или дружины фракийских наемников. Наличие таких вооруженных контингентов у Археанактидов представляется вполне возможным, особенно если учесть специфический характер их власти как единоличных правителей. Во всяком случае, если гипотеза о фракийском происхождении Спартокидов в какой-то мере может быть обоснована (характерные имена, традиционность боспорско-фракийских династических связей, находившая свое проявление даже в первые века нашей эры и т. д.), то другая гипотеза — о меото-синдском происхождении Спартокидов, строго говоря, не имеет под собой сколько-нибудь реального основания. Правда, М. И. Ростовцев в свое время выдвигал такую версию: Спартокиды — выходцы из местной знати, представляющей собой потомков киммерийцев, последние же якобы родственны фракийцам (см.: В. Д. Блаватский. Пантикапей и киммерийский вопрос. Вестн. Моск. Гос. унив., № 8, 1948, стр. 16). Но такая попытка обосновать местные корни фракийцев на Боспоре совершенно неубедительна. В меотских племенах справедливо опознают сейчас далеких предков адыгов-черкесов, не имеющих, однако, ничего общего с фракийцами (см.: Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Уч. зап. Кабард. научно-исслед. инст., т. VII, 1952, отд. оттиск, стр. 49 сл. — Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов). Труды Черкесского научно-исслед. инст., вып. II. Черкесское книжное издат., 1954, стр. 200 сл.).

Некоторым исследователям кажется, что если в основателе династии Спартокидов видеть не аборигена, а выходца из Фракии, то это равносильно признанию, что «Боспор постоянно управлялся чужеземной династией», а отсюда вытекала бы «недооценка самобытности и самостоятельной роли Боспора» (см. рец. В. Д. Блаватского: ВДИ, № 4, 1949, стр. 155). Но, во-первых, происхождение царской династией ни в малейшей степени не может служить критерием «самобытности и самостоятельности» Боспорского государства. А во-вторых, независимо от того, кто был по своей этнической принадлежности Спарток, ведшая свое начало от него династия царей, разумеется, была боспорской, т. е. она выражала и осуществляла интересы боспорских рабовладельцев, будучи в течение более чем трехсотлетнего своего существования самыми неразрывными узами связана с этим классом боспорского общества.

[1] Достоверно известны такие связи с синдами (см.: Polyaen., Strateg., VIII, 55=SC, I, стр. 567). Интересные сведения, в основе своей, вероятно, соответствующие исторической действительности, содержит новелла Лукиана «Токсарид». В ней рассказывается, как вожди и сыновья вождей ряда племен добивались руки дочери одного из боспорских правителей (SC, I, стр. 555).

[2] Об основании Феодосии милетянами сообщает Арриан (Arr., Peripl., 30=SC, I, стр. 224).

экспортироваться крымская пшеница, поэтому феодосийский порт был расширен и улучшен; по свидетельству афинских моряков, торговая гавань Феодосии в IV в. не уступала по своим качествам пантикапейской.[1] Таким образом, вся территория Крыма, лежащая от Феодосии к востоку, со всем ее населением при Левконе I оказалась подчиненной Боспору.

Одновременно с расширением владений в Крыму боспорские правители стремились захватить как можно больше новых земель на азиатской стороне. Имея там ряд таких крупных опорных пунктов, как Фанагория, Гермонасса и др.,[2] Боспору удалось вскоре подчинить себе ряд племен, населявших Прикубанье и Приазовье. Племена, которые оказывали сопротивление и не желали признавать над собой власти боспорских царей, подвергались военному нападению и силой принуждались к подчинению. В середине IV в. до н. э. Боспор уже являлся обладателем территории, простиравшейся на восток примерно до современного Новороссийска. Охватывая меотские племена, населявшие район нижнего и среднего течения Кубани[3] и ее притоков, владения Боспора распространялись и далее к северу, вдоль восточного побережья Азовского моря. В конце V в. до н. э., у одного из притоков дельты Дона был основан на месте туземного поселения крупный боспорский торговый центр, развалины которого находятся ныне близ станицы Елисаветовской.[1] Через его посредство были втянуты в торговлю скифо-сарматские племена области Придонья. В позднеэллинистическое время вследствие затрудненности судоходства по сильно обмелевшему тогда протоку указанный торговый пункт прекратил свое существование и роль его перешла к другому городу, расположенному несколько севернее. Этот город, как засвидетельствовано Страбоном и найденными при раскопках надписями, носил название Танаиса, его развалины находятся теперь около сел. Недвиговки.[2]

Процесс формирования Боспора как обширного и экономически мощного государства в основном закончился во второй половине IV в. до н. э., в результате чего были вовлечены в сферу экономической эксплуатации значительные массы местного населения, а это в свою очередь дало возможность Боспору развить широкий торговый обмен.

Экономическая сила Боспорского рабовладельческого государства покоилась прежде всего на возможности широкого развития сельского хозяйства, что позволяло развернуть интенсивную торговлю хлебом, представлявшим основную статью обширного боспорского экспорта. На втором месте по своему значению стоял вывоз соленой рыбы и продуктов животноводства.

Развитие зерновых культур на Боспоре обеспечивалось большой площадью плодородных земель, которые были захвачены боспорскими рабовладельцами. Плодородие владений Боспора было широко известно в античном мире, об этом писалось в греческой литературе. В одной из речей Демосфен особо отметил, что земля Боспора производит огромное количество хлеба. Страбон писал, что к востоку от Феодосии «следует плодородная область до Пантикапея. . . вся эта земля богата хлебом (σιτοφόρος)»:[3] В другом месте Страбон говорит обо всем Крым-

[1] [D e m o s t h.] adv. Lept., 33=SC, I, стр. 365.

[2] Возможно, к числу остатков греческих городов, наиболее выдвинутых на восток в районе дельты Кубани, относится Семибратнее городище, расположенное к западу от станицы Варенниковской, систематически успешно раскапываемое в настоящее время Н. В. Анфимовым. Город возник в последней четверти VI в. до н. э. и был в V в. до н. э. обнесен каменной крепостной стеной. Обилие импортных вещей (высококачественная греческая керамика, остродонные амфоры и т. д.) свидетельствует об участии этого поселения в оживленной торговле; оно же являлось, повидимому, и значительным ремесленным центром. Н. В. Анфимов рассматривает Семибратнее городище как остатки синдского города, исходя главным образом из того, что он возник на территории Синдики до включения последней в состав Боспорского государства. Однако нельзя считать исключенным предположение, что это мог быть и греческий торгово-ремесленный город, основанный на очень выгодном для развития торговли месте, в глубине Синдики, — так же как возникли и приморские греческие города-колонии в той же Синдике; см.: Н. В. А н ф и м о в. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 238 сл.

[3] В районе среднего течения р. Кубани, на правом ее берегу, около середины IV в. до н. э. был основан город, повидимому, игравший роль торговой фактории Боспора (В. А. Г о р о д ц о в. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1936, стр. 171 сл. — Н. В. А н ф и м о в. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 33—34).

[1] Т. Н. К н и п о в и ч. Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 111 сл.

[2] Т. Н. К н и п о в и ч. Танаис. М.—Л., 1949.

[3] S t r a b., VII, 4, 4.

ском полуострове: «За исключением приморской горной области, вся остальная его территория представляет плодородную равнину, очень благоприятную для посевов хлеба: земля, вспаханная обыкновенным плугом, дает урожай сам тридцать».[1] Хлеб в изобилии выращивался на Керченском полуострове вплоть до Феодосии, а также на азиатской стороне боспорских владений, т. е. Таманском полуострове, где обитали синды. Земледелием занимались, по словам Страбона, и меоты,[2] расселившиеся по восточному побережью Азовского моря, а также в дельте р. Кубани и в районах среднего ее течения.[3]

Хотя Страбон и не называет хлеб в числе товаров, которые проходили через Танаис,[4] тем не менее есть все основания полагать, что из областей нижнего Дона Боспор получал не только продукты скотоводческого хозяйства кочевников, но также и хлеб.

Какое-то количество местного населения в районах, впоследствии вошедших в состав Боспорского государства, занималось земледелием уже ко времени возникновения греческих колоний.[5] Однако изучение остатков поселений, сохранившихся от античной эпохи на Керченском и Таманском полуостровах, показывает, что значительное число этих поселений, связанных с сельским хозяйством, возникло как раз в то время, когда уже сложившийся в своих основных границах Боспор стал крупным рынком хлеба, сбыт которого приносил греческой и местной верхушке Боспорского государства огромные доходы. Выгоды торговли хлебом стимулировали быстрое развитие земледелия на Боспоре в очень широких масштабах, а это в свою очередь определяло быстрое увеличение численности земледельческих поселений. Археологическое исследование древних поселений Прикубанья также свидетельствует, что начиная с IV в. до н. э., т. е. в период, когда боспорский экспорт хлеба достиг особенно больших размеров, количество оседлого земледельческого населения там стало быстро расти, возникли новые населенные пункты, главным образом в результате перехода к оседлому быту части кочевого населения, обитавшего в северокавказских степях.[1]

Достаточно часто находимые при раскопках античных поселений на Керченском и Таманском полуостровах, а также в Прикубанье остатки хлебных зерен позволяют заключить, что основными злаками, которые возделывались на Боспоре, были пшеница, а также ячмень, просо; кроме того, культивировались горох, чечевица и чечевицеобразная вика, бобы, чина.[2] Судя по находкам остатков хлебных растений, на Боспоре культивировалась мягкая пшеница (Triticum vulgare), т. е. тот вид пшеницы, который возделывался населением северного Причерноморья и до греческой колонизации.

Согласно сообщению Феофраста, жители Боспора с успехом выращивали фруктовые деревья (смоковницы, гранаты, яблони, груши), преодолевая при этом те трудности, которые создавал климат.[3]

Было развито на Боспоре и виноградарство. На монетах Нимфея конца V в. до н. э. имеется изображение виноградной грозди. Эта эмблема, повидимому, отражала одну из отраслей хозяйства города. Остатки винограда (семечки) обнаружены при раскопках Мирмекия в культурном слое V в. до н. э. Недавно в одном из погребений второй половины IV в. до н. э. в районе Мирмекия найден железный виноградарский нож. Однако промышленный характер виноградарство и виноделие приоб-

---

[1] Strab., VII, 4, 6. Это значит, что 1 πλέθρον (плетр равен приблизительно 900 кв. м) давал 30 χόες зерна (χους — греческая единица сыпучих тел, равная 3.53 л). Следовательно, с 1 га собирали как минимум около 50 пудов зерна; см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 502—503.

[2] Strab., XI, 2, 4.

[3] Н. Анфимов. 1) Древние поселения Прикубанья, стр. 10; 2) Меотские поселения восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 85 сл.

[4] Strab., XI, 2, 3.

[5] Существование оседлых земледельческих поселений в предскифский период на Керченском полуострове подтверждают остатки селищ конца II—начала I тысячелетия до н. э., открытые раскопками последнего времени (см. стр. 100). О ранних земледельческих поселениях в Прикубанье см.: Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 240 сл.

[1] Н. В. Анфимов. Земледелие у меотосарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 145 сл.

[2] К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 117—119. — И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 84 сл.

[3] SC, I, стр. 385—386.

рело позднее, в III—II вв. до н. э., когда изменившиеся условия стеснили экспорт хлеба, и боспорские землевладельцы, стремясь компенсировать свои доходы, стали усиленно культивировать виноград с целью производства вина — продукта, на который был большой спрос.

В настоящее время известен ряд открытых раскопками боспорских виноделен III—II вв. до н. э. Они представляют собой капитальные сооружения. В них устроены большие давильные площадки с оцементированным полом, на котором рабы-давильщики растаптывали виноград. Выжатый таким способом виноградный сок стекал в четырехугольную цистерну, врытую в землю. Цистерны строились из камня, внутри них стены и дно тщательно штукатурились белым «цементом».[1] Они вмещали в себя 4—5 тысяч литров виноградного сусла, которое переливали потом в глиняные сосуды (амфоры, пифосы), где и происходил процесс брожения. Иногда вино хранили в глубоких оштукатуренных погребах-цистернах. В наиболее благоустроенных винодельнях этого времени применялись также и прессы, на которых уже перемятый ногами виноград, потерявший значительную часть содержавшегося в нем сока, подвергался прессованию в целях полного извлечения сока. Для этого виноградную мезгу помещали в эластичную пористую тару (корзина и т. п.) и клали на каменное прессовое ложе — «тарапан», снабженный жолобом и сливом.[2] Прессование производилось или посредством накладывания тяжелых камней, или при помощи рычага в виде деревянного бруса, один конец которого вставляли в углубление, сделанное в стене давильни, а на другой навешивали каменные гири.

Весьма важную роль в хозяйственной жизни Боспора занимало рыболовство. Расположенные на побережье моря и в устьях больших рек боспорские города имели прекрасные возможности для развития рыбного промысла, и эти возможности широко использовались.

Когда при раскопках приморских поселений Боспора археологам приходится иметь дело с наиболее ранними культурными отложениями, относящимися к первоначальным периодам существования поселений, то уже здесь, обычно среди пищевых остатков, встречаются в немалом количестве остатки рыб, что свидетельствует о существовании рыболовства с момента возникновения этих поселений. Об этом же говорят и находки рыболовных орудий в тех же ранних слоях.

Рыба была пищевым продуктом самых широких слоев населения. Интересно отметить, что в числе домашней утвари в городах весьма распространены были (в V—II вв. до н. э.) глиняные блюда, специально предназначавшиеся для рыбы (Аристофан их называет πινακίσκοι ἰχθυηροί). В центре этих блюд имелось углубление, куда клалась приправа. Такие рыбные блюда часто расписывались и в соответствии со своим назначением получали изображения различных рыб. В эллинистический период, когда особенно широко стала выпускаться боспорскими городами на местный рынок своя разнообразная посуда, в числе различных ее типов весьма многочисленны были именно рыбные тарелки.

Боспор экспортировал соленую рыбу в города Греции, Малой Азии и даже Италии, где понтийская рыба особенно высоко ценилась. По сообщению римского писателя Катона, в Риме платили 300 драхм за керамий (глиняный сосуд) понтийской соленой рыбы.[1] Страбон отмечает вывоз соленой рыбы из Меотиды в Грецию как вторую по важности статью экспортной торговли Боспора, уступающую только вывозу хлеба.[2]

На пантикапейских золотых статерах IV в. до н. э. в качестве одной из эмблем фигурировал осетр.

В античной литературе сохранилось немало упоминаний о рыбных богатствах Черного и Азовского морей, об отдельных видах водившихся там рыб. Греческий писатель IV в. до н. э. Архестрат написал даже специальное, но, к сожалению, не дошедшее до нас сочинение, посвященное боспорской соленой рыбе.[3]

Лов осетровых рыб особенно широко был развит на Боспоре в Керченском проливе, который был одним из важных районов рыбного промысла в античную эпоху в северном Причерноморье. При раскопках раз-

[1] Очень хорошо сохранившаяся боспорская винодельня эллинистического времени открыта в Тиритаке; см.: МИА, № 25, 1952, стр. 26, 28—29.
[2] См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 169.

[1] Athen., VI, 109 = SC, I, стр. 625.
[2] Strab., VII, 4, 6.
[3] Athen., VII, 21 = SC, I, стр. 625.

валин боспорских поселений, расположенных на берегах Керченского пролива, в значительном количестве встречаются кости осетровых рыб. По словам Страбона, лов рыбы производился в Керченском проливе даже в зимнее время, когда ее ловили подо льдом, причем этот способ особенно часто применялся при лове осетров.

Основным объектом рыбного промысла были сельдь, хамса, султанка, камбала и др.[1]

Наряду с рыбой в пищу очень широко шли морские моллюски, главным образом мидии, а также устрицы. Створки моллюсков и особенно мидий в изобилии представлены в культурных слоях всех приморских поселений, что заставляет названные виды моллюсков считать одним из распространенных пищевых продуктов населения. Частые находки раковинок моллюсков в зольных кухонных отбросах показывают, что моллюсков ели в вареном виде. Наряду со створками моллюсков нередко встречаются среди пищевых остатков и раковинки наземных съедобных улиток.

Рыболовство в промысловых масштабах на Боспоре было развито в ряде мест. Крупные пункты рыбной ловли были расположены на восточном берегу Азовского моря, у больших рек. Это засвидетельствовано Страбоном. Согласно его сообщению, к югу от Танаиса находится р. Большой Ромбит, на которой расположено множество рыболовных пунктов.[2] Далее на юг Страбон называет р. Малый Ромбит и выступающий в этом районе мыс, где также находились рыбопромысловые пункты. Считают, что Большим Ромбитом назывались современная р. Ея, а Малым Ромбитом — р. Бейсуг. Эти районы и в настоящее время играют весьма важную роль в рыбном промысле Азовского моря. Рыболовство также широко практиковалось жителями кубанских поселений, входивших в состав Боспорского государства. Там при раскопках находят много предметов рыболовства: бронзовые крючья и большие глиняные грузила особого типа, не встречающегося в приморских античных поселениях и, очевидно, рассчитанные на речные сети.

В культурных слоях почти всех античных городищ, расположенных по среднему течению Кубани, встречаются в большом количестве и рыбьи остатки в виде костей осетровых рыб, костей сазанов, карпов, щук.

Рыболовство в Керченском проливе приобрело исключительно большие масштабы в первые века нашей эры, когда некоторые расположенные здесь на побережье поселения превратились в крупнейшие центры по заготовке соленой рыбы.

С конца V в. основным контрагентом Боспора в его внешней торговле становятся Афины.[1] Торговля с Афинами началась уже

---

[1] В. Д. Лебедев и Ю. Е. Лапин. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве. МИА, № 33, 1953, стр. 197—214.

[2] Strab., XI, 2, 4.

[1] До недавнего времени в исторической литературе было распространено мнение, что во второй половине V в. до н. э. один из боспорских городов — Нимфей — принадлежал Афинам и что он наряду с целым рядом других городов северного Причерноморья входил в афинский морской союз и платил дань (форос) в афинскую казну. Вопрос этот был подвергнут критическому пересмотру С. А. Жебелевым (см. «Боспорские этюды» в сборнике статей: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 180 сл.).

Имеющимися в настоящее время эпиграфическими документами вполне определенно устанавливается принадлежность к афинскому морскому союзу в 20-х годах V в. до н. э. некоторых западных и южных понтийских городов, входивших в состав Фракийского округа этого союза. Но никаких документальных данных о вхождении северных понтийских городов в афинский морской союз пока нет (ср.: Д. П. Каллистов. Измена Гилона. ВДИ, № 1, 1950, стр. 27 сл.).

Что касается прямого подчинения Нимфея Афинам, то С. А. Жебелев чрезвычайно убедительно показал ненадежность того источника — таковым является речь Эсхина против Ктесифонта, 330 г., — на который обычно опирались исследователи, утверждавшие, что Нимфей в течение определенного периода был афинской собственностью.

Надлежит полностью согласиться с С. А. Жебелевым, что тенденциозная речь Эсхина, в которой последний стремился дискредитировать своего политического противника — Демосфена, не заслуживает доверия. Однако надо учесть и следующее обстоятельство. Если извращая биографические данные Демосфена, Эсхин мог еще в какой-то мере рассчитывать на успех, поскольку выяснение истинного положения вещей относительно деятельности предков Демосфена могло оказаться не столь уж простым делом, то вряд ли Эсхин стал бы рисковать, пуская в ход в корне лживое утверждение о былой принадлежности Нимфея Афинам. Такая выдумка легко подверглась бы разоблачению. Поэтому кажется наиболее вероятным, что Эсхин в вопросе о Нимфее как афинском владении допустил преувеличение, но известная доля истины все же тут была. Следовательно, приходится считаться с существованием во второй половине V в. до н. э. какой-то достаточно тесной связи Нимфея с Афинами. Возможно, Афины поселили в Нимфее своих

давно, еще в VI в., но лишь во второй половине V в. она приобрела первостепенное значение. Неудачная Пелопоннесская война, потеря Афинами в конце V в. до н. э. сицилийского хлебного рынка сделали Боспор важнейшим поставщиком хлеба в Афины. Вывоз хлеба туда приобрел чрезвычайно большие масштабы. Боспорская пшеница обильно шла и во многие другие места. В целях обеспечения регулярного и дешевого подвоза хлеба Афины заключили с правителями Боспора торговый договор, по которому экспорт хлеба в Афины был освобожден от обложения пошлиной. Сверх того, купцы, направлявшие хлеб в Афины, получали право грузить свои корабли в боспорских гаванях в первую очередь. Около 1 миллиона пудов зерна, а временами и гораздо больше, Афины ежегодно получали из Боспора. Крупнейшими поставщиками хлеба в Афины являлись непосредственно сами боспорские архонты-цари и ближайшие члены их семьи. Им предоставлялись в Афинах торговые льготы и привилегии, аналогичные тем, которыми пользовались афинские купцы на Боспоре. Боспорским архонтам-царям оказывались в Афинах большие почести: присуждались награды, посылались дары, на афинской агоре и акрополе воздвигались статуи боспорских правителей; Левкону I и его преемникам были дарованы права афинского гражданства. Из афинского декрета, изданного в 347/46 г. в честь сыновей Левкона — Спартока, Перисада и Аполлония, — известно, что боспорские правители посылали в Афины послов для укрепления экономических связей, для подтверждения готовности Боспора попрежнему снабжать Афины хлебом на льготных условиях.[1] За это афинское народное собрание закрепило за боспорскими архонтами-царями те же права и торговые преимущества, которыми пользовались их предки. Было постановлено также увенчать Спартока, Перисада и их младшего брата Аполлония золотыми венками. В декрете имеется указание и на существенную помощь, оказанную Афинами боспорским правителям. В ответ на просьбу последних афинские власти распорядились произвести набор матросов для боспорского флота, получившего таким образом из Афин опытных моряков.

Боспорские архонты-цари иногда посылали в Афины крупные партии хлеба в виде бесплатного дара.

Взаимоотношения греческих городов Боспора с местными племенами строились в основном на экономической заинтересованности правящей верхушки этих племен в той торговле, в которую она была втянута через боспорские города и благодаря которой эта знать наживала большие богатства, эксплоатируя рабов-военнопленных и массы своего же низового населения. Местная знать охотно перенимала внешнюю культуру греков, а некоторые ее представители переселялись в боспорские города, где эти «огречившиеся» выходцы из местных племен становились затем полноправными боспорскими гражданами. Сращивание греческого рабовладельческого общества Боспора с верхним слоем скифо-сарматских и меотских племен, принимавшее с течением времени все более широкие размеры, усиливало роль местных элементов в политической жизни и культуре Боспора.

Основной территорией Боспора был Керченский полуостров, где на побережье и внутри полуострова находился ряд укрепленных городов во главе с Пантикапеем. Керченский полуостров представлял наиболее прочную базу государства, в то время как владения Боспора на азиатской стороне, игравшие в экономическом отношении очень важную роль, были менее надежно подчинены Боспору, особенно на периферии, вдали от основных боспорских укрепленных городов. Здесь нередко возникали военные столкновения, требовавшие от боспорских правителей подчас серьезных усилий для водворения мира и восстановления своей власти; при этом приходилось действовать не только силой оружия, но иногда и путем подкупа вождей местных племен богатыми дарами.

Боспор обладал наемной армией, на содержание которой шли средства, поступавшие в государственную казну от сбора податей и торговых пошлин. В войнах, которые приходилось вести Боспору, на стороне последнего нередко выступали в качестве союзников войска соседних племен, находившихся в зависимости от Боспора или

представителей, на которых лежала обязанность обеспечить бесперебойный экспорт хлеба. После поражения Афин в результате Пелопоннесской войны вмешательство афинян в жизнь Нимфея естественно должно было прекратиться.

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии, стр. 239 сл.

поддерживавших последний по тем или иным политическим и экономическим соображениям. Обширная экспортная торговля, достигшая своего наивысшего развития в IV в. до н. э., повела к сосредоточению больших богатств в руках боспорских землевладельцев, купцов, судовладельцев, а также той знати местных племен, которая была поставщиком сельскохозяйственных продуктов — товары. Исключительно большие возможности сбыта изделий ремесла и обрабатывающей промышленности явились благоприятной предпосылкой для дальнейшего развития многих отраслей производства на месте, в городах Боспора. Из Греции и Малой Азии приезжали на Боспор и селились в его городах ремесленники и специалисты по художественным ремеслам. Для них на Боспоре

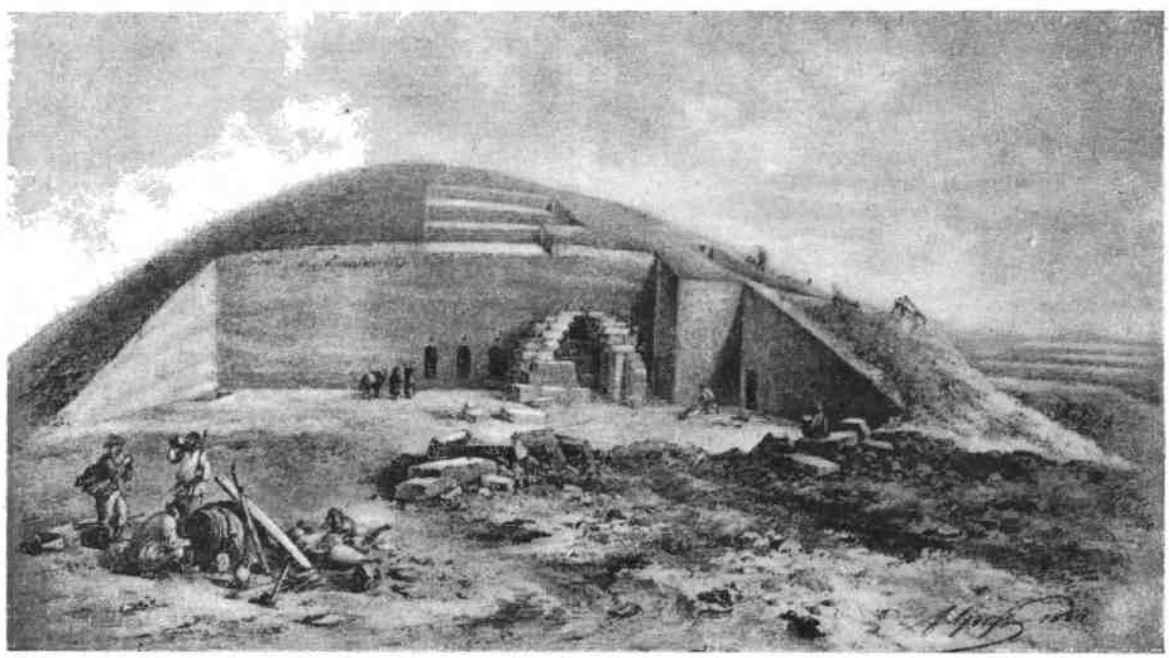

Рис. 35. Раскопки кургана Большая Близница на Таманском полуострове. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1864 г.).

хлеба, кож и пр. Погребения представителей господствующего слоя населения Боспора, в состав которого входили и греки, и эллинизованные аборигены, дают картину быстрого роста богатств на протяжении V—IV вв. до н. э. В многочисленных курганах на Керченском и Таманском полуостровах (рис. 35), а также в обширных некрополях, окружающих боспорские города, найдено большое количество привозных изделий греческого искусства и художественного ремесла. Боспор не только много вывозил товаров, главным образом сельскохозяйственных, но он стал одновременно чрезвычайно емким рынком для промышленной продукции, предметов роскоши и т. д. Из Греции и Малой Азии в большом количестве импортировались ткани, вина, оливковое масло, керамическая посуда, предметы украшения, косметические открывалось широкое поле деятельности. Ремеслами занимались и коренные жители боспорских городов, в том числе и выходцы из среды местного скифского и меотского населения.

Керамические мастерские выпускали много простой обиходной посуды, тару для хранения и транспортировки продуктов,[1] терракотовые статуэтки. Есть основания предполагать, что на Боспоре изготовлялась в некотором количестве и чернолаковая посуда, а также расписные краснофигурные вазы.[2]

Когда в городах Боспора стало развиваться быстрыми темпами строительство мно-

[1] И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах. АИБ, стр. 157 сл.

[2] М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, стр. 169 сл.

гочисленных частных жилых, общественных и культовых сооружений, потребность в кровельных черепицах стала весьма большой. В этой связи в Пантикапее и Фанагории начиная с IV в. до н. э. стали интенсивно действовать черепичные эргастерии,[1] были они и в Горгиппии.[2] Черепицы выделывались[3] обычного античного типа — в виде четырехугольных массивных глиняных плит, имеющих по продольным краям вертикальные бортики, поперечный валик близ верхнего

Рис. 36. Пантикапейский терракотовый антефикс IV в. до н. э. с изображением Горгоны.[1]

края и выступ с обратной стороны у нижнего края. Такие черепицы назывались керамидами. Чтобы атмосферные осадки не могли проникать в швы боковых стыков черепиц-керамид, последние покрывались сверху особыми покрышками, называвшимися калиптерами, имевшими снизу форму узкого жолоба, которому снаружи придавалась граненая форма. Те калиптеры, которые выходили своими концами на край кровли, снабжались на переднем конце вертикальными щитками — антефиксами с рельефными украшениями[1] (рис. 36).

Благодаря тому, что до II в. до н. э. включительно боспорские черепицы регулярно клеймились, нам известны имена многих владельцев черепичных эргастерий. Среди них встречаются имена представителей боспорской знати, упоминаемые в боспорских надписях, а также царские имена. Кроме того, значительное количество боспорских черепиц III в. до н. э. имело клейма, в которых стоит слово «βασιλική». Такими клеймами обозначалось, что «(керамида) царская», т. е. черепица сделана в царском черепичном эргастерии. На калиптерах, изготовлявшихся там же, обычно ставилось клеймо со словом «βασιλικός» — «(калиптер) царский» (рис. 37).

Очевидно, торговля черепицами была весьма прибыльным делом и это обстоятельство обусловило определенный интерес к данной отрасли керамического производства у представителей боспорской знати и царей. Обзаведясь черепичными «заводами», они извлекали из этого дела немалые доходы.

Исключительного расцвета в IV в. до н. э. достигло на Боспоре ювелирное дело и торевтика, т. е. производство художественных металлических изделий, особенно из золота и серебра. Огромный спрос на них предъявлялся разбогатевшими на хлебной торговле боспорскими рабовладельцами, а также богатой знатью скифов, синдов и других местных племен.

Торевтами, работавшими на Боспоре, созданы многие оригинальные произведения, обильно представленные в погребениях боспорских богачей и в курганах скифской и меотской знати.

Боспорское государство было рабовладельческим. Одним из главных источников поступления рабов на Боспоре, как и в других областях древнего мира, являлся захват на войне пленных и обращение их

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 211 сл. — Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. Там же, стр. 202 сл. — Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, № 19, 1951, стр. 227 сл.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 24 сл.

[3] До IV в. при строительстве различных сооружений на Боспоре применялись главным образом привозные черепицы, особенно синопские. Но и после того, как было уже налажено массовое производство боспорских черепиц, некоторое количество черепиц импортировалось из Синопы и Гераклеи Понтийской.

[1] И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея. АИБ, стр. 167 сл.

в рабство. Диодор, рассказывая о междоусобной борьбе сыновей Перисада I за власть (подробнее об этом см. стр. 118), сообщает, что один из его сыновей, Сатир, не решаясь напасть на укрепленную резиденцию царя фатеев Арифарна, опустошил и предал огню соседние селения, где набрал пленных рабов.[1] Поступали на Боспор рабы и в порядке торгового обмена с кочевниками: одним из главных центров этой торговли был Танаис.[2] Большое количество рабов использовалось в домашнем быту в качестве слуг и работников в домашних производствах, особенно у богатых слоев населения, а также при дворе боспорских правителей. Руками рабов, по всей вероятности, воздвигались такие грандиозные погребальные сооружения, как Царский курган, Золотой курган и многие другие; эксплуатировали большое количество рабов и в крупных эргастериях.

За отсутствием сведений в источниках труднее выяснить вопрос, в какой форме были организованы земледельческие работы на обширных плодородных территориях Боспора. Представляется наиболее вероятным, что в ранний период, когда боспорские города-колонии существовали на правах самостоятельных полисов, последние владели сравнительно ограниченными земельными угодиями, которые поступали в пользование граждан, входивших в состав рабовладельческой общины полиса. Для обработки земли использовался труд рабов. Вместе с тем уже и тогда могла практиковаться эксплуатация местного земледельческого населения путем принуждения его отдавать часть своего урожая, собранного с земель, на которых это население жило и которые в результате экспроприации стали собственностью полисов.

Если учесть, что такие боспорские колонии, как Пантикапей, Кепы, а возможно и другие, были заселены выходцами из Ми-

Рис. 37. Царские клейма на боспорских черепицах.

[1] Diod., XXII, 23 = SC, I, стр. 475.
[2] Strab., XI, 2, 3.

лета, то установление указанной выше формы эксплуатации поставленных в зависимое положение земледельцев-аборигенов приходится считать вполне вероятным. В самом Милете греки подобным же образом эксплуатировали коренное земледельческое население — гергитов. В северном Причерноморье применение таких форм подчинения и эксплуатации местного оседлого населения могло быть облегчено тем, что здесь широко практиковались даннические отношения — кочевники систематически облагали данью земледельческие племена.[1]

Каковы были в ранний период размеры отдельных земельных владений греческих колонистов, неизвестно. Вряд ли они, как правило, могли быть велики, хотя вполне возможно, что в таких колониях, как Пантикапей, уже и тогда была прослойка землевладельцев, обладавших достаточно значительной земельной собственностью.

С образованием Боспорского государства и последовавшим затем (при первых Спартокидах) быстрым расширением его владений положение аграрного хозяйства Боспора подверглось значительным изменениям. Боспор отныне стал обладателем громадного массива плодородных земель. Верховными собственниками этих земель за вычетом, может быть, тех угодий, которые уже издавна являлись частной собственностью граждан городов-полисов, юридически были боспорские архонты-цари. Они наделяли землей на определенных, конечно, условиях отдельных лиц или даже целые группы своих подданных. Так, например, Диодор сообщает о раздаче боспорским царем Евмелом (309—304) земельных наделов бежавшим из Каллатии жителям, когда город их был осажден Лисимахом.[2] Можно думать, что каллатийцы получили земельные участки в пользование на правах клерухов, т. е. при условии несения военной службы.

Обширные земельные угодья, очевидно, раздавались членам царской семьи, царедворцам, представителям правящей верхушки. Но все же наибольший земельный фонд принадлежал непосредственно самим боспорским царям. Именно поэтому они могли иметь в своем распоряжении громадное количество хлебного зерна, а это в свою очередь позволяло им выступать в качестве крупнейших поставщиков хлеба на внешние рынки, в частности в Афины. Львиная доля хлебного экспорта в Афины в IV в. до н. э. осуществлялась за счет хлебных ресурсов боспорских правителей.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в Боспорском государстве преобладающим было крупное землевладение. Это и обеспечивало Боспору возможность занять место одного из важнейших экспортеров хлеба.

Кем же, чьим трудом обрабатывались те земли, которые давали боспорской верхушке во главе с царем обильное количество товарного хлеба? Вероятно, часть его поступала в распоряжение Спартокидов в виде дани (φόρος), которую собирали с зависимых от Боспора меотских племен При-

---

[1] Как известно, Геродот (IV, 20) сообщает, что царские скифы — наиболее могущественная орда кочевников — считали все остальное скифское население своими рабами (δουλοι), тогда как сами они — царские скифы — были «свободными» (IV, 110). Несомненно, в основе этого лежало то обстоятельство, что скифы-кочевники облагали данью другие племена — земледельческие. Это подтверждает и Страбон (VII, 4, 6).

[2] Diod., XXII, 25=SC, I, стр. 477—478. Согласно этому сообщению Диодора, царь Евмел дал убежище тысяче каллатийских переселенцев, предоставил им город для расселения, произведя для этой цели размежевание на участки так называемой Псои и некоторой земельной территории (χώρα), очевидно, прилегающей к Псое. Повидимому, Псоя представляла собой некое урочище, на котором и было после соответствующей распланировки организовано поселение (город). Одновременно на смежной территории были выделены новым поселенцам участки земли — клеры. Происходило все это несомненно где-то в азиатской части Боспора.

В. В. Латышеву [(Понтика). СПб., 1912, стр. 171 сл.] данное место в тексте Диодора казалось испорченным и он предлагал поправку: вместо Псои читать Фианнеи — пригородная местность Фанагории, известная по надписи IPE, II, 363. Однако поправку Латышева принять невозможно. Название Псои заставляет вспомнить хорошо известное имя одного из меотских племен — «псессы». Очевидно, в основе обоих наименований лежит один корень, ведущий нас к адыгскому языку, в котором «псы» значит «вода». Поэтому название Псои, упоминаемой в дошедшем до нас диодоровском тексте, безусловно заслуживает доверия. Весьма сомнительно, чтобы в результате механического искажения диодоровского текста переписчиками появилось название, которое находит себе столь разительное соответствие в лингвистическом материале древнемеотской этнонимики, позволяющей в свою очередь обнаружить ее связь с адыгским языком. Ср.: К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. ВДИ, № 4, 1953, стр. 58, прим. 1.

кубанья. Вряд ли имело место сколько-нибудь значительное вмешательство боспорской власти во внутреннюю хозяйственную жизнь этого населения. Скорее можно думать, что дело здесь ограничивалось лишь взысканием дани натурой с целой области, занимаемой тем или иным племенем, при этом правительство Боспора, повидимому, сносилось при осуществлении подобного рода операций только с руководящей местной верхушкой соответствующих племен. Непосредственная эксплуатация сельского населения производилась в рамках внутренних производственных отношений, складывавшихся в процессе самостоятельного развития этих племен. Иначе должно было быть на тех территориях, которые являлись основными в составе Боспорского государства, — на Таманском и Керченском полуостровах.

Основными производителями здесь, повидимому, являлись зависимые земледельцы, которых эксплуатировали боспорские цари и другие землевладельцы, принуждая сельское население, жившее в селах, отдавать продукты своего труда в компенсацию за право обрабатывать землю, вести на ней свое хозяйство.[1]

Это не были рабы, лишенные средств производства, это были производители типа пенестов в Фессалии, илотов в Спарте. Они выплачивали дань натурой, но за ними оставалось право на получение части урожая; кроме того, они имели некоторые средства производства, правда, весьма несложные и примитивные.

Существование такого института зависимых земледельцев хорошо известно в других областях эллинского мира, в частности, в ряде торгово-аграрных греческих колоний, например, в Гераклее Понтийской, где аборигенное земледельческое население — мариандины — было порабощено греческими колонистами. В Византии на положении, близком к илотам, были вифинцы.

Фактически положение таких зависимых производителей мало чем отличалось от положения рабов, они подвергались жестокой эксплуатации и жили в тяжелых условиях. Яркой иллюстрацией обострения классовых противоречий на Боспоре и тяжелого положения, в котором оказались рабы и зависимые скифы, является восстание скифов под предводительством царского раба Савмака, вспыхнувшее на европейской стороне Боспора в конце II в. до н. э., когда Боспорское государство переживало экономический упадок и политический кризис (см. стр. 123).

Позднее, в первые века нашей эры, мы имеем прямые указания на существование на Боспоре зависимых земледельцев, называвшихся пелатами (см. стр. 139).

Косвенным показателем, подтверждающим существование указанной выше формы эксплуатации земледельческого населения в более раннее время, является наличие в системе государственного управления Спартокидов, в качестве едва ли не основной, должности управителей (эпимелетов) сел.[1] Очевидно, они нужны были именно для того, чтобы собирать «дань» натурой с сельского населения, осуществлять поборы с подвластных боспорским царям земледельцев.

Разумеется, это не исключало применения рабского труда в хозяйствах, принадлежавших отдельным боспорским землевладельцам. Некоторые из них имели расположенные близ городов сельские усадьбы. Вокруг усадеб были пастбища и поля, на которых выращивали хлебные культуры, были огороды и виноградники. В усадьбах имелись давильни для производства виноградного вина. В таких загородных сельских виллах работы выполнялись рабами.[2]

В одной из судебных обвинительных речей, приписываемой Демосфену, приводится случай крушения судна, шедшего из Пантикапея в Феодосию. Судно было нагружено соленой рыбой, косским вином и еще чем-то, все это якобы предназначалось какому-то феодосийскому земледельцу для снабжения продовольствием его сельскохозяйственных рабочих — ἐργάται.[3] Наиме-

[1] Подробнее см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 148 сл.; G. Zawadzki. Z zagadnien struktury agrarno-społecznej kzajów małoazjatyckich w epoche hellenizmu. Poznań, 1952.— М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, № 1, 1949, стр. 38.

[1] Polyaen., Strateg, VI, 9, 3 = SC, I, стр. 565.

[2] Обширная сельскохозяйственная усадьба III—I вв. до н. э. раскопана Боспорской археологической экспедицией в 1951—1954 гг. на полпути между Пантикапеем и Мирмекием, в районе теперешней Карантинной слободки.

[3] [Demosth.] adv. Lacr., 31=SC, I, стр. 367.

нование их термином, не встречающимся применительно к рабам, а употребляемым по отношению вообще ко всякого рода работникам и, в частности, к наемным,[1] наводит на предположение, что у феодосийского землевладельца были наемные сезонные рабочие, но такая форма эксплуатации, конечно, не являлась типичной на Боспоре и вряд ли она имела значительное распространение.

В IV в. до н. э. Боспор стал мощным государством с богатейшими сырьевыми ресурсами, которыми оно снабжало многие центры греческого мира.

Страбон, говоря о власти Спартокидов на Боспоре, отмечал, что они «назывались тиранами, хотя в большинстве были люди достойные». Боспорскую тиранию еще в древности сопоставляли с тиранией Гиерона в Сицилии и Кипселидов в Коринфе. Однако в Греции тирания была обычно кратковременным явлением, охватывающим два-три поколения. Спартокиды же правили в течение нескольких столетий, передавая свою власть по наследству.[1]

На кого же опирались Спартокиды, когда пришли к власти? Прежде всего на грече-

---

[1] Ср.: Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., стр. 119 сл. Автор интерпретирует упоминаемых в одной каллатийской надписи III в. до н. э. эргатов (последних предоставляли отдельные участники религиозного союза — фиаса — для постройки храма) в качестве рабов. Нам представляется, что и в каллатийской надписи применено название «эргаты» потому, что этот термин был общим, охватывающим широкое понятие «рабочие». В греческом языке имелись более определенные и употребительные термины для обозначения рабов. Тем более уместно применение такой четкой и ясной терминологии в эпиграфическом документе. Коль скоро в каллатийской надписи использован термин с широким смысловым охватом, так сказать, более нейтральный, скорее можно думать, что в документе речь идет о предоставлении фиасотами для строительства храма работников (эргатов) разнообразных категорий, в том числе, может быть, и рабов, главным же образом — наемных работников. Привлечение в качестве сравнительного материала греческих строительных надписей еще более убеждает в правомерности такого толкования: при работах по сооружению храмов обычно достаточно широко использовались вольнонаемные мастера.

В. Д. Блаватский, исходя из убеждения, что эргаты — рабы, сделал попытку выяснить, сколько рабов было у феодосийского земледельца, которому доставлялось продовольствие. Основанием для таких вычислений послужило утверждение обвинителя, что на судне везли недоброкачественное подкисшее вино. Стало быть, оно предназначалось, по мнению В. Д. Блаватского, для рабов. Используя указания римского писателя Катона, сколько надлежало включать вина (притом именно плохого, прокисшего) в рабский паек питания, В. Д. Блаватский высчитал примерное число рабов у феодосийского землевладельца (В. Д. Блаватский. Краткий очерк античного земледелия в северном Причерноморье. Матер. по ист. земледелия СССР, I, М., 1952, стр. 175).

Однако необходимо учесть, что, во-первых, заявление обвинителя о плохом качестве вина могло быть тенденциозным и даже просто неверным, ибо обвинителю нужно было во что бы то ни стало опровергнуть объяснения истца — купца Лакрита, уверявшего, будто вино транспортировалось в Афины, во-вторых, нет никаких оснований думать, что феодосийский землевладелец руководствовался римскими рационами питания рабов, если даже таковыми он владел.

Следует, наконец, заметить, что речь против Лакрита, в силу специфического ее характера, вообще представляется мало надежным источником для решения вопроса о положении непосредственных производителей у феодосийского землевладельца.

[1] При первых Спартокидах после смерти архонта-царя власть переходила к старшему сыну, но при этом младшие сыновья становились соправителями. Повидимому, лишь при Перисаде I был узаконен переход всей власти к старшему сыну архонта-царя.

В исторической науке уже было обращено внимание на то, что Боспор времен Спартокидов во многом напоминал эллинистические государства. Сочетание монархического строя с элементами греческой полисной системы самоуправления, конгломератный этнический состав, наличие обширного массива негреческого населения, интенсивный процесс взаимодействия греческих и местных элементов как в экономической жизни, так и в области культуры — все это, как и ряд других черт, несомненно, сближает Боспор с эллинистическими государствами. С. А. Жебелев с полным основанием писал: «Боспор является как бы прообразом... эллинистических монархий, ставших таковыми лишь в эллинистическую эпоху, тогда как все элементы, их характеризующие, с достаточной ясностью определяются в Боспоре уже при Спартокидах IV в.» (С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 158). Правомерное сопоставление Боспора с эллинистическими монархиями не должно, однако, заслонять первоочередной необходимости учета глубокого своеобразия Боспорского государства, сложившегося иными путями, нежели это было присуще эллинистическим царствам, возникшим позднее. Своеобразие Боспора сказалось, в частности, и в том, что оно просуществовало около 800 лет, тогда как эллинистические государства были относительно кратковременными. Стало быть, задача состоит скорее не в том, чтобы подогнать Боспор под рубрику «эллинистических государств», а в том, чтобы выявить в полной мере специфику Боспора как государства греко-туземного, сформировавшегося в результате особых условий, в каких оказались греческие колонии на Боспоре Киммерийском еще в VI в. н. э. (о сущности эллинизма, как исторического явления, см.: К. К. Зельин. Основные черты эллинизма ВДИ, № 4, 1953, стр. 145 сл.).

скую землевладельческую и торговую знать, образующую основной костяк господствующего класса рабовладельцев; опорой Спартокидов была и знать местных племен, быстро превращающаяся в эллинизованных рабовладельцев и купцов.[1]

Как известно, сами Спартокиды называли себя архонтами по отношению к Боспору (под последним разумелась совокупность греческих городов Боспора Киммерийского) и Феодосии и в то же время царями по отношению к местным племенам. Так, в официальных надписях Левкона I титуловали «архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов, торетов и дандариев». Титул архонта восходил, очевидно, к первоначальной форме политического строя греческих колоний области Боспора, когда они были еще демократическими полисами и главными магистратами были архонты. Характерно, что Феодосия, которая была присоединена к Боспору только при Левконе I, упоминается отдельно. Очевидно, Левкон I, завоевав Феодосию, принял на себя функции архонта, стоявшего во главе исполнительной власти Феодосии, до ее присоединения к Боспору, когда Феодосия была полисом. Таким образом, сами Спартокиды стремились показать себя законными продолжателями прежней власти, а не узурпаторами-тиранами. По отношению же к местным племенам они применяли титул царя. Эта двойственность в титулатуре боспорских правителей свидетельствует о специфической особенности их политики, выражавшейся в стремлении объединить под своей властью не только греческое городское население, но и местное. Таким образом, Боспорское государство складывалось из греческих городов и окружавшего их аборигенного населения. Наиболее крупные племена, входившие в состав Боспорского государства, сохранили в титулатуре царя свои названия. Следовательно, будучи присоединены к Боспору, эти племена как бы продолжали сохранять свои этнические особенности и, по всей вероятности, также известные элементы политической самостоятельности, как и греческие города, которые, очевидно, пользовались некоторым внутренним самоуправлением. По мере присоединения к Боспорскому государству новых племен титулатура Спартокидов расширялась. Так, Левкон I после присоединения племени псессов именовался уже царем синдов, торетов, дандариев и псессов. К титулатуре же Перисада I и следующих правителей было присоединено новое племя фатеев, а затем досхов, племена же торетов, дандариев и псессов были объединены общим названием «меоты»; иногда отмечалось, что такой-то правитель являлся царем «всех меотов». В одной стихотворной надписи в честь Перисада I отмечается, что он «властвовал над всей землей, какую заключают в себе крайние пределы тавров и границы [земли] Кавказской».[1] Здесь уже проявляется тенденция подчеркнуть величие и мощь боспорского правителя, единоличное господство его над обширной территорией.

Из всех племен, упоминавшихся обычно в титулатуре царей, на первом месте всегда стоят синды — племя, населявшее южную часть Таманского полуострова и район Анапы; оно еще в V в. до н. э. сохраняло свою самостоятельность, имело своих, в сильной степени эллинизованных правителей.[2] Синды во второй половине V в. до н. э. чеканили свою монету. Синдские правители поддерживали дружественные отношения со Спартокидами, вступали с ними путем браков в родственные связи и, повидимому, добровольно при Левконе I вошли в состав Боспорского государства.[3]

В конце IV—начале III в. до н. э. Спарток III сын Евмела (304—284) назывался иногда архонтом, иногда архонтом и царем и, наконец, только царем. Никакого упоминания ни о Феодосии, ни о различных подвластных племенах в его титулатуре

[1] Нередко Боспорское государство этого периода называют «греко-скифским», чтобы подчеркнуть его этнический смешанный характер и большую роль, которую играли во внутренней жизни государства не только греки, но и местные племена. Верхушечные слои последних особенно быстро подвергались эллинизации и входили в состав господствующего класса боспорцев. Это равным образом относилось и к скифам, жившим на территории восточного Крыма, и к синдам «азиатской» части владений Боспора. Поэтому в термине «греко-скифское государство» имеется значительная доля условности, под «скифским» здесь подразумевается негреческая по своему этническому происхождению часть состава жителей Боспора.

[1] IPE, II, 9.

[2] В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, № 3, 1946, стр. 203 сл., ср.: Д. П. Каллистов. Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 150 сл.

[3] Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 111 сл.

уже нет. Очевидно, титул архонта потерял свой прежний смысл, став чисто номинальным. Процесс объединения Боспорского царства под властью Спартокидов к этому времени завершился. Боспорские правители принимают теперь единый титул царя, повидимому, не без влияния со стороны эллинистических монархов, которые именовали себя царями с конца IV в. до н. э. В афинском декрете 286 г. до н. э. Спарток III уже именуется царем, так же титулуется и Перисад II в посвятительной надписи родосцев.

Функции боспорских правителей при Спартокидах были весьма разнообразны, поскольку они сосредоточили в своих руках единоличное управление всем государством. Они являлись верховными предводителями войск, лично участвуя в сражениях: так, во время войны за Феодосию, при ее осаде, умер Сатир I (успешно же закончил ее Левкон). Лично участвовали в качестве предводителей войск и сыновья Перисада I—Сатир, Евмел и Притан — во время междоусобной борьбы за власть. Царь имел своих телохранителей и стражей дворца. Войско же составлялось из наемников; кроме того, существенную военную помощь оказывали и союзники скифы. В руках правителей находилось назначение командующего состава в войсках, как сухопутных, так и во флоте.

Царь являлся также верховным распорядителем и владельцем земельных угодий, он свободно распоряжался городами и землями, наделяя ими своих приближенных. Так, Гилон, дед Демосфена, получил за оказанную им услугу боспорским правителям город Кепы;[1] очевидно, он получил его в управление, с правом пользоваться различными доходами. Сопей, приближенный Сатира, управлял большой областью на Боспоре. Цари являлись крупными купцами, поставщиками хлеба в Грецию.

Боспорские правители награждали иностранных купцов проксениями и торговыми привилегиями. В руках боспорских царей находились и промышленные эргастерии крупного масштаба, например эргастерии, изготовлявшие черепицы, что уже отмечалось выше.

Очевидно, и судебные органы были подчинены царю, а в некоторых случаях судил сам царь; так, Сатир I по делу сына своего ближайшего друга и видного политического деятеля Сопея, отдавшего свои деньги афинскому банкиру Пасиону, который стал отрицать их получение, не пожелал произвести суд над Пасионом, так как последний отсутствовал и не подчинился бы заочно вынесенному приговору. Согласно сообщению Полиена, царь Левкон, раскрыв заговор триерархов, предал их суду, а когда те явились на суд, не стал вести разбирательства дела, а окружил их войском и приказал перебить.[1]

Царь и члены его семьи выполняли и обязанности жрецов. Постоянной резиденцией царя был город Пантикапей, где находился царский дворец.

Первоначально, быть может еще при Археанактидах, в Пантикапее, как и в других греческих колониальных полисах, функционировало народное собрание (ἐκκλησία), но при Спартокидах оно, повидимому, никакой существенной роли не играло. Нет ни одного документа, который исходил бы от народного собрания или совета. Правда, по сообщению Диодора, народное собрание в Пантикапее было созвано царем Евмелом, победившим в междоусобной борьбе своих братьев.[2] Перед народным собранием Евмел произнес речь в свою защиту; здесь же он провозгласил восстановление отцовской политии, подтвердил сохранение беспошлинности за пантикапейскими гражданами и обещал освободить их от податей.

Народное собрание, созванное Евмелом, носило пассивный характер, оно не приняло никакого решения, а только выслушало речь Евмела. В чем заключалось восстановление отцовской политии, не вполне ясно, возможно, имелось в виду восстановление некоторых органов городского самоуправления и в том числе народного собрания. Но нет никаких документально зафиксированных следов деятельности пантикапейского народного собрания ни во времена Евмела, ни после него. Известно, что одной из функций народного собрания в греческих рабовладельческих полисах с демократическим строем было дарование проксений иностранцам. На Боспоре же, где вследствие установления монархического строя политическая роль гражданской общины была сведена до минимума, дарование проксений находилось в руках не городского управле-

[1] Aeschyn., Orat., III, 171=SC, I, стр. 370.

[1] Polyaen., Strateg., VI, 9, 3=SC, I, стр. 465.

[2] Diod., XXII, 24=SC, I, стр. 477.

ния, а боспорских правителей, при этом в дошедших до нас текстах проксений нет упоминания о даровании прав гражданства, ибо, повидимому, здесь у граждан таких прав, как в демократических полисах, и не существовало. Так, Перисад I и его сыновья даруют проксению пирейцу (т. е. гражданину города Амиса) и его потомкам, беспошлинность всех товаров во всем Боспоре им самим и их слугам и право въезда и выезда во время войны и мира.[1]

Спартокиды окружили себя придворной знатью из родственников и друзей, на которых возлагались функции исполнительной власти. Упоминавшийся выше приближенный Сатира, Сопей, получил в управление какую-то большую область, под его попечением находились военные силы государства; система передачи областей и городов в управление отдельным лицам, назначенным царем, очевидно, широко практиковалась на Боспоре.

Хотя в условиях боспорского монархического строя полисы потеряли фактически сколько-нибудь реальное значение и все жители государства представляли собой «боспорян» (βοσποϱανοί), подданных боспорского царя,[2] тем не менее на протяжении почти всего существования Боспорского государства сохранялось понятие о принадлежности отдельных граждан к той или иной городской общине. Эта традиция особенно ярко проявлялась в раннее время.[3]

Характерно, что в почетном декрете аркадян в честь Левкона I он называется просто пантикапаитом,[4] т. е. гражданином города Пантикапея, без обозначения его высокого положения.

Но и позднее, даже во II—III вв. н. э., города для проживавших в них постоянных жителей представлялись «отечеством» —патридой (πατϱίς),[5], а на надгробных памятниках еще и тогда было принято иногда отмечать ἐθνικόν, т. е. происхождение умершего из определенного города — в тех случаях, если человек умирал и его хоронили не в родном городе.[1]

При Спартокидах отдельные города (и в первую очередь Пантикапей) сохраняли право чеканки своей городской монеты. Это была единственно реально проявлявшаяся дань старой полисной системе, некоторый элемент самоуправления. Усиление чеканки городской монеты во II в. до н. э. (рис. 38), возможно, связано с ростом городского самоуправления, происходившего в связи с ослаблением царской власти.

Об органах внутреннего городского самоуправления для периода Спартокидов ничего не известно. Упоминавшиеся выше специальные управители сел назначались царем.

Рис. 38. Пантикапейская монета II в. до н. э. с изображением головы быка на лицевой стороне и плуга и колоса на оборотной.

Политический строй, установившийся при Спартокидах, сохранился на Боспоре до конца II в. до н. э. Отдельные попытки поднять восстание против Спартокидов имели место начиная еще с конца V—начала IV в. до н. э. Так, при Сатире I был организован заговор, в участии в котором был заподозрен Сопей, один из самых видных приближенных Сатира. Известно также, что какие-то изгнанники из Пантикапея нашли себе приют в Феодосии, очевидно, еще до ее присоединения к Боспорскому государству.

---

[1] IPE, II, 1.
[2] Strab., XI, II, 10.
[3] IPE, IV, 400 (пантикапейское надгробие «феодосийца» Филоксена, IV в. до н. э.). — ИАК, вып. 23, 1907, стр. 42 сл. (пантикапейское надгробие «кепита» Феопомпа, IV в. до н. э.). — IPE, II, 201 (надгробие «нимфейца» Сосипатра).
[4] IPE, II, 4.
[5] ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 62 (упоминание «патриды кититов», т. е. жителей города Китея в надписи на китейском храмовом столе, 234 г.).

[1] IPE, IV, 334 (пантикапейское надгробие «гермонасца» Полемократа, I—II вв. н. э.). Показательно и пантикапейское надгробие Хариксена, I в. н. э. В эпитафии на этом надгробии сказано: «Вдали от царства и народа ты завершил славный предел жизни, стяжав почет и добрую славу. . .». Упоминание здесь «народа» (δήμου), очевидно, было связано с понятием гражданской общины Пантикапея, к которой принадлежал и Хариксен (А. И. Болтунова. К надписи Хариксена сына Хариксена. ВДИ, № 4, 1950, стр. 73 сл.).

Смутные сведения имеются о заговоре против Левкона I, своевременно им раскрытом.[1] Полиен сообщает также об измене триерархов Левкону во время войны за Феодосию с гераклейцами.[2] О недовольстве существующим положением вещей свидетельствуют и те уступки пантикапейскому гражданству, которые, как указывалось выше, были сделаны боспорским царем Евмелом.

Все эти попытки произвести политический переворот, исходившие из среды господствующего класса, были безуспешны, с одной стороны, вследствие того, что они имели место главным образом в то время, когда Спартокиды обладали большой экономической и политической силой, с другой стороны, заговорщики, повидимому, не находили достаточной поддержки в широких массах населения.

Гибкая политика первых Спартокидов, учитывавших своеобразное положение на Боспоре и считавшихся в равной степени с греческими городскими и местными элементами, поддерживала в период расцвета Боспорского государства известное равновесие сил.

В конце IV в., после смерти Перисада I, на Боспоре разгорелась острая внутренняя борьба за власть между сыновьями Перисада. Война продолжалась около года и закончилась победой Евмела, сумевшего одолеть своих старших братьев. Евмел был, повидимому, энергичным политическим деятелем; он, в частности, предполагал объединить все греческие города северного Причерноморья под главенством Боспора. При Евмеле Боспор захватил еще некоторые земли, населенные «варварами».[3] Большую популярность (в частности в торговых городах южного Причерноморья) Евмел приобрел благодаря проводившейся им энергичной борьбе с пиратством на Черном море.

Успешная борьба с пиратами создавала благоприятные условия для торгового мореплавания в Понте Евксинском и тем самым содействовала успешному развитию здесь экономических взаимосвязей.

На рубеже IV—III вв. до н. э. в экономическом положении Боспора произошли изменения, повлекшие за собой глубокий кризис денежного обращения в течение почти всей первой половины III в. до н. э. Начавшийся около 370 г. и затем продолжавшийся в течение всего IV века регулярный выпуск золотой монеты (пантикапейские статеры), ярко свидетельствовавший об экономическом преуспевании Боспора, в конце IV в. прекратился. Одновременно прекратилась и чеканка серебряной монеты.[1] Боспор оказался теперь в состоянии продолжать выпуск только медных монет, но и эти последние носят на себе следы крайне напряженного состояния, в котором находилось денежное дело: медные монеты, бывшие уже в хождении, повторно возвращались на монетный двор, где они спешно перечеканивались или снабжались надчеканкой, и снова пускались в оборот.[2] Новые выпуски медных монет сопровождались уменьшением веса денежных знаков. Из этого кризиса Боспор вышел только во второй половине III в., когда возобновился выпуск серебряных монет, а с конца того же столетия в денежный оборот входят золотые статеры лизимаховского типа, чеканенные в городе Византии.

Чем был вызван денежный кризис, столь резко наступивший в самом конце IV в.? Есть основание полагать, что причины его лежали прежде всего в изменении условий внешней торговли. Потеря к этому времени Афинами своего былого политического и торгового значения, а вместе с тем рост хлебного экспорта из птолемеевского Египта, ставшего опасным конкурентом боспорского экспорта в восточное Средиземноморье, — все это и создало экономические затруднения Боспора. Потребовалось известное время, чтобы найти соответствующие рынки для сбыта пшеницы и тех сырьевых ресурсов, вывоз которых обеспечивал доходы господствующего класса Боспорского государства.

Кризис первой половины III в. до н. э. не носил катастрофического характера, так как накопленные в предыдущий период громадные богатства, сосредоточившиеся в руках боспорских рабовладельцев — земельных собственников и купцов, позво-

[1] Polyaen., Strateg., VI, 9, 2=SC, I, стр. 565.

[2] Там же.

[3] По сообщению Диодора (XXII, 25), Евмел «присоединил значительную часть соседних варварских земель» (SC, I, стр. 478).

[1] Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1953, стр. 58 сл.

[2] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 177 сл.

ляли им выдержать временный экономический спад путем усиления внутреннего торгового обмена, особенно с окружавшими Боспор племенами. Характерно, что именно в это время, т. е. с III в., начинает интенсивно развиваться на Боспоре виноделие, приобретая теперь широкий размах. Открытые раскопками монументальные давильни в городах Боспора (Мирмекии,[1] усилилась торговля рабами, т. е. более интенсивный вывоз их за пределы Причерноморья.

Весьма оживленно продолжали работать ремесленные мастерские в боспорских городах. Массовый выпуск черепиц в III в. свидетельствует об обширном строительстве, производившемся в населенных пунктах Боспора.

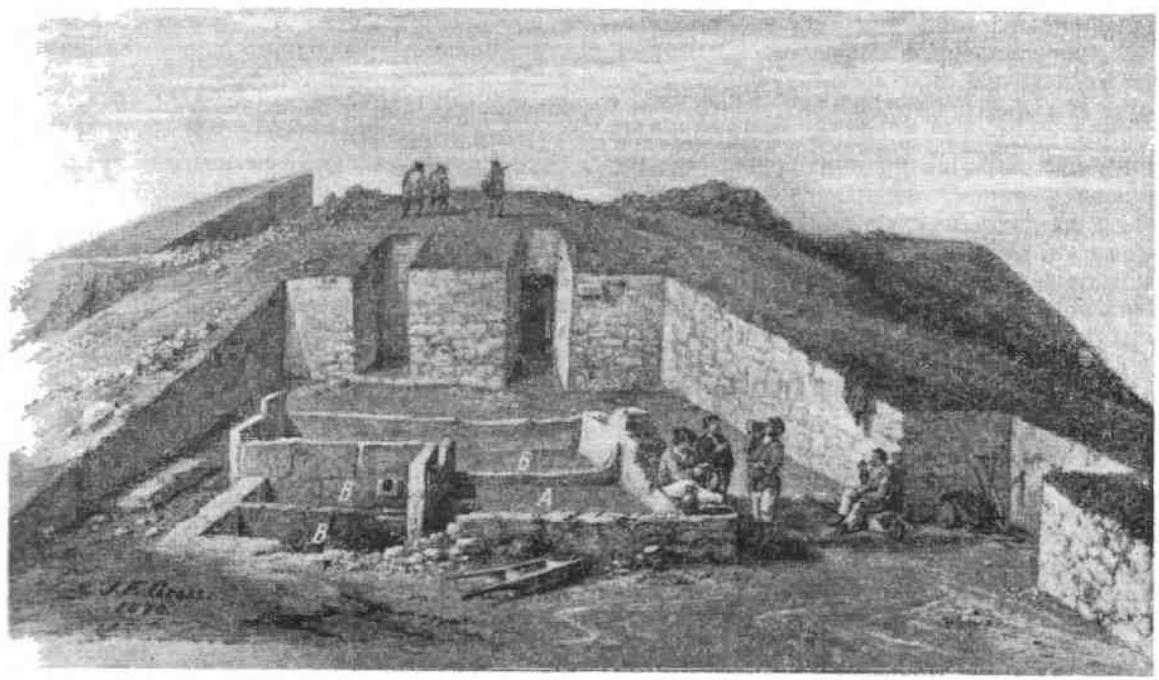

Рис. 39. Раскопки винодельни на Темир-горе. (По рисунку Ф. И. Гросса, 1870 г.).
А, *Б* — давильные площадки; *В* — резервуары.

Тиритаке[2] и их окрестностях)[3] (рис. 39) показывают, что производство виноградного вина приобрело в III—II вв. до н. э. большое значение в хозяйственной жизни Боспора. Очевидно, боспорские землевладельцы стремились компенсировать снижение своих доходов, вызванное затруднениями с хлебным экспортом, развитием таких отраслей хозяйства, которые давали товары, ходкие и выгодные для сбыта на внутренних рынках Скифии. Вероятно, в то же время

Много изделий выпускали керамические мастерские. В эллинистический период на Боспоре стали изготовляться сосуды с рельефными украшениями («мегарские» чаши), а также с росписью в виде растительных узоров, гирлянд, сочетающихся с орнаментом в виде поясков.[1]

С прекращением ввоза краснофигурных аттических ваз на Боспоре возникло производство художественных расписных полихромных ваз, получивших довольно значительное распространение в III и отчасти II вв. до н. э.; они известны под названием «акварельных» и представляют большой

[1] МИА, № 4, 1941, стр. 115 сл.
[2] МИА, № 25, 1952, стр. 27—30.
[3] Винодельни открыты в сельской усадьбе III—II вв., раскопанной Боспорской археологической экспедицией в районе Мирмекия в 1951—1954 гг.

[1] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики, стр. 142.

интерес как весьма своеобразный вид местной художественной керамики, в которой греческие элементы вазописи получили очень интересную местную переработку. [1]

Существовали и мастерские коропластов, торевтов, ювелиров.

Хотя торговые связи с Афинами и потеряли прежний широкий характер, тем не менее они не прекратились полностью. Из Афин поступало некоторое количество чернолаковой столовой посуды,[2] ввозились художественные изделия, например статуи [3] и другие предметы.

Из афинского декрета 287/86 г., посвященного боспорскому царю Спартоку III, видно, что царь поздравил афинян с освобождением города от македонского гарнизона и прислал в виде подарка 15 000 медимнов, т. е. около 37 000 пудов хлеба, в котором афиняне тогда испытывали особенно острую нужду. Одновременно Спартоκ III обещал оказывать подобную помощь Афинам и впредь. В декрете восхваляются заслуги Спартока III и его предков перед афинским народом. Боспорского царя решено было увенчать золотым венком и поставить в честь его две бронзовые статуи — одну на агоре, вторую на акрополе рядом со статуями других Спартокидов, воздвигнутыми ранее. Кроме того, афиняне приняли на себя обязательство в случае вторжения кого-либо во владения Спартока оказать ему помощь всеми силами «как на суше, так и на море».[4] Последнее показывает, что Боспор стоял перед какой-то опасностью возможного нападения на него извне.

Однако обещание Афин защищать Боспор вряд ли имело в это время реальный характер. Скорее это было лишь эффектным дипломатическим жестом, так сказать, моральной поддержкой. Положение Афин было теперь таково, что вряд ли они могли предпринять что-нибудь действенное, если бы Боспору фактически и понадобилась их военная помощь.

Связи Боспора с Средиземноморьем продолжались и при царе Перисаде II (284—252). Имя Перисада встречается среди жертвователей делосского храма.[1] Посольство Перисада вело в Александрии (Египет) какие-то переговоры с Птоломеем II Филадельфом в 254/53 г.[2] Возможно, в них обсуждался вопрос о размежевании районов сбыта хлеба, поскольку оба государства выступали в качестве крупнейших экспортеров пшеницы и на этой почве их интересы сталкивались. Особенно отрицательно сказывалась эта конкуренция на экономике Боспора.

Для второй половины III в. и II в. мы располагаем весьма скудными литературными и эпиграфическими данными о Боспоре. О боспорских правителях этого периода источники почти ничего не сообщают. К таким совершенно неизвестным по своей деятельности правителям Боспора второй половины III в. до н. э. относятся Левкон II и Гигиэнонт, имена которых встречаются на монетах [3] и на черепичных клеймах.[4] Однако и на монетах, и на клеймах

---

[1] См. статью Т. Н. Книпович «Художественная керамика», напечатанную в настоящем томе, стр. 380 сл.

[2] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 271 сл.

[3] Е. В. Эрнштедт. Статуэтка Диониса из Тиритаки. СА, VII, 1941, стр. 174 сл.

[4] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. . ., стр. 241 (№ 4).

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. . ., стр. 259 (№ 28).

[2] Там же, стр. 260—261.

[3] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 168.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях. . ., стр. 22 сл. (клейма Левкона II); ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 207, 314 (клейма Гигиэнонта).

В исторической литературе высказывалось предположение, согласно которому Боспор при Левконе II, примерно около середины III в. до н. э., якобы вел войну с Гераклеей Понтийской. Основанием для такого заключения служат сообщаемые Полиеном в его «Стратегемах» некоторые сведения, касающиеся войны гераклейцев с Левконом (SC, I, стр. 565), которого, однако, большинство исследователей считает Левконом I, а не Левконом II. Вслед за И. Дройзеном указанное выше сообщение Полиена пытался связать с Левконом II М. И. Ростовцев (Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 136—137). В последнее время в пользу этой же версии высказался Д. Б. Шелов (Денежная реформа Левкона II. ВДИ, № 1, 1953, стр. 30—39). Мы попрежнему считаем, что нет решительно никаких оснований приводимые Полиеном (в книге VI) эпизоды военных действий гераклейцев против Боспора относить к середине III в. Полиен писал в книге VI «Стратегем» о том же Левконе I, о котором он сообщал ряд сведений в книге V. Характер описываемой Полиеном войны между Гераклеей и Боспором, в частности господство гераклейцев на море (они высаживали десанты в тылу у Левкона «где заблаго-рассудится») никак не вяжется с представлением о Боспоре той поры, когда последний безусловно обладал достаточно сильным флотом. Примерно за 50 лет до этого боспорский флот блестяще провел

имя Гигиэнонта фигурирует только с титулом архонта, в то время как уже с конца IV в. до н. э. стало обычным применение правителями династии Спартокидов царского титула. Можно предполагать в этом результат какой-то политической борьбы, принудившей боспорского правителя довольствоваться скромным званием архонта. После Гигиэнонта в числе правителей Боспора были Спарток IV и, повидимому, три Перисада, время которых уже падает на II в. до н. э.

Состояние материальной культуры III в. еще не говорит об экономическом упадке Боспорского царства, но размах внешней торговли теперь заметно суживался в сравнении с предыдущим столетием. Некоторое оживление, повидимому, имело место в первой половине II в., когда имена боспорских правителей начинают снова появляться далеко за пределами Боспорского царства. К числу такого рода документов принадлежит декрет, изданный Дельфами в честь боспорского царя Перисада и царицы Камасарии;[1] упоминание той же Камасарии имеется в списке (155 г.) жертвователей храма Аполлона Дидимского в Бранхидах, близ Милета.[2] Но экономическое оживление, покоившееся на довольно еще широких торговых сношениях Боспора с Александрией, Родосом[3] и Малой Азией, не могло предотвратить быстрого и резкого упадка во второй половине II в. до н. э., обусловленного, в частности, сильно ухудшившимися взаимоотношениями греческих городов с местными племенами, особенно в связи с усилившимся напором скифов.

Образование Скифского царства в Крыму, в тылу у греческих колоний, создало для них серьезную угрозу.

Сформировавшееся теперь рабовладельческое скифское государство,[4] основной территорией которого стал Крым (из Приднепровья царских скифов вытеснили сарматы), энергично стремилось овладеть греческими городами, преграждавшими доступ скифам к самостоятельной торговле с заморскими странами. Раньше скифы мирились с тем, что вся внешняя торговля осуществлялась греческими купцами и это давало возможность греческим рабовладельческим городам обогащаться, поскольку они выполняли функции посредников между скифами и иноземными торговыми центрами.

С конца V в. до н. э. Боспор занял доминирующее положение в торговле со скифами. Насколько были важны для Боспора мирные торговые взаимосвязи со скифами, свидетельствует следующее сообщение Демосфена.[1] Когда однажды афинские купцы прибыли на Боспор, а в это время царь

операции по очистке Понта Евксинского от пиратов (Diod., XX, 25=SC, I, стр. 478). Другое дело — времена Левкона I, когда Боспор, ведя войну за захват Феодосии, не мог еще располагать значительными силами на море.

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. . ., стр. 250 (№ 15).

[2] Там же, стр. 266 (№ 58).

[3] О регулярных сношениях между Черным, Азовским морями, Родосом и Александрией см.: Diod., III, 34.

[4] Общественный строй скифов V в. до н. э., реконструируемый по данным Геродота, рисуется как патриархально-родовой строй «военной демократии» (см. стр. 39). Вопрос о времени образования государства у скифов в настоящее время еще не имеет среди советских историков общей точки зрения. Некоторые ученые склонны относить возникновение скифского государства к IV в. до н. э. и считают, что уже во второй половине IV в. существовало скифское государство, возглавленное царем Атеем и притом занимавшее огромную территорию от Дуная до Азовского моря (см.: Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами северного Причерноморья. АИБ, стр. 105 сл). Мы считаем, что до возникновения у скифов (имеются в виду собственно скифские племена) прочной оседлости и городов — а это имело место лишь в III—II вв. до н. э., когда возникли многочисленные скифские оседлые поселения в нижнем Поднепровье и в Крыму — не могло быть необходимых предпосылок для развития рабовладельческого способа производства, на базе которого только и могло вполне сформироваться классовое общество, а вместе с ним и государство. Поэтому только с этого времени (II в. до н. э.) и есть основание говорить о скифском государстве раннерабовладельческого типа. Что касается предполагаемого «царства Атея» с территорией от Истра до Меотиды, то вероятнее всего, что такого «царства» как некоего государственного образования в действительности не существовало. Повидимому, в IV в. до н. э. в Подунавье проникла одна из группировок кочевых скифов, которая очень активно действовала здесь до того, как потерпела поражение (в 339 г.) от Филиппа II Македонского. В дальнейшем она обосновалась в Добрудже («Малая Скифия»), будучи независимой от приднепровских скифов. Правители этих западнопричерноморских скифов во II в. до н. э. стали выпускать свои монеты, снабжаемые именами скифских царей; недавно они подвергнуты систематизации и специальному изучению румынским исследователем В. Канараке (см.: V. Canarache. Monetele scitilor din Dobrogea. Acad. Rep. Pop. Rom. Studii si cercetări de istorie veche, I, 1950).

[1] [Demosth.] adv. Phorm., § 8=SC, I, стр. 367.

Перисад I находился в состоянии военного конфликта со скифами, то оказалось, что продать привезенные товары почти не представлялось возможным, торговля была парализована. Очевидно, в IV в. до н. э. преобладали мирные взаимоотношения Боспора со скифами, конфликты и столкновения были тогда редки. В противном случае Боспор не смог бы вести те широкие торговые операции в Скифии, которые и создали необходимые условия для огромного роста его экономической мощи. Позднее, особенно во второй половине II в. до н. э., положение

Рис. 40. Монета с портретным изображением Митридата VI Евпатора.

коренным образом изменилось. Скифы, образовав свое государство и опираясь на ряд построенных ими сильно укрепленных поселений типа городов (один из них — Неаполь — служил столичным центром государства),[1] повели наступление и на Херсонес, и на Боспор. Еще до этого они подчинили себе Ольвию (см. стр. 55). Боспору, повидимому, удавалось в течение некоторого времени откупиться «дарами», т. е. данью, размеры которой постепенно возрастали, становясь крайне обременительными для боспорцев.[2] Назревала угроза вторжения скифов на территорию боспорских владений в восточном Крыму и включения их в состав скифского царства.

Но прежде чем перейти к решительным действиям против Боспора, скифы направили свои силы на овладение Херсонесом; последний обратился за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору (рис. 40).

Известно, что дважды посылавшаяся Митридатом из Понта в Крым военная экспедиция под командованием Диофанта заставила скифов отказаться от намерения овладеть греческими городами в Крыму. Уже во время первой экспедиции, ведшей военные операции против скифов, Диофант совершил поездку на Боспор, где, повидимому, вел с царем Перисадом V переговоры об условиях, на которых Понтийское царство согласно было бы оказать покровительство и помощь Боспору.[1] Когда в результате вторично посланной в Крым экспедиции Диофант одержал победу над скифами, он, закончив военные действия, снова выехал на Боспор и, согласно сообщению херсонесского декрета в честь Диофанта, «устроил тамошние (боспорские) дела прекрасно и полезно для царя», т. е. для Митридата. По словам Страбона, боспорский царь Перисад, не будучи в состоянии бороться с варварами, выступавшими с еще большими притязаниями, чем прежде, передал власть понтийскому царю Митридату. Таким образом, правящие верхи Боспора предпочли потерять политическую независимость и быть под властью иноземного понтийского царя, сохраняя, однако, прежнее классовое и экономическое господство в государстве, нежели оказаться под властью скифов, что повело бы к вытеснению боспорской рабовладельческой верхушки с занимаемых ею социально-политических позиций, тем более, что при вторжении скифов на боспорскую территорию имелись все основания ждать восстания рабов и зависимого населения, для которых это могло быть наиболее подходящим случаем, чтобы расправиться со своими угнетателями и эксплуататорами.

Во время дипломатических переговоров Диофанта, которые велись в Пантикапее,

[1] Развалины Неаполя находятся на южной окраине г. Симферополя. О новейших раскопках Неаполя см.: П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

[2] Strab., VII, 4, 4.

[1] Детальный анализ декрета в честь Диофанта и восстановление хода событий, упоминаемых в этом декрете, см. в работе: С. А. Жебелев. Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре, стр. 49—71.

на Боспоре в 107 г. вспыхнуло большое восстание, поднятое скифскими рабами во главе с Савмаком.[1] Восстание это приняло весьма широкие размеры, охватив всю европейскую часть Боспора. Восставшие убили Перисада, и такая же участь ожидала Диофанта, если бы последнему не удалось бежать на присланном за ним из Херсонеса корабле. Насколько значительно было восстание, показывает длительность и серьезность подготовки экспедиции, имевшей целью подавление восстания боспорских скифов. Она была отправлена из Понта в Крым под руководством того же Диофанта спустя лишь около полугода после начала восстания. В составе экспедиции была сухопутная регулярная армия и военный флот. Исходной базой для развития военных действий был избран Херсонес, откуда после включения в состав экспедиции херсонесских войск Диофант двинулся на Боспор. Сильной армии Диофанта удалось после овладения основными центрами европейской части Боспора, Феодосией и Пантикапеем, разгромить восстание. Савмак, захваченный в плен, был отправлен как военный трофей в Понт и там, несомненно, казнен.

Хотя источники не сохранили более подробных сведений об этом восстании, но и те данные о нем, которые имеются в херсонесском декрете в честь Диофанта, дают основание рассматривать его как крупное революционное движение порабощенного населения. Не случайно Феодосия и Пантикапей оказались наиболее крупными очагами восстания, которые Диофанту пришлось брать силой, чтобы ликвидировать его. Названные города были, конечно, главным средоточием рабов, которые эксплоатировались в промышленности, во флоте и т. д. Вполне естественно, что эти крупнейшие торгово-промышленные центры Боспора и стали основными центрами восстания. Интересно также, что момент начала восстания совпал с переговорами Диофанта о переходе власти на Боспоре к Митридату, в результате чего должно было последовать упрочение положения боспорских рабовладельцев, государство которых в это время переживало острый экономический и политический кризис. Восстание, таким образом, было попыткой не допустить политической сделки между Боспорским царством и Митридатом, осуществление которой лишало эксплуатируемые массы рабов и зависимое сельское население всякой надежды на возможность облегчения своего положения. Восстание, возглавленное Савмаком, нарушило планы понтийского царя, стремившегося овладеть греческими городами северного Причерноморья, используя их слабость. К тому же оно было столь страшным симптомом революции рабов в Причерноморье, что Митридат Евпатор не пожалел сил для подавления восстания. Политическая программа восставших скифов, государственный строй, установленный в период пребывания у власти Савмака, не известны. Сохранившиеся мелкие серебряные монеты с именем Савмака[1] показывают, что он был провозглашен царем.

Восстание боспорских скифов во главе с Савмаком являлось лишь одним эпизодом революционного движения рабов, широко охватившего античный мир во II в. до н. э. Начавшись в Италии и Сицилии, мощная волна восстаний, потрясших рабовладельческий строй, докатилась до Греции, Македонии и Малой Азии. Большое восстание рабов, в частности, имело место в Пергамском царстве в 133—130 гг. Восставшие там рабы, возглавляемые Аристоником, провозгласили «солнечное царство», т. е. светлое царство свободы, и в соответствии с этим подданные Аристоника именовались «гелиополитами» — гражданами солнечного государства. На выпущенных Савмаком боспорских монетах изображалась голова Гелиоса — бога солнца, что, возможно, являлось отражением той же идеи создания «солнечного царства».

[1] В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, № 3, 1950, стр. 23 сл.

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 185. В последнее время была сделана попытка вновь обосновать высказывавшееся еще в XIX в. некоторыми западными исследователями мнение, согласно которому известные до сих пор монеты, относимые обычно к боспорскому Савмаку, принадлежат якобы в действительности колхидскому царю Саулаку (см.: К. В. Голенко. О монетах, приписываемых Савмаку. ВДИ, № 4, 1951, стр. 199—203). Отсутствие достаточно веских доказательств, которые могли бы послужить серьезным основанием для возрождения старой, отброшенной большинством современных исследователей точки зрения, позволяет попрежнему считать эти монеты относящимися к Савмаку. И стилистические, и весовые данные указанных монет свидетельствуют об их органической связи с традициями боспорского монетного чекана, а не колхидского.

После подавления восстания на Боспоре греческие города северного Причерноморья, оказавшись под властью Митридата, вошли в состав Понтийского государства, и управление ими производилось через специально назначавшихся наместников. Митридат стремился создать мощное государственное объединение в области Причерноморья, способное противостоять росту могущества Рима и достаточно сильное, чтобы парализовать римские захватнические планы в Малой Азии. В напряженной длительной борьбе, которую пришлось вести Митридату с Римом, Боспор вынужден был играть роль поставщика живой силы для армии понтийского царя, а также служить источником хлеба, сырья и т. д. И чем дольше затягивались войны Митридата с Римом, тем тяжелее становились повинности Боспора. По словам Страбона, население европейской и азиатской частей Боспора выплачивало дань Митридату в размере 180 000 медимнов, т. е. около 450 000 пудов хлеба и 200 талантов серебра.[1] Тревожная обстановка, обусловленная длительными войнами Митридата против римлян, постоянные подготовки к ним и обременительные повинности, возложенные Митридатом на Боспор, усиливали расстройство экономической жизни последнего. Господствующие слои Боспора стали разочаровываться в Митридате, хотя еще совсем недавно они видели в нем своего спасителя. Воспользовавшись удобным моментом, во время первой митридатовской войны с Римом, Боспор объявил себя независимым от Митридата, но независимость эта просуществовала недолго. В 80 г. до н. э. Митридат с помощью военной силы вернул себе Боспор, несмотря на то, что последний привлек для борьбы с Митридатом некоторые местные племена. Митридатовский военачальник Неоптолем дважды нанес поражение «варварам»: летом он разбил их в морском бою, происходившем в проливе, а зимой он достиг аналогичного результата в конном сражении, состоявшемся на месте покрытого льдом пролива.[2] Сломив сопротивление боспорцев, Митридат поручил управление Боспорским царством и остальными греческими городами северного Причерноморья своему сыну Махару.[3]

В третьей войне с Римом, тянувшейся свыше 10 лет (74—63 гг.), Боспору пришлось стать последним оплотом Митридата, где окончательно решился исход его долголетней и упорной борьбы с Римом. Она закончилась здесь полным крушением митридатовских планов. Разбитый в 66 г. римскими войсками в Малой Азии, Митридат бежал через кавказское побережье и благополучно достиг Боспора. Командовавший римской армией Помпей не смог организовать преследования из-за сопротивления, которое оказали римлянам племена Кавказа. Управлявший Боспором Махар еще в 70 г., считая поражение Митридата неизбежным, предал отца и вступил в дружественные отношения с римлянами. В критический для Митридата момент, когда римские войска под командованием Лукулла осаждали Синопу, Махар объявил себя союзником римлян и послал Лукуллу в Малую Азию те продовольственные запасы, которые были заготовлены на Боспоре для митридатовского войска; Синопа держалась привозным хлебом, и поэтому измена Махара, передавшего продовольствие римлянам, весьма облегчила последним взятие столицы Понтийского царства. Понятно, что намерение потерпевшего поражение Митридата обосноваться в Пантикапее заставило Махара, боявшегося расплаты за вероломство и измену, бежать в Херсонес. Но Митридат организовал погоню, и Махар был убит.[1]

Обосновавшись в Пантикапее, Митридат снова распространил свою власть на крупные греческие города северного Причерноморья — Нимфей, Феодосию, Херсонес и др. Затем он попытался вступить в переговоры с Помпеем, однако они были безуспешны.[2] Впрочем, к этому времени у Митридата уже созрел новый смелый план нападения на Рим с севера через Альпийские горы. Предполагалось обойти Понт с севера, затем воспользоваться для дальнейшего продвижения Дунаем, поднять на борьбу против римлян кельтские племена и идти далее через Паннонию на юго-запад. В осуществлении этого плана большую роль должны были играть племена северного Причерноморья, ставшие теперь главной опорой Митридата. Митридат заключил союз с вож-

[1] Strab., VII, 4, 6.
[2] Strab., VII, 3, 18.
[3] App., Mithr., 67.

[1] App., Mithr., 102; ср.: Dio Cass., XXXVI, 50.
[2] App., Mithr., 107.

дями многих племен Причерноморья, поддерживавших его уже и раньше во время войн с Римом. Для более прочного укрепления дружбы с ними Митридат обручил своих дочерей с вождями некоторых наиболее сильных племен [1]. Пользуясь тем, что римляне не предпринимали активных военных действий, ограничив их лишь морской блокадой Боспора, Митридат начал спешно готовиться; набирались солдаты, причем в армию рекрутировались не только свободные, но в равной мере был открыт доступ и рабам. Производились массовые заготовки оружия, строились военные машины, что требовало громадного количества различного рода сырья. Для покрытия чрезвычайно возросших расходов были до крайности усилены поборы со всех слоев населения,[2] что совершенно истощало материальные ресурсы последнего. Злоупотребления сборщиков податей еще более озлобляли и без того недовольное население. Решающую роль сыграла жестокая морская блокада, проводившаяся римским флотом.[3] Она полностью приостановила внешнюю торговлю, что в свою очередь вызвало резкое недовольство торгово-рабовладельческих слоев в крупных боспорских городах, видевших в лице Митридата источник всех бед. Недовольство верхушечных слоев населения усиливалось еще и широким привлечением рабов в ряды формировавшейся Митридатом армии. Результаты недовольства греческих городов не замедлили проявиться. Когда Митридат, создав ядро новой армии, направил часть войск в Фанагорию, чтобы закрепить за собой азиатскую сторону пролива, Фанагория подняла восстание, справиться с которым Митридат оказался не в силах. Несколько сыновей и дочь Митридата, руководившие военными действиями против Фанагории, попали в плен.[4] Вслед за Фанагорией восстали против Митридата и другие греческие города, в том числе Нимфей, Феодосия и Херсонес,[5] потеря которых была для Митридата тяжелым ударом. Началось брожение и в митридатовской армии. Сын Митридата Фарнак, видя критическое положение отца, поспешил перейти на сторону римлян и стал тайно склонять к измене митридатовское войско. Митридат все еще не терял надежды, пытаясь прибегнуть к помощи союзных племен. Однако мятеж, вспыхнувший в армии, быстро привел дело к окончательной развязке. Спасаясь от взбунтовавшихся солдат, Митридат укрылся в пантикапейском дворце. Убедившись в безнадежности своего положения, не желая попасть в руки восставших и быть выданным римлянам, Митридат пытался отравиться, но это ему не удалось, в последний момент он был по его же просьбе заколот мечом одним из телохранителей.[1] Известие о смерти Митридата (63 г.) вызвало ликование в Риме.

Восстание, поднятое городами Боспора и поддержанное другими греческими городами северного Причерноморья, решило судьбу Митридата, с гибелью которого была устранена весьма грозная опасность, продолжавшая нависать над Римом в связи с подготовлявшимся Митридатом походом.

Смерть Митридата и прекращение проводившихся им военных мероприятий фактически открывало путь римской экспансии в северное Причерноморье. Греческие города не могли не понимать, что, нанося удар по Митридату, они тем самым способствовали проникновению Рима в северное Причерноморье. Стало быть, выступление боспорских городов в 63 г. против Митридата объективно означало их переход на сторону Рима со всеми вытекающими отсюда далеко идущими политическими последствиями.

Но и в данном случае решающую роль играли экономические интересы определенных слоев свободного населения, входивших в господствующий класс Боспорского государства. Длившаяся в течение многих десятилетий борьба Митридата с Римом сопровождалась непрерывным и притом все более усиливавшимся использованием материальных и людских ресурсов для военных нужд. Этому сопутствовал крайний упадок торговли, вся хозяйственная жизнь находилась в состоянии предельного напряжения. Последняя отчаянная попытка Митридата создать ядро новой антиримской армии довела до наивысшей меры ущемление материальных интересов боспорских рабовладельцев. Помимо всяческих поборов, особенно разорительной была для них

[1] App., Mithr., 102.
[2] App., Mithr., 107.
[3] Plut., Pomp., 39.
[4] App., Mithr., 108.
[5] App., Mithr., 110.

[1] App., Mithr., 111.

открытая Митридатом вербовка рабов в армию. Организованная же римлянами жесточайшая блокада с моря лишала возможности вести какую-либо внешнюю торговлю.

Перед господствующим классом Боспора стояла альтернатива — или идти на дальнейшие жертвы и помогать Митридату в его борьбе против Рима, конечные результаты которой могли представляться весьма проблематичными, или устранить Митридата и положить конец войне с Римом. За этим, конечно, должно было явиться признание Рима в качестве своего верховного «покровителя» с неизбежным ограничением возможности вести вполне самостоятельную политику. Но такого рода отрицательные последствия, очевидно, казались при данных условиях меньшим злом. Последнее к тому же компенсировалось большими экономическими выгодами, ибо с прекращением войны против Рима должна была восстановиться нормальная хозяйственная жизнь и обширная внешняя торговля.

Вероятно, такого рода выгоды, определявшиеся ориентацией на Рим, усиленно пропагандировались римскими агентами, которые несомненно засылались в северопричерноморские города в целях срыва митридатовских планов, что в конечном итоге и привело к восстанию, начатому Фанагорией.

Само собой разумеется, что после гибели Митридата Рим тотчас же обратил пристальное внимание на греческие города северного Причерноморья, не только выполнявшие в течение долгого времени функции питавшего митридатовские армии тыла, но и едва не ставшие исходной базой весьма опасного антиримского движения, которое пытался организовать Митридат в самые последние годы.

Рим принял все зависевшие от него меры к тому, чтобы установить такой порядок, который обеспечивал бы в греческих городах северного Причерноморья соблюдение римских интересов. Основная ставка при этом была сделана на Боспор, превращенный с этого времени в зависимое от Рима государство, царей которого, как сообщает Страбон, «назначают римляне» (Ῥωμαῖοι καταστήσωσιν).[1]

[1] Strab., VII, 4, 7.

Таким первым царем, назначенным римлянами, оказался сын Митридата — Фарнак, весьма активно содействовавший гибели своего отца.

За оказанные услуги Фарнак был провозглашен «другом и союзником римлян», ему было поручено управление Боспором, исключая Фанагорию. Последняя получила автономию за то, что она первой подняла восстание против Митридата.[1]

При Фарнаке в состав Боспора снова входило Прикубанье, а вдоль Азовского моря боспорские владения достигали Танаиса. В Крыму территория Боспора не ограничивалась Керченским полуостровом, под боспорским протекторатом находился теперь и Херсонес. Попытки некоторых местных племен на азиатской стороне Боспора выйти из повиновения были круто пресечены Фарнаком. По словам Страбона, Фарнак затопил область племени дандариев, пустив воды Гипаниса (Кубани) через какое-то старинное русло, которое было для этой цели специально расчищено.[2]

Воспользовавшись разгоревшейся в Риме гражданской войной, борьбой между претендовавшими на власть Цезарем и Помпеем, Фарнак решил отнять у римлян бывшие владения своего отца Митридата в Малой Азии и тем самым восстановить в полном объеме митридатовское Понтийское царство. Но прежде чем предпринять туда поход для осуществления указанной цели, Фарнак счел необходимым покончить с автономией Фанагории. Фанагорию и ряд других городов азиатской стороны Боспора, поддерживавших, очевидно, Фанагорию, Фарнак подверг осаде.[3] Осажденные фанагорийцы принуждены были сдаться и признать власть Фарнака, выдав при этом заложников. Выступая в завоевательный поход в Малую Азию (в 48 г.), Фарнак назначил наместником Боспорского государства своего приближенного Асандра. Когда Фарнак уже достиг Малой Азии и вступил в борьбу с римскими войсками, Асандр объявил себя самостоятельным правителем Боспорского царства, надеясь получить впоследствии подтверждение своих прав со стороны Рима.[4] Ввиду приближения войск Цезаря Фарнак был не в состоянии

[1] App., Mithr., 113.
[2] Strab., XI, 2, 11.
[3] App., Mithr., 120.
[4] Dio Cass., XLII, 46, 4.

предпринять что-либо против Асандра. Разбитый вскоре Цезарем у города Зелы, Фарнак бежал в Синопу, где после сдачи города был отпущен римлянами с небольшим отрядом войска. Проиграв войну в Малой Азии, Фарнак намеревался восстановить свою власть на Боспоре. При помощи нескольких военных отрядов, организованных из скифов и сарматов, ему удалось из Феодосии продвинуться к Пантикапею, но Асандр перешел в энергичное наступление, в результате которого Фарнак потерпел поражение и умер от ран в 47 г.[1] Надежда Асандра получить в Риме санкционирование его власти над Боспором не оправдалась. Цезарь не признавал Асандра, так как последний устранил Фарнака и занял боспорский трон, не имея на то согласия римских властей. Чрезмерная самостоятельность Асандра казалась в Риме весьма опасной. Поэтому Цезарь поручил своему другу пергамцу Митридату расправиться с Асандром и возглавить самому Боспорское царство. Митридат Пергамский двинулся на Боспор из Малой Азии через Кавказ. Но поставленной Цезарем задачи Митридат разрешить не смог, так как в сражении, происшедшем где-то на территории Боспора, он потерпел неудачу и был убит Асандром.[2] Внутренняя политическая обстановка в Риме была такова, что Цезарь не мог предпринять каких-либо дальнейших мер против Асандра. Последний, таким образом, утвердился на Боспоре вопреки желаниям Рима. Вступлением в брак с Динамией, дочерью Фарнака, Асандр попытался достичь некоторого юридического подкрепления своих прав на власть над Боспором. Несколько позднее, уже при Августе, римские власти, считаясь с фактическим положением, вынуждены были примириться с Асандром и признать его царем Боспора.[3] Ни о внутренней, ни о внешней политике Асандра источники ничего не сообщают. Известно только, что в целях воспрепятствования вторжению кочевников в боспорские владения Асандр соорудил в Крыму где-то «на перешейке у Меотиды» грандиозный вал с башнями.[4]

После смерти Асандра управление Боспором в 17 г. до н. э. перешло к его жене Динамии, внучке Митридата (рис. 41). В то же время на Боспоре появился некий Скрибоний, выдававший себя за наследника Митридата, которому якобы Август доверил управление Боспорским царством.[1] Скрибоний вступил в брак с Динамией, стремясь таким путем прочнее закрепиться на Боспоре. Узнав об этом, Агриппа, ведавший по поручению Августа делами Рима на Востоке, послал против Скрибония понтийского царя Полемона, известного своей преданностью Риму. Боспорцы, желая избежать войны с Римом восстали и убили Скрибония, а затем стали оказывать сопротивление Полемону. Последнему пришлось действовать силой, чтобы пробиться к Пантикапею и принять там на себя управление Боспором. Когда стало известно, что Агриппа готовится идти из Малой Азии войной против Боспора, чтобы помочь водворению там Полемона, боспорцы вынуждены были прекратить сопротивление и подчиниться Полемону (14 г. до н. э.). В период правления Полемона I столичные центры Боспора были переименованы: Пантикапей стал называться Кесарией в честь

[1] App., Mithr., 120. — Dio Cass., XLII, 47. — Д. П. Каллистов. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, № 4, 1938, стр. 174 сл.

[2] Strab., XIII, 4, 3.

[3] Luc., Macr., 17=SC, I, стр. 546.

[4] Strab., VII, 4, 6. — Долгое время считалось, что вал Асандра был сооружен у Феодосии, где он меридионально пересекал территорию восточного Крыма от Азовского до Черного моря (Р. В. Шмидт. К исследованию боспорских оборонительных валов. СА, VII, 1941, стр. 274 сл.). Произведенные в последнее время И. И. Бабковым исследования района, где предполагался до недавнего времени вал Асандра, показали полное отсутствие каких-либо остатков этого вала, что совершенно невероятно, если бы такое фортификационное сооружение там в действительности когда-либо существовало. Возможно, Асандр построил вал на Перекопском перешейке — такая гипотеза высказывалась когда то Миннзом (H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 592). Но этот перешеек очень отдален от непосредственных боспорских владений и поддерживать его оборону живой силой было бы очень трудно. К тому же он защищал бы не столько территорию Боспора, сколько территорию скифов, что вряд ли могло входить в задачи боспорских правителей, даже если формально их власть во второй половине I в. до н. э. и распространялась на весь Крымский полуостров (ср.: Strab., VII, 4, 7). Поэтому не исключено, что вал Асандра соответствует тому прекрасно сохранившемуся до сих пор валу, который пересекает Керченский полуостров от Азовского моря (у селения Ново-Отрадное) до Узунларского озера, бывшего в древности заливом. Сооружение такого вала могло значительно усилить оборону наиболее важной территории Боспорского государства от возможности вторжения сюда скифов, государство которых в Крыму снова окрепло и стало опасным соперником Боспора.

[1] Dio Cass., LIV, 24, 4.

Августа, а Фанагория получила наименование Агриппии в честь Агриппы.[1] Эти новые названия, впрочем, не привились, и города впоследствии продолжали, как правило, именоваться попрежнему. По решению императора Августа женой Полемона стала

Рис. 41. Динамия. Бронзовый бюст.

та же Динамия.[2] Но вскоре между Полемоном и Динамией произошел разрыв. Не желая примириться с создавшимся положением, Динамия, повидимому, при содействии своего сына Аспурга, отцом которого был Асандр,[3] стала возбуждать против Полемона входившие в состав Боспора глемена. Вероятно, в этой же связи возник мятеж в Танаисе, при подавлении которого Полемон подверг город сильному разрушению.[1] Особенно враждебно к Полемону были настроены аспургианы — племя, жившее, как сообщает Страбон, между Фанагорией и Горгиппией.[2] Полемон намеревался совершить нападение на аспургиан внезапно, но его замыслы были своевременно разгаданы. Полемон попал к аспургианам в плен и был убит (8 г. до н. э.)

Учитывая обстановку на Боспоре и настроения входивших в состав Боспора местных племен, желая избежать осложнений, император Август признал правительницей Боспорского царства Динамию, пользовавшуюся, повидимому, там большой популярностью как внучка знаменитого царя Митридата Евпатора. Со своей стороны Динамия старалась, во всяком случае во внешних проявлениях, засвидетельствовать свою лойяльность к Риму.

После смерти Динамии (7/8 г. н. э.) царем стал Аспург. На мраморной базе от статуи, воздвигнутой в честь Аспурга одним из царедворцев («начальник острова»), со-

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 193.

[2] Dio Cass., IV, 24, 5—6.

[3] Имеется пока только одна надпись (IPE, II, 36), в которой указано имя отца Аспурга, имя это — Асандрох. Некоторые исследователи полагают, что Асандрох не идентичен с Асандром, что это разные лица. Отсюда возникли всякого рода гипотезы: Асандрох — сарматский царь, Асандрох — некий боспорский царь, который захватил власть после смерти Полемона и правил Боспором 15 лет (см.: Е. С. Голубцова, ук. соч., стр. 116). Мы считаем, что упоминаемый в надписи (IPE, II, 36) Асандрох — это тот же боспорский царь Асандр, который хорошо известен по многим источникам (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 539—540). Следует иметь в виду, что надпись с именем Асандроха изобилует орфографическими ошибками. Видно, составитель ее или резчик, исполнявший надпись, не были сильны в греческом языке. Этим, может быть, и объясняется, что имя Асандра передано в «варваризованной» форме — Асандрох.

[1] Strab., XI, 2, 3 — С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 195.

[2] Очевидно, название племени связано с именем Аспурга. Какими обстоятельствами вызвано присвоение этого имени некоторой части населения Синдики, неизвестно. Возможно, оно было обусловлено той ролью, которую эта группа жителей сыграла в ликвидации Полемона I, произведенной в интересах Аспурга как сына Динамии. Нельзя считать исключенным, что Динамия дочь Фарнака была по материнской линии связана с одним из племен азиатской стороны Боспора, может быть, именно с тем, которое решило судьбу Полемона I, чтобы открыть путь к боспорскому трону связанному узами племенного родства Аспургу.

хранилась посвятительная надпись, из которой видно, что политическое положение Боспора в то время значительно укрепилось. В надписи сказано, что Аспург царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, псессами и танаитами. Аспургу удалось, как гласит надпись, «подчинить скифов и тавров».[1] Вместе с тем царский титул содержит вошедшую в обиход со времени Асандра формулу: «друг кесарей и друг римлян», чем выражалась политическая зависимость боспорских правителей от Рима.

После Аспурга император Калигула (37—41) в соответствии с постановлением сената в 38 г. н. э. возложил управление Боспором и Понтом на Полемона II,[2] сына фракийского царя, женатого на дочери царя Полемона I, который был убит на Боспоре.

Такое решение, принятое в Риме, являлось актом грубого произвола, ибо у Аспурга были законные наследники — сыновья и, согласно династическим традициям Боспора, власть после смерти Аспурга должна была перейти к его старшему сыну Митридату. В Риме явно хотели отстранить от власти наследников Аспурга, поскольку с именем самого Аспурга, повидимому, связывались события, приведшие в свое время к ликвидации населением азиатской стороны Боспора (аспургианами) царя Полемона I — ставленника Рима.

Вопреки воле римских правителей на Боспоре стал царствовать Митридат, поставивший Рим перед совершившимся фактом. Он объявил себя царем (39/40 г.) и стал чеканить свои монеты, формально признавая тот статус политической зависимости Боспора от Рима, который уже ранее установился. Объявленный же римлянами царь Боспора Полемон II пребывал в Понте, на Боспоре он не появлялся.

Сменивший Калигулу император Клавдий вынужден был признать Митридата царем Боспора, стремясь избежать осложнений, представлявшихся весьма опасными, так как Митридат в случае попытки устранить его силой мог бы поднять на борьбу местные племена. Власть Полемона II была ограничена малоазийскими владениями.[3] Но Митридат пошел дальше. Не пожелав быть послушной марионеткой римских императоров, он задумал теперь отложиться от Рима, т. е. сделать Боспор совершенно независимым от Рима государством. Однако осуществить этот план он не смог. Его замысел был коварно раскрыт императору Клавдию братом Митридата Котисом. Клавдий не замедлил отблагодарить Котиса и последнему было дано право занять боспорский трон. Для расправы же с непокорным Митридатом в 44 или 45 г. были из Мёзии посланы на Боспор римские легионы. Вторжение это было неожиданным, Митридат не смог к нему подготовиться, поэтому вынужден был из Пантикапея бежать в Прикубанье.[1] Царем Боспора стал Котис I. Но как только главные римские военные силы были уведены, Митридат, опираясь на поддержку племен азиатской стороны Боспора, особенно на сильное сарматское племя сираков, стал угрожать Котису, положение которого оказалось весьма шатким ввиду малочисленности оставшихся на Боспоре римских войск. Пользуясь враждой, существовавшей между местными племенами, Котису удалось привлечь на свою сторону сарматское племя аорсов. Войско аорсов совместно с римскими и боспорскими отрядами повело успешное наступление на Митридата и его союзников. Побежденный Митридат был выдан римлянам сираками с условием сохранения Митридату жизни. В качестве пленного он был доставлен в Рим и прожил там долго, но был позднее казнен за участие в политическом заговоре.[2] Посаженный на боспорский трон римскими легионами, Котис I продержался у власти около 20 лет.

Таким образом, в I в. н. э. на Боспоре утвердилась династия, ведущая свое начало от Аспурга (последний, повидимому, носил еще фракийское имя Рискупорида)[3] и известная в дальнейшей истории Боспора вплоть до IV в. н. э. как династия Тиберием Юлиев. Все цари, начиная с Котиса I, в официальных документах к своим собственным именам по римскому обычаю прибавляли два указанных имени, очевидно, в честь императора Тиберия. Цари династии Тиберием Юлиев находились в политической

[1] IPE, II, 36 (об этой надписи говорилось выше, в примеч. 3 к стр. 128).
[2] Dio Cass., LIX, 12, 1 = SC, I, стр. 622.
[3] Dio Cass., LX, 8 = SC, I, стр. 622.

[1] Tac., Ann. ,XII, 15—21 = SC, II, стр. 238—241.
[2] Plut., Galba, 13 и 15.
[3] Аспург был женат на Гипеширии, принадлежавшей к фракийской царской династии.

зависимости от римских императоров и утверждались последними. В почетных надписях на пьедесталах статуй римских императоров, стоявших в столичных городах Боспора, боспорские цари называли римских императоров своими «установителями», «спасителями и благодетелями», «владыками всего Боспора» и т. п. Боспорские цари являлись верховными жрецами культа римских императоров, впервые введенного Котисом I.

Боспор ни в I в., ни позднее не был превращен в римскую провинцию и никогда не терял полностью своей политической независимости.

Правда, при императоре Нероне (54—68), в связи с широкими римскими планами завоевания Кавказа и выхода к Каспийскому морю, было превращено в провинцию Понтийское царство и также, очевидно, предполагалось поступить с Боспором. В 60 г. прекратился в Пантикапее чекан боспорских монет царя Котиса I и были выпущены монеты с портретом и именем римского императора Нерона.

Внешним поводом для непосредственного ввода римских войск в Крым послужила осада Херсонеса скифами. Как известно, в целях отражения скифского наступления были двинуты римские легионы во главе с Плавтием Сильваном, наместником провинции Мёзии (см. стр. 89). После этого в ряде пунктов северного Причерноморья и Кавказского побережья были размещены отряды римских войск. Эта оккупация коснулась и Боспора, что отвечало римскому плану превращения его в римскую провинцию. Но эта попытка полностью лишить Боспор его политической самостоятельности не увенчалась успехом и тотчас же после смерти Нерона опять возобновился чекан боспорских царских монет. Боспором продолжали править представители прежней династии.

В течение некоторого времени в I в. н. э. боспорские цари не могли помещать на монетах своих портретных изображений, монеты снабжались изображениями римских императоров и членов императорской семьи; имена боспорских царей обозначались только монограммами.

После провала попытки превратить Боспор в римскую провинцию боспорские цари начинают проявлять все бóльшую самостоятельность. Характерно, что Рискупорид II, который стал чеканить монеты начиная с 68 г., т. е. сразу же после смерти Нерона, уже помещал на медных монетах и свое изображение, и обозначение своего имени с царским титулом.[1] А несколько позже, в 80 г., когда при Домициане политическое положение Рима ухудшается в связи с неудачами в придунайском районе, тот же Рискупорид II выпускает и золотые монеты с портретом царя на лицевой стороне в сопровождении его имени и титула; портрет римского императора сохраняется на оборотной стороне.[2]

Такой тип боспорских золотых статеров удерживается и во все последующее время.

Неудача с попыткой низвести Боспор до положения римской провинции объясняется отнюдь не тем, что интересы Рима в северном Причерноморье были ограничены. Решающее значение имела сложность обстановки на месте и прежде всего наличие сильных местных племен, на которые могли бы, памятуя традиции Митридата Евпатора, опереться боспорские правители в случае столкновения с Римом. Это заставляло последний придерживаться иной, более гибкой тактики: добиваться осуществления интересов Римской империи через зависимых, но пользующихся вместе с тем и значительной самостоятельностью боспорских царей, тесно связанных с теми причерноморскими племенами, удерживать которые от наступательных действий против Римской империи и было основной задачей греческих городов северного Причерноморья. Во всяком случае так представлялись эти задачи правителям Рима.

Боспорская династия Тиберием Юлиев была связана и по своему происхождению и по узам родства со знатью местных племен.[3]

---

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 200.

[2] Там же, стр. 201.

[3] Иногда эту династию называют Сарматской. Генеалогические связи ее с сарматами вполне вероятны. Но называя так династию боспорских правителей первых веков нашей эры, можно создать представление, что Боспор в этот период оказался под властью сарматов, а это, конечно, будет неверно. Боспор в первые века нашей эры систематически вел борьбу, с одной стороны, с государством скифов в Крыму, а с другой стороны — с сарматами в лице прежде всего сираков, оказывавших нажим на «азиатские» владения Боспора со стороны азовско-предкавказских степей. Династия Тиберием Юлиев независимо от этнического происхождения ее представителей и личных связей с местной племенной знатью возглавляла рабовладельческий класс Боспора и действовала в его интересах. Не-

Весьма характерно, что ряд царей носил имя «Савромат», представляющее собой, как известно, этническое имя, связанное с племенем савроматов или сарматов. Царские имена Котис, Рискупорид, Римиталк, являющиеся фракийскими, а равным образом титулатура боспорских царей римского времени, в которой в качестве их предка упоминается фракиец Евмолп, свидетельствуют о фракийских связях Тиберием Юлиев; связи эти были старыми, традиционными, восходящими еще ко времени Спартокидов.

Дипломатические сношения Боспора с Римом велись через Вифинию. Из писем Плиния Младшего, бывшего наместником этой римской провинции, известно о направлявшемся к императору Траяну посольстве от боспорского царя Савромата I. Наместник Каппадокии Арриан, составивший в 30-х годах II в. н. э. для императора Адриана «Перипл Понта Евксинского», писал императору: «Когда я услышал о смерти Котиса, царя Боспора, то позаботился описать тебе и путь до Боспора для того, чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем».[1] Таким образом, Рим все время держал Боспор под наблюдением, стремясь к тому, чтобы боспорские правители вели политику, соответствующую интересам империи.

Известно, например, что император Антонин Пий специально вызывал к себе в Рим царя Римиталка (131—153) для разрешения каких-то спорных вопросов, возникших между Боспором и римской администрацией.[2]

Боспорские цари получали от Рима денежные субсидии, шедшие главным образом на содержание армии.

Лукиан Самосатский сообщает о встреченных им в Эгиалах (Пафлагония) послах боспорского царя Евпатора (154—170), направлявшихся в Вифинию «за установленной ежегодной субсидией».[1] Получение правителями Боспора субсидий (τὰ δῶρα) подтверждает и более поздний писатель Зосим.[2]

Боспорские правители при каждой возможности стремились свести до минимума свою зависимость от Римской империи. Тем не менее на полный разрыв с Римом они не шли. Боспорская правящая рабовладельческая верхушка мирилась с некоторым ограничением суверенитета своего государства по соображениям классовой заинтересованности. Она пользовалась материальной поддержкой Рима на содержание боспорской армии, необходимой для того, чтобы охранять интересы класса рабовладельцев внутри государства, чтобы иметь возможность подавлять попытки к восстанию порабощенных масс, рабов и отражать напор «варваров».

Под этим углом зрения нельзя недооценивать роль Рима как силы, поддерживавшей рабовладельческий строй Боспора в первые века нашей эры.

Римские войска на Боспоре появлялись редко. Один такой случай, имевший место в связи с устранением Митридата, пытавшегося восстать против Рима в 40-х годах I в. н. э., мы уже отметили. Коснулась Боспора и военная оккупация Таврики при Нероне. В остальное время Боспор опирался почти исключительно на свою собственную армию, состоявшую из боспорских ополченцев. Иногда боспорские отряды включались в римские армии, ведшие военные операции на Дунае (против даков) или в Малой Азии (против аланов).

Прочное подчинение Боспору обширных территорий с земледельческим населением в восточном Крыму, в Прикубанье и на нижнем Дону, а также снова появившаяся возможность развивать в широких масштабах внешнюю торговлю предопределили вторичный экономический и культурный расцвет Боспора. В этот период товарное производство рабовладельческого хозяйства Боспорского царства снова получило возможность широкого развития. От разрухи митридатовского времени Боспор быстро оправился и уже в I в. н. э. стал опять экономически самым мощным рабовладельческим государ-

---

смотря на сильную «сарматизацию» (см. стр. 139), Боспор и в первые века нашей эры представлял собой периферийное античное государство, в состав владений которого входили (на азиатской стороне) области с негреческим населением, а значительная часть населения основной территории Боспора (Керченский и Таманский полуострова) состояла из ассимилированных греками, т. е. эллинизованных, местных жителей.

[1] SC, I, стр. 223.

[2] J. Capit., V. Ant. P., 9 = SC, II, стр. 294.

[1] SC, I, стр. 544 (перевод здесь неточен); ср.: A. Premerstein. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus. Klio, XIII, 1913, стр. 81.

[2] SC, I, стр. 790.

ством в северном Причерноморье. Боспор снова занял видное место на понтийском рынке своим обширным вывозом хлеба, соленой рыбы, кож, рабов и пр. С другой стороны, на Боспор, а через боспорские торговые центры и далее к соседним племенам шли импортные товары, ткани, вино, оливковое масло, керамическая и стеклянная посуда, предметы украшения и пр. В торговых сношениях Боспора в первые века нашей эры главное место заняли города Малой Азии, и как потребители боспорских товаров, и как поставщики импортной продукции. Зна-

Рис. 42. Винодельня I в. до н. э. — I в. н. э. в Тиритаке.

А — давильная площадка; *Б* — площадка для выжимания сока с помощью рычажно-винтового пресса; *В* — резервуары; *Г* — каменная гиря рычажно-винтового пресса.

чительный спрос на боспорские товары, главным образом хлеб и другие продовольственные продукты, был обусловлен потребностями в провианте расквартированных в Крыму, на Кавказе, а также в Малой Азии римских гарнизонов и армий. Наряду с интенсивным развитием земледелия в первые века нашей эры на Боспоре получило также дальнейшее большое распространение виноградарство, имевшее целью производство вина. Особенно много остатков винодельческих хозяйств первых веков нашей эры открыто раскопками в боспорских городах Мирмекии и Тиритаке (рис. 42, 43); обнаружены они также и в Пантикапее,[1] а на азиатской стороне Боспора — в Патрее.[2]

Судя по находкам в отдельных домах небольших каменных давилок для выжимания виноградного сока, можно полагать, что приготовление вина в небольших масштабах велось и для удовлетворения домашних потребностей. Но наряду с этим раскопками обнаружено много больших, специально построенных и солидно оборудованных виноделен, в которых перерабатывалось на вино большое количество винограда, что свидетельствует о крупном характере производства, рассчитанном на торговый сбыт вина.

Винодельни устраивались следующим образом: на гладких оцементированных площадках виноград первоначально мяли ногами; получавшийся при этом сок стекал в устроенные рядом с давильными площадками прямоугольной формы цистерны-резервуары, стенки которых были также покрыты цементом, т. е. таким раствором, который не разлагался от соприкосновения с виноградной жидкостью (для придания водоупорных свойств в известковый раствор подмешивали толченую керамику). После того как лучший сок был уже извлечен вышеуказанным способом, мятый виноград клали на особую площадку, снабженную каменной платформой. Здесь из виноградной массы окончательно извлекался сок при помощи рычажно-винтового пресса.[3] Сок последней стадии пере-

[1] В. Д. Блаватский. 1) Раскопки Пантикапея (1947). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 34 сл.; 2) Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, XVII, 1953, стр. 178 сл.

[2] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. М., 1949, стр. 22 сл.

[3] Это техническое нововведение — рычажно-винтовой пресс — появилось на Боспоре в I в. до н. э. На виноград давил рычаг в виде деревянного длинного бруса, один конец которого вставлялся в углубление, устроенное в стене винодельни, близ платформы, где лежала подлежащая прессованию виноградная мезга. В другой конец бруса был вделан деревянный вертикальный винт, соединявшийся внизу через посредство деревянной же рамы с тяжелой каменной гирей. При вращении винта конец рычага притягивался книзу и на прессуемый виноград оказывалось соответствующее давление. Когда сопротивление прессуемой массы становилось значительнее веса гири, находившейся под нижним концом винта, дальнейшие повороты последнего приводили гирю в подвешенное состояние. Это обеспечивало непрерывное равномерное давление. Такого устройства рычажно-винтовые прессы с каменными гирями были изобретены, по-видимому, во II в. до н. э. в восточно-эллинистических центрах. Около середины I в. до н. э. они

работки винограда не смешивали с суслом, полученным ранее, а направляли в отдельный резервуар, так как этот сок давал вино более низкого качества. Бродильный процесс и хранение вина производилось в пифосах и амфорах. Винодельни были устроены так, что они могли производить в сезон 125—150 гектолитров вина. Чтобы снабдить подобную винодельню сырьем, требовалось иметь виноградник приблизительно в 5—7 га.

Исключительный размах приобрела теперь на Боспоре и заготовка соленой рыбы. В первые века нашей эры крупные рыбопромысловые пункты находились в пределах Керченского пролива. Это доказано раскопками Мирмекия и Тиритаки, где обнаружены остатки больших монументальных рыбопромышленных сооружений, служивших для заготовки соленой рыбы (рис. 44). Тиритака была в полном смысле рыбопромысловым городом; значительная часть территории его в I—III вв. н. э. была занята под рыбозасольни. Они представляют собой одиночные или, что чаще, групповые каменные оцементированные внутри цистерны, в которых производился посол рыбы. Ванны имеют различную величину. Есть ванны небольшие, одиночные. Они служили для соления небольшого количества рыбы. Но таких ванн немного. Гораздо больше групповых ванн, причем имеются самые разнообразные комплексы по 2, 3, 4, 5 и 6 ванн (рис. 45). Самый большой комплекс ванн пристроен к оборонительной стене города и включает в себя не менее 16 ванн, в которых солили сельдь. При одновременной загрузке всех ванн в них могло поместиться около 160 тонн рыбы. С обеих сторон возле ванн обнаружены колодцы, вымощенные каменными плитами, площадки с большим

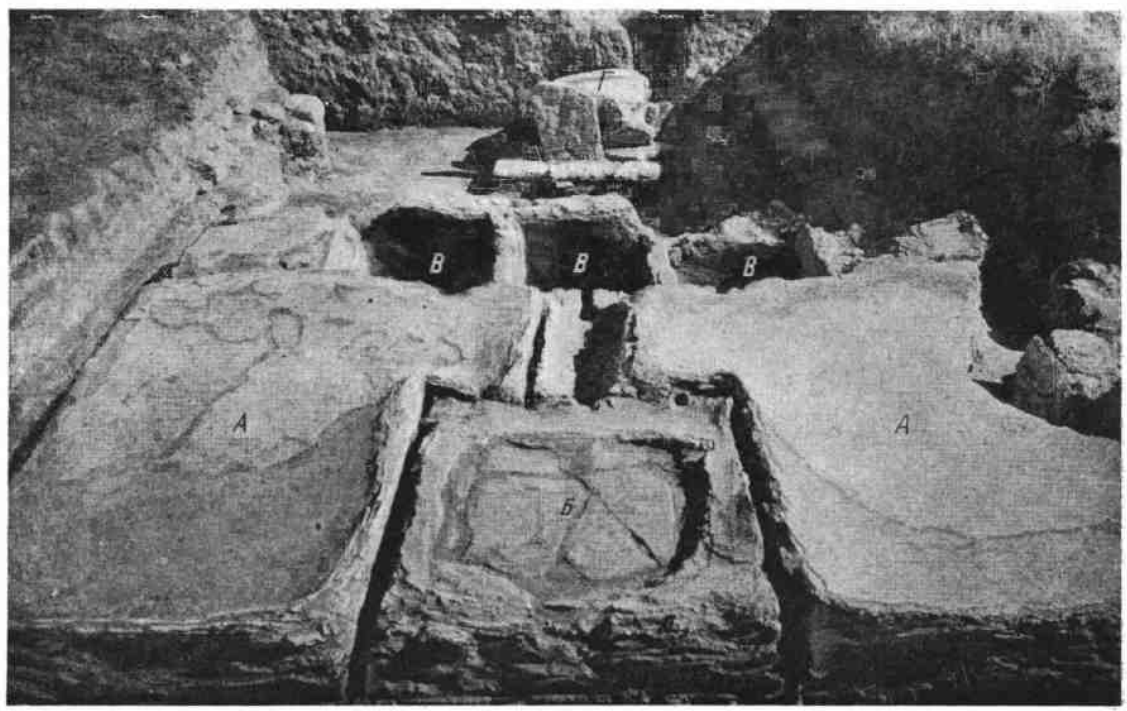

Рис. 43. Винодельня III в. н. э., в Тиритаке.

А — давильные площадки; *Б* — площадка для выжимания сока с помощью рычажно-винтового пресса; *В* — резервуары; *Г* — каменная гирярычажно-винтового пресса.

стали известны в западносредиземноморских районах, как об этом сообщает Плиний (N. h., XVIII, 317). Тогда же они вошли в употребление и на Боспоре. Почти все боспорские винодельни первых веков нашей эры имели такие прессы. Самая ранняя винодельня I в. до н. э., в которой сохранилась каменная гиря от рычажно-винтового пресса, открыта в Тиритаке; см.: МИА, № 25, 1952, стр. 36 сл., рис. 36; ср.: там же, рис. 75, 76 (гиря от винтового пресса в другой тиритакской винодельне — III—IV вв. н. э.).

количеством рыбьих остатков, а также глиняные пифосы с сохранившейся в них рыбьей чешуей. Очевидно, здесь производилась переборка рыбы, промывка ее, приготовление тузлука и другие операции, связанные с массовым посолом рыбы. Большинство ванн имело черепичные крыши-навесы.

В районе расположения ванн при раскопках найдено значительное число костяных игл для вязания сетей. Таким образом, изготовление рыболовных орудий, очевидно, входило в круг забот каждого отдельного промыслового хозяйства.

Рис. 44. Группа рыбозасолочных ванн (*1—8*) I—II вв. н. э. в южной части Мирмекия.

Предметы рыболовства обычно встречаются и при раскопках остатков тиритакских жилищ. В одном из домов III—IV вв. н. э. обнаружено было несколько десятков грузил в виде камней с вырубленными посредине перехватами, служащими для обвязывания веревкой. Размеры этих грузил говорят о применении крупных неводов.

На основании обнаруженных рыбьих остатков внутри ванн установлено, что в Тиритаке производилась засолка главным образом сельди и хамсы. В меньших масштабах подвергались солению другие рыбы, в том числе осетровые. Представленные в Тиритаке столь значительные и по своему количеству и по своим объемам рыбозасолочные сооружения свидетельствуют о том, что заготовка рыбы здесь велась, конечно, на торговый сбыт ее в крупных боспорских городах, а также на экспорт.[1]

Весьма вероятно, что наиболее мощные рыбопромысловые предприятия, вроде, например, того, которому принадлежал комплекс в 16 ванн, построенных около крепостной стены, были государственными, т. е. являлись собственностью боспорских царей.

Боспорские цари в первые века нашей эры, так же как и во времена Спартокидов, были крупнейшими хлеботорговцами и поставщиками различных товаров. Цари не только сами вели крупные торговые операции, но и всячески поощряли, поддерживали купцов и судовладельцев. Так, например, царь Савромат I оказал большую услугу союзу судовладельцев в Горгиппии, предоставив им право беспошлинно вывозить из горгиппийской гавани зерновой хлеб в количестве 1000 артаб, причем доход с этого жертвовался на ремонт и украшение храма Посейдона.[1]

Вместе с ростом внешней торговли оживились в городах Боспора и местные ремесленно-промышленные производства, приобретшие теперь еще более значительный удельный вес в хозяйственной жизни Боспора, нежели в период Спартокидов.

Керамические мастерские выпускали много разнообразной посуды, а также амфоры, в которых транспортировалось вино и соленая рыба. Обильно изготовлялась черепица. Местными коропластами выпускалось большое количество художественных терракотовых статуэток.

О техническом уровне керамического производства Боспора в первые века нашей эры дают представление открытые в Пантикапее, Нимфее и Фанагории остатки обжигательных печей.

Раскопками на западной окраине пантикапейского городища открыты развалины огромной круглой гончарной печи, относящейся к III в. н. э. и представляющей собой весьма внушительное сооружение.[2] Кольцевой корпус печи и все другие части ее построены из крупных сырцовых кирпичей (глина смешана с рубленой соломой). Печь состояла из двух расположенных одно над другим помещений: внизу находилась обшир-

[1] Рыбозасолочные сооружения Тиритаки изданы в МИА, № 4. 1941; МИА, № 25, 1952; см. также статью: В. Ю. Марти. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 94 сл.

[1] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 204.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934.

ная топка, а под ней помещалась обжигательная камера, имевшая куполообразное покрытие. Посредине топки стоял большой четырехгранный столб, поддерживавший топочные перекрытия, на которых был устроен ровный под обжигательной камеры со сквозными жаропроводными отверстиями для циркуляции раскаленных топочных газов. Посуда размещалась внутри этой обжигательной камеры. Внизу в топке сжигалось топчатые перекрытия. На них устроен под обжигательной камеры, имеющий три ряда жаропроводных отверстия. В фанагорийской печи хорошо сохранился загрузочный ход, через который в обжигательную камеру вносили изделия при загрузке печи и через который вынимали уже готовую, подвергшуюся обжигу продукцию.

На основании найденных в фанагорийской и пантикапейских печах обломков ке-

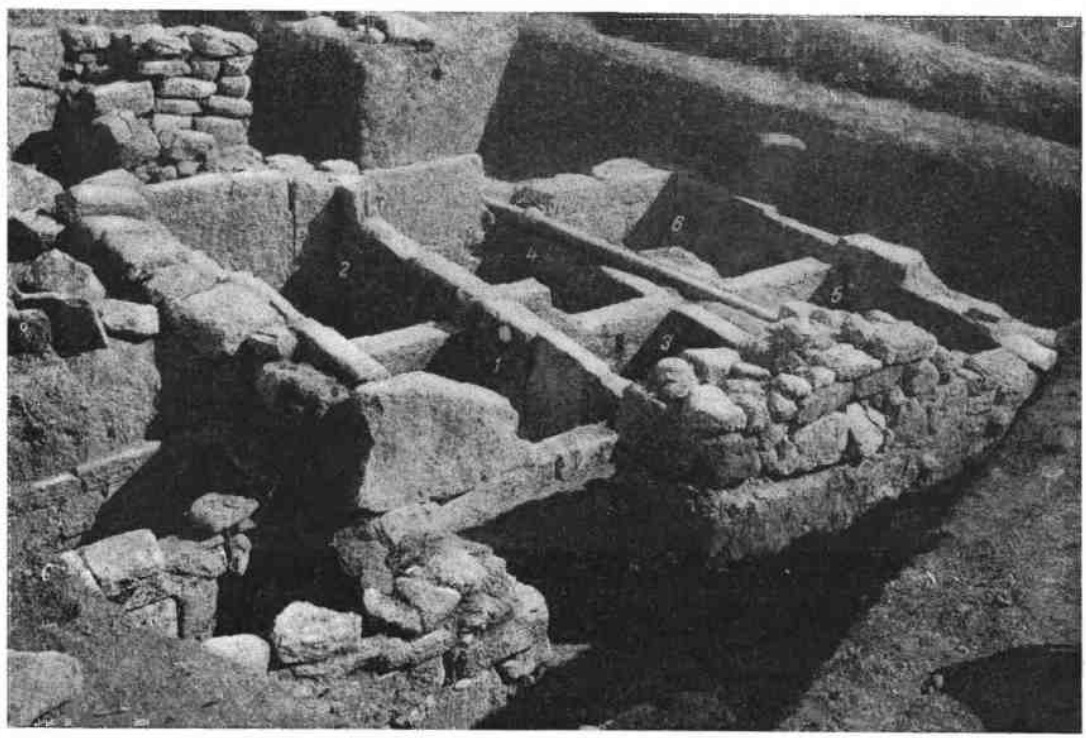

Рис. 45. Группа рыбозасолочных ванн (*1—6*) I—II вв. н. э. в Тиритаке.

ливо, горячие газы из топки проходили через жаровые отверстия в посудную обжигательную камеру, расположенную наверху, и далее выходили наружу через дымовытяжное отверстие в куполовидном перекрытии печи. Нижняя часть печи была вкопана в землю и только перед топочным устьем находилась небольшая яма. В этой яме при обжиге должен был находиться источник, подававший топливо в топку, регулировавший огонь и т. д.

Аналогично устроенная большая печь, но еще лучше сохранившаяся, открыта и на окраине городища Фанагории. Печь эта также круглая, посредине топки — большой четырехугольный столб, поддерживающий свод-

рамики установлено, что в них обжигали главным образом большие амфоры[1] и пифосы. Амфоры были остродонными, поэтому для установки их в обжигательную камеру применялись круглые, муфтообразные, слегка расширяющиеся книзу глиняные подставки. В промежутках между крупными изделиями в печах обжигались и более мелкие вещи, например тарелочки и другие предметы.

Обильно выпускались боспорскими ремесленниками разнообразные изделия из

[1] О производстве боспорских амфор в первые века нашей эры см.: И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 161 сл.

металла, в том числе ювелирные изделия. В ювелирном искусстве, как и в других отраслях художественных ремесел, очень ярко отражались вкусы населения городов Боспора, в составе которого теперь все более увеличивался удельный вес эллинизованных выходцев из местных племен, особенно сарматов.

Экономический подъем Боспора в первые века нашей эры, накопление больших богатств в руках рабовладельческого класса создали возможности для оживленного строительства в городах (рис. 46). Возводились храмы и другие монументальные постройки, перестраивались и реконструировались оборонительные сооружения, для богатой знати строились дорогие погребальные склепы, украшавшиеся стенными росписями. Создавались и новые города. Так, для обороны подступов к столице государства — Пантикапею — в I в. н. э. был построен город-крепость Илурат, развалины которого лежат в 17 км к юго-западу от Керчи и в настоящее время раскапываются.[1]

Илурат представлял собой мощную крепость, расположенную на возвышенности, ограниченной с двух сторон крутыми склонами (рис. 47). Оборонительные стены и башни поражают своей монументальностью — стены имели толщину более 6 м. Внутри крепости находился регулярно распланированный город с жилыми кварталами, прямыми улицами и переулками (рис. 48, 49).

В каменных домах здесь обитали жители, занимавшиеся земледелием и скотоводством, а также домашними ремеслами. Очевидно, население имело право пользоваться земельными угодиями, расположенными вокруг крепости, но за это оно обязано было обслуживать последнюю. Мужское население Илурата выполняло функции гарнизона крепости. Характерно, что оборонительные сооружения внутри крепости тесно связаны с жилыми домами — ходы на оборонительные стены, входы в башни расположены во дворах домов, примыкающих вплотную к линии стен. Есть все основания рассматривать Илурат как военно-земледельческое поселение, построенное боспорскими царями по военно-стратегическим соображениям.

Рис. 46. Строительная надпись из Горгиппии (конец I—начало II в. н. э.).

В первые века нашей эры в экономической жизни Боспора стали появляться некоторые новые черты. Серия эпиграфических документов (манумиссий) I—III вв. н. э., посвященных отпущению рабов на волю,[1] свидетельствует, что и на Боспоре стала осознаваться недостаточная выгодность рабского труда. В это время расширилась эксплуатация полусвободных зависимых земледельцев, именовавшихся пелатами.

[1] О раскопках Илурата см.: СА, XIII, 1951, стр. 173—204; КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 203 сл., XLV, 1952, стр. 97 сл.

[1] Об известных в настоящее время боспорских манумиссиях I—III вв. н. э. см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 363.

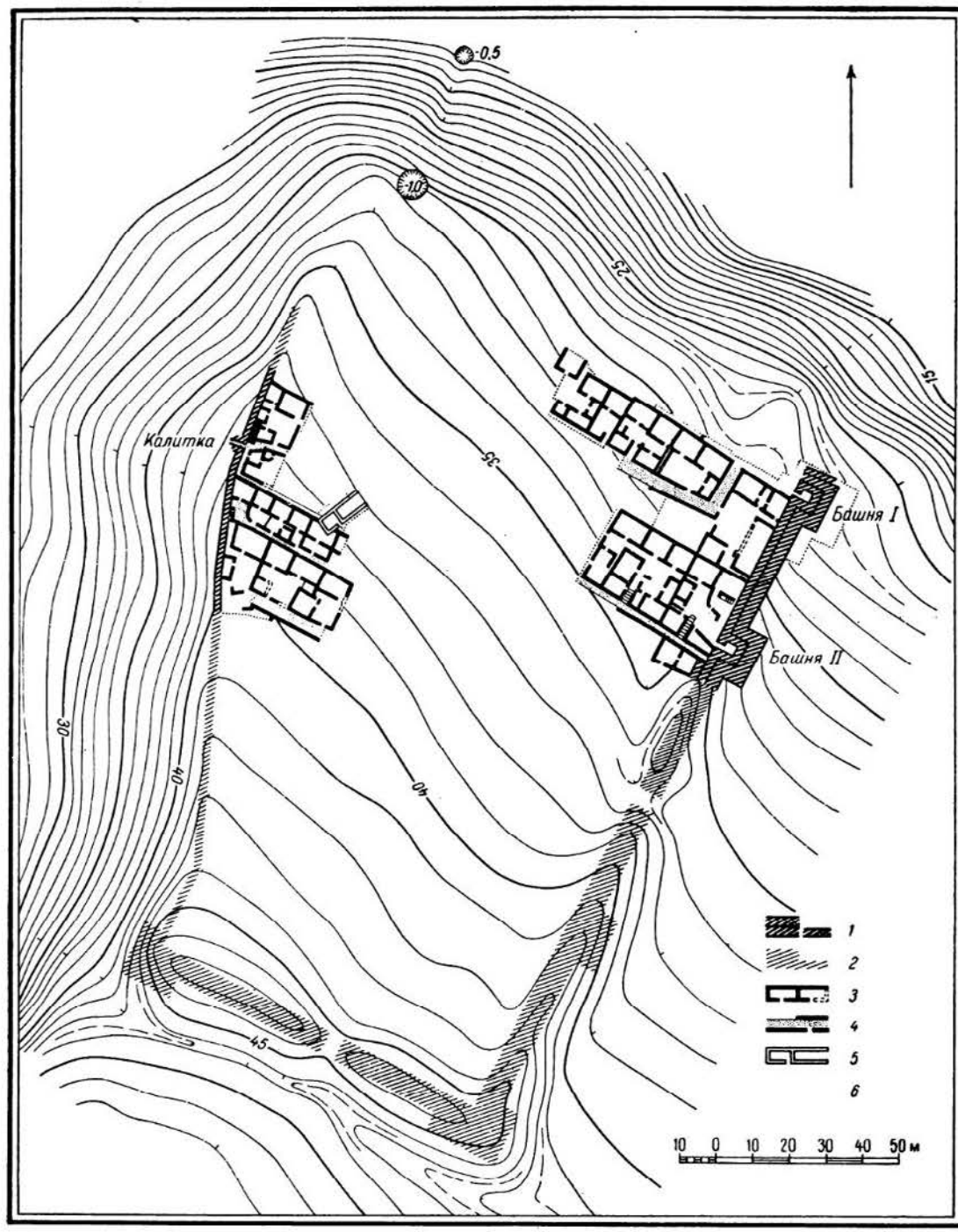

Рис. 47. Илурат — план городища.

1 — открытые раскопками оборонительные стены и башни; *2* — нераскопанные оборонительные сооружения; *3* — здания жилых кварталов I—III вв. н. э.; *4* — улицы и переулки; *5* — здание VIII—IX вв.; *6* — границы раскопанных участков.

Рис. 48. Илурат. Общий вид раскопок квартала, прилегающего к восточной оборонительной стене и башне II.

Рис. 49. Илурат. Общий вид раскопок квартала, прилегающего к западной оборонительной стене.

Об этом свидетельствует эпиграфический памятник из Фанагории,[1] из которого следует, что некий Литодор посвятил богине Афродите вместе с пелатами земли в Фианнеях (повидимому, где-то около Фанагории). С течением времени хозяйство пришло в упадок. Боспорский царь Римиталк в 151 г. н. э. поручил заведующему священными делами, т. е. делами культа, Александру сыну Мирина собрать и восстановить все прежние владения вместе с находившимися на них пелатами. Из текста следует, что пелаты были связаны с землей, принадлежавшей сначала какому-то частному лицу; очевидно, они занимались земледельческим трудом, отдавая натурой значительную долю плодов своего труда владельцу земли. При посвящении земли Афродите она была передана храму вместе с пелатами. Последние, таким образом, были неотъемлемой ее частью.

Термин «пелаты» у античных авторов применялся и к наемным рабочим типа фетов, и к зависимым земледельцам, которые были обременены долгами и должны были на тяжелых арендных условиях обрабатывать земли богатых. Таково было положение бедных в Афинах перед реформой Солона; их называли, как говорит Аристотель, шестидольниками и пелатами. В Иллирии проспелатами называли покоренных и поставленных в зависимое положение туземцев.

Термин «пелаты» для римского периода применялся по отношению к клиентам и всякого рода зависимым, которые у Дионисия Галикарнасского сравнивались с пенестами.[2]

Пелаты, упоминаемые в фанагорийской надписи, скорее всего являлись зависимыми земледельцами и, по всей вероятности, аборигенными жителями. Будучи посвященными вместе с землей в храм, они принуждены были работать на него, может быть на положении так называемых иеородулов, которые часто встречаются в малоазийских святилищах. Повидимому, в это время эксплуатация такого рода зависимых земледельцев стала еще более распространенной, чем в ранний период правления Спартокидов.

Экономический подъем I—II вв. вызвал рост благосостояния Боспора и дал возможность боспорским землевладельцам, купцам, судохозяевам, промышленникам, откупщикам податей и другим представителям господствующего слоя снова быстро накопить богатства. Памятники материальной культуры и прежде всего многочисленные богатые погребения пантикапейского некрополя подтверждают процветание Боспора в I—II вв. и начале III в. н. э.[1] Характерной особенностью развития культуры Боспора этого периода является интенсивное усиление роли местных элементов. В боспорские города постепенно вливалось все больше и больше выходцев из местных племен. Значительный процент при этом приходился на сарматов, инфильтрация которых на Боспор происходила, повидимому, преимущественно со стороны Прикубанья. Приток сарматов в Прикубанье из степных районов начался рано: в III—II вв. до н. э. они уже обнаруживаются в составе прикубанского населения. Здесь сарматы смешивались с коренными меотскими племенами.[2] В дальнейшем прилив стал еще более интенсивным, что уже нашло свое яркое отражение в характере культуры Прикубанья, приобретающей с I в. до н. э. вполне выраженный сарматский облик.[3]

Очевидно, из Прикубанья сарматские этнические элементы проникали и на территорию собственно Боспора, как азиатской, так и европейской его частей. Попадая сюда, сарматы ассимилировались боспорским населением, подвергались в какой-то мере эллинизации, особенно в городах, где они уже становились «боспорянами». Хотя, вливаясь в состав боспорского населения, сарматы и подвергались эллинизации, т. е. усваивали греческий язык и присущие боспорцам культурные навыки, тем не менее, все более увеличивавшаяся прослойка таких жителей, которые генетически были связаны с сарматскими племенами,[4] не могла не оказывать со своей стороны влияния на характер культуры Боспора.

В обиходе жителей городов и селений Боспора в это время получает распростра-

[1] IPE, II, 353.
[2] В. В. Струве, ук. соч., стр. 36—37.

[1] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 76—82.
[2] К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры, СА, XVII, 1953, стр. 141 сл.
[3] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 206.
[4] Приток сарматского элемента на Боспор нашел свое отражение, между прочим, в сильно увеличившемся в первые века нашей эры количестве сарматских, т. е. иранских, личных имен в боспорских надписях.

нение сарматского типа посуда, с характерными для последней техническими приемами выделки и художественного оформления (лощение поверхности, ручки сосудов в виде зверей и т. д.). Под влиянием вкусов сарматского населения боспорские мастерские ювелиров и металлистов начинают широко изготовлять разнообразные вещи и прежде всего предметы украшения — «полихромного стиля». Поверхность таких металлических изделий богато инкрустирована цветными камнями или стеклом.[1]

Рис. 50. Плита со знаком Савромата II (конец II—начало III в. н. э.).

Сильно сказывалось сарматское воздействие на военное дело Боспора. В первые века нашей эры боспорское войско было снабжено оружием (длинные мечи, кинжалы с кольцевым навершием) сарматского типа. Большую роль играло в это время конное войско, вооруженное длинными мечами и сарматскими копьями — пиками. В качестве оборонительных доспехов воины носили конические или яйцевидные железные шлемы и кольчуги или панцырные длинные рубахи, состоящие из железных пластин.[1]

Одним из интересных проявлений «сарматизации» Боспора является широкое распространение, начиная с I в. н. э., тамгообразных знаков, значение которых еще полностью не выяснено. Предполагается, что этими знаками обозначалась принадлежность к определенному роду; в дальнейшем они стали персональными символами, эмблемами отдельных семей и их членов. Знаки высекались на плитах (в частности на надгробиях), помещались на отдельных предметах обихода (пряжки, конская сбруя). Боспорские цари пользовались такими тамгами-знаками в качестве своего рода личного герба[2] (рис. 50).

Принимая во внимание приток сарматского населения и его роль в жизни Боспорского государства, последнее не без основания называют в период первых веков нашей эры греко-сарматским государством. Хотя культура Боспора продолжала в основе своей оставаться греческой, она впитала в себя, особенно на протяжении первых веков нашей эры, так много местных элементов, в том числе сарматских, что без учета роли местных этнических сил в сложении боспорской культуры данного периода совершенно невозможно ее правильное понимание.[3]

---

[1] См. в настоящем томе статью Е. О. Прушевской «Художественная обработка металла. (Торевтика)», стр. 351.

[1] Представление о вооружении боспорского войска первых веков нашей эры дают находки предметов оружия в могилах жителей боспорских городов, а также многочисленные надгробия, на которых в это время очень часто изображаются боспорцы-воины, и росписи пантикапейских погребальных склепов; особенно в этом отношении интересен склеп, открытый в 1872 г. («стасовский»); см. в настоящем томе статью Е. В. Ернштедт «Монументальная живопись северного Причерноморья», стр. 275 сл.

[2] См.: В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 427 сл.

[3] Конечно, значительная доля условности содержится в понятии «греко-сарматский Боспор», как и в определении «греко-скифский Боспор» для более раннего периода, ибо справедливо подчеркивая значение сарматских элементов в первые века нашей эры, мы в то же время должны иметь в виду, что на Боспоре продолжало существовать и прежнее негреческое по своему происхождению население (скифы — на европейской стороне, синды — на азиатской), хотя уже к этому времени они почти полностью эллинизовались.

Территория Боспорского государства в первые века нашей эры была не меньше, чем во времена Спартокидов (рис. 51). Больше того, Боспору, как известно, долгое время принадлежал и Херсонес, пока он не получил полную автономию при императоре Антонине Пие. С тех пор западная граница Боспора проходила примерно несколько западнее Феодосии. На востоке Боспор владел обширной территорией до Горгиппии включительно, а вдоль Азовского моря его владения доходили до Танаиса. Город Танаис в первые века нашей эры играл важную роль торгового центра, через который греческими, главным же образом боспорскими, купцами велся широкий обмен с населением Подонья. Особенностью Танаиса была исключительная смешанность населения, в состав которого входило очень большое число сарматов. Это накладывало особый отпечаток на весь уклад жизни Танаиса, структура административного управления которого была особо приспособлена к специфическим местным условиям (подробнее об этом см. ниже).

Внутренний государственный строй Боспора в первые века нашей эры сохранил форму монархии, каковым он был уже и при Спартокидах, с той лишь разницей, что если при Спартокидах, еще оставались некоторые, правда, очень слабые пережитки полисной системы (элементы внутреннего городского самоуправления, чеканка монет от имени городской общины и т. п.), то теперь от них не осталось почти и следа[1]. В руках царя сосредоточилась полностью верховная власть, управление всем государством, он же являлся и верховным командующим, предводителем войска, которое формировалось не из наемников, как это было при Спартокидах, а из самих боспорцев, из городского населения, а также из состава подвластных местных племен. На монетах встречаются изображения царя на коне в полном вооружении, попирающего на земле врага, а в надписях неоднократно упоминаются победы царей над «варварами». Царь продолжает быть верховным распорядителем и владельцем всех земель, которые предоставлялись во владение его приближенным, а также храмам.

Боспорские цари подобно эллинистическим монархам окружали себя придворной знатью, так называемыми аристопилитами (ἀριστοπυλεῖται), которым поручались различные должности по управлению государством. Царь сам выбирал и назначал угодных ему лиц и сам же их смещал. Это были лица, принадлежавшие к классу рабовладельцев: богатые землевладельцы, купцы, судовладельцы и т. д.

Исполнительная власть находилась в руках назначавшихся царем лиц, которым поручалось управление отдельными областями и городами, а также в руках чиновников, на которых возлагались различные обязанности по отдельным отраслям государственного управления и придворной службы.

Высшей была должность наместника царства или начальника царской резиденции (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας), повидимому, ближайшего помощника царя. Иногда эта должность совмещалась с другими должностями.

Должность наместника не была пожизненной. Известен, например, бывший наместник царства, выполнявший обязанности жреца в религиозном фиасе судовладельцев Горгиппии. Лица, занимавшие указанную высокую должность, принадлежали к господствующему классу, тяготевшему к Риму; часто в надписях отмечается, что такой-то наместник «известен Августам»; один из них был даже римским всадником. Высказывалось предположение, что эти лица были военными агентами римского императора, но для подтверждения такого предположения данные отсутствуют.

Должность политарха, градоначальника (πολειτάρχης), упоминается только в одной

[1] Среди эпиграфических памятников Боспора имеется найденное в 40-х годах XIX в. в Керчи надгробие с обычным рельефом и надписью I в. н. э. Материалом для надгробия послужила плита, на которой несколько раньше был вырезан текст какого-то постановления (повидимому, почетного декрета), изданного от имени «совета и народа». Остатки этой первоначальной надписи частично уцелели на надгробии. Очевидно, она представляла собой копию декрета, изданного в каком-то греческом городе, отметившем заслуги одного из жителей Пантикапея. Такого рода копии почетных надписей нередко ставились в греческих городах. Совершенно невозможно согласиться с попыткой некоторых исследователей (см.: К. М. Колобова, ук. соч., стр. 55) усмотреть в указанном фрагменте надписи свидетельство существования в Пантикапее в I в. н. э. присущих греческим полисам органов самоуправления — народного собрания и совета, издающих от своего имени постановления типа почетных декретов. Такими правами гражданская община пантикапейцев не обладала даже в те времена, когда боспорские правители из династии Спартокидов еще именовали себя «архонтами» по отношению к городам Боспора.

Рис. 51. 1 — города, 2 — валы

надписи на памятнике, поставленном в честь царя Тейрана, и, повидимому, относится к лицу, стоявшему во главе Пантикапея. О существовании других органов гражданской власти в Пантикапее ничего не известно. Специальная должность наместника Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) была создана для управления этим городом, являвшимся важным пограничным пунктом Боспора в Крыму. Некий Валерий Сог — начальник Феодосии, «известный Августам», — удостоился каких-то почестей от Диоклетиана и Максимиана. Аналогичные функции на азиатской стороне Боспора выполнял наместник Горгиппии (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας).

Интересно, что некоторые из бывших царских сановников иногда принимали деятельное участие в жизни боспорских городов. Так, в Китее бывший начальник царской конюшни (πρὶν ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος) заведовал работами по постройке храма «богу гремящему» и сам вложил в храм денежные средства, проценты с которых должны были итти на священные нужды. В одном из боспорских поселений, как гласит надпись, найденная у деревни Осовины на берегу Азовского моря, бывший управляющий царским двором (πρὶν ἐπὶ τῆς αὐλῆς) позаботился о восстановлении башни.

Для управления азиатской стороной Боспора имелась специальная должность начальника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), о которой упоминается уже в надписи времен Аспурга. Под островом следует понимать часть Таманского полуострова, бывшую в античный период островом. Местом пребывания начальника острова была, возможно, Фанагория. Последняя пользовалась некоторыми правами самоуправления и имела свое народное собрание и совет, деятельность которых, однако, находилась, повидимому, под контролем царского наместника — начальника острова. Во время господства на Боспоре Митридата Фанагория, как известно, первой подняла против него восстание, за что Помпей, утверждая Фарнака царем Боспора, предоставил Фанагории автономию. Но когда Фарнак предпринял поход в Малую Азию для отвоевания от Рима Понтийского царства, Фанагория была снова включена в состав Боспора.

В дальнейшем этот город принадлежал Боспору, сохраняя, однако, известные элементы организации полиса и право непосредственного сношения с Римом. В Риме была найдена надпись, в которой упоминается посол фанагорийцев.

В надписи III в. н. э. в честь царя Тейрана, где перечислен целый ряд царских чиновников, начальник острова не упоминается, но зато назван начальник аспургиан (ὁ ἐπὶ τῶν Ασπουργιανῶν). Повидимому, аспургианы, жившие между Фанагорией и Горгиппией, были подчинены начальнику острова, который, может быть, в III в. н. э. назывался начальником аспургиан.

Как уже отмечалось выше, особого наместника имела и Горгиппия (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας). Один наместник Горгиппии в 110 г. построил храм Афродите Навархиде на собственные средства, другой был членом горгиппийского религиозного общества судовладельцев.

Своеобразная форма управления была создана в Танаисе, где были особенно сильны местные элементы; это устройство засвидетельствовано танаидскими надписями II и III вв. н. э.[1] В это время в Танаисе во главе управления стоял легат или наместник (πρσβευτής, πρεσβευτὴς βασιλέως), назначавшийся боспорским царем. Зависимость Танаиса от Боспора приняла, следовательно, к этому времени уже вполне законченный характер. Обычно легат назначался царем из числа его приближенных, служебная деятельность которых протекала раньше в центральных районах Боспора. Так, упоминаемый в одной из танаидских надписей легат Юлий сын Менестрата был, повидимому, раньше хилиархом (тысяченачальником) в Гермонассе; уже состоя легатом Танаиса, он продолжал сохранять придворную должность «главного царского спальника».[2] Другой легат, Зенон (сын Зенона и внук Дады) был сыном лица, ранее занимавшего на Боспоре должность стратега граждан.[3] Но бывали также случаи назначения легата из числа знатных танаидских граждан. Ряд надписей дает, например, возможность установить некоторые подробности деятельности Хофрасма (сына Хофрасма сына Форгабака), в 236 г. занимавшего должность легата царя Ининфимея.[4] До того в течение 16 лет он постоянно встречается среди наиболее вид-

---

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949.
[2] IPE, II, 426.
[3] IPE, II, 423.
[4] IPE, II, 434.

ных граждан Танаиса — то в различных должностях религиозных союзов, объединявших танаидскую знать, то среди лиц, заботившихся о постройке и ремонте городских сооружений.

Второе после легата место занимали в Танаисе архонты — должность, представлявшая, как известно, высшую магистратуру греческих городов. Но в Танаисе эта должность приобретает черты, в которых ярко проявляется своеобразие Танаиса. Здесь имелись две должности — должность архонта Танаиса или архонта танаитов (ἄρχων Τανάεως, ἄρχων Ταναειτῶν) и должность эллинарха (ἑλληνάρχης). Эллинарх всегда бывал один, архонтов танаитов было, повидимому, четверо, причем один из них был главным, архонтом-эпонимом. Очевидно, эллинарх, во всяком случае первоначально, был должностным лицом греческой части населения Танаиса, архонты танаитов — туземной. Это предположение подтверждается именами известных нам эллинархов и архонтов танаитов: архонты танаитов носят, в общем, гораздо более выраженные местные имена, чем эллинархи. В то время, к которому относятся все надписи, упоминающие представителей обеих указанных должностей (III—II вв. н. э.), деление на «эллинов» и «танаитов» представляет в значительной степени пережиток. Представители обеих групп сообща участвуют в организации строительных и ремонтных работ, являются членами объединяющих танаидскую знать религиозных союзов и т. д. Но не подлежит сомнению, что это устройство создалось в обстановке борьбы между двумя этническими группами: оно явилось тем компромиссом, который в какой-то мере должен был удовлетворить интересы обеих этнических групп. Просодик (буквально «доходчик») ведал, очевидно, финансами. Должностными лицами, назначаемыми специально для каждого случая, были эпимелеты, ведавшие организацией различных общественных работ. Наконец, в надписях упоминаются и ответственные производители строительных работ — архитекторы; наиболее часто упоминающийся в надписях архитектор носит римское имя Аврелия Антонина.

По отдельным отраслям государственного управления на Боспоре существовал также ряд должностей.

Специальные должностные лица ведали финансовыми делами. Существовала особая канцелярия по сбору доходов, состоящая из нескольких чиновников, среди которых бывали и вольноотпущенники. Около одного из курганов на Юз-Обе найдена плита с надписью II—I вв. до н. э., в которой названы трое чиновников из канцелярии по сбору доходов (οἱ ἐπὶ τὸν προσοδικὸν ἐπιστολογραφίου);[1] ввиду того, что в надписи названы только личные имена чиновников, без имен их отцов, можно предположить, что они были вольноотпущенниками.

Кроме того, существовала должность царского казначея (βασιλικὸν ταμίαν), очевидно, ведавшего царской казной, а также должность начальника отчетов (ὁ ἐπὶ τῶν λόγων), по всей вероятности, также финансового характера. В одной горгиппийской надписи среди членов религиозного союза упоминается трое лиц, ведавших податями, отдаваемыми на откуп (ἐγκυκλίων οἰκονόμαι).

Из судебной области нам известно только одно должностное лицо — исполнитель судебных приговоров (δικῶν πράκτωρ) Сорак сын Сорака, носивший сарматское имя; в память его была написана стихотворная эпитафия в одном из пантикапейских склепов. Была специальная должность заведующего священными делами. Исполнявшим ее поручалось, например, приведение в порядок пришедших в упадок храмовых земельных угодий, ремонт храмов и другие дела.

Из военных должностей на Боспоре нам известны начальник отряда — лохаг, тысяченачальник — хилиарх, начальник морского флота — наварх. Повидимому, были и стратеги: в Пантикапее часть некрополя носила специальное название — «места стратегов».

В государственном аппарате Боспора существовал также целый штат секретарей: главный секретарь (ἀρχιγραμματεύς), затем носящий особое название ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, возможно, личный секретарь царя, и просто секретари (γραμματεῖς), т. е. государственные писцы.

Поскольку Боспору приходилось вступать в сношение с различными соседними племенами, необходимо было держать специальных переводчиков. Нам известны переводчик сарматов Аспург, очевидно, сарматского происхождения, главный переводчик аланов Ирак, вероятно, аланского происхо-

[1] ВДИ, № 1, 1941, стр. 211—212.

ждения. Последний стоял во главе штата переводчиков.

Эпизодический и почетный характер носила должность эпимелета. Эпимелеты по большей части наблюдали за постройкой различных общественных сооружений. Засвидетельствована еще должность стоящего во главе педагогического учреждения (ὁ ἐπὶ τοῦ παιδαγωγίου); возможно, что это учреждение было не частное, а государственное, так как обозначение этой должности выражалось в той же форме, как и государственные должности.

При боспорском дворе имелся также, по образцу восточных монархий, целый штат царских придворных, непосредственно обслуживающих царя и носящих пышные названия. Среди них первое место занимал управляющий двором (ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς), был хранитель придворной сокровищницы (ὁ περὶ αὐλὴν γαζοφύλαξ), сохранивший в своей титулатуре персидское название, существовал штат постельников (κραβατάριος) с главным спальником (ἀρχικοιτωνείτης) во главе, начальник царской конюшни (ὁ ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος). Были при дворе и евнухи. Известно надгробие, поставленное в память одного из таких евнухов.

Таким образом, государственный строй Боспора в первые века нашей эры представлял монархию, возглавляемую единоличными правителями-царями, опиравшимися как на местную, так и греческую знать, образующую господствующий класс — рабовладельцев: землевладельцев, купцов и промышленников.

Управление государством осуществлялось через сложный и громоздкий бюрократический аппарат придворных чиновников.

Во II в. и в первое десятилетие III в. н. э. Боспор был сильным государством. Надпись 123 г. в честь Котиса II (123—132) говорит о победе над скифами.[1] Танаидская надпись 193 г. рассказывает о победе Савромата II (174—210) над скифами и сирахами, о присоединении к боспорским владениям Таврики «по договору», об очищении южной части Черного моря от пиратов силами боспорского флота,[2] что имело весьма важное значение для торгового обмена Боспора с южным Причерноморьем.

В течение длительного времени происходившее соперничество скифского царства с Боспором, принимавшее неоднократно форму военных столкновений, закончилось в конечном итоге победой Боспора. Повидимому, Савромату II удалось установить протекторат над скифским государством, распространить (хотя бы формально) свою власть и над территорией, принадлежавшей до того скифам. Это подтверждается дошедшей до нас надписью Рискупорида III, царствовавшего после Савромата II. В ней Рискупорид назван «царем всего Боспора и тавроскифов».[1]

Города Малой Азии, извлекавшие немало коммерческих выгод от торговых сношений с Боспором, неоднократно выражали свою признательность боспорским царям. В 221 г. жители города Амастрии через своих послов воздвигли в Пантикапее статую в честь Рискупорида III (210—228), причем в посвятительной надписи Рискупорид назван царем Боспора, окрестных народов, другом римлян и другом эллинов, благодетелем амастрийцев.[2] Аналогичным образом поступили в 223 г. жители вифинского города Пруссы.[3] Об экономической состоятельности Боспора в конце II в.—первой половине III в. н. э. говорят и танаидские эпиграфические документы, из которых следует, что в конце II в. и первые десятилетия III в. н. э. (датированные надписи доходят до 236 г.) в городе неоднократно производилось восстановление городских стен, башен, ворот, отстраивался эмпорий, т. е. торговая гавань Танаиса, а также рыночная его площадь — агора. Стало быть, материальные ресурсы Боспора были еще таковы, что позволяли поддерживать благоустройство города, расположенного на отдаленной окраине государства.

В той же связи следует отметить надпись 223 г. н. э. на храмовом столе из боспорского города Китея. В ней сообщается о сооружении жителями Китея храма, посвященного безымянному «богу гремящему», с прилегающими к храму постройками.[4] Этот факт также подтверждает достаточно высокий материальный уровень боспорских городов

[1] IPE, II, 27.
[2] IPE, II, 423.

[1] В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 112.
[2] IPE, II, 42.
[3] IPE, II, 43.
[4] ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 60—64.

еще в начале III в. н. э. С середины III в. начинается постепенный упадок Боспора, развившийся в обстановке общего кризиса античной рабовладельческой системы, экономического регресса и резко обострившейся классовой борьбы. Для этого периода характерна борьба различных претендентов на царский трон. Судя по монетам в 253/4 г.[1], власть на Боспоре на короткое время удалось захватить некоему Фарсанзу, имя которого говорит о принадлежности его к «варварской» среде. Как раз в это время в пределы Боспорского государства вторглись готы и бораны,[2] причем боспорские власти не только не могли оказать сопротивление, но вынуждены были им содействовать путем предоставления флота для дальнейшего продвижения на города кавказского и малоазийского побережья. Многократно повторявшиеся во второй половине III в. походы готов, к которым примкнули и другие племена северного Причерноморья, на Малую Азию и даже на Грецию подрывали торговлю на Черном море. Последнее обстоятельство губительно отражалось на экономике Боспора, на благосостоянии государства.[3] Экономический кризис ярко сказался и на монетном деле Боспора. Деньги быстро обесценивались, а в 30-х годах IV в. н. э. вообще прекратился выпуск боспорских монет.

К числу характерных явлений в общественной жизни Боспора во II—III вв. н. э. относится широкое распространение фиасов (θίασοι) или синодов (σύνοδοι), т. е. религиозных союзов, объединявших представителей господствующего класса и являвшихся одной из форм консолидации сил рабовладельцев в период, когда уже назревало крушение рабовладельческой системы. Эти союзы объединяли группы жителей, исповедовавших культ безымянного «всевышнего бога» (θεὸς ὕφιστος), свидетельствующего о распространении на Боспоре в рассматриваемый период монотеистических тенденций в области религии.

Фиасы имели свою организацию: во главе каждого союза обычно стоял жрец и синагог («сводитель»), созывавший собрания членов союза, устраивавший культовые трапезы и т. д. Кроме того, в союзах существовал ряд должностей вплоть до секретаря и казначея. По сохранившимся некоторым спискам членов такого рода религиозных союзов видно, что в них участвовали крупные государственные чиновники, царедворцы и другие представители рабовладельческой верхушки.[1]

В начале IV в. н. э., в связи с наступившей кратковременной стабилизацией Римской империи, внимание последней к северному Причерноморью снова усилилось. Надпись 305/6 г. н. э. боспорского царедворца, наместника Феодосии, Аврелия Валерия Сога, о постройке еврейской молельни в Пантикапее называет Сога «известным Августам, удостоенным почестей Диоклетиана и Максимиана».[2] Боспор продолжал быть самостоятельным государством, управляемым царем Фофорсом (278—307) и поддерживавшим связь с империей. Но сколько-нибудь эффективной поддержки рабовладельческому Боспору Римская империя не могла оказать в этот критический для нее самой период, когда близился конец изжившей уже себя античной рабовладельческой системы.

Ожесточенная внутренняя классовая борьба и натиск «варваров» извне привели Боспорское рабовладельческое государство в IV в. к окончательному распаду. Начиная с 40-х годов IV в. нет никаких документов, удостоверяющих наличие на Боспоре нормально действующих органов государственной власти. Известно, что в 362 г. посольство боспорцев направилось с дарами к императору Юлиану с просьбой оказать помощь, обеспечить мирную жизнь «в пределах родной земли», причем боспорцы готовы были платить за это ежегодную дань. Многие боспорские поселения и города стали быстро хиреть и замирать.

---

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 209.

[2] Zosim., I, 2, 3 = SC, I, стр. 790. См.: М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма, МИА, № 34, 1953, стр. 322 сл.

[3] Во второй половине III в. н. э. во многих населенных пунктах Боспора жизнь прекратилась и они опустели.

[1] Более подробно о боспорских фиасах см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 431. Культ безымянного «всевышнего бога», повидимому, был синкретическим; в образе этого бога сочетались черты греческого Зевса и иудейского Ягве; по предположению Н. И. Новосадского, в сложении данного культа сыграло некоторую роль и влияние христианской религии.

[2] В. В. Латышев. Эпиграфические находки из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 26.

Разрушительное нашествие гуннов в 70-х годах IV в. н. э. явилось завершающим ударом по Боспорскому государству. Оно уже не было в состоянии оказать сопротивление страшному и небывалому по своей жестокости и разрушительной силе вторжению гуннов, подвергших разграблению и сожжению бóльшую часть городов и поселений Боспора, в которых еще продолжалась жизнь в IV в.

В значительном числе боспорских населенных пунктов как на Керченском, так и на Таманском полуостровах жизнь полностью прекратилась. В IV в. закончил свое существование и Танаис. Но Пантикапей и некоторые другие боспорские города, хотя и подверглись сильному разрушению, продолжали все же существовать и в V в., являясь торговыми и ремесленными центрами, в деятельности которых были заинтересованы новые хозяева бывших владений Боспорского государства в лице различных племен (аланы и др.).[1] В VI в. н. э. Пантикапеем и бывшими владениями Боспорского государства у Керченского пролива завладела Византийская империя. В пантикапейской надписи 522 г. (время императора Юстина I) говорится о постройке башни при царе Диуптуне из династии Тиберия Юлиев.[2] Стало быть, в Пантикапее (именовавшемся теперь обычно Боспором) в какой-то мере уцелели и остатки боспорской рабовладельческой знати. Но это уже был новый период в истории северного Причерноморья, период раннего средневековья, время формирования новых государственных образований на базе феодальных социально-экономических отношений.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 200 сл.

[2] IPE, II, 49.[1]

А. Н. Зограф

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И МОНЕТНОЕ ДЕЛО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ [1]

Когда греки, ионийцы из Милета и других малоазийских городов, в VII в. до н. э. начали колонизацию берегов Черного моря, у них на родине уже существовала чеканка монет, впервые появившаяся в прибрежных городах Малой Азии на границе VIII и VII вв. Однако денежное хозяйство и здесь было еще очень мало развито. Монеты представляли собой небольшие неправильной формы слиточки с изображениями животных. Изготовлялись они из ценного металла электра — естественного сплава золота и серебра — и в мелкой торговле большой роли не играли. В своих торговых взаимоотношениях с туземцами греческие купцы и поселенцы колоний вынуждены были, надо полагать, на первых порах пользоваться преимущественно простым обменом.

Позже, в VI в., в самой Малой Азии на смену электровым статерам Милета, Самоса, Фокеи и других городов приходят также электровые статеры города Кизика на Мраморном море, которым еще в древности дано было наименование «кизикины». Эти кизикины получили чрезвычайно широкое распространение на восточном побережье Эгейского моря и на Черноморье. Отдельные находки и клады этих кизикинов известны по всему Черноморью, в частности в Ольвии, в Керчи, на Таманском полуострове. Кизикины играли на Черноморье роль основной крупной монеты для междугородского обмена с VI до конца IV в., когда их выпуск прекратился и на смену им пришли золотые статеры Александра Македонского. Кроме находок, о широком распространении кизикинов на рынках северного Причерноморья в указанное время говорят надписи и литературные источники. Так, один ольвийский декрет IV в. до н. э. предписывает размен кизикинов на ольвийскую медную и серебряную монету по определенному курсу, в то время как условия размена других чужеземных монет предоставляются взаимному соглашению участников сделки. В приписываемой Демосфену речи против Формиона (около 328 г. до н. э.) прямо говорится, что долговое обязательство, заключенное в Афинах, выплачивалось на Боспоре кизикинами.

В то же самое время, когда кизикины заняли место основного средства обмена на междугородском рынке, в ряде городов Черноморья, очевидно для удовлетворения нужд образовавшихся на местах внутренних городских рынков, началась чеканка своей монеты. Около середины VI в. на западном побережье город Аполлония (теперь Созопол), на южном — Синопа, на северном — Пантикапей приступают к выпуску серебряной монеты. Так как в это время и во всем Эгейском море еще господствовала эгин-

[1] [Настоящий очерк А. Н. Зографа является кратким изложением второй части его большого труда «Античные монеты», посвященной античным монетам северного Причерноморья (МИА, № 16, 1951, стр. 111—212, табл. XXVIII—L. Библиографический указатель см. там же, стр. 223—227)].

ская монетная система, черноморские города чеканят свою монету на основе несколько облегченной эгинской драхмы (около 5.75 г). Первые монеты Пантикапея имеют на лицевой стороне голову льва впрямь — тип, повторяющий изображения древнейших монет Милета и Самоса, а на оборотной стороне, как и все монеты VI в., — вдавленный четырехугольник без всякого изображения (рис. 1). Характерно то обстоятельство, что вплоть до начала IV в. Пантикапеем выпускаются преимущественно триоболы, диоболы и меньшие номиналы; драхмы чрезвычайно редки. Это свидетельствует о назначении чеканки для внутреннего рынка. Теми же небольшими номиналами ограничиваются и начинающие свою чеканку в конце V и начале IV в. города Феодосия, Нимфей, Фанагория и племя синдов. Нимфей и

Рис. 1. Пантикапей. Вторая половина VI в. до н. э., серебро.

синды, правда, очень скоро прекращают свою чеканку навсегда. Еще меньше монетки с изображением муравья, которые некоторыми учеными приписываются городу Мирмекию; они не превышают гемиобола ($^1/_2$ обола).

В V в. монеты уже носят имена выпустивших их городов в сокращении (ΓΑΝ, ΘΕΥ, ΥΥΝ, ΦΑ) (рис. 2).

Немногим позже Пантикапея, вероятно в последней четверти VI в., начинает выпуск монеты для удовлетворения нужд всего внутреннего рынка Ольвия. Но здесь монетное дело и денежное обращение на первых порах принимают совершенно особенные, нигде больше в Греции не повторяющиеся черты. Только средняя Италия и Рим более двух веков спустя, при возникновении самостоятельного выпуска монеты, переживают аналогичные явления. В качестве основного денежного металла в Ольвии избирается дешевый металл — медь. Поэтому первые ольвийские монеты отличаются большим размером и отлиты они в формах, а не отчеканены штемпелями на маленьких слиточках металла (электре или серебре), как все другие современные им греческие монеты. Самые ранние литые ольвийские монеты представляют собой большие бронзовые дельфины весом больше 100 г (рис. 3). Однако очень скоро, еще до конца VI в., эти дельфины уменьшились в весе, обесценились и были заменены большими

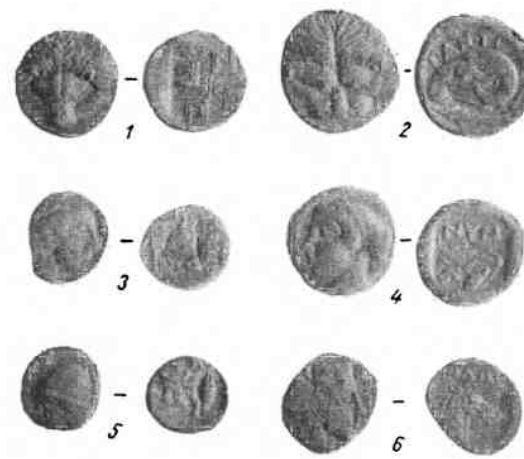

Рис. 2. Серебряные монеты.

1, 2 — Пантикапей, вторая половина V в. до н. э.; *3* — Феодосия, конец V в. до н. э.; *4* — Нимфей, вторая половина V в. до н. э.; *5* — Фанагория, первая половина IV в. до н. э.; *6* — синды, последняя четверть V в. до н. э.

литыми и круглыми монетами в 110—120 г весом.[1] Рядом с этими крупными монетами обесцененные малые дельфины[2] могли сохранить роль разменной мелочи и, может быть, главным образом в религиозно-культовой сфере. Находки этих малых дельфинов

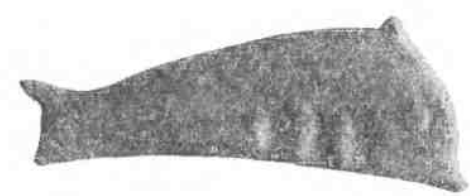

Рис. 3. Ольвия. Медная монета — «дельфин» V в. до н. э.

в погребениях на о. Березани близ руки костяка, т. е. в положении «обола Харона»,

[1] В нашей литературе эти монеты нередко называют «ассами», из-за их близости по внешнему виду к римским либральным полновесным ассам. Этого наименования следует, однако, избегать как явного анахронизма, так как отливка ассов в Риме началась лишь в III в. до н. э., когда в Ольвии полноценная медная монета вышла из обращения и была заменена чеканенной монетой.

[2] [А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXX, рис. 7—10. — *Ред.*].

подтверждают эти предположения. При «расплате» с богами и с загробным миром предпочитают пользоваться утратившими ценность средствами обращения, сохраняя полноценные деньги для живых.

Обращение этих больших литых монет продолжалось около двух столетий. Хорошо известны большие монеты V в. с архаическим горгонеем на лицевой стороне и орлом, вцепившимся когтями в спину дельфина, на

Рис. 4. Ольвия. Медные литые «ассы».
1 — первая половина V в. до н. э.; *2* — вторая половина IV в. до н. э.

оборотной стороне (рис. 4, *1*). Надпись на них APIX, так же как надпись EMINAKO на редких, современных им серебряных монетах, представляет имя заведовавшего выпуском монеты магистрата. Со второй половины IV в. и литые медные монеты (рис. 4, *2*), и современные им серебряные статеры (рис. 5) носят тип головы Деметры в венке из колосьев на лицевой стороне, а на оборотной — изображение орла, ухватившего когтями дельфина, ставшее, очевидно, городской эмблемой, гербом Ольвии. На тех и других теперь помещается имя города ΟΛΒΙΕ или ΟΛΒΙΟ (сокращение вместо ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ). К этому времени относится упоминавшаяся нами выше надпись — декрет о правилах обращения чужестранной монеты. В декрете предписывается покупать и продавать чеканное золото и серебро — кизикины по определенному курсу, а другие монеты по взаимному соглашению — на ольвийскую медную и серебряную монету в определенном месте, у камня в экклесиастерии, где, очевидно, было обеспечено наблюдение со стороны городских властей. Пошлины за размен не взимались, но нарушение вышеуказанных правил каралось конфискацией всего проданного или купленного золота и серебра. Важно отметить, что ольвийская медная монета упоминается на первом месте. Это показывает, что целью декрета было приучить иностранцев к непривычному еще для них обращению на ольвийском рынке медной монеты и обеспечить прием ее в размен иностранных монет.

Вторая половина IV и начало III в. — время наивысшего экономического расцвета Ольвии, сопровождающееся широким развитием монетного дела. Чеканится медная, серебряная и даже золотая монета, правда, последняя преимущественно в небольших номиналах — полудрахмах. Естественно, что неуклюжие большие полноценные литые монеты не могут конкурировать с несравненно более удобной монетой из драгоценных металлов. С ними происходит то же, что позже произошло с римскими литыми ассами. В последней четверти IV в. они уменьшились в весе в 5 раз, превратились из полноценных в разменные, условной стоимости, деньги и к началу III в. исчезли из обращения, уступив место чеканенным монетам.

IV век является и для других городов Черноморья периодом расцвета. Херсонес только в это время, вероятно, в конце первой четверти IV в., начал чеканить свою монету. Но с первых же шагов он выпустил обильные серии серебряных и медных монет, обращающих внимание своей доброкачественностью и изяществом (рис. 6). На них изображена одна только голова или целая фигура городской богини Девы часто в образе, очень близком Артемиде-охотнице, с ее атрибутом оленем. Нередко также изображение головы Геракла (рис. 7), эпонимного героя метрополии Херсонеса —

Гераклеи Понтийской. В противовес Пантикапею и Ольвии, чеканившим серебро по облегченной эгинской норме, Херсонес держался в своей чеканке так называемой хиосской системы (драхма — 3.9 г), полу-

Рис. 5. Ольвия. Серебряные статеры.
1 — вторая половина V в. до н. э.; *2, 3* — вторая половина IV в. до н. э.

чившей распространение в восточной части Эгейского моря на границе V и IV вв. Частично, впрочем, он чеканил серебряные монеты по персидской системе (драхма — 5.6 г), вероятно, в целях поддержания тор-

Рис. 6. Херсонес, IV в. до н. э.
1 — 390—370 гг., серебро; *2* — первая половина IV в. до н. э., медь; *3* — середина IV в. до н. э., серебро; *4* — третья четверть IV в. до н. э., медь.

говых связей с метрополией — Гераклеей, где была принята эта система. Херсонесские монеты, как серебряные, так и медные, чаще и более систематически, чем в других местах северного Причерноморья, снабжались магистратскими именами.

Входившая в состав владений Херсонеса Керкинитида также чеканила монету в IV в., правда, только медную. Изображение

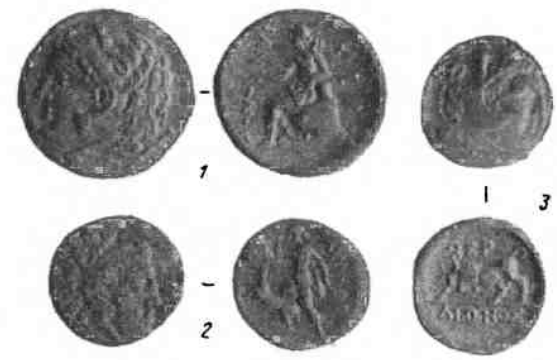

Рис. 7. Херсонес. IV—III вв. до н. э., серебро.

головы Девы и Геракла встречаются и здесь (рис. 8), но особенно интересны изображения на монетах Керкинитиды сидящего на скале скифа (рис. 9). Скиф одет также, как на кульобской вазе, в кафтан без ворота, подпоясанный кушаком; в руках у него

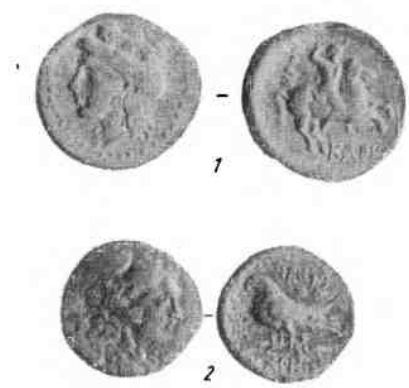

Рис. 8. Керкинитида. Вторая половина IV в. до н. э., медь.

секира, а у левого бедра привешен горит с луком. Не отделенная от обитателей степей никаким естественным препятствием, Керкинитида, очевидно, еще чаще, чем другие города, сталкивалась с туземным населением степей и принуждена была входить с ним в какие-то взаимоотношения.

Высокого экономического расцвета достиг в IV в. Боспор при Сатире и сыне его Левконе. Этот расцвет не замедлил отразиться на монетном деле Пантикапея,

вызвав в нем ряд решающих перемен. Со второго десятилетия IV в., может быть как раз с начала правления Левкона, типом лицевых сторон всех монет Пантикапея, которые теперь чеканятся и из серебра и из меди, стала голова сатира, то бородатого, то юного, с козлиными ушами и нарочито уродливыми чертами лица (рис. 10). Нельзя сказать с уверенностью, стоял ли выбор

Рис. 9. Керкинитида. Первая половина III в. до н. э., медь.

этого типа в связи с именем отца и предшественника Левкона — Сатира. Традиционный милетский мотив головы льва был заменен целой фигурой льва и помещался теперь на оборотной стороне монеты. Но самым решающим нововведением является чеканка золотой монеты со второй четверти IV в. На лицевой стороне золотых статеров сохранилось тоже изображение головы

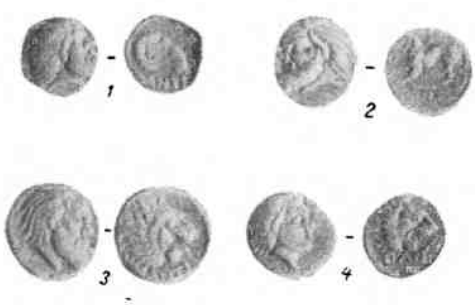

Рис. 10. Пантикапей. Начало IV в. до н. э.
1 — медь; *2*, *3*, *4* — серебро.

сатира, на обороте изображался львиноголовый грифон с копьем в зубах, идущий по хлебному колосу (рис. 11). Изображение грифона должно было символизировать, с одной стороны, дружественное отношение с Афинами, с другой, враждебную Персии политику Боспора в этот период, поскольку львиноголовый грифон считался исконным врагом персидского царя. Колос служил символом хлебной торговли — основы благосостояния Боспора. Знаменателен своеобразный вес пантикапейского золотого статера — 9.1 г. Он на $^1/_{12}$ превосходит вес персидского дарика (8.4 г), что позволяет предполагать такое отношение между обеими монетами: 12 пантикапейских статеров равны 13 дарикам. Таково же было, повидимому, отношение между кизикином и дариком. Иначе говоря, пуская свою золотую монету, Левкон приспосабливал ее не к дарику, а к его сопернику — электровому кизикину, пытаясь овладеть черноморским рынком. Недаром в большом кладе, найденном на Принцевых островах и представляющем собой состояние какого-то купца из Византии, нажитое им на черноморской торговле, было 160 кизикинов, 16 пантикапейских статеров, статеры города Лампсака, статеры Филиппа II, но ни одного дарика. Наряду с золотыми статерами Пантикапей обильно чеканил медную, а также серебряную монету (рис. 12).

Рис. 11. Пантикапей. Золотые статеры IV в. до н. э.
1 — 375—360 гг.; *2* — 325—300 гг.

Последняя четверть IV в. явилась решающим поворотным моментом в истории денежного обращения. В это время получают широкое распространение на всем пространстве античного мира монеты Александра Македонского, а вместе с ними — аттическая монетная система (драхма 4.36 г), по которой они чеканены. Золотые статеры Александра становятся основной золотой монетой в крупном денежном обороте и быстро вытесняют из обращения дарики и кизикины. Они так прочно укореняются на всех греческих рынках, что и после распадения монархии Александра различные города выпускают золотые статеры с его именем и типами, чтобы воспользоваться

выгодами, которые давало завоеванное этими монетами на рынках доверие. В частности, на Черноморье такие статеры в III в. до н. э. выпускали города Синопа, Истрия, Месембрия и др. Несколько позже, во второй половине III в., образцом для такого же подражания со стороны городов, особенно Византии, послужили статеры фракийского царя Лисимаха, также широко распространившиеся на Черноморье.

Пантикапейские статеры не могли выдержать конкуренции со статерами Александра. В конце IV в. до н. э. их чеканку перевели на аттическую систему (вес 8.6 г), а затем прекратили их выпуск. Статеры типов Александра и Лисимаха с конца IV до начала I в. нередко встречаются в составе инвентаря погребений и отдельными находками на Керченском и Таманском полуостровах. Клады их известны в степях по нижнему течению Днепра и Днестра. Когда в надписи конца IV в. из Ольвии говорится о награждении Каллиника тысячей золотых, то мы знаем, что речь идет о статерах александровского тица, ибо собственный выпуск золота в Ольвии, как сказано, был для подобного награждения недостаточен. Эти же статеры александровского и лисимаховского типа, без сомнения, имеются в виду и в протогеновском декрете, к которому мы сейчас перейдем.

В III в. хозяйственное благосостояние и в Ольвии и на Боспоре ухудшается. Яркую картину тяжелого положения Ольвии рисует декрет в честь Протогена. В городе неоднократно наступает голод, ему постоянно угрожают нападения соседних племен. Нужны деньги, нужны золотые (χρυσοί), в которых исчисляется цена на хлеб. Деньги нужны на закупку хлеба, на постройку городских стен или прямо на «подарки» вождям соседних племен, чтобы откупиться от их нападений. Но денег в городской казне нет, она пуста; мало того: заложена храмовая утварь и ростовщик-закладчик грозится отправить ее на сплав. В подобные моменты на помощь приходит «благодетель» Протоген, ссужающий городу без процентов эти золотые по несколько сот или тысяч и соглашающийся получить долг медью «из 400».[1] Данные протогеновского декрета характеризуют состояние городских финансов. Серебряной монеты в обращении нет; денежное обращение складывается из золотых и медной монеты с официальным, очевидно наиболее благоприятным для меди, курсом: 400 медных монет за один золотой. При этом золотая монета привозная, она вся сосредоточивается исключительно в руках богачей, городская же казна непрерывно опустошается поборами предводителей соседних племен. Очень может быть, что упомянутые клады золотых статеров в приднепровских и приднестровских степях, вроде Анадольского, заключавшего в себе по меньшей мере 979 статеров от Филиппа II до Лисимаха, представляют добычу какого-нибудь царька, вытребованную им под видом «дара» у городских властей Ольвии или Тиры. Медные монеты, 400 штук которых равноценны 1 золотому, мы без труда можем опознать. Это хорошо известные монеты

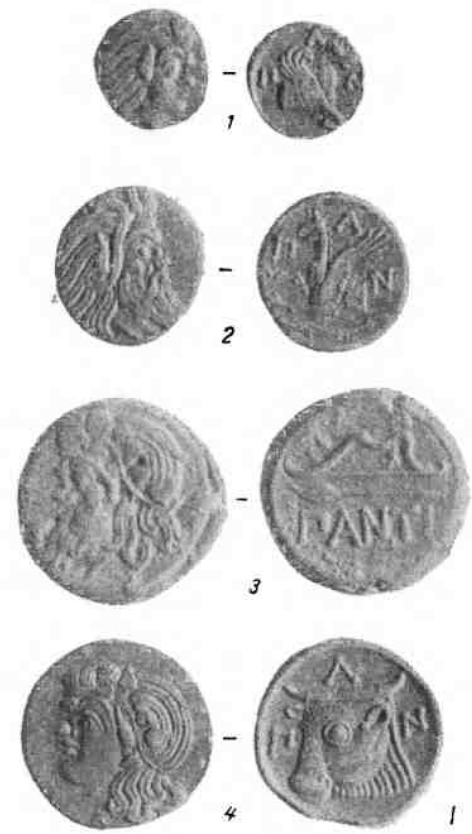

Рис. 12. Пантикапей. Вторая половина IV в. до н. э.
1, 2, 3 — медь; *4* — серебро.

[1] Т. е. из расчета 400 медных монет за один золотой.

с изображением головы рогатого и бородатого речного бога Борисфена на лицевой стороне и лука в скифском горите и секиры на оборотной стороне (рис. 13). Монеты эти, сначала хорошо исполненные и полновесные, затем быстро грубеют, уменьшаются в весе больше чем нацоловину и снабжаются надчеканками (клеймами), т. е. обнаруживают все признаки продолжающегося денежного кризиса. В конце III в. и во II в. в Ольвии возобновляется обращение серебряной монеты, чеканенной уже по аттической системе. Но эта монета, низкопробная и очень небрежного выполнения, с большим количеством надчеканок и перечеканок, не дает никаких оснований предполагать, что город вернулся к прежнему благосостоянию.

Рис. 13. Ольвия. Первая четверть III в. до н. э., медь.

Рис. 14. Ольвия. Конец II в. до н. э., медь.

Для монетного дела Ольвии в последней четверти II в. до н. э. примечателен выпуск медных монет, вместе с именем города носящих имя царя скифов Скилура. Эти редкие монеты свидетельствуют о временном подчинении Ольвии власти скифского царя. Среди типов их интересна четырехколесная повозка и особенно, на самых крупных монетах, портрет самого царя.

С конца II в. до н. э. Ольвия попадает в сферу влияния царя Понта Митридата VI, полководец которого Диофант одержал ряд побед над скифами. Вполне возможно, что безбородая голова с густыми волосами на относящихся к этому времени ольвийских монетах с надписью ΟΙΕΙΠΤΑ представляет портрет Митридата (рис. 14). Но особенно убедительно связь Ольвии с Понтийским царством подтверждается обильными находками, как в Ольвии, так и вообще во всем Черноморье, однотипных медных монет городов Понта и Пафлагонии, причем наиболее часто — Амиса и Синопы. Монеты эти заносились в северное Причерноморье войсками и агентами Митридата, а также поселенцами, которых он переселял сюда с малоазийского побережья для укрепления своего влияния.

В середине I в. до н. э. Ольвия подверглась разгрому со стороны гетов. В связи с этим выпуск монеты прекратился, и возобновился, повидимому, только в последней четверти I в. до н. э.

В Херсонесе в течение III и II вв. не наблюдается таких явных признаков денежного кризиса, как в Ольвии. Город продолжает выпускать и серебряную и медную монету хорошего качества. К этому времени, может быть, относятся найденные в 1904 г. гладкие медные кружки для чеканки монет, позволившие предположить, что здание, где они были обнаружены, представляло собой монетный двор.[1] Никаких инструментов монетного дела, к сожалению, при этом не оказалось. Из прекращения чеканки в Керкинитиде мы вправе заключить о захирении этого города, а может быть, и выходе его из состава владений Херсонеса. Самому Херсонесу пришлось пережить в конце II в. натиск скифов, который был отражен понтийским полководцем Диофантом. В последующие годы Херсонес помогал Диофанту в подавлении восстания Савмака на Боспоре. На монетном деле этот напряженный момент в истории города отразился в выпуске довольно многочисленных серебряных драхм, перечеканенных из серебряных монет предшествующего времени. На их лицевой стороне изображена голова богини Девы в башенном венце — атрибуте, характеризующем ее как защитницу города (рис. 15).

Рис. 15. Херсонес. II в. до н. э., серебро.

Боспор, так же как и Ольвия, в III в. переживает денежный кризис. Серебро выходит из обращения, и главным средством

[1] [См. статью А. Н. Карасева «Архитектура», стр. 202 сл. настоящего сборника. — *Ред.*].

обмена, помимо привозной золотой монеты, становится медь. Ход кризиса хорошо прослеживается на медных монетах с изображением головы юного сатира на лицевой стороне и львиной головы с осетром внизу — на оборотной, относящихся к концу IV в. (рис. 16, *1*). Эти монеты сначала снабжаются

Рис. 16. Пантикапей. IV—III вв. до н. э.
1 — конец IV в. до н. э.; *2* — первая половина III в. до н. э.

надчеканками, но позже они заменяются монетами несколько меньшего веса, с тем же типом лицевой стороны, но с луком и стрелой на обороте (рис. 16, *2*). Известно много кладов монет этого времени — показатель начинающегося обесценения, вынуждаю-

Рис. 17. Пантикапей. II в. до н. э., серебро.

щего временно прятать старую монету. В дальнейшем монеты с типом лука и стрелы уменьшаются в весе, от 7—8 г доходят до 1.5—2 г, чеканятся в огромном количестве, крайне спешно и небрежно; затем их надчеканивают и перечеканивают новыми типами, но до такой степени небрежно, что изображений невозможно распознать. Это хаотическое состояние денежного дела продолжается до последней четверти III в., когда возобновляется чеканка серебра, сначала такого же низкопробного, как в Ольвии, затем во II в., несколько лучшего качества. Чеканятся больше драхмы (аттической системы), теперь уже с головой исконного милетского божества — Аполлона (рис. 17); тетрадрахмы очень редки. Стабилизация в монетном деле, может быть, стоит в связи с окончательным переходом боспорских царей к осуществлению оборонительных задач. В этот момент, с конца III в., начинается чеканка боспорскими правителями монет со своим именем. За исключением несколько более часто встречающихся медных монет с именем Левкона II, предназначенных, вероятно, для оплаты какой-то специальной статьи царского бюд-

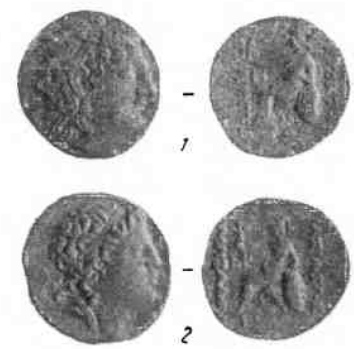

Рис. 18. Золотые статеры боспорских правителей.
1 — архонта Гигиэнонта; *2* — царя Перисада.

жета, это сплошь уникальные серебряные монеты и золотые статеры, явно выпускавшиеся не для обращения на рынке, а для дарственных целей, для наград приближенным царя. Если какая-либо золотая монета обращалась на Боспоре в это время, то, как показывают находки, это были статеры лисимаховского типа, чеканенные в Византии. Им и подражают статеры боспорских правителей Гигиэнонта (рис. 18, *1*) и Перисада (рис. 18, *2*), воспроизводящие трезубец под троном Афины — специфический признак статеров, чеканенных в Византии. Сосуществование обоих видов монет — лисимаховских статеров византийской чеканки и статеров с именами боспорских царей — хорошо обнаруживается в находке Артюховского кургана: на груди самого погребенного находился статер с именем Перисада, у погребенной вместе с ним женщины лежал обычный лисимаховский статер. Свидетельством широкого распространения лисимаховских статеров византийской чеканки на Боспоре

и в прилегающих странах служит Туапсинский клад, состоящий не менее чем из 90 таких статеров, чеканенных одной парой штемпелей и явно еще не бывших в обращении. О том же говорят «варварские подражания» этим статерам, которые встречаются преимущественно в Абхазии и западной Грузии. Их начали изготовлять во второй половине I в. до н. э., с того момента, когда чеканка лисимаховских статеров в Византии прекратилась. На этих подражаниях всегда отчетливо воспроизводится трезубец внизу, о котором уже говорилось ранее.

В конце II в. до н. э., после бурного восстания рабов под главенством Савмака, которое отразилось в монетном деле Боспора

Рис. 19. Боспорские города. Первая четверть I в. до н. э., медь.
1 — Пантикапей; *2* — Фанагория; *3* — Горгиппия.

выпуском небольших серебряных монеток с головой Гелиоса на лицевой стороне и протомой быка на оборотной, носящих имя царя Савмака, Боспорское царство вошло в состав владений Митридата Евпатора. Создавая свою обширную монархию, Митридат ввел в ее пределах довольно сложную систему денежного обращения, в некоторых чертах предварявшую порядки, введенные позже Римом. В малоазийских владениях царя обращались чеканенные, очевидно, в Пергаме золотые (статеры) и серебряные (тетрадрахмы) монеты с именем и портретом царя. Наряду с этим в Понте и Пафлагонии имелось два вида монет: подчиненные контролю царских чиновников монеты с типами, связанными с Митридатом, чеканки городов Амиса, Синопы и других, и лишенные всяких городских имен монеты чисто военной чеканки царских наместников.

На тех же приблизительно основах строилось денежное обращение и на Боспоре. Только здесь, как и во всем Причерноморье, Митридат не чеканил монеты со своим именем, даже золотые и серебряные. Золотой монетой, обращавшейся во всем Причерноморье, оставались лисимаховские статеры, выпускавшиеся, помимо Византий, городами Томи, Истром и Каллатией. Подчинение всех этих городов влиянию Митридата выражалось в том, что головам с рогом Аммона на лицевых сторонах, долженствовавших изображать Александра Македонского, теперь придавались черты лица самого Митридата или его сыновей.

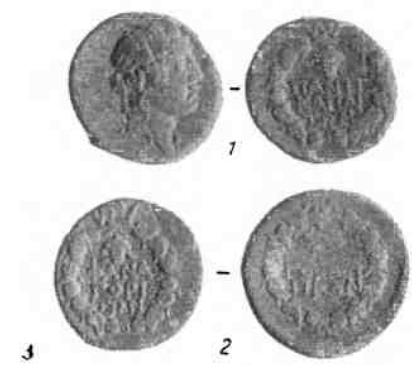

Рис. 20. Боспорские города. Начало I в. до н. э., серебро.
1 — Пантикапей; *3* — Фанагория; *2* — Горгиппия.

Городам Боспорского царства было предоставлено право чеканки серебряной монеты не выше дидрахмы и притом невысокого качества металла, а также медной монеты. Такое же право имели, кроме Пантикапея, Фанагория и Горгиппия. Все эти монеты отличались между собой только надписями: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ, ΓΟΡΓΙΠΠΙΕΩΝ, типы же их тождественны и часто имеют непосредственное отношение к царю, например, голова Диониса или плющевый венок (рис. 19, 20). Есть и на Боспоре медные монеты, которые, повидимому, выпускались наместниками царя. Это хорошо известные большие медные оболы с головой юного Диониса в плющевом венке на лицевой стороне и с богато украшенным горитом на оборотной (рис. 21). Они лишены имени города и имеют только различные монограммы в поле монеты. Кроме того, в пределах Боспорского царства, как и по всему северному Причерноморью, часто встречаются в кладах и в находках вместе с монетами

боспорских городов вышеупомянутые монеты городов Понта и Пафлагонии, очевидно, и сюда заносившиеся войсками Митридата при их передвижениях.

В последние годы правления Митридата серебро на Боспоре не выпускается и становится

Рис. 21. Боспорские безымянные монеты. Начало I в. до н. э., медь.

редким. При его преемниках оно вовсе перестает выпускаться, и денежное обращение Боспора с середины I в. до н. э. складывается только из золотой и медной монеты. Так, например, при Асандре в Боспорском царстве обращались золотые статеры с его

Рис. 22. Золотой статер Асандра. 44 г. до н. э.

портретом и именем (рис. 22) и медные монеты различных типов с именами городов Пантикапея и Фанагории. Крупные медные монеты — оболы, напоминающие наместническую чеканку Митридата, — и половинки их — тетрахалки — также выпускались Асандром. Но все они представляют очень спешные и небрежные перечеканки более ранних монет и, поскольку на них имя Асандра всегда сопровождается титулом архонта, относятся к начальным годам его правления.

Конец I в. до н. э. — поворотный момент в политической истории Боспора. После смерти Асандра и кратковременного правления Динамии, засвидетельствованного уникальным статером с ее портретом, именем и датой боспорской эры[1] (рис. 23), вероятно,

Рис. 23. Золотой статер Динамии. 17/16 г. до н. э.

в результате организационных мероприятий Агриппы, Боспорское царство полностью подчиняется влиянию Рима. Городская чеканка замирает. Последние проявления ее представлены выпущенными в предпоследнем десятилетии I в. до н. э. медными монетами Кесарии (переименованный в честь

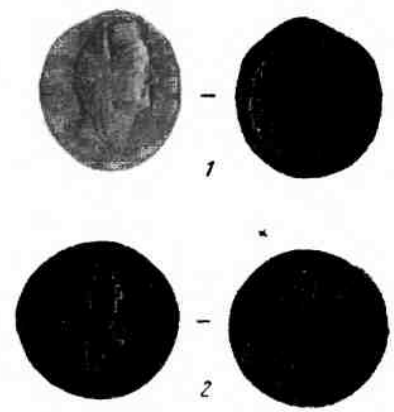

Рис. 24. Боспорские города, конец I в. до н. э., медь.
1 — Кесария (Пантикапей); *2* — Агриппия (Фанагория).

Августа Пантикапей; рис. 24, *1*) и Агриппии (переименованная в честь Агриппы Фанагория; рис. 24, *2*). С 289 г. боспорской эры (8 г. до н. э.) начинается на Боспоре более или менее непрерывный выпуск золотых монет, по весу приравненных к римскому ауреусу. На обеих сторонах монет изображаются головы царствующего императора и кого-либо из членов его дома, начиная с Августа и Агриппы (рис. 25). Портреты

[1] Боспорская эра начинается с 297 г. до н. э.

сопровождаются датой боспорской эры и монограммами, сначала не вполне нам ясными, а в позднейших экземплярах легко расшифровываемыми как имена царей Рискупорида I (Аспурга) и Котиса I. К тому же времени относятся очень красивые и аккуратно исполненные, чрезвычайно разнообразные, но сравнительно редкие медные

Рис. 25. Боспорский золотой статер, 8 г. до н. э.

монеты, с изображением голов различных божеств и их атрибутов. Все они носят монограмму из букв В, А, Е (Βασιλέως Εὐπάτορος), очевидно монограмму Митридата VI Евпатора, по традиции сохраняемую в его роде (рис. 26). Монеты складываются в ряд серий, из которых одна снабжена знаками ценности от А до Z (от 1 до 7). Это

Рис. 26. Боспорские монеты с монограммой ВАЕ. Конец I в. до н. э., медь.

введение знаков стоимости свидетельствует о неустойчивой ценности медных монет на рынке. Монеты эти редки и выпускались, вероятно, недолго.

Тип медных монет в I в. н. э. складывается не сразу. На одной стороне их большей частью помещаются портреты императоров или членов их дома. Боспорские цари ограничиваются помещением своего портрета без приведения царского титула; на другой стороне этих медных монет они помещали лишь свою монограмму. Полное написание своего имени и титула позволяет себе только Митридат VIII в свое короткое правление.

Во второй половине I в. во внешнем виде как золотых, так и медных монет произошло изменение. В 62 г. н. э., при Нероне, со статеров совершенно изгоняется даже монограмма боспорского царя, и медные монеты выпускаются только с портретом и именем

Рис. 27. Боспорская монета императора Нерона. 62 г. н. э., медь.

императора (рис. 27). Получается впечатление, что Нерон намеревался обратить Боспор в провинцию. Если это было так, то попытка эта не увенчалась успехом. По крайней мере в 68 г. выпуск статеров по прежнему образцу, с монограммой нового царя Рискупорида II, возобновился; с 80 г. н. э. на статерах стали регулярно изобра-

Рис. 28. Золотой статер Рискупорида II. 81 г. н. э.

жать на одной стороне бюст боспорского царя с его полным титулом, а на другой — портрет императора с датой (рис. 28). Такой вид боспорские статеры продолжали сохранять, несмотря на понижение качества их металла и огрубение стиля, вплоть до конца их чеканки в IV в. н. э. Наличие на этих статерах дат делает их незаменимым источником при установлении хронологической канвы для истории Боспора в этот период. На медных монетах, также со времени правления Рискупорида II, портреты императора уже почти не встречаются. Типами медных монет теперь служат:

бюст или фигура царя с его именем и титулом на лицевой стороне; его оружие, знаки царского достоинства, фигуры местных божеств и иные изображения, свидетельствующие о самостоятельности, — на оборотной стороне.

Боспор — единственная из зависевших от Римской империи областей, получившая право выпуска своей золотой монеты. Давая зависимому от него царству это исключительное право, Рим руководился, очевидно, с одной стороны, требованиями рынка, искони привыкшего к обращению золота, с другой стороны, стоявшими перед Боспором как окраинной областью задачами — содержать большие военные силы для обороны границ римской империи. Есть сведения, что на эти цели боспорские цари получали от Рима определенную субсидию. Во всяком случае во II в. н. э. римские власти зорко следили за тем, чтобы боспорские цари выпускали не слишком много медной монеты и не забывали лежащей на них обязанности выпускать золото. Этим же объясняется столь же исключительный и не имеющий параллели в рассматриваемое время выпуск золотых монет городом Херсонесом. Все очень редкие золотые монеты Херсонеса относятся ко второй половине I и началу II в. н. э., т. е. ко времени до получения Херсонесом элевферии, когда он входил в состав Боспорского царства. Иначе говоря, выпуск золотых монет в Херсонесе не служит свидетельством самостоятельности города. Напротив, он говорит о зависимости города от Рима примерно такого же характера, в какой находилось Боспорское царство. Недаром на херсонесском статере 84 г. н. э., как бы в параллель современным боспорским статерам, фигура богини Девы сопровождается ее монограммой и титулом «царствующая».

Возможно, что римским правительством чеканка золота и на Боспоре, и в Херсонесе в это время рекомендовалась из политических соображений, как противовес золотой чеканке скифского царя Фарзоя в Ольвии, осуществлявшейся в середине и третьей четверти I в. н. э. Кроме Фарзоя, в Ольвии чеканил серебряную монету в последней четверти I в. н. э., вероятно, его непосредственный преемник, царь Иненсимей. Те и другие монеты соединяют обычные для этого времени типы ольвийских медных монет с портретами царей и носят одновременно и имя города и имя царя. Они встречаются очень редко и уже из этого можно заключить, что они предназначались не для обращения на рынке, а для распространения в ближайшем окружении царя в качестве наград и подарков. Скромное городское денежное обращение Ольвии, возобновившееся после разгрома гетами, в последней четверти I в. до н. э. не носит следов влияния чекана монет скифских царей. Медные монеты Ольвии в течение I в. н. э. сохраняют характер монет автономного города, имеют надпись ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ и изображения различных божеств и эмблем. С последней четверти I в. н. э. преимущественным типом монет становится на лицевой стороне голова Аполлона, а на оборотной — традиционная городская ольвийская эмблема — орел, ухвативший когтями дельфина (рис. 29).

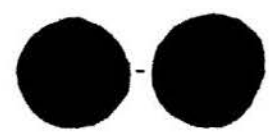

Рис. 29. Ольвия. I в. н. э., медь.

В Херсонесе также, несмотря на зависимость от Рима, монеты сохраняют характер автономных, и в типах их продолжает играть доминирующую роль городская богиня Дева (Парфенос). Изображения ее, большей частью во весь рост, копируют культовую статую богини в башенном венце как защитницы города. Местным элементом является и собственная городская эра (начинается в 24 г. до н. э.), годы которой помещаются на медных и на золотых монетах с середины I до начала II в. н. э. Римские элементы все же есть в типах. Таковы олицетворения мира (Εἰρήνη Σεβαστή = Pax Augusta) и безбородые головы на золотых и медных монетах, хотя и лишенные надписей, но очень напоминающие головы римских императоров (рис. 30).

Система, на основе которой строилось монетное дело северного Причерноморья, зависимых от Рима Боспора и Херсонеса и проявлявшей первоначально тенденцию к ориентации на скифов Ольвии, одна и та же — римская. Золотые статеры, как боспорские и херсонесские, так и выпускавшиеся Фарзоем, придерживались веса ауреуса

Редкие серебряные монеты царя Иненсимея и города Ольвии ближе всего подходили к тетрадрахмам и драхмам системы кистофоров, воспринятой денежным обращением Римской империи и все время применявшейся в малоазийских провинциях. О медных монетах судить труднее, но и они, повидимому, во всем Причерноморье, после некоторых колебаний в первой половине I в., со второй его половины исходят из веса римского асса (ассария).

Однако эта римская система денежного обращения уже с самого начала таила в себе признаки упадка и разложения. Боспорские статеры — ауреусы — неизбежно разделяют судьбу римского денария. С конца I в. их металл начинает бледнеть от примеси

Рис. 30. Херсонес. I в. н. э.
1 — середина I в. н. э., медь;
2 — 79 г. н. э., золото.

серебра; особенно заметным становится резкое понижение качества золота с середины II в., со времени правления царя Евпатора. В медной монете тот же процесс порчи выражается в неуклонном падении веса монеты, постепенном отмирании малых номиналов и сохранении в обращении одних лишь крупных монет. Лучше всего этот процесс прослеживается на Боспоре. В правлении Аспурга и Котиса I самой распространенной и по существу единственной медной монетой является монета, обозначенная знаком IB (=12 унций), т. е. асс. Но уже в правление Котиса I ее вес резко уменьшается. Совершенное обесценение этого номинала, очевидно, заставляет Нерона в 62 г. н. э. прекратить его выпуск и перейти к чеканке двух более крупных номиналов со знаками KΔ (=24 унции) и MH (=48 унций), т. е. дупондия и сестерция (рис. 31). Эти два номинала меди продолжают выпускаться и боспорскими царями конца I и II в. Но во второй половине II в. к началу правления Савромата II, остается в обращении только один сестерций (MH) да и то сильно упавший в весе. Характерно что самым распространенным типом оборота становятся одни знаки ценности MH в венке — свидетельство условного, неполноценного характера монеты. Обесценение и этой монеты — сестерция — вынуждает Савромата II в 186 г. признать ее самой мелкой монетой и приступить к выпуску медных монет более крупной номинальной стоимости со знаком B* (два денария), * (денарий) и PMΔ (144 унции=$^3/_4$ денария или провинциальной драхме). Тот факт, что и на меди чеканятся номиналы, изготовлявшиеся в самом Риме и в провинциях, хотя и не плохого, но все же серебра, показывает как глубоко зашел кризис на Боспоре. Статеры, которые раньше чеканились из золота, в это время выделывались уже из очень бледного электра и заключали не более 30—40% золота. Рим принужден мириться с этим, так как главной причиной кризиса была допускаемая им самим неуклонная порча денария. Единственное, чего мог добиться Септимий Север в 196 г., после взятия им Византия, это то, чтобы на этих медных денариях изображался его портрет.

В Ольвии и в Херсонесе точно так же развивалось постепенное обесценение монеты. Если здесь дело не заходит так далеко, как на Боспоре, то только потому, что городам можно было ограничиваться в своем монетном деле задачами удовлетворения нужд местного рынка и не заботиться об оплате крупных военных расходов. И в Ольвии, и в Херсонесе с последней четверти I в. н. э. начали выпускать монеты большего размера — очевидно, сестерции и дупондии. В Ольвии во второй половине II в. н. э. можно также наблюдать как показатель кризиса обильные надчеканки, вероятно, повышавшие номинальную стоимость монет. С конца II в., в правление Септимия Севера, полное подчинение Ольвии Риму выразилось в выпуске монет с портретами императоров (рис. 32). Монеты эти по примеру современных им монет городов Нижней Мёзии и Фракии носят на оборотных сторонах знаки ценности — A, B, Γ, Δ, — что позволяет признать

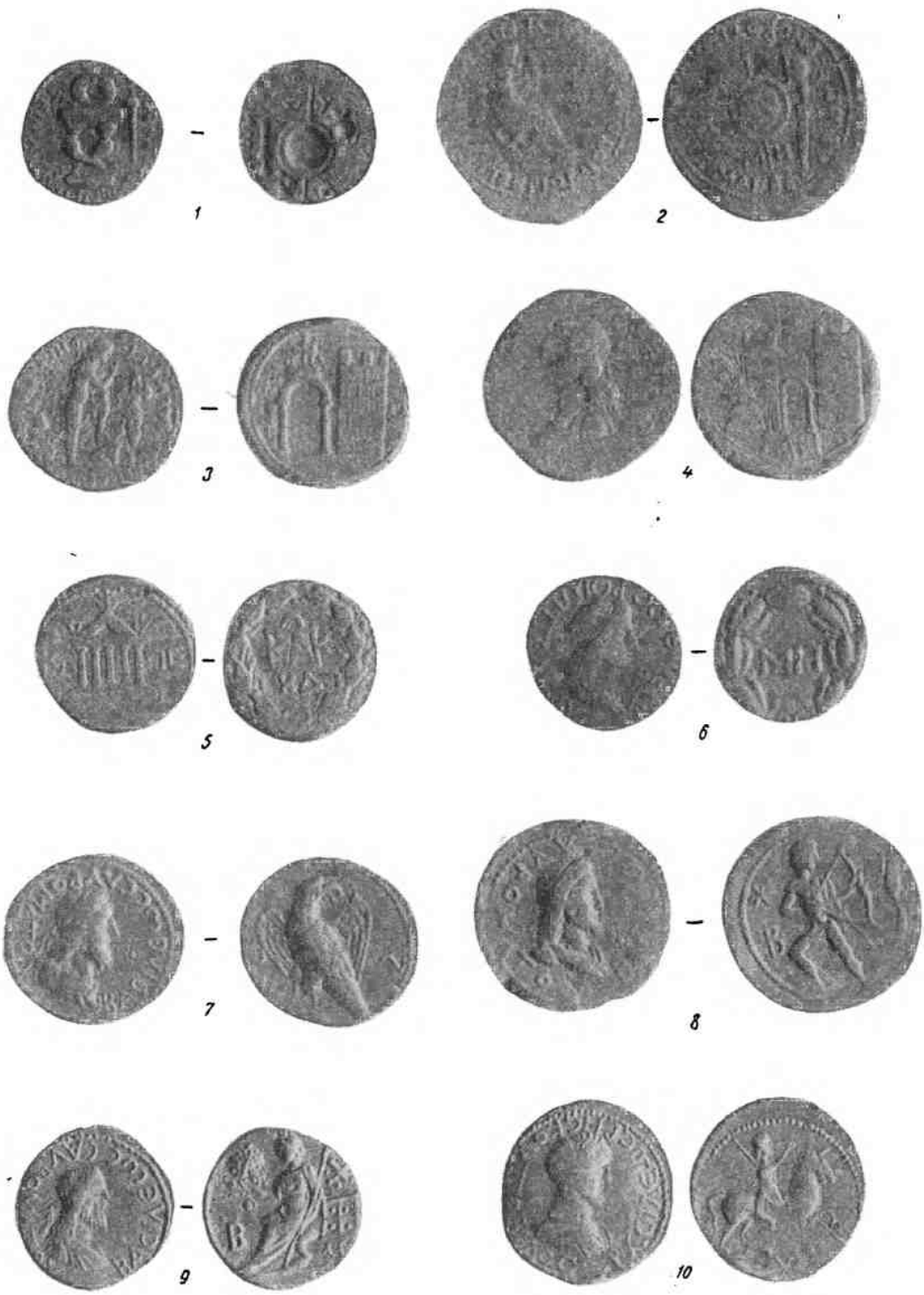

Рис. 31. Боспорские монеты. I—III вв. н. э., медь.

1, 2, 3 — Рискупорид II; *4* — Савромат I; *5* — Котис II; *6* — Римиталк; *7, 8, 9* — Савромат II; *10* — Рискупорид III.

в них ассарии, дупондии, трессисы и сестерции.

Характерно, что сестерций теперь размером и весом значительно меньше дупондия конца I в. Эти монеты выпускались

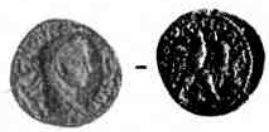

Рис. 32. Ольвия. III в. н. э. Монета с изображением императора Александра Севера, медь.

при Септимии Севере и Севере Александре. При Максимине Ольвия погибает под ударами, повидимому, готов и перестает существовать в качестве торгового города. Кроме собственных городских монет, в Ольвии нередко находят римские императорские денарии, но и они относятся преимущественно ко времени от Траяна до Севера Александра.

В Херсонесе со времени получения им в середине II в. н. э. элевферии, т. е. прекращения его зависимости от Боспора и перехода к непосредственной зависимости от Рима, чеканится только медная монета с го-

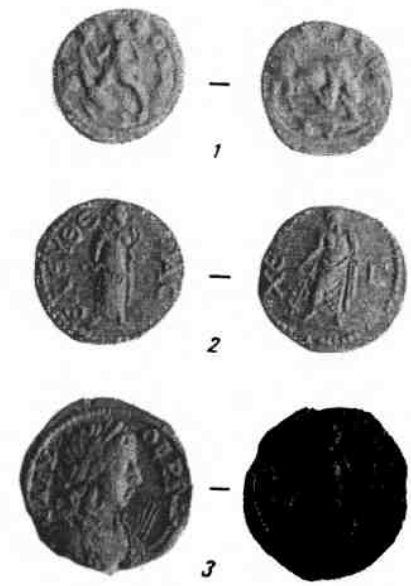

Рис. 33. Херсонес. Первая половина III в. н. э., медь.

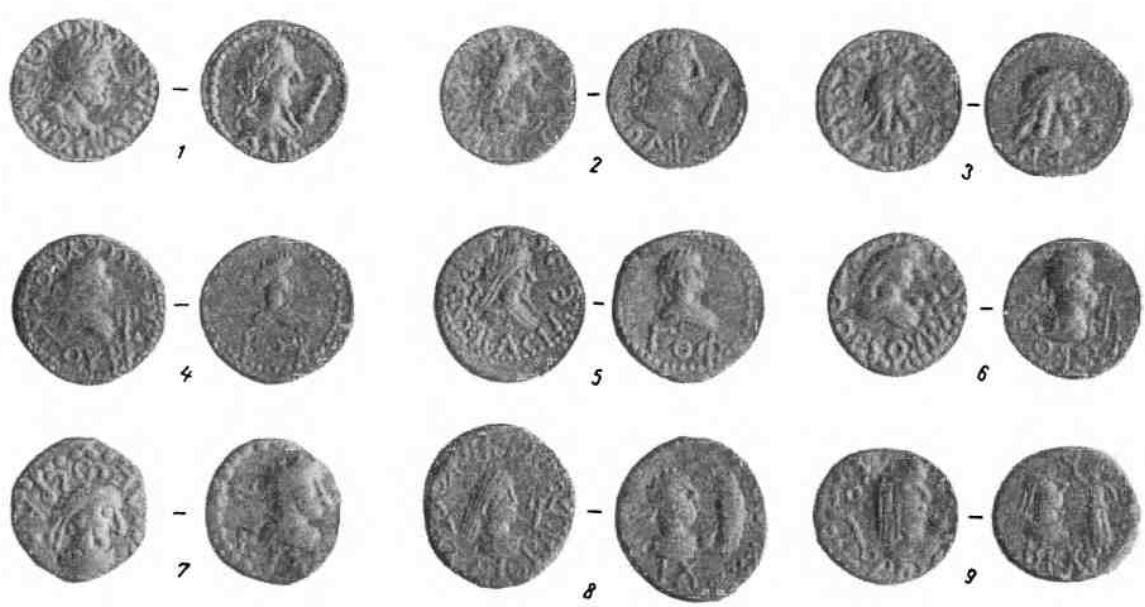

Рис. 34. Боспорские «статеры» III—IV вв. н. э., биллон и медь.

1 — Ининфимей, 237 г.; *2* — Рискупорид V, 242 г.; *3* — Фарсанз, 253 г.; *4* — Савромат IV, 275 г.; *5* — Тейран, 276 г.; *6* — Фофорс, 302 г.; *7* — Радамсад, 317 г.; *8, 9* — Рискупорид VI, 323 и 325 гг.

городскими типами. С конца II в. и здесь различные номиналы носят буквенные обозначения, причем они в то же время различаются и по типам. Дупондий имеет на лицевой стороне Деву, разящую лань, на оборотной — бодающегося быка (тип, существовавший в эпоху автономии; рис. 33, *1*); трессис — на лицевой стороне фигуру Асклепия, на оборотной — Гигиэи (рис. 33, *2*); тетерции (тетрассарий) — на лицевой стороне бюст олицетворения городской общины Херсонеса, на оборотной — статую Девы в башенном венце и с оленем (рис. 33, *3*). Эта серия неизменно выпускается в течение первой половины III в. С середины III в. отмирает сначала трессис, а затем дупондий, а остающийся тетрассарий становится все меньше и грубее. Римские медные монеты со времени Диоклетиана и следующего за ним периода обильно встречаются в археологических комплексах Херсонеса. Очевидно, незадолго перед тем прекратилась собственная чеканка Херсонеса и город перешел к пользованию общеимперской монетой.

На Боспоре в III в. быстро развивается экономический упадок. Статеры, сохранявшие тот же внешний вид золотых монет, т. е. портрет царя на лицевой стороне, портрет императора и дату на оборотной (рис. 34), со времени Ининфимея (234—239 гг. н. э.) теряют всякие признаки присутствия золота, приобретают тусклый серый цвет, свидетельствующий о том, что они изготовлены из низкопробного серебра — биллона (рис. 34, *1*, *2*, *3*). Из медных монет остаются только самые крупные номиналы времени Савромата II — денарий и двойной денарий, но и они все время уменьшаются в весе. Однако разложение идет еще дальше. Тиритакский клад «статеров», найденный в 1937 г., хорошо иллюстрирует этот все более усиливающийся упадок. Клад заключает в себе 2070 «статеров» периода с 242 по 276 г. н. э. Большинство «статеров» в нем биллоновые, качество их периодически то ухудшается, то улучшается. Но самые поздние «статеры» царя Тейрана (275—276) уже почти чисто медные. Естественно, что при преемниках Тейрана — царях Фоформе, Радамасе и Рискупориде VI — совершенно прекращается выпуск медной монеты, так как «статеры» сами становятся медными. Выпуск этих медных «статеров» с совершенно уже неузнаваемыми портретами царя и императора продолжался до 332 г. н. э. (рис. 34). Таракташирский клад, в котором «статеры» последних царей найдены вместе с медными монетами императоров Константина и Лициния, показывают, что и здесь местную монету сменила общеимперская.

Т. Н. Книпович

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В публикуемой ниже серии статей рассматриваются отдельные отрасли искусства северного Причерноморья в античную эпоху. Авторами этих статей сделан целый ряд обобщений, касающихся специфических особенностей искусства данной области, направления, в котором шло его развитие, обстоятельств, обусловивших тот или иной его характер. Многие замечания, высказанные при рассмотрении какой-либо определенной группы художественных изделий, выходят далеко за пределы только данной группы, затрагивая общие вопросы искусства и культуры северного Причерноморья античного времени. Тем не менее вся сумма содержащихся в этих статьях наблюдений не может дать полного представления об общем характере искусства, развивавшегося в городах северного Причерноморья, об основных линиях его развития. Отчасти это зависит от того, что в нашем сборнике подвергнуты рассмотрению не все даже важнейшие группы найденных в северном Причерноморье художественных изделий; вместе с тем некоторые стороны ярче выступают тогда, когда они могут быть прослежены не в одной, а сразу в разных отраслях искусства.

В настоящем очерке мы попытаемся коснуться именно таких общих вопросов, попытаемся охарактеризовать основные направления в художественном творчестве городов северного Причерноморья в античную эпоху.[1]

Сложный, включающий самые разнородные элементы и глубоко своеобразный облик городов северного Причерноморья в античную эпоху стоит в несомненной зависимости от тех исторических условий, в которых возникли и существовали эти города.

Пути, по которым направилось в дальнейшем развитие культуры, в частности художественной, причерноморских городов, стали намечаться уже в первые века их жизни. В VII и VI вв. до н. э. берега Черного моря покрылись целой сетью основанных греками колоний. Эти греческие колонии возникли в стране, заселенной племенами, чуждыми грекам этнически и стоящими на совершенно ином уровне общественного развития. Мы хорошо знаем, что результаты такого столкновения чуждых друг другу народностей бывают очень различны; они определяются в каждом отдельном случае целым рядом конкретных исторических условий. Рассмотрению исторических судеб причерноморских горо-

[1] Общим вопросам искусства северного Причерноморья в античную эпоху посвящены книги: В. Д. Блаватский. Искусство северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947; А. П. Иванова. Искусство античных городов северного Причерноморья. Л., 1953.

дов, судеб, обусловивших специфические особенности культуры этих городов, в нашем сборнике посвящен специальный очерк В. Ф. Гайдукевича «История античных городов северного Причерноморья». Здесь мы, конечно, не будем повторять сделанных в указанном очерке обобщений; важно лишь вспомнить то, чем определяются основные направления развития культуры причерноморских городов. Первое, на чем следует фиксировать внимание, — что колонии северного Причерноморья не только были основаны выходцами из греческих центров, но и в дальнейшем поддерживали деятельные сношения с различными центрами античного мира; в разной степени, в разном виде эти сношения продолжались в течение всей античной эпохи. Второе важное обстоятельство — что с самого своего переселения в северное Причерноморье греки-колонисты вступают в сношения также и с населением причерноморских степей. Формы взаимоотношений греков с местными племенами северного Причерноморья бывали в различных местностях и в различное время далеко не одинаковы. Мы знаем случаи, когда эти две группы выступают как две враждебные силы, но еще чаще встречаемся с многочисленными примерами постоянного общения между ними, носящего вполне мирный характер: вторая форма особенно распространена при общении на почве торговли, в которой одинаково были заинтересованы и греки, и местные племена. Итак, в создании культуры причерноморских городов уже с самого начала участвует целый ряд составных элементов. Греческие, в большей своей части ионийские основы этой культуры, проникшие в северное Причерноморье уже с появлением там греков-колонистов, не могли остаться неизменными в области, удаленной от метрополии, заселенной этнически чуждыми грекам племенами и испытывавшей воздействие со стороны ряда областей, поддерживавших сношения с северным Причерноморьем. В дальнейшем мы постараемся проследить хотя бы основные стороны проявления всего этого сложного процесса в создающемся и развивающемся в городах северного Причерноморья производстве художественных изделий.

Каждый, кто знакомится с многочисленными культурными остатками, извлекаемыми при раскопках городов северного Причерноморья, неизбежно испытывает впечатление обилия во всем этом материале изделий греческих или во всяком случае близко напоминающих греческие. Так, в составе посуды представлены такие же группы, какие хорошо известны в материалах античных городов Греции и Италии: в более раннее время — это так называемая черно-лаковая керамика вместе с тесно связанными с ней группами художественных ваз — чернофигурных и краснофигурных; в эллинистическое время — расписная керамика разных категорий, а также разнообразные группы сосудов, украшенных рельефными изображениями; в первые века нашей эры получает преобладание керамика красно-лаковая. То же обилие античных типов бросается в глаза при рассмотрении терракотовых статуэток: мы легко узнаем здесь хорошо известных по греческим памятникам богов — Афину, Диониса, Афродиту, Аполлона и других; типы мужчин и женщин, их одежда, прически, обувь повторяют все то, что воспроизводится в искусстве Греции. То же повторение античных образцов дает нам скульптура, изделия из резной кости, из дерева. Первое предположение, которое естественно может возникнуть, — что мы имеем здесь дело с предметами чисто античными, изготовленными не в северном Причерноморье, а в художественных центрах Греции или Италии. И читая работы археологов и искусствоведов прошлого столетия, мы можем проследить у многих из них ярко выраженную тенденцию считать привозными если не все найденные при раскопках причерноморских городов художественные изделия, то во всяком случае бóльшую их часть.

Правда, наряду с предметами античного искусства уже давно встречались также и такие, которые никак нельзя было приписывать мастерам Греции. К их числу относятся, например, крайне примитивно и схематично выделанные терракотовые статуэтки, особенно часто встречающиеся на Боспоре в первые века нашей эры. Сходные черты имеют и некоторые образцы каменной скульптуры. Не могли считаться привозными

и целые группы глиняных сосудов, вылепленных от руки и украшенных примитивно выполненными фигурками или головками животных. Определяя такие изделия как «варварские», их резко отделяли от предметов античных не только по художественным качествам, но и как продукты производства другой этнической группы. К такого рода предметам мы еще вернемся; пока постараемся ближе присмотреться к тем художественным изделиям, которые по стилю могут быть определены как античные.

Следует прежде всего отметить, что присутствие значительного количества привозных художественных изделий в материалах из раскопок городов северного Причерноморья не может вызывать сомнений. Не только стиль и сюжеты изображений многих находимых здесь предметов искусства являются типичными для Греции; об их изготовлении в античных центрах свидетельствуют прежде всего технологические особенности, полностью совпадающие с теми особенностями, которые могут быть прослежены у предметов достоверно греческого происхождения. Мы встречаемся здесь с наличием хорошо известных нам сортов греческого мрамора; многие сосуды и статуэтки изготовлены из глины, тоже давно и хорошо нам известной по остаткам керамических мастерских, обнаруженным в различных местах античного мира. Наконец, встречаются в городах северного Причерноморья изделия известных мастеров, снабдивших эти предметы подписью своего имени.[1] Но есть среди предметов, найденных при раскопках причерноморских городов, и такие изделия, у которых при выраженных античных чертах в стиле и сюжетах технологические особенности отличаются от того, что характеризует производство известных нам греческих центров. Внимательное исследование подобных экземпляров позволяет придти к твердому выводу, что среди предметов, бытовавших в городах северного Причерноморья, может быть выделена целая серия изделий, представляющих сделанные на месте, в северном Причерноморье, копии с греческих оригиналов, созданных в тех или иных античных центрах.

[1] Особенно интересна находка в Ольвии фрагментов базы с частью греческой надписи, упоминающей знаменитого афинского скульптора Праксителя. См.: IPE I², стр. 256, № 271.

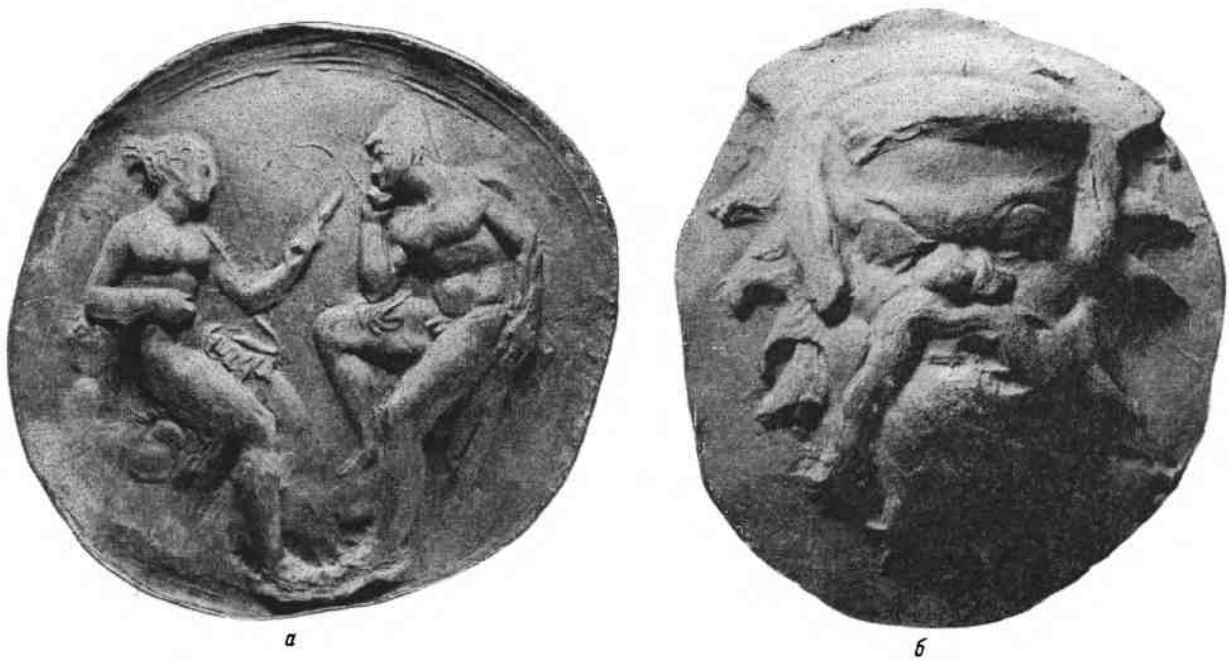
Подтверждением сказанного может служить одна исключительно интересная находка. В 1888 г. в Херсонесе была открыта керамическая мастерская, в одном из помещений которой оказалась гончарная обжигательная печь, в другом было найдено большое количество глиняных форм, целых и обломков, служивших для оттисков рельефов.[1] Время существования мастерской, судя по стилистическим особенностям рельефов, — III в. до н. э. (вероятно, не раньше второй его половины). Но стиль изображений различных рельефов настолько несходен, что приходится не только считать безусловно исключенной возможность создания их всех одним художником, но характеризовать их как продукцию ряда школ, ряда художественных направлений. В то же время глина, из которой изготовлены формы, так же как и общая их выделка, совершенно идентична у всех экземпляров.

Занимавшийся данным комплексом В. К. Мальмберг нашел вполне убедительное объяснение указанных особенностей рассматриваемого комплекса: согласно его предположению, все формы представляют слепки с различных предметов, снятые мастером или мастерами данного предприятия. Внимательное изучение сделанных с форм оттисков привело его к заключению, что предметы, с которых сняты были слепки, были различны и по материалу. В ряде случаев это были металлические предметы, например, крышки от шкатулок или от зеркал. Некоторые формы можно скорее считать слепками с терракотовых фигурок или рельефов. Встречаются, наконец, слепки с предметов из камня, в частности из мрамора (об одном примере последней группы речь будет ниже).

Сюжеты изображений на рельефах херсонесских форм — характерные античные. Несколько экземпляров содержат целые сцены греческой мифологии: Геракл у Омфалы (рис. 1, *а*), Геракл с младенцем Телефом, группа Эрота с луком и Ники. Характерные изображения персонажей греческой мифологии встречаем мы и на тех рельефах, на которых воспроизводятся отдельные фигуры, бюсты или головы, — мы видим здесь Афину, Афродиту, Ниобу, Силена (рис. 1, *б*).

[1] В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. МАР, вып. 7, 1892, стр. 1 сл.

Мифологические сюжеты являются бесспорно доминирующими; менее распространенные, но все же встречающиеся здесь изображения жанрового содержания также не нарушают общего впечатления о выраженном греческом характере представленных сюжетов. Так, реалистически изображенная фигура старухи находит многочисленные аналогии в искусстве греческих центров того же или даже более раннего времени.

а *б*

Рис. 1. Два слепка с глиняных форм херсонесской мастерской.
а — Геракл у Омфалы; *б* — медальон с головой Силена.

Итак, на примере херсонесской мастерской мы можем убедиться в факте производства в городах северного Причерноморья художественных изделий, выполненных в стиле античных изделий и воспроизводящих античные сюжеты. Но где брал херсонесский мастер те предметы, слепки с которых послужили ему формами для изготовляемых рельефов?

Для одной из форм этот вопрос может быть решен. Среди форм херсонесской мастерской имеется одна, самая большая, с изображением мужской головы. У мужчины выразительное и характерное лицо, с крупным носом, с большими, смотрящими вниз глазами; пышная прическа из круто завитых и плотно уложенных локонов, борода длинная, из густых, вьющихся прядей. Тип лица, трактовка волос и бороды соответствуют известному в скульптуре типу Диониса Индийского. Мраморная голова, найденная тоже в Херсонесе (1890 г.), воспроизводит тот же тип.[1] Уже при беглом сопоставлении этой головы со слепком с рассматриваемой нами глиняной формы бросается в глаза настолько значительное сходство этих двух предметов между собой, что естественно возникает вопрос, не представляет ли форма с изображением Диониса Индийского слепок с только что упомянутой мраморной головы. Для проверки этого предположения с мраморной головы был снят слепок, подвергнутый затем обжигу: из получившейся таким образом формы был сделан оттиск.

На рис. 2 сопоставлены оттиск из формы, найденной в упомянутой нами херсонесской мастерской (*а*), с найденной в Херсонесе мраморной головой (*б*). Как видно из сличения этих двух изображений, разница между ними зависит главным образом от худшей сохранности мраморной головы в настоящем ее виде по сравнению с той моделью,

[1] В. К. Мальмберг, ук. соч., стр. 19 сл.

с которой была снята найденная в херсонесской мастерской форма; в остальном же сходство между ними безусловно: одинаковы общие размеры, пропорции отдельных частей лица — повторяются все черты лица, трактовка бороды, волос. Особенно показательно совпадение деталей, например, очертаний отдельных завитков бороды или локонов волос, линий, обрисовывающих лоб, усы, рот. Ясно, что мы имеем здесь дело не с воспроизведением одного общего типа, а с точным, механическим копированием; естественнее всего предположить, что форма, найденная в мастерской, представляет слепок с находившейся в то время в Херсонесе мраморной головы. В момент, когда была снята указанная форма, мраморная голова еще не имела тех повреждений, которые мы видим сейчас, — они появились позднее, может быть, много позднее.

Итак, одна из форм херсонесской мастерской представляет копию привезенной из Греции скульптуры. Аналогичное происхождение можно предположить также и для других форм данной мастерской: мастер снимал слепки с различных предметов, в дальнейшем эти слепки служили формами, оттиски с которых применялись в производстве терракотовых изделий. Такие изделия могли представлять предметы самостоятельного назначения, например, терракотовые статуэтки или рельефы, служившие украшением жилищ или входившие в состав инвентаря домашнего святилища; могли они также служить украшениями различных глиняных сосудов. Это последнее назначение некоторых рельефов, изготовлявшихся в херсонесской мастерской, можно считать бесспорным: среди изображений херсонесских форм мы встречаем такие, которые представляют хорошо известные и широко распространенные орнаментальные детали керамических сосудов. К числу их принадлежат, например, медальоны с головками, помещае-

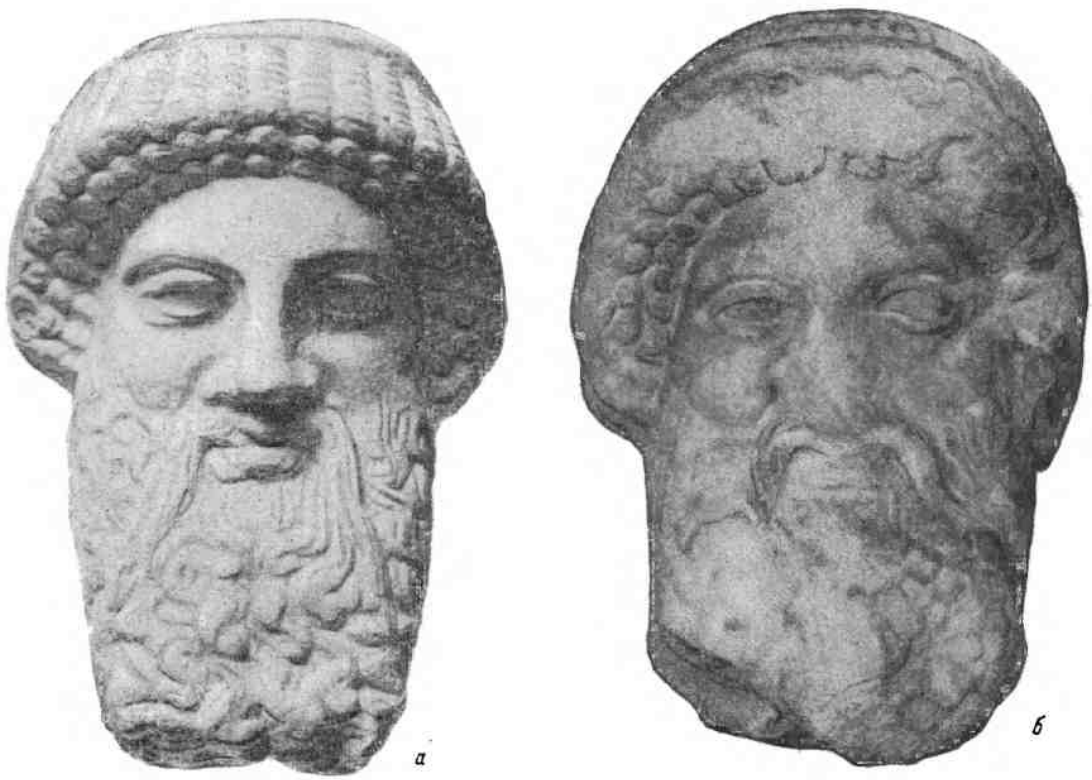

Рис. 2. Голова Диониса Индийского.

а — слепок с глиняной формы из херсонесской мастерской; *б* — фрагмент мраморной скульптуры, найденной в Херсонесе.

мые внутри на дне чашек; слепок такого рода с одной из форм херсонесской мастерской изображен на рис. 1, *б*.

Предположение, что формы херсонесской мастерской являются в главной своей части слепками с привозных греческих изделий, объясняет нам и все особенности этого комплекса. В этом случае нас не будет удивлять ни то, что формы эти сняты с предметов из различного материала — из металла, из мрамора, из глины, ни то, что изображения форм неоднородны стилистически: в качестве модели для форм могло применяться все, что нравилось и что легко поддавалось копированию.

Вместе с тем наблюдение, которое удалось сделать относительно воспроизведения Диониса Индийского, объясняет значительное количество находимых в городах северного Причерноморья изделий, сходных по стилю с греческими, но сделанных из местной глины: копирование античных привозных образцов составляло несомненно определенную отрасль развивавшегося в городах северного Причерноморья производства художественных изделий. Конечно, не эта группа копий будет в центре нашего внимания при ознакомлении с искусством северного Причерноморья. В данной группе и сюжеты, и стиль создались в других областях античного мира; она интересна нам в том отношении, что знакомит с образцами, бытовавшими в северном Причерноморье и, очевидно, нравившимися его обитателям, — иначе их не стали бы воспроизводить. Но специфические особенности искусства городов северного Причерноморья нам придется, конечно, искать в других группах изделий.

Правда, местные причерноморские мастера вносили кое-что свое даже в те предметы, которые в основе представляли копии античных образцов. Из формы изделие выходило, конечно, еще не в окончательном своем виде: оно подвергалось доработке ручным способом, затем покрывалось глазурью или ангобом, обычно еще раскрашивалось. Особенно значительной бывала дополнительная работа над оттиском в тех случаях, когда мастер имел дело с формой, стертой от повторного употребления: отдельные части изображения могли оказаться в такой форме сильно поврежденными, их надо было вновь воспроизводить, не имея перед собой оригинала. В результате предмет мог оказаться существенно отличающимся от того, с которого была снята форма; в характере дополнительной обработки в большей или меньшей степени неизбежно проявлялись новые черты, привносимые местным мастером. Всегда отражала особенности местного производства также и раскраска изделия — местными были самые краски, местные черты сказывались и в орнаментации.

Среди найденных в городах северного Причерноморья терракотовых статуэток или рельефов встречаются экземпляры, в которых особенно ярко отражен описанный нами процесс создания некоторых изделий. Для иллюстрации приведем одну терракотовую статуэтку из Ольвии, найденную в доме эллинистического времени,[1] открытом в прибужской части города. Статуэтка (рис. 3) изображает богиню Кибелу, сидящую на высоком кресле. На коленях богини львенок, в правой руке фиала, левой она поддерживает большой тимпан. Одета Кибела в длинный хитон и высоко подпоясанный пеплос, на голове так называемый башенный венец; волосы длинными прямыми прядями падают на плечи. Весь облик Кибелы, ее поза, ее одежда и атрибуты восходят к греческому образцу; здесь мы видим повторение статуарного типа, известного нам по многим памятникам, происходящим как из центральной Греции, так и из некоторых других областей античного мира. Но наша ольвийская статуэтка отличается рядом своеобразных особенностей, которые нельзя не заметить даже при беглом взгляде на нее. Попробуем в них разобраться.

Основой данной статуэтки, как и большинства терракот, является оттиск с формы: такой оттиск представляет передняя часть, включающая кресло. Но в первоначальном своем виде, в каком они вышли из формы, остались лишь очень немногие части статуэтки. Не измененными дополнительной лепкой и обработкой являются прежде всего лицо Кибелы и верхняя часть ее волос. Хорошо сохранились тонко детализированные волнистые волосы над лбом, не нуждавшиеся в дополнительной лепке, они только покрыты здесь черной краской. Лицо сохранило правильные очертания удлиненного овала, с маленьким ртом и выпуклым подбородком, но оно или трактовано гораздо более суммарно,

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 66 сл.

или, что более вероятно, утратило четкость в результате стертости формы. Другой участок, где оттиск почти не дополнен последующей обработкой, представляет нижняя часть статуэтки. Косые, сходящиеся между ногами под углом складки одежды повторяют схему, типичную для греческих сидящих фигур; но складки эти имеют здесь очертания очень неотчетливые, что тоже обусловлено, вероятно, применением стершейся от длительного употребления формы.

Уже отмечалось, что таких не подвергавшихся дополнительной обработке участков встречается у рассматриваемой статуэтки очень мало. Все же именно по ним мы получаем представление о лежащей в основе изготовленной статуэтки выделке в форме, воспроизводящей греческий образец; бо́льшая же часть статуэтки подвергнута обработке настолько значительной, что первоначальный образец здесь уже значительно видоизменен.

Дополняющая оттиск с формы обработка состоит прежде всего в лепке от руки отдельных частей и деталей, во-вторых, в раскраске. Налеплены самым схематическим и примитивным образом спускающиеся на плечи пряди волос, ушные украшения,

Рис. 3. Терракотовая статуэтка Кибелы из Ольвии. III в. до н. э.

детали одежды, фиала, фигура львенка. руки. Особенно характерна именно своим схематизмом лепка левой руки, придерживающей тимпан: налеплены только пальцы. продолжения руки за тимпаном нет. Что касается раскраски, то она выполнена по белой обмазке, главным образом черной и красной красками и, вероятно, розовой краской (остались незначительные следы на лице). Интересно, что в некоторых случаях черные линии заменяют недостаточно отчетливые скульптурные детали; так, нечетко

выступающие складки в нижней части одежды прорисованы резкими черными линиями.

В отдельности детали, переданные упомянутым способом, производят впечатление небрежности, схематизации, иногда и прямо грубости; краски контрастны, количество тонов очень невелико. Схематичен и примитивен орнамент на спинке кресла, резко отличающийся от обычных греческих орнаментов. При всем том статуэтке нельзя отказать в своеобразной выразительности; это впечатление усиливается, если смотреть на статуэтку не вблизи, а с некоторого расстояния. Очевидно, она именно и рассчитана на взгляд издали; не случайна и недоработанность не только задней, но и боковых сторон — вероятно, статуэтка Кибелы стояла в нише домашнего святилища.

В целом статуэтка Кибелы, конечно, уже не может рассматриваться как характерное произведение греческого искусства, хотя в основе ее выделки — оттиск в греческой форме. Все перечисленные особенности — небрежная выделка деталей, яркие, контрастные краски, примитивный орнамент — мы встретим в других, уже бесспорно местных образцах; им свойственна, как мы увидим, и та выразительность, соединенная с упрощенностью, которая отличает рассмотренную статуэтку.

Как формы херсонесской мастерской, так и ольвийская статуэтка Кибелы дают нам представление о первой группе местных художественных изделий городов северного Причерноморья, в основе которых лежит механическое копирование античных образцов; мы видели, что иногда это копирование античных памятников сопровождается настолько значительной обработкой, что в результате ее теряется основной характер предмета, как произведения греческого искусства. Ознакомление с многочисленными и разнообразными находками, поступающими в наши коллекции в результате археологических расследований поселений северного Причерноморья, приводит нас к заключению о довольно значительном распространении такого способа копирования античных образцов. Это особенно касается группы терракотовых изделий; для их изготовления мог иметь место способ, прослеженный нами на примере херсонесского Диониса Индийского, могли применяться и формы, изготовленные в Греции и привезенные в северное Причерноморье. Зная о подобных приемах изготовления терракотовых статуэток и рельефов, мы не удивимся тому, что в материале любого центра северного Причерноморья встречаются статуэтки чисто греческие по стилю, но изготовленные из типичной причерноморской глины. Иногда местное происхождение таких предметов определяется не только материалом, из которого они сделаны, но также присутствием специфических деталей, прибавленных при отделке оттиска. Ольвийская Кибела представляет один из наиболее характерных примеров таких изделий; у других статуэток местные черты выражены слабее, иногда значительно слабее.

Если даже у копий греческих изделий наблюдаются специфические местные особенности, то еще резче проступают эти черты там, где мы имеем дело с предметами, созданными на месте. Греческие сюжеты, греческие художественные приемы и традиции проникают и в эти предметы. Иначе и не может быть. Среди прибывших в северное Причерноморье и обосновавшихся здесь греков-колонистов были несомненно мастера-художники, продолжавшие и в новом месте выработку предметов в традициях греческого искусства. Это явление может быть ясно прослежено в некоторых группах изделий. Так, в расписной керамике, находимой в городах северного Причерноморья, встречаются образцы, самая глина которых с полной несомненностью свидетельствует о производстве на месте; в то же время и типы сосудов, и мотивы росписи вполне сохраняют свой основной греческий облик. Те же явления могут быть установлены для других групп изделий — для терракот, для предметов из металла, из кости, из дерева; местное происхождение можно предположить, а иногда и установить, и для некоторых античных по характеру памятников скульптуры.

Производство мастерами причерноморских городов изделий, в которых едва ли могут быть уловлены существенные, принципиальные отличия от предметов, производимых в городах материковой Греции, Малой Азии, позже также Италии, имело место в большей или меньшей степени на всем протяжении античной эпохи. Здесь сказываются и определенные традиции, принесенные греками-переселенцами и продолжавшие как-то жить и позднее, и вместе

с тем постоянный приток античных изделий, в большом количестве ввозившихся в северное Причерноморье из городов центральной Греции, Малой Азии, Египта. Оба упомянутых явления обусловливают тот факт, что некоторые отрасли производства, развивающегося в поселениях северного Причерноморья, повторяют в общем те схемы развития и смены направлений, которые имеют место в метрополии. Так, в керамике причерноморских городов представлены те же группы сосудов с росписью по светлому фону, затем чернолаковые и краснолаковые, которые выделывались повсеместно в античном мире; появление и распространение в северном Причерноморье в эллинистический период группы художественной керамики с росписью по светлому фону также бесспорно связано с аналогичным явлением, наблюдаемым в керамическом производстве других местностей античного мира. Тот же факт смены направлений в городах северного Причерноморья, совершенно аналогичных направлениям, известным в Греции, может быть прослежен в ряде других отраслей производства художественных изделий; примером могут служить металлические украшения — серьги, браслеты, ожерелья или такие предметы, как зеркала. Подробнее все эти явления будут рассмотрены в следующих очерках, посвященных отдельным отраслям искусства. Здесь нас интересует освещение упомянутых фактов как общих явлений. Чем обусловливается это совпадение в изменениях и развитии, наблюдаемых в некоторых отраслях искусства северного Причерноморья, с одной стороны, и городов Греции — с другой?

Не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением сложным. Первое, пожалуй, главное обстоятельство — общность основы, на которой вырастают дальнейшие ответвления искусства. Уже то, что первые мастерские были основаны в причерноморских городах греками-ионийцами, предопределило известное родство причерноморского производства, с одной стороны, и производства ионийских городов — с другой, родство, не только свойственное начальному периоду, но сохраняющееся в какой-то степени и в более позднее время. Правда, именно в дальнейшем развитии в художественном производстве городов северного Причерноморья проявляются все более и более заметные специфические местные черты; но общий античный характер, причем преимущественно с особенностями ионийской ветви греческого искусства, сохраняется у значительного количества памятников работы причерноморских мастерских. С другой стороны, как уже отмечалось, города северного Причерноморья в течение всей античной эпохи продолжали поддерживать деятельные сношения с различными центрами античного мира. В результате этих сношений вполне вероятны факты прибытия в северное Причерноморье новых греческих художников; вместе с тем приток греческих художественных изделий ведет к возникновению многочисленных подражаний привозным образцам или хотя бы к воспроизведению отдельных их элементов. Если учесть все перечисленные явления, нас не удивит, что в искусстве городов северного Причерноморья можно найти как бы отражение основных этапов того развития, которое имеет место в Греции. Также понятно и то, что та часть причерноморского искусства, которая остается в основе античной, не только не исчезает, но приобретает новые и более совершенные формы; впитывая в себя многое из того, что создается вне северного Причерноморья, это античное искусство данной области получает здесь свой свежий и глубоко своеобразный колорит.

Лучшие образцы этого искусства северного Причерноморья, в основе греческого, но отличающегося характерными местными чертами, хорошо известны. К ним принадлежат такие совершенно уникальные произведения торевтики, как золотой гребень, серебряная обкладка горита, золотые и серебряные сосуды из кургана Солоха, серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана, золотые и серебряные сосуды кургана Куль-Оба.

Все упомянутые памятники близки хронологически — самые ранние из них принадлежат еще V в. до н. э., большинство относится к IV в. до н. э. Как уже упоминалось, все вещи, о которых идет речь, были найдены в комплексах курганных погребений богатой скифской знати. Их связь с местным населением северного Причерноморья сказывается также и в сюжетах изображений: на большинстве этих памятников воспроизведены сцены, в которых действующими лицами являются скифы или во всяком случае «варвары», не-греки. Тем более останавливают внимание выраженные античные черты

в стиле изображений, сказывающиеся прежде всего в трактовке фигур людей и животных. Прекрасно выполнен, например, конь всадника, занимающего центральное место в группе, изображенной на гребне из кургана Солоха; необычайно жизненна, полна напряжения вся его поза, исключительно точно переданы детали мускулатуры. То же умение передать напряженное движение, сочетающееся с поразительно тонкой и точной трактовкой деталей, отличает изображения людей в той же сцене: детально и правильно воспроизведены черты лиц людей, их одежда, их вооружение. По мастерству работы гребень кургана Солоха бесспорно принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников искусства; но указанный характер изображения свойствен не только ему, те же в общем черты отличают центральный фриз чертомлыцкой амфоры, сложную сцену боя на обкладке горита из кургана Солоха, сцены охоты на серебряном сосуде из того же кургана. Вполне аналогичных вещей мы вне северного Причерноморья не знаем, но если мы постараемся найти параллели их манере изображений, в которой уменье живо воспроизвести фигуру в движении сочетается с изумительной тонкой трактовкой деталей, мы сможем встретить их только среди произведений греческого искусства. Известно свойственное грекам прекрасное знание анатомии человека и животных, знание не только строения, но и законов движения живого тела. Это знание у греческих мастеров сочетается с уменьем воплотить его как в скульптуре, так и в рисунке. Именно эти черты отличают многие лучшие памятники греческого искусства. Такие же особенности характеризуют и то направление, о котором у нас идет сейчас речь; более того, сравнивая некоторые фигуры на изделиях северного Причерноморья (например коня на гребне из кургана Солоха) с аналогичными изображениями на памятниках искусства Греции, мы убеждаемся в громадном сходстве между собой тех и других. Греческие черты мы встретим и в орнаментации изделий рассматриваемой группы. На некоторых предметах орнаментация очень обильна: ярким примером может служить серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана, у которой большая часть тулова покрыта орнаментом пальметок, выполненным с большим изяществом и большой свободой и встречающим близкие аналогии на многих памятниках греческих центров.

В то же время в рассматриваемой группе изделий северного Причерноморья выступают некоторые специфические особенности, отличающие их от предметов искусства Греции. Главная из этих особенностей — резко выраженная тенденция к реализму, проявляющаяся здесь так сильно, так своеобразно, как мы не встретим этого в искусстве Греции данного периода. Здесь чувствуется прежде всего стремление создать изображения, в которых была бы возможно точнее отражена подлинная жизнь населения северного Причерноморья. Характерен самый выбор сюжетов. Изображаются не отдельные фигуры или группы, а полные движения сцены, особенно часто сцены боя, борьбы, нападения; художник не останавливается при этом ни перед какими трудностями, он как будто особенно охотно воспроизводит напряженные позы, изогнутые и вывернутые фигуры, как, например, фигура лежащего на земле коня в сцене боя на гребне из кургана Солоха или коней на горите того же комплекса. Может быть, ни на одном из памятников рассматриваемой группы передача сцены боя не доведена до такой степени выразительности, как именно на горите кургана Солоха, где выбраны крайне трудные для передачи моменты (обратим, например, внимание на фигуру скифа-всадника, которого противник старается стянуть за волосы с коня). Но и на других памятниках мы встречаемся с той же поразительной живостью и жизненностью передачи. Реалистические черты сказываются и в другом — в так называемом этнографическом реализме. Уже упоминалось, что на большинстве изделий рассматриваемого направления изображены сцены из жизни скифов. Изображения эти резко отличаются от изображения тех же скифов на чисто греческих памятниках, например на расписных вазах.[1] На вазовых рисунках мы узнаем скифов по чисто условным деталям костюма и вооружения, из которых главная — обязательная остроконечная шапка на голове; в самом же их облике, фигуре, лице не чувствуется отличия от внешности греков. Иной характер имеют те металлические изделия северного

[1] См., например: A. Furtwängler. Griechische Vasenmalerei, Bd. II. München, 1905, табл. 81.

Причерноморья, о которых идет у нас речь. Здесь мы получаем необычайно конкретное представление о костюме и всех украшениях костюма, об обуви, головных уборах, оружии; мы получаем представление и об этническом типе — о телосложении, характерных особенностях лица, прическе с узелком волос над лбом и спускающимися на плечи длинными прямыми прядями волос. В противоположность упомянутым изображениям на греческих вазах здесь создается определенное впечатление о том, что фигуры скифов с большой тщательностью и вниманием изображены с натуры художником, который мог сам их наблюдать, работая на месте, в северном Причерноморье.

Итак, мы видели, что ряд особенностей, как сюжеты изображений, как точность в воспроизведении фигур скифов, свидетельствует о непосредственной связи художников со странами, где обитали скифы. Вместе с тем мы отметили черты общности между этими предметами и предметами греческого искусства, указав, впрочем, на значительное их своеобразие, значительные отличия от изделий мастеров, работавших в Греции; это своеобразие сказывается особенно в отмеченных нами чертах реализма. Последний момент заслуживает специального внимания. Реализм никак не может рассматриваться как особенность, чуждая искусству классической Греции, — современные ученые-искусствоведы вполне убедительно доказывают присутствие реалистических тенденций даже в очень ранних памятниках греческого искусства. Тем не менее можно утверждать, что в рассматриваемой нами группе художественных изделий, находимых в комплексах северного Причерноморья, черты реализма проявляются и интенсивнее, и в ином виде, чем в искусстве классической Греции. Особенно показательны в этом отношении случаи передачи в мимике лица отражения различных острых ощущений и переживаний, главным образом боли. Примером может служить трактовка лица скифа, которому лечат зуб или челюсть, на вазе из кургана Куль-Оба; страданием искажено также лицо скифа на той же вазе, которому перевязывают ногу, а также лица некоторых персонажей, изображенных на обкладке горита из кургана Солоха.

Все упомянутые особенности обусловливают глубоко своеобразный характер изделий данной группы, в основе, как мы говорили, все же греческой. Вместе с тем все эти черты делают особенно важным решение общего вопроса о месте производства этих изделий.

Изучение стиля рассматриваемой группы торевтики привело большинство занимавшихся данным вопросом исследователей к заключению, что мастерами этих изделий могли быть только греки. При этом некоторые исследователи считали, что центр производства их следует искать вне северного Причерноморья. Высказывалась, например, точка зрения, что в данной группе следует видеть продукцию мастерских Милета; присутствие же изображений, воспроизводящих сцены из жизни скифов, объясняется тем, что Милет изготовлял такие предметы на экспорт в Скифию по специальному заказу, исходившему от колоний северного Причерноморья.[1] Приведенная точка зрения, как и другие подобные ей, безусловно неприемлемы: мы уже отмечали ряд черт в изображениях скифов, свидетельствующих о работе мастеров на территории северного Причерноморья. Вместе с тем сторонники мнения об изготовлении данного рода предметов мастерами греческих, непричерноморских центров, недоучитывают также отмечавшегося нами своеобразия самого стиля изображений. Центр производства данной группы торевтики надо, очевидно, искать не в материковой Греции и не в греческой Ионии, а вблизи от места, где жили скифы. В связи со сказанным безусловно предпочтителен тоже уже давно высказывавшийся специалистами взгляд на эти предметы, как на изделия мастерских Боспорского царства, скорее всего Пантикапея.[2] О боспорском их производстве говорит факт их бесспорной стилистической близости пантикапейским монетам, изображения которых проникнуты тем же свежим, своеобразным реализмом, сочетающимся с большим мастерством. Следует учесть еще одно обстоятельство — что

---

[1] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археолог. статей, поднесенных А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 109 сл.

[2] Не представляется убедительной также высказанная А. П. Манцевич (ВДИ, 1949, № 2, стр. 196 сл.; СА, XIII, 1950, стр. 217 сл.) точка зрения о фракийском происхождении этих изделий. Подробное критическое рассмотрение высказываний А. П. Манцевич сделано Н. Н. Погребовой (СА, XVIII, 1953, стр. 285 сл.).

производство торевтики на Боспоре документально подтверждается находкой в одном из расположенных вблизи Пантикапея поселений, Тиритаке, штампа для выделки золотых украшений.

В связи с отмеченными особенностями рассмотренной группы торевтики она может быть определена как особая отрасль греческого искусства, развившаяся в области северного Причерноморья и получившая здесь свои характерные черты, свои специфические и несомненно крупные достоинства. Своеобразные сюжеты изображений определяются тем фактом, что изделия эти были предназначены для представителей скифской знати; тем же специальным их назначением объясняются и формы этих изделий, не свойственные Греции. Стиль, отличающий данную группу от предметов производства мастерских материковой Греции, Ионии и других областей античного мира, стоит в зависимости от того, что изделия эти производились местными мастерами городов северного Причерноморья, точнее — городов Боспора.

Внимательное исследование предметов данной группы приводит к заключению, что и ее мы не можем рассматривать как нечто совсем однородное: особенности некоторых предметов говорят о близости их к искусству восточногреческих областей, в частности, области Ионии, другие оказываются ближе к искусству Аттики или западных областей. Нас не должно это удивлять — города северного Причерноморья и особенно Боспорского царства жили, как это уже отмечалось, не изолированной жизнью, а поддерживали деятельные сношения с различными областями античного мира, что должно было отразиться и на производимых здесь предметах искусства. Вместе с тем черты различия между входящими в данную группу предметами, наблюдающиеся в деталях стиля, в мотивах орнаментации и т. д., не опровергают общего представления о единстве происхождения их всех.

Боспорская торевтика V—IV вв. до н. э. представляет одно из самых ярких явлений не только в искусстве городов северного Причерноморья, но и вообще в искусстве античного мира. Сходные течения, при которых производство художественных изделий, в основных своих особенностях являющихся греческими, имеет место в причерноморских городах, могут быть прослежены также и в других отраслях искусства северного Причерноморья. Среди памятников скульптуры предметы, произведенные на месте, в городах северного Причерноморья, и в то же время представляющие собой характерные предметы греческого искусства, не очень многочисленны. Большинство дошедших до нас памятников по отличительным чертам их техники и стиля распадается на две группы — это или предметы привозные из различных областей античного мира, или сделанные на месте и имеющие характер настолько своеобразный, несходный с первой группой, что их можно лишь с большими оговорками отнести к числу произведений греческих. Но есть все же случаи, когда мы встречаемся с памятниками, сделанными на месте и в то же время носящими настолько выраженный греческий характер, что их можно причислить только к категории предметов греческого искусства. Интересно, что среди таких скульптур, греческих по стилю и местных, причерноморских, по происхождению, есть очень ранние экземпляры. Так, в недавнее время (1946 г.) в состав коллекции Керченского музея поступила часть головы воина в коринфском шлеме, сделанная из крепкого, хорошо известного в Керчи известняка. Прекрасно и абсолютно точно переданная форма коринфского шлема, с одной стороны, применяемые технические приемы — с другой, дали возможность занимающемуся этим предметом исследователю охарактеризовать его как работу греческого мастера, «хорошо знакомого не только с памятниками греческой скульптуры, но и с греческим бытом, с деталями греческого воинского доспеха».[1] В то же время материал, из которого сделана рассматриваемая скульптура, — местный керченский плотный известняк. В связи с этим отпадают всякие сомнения в ее производстве на месте, в одном из городов Боспорского царства. Есть, правда, в работе головы воина в коринфском шлеме черты, отличающие ее от современных ей памятников греческой скульптуры, но все эти особенности легко объясняются иным материалом, неизбежно нуждавшимся в применении некоторых особых технических приемов.

Рассматриваемый предмет относится, по определению изучавшего его исследователя,

[1] См.: А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 31 сл.

к первой половине V в. до н. э.; мы можем, таким образом, считать установленной принадлежность его к числу изделий, производившихся в первый период жизни Боспорского царства. Есть и другие памятники скульптуры, которые мы по местному их материалу с уверенностью включаем в состав изделий причерноморских мастерских, но которые по особенностям своего стиля ничем не отличаются от предметов производства городов Греции; также и они представляют, очевидно, работу греческих мастеров на почве северного Причерноморья. Все эти предметы принадлежат во всяком случае раннему времени; позднее начинают проявляться все более и более заметные местные черты, уже не позволяющие безоговорочно относить такие памятники к числу предметов греческого искусства. Присутствие изделий, отличающихся выраженными греческими чертами, может быть установлено и в других отраслях художественного производства северного Причерноморья. Так, яркий пример прекрасной греческой работы представляют деревянные саркофаги, находимые в богатых погребениях боспорской знати, принадлежащих в большей их части IV в. до н. э. Таковы саркофаги так называемого Змеиного кургана, кургана на земле Мирзы Кекуватского, погребения в кургане Большая Близница и других богатых курганных погребений Керченского и Таманского полуостровов. Эти саркофаги, у которых элементы греческого искусства проявляются и в характерных орнаментах, и во всем их типе, не встречают аналогий в Греции: сделанные по специальному заказу представителей богатой боспорской знати, они представляют группу художественного производства именно северного Причерноморья. Но уже в III в. до н. э. в украшениях этих саркофагов наблюдается появление местных черт. Примером может служить известный анапский саркофаг, которому будет уделено специальное внимание в очерке о деревянных резных изделиях.

Группа изделий, греческих по их облику, может быть прослежена и в керамике мастерских северного Причерноморья. Во всех причерноморских центрах — в городах Боспора, в Херсонесе, в Ольвии — встречаются сосуды, у которых форма, обработка поверхности, а иногда и орнаментация не отличаются сколько-нибудь существенно от керамики греческих центров, но которые по глине могут быть уверенно определены как местные причерноморские изделия. Нас здесь, конечно, особенно интересует художественная керамика. Уже в раннее время, в VI в. до н. э., может быть установлено производство сосудов с росписью, близкой, а иногда и идентичной росписи греческих ионийских сосудов. Сходство с ионийскими вазами выражается в росписи этих сосудов, в наличии поясков, характерных для ионийской керамики и исполнявшихся темной краской иногда по незакрашенному фону глины, иногда поверх светлой обмазки: к пояскам часто прибавляется орнамент простейших типов — в виде точечных розеток, волнистых линий, реже схематизированных растительных гирлянд, листочков и т. д. Сравнивая эту причерноморскую керамику с изделиями городов Ионии, мы убеждаемся в том, что мотивы росписи у тех и других вполне сходны, но характер ее исполнения различен: у керамики мастерских северного Причерноморья рисунок более небрежно выполнен, схематичен; отличается и качество краски. Применялась ли в причерноморской керамике ионийского типа более сложная роспись, содержанием которой служили также и фигуры животных и людей, мы с уверенностью сказать не можем. По отношению к отдельным сосудам с такой усложненной росписью, ближе всего напоминающей роспись ваз так называемого родосско-милетского стиля, высказывалось предположение о производстве их в северном Причерноморье, но соображения, приводившиеся в пользу такого предположения, не могут быть признаны вполне убедительными.[1]

Во всяком случае не подлежит сомнению, что в городах северного Причерноморья уже в VI в. до н. э. существовало свое местное производство керамики, аналогичной той керамике, которая выделывалась в это же время в греческой Ионии. Судя по данным археологических исследований, это производство не получило широкого распространения. При раскопках причерноморских городов местные сосуды ионийского стиля встречаются обычно не в большом количестве; лишь в отдельных случаях (особенно во время недавних раскопок Нимфея) такая

[1] См.: Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25. 1952, стр. 228—230.

керамика оказалась представленной более обильными находками.[1]

В последующие века в городах северного Причерноморья продолжалось производство керамики греческого типа, в том числе керамики художественной. В этой керамике мы можем проследить два основных направления. Выделывались сосуды таких же типов, какие были распространены в то же или немного более раннее время в городах Греции; основные различия между причерноморскими изделиями и продукцией керамических мастерских Греции определяются главным образом техническими признаками. Яркий пример такой причерноморской группы керамики представляют производившиеся на Боспоре так называемые мегарские чашки — сосуды полусферической формы, поверхность которых украшалась многочисленными рельефными изображениями. Производство их на Боспоре может считаться документально установленным: при раскопках боспорских городов были обнаружены фрагменты форм, в которых выделывались такие чашки.[2] Последними находками подтвердилось предположение, высказанное уже раньше, о местном происхождении некоторых из находимых в городах Боспора сосудов данной группы, отличающихся от других мегарских чашек качеством глины и глазури. Мегарские чашки боспорского производства не имеют в своем стиле особенностей, существенно отличающих их от продукции других центров. Правда, причерноморским сосудам данной группы свойственна некоторая упрощенность орнаментации, но ту же черту мы можем встретить и в изделиях других античных центров.

Можно предположить также производство в северном Причерноморье ваз с росписью в краснофигурном стиле, но это производство не было значительным и имело место, повидимому, только в сравнительно позднее для данной группы время, не раньше второй половины IV в. до н. э.

Наряду с производством сосудов, стиль которых повторяет, хотя бы и в несколько измененном виде, стиль керамики греческих центров того же или немного более раннего времени, в керамическом производстве северного Причерноморья можно заметить и другие направления. В материале из раскопок причерноморских комплексов IV—III вв. до н. э. иногда встречаются сосуды, роспись которых характеризуется присутствием мотивов, свойственных греческому искусству более раннего периода. Так, их роспись, исполненная темной краской по фону глины или по светлой обмазке, близко напоминает роспись архаических ваз: в античных центрах этого времени господствуют уже иные традиции. При этом в рассматриваемой группе причерноморской керамики повторяются не только общий ионийский тип и стиль росписи, но и излюбленные ее мотивы. Вместе с тем формы сосудов исключают возможность сомнений в том, что мы имеем здесь дело с изделиями значительно более позднего времени, чем время, когда была распространена роспись в ионийском стиле. Таким образом, в производстве художественной керамики северного Причерноморья IV и III вв. до н. э. наблюдается сохранение некоторых традиций, которые и в материковой, и в ионийской Греции уже сошли или почти сошли в данное время со сцены. Указанное явление представляет бесспорный интерес. Очевидно, начавшееся в более ранний период производство керамики ионийского типа продолжалось в городах северного Причерноморья и в следующие века, представляя собой особое течение, существовавшее параллельно с течениями новыми. Такую задержку, запоздание вполне естественно встретить в области, отдаленной от центральной части античного мира и имеющей в путях развития свои специфические особенности.

В том виде, в каком мы ее описали, керамика ионийского типа и в IV—III вв. до н. э. не перестает быть все же группой в основе греческой. Но следует отметить, что в это же время в керамике рассматриваемой группы все больше и больше проступают местные черты, уже никак не свойственные греческим центрам. Из таких местных особенностей отметим обработку поверхности посредством лощения. Последний прием рас-

---

[1] См.: М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 232 сл., особенно стр. 249—252; изображения этой керамики см. там же, рис. 12, *2*, 13 и 14.

[2] В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Памятники искусства. Бюлл. Гос. Музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 14, рис. 8. — В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. Археология и история Боспора, I, 1952, стр. 34, рис. 7.

пространен в керамике скифской и сарматской и несомненно именно оттуда проник и в керамическое производство городов северного Причерноморья. Сверх того, на сосудах рассматриваемой группы применяются некоторые дополнительные орнаментальные детали. Все вместе придает своеобразный характер той группе, которая генетически восходит к греческой ионийской керамике.

Мы рассмотрели целый ряд групп художественных изделий северного Причерноморья, имеющих в общем стиль и характер, соответствующий греческим изделиям, и могущих быть причисленными поэтому к памятникам греческого искусства. Среди прошедших перед нами групп наиболее значительным явлением следует признать боспорскую торевтику V—IV вв. Еще раз напомним, что в ней мы отметили яркие, только ей свойственные особенности, в силу которых эти изделия не только представляют выдающиеся образцы античного искусства, но и изделия, в высшей степени оригинальные и своеобразные. Прекрасные и очень интересные изделия, сохраняющие черты греческого искусства, были нами прослежены и в других отраслях художественного производства городов северного Причерноморья; и во всяком случае не подлежит сомнению присутствие в продукции этих городов значительной группы с преобладанием черт греческого искусства. Но безусловно показательно, что большинство таких изделий оказалось принадлежащим сравнительно раннему времени: уже в раннеэллинистический период во всех отраслях художественного производсва причерноморских городов может быть установлено наличие ярко выраженных местных черт, отражающихся и на общем облике искусства этих городов. Мы лучше оценим и поймем это явление, когда познакомимся с другими течениями в художественном производстве северного Причерноморья.

В начале настоящего очерка мы говорили о том, что на характере производства художественных изделий северного Причерноморья неизбежно должен был отразиться неоднородный состав населения данной области с двумя основными группами — греками-колонистами и местными скифо-сарматскими племенами. Те группы, о которых шла речь до сих пор, связаны с первой, греческой частью населения. Ознакомление с остальным материалом убеждает нас в присутствии в искусстве северного Причерноморья также и отчетливо выраженных местных направлений, в том числе таких, которые в основных их особенностях приходится связать с другой группой населения — группой скифо-сарматской.

В этом местном материале заслуживает специального внимания группа предметов, принадлежащих раннему периоду жизни колоний: это — металлические изделия Ольвии VI и начала V в. до н. э. Поскольку эти изделия детально рассматриваются в публикуемом ниже очерке Е. О. Прушевской, мы опять-таки ограничимся здесь лишь общей их характеристикой.

Уже технические особенности изготовлявшихся в Ольвии в VI в. металлических предметов свидетельствуют об их безусловном несходстве с изделиями греческих мастерских. Прочно утвердившаяся в Ольвии техника отливки в формах, причем отливались фон и рельеф вместе, была чужда греческой торевтике того времени. Между тем в Ольвии в такой технике изготовлялись не только зеркала, украшения и т. д., но, что особенно интересно, также и монеты. Сравнивая эти технические приемы с приемами ранее существовавших в северном Причерноморье металлических мастерских, мы убеждаемся в бесспорной зависимости первых от вторых: ольвийские мастера усваивают и развивают технику более ранних местных мастерских, производивших, правда, предметы менее художественные и имевшие по большей части утилитарное назначение.

Не менее, чем техника, показателен также стиль изображений рассматриваемой группы металлических изделий. На большинстве их воспроизводятся в различных и очень своеобразных сочетаниях фигуры животных, иногда части фигур животных; бывают случаи, когда на одном предмете воспроизведены животные и птицы в разных комбинациях и разных масштабах, дающих в целом очень своеобразный орнаментальный комплекс. Все эти изображения сильно стилизованы, схематизованы, причем постоянно в определенном виде: некоторые фигуры, как, например, фигура лежащего оленя с подогнутыми ногами, повторяется на многих предметах и постоянно в сходной трактовке. Для примера возьмем один предмет — поясную (?) бляху, в которой скомбинированы три крестообразно расположенные сильно стилизованные птичьи головы, свер-

нувшийся в кружок зверек и ряд одинаковых фигурок лежащих животных, выполненных в значительно меньшем масштабе (см. рис. 7 на стр. 331). Все эти особенности соответствуют стилистической группе, определяемой термином «звериный скифский стиль». Если в создании образов звериного скифского стиля в том виде, в каком мы знаем его на почве северного Причерноморья, известную, притом немаловажную роль сыграли причерноморские греки, то это не изменяет общего представления о местной его основе. Это целиком применимо и к изделиям ольвийским. Роль местного скифского населения в производстве рассматриваемых ольвийских металлических предметов VI в. до н. э. определяется двумя моментами. Во-первых, такого рода предметы могли производиться только в расчете на потребителя — скифа. Во-вторых, только участием мастеров-скифов может быть объяснено применение технических приемов, так определенно родственных технике производства причерноморского населения во время, предшествующее времени появления рассматриваемых изделий. Местный характер ольвийского металлического производства в VI в. свидетельствует о том, что скифские мастера не были в это время только исполнителями распоряжений греческих владельцев мастерских — ими внесены были в производство и свои технические приемы, и свойственные им идеологические представления.

При преобладании сюжетов, связанных с миром животных, в разбираемой группе встречаются также изображения иного характера. К их числу принадлежит, например, фигура Афродиты на ручке одного из ольвийских зеркал, цветок лотоса — на другом.[1] В этих греческих мотивах, иногда и в изменении типов и форм предметов, проявляется факт участия в создании данной отрасли производства также и греческой части населения Ольвии.

Художественная торевтика описанной техники и стиля — только часть обширного металлического производства, имевшего место в Ольвии VI в. до н. э. В той же технике изготовлялись и такие предметы, как наконечники стрел, а также более крупное оружие. Формы и техника этих изделий тоже свидетельствуют о выделке их в мастерских, где главными производителями были скифы, греками же осуществлялась несомненно общая организация и руководство.

В данном виде металлическое производство существовало в Ольвии главным образом в VI в. до н. э. Оно продолжалось и позднее, сохраняя в V, отчасти и в IV в. до н. э. свои основные технические особенности. Так, массивные литые монеты — так называемые ассы — изготовлялись в Ольвии и в V, и в IV вв. до н. э. Но следует отметить, что собственно скифский стиль после VI в. до н. э. в металлическом производстве Ольвии уже вырождается: изображения становятся суше, схематичнее, часто теряется представление о лежащем в их основе сюжете. Так, головки и фигурки животных оказываются схематизированными настолько, что первоначальное их значение совершенно утрачивается — они кажутся чисто орнаментальными придатками. В связи с этим ольвийские изделия сохраняют своеобразный характер, но скифский их облик несомненно утрачивается.

Если подойти к определению рассматриваемой группы в целом, мы должны будем определить ее как специфически ольвийскую, хотя и свидетельствующую об участии в этой отрасли производства местных скифских мастеров. Итак, в то время, когда целый ряд отраслей производства городов северного Причерноморья сохраняет несомненный греческий характер, существует и такая отрасль, в которой местные черты приходится считать доминирующими. Как мы видели, ни те из групп, которые имеют основной греческий характер, ни те, где скифские особенности явились определяющими, не остаются в чистом виде до конца периода их существования: специфические греческие, как и специфические скифские особенности становятся менее выраженными, вместе с тем выступает все более и более своеобразный характер искусства городов северного Причерноморья. Наиболее яркой чертой, определяющей своеобразие причерноморского искусства и вместе с тем безусловное большое его значение, является та тенденция к реализму, которую мы проследили в творчестве боспорских мастеров-торевтов V и IV вв. до н. э.

Если в VI, V и IV вв. до н. э. мы можем как-то еще чувствовать присутствие двух основных течений в искусстве городов северного Причерноморья — греческого и

[1] См.: МАР, вып. 34, 1914, табл. X, *3* XI.

скифского, то уже с III в. мы все больше и больше чувствуем появление и рост специфического местного искусства причерноморских городов. В его создании играют видную роль и греки, и представители местного населения; оно, конечно, не является в это время вполне единым во всех своих частях — в нем могут прослеживаться различные течения с более выраженным местным колоритом и вместе с тем то более примитивные, то свидетельствующие о большем художественном развитии. И все же появляется целый ряд особенностей, свойственных искусству северного Причерноморья в целом или искусству какой-либо его области, например Боспора. Особенности эти проявляются в различных отраслях искусства, но неравномерно и неодновременно: кое-где еще долго живут старые традиции, на других участках ярко чувствуется зарождение и развитие интересных новых явлений. Попробуем их проследить.

Одно из таких новых, очень характерных и очень своеобразных явлений наблюдается в области художественной керамики. Мы имеем в виду так называемые акварельные, правильнее — полихромные вазы, производство которых получило в III и II вв. до н. э. широкое распространение и в Ольвии, и на Боспоре, причем в каждой из упомянутых местностей оно приобрело свои характерные особенности. Начнем с Боспора, где указанные черты своеобразия проявились особенно ярко.

В начальный свой период данная отрасль керамического производства стоит в несомненной связи с греческими импортными изделиями. В V и особенно в IV в. до н. э. на Боспоре прочно утвердился обычай включать в состав погребального инвентаря большие вазы определенной формы — пелики, чаще всего украшавшиеся росписью в так называемом краснофигурном стиле: подавляющее большинство таких пелик, находившихся в боспорских погребениях, представляло импорт из Аттики. Выработались даже определенные излюбленные сюжеты изображений на боспорских пеликах: на лицевой стороне их особенно часто встречаются изображения, связанные с мифами об амазонках, на обратной — трафаретные мужские фигуры в плащах, вообще с большим постоянством воспроизводимые на обратной стороне аттических краснофигурных ваз. В более раннее время в росписи пелик соблюдался краснофигурный рисунок, в котором участвуют только два цвета — черный цвет «лака» и оранжево-красный — обожженной глины; в IV в. этот стиль усложняется применением накладных красок — белой, реже голубой, светлозеленой, иногда и позолоты: бывают случаи, когда рисунок дополнен рельефом. К концу IV в. роспись таких ваз становится все более и более схематичной, небрежной; сложные сцены все чаще и чаще заменяются более упрощенными изображениями, например крупным изображением голов амазонки и коня. Но основной характер их остается неизменным.

В III в. до н. э. импорт краснофигурных аттических пелик прекращается. Но обычай ставить в погребения вазы именно данной формы остается в силе; боспорские мастера начинают делать их сами. При этом впервые развивается производство боспорской керамики, в котором ярко проявляются черты местного искусства, заметно отличающегося от искусства предшествующего периода.

Необычайное своеобразие этой местной керамики бросается в глаза уже при беглом взгляде на нее. Ряд особенностей говорит о стремлении создать нечто похожее на бывшие здесь излюбленными аттические вазы. Это сказывается в форме пелики, продолжающей оставаться на Боспоре излюбленным типом сосудов, применяемых в погребальном инвентаре данного времени. Подражание аттическим краснофигурным пеликам представляет и роспись: художники воспроизводят те же сюжеты, даже те же фигуры в плащах на обратной стороне ваз, причем пытаются воспроизвести и то же красочное впечатление краснофигурного стиля, в котором выдержана была роспись аттических пелик: от большинства последних их только отличает прежде всего более распространенная полихромия, т. е. применение разноцветных красок при оформлении основного, занимающего лицевую сторону сосуда, изображения. Но боспорские вазы уже резко отличаются от аттических пелик, служивших боспорским мастерам образцом в начальный период производства данной группы. Здесь мы имеем дело уже не только с упрощенностью, схематизацией греческого типа — боспорские полихромные пелики представляют явление принципиально иное, новое. Первое впечатление от них — значительно более низкий технический их уровень: гораздо грубее, хуже обработана

глина, сосуды слабо обожжены; вместо греческого черного «лака» — тусклая темно-серая краска, которой покрыта поверхность, а красные фигуры и красные орнаменты представляют уже не оставленный непокрытым фон оранжевой глины — они наведены густой тусклой красной краской по темно-серой поверхности сосуда. Несовершенства исполнения сказываются и в характере изображений: везде мы встречаем резкие, грубые черные контурные линии; рисунок крайне схематизован. Общее впечатление — что здесь мы имеем дело безусловно не с греческой, а с местной работой. Действительно, то, что эти сосуды представляют изделия местных мастеров, не может вызывать сомнений. Отметим еще одну их особенность, характерную в указанном отношении. Орнаментальные детали, выполненные в уже описанном краснофигурном стиле, отличаются от греческих не только сниженным качеством рисунка; часто первоначальное значение орнамента здесь совершенно искажено. Яркой иллюстрацией к сказанному является орнамент, состоящий из перекрещивающихся линий с точками в промежутках и заменяющий различные более детализированные орнаменты греческих ваз.

Вместе с тем мы были бы безусловно неправы, если бы сочли боспорские полихромные вазы только грубым «варварским» подражанием античным образцам. При всем схематизме изображений есть в них и такие особенности, которые должны быть признаны безусловными художественными достижениями. Мы должны обратить здесь внимание на два момента. Первый из них касается характера изображения человеческих лиц и особенно ясно может быть прослежен у фигур в плащах на оборотной стороне ваз. Несмотря на упрощенный характер рисунка, в этих изображениях чувствуется сознательное воспроизведение вполне определенных, постоянно одних и тех же типов, не встречающихся в греческом искусстве. Типов этих два. Один из них характеризуется круглой головой, очень большими, широко раскрытыми глазами, вздернутым и широким носом; у другого выражен характерный «длинноголовый» тип, лицо узкое, нос большой и длинный. Интересно, что те же два типа воспроизводятся и на других памятниках Боспора, по большей части относящихся к несколько более позднему времени — на терракотовых статуэтках, в росписи склепов. Особенно часто встречается первый из упомянутых типов — «круглоголовый». Рис. 4, *а*, *б* дает представление о данном типе.

Таким образом, мы встречаем на боспорских акварельных пеликах еще один пример реалистических тенденций искусства горо-

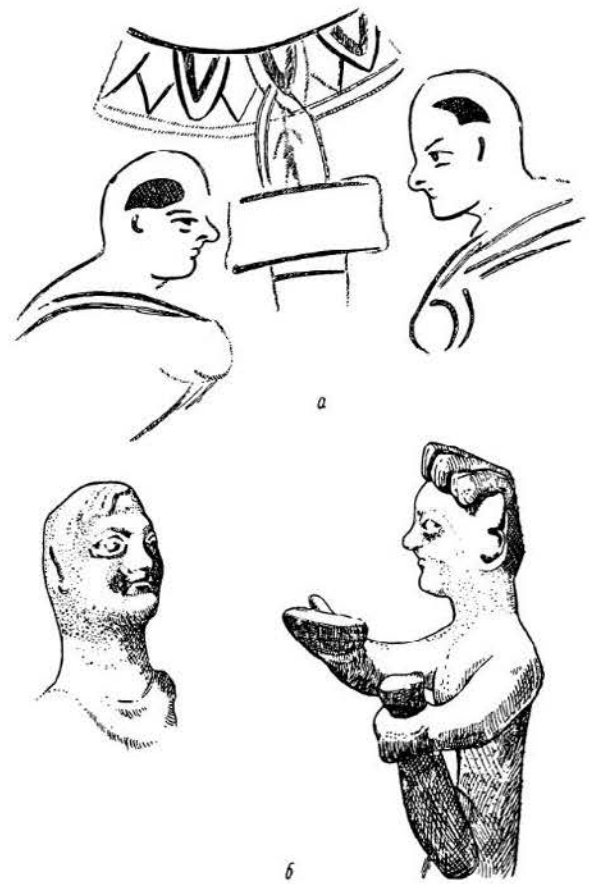

Рис. 4. Изображения местных этнических типов населения Боспора.

а — на керченской полихромной пелике III—II вв. до н. э.; *б* — в терракотовых фигурках первых веков нашей эры.

дов северного Причерноморья, проявляющийся в стремлении придать изображаемым лицам вполне определенный облик, черты которого могли быть подсказаны художнику окружающей его средой.

Вторая особенность рассматриваемых полихромных пелик — живописная манера их росписи. Краски применяются здесь не только для расцветки изображений, как мы это видели, например, на поздних краснофигурных аттических вазах: мы встречаемся

здесь с настоящей живописью, причем мастера уже вполне знакомы с основами передачи светотени. Блики, не только наносимые для воспроизведения объемных блестящих предметов, как, например, шлемов на головах воинов, но применяемые и в изображениях человеческого лица, придают росписи яркую выразительность и делают эти изображения образцами характерной, хотя во многих отношениях еще примитивной живописи.

При свойственных всем боспорским полихромным вазам только что отмеченных чертах они в остальном все же далеко неоднородны.[1] Некоторые из этих ваз еще во многом довольно близки своим аттическим прототипам, другие уже значительно от них отошли; развиваются различные варианты техники их исполнения, появляются новые сюжеты. Следует отметить, что с течением времени все чаще применяются наряду с основной формой пелики также и иные формы сосудов. Заслуживает внимания одно обстоятельство — случаи несомненного стремления художников дать индивидуальную характеристику человеческого лица. Уже в отмеченном нами воспроизведении двух типов, которые мы предположительно признали этническими, может быть уловлен момент какой-то борьбы с условными и трафаретными типами греческих вазовых изображений. Это отступление от условности еще больше проявляется в встречающихся на некоторых вазах изображениях человеческих лиц в крупном плане. Их несходство между собой, их резко выраженные индивидуальные черты говорят о попытках воспроизведения живой натуры, о чем-то приближающемся к портрету.

Полихромные вазы как группа местной керамики северного Причерноморья, характеризующаяся, с одной стороны, рядом технических особенностей, с другой — живописным стилем изображений, производились не только в городах Боспора. Мы знаем аналогичную группу также и в Ольвии. При наличии черт, общих с боспорскими вазами, ольвийская полихромная керамика имеет и ряд своих специфических особенностей. Так, в ольвийской группе распространены были иные формы сосудов — уже не пелики, а чаще всего амфоры, а также пиксиды, энохои, леканы; в изображениях ольвийских ваз сильнее выражено влияние греческого искусства, причем именно среди ваз с такими изображениями есть экземпляры, действительно выдающиеся по художественности исполнения. Но общий своеобразный «полихромный стиль», живописная манера, черты индивидуальной характеристики выражены и здесь, что позволяет объединить их вместе с боспорскими в одну причерноморскую группу.

Полихромная керамика Боспора и Ольвии представляет явление бесспорно интересное в связи с общим вопросом о развитии искусства северного Причерноморья. Специфические особенности этого искусства выступают в данной группе с большой отчетливостью, причем здесь мы имеем дело уже не с греческим искусством на почве северного Причерноморья, а с искусством местным, характерным именно для упомянутой области. Ознакомление с изделиями других отраслей художественного производства тех же центров подтверждает наше впечатление о том, что отмеченные особенности следует признать свойственными искусству северного Причерноморья вообще, а не одной только его отрасли. Коснемся бегло этих других отраслей.

Некоторые наблюдения о таких общих особенностях, прослеживаемых в различных художественных изделиях, уже были отмечены в предыдущем изложении. Так, мы могли убедиться в том, что попытки воспроизводить этнический тип могут быть установлены не только по отношению к изображениям на полихромных вазах, но и у боспорских терракотовых статуэток. Нельзя при этом не отметить, что изображения полихромных ваз, с одной стороны, терракотовые статуэтки той группы, где мы улавливали только что упоминавшиеся особенности, — с другой, в общем представляют памятники искусства совершенно различных категорий, принадлежащие различным периодам, отличающиеся различным характером. Тем интереснее, тем важнее эти бесспорно общие черты. Мы имеем право расценивать их как черты местного искусства Боспора, держащиеся в течение длительного периода, так как терракотовые статуэтки, о которых идет у нас речь, относятся к значительно более позднему времени, по крайней мере на три века, чем полихромные вазы.

---

[1] Более подробно о полихромных вазах см. стр. 380.

По особенностям своих изображений полихромные вазы неотделимы от общей серии памятников, снабженных живописью. Исключительно интересна здесь монументальная живопись, украшавшая и стены жилых домов, и склепы погребений представителей состоятельных слоев населения городов северного Причерноморья, особенно городов Боспора. Обычай расписывать стены и потолки камер подкурганных погребений начинается на Боспоре сравнительно рано, с IV в. до н. э., и затем держится в течение всей античной эпохи. Широкое распространение этого обычая приводит к тому, что для росписи склепов привлекаются мастера разных направлений, в результате чего изображения, встречаемые нами здесь, весьма неоднородны и по стилю, и по художественному их уровню. Намечается ряд различных течений; могут быть прослежены и отдельные конкретные особенности, стоящие в зависимости от определенного мастера.

Как мы видели, полихромные вазы принадлежат в основной своей массе III и II вв. до н. э. Интересно представить себе, в каком отношении к ним стоит живопись на монументальных памятниках того же приблизительно времени.

Раскопками на Боспоре открыт целый ряд памятников, принадлежащих интересующему нас периоду. Первостепенным по своей художественной ценности является здесь один из склепов кургана Большая Близница, по времени несколько предшествующий периоду существования полихромных ваз. К числу выдающихся памятников декоративной живописи того же и несколько более позднего времени принадлежат также склепы курганов в некрополях Пантикапея, Горгиппии, в кургане на Васюриной горе на Таманском полуострове. Представление о характере декоративной росписи данного периода дают и обнаруженные при раскопках Пантикапея части штукатурки с остатками росписи, принадлежащие стенам парадно оформленных зданий.

Для представления об основных особенностях декоративной живописи данного периода показательны прежде всего орнаменты. Все они носят греческий характер, греческий не только по основным их мотивам, но и по отдельным деталям. Это тот же орнамент меандра, те же растительные гирлянды, которые хорошо знакомы каждому, кто имел дело с греческой художественной керамикой или греческой торевтикой; исполнение их очень изящно, выдержанность стиля нигде не нарушена.

Не противоречат указанному впечатлению и немногие имеющиеся в тех же склепах изображения человека. Тип лица Деметры в склепе Большой Близницы — характерный греческий «идеальный тип», в котором не чувствуется ни влияния негреческого типа, ни попыток дать индивидуальную характеристику именно определенного лица. Все это заставляет придти к выводу о том, что в декоративной росписи склепов и зданий в данное время ведущую роль играют еще художники греческие или во всяком случае воспитавшиеся на греческих образцах, в греческих традициях.

Интересно, что умение передавать светотень выявляется и при ознакомлении с росписью ранних памятников декоративной монументальной живописи. Более того, в этих памятниках упомянутые приемы носят характер еще большего мастерства, чем на полихромных вазах. Особенно ярко проявляется это мастерство в воспроизведении некоторых орнаментов. Можно предположить, что мастера полихромных ваз заимствовали приемы, выработанные крупными художниками, работавшими в области монументальной живописи.

Сравнивая декоративную живопись боспорских склепов и зданий эллинистического времени с изображениями на полихромных вазах, мы убеждаемся, что некоторая часть полихромных ваз представляет явление, вполне аналогичное декоративной живописи, но в большей части эти вазы имеют и существенные черты отличия. В целом они характеризуются бесспорно более отчетливо выступающими местными чертами: последние проявляются, с одной стороны, в рисунке, значительно менее тонком, изящном и менее соответствующем греческим образцам, с другой — в большей выразительности, большей реалистичности изображений. Создается определенное впечатление, что мастера полихромных ваз стоят дальше от классического греческого искусства. Нельзя объяснять это явление слишком упрощенно — так, что в области декоративной живописи работали мастера-греки, в области производства полихромных ваз — негреческие мастера. Но ведущая роль греческих художников в первой группе, местных — во второй стоит все же вне сомнений,

во всяком случае на Боспоре. Что касается Ольвии, то там мы встречаемся с работой мастеров, всецело связанных с греческими традициями, вероятно, и прямо мастеров-греков. Ярким примером сказанного может служить один из самых выдающихся образцов данной группы керамики — ваза с изображением Харона, о которой будет еще речь в очерке о художественной керамике.

В прошедших перед нашими глазами группах художественных изделий городов северного Причерноморья мы постоянно чувствовали присутствие явлений, свидетельствующих о своеобразии развивающегося здесь искусства, об отличиях его от искусства других греческих центров. В то же время в целом ряде важнейших элементов это искусство оказывается связанным именно с искусством Греции. Иначе не могло и быть — высокий уровень художественного творчества греческих мастеров неизбежно ставил их произведения в положение образцов, которым следовали также и в отдаленных от Греции областях. Но одновременно с теми направлениями, о которых шла речь, прослеживается и иное, чисто местное течение, в известный период продолжавшее существовать параллельно с рассмотренными нами ранее тенденциями. Для нас присутствие этой местной струи представляет бесспорный интерес: интерес ее тем значительнее, что в период более поздний, чем тот, с которым мы имели дело в предыдущем изложении, местные течения в художественном творчестве населения причерноморских городов становятся уже очень значительными, меняя весь облик искусства Причерноморья.

В ранний период местное течение более всего выражено в памятниках скульптуры. В материале городов северного Причерноморья первых веков их существования оно представлено еще слабо и в очень ограниченной области. В связи с рядом показательных находок, подвергавшихся специальному изучению в последнее время,[1] не может вызывать сомнения, что такого рода памятники непосредственно связаны с примитивной скульптурой местного населения данной области, принадлежащей времени, предшествующему появлению здесь греков-колонистов.

Все известные нам догреческие и доскифские памятники скульптуры принадлежат к категории антропоморфных надгробий. При наличии некоторых особых черт все они представляют крайне схематизированные изображения человеческой фигуры. Наиболее примитивные из них являются грубо высеченными из камня подобиями человеческого бюста, иногда без всякого обозначения черт лица или членов тела, иногда у них схематично очерчены глаза, нос, рот. руки; в изображениях женщины прибавляется еще обозначение грудей. Характерны случаи, когда у таких очень схематизированных фигур в более позднее время появляется довольно тщательно выполненное изображение предметов вооружения — акинака, горита.

Вся эта группа памятников будет рассмотрена ниже, в очерке о скульптуре. там же будут воспроизведены и некоторые характерные образцы. Сейчас нам важно подчеркнуть тот факт, что такие примитивные, схематично выполненные памятники, где образ умершего дается абстрактно, без какой-либо попытки индивидуальной его характеристики, продолжают существовать и позднее, в то время, когда в той же местности уже широко развивается производство несравненно более совершенных изделий, использующих греческие образцы.

Материалы, обнаруженные при раскопках причерноморских городов, свидетельствуют о том, что антропоморфные надгробия продолжают производиться в течение всей античной эпохи. Но если в раннее время надгробные памятники являются едва ли не единственным видом рассматриваемой группы примитивной скульптуры, то с течением времени в таком же роде начинают производиться предметы также и иного назначения. Таков, например, найденный в Танаисе рельеф из известняка с изображением льва, относящийся к первым векам нашей эры.[1] Сходный характер носит также серия рельефов из Ольвии и Херсонеса.[2] Некоторые из них могли слу-

[1] См.: А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 239 сл.

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.—Л., 1949, рис. 42.

[2] В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 180, рис. 9; стр. 181, рис. 10.

жить надгробиями; во всяком случае едва ли может вызывать сомнения связь их с культом.

Подобные памятники уже никак, конечно, не могут рассматриваться как производство греков или эллинизованного местного населения. Все это бесспорно изделия местной, негреческой части населения; их ставили частью те, кто не имел возможности заказывать более дорогие памятники, частью, может быть, те, кто предпочитал работу своих мастеров, отражавшую определенную идеологию, определенные традиции.

В эллинистический период, а также в первые века нашей эры в области производства надгробий наблюдаются интересные случаи слияния двух течений, местного и греческого. В Греции еще и в предшествующее время имел место обычай ставить над могилами надгробные памятники, на которых иногда вырезались только греческие надписи с именами умерших, иногда эти надписи дополнялись рельефами, в раннее время содержавшими орнаментальные мотивы, в более позднее — изображения умерших. Такие надгробия греческой работы привозились и в города северного Причерноморья; очень рано начинается производство подобных памятников и на месте. Твердо укоренившийся обычай ставить надгробные памятники с надписями и изображениями вызвал значительное развитие этой отрасли производства в городах северного Причерноморья, прежде всего на Боспоре. Результатом явилось известное нам громадное количество надгробных стел с надписями и изображениями умерших, принадлежащих длительному периоду, с III в. до н. э. по III в. н. э., и позволяющих, как, может быть, ни одна другая группа изделий городов северного Причерноморья, проследить постепенное развитие искусства этой области, особенно искусства Боспора.

В последние века до нашей эры рельефы на боспорских стелах отличаются теми особенностями, с которыми мы уже могли познакомиться в других группах памятников того же периода. Во многом мы найдем здесь признаки связи с греческим искусством: это сказывается в пропорциях и типах изображаемых персонажей, их позах, трактовке их одежды, в рисунке греческих орнаментов и т. д. Но наблюдаются и местные черты, проявляющиеся в некоторой схематизации и вместе с тем в присутствии реалистических тенденций в том виде, в каком мы их отмечали уже раньше. Прослеживавшиеся нами опыты индивидуальной характеристики изображаемых лиц выражены здесь еще резче, чем на других памятниках. Это вполне естественно — персонажи рельефов по самому смыслу памятников должны были являться портретами умерших. И придание изображениям характера портрета действительно может быть прослежено в ряде стел уже этого времени, т. е. III—I вв. до н. э.

Как мы уже упоминали, в то же время в определенных кругах населения продолжали производиться примитивные антропоморфные надгробия. Результатом все большего и большего сближения между собой различных групп населения является то, что начиная с IV в. до н. э. установлены случаи создания таких надгробий, которые только и могут быть поняты как слияние элементов двух упомянутых групп надгробий — греческой и примитивной местной. Бывают случаи, когда характерное по типу антропоморфное надгробие снабжено греческой надписью;[1] бывает и так, что вся стела с рельефом и надписью вместо обычной формы имеет очертание грубо исполненного человеческого бюста.[2] Сближение греческого типа с местным выражено в данном случае очень ясно и в сущности очень примитивно. Более часты и более характерны случаи, когда сближение различных этнических групп имеет результатом общую, органическую переработку образца, в основе античного. Такая переработка меняет весь стиль и создает уже не комбинацию черт местных и греческих, а новый, своеобразный продукт творчества населения смешанного состава.

Вполне выраженный характер приобретает этот местный стиль в первые века нашей эры. В это время происходят уже не постепенные и сравнительно незначительные, а более глубокие и коренные изменения в культуре городов северного Причерноморья. Определяются они несомненно иным, чем прежде, составом населения: в это время негреческие элементы не только численно вырастают в составе обитателей причерноморских городов, но и приобретают иное,

---

[1] См.: А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия, стр. 242—243, рис. 4—6.
[2] Там же, стр. 251, рис. 14.

гораздо более заметное положение, занимая видное место в самой верхушке общества.

Это изменение в составе населения ведет к «варваризации» или «сарматизации» (поскольку в города вливаются в это время главным образом сарматские племена) всей культуры, в том числе культуры художественной. Во всех отраслях искусства проявляется новый местный стиль, в котором «варваризация» отходит от античных традиций, сочетается с рядом своеобразных черт, представляющих бесспорный интерес.

При обзоре памятников искусства первых веков нашей эры не может не привлечь внимания целый ряд повторяющихся явлений. Чертой, общей для очень многих изображений и в декоративной живописи, и в скульптуре, и в терракотовых изделиях, и в резьбе деревянных саркофагов, являются неудачные по сравнению с изделиями более ранними изображения фигур людей и животных. Пропорции сплошь и рядом не соблюдены, все очертания искажены, неточно, небрежно и неправильно передана мускулатура. Если по отношению к работе боспорских торевтов IV в. до н. э. мы отмечали хорошее знание анатомии и законов движения человеческого тела, то здесь впечатление создается как раз обратное — художники не владеют анатомическими знаниями. Вывод напрашивается сам собой: здесь мы имеем дело с местными художниками, воспитавшимися в иных, неантичных традициях. Более того, мы можем уверенно говорить и о бесспорно более низком уровне художественных знаний этих мастеров. Но мы были бы неправы, если бы видели в этом новом местном течении одни лишь отрицательные стороны. При наличии схематизма и прямых несовершенств в изображениях людей и животных не может не привлечь внимания поражающая выразительность, особенно сказывающаяся в передаче человеческого лица, иногда также в воспроизведении позы человека. Мы уже встречались с этим явлением, когда знакомились с особенностями росписи полихромных ваз. Изображения боспорских склепов, а также некоторые памятники скульптуры первых веков нашей эры дают представление о дальнейшем развитии тех же тенденций. Прекрасно и выразительно лицо Деметры на плафоне склепа, открытого в Керчи в 1895 г., представляющее исключительный образец декоративной живописи времени, близкого к началу нашей эры,[1] а более схематизированно изображенное лицо Коры, похищаемой Плутоном,[2] поражает необычайно сильно переданным выражением страха. Те же черты индивидуальной характеристики типичны и для надгробий, в которых, как мы это уже отмечали, именно в это время может быть прослежено развитие портрета — своеобразного, упрощенного, но свидетельствующего о несомненных достижениях местных мастеров.

На последнем вопросе следует остановиться особо. Ясно выраженная тенденция к индивидуальной характеристике лиц, изображаемых на памятниках искусства причерноморских городов, наводит часто на мысль о наличии портретных изображений. Не всегда легко разобраться в том, когда мы имеем дело с портретным изображением, когда — с проявлением этнографического реализма: художник воспроизводит, иногда едва ли вполне сознательно, определенные этнические типы, те типы, которые встречались несомненно в этнически смешанном населении городов северного Причерноморья. Но иногда индивидуальные черты выражены настолько ясно, что сомнение в трактовке изображения как портретного должно, повидимому, отпасть. Особенно четко может быть прослежено указанное явление в группе надгробных рельефов, где стремление хотя бы приблизиться к портретному изображению вполне естественно.

Один памятник представляет с указанной точки зрения особенный интерес — это одна из сцен, воспроизведенных на внутренней стороне расписного саркофага из Пантикапея.[3] Упомянутая сцена представляет изображение художника в своей мастерской, за работой.[4] Висящие на стенах портреты, из которых два вполне готовы, один в подрамнике, не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело с изображением именно мастерской художника-портретиста; распространение на Боспоре портретного искусства является тем самым вполне доказанным.

Вернемся к рассматриваемому нами искусству первых веков нашей эры. Выразительность, экспрессивность свойственна многим группам причерноморских изделий дан-

---

[1] АДЖ, табл. LVII.
[2] АДЖ, табл. LVIII.
[3] АДЖ, табл. XCII, *1*.
[4] См. стр. 271, рис. 20.

ного времени, причем с большим постоянством она сочетается с крайней упрощенностью, нарушением пропорций, небрежностью и неправильностью в выполнении многих деталей. Особенно ярким примером данного течения являются скульптуры на стене склепа около Нимфея.[1] Изображены вполне определенные персонажи греческой мифологии — Пан, Афина, Силен, но стиль этих скульптур не имеет ничего общего с античным искусством. Лучше других сохранившийся бюст Афины представляет характернейший образец памятника, в котором большая выразительность сочетается с грубым нарушением пропорций: при большой голове крошечные, как у ребенка, ручки. Лица исключительно интересны. Не только Силен изображен с подчеркиванием неправильных, иногда уродливых черт; даже Афина имеет здесь неправильное скуластое лицо с плоским носом и толстыми губами, наводящее на мысль о воспроизведении негреческого типа. Все вместе производит впечатление исключительного своеобразия, в котором лишь сюжеты остались от античных представлений, создавших данные образы.

Приведенные рельефы представляют, как уже отмечалось, особенно характерный памятник искусства первых веков нашей эры. Но те же черты выразительности, то же воспроизведение местных этнических типов встретим мы и в совсем других произведениях, например в местных терракотовых статуэтках, о которых уже шла речь выше.

Далее, мы должны остановиться еще на одной особенности в работах мастеров северного Причерноморья: при схематическом и неправильном рисунке фигур людей и животных, художникам как-то удается ярко отразить самый момент движения. Это сказывается в фигурах скачущих всадников в росписи склепов; этим отличается и танаисский рельеф Трифона.

Все упомянутые особенности придают и большое своеобразие, и бесспорную ценность местному искусству причерноморских городов в первые века нашей эры. Это искусство в целом, конечно, менее совершенно, чем современное ему искусство античных центров, но оно отличается большей свежестью, большей выразительностью, а в некоторых отраслях, как, например, декоративная живопись, и бóльшими достижениями. Своеобразный художественный стиль с упрощенными деталями, часто с тенденцией к плоскостности, развивается и в области скульптуры того же времени. Все эти отрасли рассматриваются подробнее в публикуемых ниже специальных очерках; там же описываются и некоторые не упоминавшиеся нами течения, охватить которые мы не могли в настоящем очерке, имеющем целью освещение лишь основных направлений искусства городов северного Причерноморья.

[1] АДЖ, табл. XCVI.

А. Н. Карасев

АРХИТЕКТУРА

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Раскопки городов древнегреческих колоний северного Причерноморья, начатые более 100 лет назад и особенно широко развернувшиеся после Великой Октябрьской революции, дали богатейший материал для изучения архитектуры этих городов.[1] Открыто большое количество остатков жилых домов, относящихся главным образом к эллинистическому периоду и первым векам нашей эры, значительно меньше более раннего времени.

Это объясняется тем, что остатки зданий архаического и классического времени перекрыты лежащими выше остатками более поздних зданий; в процессе археологических работ открытые остатки построек поздних периодов мешали дальнейшему углублению для изучения более ранних памятников.

Второе место по количеству открытых памятников занимают остатки фортификационных сооружений (оборонительные стены, башни, рвы и т. д.).

Значительную группу составляют каменные погребальные сооружения, представляющие подчас как по своей сохранности, отделке, конструктивным приемам, так и по своему своеобразию прекрасные примеры зрелых и высокохудожественных памятников античной архитектуры.

Остатков общественных и культовых зданий открыто незначительное количество, но о существовании их в городах северного Причерноморья говорят многочисленные эпиграфические и литературные данные. Об этой группе памятников мы, за очень небольшим исключением, можем судить лишь по архитектурным деталям, часто вторично использованным в более поздних постройках, и по аналогичным памятникам в метрополии.

Громадные степные пространства у северных берегов Черного моря в период освоения их греческими колонистами были заселены кочевыми племенами, не имевшими развитого строительного опыта. Оседлые же земледельческие племена, возводившие свои постройки главным образом из дерева и глины, не могли существенным образом влиять на архитектурные формы при строительстве здесь греческих городов.

Очевидно, вместе с первыми колонистами, основное ядро которых состояло из купцов, прибыли и строители (каменотесы, плотники и т. д.). Высокое мастерство греческих строителей в архаический период и издавна сложившиеся в метрополии архитектурные традиции целиком были перенесены во вновь основанные города северного Причерноморья.

Благоприятные экономические условия античных колоний на Понте способствовали быстрому росту городов. Особенно огромных масштабов достигает городское строи-

[1] В. Д. Блаватский. Античная архитектура на территории северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, т. II, М., 1948.

тельство к эллинистическому периоду, когда увеличиваются территории больших городов, вокруг которых появляется масса мелких поселений.

Широкий размах строительства в городах Причерноморья осуществлялся, по всей вероятности, при помощи привлечения крупных архитекторов, вызванных из метрополии. О наличии в городах северного Причерноморья крупных архитекторов в классический и эллинистический периоды свидетельствуют развитая планировка городов, высокое инженерно-строительное искусство, применение новых строительных приемов и материалов, вызванное отсутствием в достаточном количестве строительного камня в некоторых городах, как, например, в Ольвии. Тщательность кладок зданий и прекрасная обработка архитектурных деталей говорят о существовании в городах колоний большого количества высококвалифицированных каменотесов.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Все храмы, общественные здания и богатые дома строились из местного строительного материала — известняка, хорошо поддающегося обработке. Отсутствие хорошего белого мрамора в Причерноморье заставило строителей отказаться от возведения храмов целиком из мрамора. Из мрамора иногда делались только колонны и антаблементы. Мрамор привозился с островов Средиземного моря на судах, шедших в города Понта. Так как большинство судов направлялись в Понт для вывоза оттуда зерна и других сельскохозяйственных продуктов и шли туда нагруженными преимущественно легкими товарами или пустыми, то для большей устойчивости судов трюмы их нагружались квадрами необработанного мрамора или обработанными мраморными изделиями — стелами, архитектурными деталями. Использовался при постройках также и местный крымский и кавказский мрамор розоватого и серого цвета с прожилками. Местный мрамор шел главным образом для внутренней отделки богатых жилых домов.

Почти на всем протяжении жизни античных городов кладка стен зданий из тесаного штучного камня велась или насухо или на глиняном растворе. Известковый раствор в греческий период применялся очень редко, лишь в случаях специального назначения, например как основание для мозаичной вымостки, в кладке цистерн, в ряде производственных сооружений (винодельни) и для штукатурки жилых помещений.

В первые два века нашей эры известковый раствор стал применяться значительно чаще, причем в раствор начали вводить мелко раздробленный обожженный кирпич и битую керамику (цемянка). Так, стены римских терм в Харакссе выведены на известковом растворе.[1] В строительстве жилых домов ранее широко применялся формованный необожженный кирпич-сырец с примесью мелко нарубленной соломы, высушенный на солнце. В римский период в строительстве начал использоваться обожженный кирпич. Размеры и форма кирпичей самые разнообразные.

ПРИЕМЫ КЛАДОК

Первое время после основания поселения греческие колонисты возводили постройки из материала, бывшего под руками в данной местности. Характерным для архаического периода приемом кладки является кладка из мелко наколотых или взятых с морского берега обкатанных плоских камней. Невысокие каменные цоколи для сырцовых стен архаического периода, возведенные в подобной технике, открыты в Тиритаке, Мирмекии и Ольвии (рис. 1).

В классический период кладка цоколей зданий ведется из более крупных плоских, удлиненных камней (рис. 2). Одновременно продолжает еще бытовать кладка из полигональных (многоугольных) более крупных камней, хорошо пригнанных соприкасающимися гранями друг к другу. Примером такой кладки может служить часть каменного цоколя в Верхнем городе в Ольвии (рис. 3). Общественные здания и храмы возводятся из прямоугольных блоков.

Наибольшего развития камнетесное дело в северном Причерноморье достигает в IV в. до н. э.

Наряду с бутовой кладкой из грубо наколотых плит известняка в постройках появляется целый ряд различных приемов каменной кладки.

Одним из распространенных приемов кладки монументальных построек (город-

[1] В. Д. Блаватский. Харакс. МИА. № 19, 1951, стр. 287.

ские стены, общественные здания и т. д.) в это время была кладка «логом и тычком» из крупных, тщательно отесанных и плотно пригнанных блоков известняка. Характерным образцом подобной кладки является нижний ярус облицовки оборонительных стен Херсонеса[1] (рис. 4). Внутри между облицовками стена заполнялась бутом на глине. Облицовка же велась насухо. Связь с забутовкой внутренней части стены осуществлялась глубоко впущенными внутрь плитами, выходившими на фасад торцом. Плиты облицовки иногда скреплялись между собой металлическими скобами или пиронами (скрепы в виде двойного ласточкина хвоста).

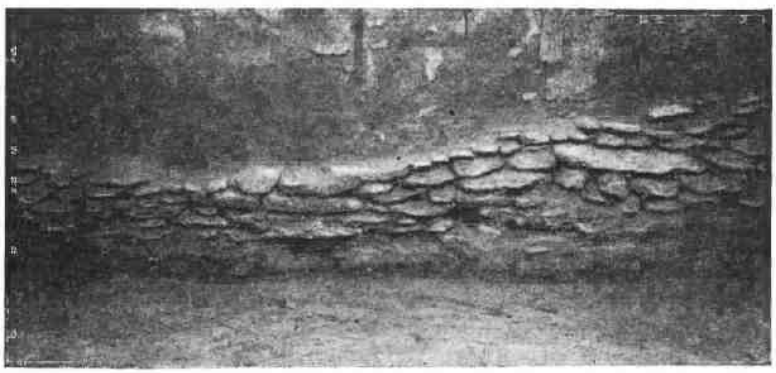

Рис. 1. Остатки цоколя из плоских мелких камней. Тиритака.

Вторым очень распространенным приемом кладки с V в. до н. э. была кладка «кордон на ребро, плита на образок» (рис. 5). Прекрасным образцом подобной кладки являются оборонительные стены Ольвии, сооруженные в V—IV вв. до н. э. Наибольшего распространения в городах северного Причерноморья кладка «кордон на ребро, плита на образок» получила в III и II вв. до н. э. Этой кладкой облицовываются оборонительные стены на юго-восточном участке Херсонеса[1] (рис. 6). Помимо облицовок городских стен, кладка «кордонами на ребро» употреблялась при сооружении обществен-

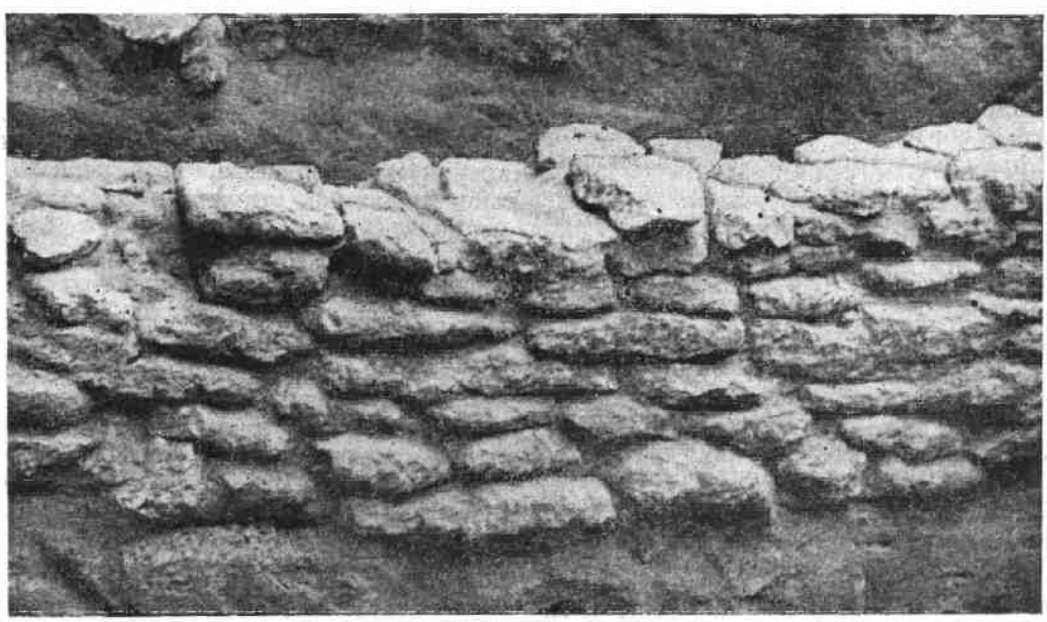

Рис. 2. Каменный цоколь здания классического периода. Керкинитида.

[1] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник., Севастополь, 1927, вып. I, стр. 53, 54; вып. II, стр. 13—20.

[1] К. Э. Гриневич, ук. соч., вып. II, стр. 9—97.

ных зданий и богатых жилых домов. Часто «плиты на образок» устанавливались только на внешних фасадах; с внутренней стороны, покрывавшейся штукатуркой, кладка велась из крупных, грубо отесанных плит. двух-трех поставленных на ребро «плит на образок», как, например, в кладке стен подвального этажа монетного двора в Херсонесе.[1]

Кладка «кордон на ребро, плита на образок» является характерной для строи-

Рис. 3. Полигональная кладка цоколя. Ольвия.

Плиты «кордон на ребро» проходили иногда через всю толщу стены зданий. Во всю ширину стен делались и ряды уложенных постелью плит. Примером подобной кладки может служить стена жилого дома в Нижнем городе Ольвии (рис. 7).

тельства в колониях северного Причерноморья. Открытые раскопками многочисленные образцы этой кладки свидетельствуют о большой ее распространенности, а также о высоком строительном качестве самих памятников и большом мастерстве каменотесов

Рис. 4. Кладка «логом и тычком». Херсонес.

Если в облицовках оборонительных стен мы видим строгое чередование «плит на образок, кордонов на ребро», то при кладке стен общественных и жилых зданий наблюдается некоторое упрощение кладки. «Кордоны на ребро» устанавливались часто после

в колониях. О глубоком внедрении кордонной кладки в городах северного Причерноморья говорит и длительность применения ее: появившись в V в. до н. э., она бы-

[1] ОАК за 1904 г., стр. 55, рис. 77.

Рис. 5. Кладка «кордон на ребро, плита на образок». Ольвия.

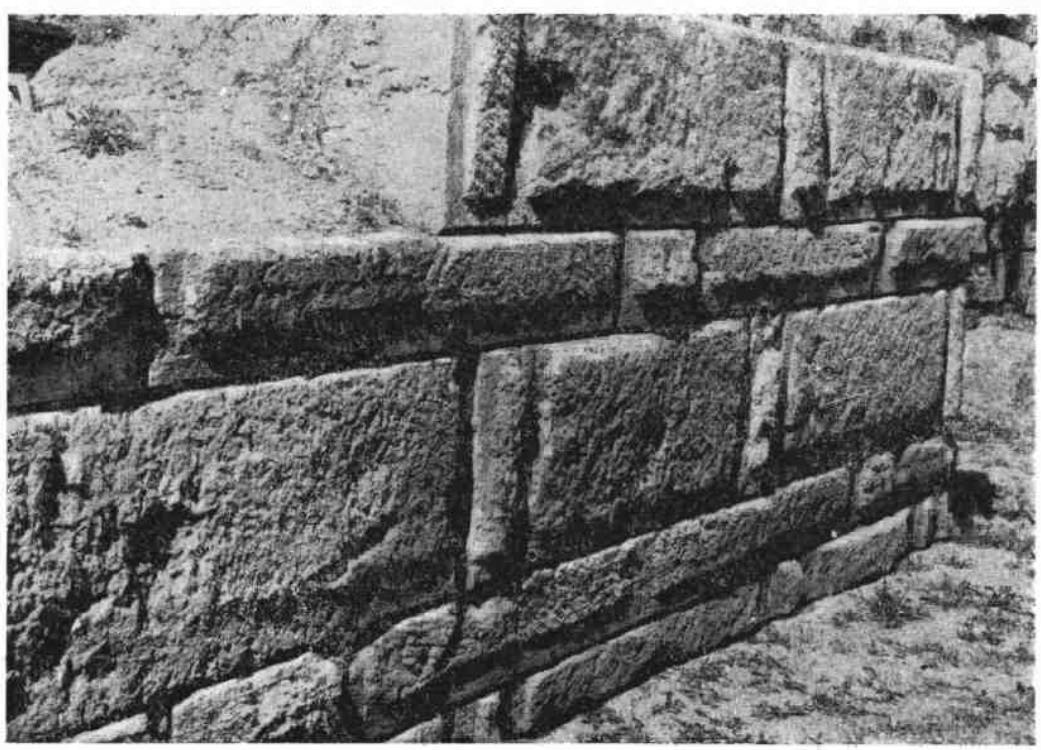

Рис. 6. Оборонительная стена. Херсонес.

тует до II—III вв. н. э. Стены каменных склепов первых веков нашей эры в Ольвии построены этим же приемом.

Параллельно с двумя указанными приемами каменной кладки существовал наиболее простой прием квадровой кладки из тщательно отесанных прямоугольных плит известняка, причем имеются две разновидности этой кладки: 1) из положенных постелью плит и 2) из поставленных на ребро плит.

Кладки «логом и тычком» и «кордон на ребро, плита на образок» чаще всего имели русты. Простая квадровая кладка рустировалась реже. Все указанные кладки велись насухо или на глиняном растворе. Внутренние пустоты между двумя облицовками заполнялись или мелким бутом, или щебнем на глине.

Для городов северного Причерноморья первых веков нашей эры характерно огрубение каменной кладки.

Кладка стен общественных и производственных зданий в этот период иногда велась на известковом растворе, причем в каменную кладку стен порой вводятся горизонтальные полосы из обожженных плоских кирпичей (в Хараксе).[1]

Как на весьма своеобразный строительный прием укажем на применение слоевых субструкций в эллинистический период в Ольвии.[2] Слоевые субструкции из чередующихся тонких прослоек чистого лёсса и золистой земли, плотно утрамбованные в специально вырытых котлованах, полностью заменяли собой дорого стоящие каменные фундаменты. А так как для больших общественных зданий и для богатых жилых домов во избежание неравномерной осадки необходимо было доводить фундамент до плотного основания, то глубина котлована для субструкций иногда доходила до 3.5 м.

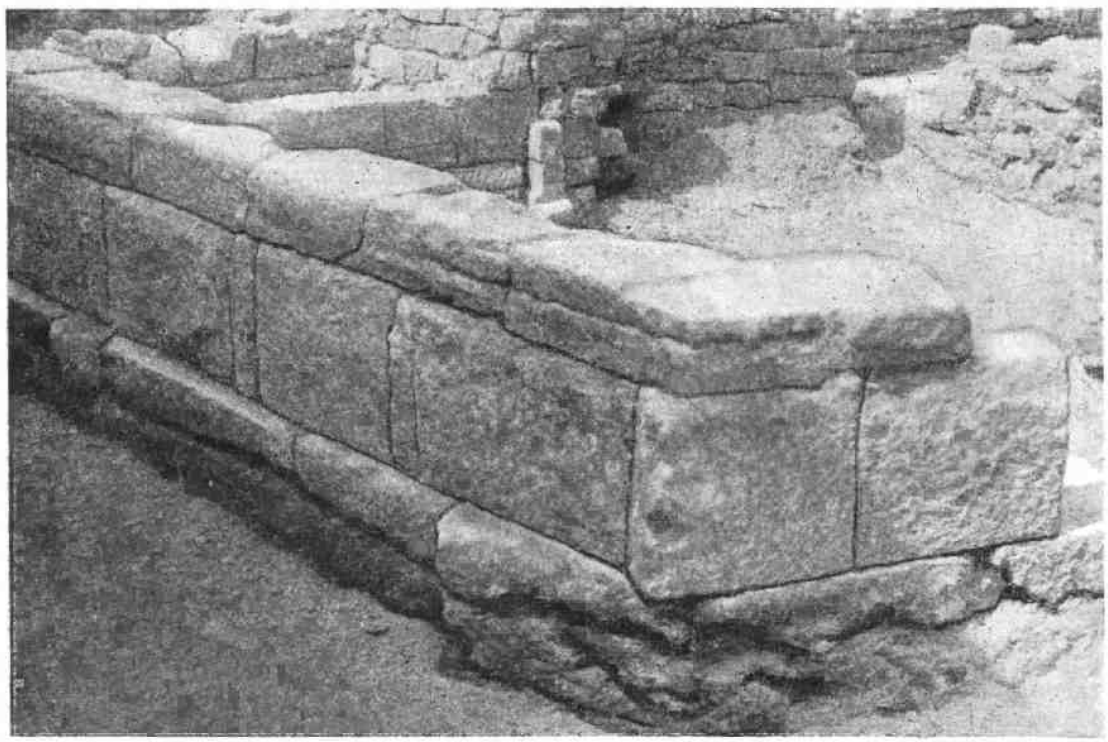

Рис. 7. Стена жилого дома. Нижний город Ольвии.

Слоевые субструкции делались несколько шире стоявших на них стен, выступая на 0.1—0.2 м за линию каменной кладки цоколя. Часто только по слоевым субструк-

[1] В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930, стр. 41.

[2] ОАК за 1907 г., стр. 30.

циям можно восстановить план древнего здания, когда в процессе раскопок выясняется, что все каменные стены здания оказались полностью разобранными.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОРДЕРА

Греческие архитектурные ордера в городах античных колоний северного Причерноморья применялись, по всей вероятности, с самой ранней поры жизни этих городов. Широко применяя ордера в метрополии, греки перенесли сюда готовые и в достаточной мере разработанные ко времени основания колоний на берегах Черного моря формы конструктивных решений и декоративного оформления зданий. Ввиду отсутствия раз-

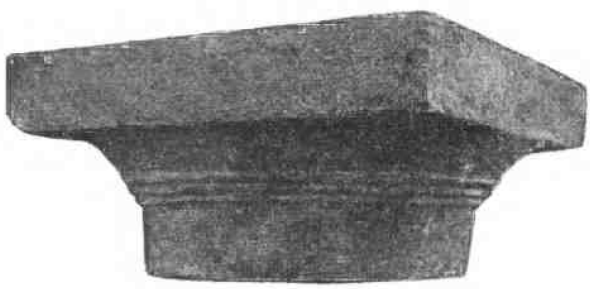

Рис. 8. Дорийская капитель. Ольвия.

витых местных архитектурных форм, привнесенные греками архитектурные ордера на первых порах не претерпевали никаких изменений. Но отдаленность и оторванность причерноморских городов от метрополии сказывалась в дальнейшем в некоторой отсталости от метрополии, в большей сохранности архаических черт в ордерах.

Первоначально ордер применялся в зданиях культового характера — храмах. Затем ордером украшаются общественные городские здания, а с эллинистического периода и жилые дома. Многочисленные архитектурные фрагменты свидетельствуют о широком применении ордеров в городах северного Причерноморья.

Архитектурные фрагменты, относящиеся к V и IV вв. до н. э., преимущественно ионийского ордера и, судя по крупным масштабам, принадлежали храмам. Широкое применение ионийского ордера в храмовой архитектуре — явление характерное и не случайное для колоний Причерноморья. Оно объясняется в первую очередь особо тесными связями с Малой Азией, где ионийский ордер был широко распространен.

Строгие формы дорийского ордера, его конструктивная лаконичность были понятны в метрополии, особенно в классический период истории Греции. Здесь же, в окружении местного населения, суровая простота дорийского ордера должна была казаться официальной. Ионийский ордер более соответствовал задачам оформления храма, который уже самим своим внешним видом должен был привлекать к себе внимание. Легкий, более роскошный, со множеством орнаментальных украшений, с сюжетными повествовательными рельефами на фризе, с богатой гаммой ярких красок, ионийский ордер, надо полагать, более импонировал вкусам местного населения.

Для раннего периода храмового строительства в Причерноморье характерно применение целиком привозного белого мрамора для капителей и антаблемента. В дальнейшем, в эллинистический период, все детали ордера делаются преимущественно из известняка.

Широкое применение дорийского ордера в Причерноморье началось в эллинистический период. В дорийском ордере строятся преимущественно перистили общественных зданий и богатых жилых домов.

Строгое соблюдение пропорций дорийского ордера в начале эллинистического периода постепенно уступает место большей свободе. Каннелюры ствола колонны делаются все более мелкими и со II в. до н. э. часто вырождаются в прямые полосы. С III в. до н. э. стволы колонн дорийского ордера часто делаются гладкими. Капители колонн также постепенно теряют свою форму. Если в IV—III вв. до н. э. капители имеют хорошо выдержанные пропорции с четкими профилями, то начиная со II в. до н. э. они понемногу становятся более грубыми. Абак часто дается чрезмерно грузным, профиль эхина превращается в прямую линию с разными углами наклона на одной и той же капители, ремешки теряют четкость граней и вырождаются в валики под эхином (рис. 8).

В первые века нашей эры замечается дальнейшая «варваризация» капителей. К концу этого периода ордер настолько вырождается, что капитель полностью теряет свою форму, стволы колонн в сечении часто образуют овал. Примером такого вырождения

дорийского ордера могут служить капители и барабаны колонн, найденные в Ольвии в верхних слоях (рис. 9).

Впрочем «варваризация» ордера встречается главным образом в строительстве жилых домов. В храмах и общественных зданиях ордер продолжал сохраняться в более чистом виде. Наибольшая «варваризация» архитектурных ордеров наблюдается в Ольвии.

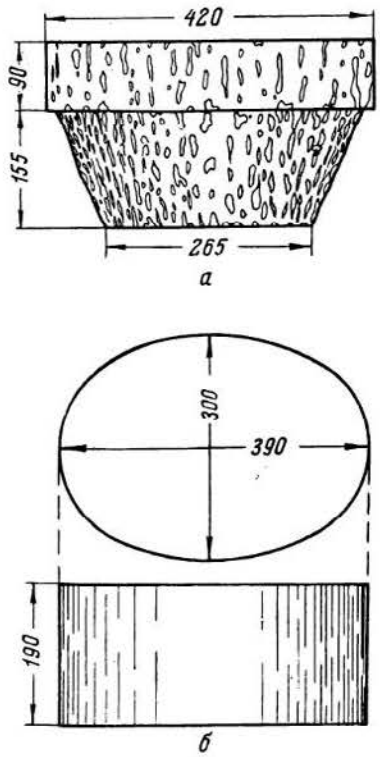

Рис. 9. Капитель (*а*) и барабан (*б*). Ольвия.

Ионийский ордер в колоннадах перистилей общественных зданий и жилых домов применялся сравнительно редко. Так же как и дорийский ордер, примененный в жилых домах, ионийский ордер постепенно теряет свои пропорции. Антаблемент дается в более схематизированном виде, вместо рельефных орнаментов он украшается воспроизведением орнамента росписью красками по гладким профилям. Фриз чаще всего непропорционально низкий и иногда имеет профиль сильно вытянутого гуська.

Открытые раскопками мелкие фрагменты капителей и других частей ионийского ордера большей частью очень незначительны по своим размерам и могут быть отнесены к отделке второго этажа зданий.

Во время раскопок в Керчи на горе Митридат было найдено несколько небольших колонок из известняка, высота ствола которых равна 0.795 м (рис. 10). Колонки стояли на базах аттического типа. Стволы колонок каннелированы только с одной стороны.

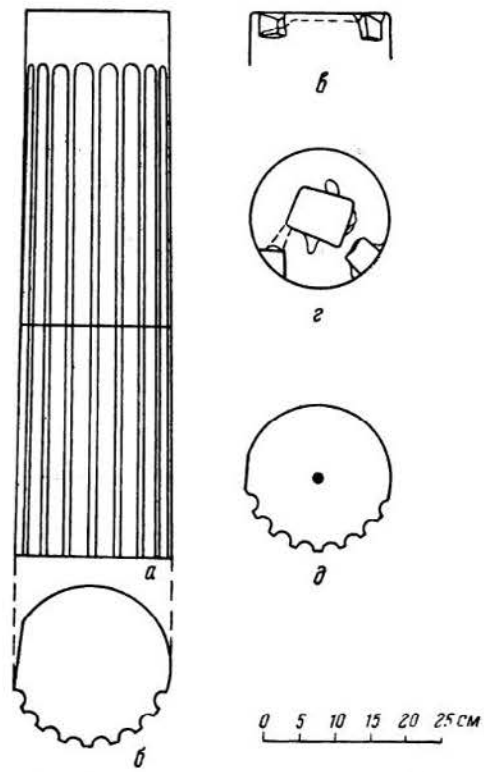

Рис. 10. Колонка из известняка. Пантикапей.

а — лицевая сторона колонки, *б* — нижняя плоскость нижнего барабана; *в* — оборотная сторона верха колонки; *г* — верхняя плоскость верхнего барабана; *д* — верхняя плоскость нижнего барабана.

На боковых сторонах стволов имеются пазы для прикрепления, по всей вероятности, деревянных частей. Все капители и стволы имеют одинаковые размеры, но разнятся в деталях. Особенно любопытны коринфские капители колонок. Низ капители состоит из четвертного вала и выкружки, над которыми расположены выгнутые наружу широкие листья. Из чашки листьев поднимаются волюты к углам капители. Середина между волютами заполнена цветком каллы. На некоторых капителях от цветка отходят два бутона. По углам под волютами помещены

пальметки с завитками (рис. 11). Капитель завершается абаком из выкружки и полочки. Капители имели богатую полихромную

Размеры колонок и характер пазов указывает на то, что они являются остатками ограждения. Судя по стилистическим осо-

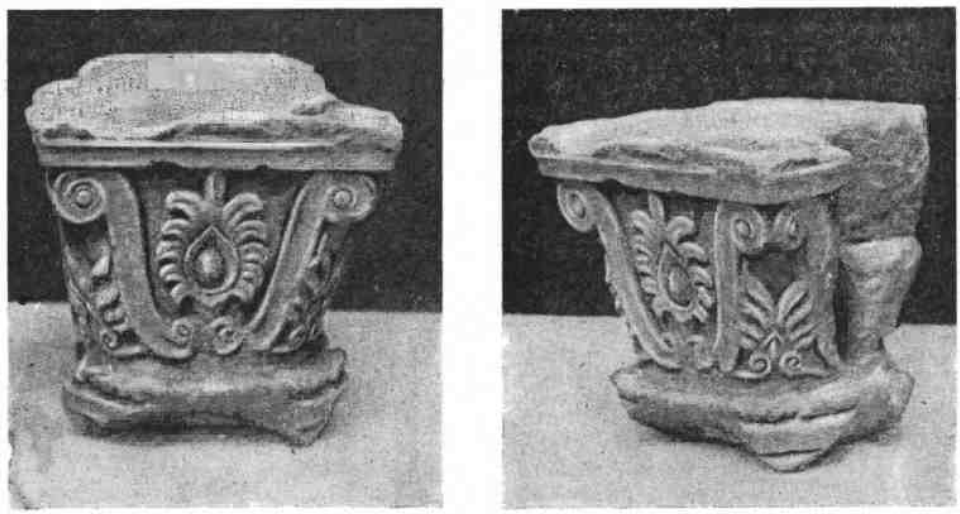

Рис. 11. Капитель из эллинистического здания. Пантикапей.

окраску. Фон был синим. Листья чашечки и глазки волют окрашены в красный

бенностям, колонки, по всей вероятности, относятся ко II в. до н. э. Являясь промежу-

Рис. 12. Коринфская капитель. Пантикапей.

цвет. Возможно, что чашечки цветка и бутоны были позолочены. Листья цветка и пальметки, по всей вероятности, были белыми.

точным звеном между капителями ионийского и коринфского ордеров, они наиболее ярко свидетельствуют о творческих исканиях архитекторов северного Причерноморья.

Коринфский ордер, как видно из дошедших до нас архитектурных фрагментов, применялся в городах северного Причерноморья очень редко и сравнительно поздно. Найденные в Херсонесе и Пантикапее коринфские капители относятся к первым векам нашей эры (рис. 12).

ОТДЕЛКА ЗДАНИЙ

Начиная, вероятно, с IV в. до нашей эры в общественных зданиях и богатых жилых домах применялись мозаичные вымостки из разноцветных галек, уложенных в известковый раствор, который накладывался на слой мелкого камня-кулашника. Для вымосток применялась галька белого, серого, желтого, коричневого, зеленого, синего и черного цветов с различными оттенками. Уложенные по цвету камешки создавали богатый орнаментальный рисунок. Чаще всего употреблялся геометрический [1] и растительный орнамент, наряду с которым встречаются изображения зверей.[2] Центральное поле мозаики иногда заполнялось сюжетным рисунком.[3] Делались вымостки и из галек одного цвета, например, серого, с окраской известкового раствора между гальками в различные цвета.[4] Для вымосток с богатым рисунком употреблялась мелкая галька (от 1 до 3 см), в вымостках же без рисунка — более крупная (от 3 до 6 см).

Как правило, все стены из камня и из сырцовых кирпичей, оштукатуривались. Не покрывались штукатуркой фасады зданий, если они были облицованы рустированными плитами. Штукатурка окрашивалась в различные цвета, из которых наиболее распространенными являются красный, желтый, синий и серый. В богатых домах стены иногда украшались росписью. Штукатурка разрушенных зданий дошла до нас в мелких обломках, которые, за редким исключением, не дают возможности восстановить их роспись. Но о характере росписи стен в жилых домах говорят нам росписи на стенах склепов, которые, по всей вероятности, повторяли роспись в жилых помещениях. В римский период штукатурка в помещениях украшалась рельефным орнаментом с тягами различных профилей.

В бедных домах и в помещениях хозяйственного назначения стены обмазывались глиной и затем белились. Окрашивались не только оштукатуренные стены, но и хорошо обработанные каменные детали.

Открытые раскопками части антаблементов иногда сохраняют полихромную окраску. Все это говорит о том, что здания античных городов в Причерноморье имели яркую полихромную окраску, придававшую им красивый и жизнерадостный вид.

Крыши общественных зданий и большинства жилых домов были покрыты черепицей. Часто черепица покрывалась красным и черным лаком. Кроме окраски, кровля украшалась на коньковых черепицах выступающими шишками.[1] По краю карниза, на концах калиптеров прикреплялись рельефные антефиксы, украшенные чаще всего или головой медузы, или пальметкой. Плоские черепицы украшались пояском с рельефным орнаментом, чаще всего меандра, с плоскими квадратами, заполненными розетками и буквами.[2]

ХРАМЫ

От многочисленных храмов в городах античных колоний северного Причерноморья до нас дошли лишь крайне незначительные остатки. Плохая сохранность остатков храмов объясняется отчасти тем, что при их сооружении применяли лучшие строительные материалы, вследствие чего после их разрушения или после гибели городов остатки храмов в первую очередь разбирались как готовый строительный материал для новых построек. Поэтому мы имеем от храмов чаще всего случайно сохранившиеся фрагменты их архитектурных деталей или остатки фундаментов.

О существовании в крупных городах северного Причерноморья (в Пантикапее, Херсонесе, Ольвии, Фанагории, Танаисе и т. д.) не одного, а нескольких храмов свидетельствуют как литературные источники, так и эпиграфические памятники, найденные на

---

[1] Ольвия, дом, открытый в 1909—1910 гг., см.: ОАК за 1909—1910 гг., рис. 73—74.

[2] Ольвия, дом, открытый в 1902—1903 гг., см.: ОАК за 1903 г., рис. 8.

[3] Херсонес, дом, открытый в 1936—1937 гг., см.: Г. Д. Белов. Новая херсонесская мозаика. ВДИ, 1938, № 3 (4).

[4] Ольвия, Нижний город, раскопки 1940 г.

[1] ИАК, вып. 13, 1906, рис. 36.

[2] ОАК за 1909—1910 гг., рис. 85; ОАК за 1903 г., рис. 60; ИАК, вып. 13, 1906, рис. 39—44.

юге СССР.[1] Весьма возможно, что многочисленные их остатки все же сохранились, но находятся в недрах нерасследованных территорий причерноморских древних городов, так как раскопками открыта пока лишь незначительная площадь последних. Но несмотря на небольшое количество имеющихся у нас сейчас данных, мы все же можем на основании учета всех источников составить себе некоторое представление о существовавших здесь храмах.

Можно думать, что если греки-колонисты продолжали строить свои жилые дома по типу домов метрополии, только несколько приспособив их к более холодному климату Причерноморья по сравнению со Средиземноморьем, то тем более сооружаемые здесь храмы полностью повторяли формы храмов метрополии. При этом ввиду некоторой отсталости архитектуры колоний от архитектуры метрополий и наблюдаемого консерватизма в обработке деталей зданий мы вправе предполагать длительное бытование ранних архитектурных форм храмов. По всей видимости, преимущественной формой храма в колониях был храм в антах; раскопками открыто несколько антовых капителей (рис. 13).

О размерах храмов говорят остатки колонн, диаметр которых колеблется от 0.5 до 1 м. Для придания храмам большей монументальности, их возводили на высоких ступенчатых основаниях, возвышавших храм над окружавшими его зданиями. Дион Хрисостом[1] в своем рассказе о посещении им Ольвии говорит, что его слушатели частью сидели на ступенях храма Зевса, частью стояли на площади перед храмом.

а *б*

Рис. 13. Антовая капитель. Ольвия.
а — профиль; *б* — фас.

По всей вероятности, храмы в городах Причерноморья чаще строились из различного материала, т. е. стены целлы возводились из местного известняка, а колонны, антаблемент и детали делались из мрамора. Мраморные барабаны колонн найдены во многих древнегреческих городах Причерноморья.

Мраморные фризы храмов украшались рельефной скульптурой.[2] Сюжет скульптур был связан с божеством, которому был посвящен храм, чаще всего изображались религиозные процессии. Помимо сюжетных изображений, фриз украшался гирлян-

[1] Упоминания о храмах имеются в надписях, найденных в Херсонесе; Храм Девы — IPE, I², 352; IPE, I², 344; храм Афины — IPE, I², 406; храм Диониса — IPE, I², 414; IPE, I², 343; храм Афродиты — IPE, I², 440; в Ольвии — IPE, I², 98; IPE, I², 175; IPE, I², 184; на Таманском полуострове — IPE, II, 344 и 352.

[1] Дион Хрисостом. Борисфенитская речь=SC, I, стр. 176.

[2] Л. П. Харко. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. СА, VII, 1941, стр. 81—93.

дами, растительным орнаментом, розетками и букраниями.

О широком применении ионийского ордера в храмах свидетельствуют открытые фрагменты крупных профилей.

В историко-археологических музеях СССР хранится значительное количество архитектурных деталей из мрамора, открытых при раскопках городов Боспорского царства, Херсонеса, Ольвии. Среди фрагментов имеются крупные части антаблементов, колонн, пилястр и т. д. Большинство их относится к эллинистическому и римскому периодам. Особенный интерес среди них представляет мраморная плита из Ольвии, хранящаяся в Эрмитаже (рис. 14). Плита была поставлена на внешнем углу фриза и выходила на два фасада. Фриз украшен скульптурой, выполненной в высоком рельефе. На длинной стороне плиты сохранились изображения стоящих фигур женщины и мужчины. Женщина одета в хитон и гиматий, драпировка одежды прекрасно передана. От стоящей рядом мужской фигуры сохранилась часть обнаженной груди, правая рука до локтя и перекинутый через левую руку плащ. Правая рука и ноги мужской фигуры, выполненные в круглой скульптуре, отбиты.

Рис. 14. Мраморный фриз. Ольвия.

От ног сохранились следы их соединения с остальным полем фриза. С левой стороны мужской фигуры уцелели незначительные остатки одежды второй женской фигуры. На торцовой стороне плиты, выходившей на другой фасад здания, имеется изображение

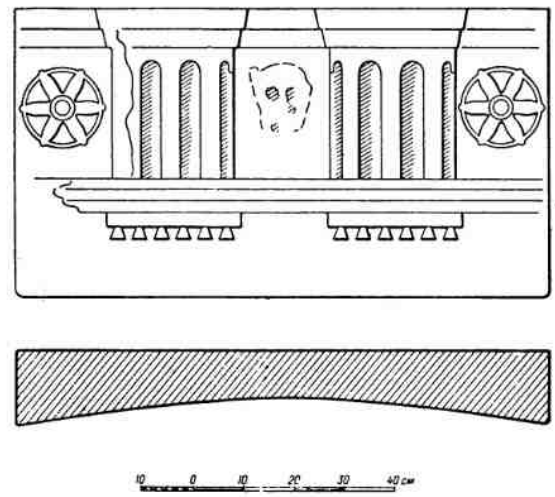

Рис. 15. Фриз толоса. Ольвия.

женской стоящей фигуры, также одетой в хитон и гиматий. Верх плеч и головы фигур не сохранились, так как при вторичном употреблении плиты верхняя часть ее была отбита. Судя по дошедшим до нас скульптурам, высота фриза была около 0.75 м. По всей вероятности, скульптурный фриз опоясывал снаружи со всех сторон один из храмов Ольвии. На фризе, очевидно, была изображена торжественная процессия в честь божества, которому был посвящен храм. Высокое мастерство в передаче человеческого тела, прекрасные пропорции и характер трактовки одежды говорят о том, что фриз был выполнен хорошим греческим скульптором в середине IV в. до н. э.

На трех мраморных обломках фризов из Пантикапея изображены в низком рельефе сцены битвы. На одном из обломков представлен кентавр. Судя по сохранившимся частям, пантикапейские фризы принадлежали храмам, незначительным по своим размерам.

В римский период большинство храмов строятся целиком из известняка. Изменяется и форма храмов. Так, храм Аполлона Простата в Ольвии был построен в форме псевдопериптера.[1]

Помимо прямоугольных в плане храмов, в городах северного Причерноморья строились и круглые храмы — толосы. Остатком

[1] ОАК за 1906 г., стр. 12, рис. 9.

такого толоса из Ольвии является известняковая плита антаблемента дорийского ордера, хранящаяся в Одесском историко-

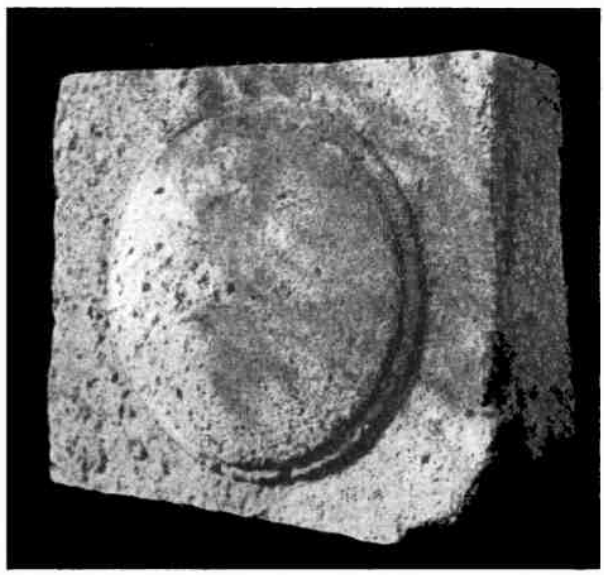

Рис. 16. Метопа с изображением щита. Ольвия.

археологическом музее (рис. 15). От антаблемента сохранился архитрав и фриз с триглифами. Метопы украшены розетками и львиными головами. Плиты антаблемента стояли внутри толоса, внутренний диаметр которого был равен приблизительно 6 м. Иногда метопы храмов украшались изображениями щитов. Одна из таких плит фриза с изображением круглого щита найдена в Ольвии в 1938 г. (рис. 16).

К числу остатков храмовой архитектуры можно отнести фрагмент мраморной плиты, открытой в Херсонесе (рис. 17). Плита обработана рядом мелких профилей, украшенных неглубоким резным орнаментом исключительно четкого рисунка. Нижний профиль образует ряд жемчужин с двойными дисками. Выше его находится каблучок, украшенный овами и стрелками. На углах каблучок имеет орнамент в виде опущенной вниз пальметки. Затем идет профиль скоции с полочкой без всякого орнамента. Венчающим профилем является сильно вытянутый гусек, богато орнаментированный чередующимися пальметками и стилизованным цветком лотоса. На одном конце плиты имеется раскреповка. Наружный край плиты испорчен при вторичном употреблении. Профили плиты исполнены тщательно, полированы. Нижняя плоскость имеет чистую отеску, верхняя — грубую, с несколькими пазами для металлических креплений плиты с соприкасающимися плитами. Плита является, по всей вероятности, частью сандрика, помещавшегося над входом в храм. Размеры, тщательность исполнения и материал исключают возможность изготовления его для частного жилого дома. Сандрик, вероятно, поддерживался кронштейном. Плита найдена на территории большой базилики византийского периода, где, вероятно, в античный

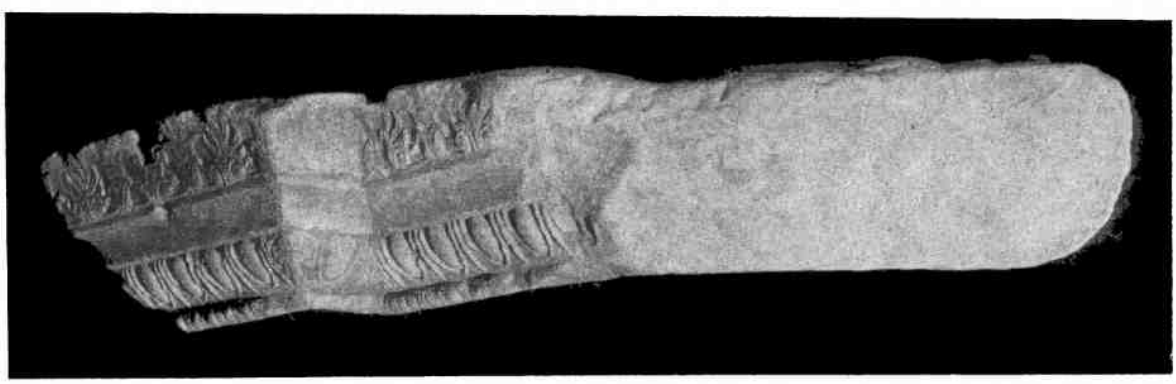

Рис. 17. Мраморный сандрик. Херсонес.

период Херсонеса находился храм. Характер пальметок и стилизованных цветков лотоса дает возможность датировать плиту эллинистическим временем.

Кроме храмов, в городах северного Причерноморья имелись небольшие святилища.

Остатки одного из таких святилищ открыты в Нимфее.[1] Святилище находилось рядом с гротом в береговом обрыве, который также был связан с культом. Первоначально, в VI в. до н. э., оно было небольших размеров, затем неоднократно перестраивалось и расширялось. Внутри помещений найдено много культовых предметов. На дворе перед помещением сохранился алтарь, сложенный из прямоугольных квадров известняка. Судя по находкам, святилище в Нимфее было посвящено Деметре.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

Города античных колоний в северном Причерноморье имели большое количество общественных зданий. Эти здания были весьма разнообразны как по своему назначению, так и по своим формам и размерам. К их числу относятся: пританейон (здание, где заседали пританы), булевтерий (здание городского совета старейшин), театры, гимнасии, термы и т. д.

Раскопками открыта лишь очень незначительная часть общественных сооружений. Наиболее красивые архитектурные памятники города, сооруженные из более дорогих материалов, — общественные здания — подвергались наибольшему разрушению при разгромах и гибели античных городов. В позднейшее время остатки их также усиленно разрушались при добыче строительных материалов. Вследствие этого до нас дошли лишь остатки фундаментов зданий и фрагменты их архитектурных деталей.

О существовании общественных зданий в городах северного Причерноморья мы знаем главным образом из надписей, в которых они упоминаются. Так, из надписей нам известно о существовании в Пантикапее и в Херсонесе акрополя[2] (возвышенной и особо защищенной части города), на котором преимущественно и были сосредоточены здания общественного назначения, в Ольвии — театра,[3] гимнасия, рынков, терм, в Танаисе — оборудованного рынка.[4] Все эти памятники находятся еще под землей и ждут своего раскрытия; за последние годы уже началось изучение ольвийской агоры.

Крайне незначительная площадь древних городов, открытая раскопками, дала хотя и малый, но все же очень интересный и важный материал для изучения общественных зданий в городах северного Причерноморья. Но необходимо заметить, что, сохранившись в крайне фрагментарном состоянии, остатки общественных зданий часто не дают прямого указания на их назначение.

О принадлежности же их к этой группе памятников говорит материал, из которого они сооружены, размеры и способ кладок, а также их планировка.

Общественное здание в квартале II Херсонеса. Остатки большого общественного здания были открыты в северо-восточной части Херсонеса[1] (рис. 18). Здание занимает почти весь квартал и выходит задним фасадом на главную городскую магистраль и на две поперечные улицы. Здание открыто не полностью, так как большую часть его перекрывают строительные остатки византийского периода. Открыты стены помещений полуподвального этажа, расположенные вдоль главной улицы, и незначительные остатки стен к северо-западу от них. Стены здания стоят на выровненной скале, причем для помещения полуподвального этажа в скале был вырублен котлован в 1.5 м глубиной. Кладка стен отличается тщательностью обработки квадров, точной пригонкой и строгой перевязью их. Кладка состоит из чередующихся рядов плит, положенных постелью и поставленных на ребро в длину квадров. Промежуток между двумя вертикально поставленными облицовками из квадров в местах, где стена имеет толщину в 0.9—1 м, заполнен бутом на глине.

Чрезвычайная толщина стен помещений вдоль главной улицы свидетельствует о том, что здание было высоким и имело, вероятно, два этажа. Вход в здание находился на юго-западном фасаде, выходящем на «III поперечную» улицу. Длинный коридор вел к перистилю, который занимал центральную часть здания. Из этого коридора лестница в 5 ступеней вела в коридор полуподвального этажа, куда выходят двери расположенных по обе стороны помещений. Вокруг центрального двора группируются небольшие помеще-

[1] М. М. Худяк. 1) Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. Труды Отд. античн. мира Гос. Эрмитажа, т. I, 1945, стр. 158—165; 2) Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 232—281.
[2] IPE, I², 352, 354, 357 и др.
[3] IPE, I², 25.
[4] IPE, II, 430.

[1] К. Э. Гриневич. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера. Херсонесский сборник, Севастополь, 1930, вып. III, стр. 48—74.

ния. Монументальность кладки стен, большие размеры помещений и громадные размеры здания (площадь, занимаемая им, около 900 м²) говорят о том, что оно не могло быть жилым домом, а являлось зданием общественного назначения.

При раскопках здесь было найдено много обломков архитектурных деталей. В центральной части здания обнаружены большая дорийская капитель из известняка, обломок дорийского карниза и угловой камень с букранием (изображение головы быка), очевидно, метопа от дорийского фриза и обломок ионийской базы. Эти находки дают нам возможность предполагать, что перистиль здания был оформлен в дорийском ордере, к которому относятся и обломки дорийского антаблемента. Найденный обломок ионийской базы может быть отнесен к оформлению второго этажа здания. О том, что помещения здания имели богатую внутреннюю отделку, свидетельствует найденная плита от кессонированного потолка. Здание датируется IV в. до н. э.

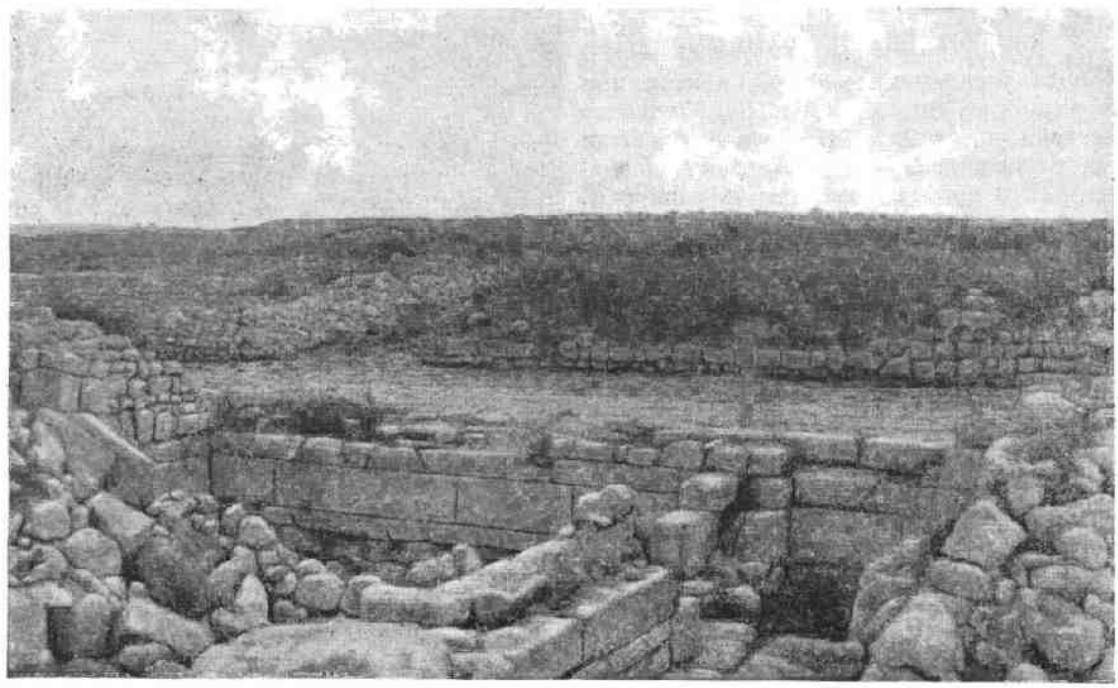

Рис. 18. Остатки общественного здания. Херсонес.

Монетный двор в Херсонесе. К числу построек общественного назначения следует отнести остатки монетного двора, открытого в 1904 г. в Херсонесе на территории акрополя [1] (рис. 19).

Здание ориентировано с юго-востока на северо-запад. Главный фасад его выходил на центральную продольную улицу города. Боковые фасады, длиной 30 м, — на поперечные улицы. От здания сохранились лишь стены подвального этажа, расположенные в северо-западной части. Четыре помещения подвального этажа соединены между собой дверьми и выходят в коридор, имеющий вид буквы «Т». Стены подвального этажа сохранились полностью до балок междуэтажного перекрытия и имеют высоту 2.13 м. Стены сложены насухо, из крупных плит тщательно отесанного известняка. Кладка их состоит из чередующихся квадров, поставленных на ребро, и квадров, лежащих постелью во всю ширину стены. Ряды плит сохраняют строгую горизонтальность.

Подчеркнутая монументальность, тщательная обработка плит и прекрасная кладка стен подвального этажа свидетельствуют о том, что мы имеем перед собой остатки общественного здания. В помещении I было найдено

[1] ОАК за 1904 г., стр. 54—57.

43 медных кружка, по размерам совпадающих с медными монетами. По всей вероятности, они являются заготовленными кружками для чеканки монет. Таким образом, подвальный этаж здания был, повидимому, монетным двором Херсонеса. По характеру кладки и по обработке деталей здание относится к IV в. до н. э., что совпадает с началом чекана в Херсонесе собственных монет.

Первый этаж занимал, повидимому, площадь почти всего квартала. План подвального этажа в северо-западной части здания повторяет, по всей вероятности, планировку помещений первого этажа.

В центральной части здания, очевидно, находился перистильный двор, крытые портики которого находились над коридорами подвального этажа. Одна из лестниц, ведших в подвальный этаж, находилась во дворе, другая — в одном из помещений в северном углу здания. Помещения первого этажа располагались с трех сторон двора. Вход в здание был, по всей вероятности, на северо-восточном фасаде, откуда длинный коридор вел к перистилю, в который выходили двери расположенных вокруг помещений. В здании был найден карниз из известняка с рельефным орнаментом из пальметок и розеток.

Общественное здание и героон[1] в Фанагории. Остатки большого здания общественного назначения найдены в Фанагории.[2] Открыта одна стена длиной 20 м и шириной 1.4 м, сложенная из небольших рустированных квадров. Перед наружным фасадом здания обнаружены 4 прямоугольные площадки, очевидно, остатки фундаментов для колонн. Найдены здесь и базы колонн значительных размеров. Здание датируется II в. до н. э.

Раскопками в 1938 г. в Фанагории на одном из холмов некрополя открыты остатки, по всей вероятности, героона. Раскрытые остатки представляют собой часть фундамента южной и западной стен героона общей протяженностью 20 м. Остатки фундамента указывают, что разобранные стены скорее были оградой, чем стеной, загруженной перекрытием. Стены ограждали прямоугольное пространство значительных размеров. Они были оштукатурены и расписаны. Сохранились куски штукатурки белого, желтого и темносерого цветов и следы росписи в виде ов, имеющие ближайшую аналогию с росписью Васюринского склепа.[1]

К зданию, возможно, относятся фрагменты дорийской капители, карниза и рельефа с орнаментом (овы, пальметки, волюта, жемчужник), со следами полихромной росписи.

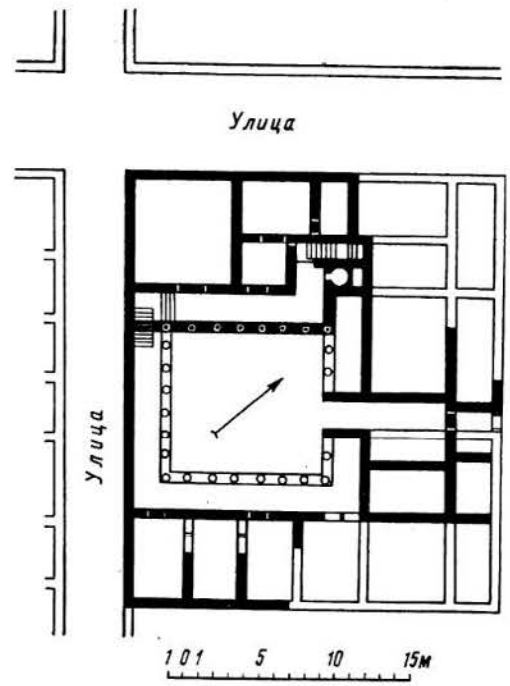

Рис. 19. План монетного двора. Херсонес.

Театры. О существовании театров в городах северного Причерноморья свидетельствуют литературные и эпиграфические данные. Сохранился рассказ Полиена[2] о том, что при осаде города Феодосии полководец персидского царя Мемнон (IV в. до н. э.) привез с собой олинфского кифареда. Все жители города устремились в театр послушать игру кифареда, что дало возможность Мемнону выполнить порученное ему задание — ознакомиться с численностью населения Феодосии.

[1] Героон — святилище, посвященное обожествленному герою.

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки на Таманском полуострове в 1937 г. «Искусство», 1938, № 3, стр. 136. — Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2. М., 1948, табл. 3, 5.

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 291, 292.

[2] Polyaeni Strateg., V, 44=SC, I, стр. 564

В Ольвии уже в IV в. до н. э. имелся театр, служивший не только для театральных представлений, но и местом, где происходили народные собрания. Об этом говорит декрет в честь Каллиника, о награждении которого за выдающиеся заслуги перед ольвиополитами и их городом было объявлено в театре.[1]

Но несмотря на многочисленные раскопки, в городах северного Причерноморья остатки театров не обнаружены.[2]

Термы. Наконец, к числу общественных зданий надо отнести термы, открытые в северном Причерноморье. Наиболее хорошо сохранились термы в Харакce.[3] Первоначально (в I в. н. э.) термы состояли из четырех расположенных в один ряд помещений. Здесь по одну сторону от входа находились тепидарий и кальдарий (жаркое и теплое отделения), а по другую сторону, налево от входа, находился фригидарий (холодное отделение) с цементированным бассейном. Банные помещения обогревались посредством распределения горячего воздуха по гончарным трубам; вода в банные помещения поступала также по гончарным трубам.

Во II—III вв. н. э. к банным помещениям были пристроены в два приема еще четыре помещения, являвшиеся «клубными» помещениями терм.

Стены терм были сложены из рваного камня на известковом растворе и оштукатурены водоупорной цемянкой. Судя по частично сохранившейся каменной лестнице, здание терм имело второй этаж.

В Пантикапее, на горе Митридат, также были обнаружены остатки терм, относящихся к позднеримскому времени.[4] Открыто три банных помещения терм (кальдарий, тепидарий и фригидарий), топочное отделение и ряд других элементов, связанных с термами.

В отличие от грандиозных и роскошных терм в императорский период в Риме термы, открытые в Причерноморье, очень скромны по отделке и невелики по своим размерам.

[1] IPE, I², 25.

[2] В 1954 г. впервые были обнаружены остатки театра в Херсонесе и начато их исследование.

[3] В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930. — В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951.

[4] ОАК за 1898 г., стр. 13—15.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Вокруг античных городов в северном Причерноморье, сразу же за городскими стенами находились некрополи (кладбища). За время тысячелетнего существования городов их некрополи, постепенно расширяясь, заняли огромные площади. Характерным признаком некрополей городов в Причерноморье, резко отличающим их от некрополей Греции и Малой Азии, является громадное количество курганов. Курганы расположены преимущественно в центральных районах некрополей и на вершинах холмов или по водоразделам вблизи городов.

Курганы на некрополях иногда расположены двумя параллельными рядами —«аллеями», как, например, в Фанагории. По своим размерам и формам курганы очень разнообразны, начиная от едва заметных на поверхности земли вследствие их распашки, небольших насыпей, до курганов громадных, достигающих 21 м высоты. Большинство крупных курганов насыпано над сооруженными в материке каменными склепами.[1] По своим размерам и характеру устройства каменные склепы в Причерноморье весьма разнообразны: от небольших склепов в 3—4 кв. м, перекрытых плоскими, горизонтально лежащими[2] или наклонно поставленными на два ската плитами,[3] до крупных монументальных склепов, перекрытых или ложным уступчатым[4] или полуциркульным сводом.[5]

Склепы устраивались однокамерные[6] и двухкамерные,[7] причем часто перед погребальной камерой имелось переднее помещение, сени, где устанавливались приношения.[8] Каменные склепы представляют богатей-

[1] Новейший обзор этого типа памятников дан в книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (М.—Л., 1949, гл. VIII, стр. 244—268).

[2] Например, Белогорский склеп, открытый П. Н. Шульцем в 1947 г. (см.: КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 65).

[3] ОАК за 1904 г., стр. 37, рис. 52.

[4] См.: С. А. Кауфман. Об уступчатых склепах Боспора. Сообщ. Инст. истории и теории архитектуры Акад. архитектуры СССР, № 6, 1947, стр. 1—32.

[5] См.: Я. Г. Гевирц. О сводах в постройках Ольвии. Труды Всероссийск. Акад. художеств, т. I, 1947, стр. 1—14.

[6] Например, склеп, открытый в Анапе в 1908 г., см.: АДЖ, табл. XXIX.

[7] Например, склеп № 48, см.: АДЖ, табл. XXIV.

[8] АДЖ, табл. XLVI, XLVII.

ший материал для изучения строительного искусства античных колоний на юге СССР.

Чаще всего склепы устраивались ниже уровня поверхности, для чего сначала вырывался котлован, достигающий иногда значительной глубины (5 м и больше). Котлован с трех сторон имел вертикальные стены, а с четвертой стороны устраивался пологий спуск, дромос, по которому доставлялся строительный материал. Затем в котловане

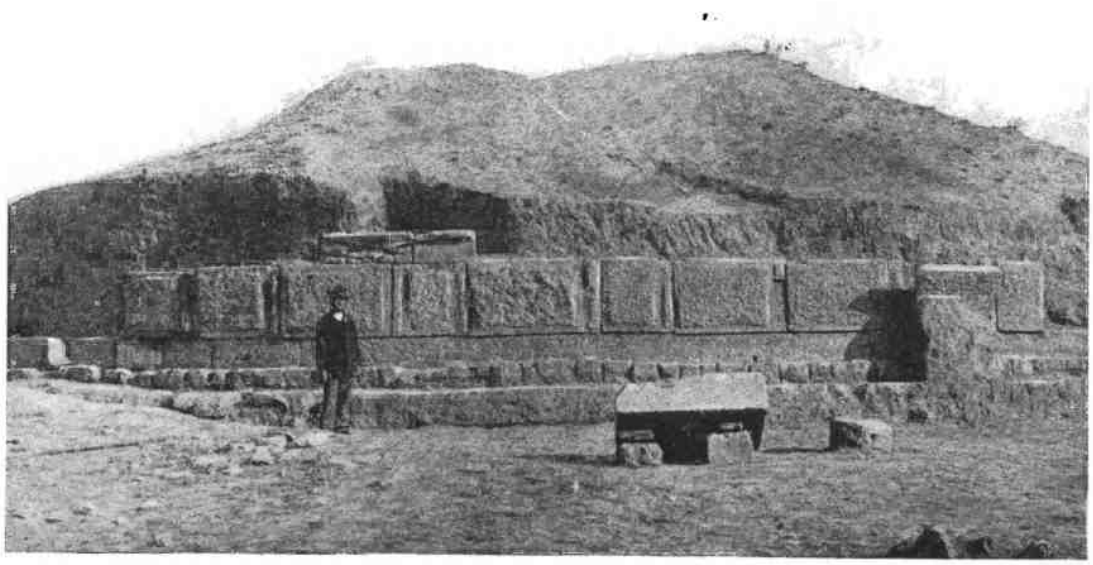

Рис. 20. Крепида Зевсова кургана.

выводились стены и свод склепа, после чего над склепом насыпался земляной курган.

Дромос по характеру устройства имеет также много разновидностей. Наиболее распространенный тип дромоса — с земляными боковыми стенами и земляными же ступенями. Более развитой тип — дромос с каменными боковыми стенами. Иногда в каменных стенах дромоса устраивались каменные ящики для захоронения, как, например, в первом кургане Васюринской горы на Таманском полуострове,[1] где в двух каменных ящиках обнаружено захоронение четырех лошадей. Часто дромос имеет каменные ступени.

В большинстве случаев дромосы перед склепами открытые, т. е. не имеющие перекрытия, но встречаются и дромосы перекрытые.[1]

Вход в склеп иногда имел богатое оформление в виде фронтона, пилястр[2] и т. д. Помимо наиболее распространенного типа архитравного перекрытия входа,[3] имеются склепы и с арочным перекрытием входа.[4] После захоронения вход в склеп закрывался плотно входящей в дверной проем каменной плитой.[5] Остатков деревянных или металлических дверей в причерноморских склепах не обнаружено. После захоронения в склепе, дромос тщательно засыпался землей.

Внутренняя отделка склепов отличается строгой простотой форм. Лишь в редких случаях вводятся декоративные архитектурные элементы в виде пилястр с капителями и карнизы по линии начала свода.

[1] Второй склеп Васюринской горы, см.: АДЖ, табл. XII.

[1] Например, дромос Мелек-Чесменского кургана.

[2] АДЖ, табл. XXXV, XXXVI.

[3] А. Уваров. Исследования о древностях южной России. Собрание карт и рисунков, вып. 1. СПб., 1851, табл. XI.

[4] ОАК за 1903 г., рис. 4—7.

[5] ИАК, вып. 13, 1906, рис. 11—13.

Стены и своды склепов часто не имеют никакой штукатурки, но наряду с этим обнаружены и каменные склепы, покрытые штукатуркой и богато украшенные фресковой живописью.[1] В стенах склепа устраивались неглубокие ниши для установки в них светильников.

Иногда вокруг земляного кургана сооружалась опорная каменная стена — крепида, позволявшая поднять вершину кургана на значительную высоту при сравнительно небольшой площади, занятой курганом[2] (рис. 20). Облицованная тщательно отесанными плитами крепида придавала кургану

ные склепы в Херсонесе[1] и склеп у башни городских ворот в Ольвии.[2]

В Херсонесе открыт каменный склеп внутри городской стены, сооруженный во время постройки последней.[3]

Наряду с каменными склепами в некрополях античных городов Причерноморья существовали земляные склепы с дромосами[4] (Ольвия, Пантикапей) и склепы, вырубленные в материковой скале[5] (Херсонес).

Как правило, каменные склепы были фамильными. Для захоронения умершего члена семьи раскапывали засыпанный землей дромос и отваливали каменную плиту,

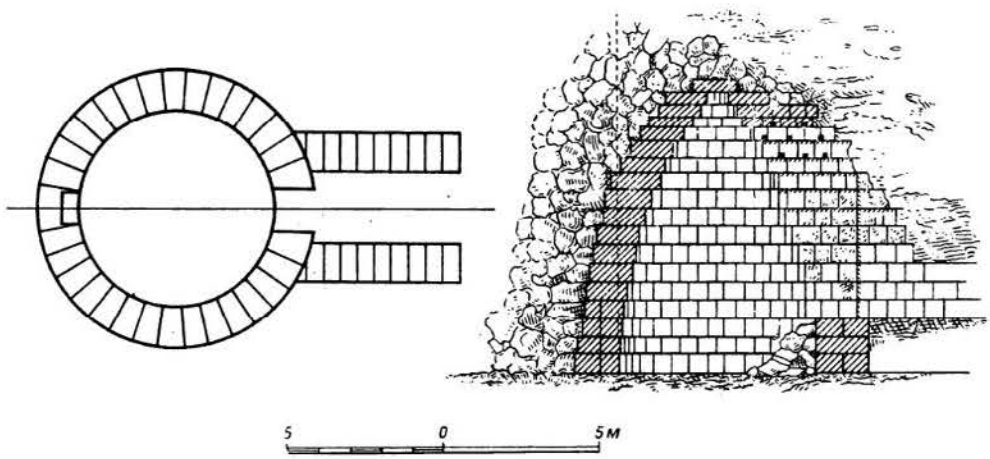

Рис. 21. План и разрез склепа Золотого кургана.

вид законченного архитектурного памятника. По всей вероятности, на вершине курганов устанавливались мраморные стелы с именами погребенных.

Сооружение каменных склепов и высоких земляных курганов над ними требовало больших средств и было доступно только для наиболее зажиточной части населения древних городов. Иногда за особые заслуги умершего перед городом склеп для его погребения сооружался за счет города.

Помимо каменных склепов под курганами, их сооружали и у городских стен и башен, как, например, приставные камензакрывавшую вход в склеп. После захоронения плита устанавливалась на место, а дромос вновь засыпался землей.

Наблюдается использование старых склепов через значительный промежуток времени. Например, в склепе, сооруженном в IV—III вв. до н. э., производят повторное захоронение в I—II вв. н. э. В таких случаях остатки старых погребений выбрасывались, а ценности уносились. Подавляющее большинство каменных склепов при раскопках оказалось ограбленными, частью еще в древности, частью кладоискателями в XIX в.

[1] См. статью Е. В. Ернштедт «Монументальная живопись северного Причерноморья», стр. 248 и сл. настоящего сборника.

[2] ОАК за 1903 г., рис. 1 и 2. — ИАК, вып. 13, 1906, табл. VIII.

[1] Г. Д. Белов. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014. Херсонесский сборник, Севастополь, 1927, вып. II, стр. 107—146.

[2] ОАК за 1907 г., стр. 40—46, рис. 30—36.

[3] ИАК, вып. 1, 1901, стр. 3—9.

[4] ИАК, вып. 8, 1903, рис. 10, *а*; 10, *б*.

[5] АДЖ, табл. CIV.

Из числа исследованных каменных склепов северного Причерноморья наиболее ранние датируются началом IV в. до н. э. Большинство же открытых склепов относится к IV и III вв. до н. э., т. е. к периоду экономического расцвета античных городов, когда представители верхних слоев общества имели возможность возводить дорого стоящие погребальные сооружения и насыпать

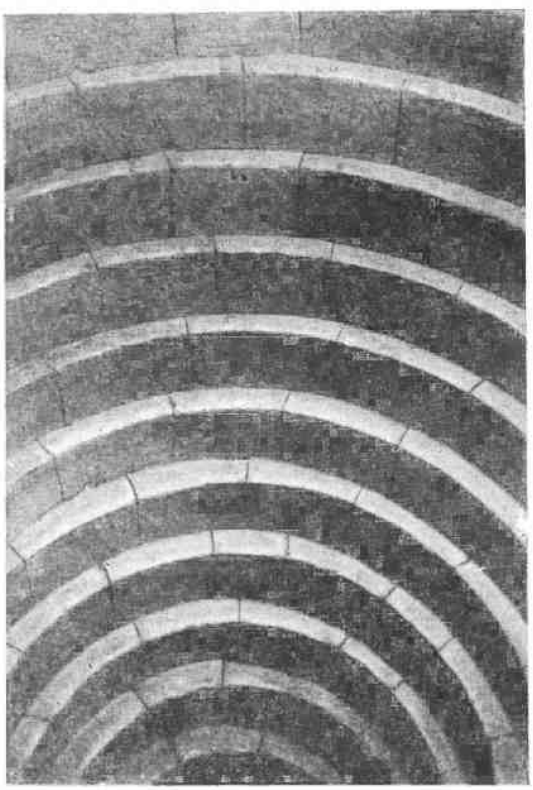

Рис. 22. Свод склепа Царского кургана.

над ними курганы. Затем, в связи с упадком экономического состояния древних городов, замечается значительное сокращение возведения подкурганных каменных склепов. Новый кратковременный подъем в строительстве подобных погребальных сооружений наблюдается уже в I—III вв. н. э.

Рассмотрим теперь несколько характерных памятников погребального назначения, от наиболее ранних из известных нам склепов до наиболее поздних.

Самым ранним из известных нам каменных склепов в северном Причерноморье является склеп Золотого кургана, расположенного к западу от Керчи (рис. 21). Круглая в плане погребальная камера диаметром 6.4 м была перекрыта уступчатым куполом высотой 9 м. Купол камеры начинался с нижнего ряда кладки и состоял из 17 постепенно сужающихся концентрических кругов из тщательно отесанных блоков известняка.

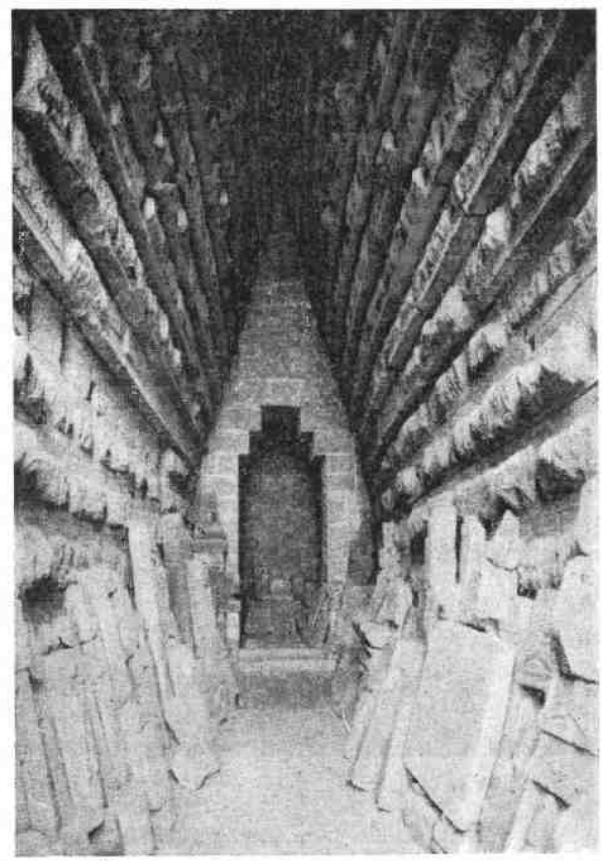

Рис. 23. Дромос Царского кургана.

Горизонтально лежащий дромос длиной 4.75 м был перекрыт также уступчатым сводом. Склеп Золотого кургана резко отличается от всех других склепов северного Причерноморья тем, что он является единственным памятником, где погребальная камера не прямоугольная, а круглая в плане; уступчатый же купол камеры имел ярко выраженную стрельчатую кривую в разрезе. Золотой курган был окружен мощной крепидой, сложенной из огромных камней циклопической кладки.

Но самым великолепным погребальным сооружением северного Причерноморья, пре-

красно сохранившимся до наших дней, является склеп Царского кургана, расположенного к северо-востоку от Керчи (рис. 22).

Погребальная камера находится в центре кургана, с юга к ней ведет горизонтально лежащий дромос длиной 36 м, при средней ширине 2.5 м. Примерно с середины длины дромоса стены его, постепенно повышаясь, переходят в уступчатый свод, замыкающийся на высоте 7 м от пола дромоса (рис. 23). Стены и свод слегка расширяющегося к камере дромоса сложены из тщательно пригнанных рустованных квадров местного известняка. Рустованные квадры имеют чисто отесанную рамку — «кант» и далеко выступающую, грубо обработанную лицевую поверхность плит. Строгие формы, большие размеры и прекрасные пропорции дромоса придают памятнику торжественно-величавый вид, яркую выразительность, полностью отвечая своей задаче как преддверью усыпальницы крупного правителя. Часть дромоса и вход в камеру укреплены новой кладкой в середине XIX в. Почти квадратная в плане погребальная камера перекрыта коническим уступчатым куполом. Переход от квадрата к круглому куполу осуществлен при помощи парусов в углах камеры. Паруса тоже имеют уступчатость, как и купол. Начинаясь с высоты около 2 м от уровня пола, паруса постепенно на высоте около 4 м переходят в замкнутые концентрические круги купола. Высота камеры 9 м. Верхний круг купола перекрыт плоской плитой. Стены и купол погребальной камеры выведены из чисто отесанных квадров без руста.

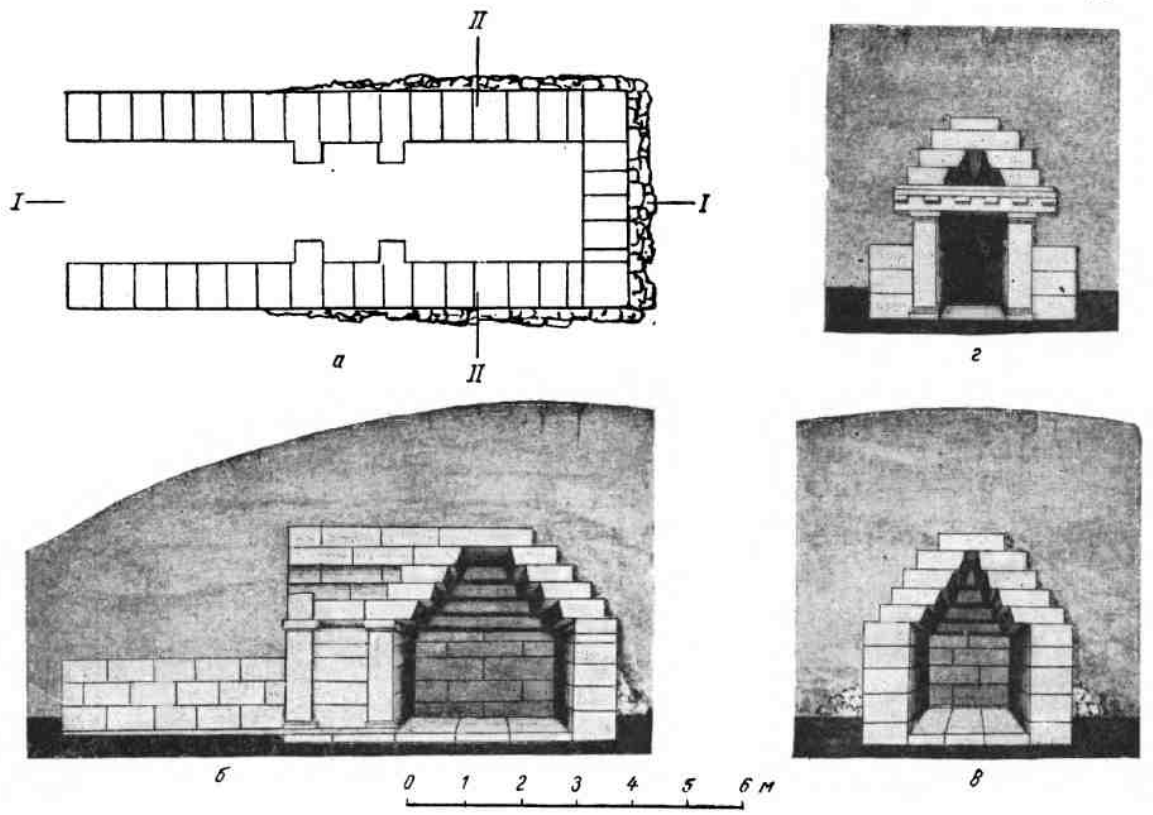

Рис. 24. 3-й Тарасовский курган.
а — план; *б*, *в* — разрезы; *г* — вход в склеп.

Склеп сооружен, по всей вероятности, в начале IV в. до н. э. и является одним из наиболее ранних памятников этого рода.

Дальнейшее развитие склепов идет по линии удлинения и увеличения погребальной камеры, сокращения длины дромоса и сооружения склепа ниже уровня дневной поверхности. Удлиненная погребальная камера перекрывается ложным уступчатым сводом, причем напуск камней ложного свода

производится со всех четырех сторон камеры. Примером такого склепа может служить склеп, открытый под курганом в городском саду в Керчи.[1] Длинный, горизонтально идущий дромос имеет каменные стены без перекрытия. Дверной проем перекрыт архитравной плитой.

стенах камеры образуются треугольные поля, как, например, в склепе 2-го Тарасовского кургана, также датируемого первой половиной III в. до н. э.[1] (рис. 25). Вход в склеп оформляется рельефным фронтоном поверх архитравного перекрытия дверного проема.

Более сложным по плану и своему устрой-

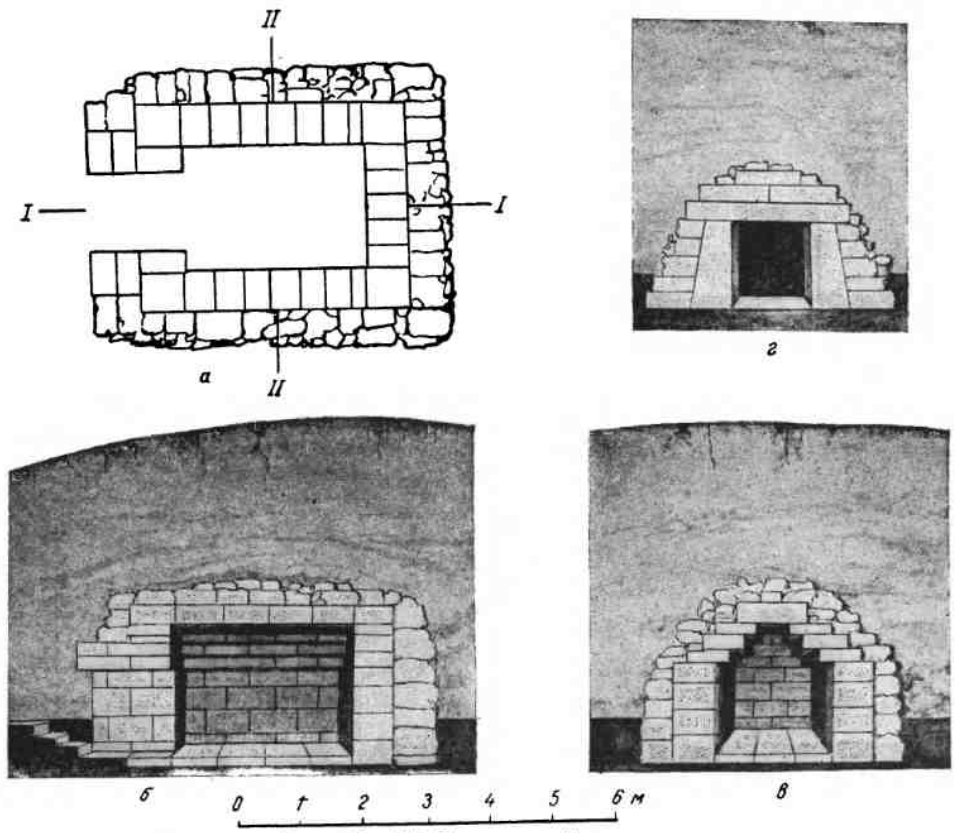

Рис. 25. 2-й Тарасовский курган.
а — план; *б*, *в* — разрезы; *г* — вход в склеп.

Впоследствии план склепов данного типа усложняется благодаря устройству перед погребальной камерой небольшого помещения — сеней. Примером может служить склеп 3-го Тарасовского кургана, близ Анапы, датируемый III в. до н. э.[2] (рис. 24). Одновременно перекрытие удлиненных прямоугольных камер упрощается выведением уступчатого свода только с продольных длинных стен камеры; при этом на коротких

стеству является склеп № 48[2] в кургане на хребте Юз-Оба («Сто могил»), к югу от Керчи. Склеп имеет две погребальные камеры и крытый короткий дромос, расположенные на одной оси (рис. 26).

Длительное существование уступчатого свода и купола в гробницах северного Причерноморья является не показателем технической отсталости зодчих Причерноморья, а умышленным, сознательным использованием архаических строительных приемов; оно выдвигалось, возможно, самими заказчиками,

[1] А. Ашик. Воспорское царство. Одесса, 1848, ч. II, § 36, стр. 44, рис. III.
[2] АДЖ, стр. 110, табл. XXXV, *1*; XXXVI, *5—8*.

[1] АДЖ, стр. 110, табл. XXXVI, *1—4*.
[2] АДЖ, стр. 104, табл. XXXIV, *1—5*.

а иногда, очевидно, и самими зодчими для достижения определенных эффектов или для разрешения задач, связанных с заупокойным культом.

Одновременно с ложным сводом существуют и склепы, перекрытые цилиндрическим сводом. Наиболее ранним склепом с цилиндрическим сводом из числа открытых раскопками в северном Причерноморье является склеп № 47 [1] на хребте Юз-Оба, датируемый второй половиной IV в. до н. э. (рис. 27). Вход в склеп расположен в продольной стене, вследствие чего дромос, перекрытый стрельчатым ложным сводом, находится под прямым углом к оси склепа. По-

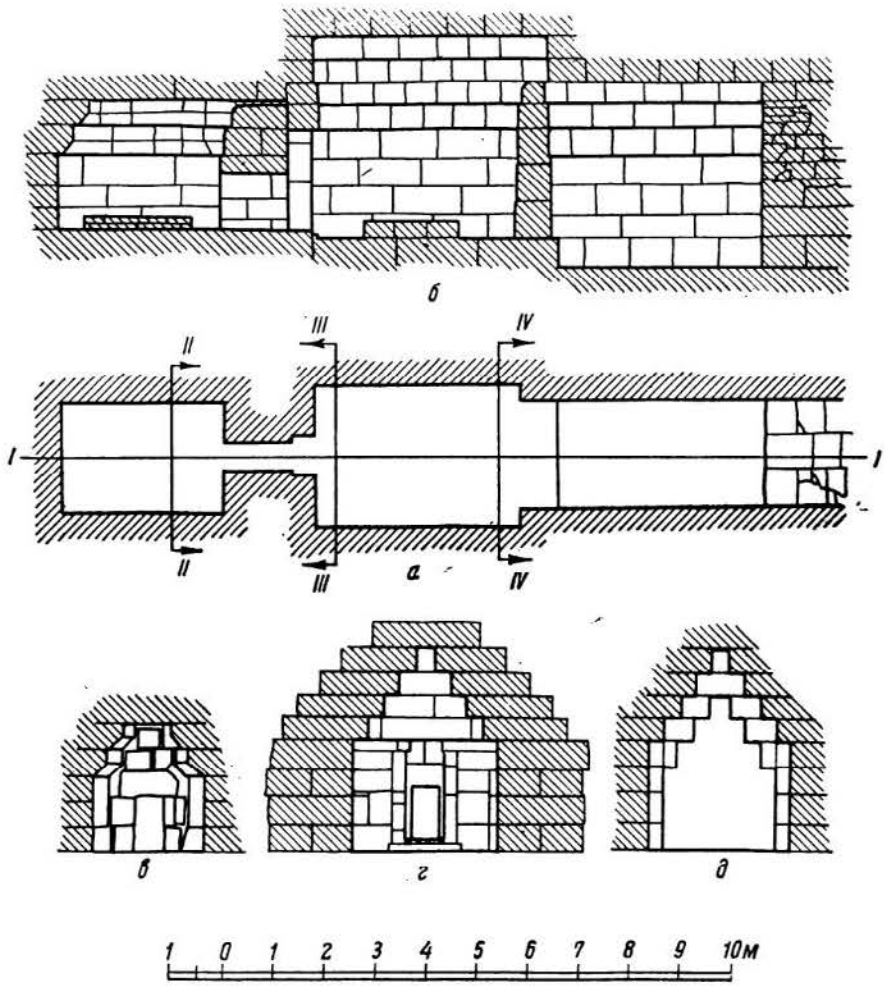

Рис. 26. Склеп № 48 на хребте Юз-Оба.

а — план; б—д — разрезы.

В северном Причерноморье ранние склепы с полуциркульным сводом существовали почти одновременно с уступчатыми сводами. Таким образом, архитекторам в северном Причерноморье древняя форма сводчатого перекрытия из клиновидных камней была хорошо известна, но применялась в ранние периоды в значительно меньшем масштабе.

В эллинистический период цилиндрический свод в погребальных сооружениях применяется значительно чаще, а в римский

[1] АДЖ, стр. 103, табл. XXXIII.

период полностью вытесняет ложный свод в склепах. Этот переход вызван конструктивными преимуществами цилиндрического свода в подземных сооружениях, какими являлись склепы под курганными насыпями.

В целях создания лучших условий для сохранности склепов, перекрытых цилиндрическим сводом, стены их устраивались в глубоком котловане, где плотный слой бортов котлована в материке полностью ликвидировал опасность разрушения склепа от распора продольных стенок. Как правило, свод несли продольные стены склепа, поэтому их выводили в высоту только до уровня пяты свода, поперечные же стены склепов делали сразу значительно выше продольных и заканчивали на 1 м и более выше намеченного положения шелыги [1] свода. Затем между завершенными поперечными стенами склепа, по деревянной опалубке укладывался полуциркульный свод из клиновидных камней.

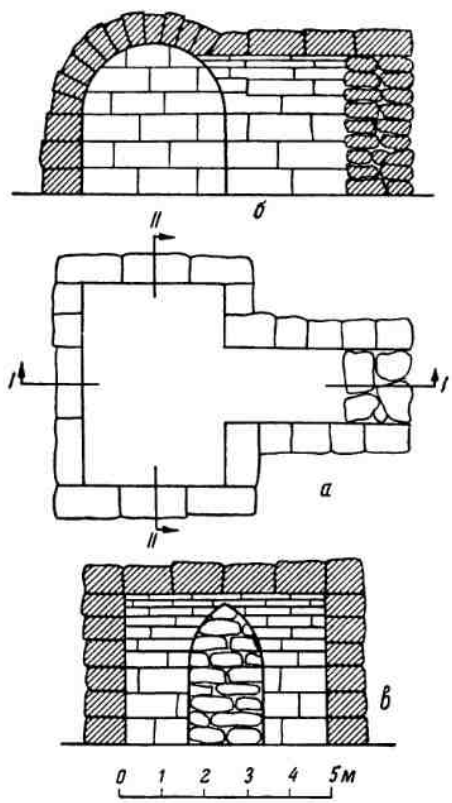

Рис. 27. Склеп № 47 на хребте Юз-Оба.
а — план; *б*, *в* — разрезы.

Иногда начало свода подчеркнуто небольшим несложным карнизом, полочкой или изображением их в живописи, если склеп расписывался. Отдельные ряды свода имели различную толщину нижней поверхности клинчатых плит, но все плиты одного ряда имели совершенно одинаковую толщину. Кладка свода производилась насухо, без применения металлических скреп. После того как кладка свода заканчивалась, котлован засыпался и возводилась насыпь кургана.

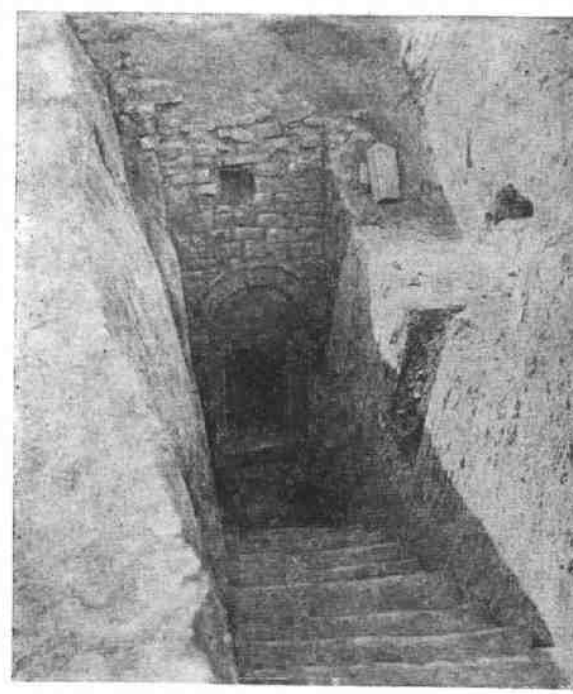

Рис. 28. Вход в склеп Еврисивия и Ареты. Ольвия.

Примером поздних склепов с цилиндрическим сводом служат два каменных склепа прекрасной сохранности в Ольвии: склеп Еврисивия и Ареты и склеп Зевсова кургана.

Склеп Еврисивия и Ареты [1] находится под курганом, некогда имевшим каменную крепиду, расхищенную в XIX в. Склеп носит это название потому, что в нем мест-

[1] Шелыга — верхние замковые камни свода.

[1] Б. В. Фармаковский. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 1—20, табл. I—VII. — Я. Г. Гевирц. О сводах в постройках Ольвии. Труды Всероссийск. Акад. художеств, т. I, 1947.

ными кладоискателями («счастливчиками») был найден мраморный жертвенный стол, на котором вырезана по-гречески надпись: «Еврисивий Каллисфенов и Арета Папиева этот памятник соорудили себе при жизни». К склепу ведет глубокий дромос со ступенями, вырезанными в грунте. Вход в склеп перекрыт архитравной плитой, поверх которой имеется разгрузная арка (рис. 28). Вход был заложен массивной каменной плитой, плотно входившей в дверной проем. Направо от входа сооружена подпорная стена длиной 2 м и высотой около 5 м. Фасадная стена склепа доходила, по всей вероятности, до уровня подошвы крепиды.

Склеп имеет два помещения. Первое помещение — сени в виде коридора — ведет к погребальной камере. Коридор перекрыт цилиндрическим сводом. В южной стене сделана небольшая ниша. Пол выстлан каменными плитами. Вход в погребальную камеру обрамляют два пилястра с базами и капителями, имеющие четкие изящные профили. Пилястры стоят на довольно высоком пороге. Дверной проем перекрыт поставленной на ребро плитой. Погребальная камера, почти квадратная в плане, также перекрыта цилиндрическим сводом. На уровне пяты сводов в погребальной камере и в коридоре имеются карнизы с простыми профилями (рис. 29).

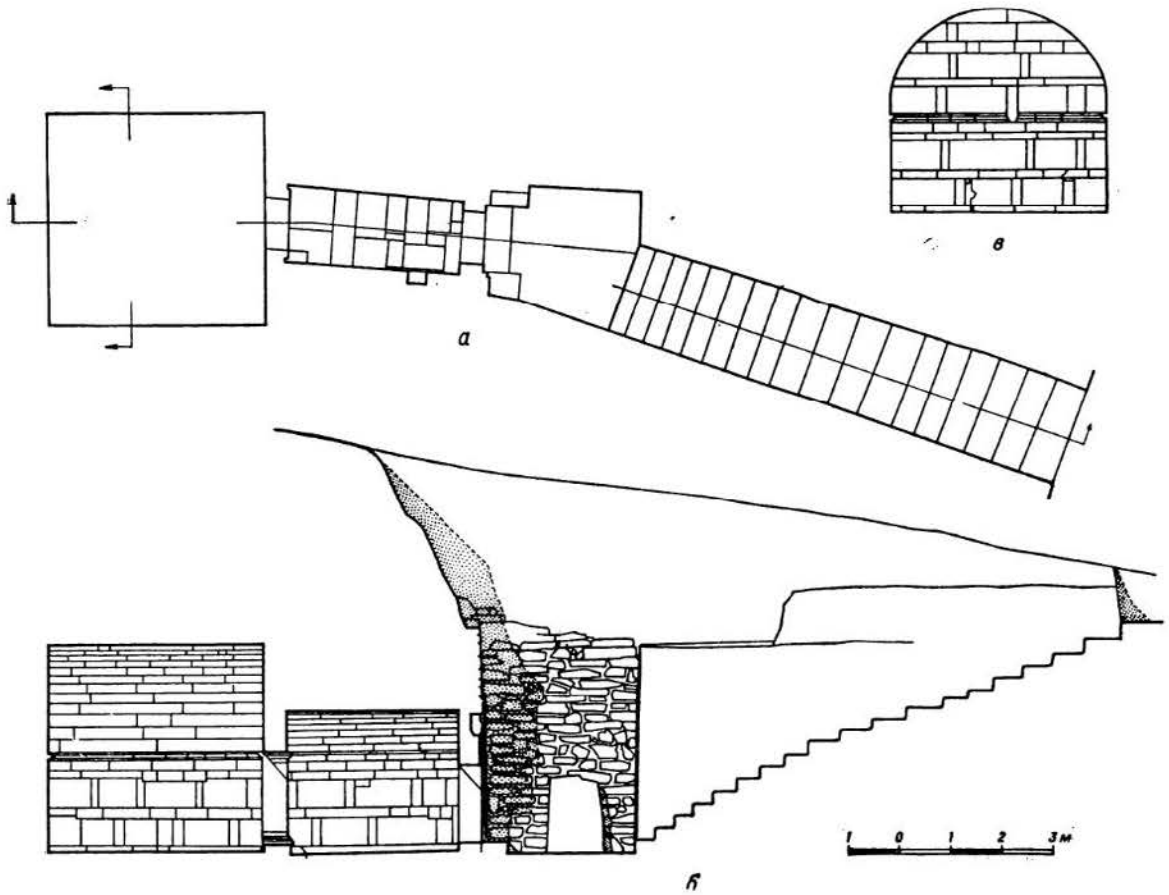

Рис. 29. Склеп Еврисивия и Ареты.
а — план; *б* — продольный разрез; *в* — поперечный разрез.

Стены камеры и коридора сложены из чисто отесанных и тщательно пригнанных плит известняка. Кладка стен исполнена в старой греческой системе — «кордон на ребро, плита на образок», с рядами плит, положенных на постель. Погребальная камера также имеет каменный пол. Кладка

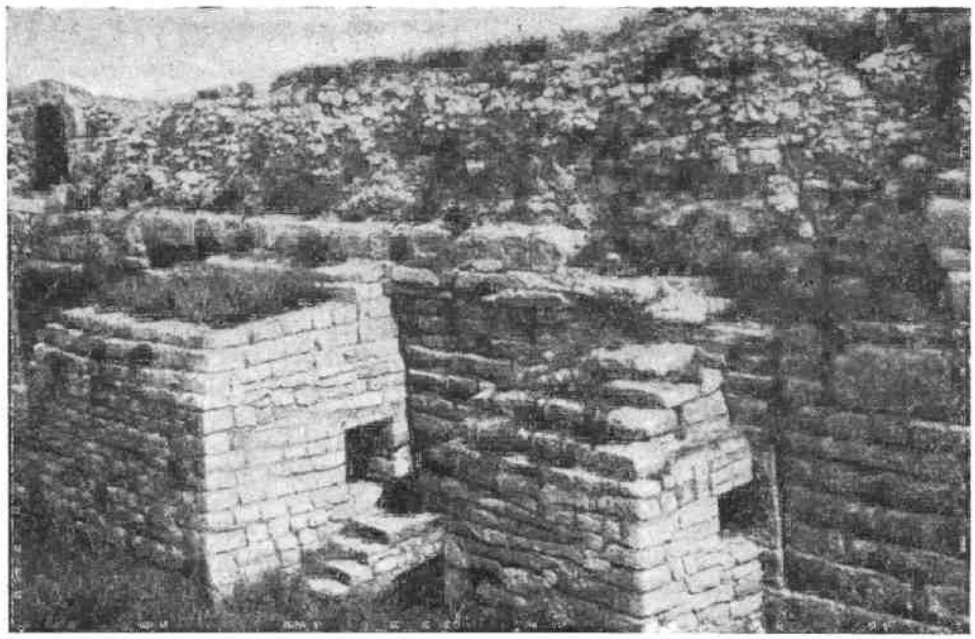

Рис. 30. Склепы, пристроенные к оборонительной стене. Херсонес.

стен и свода произведена насухо. Никаких следов росписи на стенах склепа не имеется. Склеп был сооружен в конце II в. н. э.

Второй каменный склеп под Зевсовым курганом [1] находится на верхнем плато, у склона к Нижнему городу, на территории эллинистического богатого городского района, разрушенного при гетском разгроме. В первые века нашей эры эта часть городской территории не застраивалась и представляла пустырь с остатками разрушенных зданий.

Курганная насыпь окружена каменной крепидой. Часть крепиды сохранилась у южной полы кургана. Крепида сооружена из рустированных крупных плит (0.92 м высотой) известняка, взятых из облицовки оборонительных стен IV—III вв. до н. э. и вторично употребленных для украшения курганной насыпи. Рустированные плиты крепиды стоят на цоколе из чисто отесанных квадров высотой 0.39 м. Крепида имела довольно грубый карниз. Вся высота ее составляла 1.68 м. Высота кургана, судя по сохранившемуся южному склону его, была около 14.5 м.

Пологий дромос без ступеней спускался до глубины 5.16 м. Перед входом в склеп имелась небольшая площадка. Вход в склеп

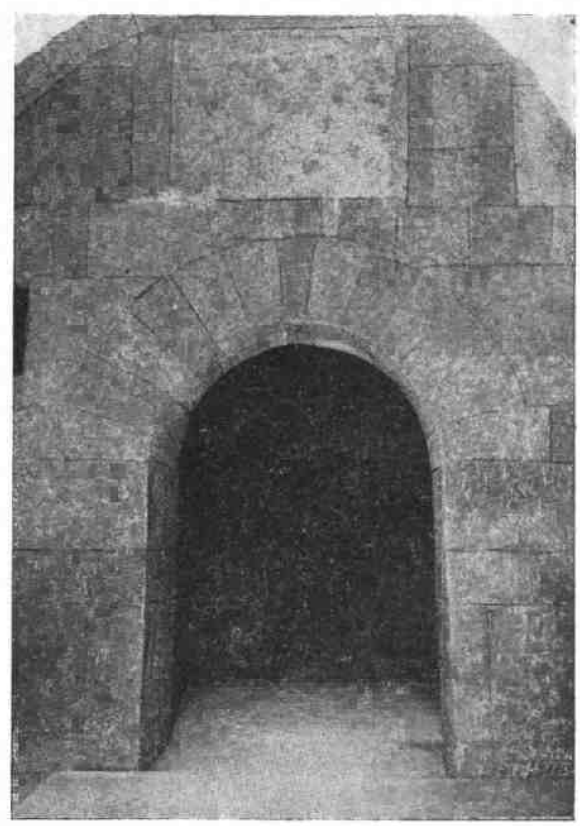

Рис. 31. Вход в погребальную камеру Зевсова кургана.

[1] ОАК за 1903 г., стр. 1—7. — ИАК, вып. 13, 106, стр. 7—32.

перекрыт аркой из клинчатых камней и закрывался тремя плитами, точно входившими в дверной проем. Над аркой фасадная стена сложена на высоту 1.5 м из чисто отесанных плит, на одной из которых изображен в рельефе зажженный факел, выше стена сложена из грубо отесанных камней. По обе стороны от входа, на расстоянии 1.75 м, равном ширине дромоса, имеются два контрфорса, доведенные, как и фасадная стена, до фундамента крепиды.

Склеп состоит из двух помещений: небольших сеней и погребальной камеры. В отличие от склепа Еврисивия и Ареты обе комнаты имеют одинаковую ширину, 3 м, и высоту, также 3 м, считая от каменного пола до шелыги свода.

Из первого помещения в погребальную камеру ведет дверь, также перекрытая аркой (рис. 31). В сенях и погребальной камере имеются ниши для установки в них светильников и подношений.

Склеп Зевсова кургана сооружен, по всей вероятности, одновременно со склепом Еврисивия и Ареты. Никаких архитектурных украшений и деталей внутри склепа нет.

На одной из стен сеней имеются изображения змеи и человека грубого рисунка, нанесенного красной краской. Оба склепа в момент их раскрытия оказались разграбленными, причем ограбление их производилось, судя по пробоинам, неоднократно.

В заключение рассмотрим сравнительно небольшую группу каменных склепов, перекрытых наклонно поставленными на два ската плитами. Наиболее яркими памятниками этого типа являются склепы у городской стены в Херсонесе.

Оба склепа сооружены впритык к облицовке городской стены греческого периода (рис. 30). Низкий вход в склеп № 1013 (высотой 1.05 м, шириной 0.8 м) был заложен каменной плитой. Стены погребальной камеры внутри облицованы чисто отесанными и тщательно пригнанными плитами известняка. Камера перекрыта поставленными наклонно крупными плитами известняка длиной 1.25 м, нижними концами опирающимися на продольные стены. Камера имеет небольшую высоту — 1.15 м у начала ската и 1.8 м в верхней части двускатного перекрытия. В трех стенах склепа имеется 15 ниш для установки в них урн.

За внутренней облицовкой из тесаных плит находилась бутовая кладка, обвалившаяся после освобождения склепа от окружавшей его земли и замененная затем, при реставрации склепа, кладкой из тесаных камней. Бутом же были заложены и плиты перекрытия склепа. На бутовом заполнении котлована, в целях большего обеспечения склепа от разрушений, поверх склепа была сооружена площадка из четырех рядов плит известняка. В верхнем ряду настила по краям площадки имеются прямоугольные углубления, представляющие собой, повидимому, пазы для установки столбов ограждения площадки над склепом. Вдоль оборонительной стены уложены в два ряда крупные плиты, которые могли служить постаментом для мраморных стел с именами похороненных в склепе лиц.

Второй склеп, № 1014, значительно меньший по своим размерам (длина 1.82, ширина 0.98, наибольшая высота 0.93 м), мало отличается по своему устройству от первого. При сооружении склепа в котловане было сложено всего три стены, четвертой служила облицовка оборонительной стены. В склепе устроено 7 ниш для установки в них урн. Прямоугольное входное отверстие закрывалось каменной плитой. При каждом захоронении в склепах раскрывался дромос.

В настоящем кратком очерке мы не могли полностью охватить все стороны такого сложного и большого вопроса, как архитектура античных городов. Мы попытались в сжатом виде показать многообразие форм и назначения построек в древних городах северного Причерноморья. Подытоживая наш обзор, следует подчеркнуть, что такие города, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей и Фанагория, особенно в ранний период их существования, были типичными греческими полисами; по своему устройству и внешнему облику они мало чем отличались от других крупных центров эллинского мира.

Вместе с тем открытые памятники архитектуры свидетельствуют, что зодчество северного Причерноморья в каждом из его городов имеет свои локальные особенности. Эти черты своеобразия были вызваны как природными условиями, так и культурным влиянием местных племен северного Причерноморья, особенно ощущаемым в поздний период существования этих городов.

Е. И. Леви и А. Н. Карасев

ДОМА АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

I

Когда скиф Анахарсис был в Афинах, в беседе с Солоном он сказал: «Откуда бы мне, блуждающему кочевнику, живущему на повозке и переезжавшему из одной земли в другую, а в городе никогда не жившему и даже доныне его не видавшему, рассуждать о государственном устройстве и учить оседлых жителей, уже сколько времени благоустроенно живущих в этом древнейшем городе».[1] Анахарсис не только не жил, но даже и не видел благоустроенного города до прибытия в Афины, ибо поселения местных жителей северного Причерноморья VII—VI вв. до н. э. не были похожи на греческие города того же периода, обнесенные оборонительными стенами, имевшие богатые храмы, общественные здания, жилые кварталы. Строительное искусство греков стояло на значительно более высоком уровне, чем строительство оседлого местного населения Скифии. Жилища последних представляли собой преимущественно хижины с плетеными тростниковыми стенами, обмазанными глиной, как об этом можно судить по раскопкам некоторых кубанских и донских поселений. Правда, из рассказа Геродота мы знаем, что в V в. до н. э. скифский царь Скил имел в Ольвии дворец, украшенный беломраморными сфинксами и грифонами,[2] но это уже явилось результатом взаимообщения с греками, с появлением которых на берегах северного Понта стали быстро расти большие города, построенные согласно принципам планировки и строительным приемам метрополии. Но если строительство причерноморских колоний и развивалось на греческой основе, новая географическая среда, местные бытовые условия не могли не оказать своего воздействия, в результате чего мы находим в северном Причерноморье ряд деталей, характерных именно для строительства городов этой области античного мира. Еще римский архитектор Витрувий писал, что жилые здания «будут иметь правильное расположение лишь в том случае, если с самого начала будет учтено. . . в каких странах света они создаются», и «. . . очевидно неодинаково надо устраивать расположение разного рода жилых зданий в таких странах, как Египет или Испания. . . как Понт и Рим».[1]

Основными материалами при возведении жилищ в северном Причерноморье наряду с кирпичом-сырцом являлись различные виды известняка и песчаник, легко поддающиеся обработке. Выходы известняка, имеющиеся в непосредственной близости от Ольвии, маломощны, поэтому ольвиополиты вынуждены были доставлять камень из окрестностей нынешнего Николаева и транспортировать его водным путем, по Бугу. Этим объясняется то, что в Ольвии сырец применялся в бóльших масштабах, чем в Херсонесе, Пантикапее и других городах европей-

[1] Лукиан Самосатский. Анахарсис или о гимнасиях, 18=SC, I, стр. 546.
[2] Геродот, IV, 8.

[1] Витрувий, VI, 1. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936, стр. 341.

ской части Боспора, богатых строительным камнем.

Уже на выборе строительного материала сказалось влияние местных условий. Северное Причерноморье бедно мрамором: залежи пестрого и серовато-белого мрамора имеются в небольшом количестве только в Крыму и на Кавказе, причем пестрый мрамор по своему качеству мало удовлетворяет требованиям строительства. Вследствие этого мрамор не мог являться основным материалом даже при возведении богатых общественных зданий и применялся лишь для декоративного оформления в качестве архитектурных деталей. В зависимости от имущественного положения владельца дома варьировалось применение строительных материалов. Так, в домах богатых ольвиополитов III—II вв. до н. э. употреблялся камень лучшего качества и лучшей обработки. В первые века нашей эры, когда городская территория значительно сократилась и разрушившиеся здания давали обильный строительный материал, который можно было вторично использовать в строительстве частных домов, даже в жилищах бедняков камень вытесняет сырец.

Жилые дома северного Причерноморья по своему плану и внутреннему устройству восходят в основных чертах к типам греческих домов. Греческий дом не был похож на современные дома: глухая стена отделяла его от улицы, все помещения группировались вокруг двора, служившего основным источником света. Помещения освещались через двери и окна, выходившие во двор.[1]

С древнейших времен двор занимал центральное место, обусловленное его хозяйственной ролью. Вначале, когда размеры дома были незначительны, он служил местом, где приготовляли пищу, где собиралась семья для трапезы, где принимали посетителей. В дальнейшем функции отдельных помещений дифференцируются: с выделением специальных комнат, столовых, кухонь, а иногда и особых хозяйственных дворов центральный двор становится по существу одним из главных приемных помещений дома.

Греческий дом обычно делился на две половины: мужскую (андрон) и женскую (гинекей); существовал также ряд специальных хозяйственных помещений. Если дом был двухэтажный, женская половина располагалась чаще всего на втором этаже. Из одной речи Лисия известно, что он переселил свою жену в нижний этаж, так как она имела маленького ребенка: «Чтобы ей не подвергать опасности здоровье, сходя с лестнице, когда ей приходилось мыться, я стал жить наверху, а женщины внизу». Вокруг двора группировались обычно парадные помещения, столовые, кухни; спальни помещались в наиболее удаленных частях дома.

Планировке дома и его расположению греки придавали большое значение. Ксенофонт рассказывает, как советовал Сократ строить дома, если хозяин хочет удержать в доме летом прохладу, а зимой — тепло: для этого он предлагал сторону, обращенную на юг, строить ниже, чтобы не закрывать доступ зимнему солнцу, а северную — выше, чтобы не подвергать жилище действию холодных ветров. Светлые комнаты по его совету, следовало отводить для работы, в сухих частях здания хранить хлебные запасы, в прохладных — вино. Позднее Витрувий дал вполне разработанную систему размещения отдельных комнат в зависимости от их назначения; так, например, он советует спальни и библиотеки располагать на восточной стороне, потому что их назначение требует утреннего света, бани и зимние помещения — со стороны юго-запада и т. д.[3]

Остатки жилых домов раннего времени в северном Причерноморье настолько еще малочисленны и фрагментарны, что по ним нельзя составить полного представления о жилом доме VI—IV вв. до н. э.

Дома, относящиеся к архаическому периоду (VI в. до н. э.), открыты на о. Березани, в Ольвии, Пантикапее и Тиритаке. Характерными для их устройства являются

---

[1] О жилых домах северного Причерноморья см.: В. Д. Блаватский. Античная архитектура на территории северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, М., 1948. О греческих жилых домах см.: М. И. Максимова. Эллинистическая техника. М., 1948; Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 1, М., 1949; D. Robinson. A Handbook of Greek and Roman Architecture. Cambridge, 1945; Excavations at Olynthus, v. VIII, 1938; Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1904.

[1] Лисий. Речи. I, 9. Перевод С. И. Соболевского, М.—Л., 1939, стр. 26—27.

[2] Ксенофонт. Воспоминания о Сократе III, 8—10. Перевод С. И. Соболевского, М. 1935.

[3] Витрувий, VI, 6.

небольшие размеры и несложность планировки.

Жилой дом состоял обычно из одного-трех помещений и небольшого дворика, служившего хозяйственным целям. Так, в Ольвии близ Зевсова кургана открыт входящий в состав дома VI в. до н. э. дворик, в котором были обнаружены остатки горна с разбросанными вокруг него кусками шлака и медными полуфабрикатами. Здесь же находилась небольшая печь для приготовления пищи, кроме того, во дворе была найдена зернотерка. Вход во двор был с узкой улицы, имевшей вымостку из утрамбованных черепков битой посуды и щебня. Остатки небольших домов, открытые на о. Березани, в большинстве состоят из маленьких комнат, размеры которых, а также характер кладки

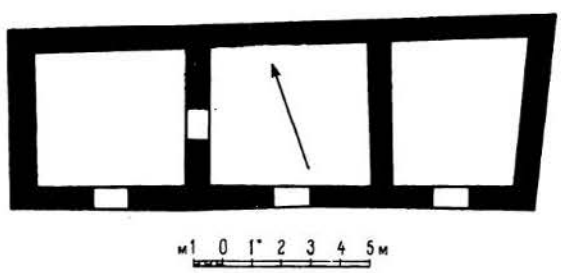

Рис. 1. План архаического дома в Тиритаке.

стен дома говорят о том, что хозяева были небогатыми людьми. Все эти ранние березанские дома имели сырцовые стены на каменном цоколе.[1]

Наряду с домами на о. Березани обнаружены жилища архаического периода типа землянок, состоящие из одного помещения.[2]

Близок к березанским домам жилой дом второй половины VI в. до н. э. в Тиритаке (рис. 1).[3]

В плане он имеет форму вытянутого четырехугольника и состоит из трех комнат. Посредине одной из них обнаружены остатки очага, возле которого лежали терракотовые статуэтки богинь, а также разбитый глиняный алтарик; помещение это, повидимому, являлось жилой и одновременно культовой комнатой дома. На полу было найдено много разнообразной посуды и глиняные подвески для ткацкого станка.

За последние годы работ остатки ранних домов раскрыты и в Пантикапее. Так, в 1950 г. был открыт дом, возникший еще в начале VI в. до н. э.[1] Сохранилось одно помещение с глинобитным полом; внутри него обнаружен очаг. Стены дома были сырцовые, возведенные на каменном цоколе; цоколь частично сложен из рваного камня, частично из плит, поставленных на ребро. Другой дом конца VI—начала V в. до н. э. состоит из четырех помещений общей площадью 40 кв. м. Два из них являлись хозяйственными, остальные предназначались для жилья. Одно из хозяйственных помещений, в котором найдены амфоры, служило, очевидно, кладовой.

В 1949 г. вблизи Ольвии, на поселении у Широкой балки,[2] были раскрыты остатки жилых домов своеобразной формы, относящихся к VI в. до н. э.

Они представляют собой полуземлянки, впущенные в материк на глубину около 1 м. Часть стен сложена из камня в полигональной кладке (рис. 2). Обычно жилище состояло из одного-двух помещений; в непосредственной близости от него находились одна-две ямы хозяйственного назначения.

В архаический период отдельные дома строились обычно не вплотную друг к другу, а на некотором расстоянии.[3] По всей вероятности, жилой дом располагался на одной из сторон прямоугольного двора, отгороженного сырцовой стеной. Хозяйственные постройки и помещения для скота строились отдельно от дома, во дворе.

Стены домов этого периода делались чаще всего из сырцовых кирпичей, возведенных на низком каменном цоколе. Для кладки цоколя употреблялись плоские, тонкие, неотесанные плиты небольших размеров, связующим материалом служила глина. Иногда цоколь дома возводился из многоугольных

---

[1] ОАК за 1906 г., стр. 50 и сл.; ОАК за 1907 г., стр. 66 и сл.; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 104 и сл.

[2] О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК, V, 1940, стр. 49—54.

[3] В. Ф. Гайдукевич. 1) Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 37—38; 2) Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 74 и сл.

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 212 и сл.

[2] Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, XL, 1951, стр. 114 и сл.

[3] А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 25 и сл.

камней (полигональная кладка) с хорошей пригонкой соприкасающихся плоскостей, как, например, в Ольвии, иногда из крупной плоской гальки, как, например, в Тиритаке. Строгое соблюдение прямых углов помещений не выдерживалось. Сырцовые стены внутри помещений белились. Крыши домов были преимущественно камышовые, сверху покрытые слоем глины.

Характерным строительным приемом в архаический период является постройка

стый известняк грубой тески. Плоские удлиненные плиты известняка постепенно увеличиваются в толщине, принимая форму отесанных квадров. Более богатые дома возводятся на каменном фундаменте. Кладка цоколя и фундамента ведется на глине. В этот период в Ольвии появляются сначала глинобитные, а затем слоевые субструкции, в качестве замены каменного фундамента. Одно из помещений жилого дома V в. до н. э. было открыто в Верхнем городе Ольвии,

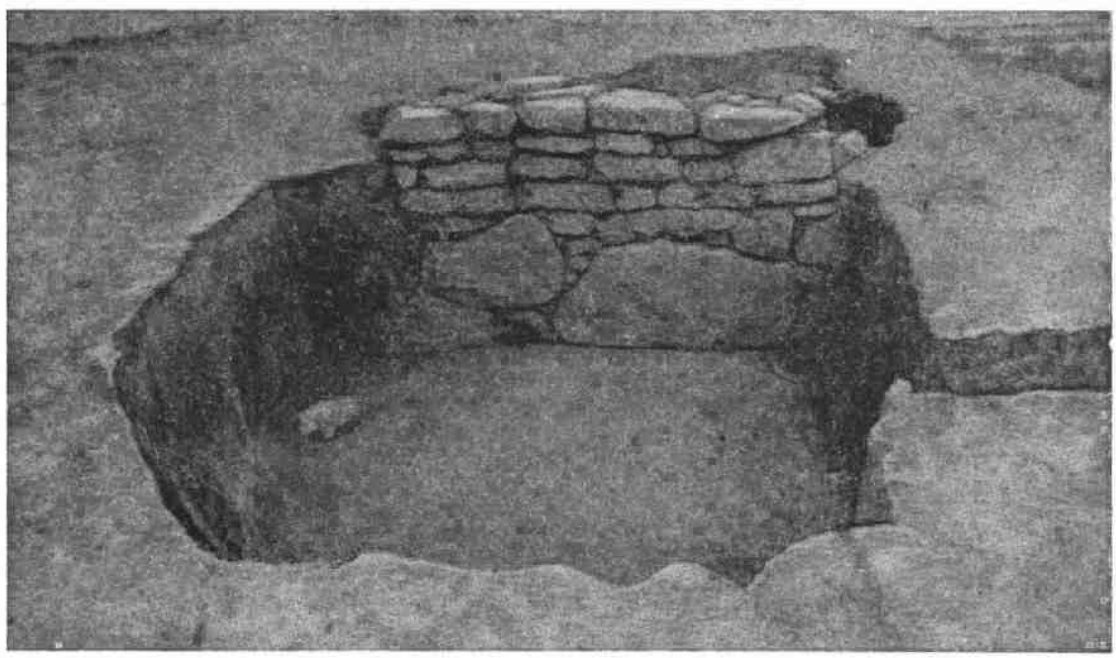

Рис. 2. Полуземлянка в поселении у Широкой балки.

фундаментов зданий из валунов. В постройку шли крупные и мелкие валуны, преимущественно целые, но встречаются и расколотые пополам. Фундаменты построек VI в. до н. э. открыты в Ольвии и Фанагории. Булыжник привозился на судах, шедших в города северного Причерноморья за зерном и другими товарами; трюмы судов загружались камнем для большей их устойчивости при плавании.

В V—IV вв. до н. э. жилые дома имеют более развитой, усложненный план. Увеличивается количество помещений. Как правило, стены домов, как и в VI в., возводятся из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Цоколь в этот период делается несколько выше, чем в архаический; в кладку цоколя идет раковив районе Зевсова кургана; [1] стены его, сохранившиеся местами до 1 м высоты, возведены из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, частично сложенном по системе полигональной кладки (рис. 3); с внутренней стороны они были покрыты слоем глины; кое-где уцелели следы побелки.

Другое помещение V в. до н. э. с остатками очага посредине открыто в Нижнем городе Ольвии; по своим размерам оно значительно превосходит помещение в Верхнем городе.[2] Кладки богатых домов приречной части Ольвии в IV в. до н. э. уже имели облицовку из прекрасно пригнанных про-

[1] Б. В. Фармаковский. Роскопування Ольбіі, р. 1926. Одесса, 1929, стр. 31, рис. 23.
[2] Раскопки 1938 г., раскоп «НГФ».

долговатых камней, отделанных рустом. Но в целом и богатые дома V—IV вв. до н. э. были, вероятно, невелики и несложны, как в отношении плана, так и по своей внутренней отделке.

И в самой Греции в раннее время дома знатных, богатых людей отличались простотой. Демосфен не один раз осуждал все возрастающую роскошь частных домов, с горечью вспоминая о том времени, когда дома Мильтиада, Аристида, Фемистокла ничем не выделялись среди соседних домов.[1]

Итак, в целом жилые дома Причерноморья VI—IV вв. до н. э. были просты и их устройство, отделка не всегда отражали имущественное положение хозяина. Наряду с этим в Ольвии в V в. до н. э. уже существовал богатый дворец скифского царя Скила. В раннее время такие дома представляли несомненно исключение. В создании этого дворца, резко выделявшегося среди общей массы домов ольвиополитов (что, очевидно, и заставило Геродота специально упомянуть о нем), сказалось стремление скифской знати к роскоши.

К концу IV в. положение меняется. Экономический и политический рост городов Причерноморья и происходившее вместе с тем усиление имущественной дифференциации их населения не могло не отразиться и на облике жилого дома. Дома эллинистического периода, в сравнительно большом количестве открытые раскопками в городах Причерноморья, наглядно иллюстрируют это положение. В Ольвии в это время осваивается новая городская территория; площадь на месте архаического некрополя быстро застраивается кварталами жилых домов. На старой городской территории производятся большие работы по нивелировке верхнего плато города. Все неглубокие балки, пологие склоны к нижнему плато и другие неровности поверхности Верхнего города засыпаются строительным мусором и чистым лёссом; на выравненной и повышенной громадной площади в центре города выделяется участок для постройки больших богатых домов крупных рабовладельцев. Вдоль восточной стороны верхнего плато, на склоне к Нижнему городу, сооружаются высокие подпорные стены, а склоны оформляются в виде террас. Точно такое же явление мы наблюдаем в Пантикапее и других городах.

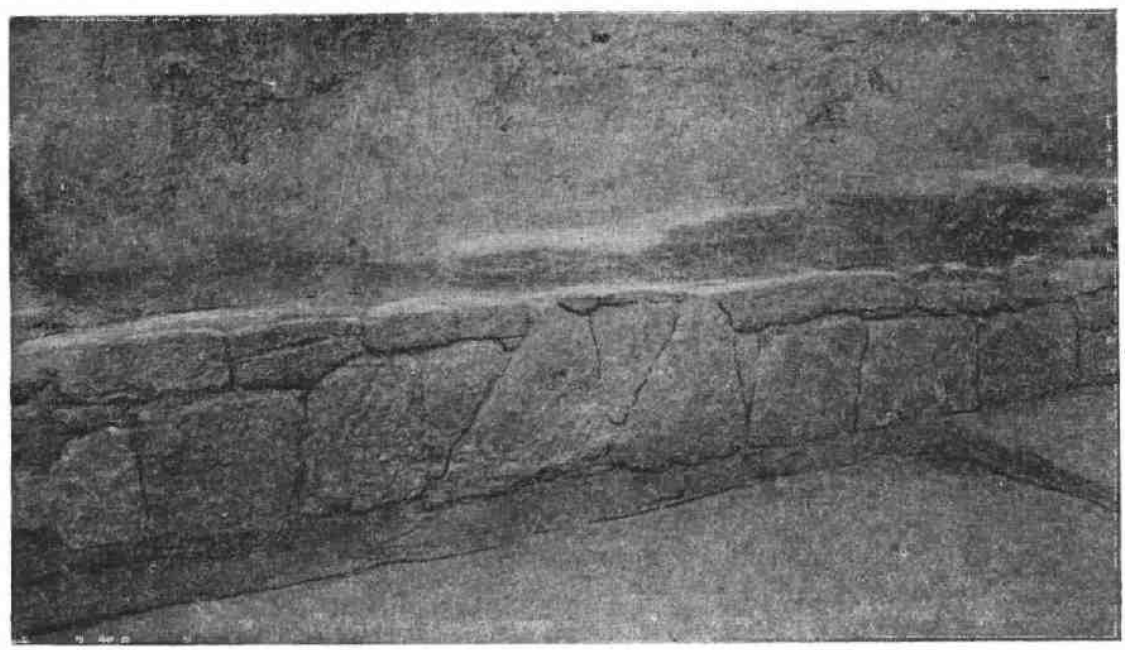

Рис. 3. Полигональная кладка цоколя стены дома V в. до н. э. в Ольвии.

[1] Демосфен. Речи (Третья олинфская речь). Перевод С. И. Радцига, М., 1954, стр. 41.

Сосредоточение богатств в узком кругу рабовладельцев способствовало развитию строительства богатых частных домов с усложненной планировкой, подражавших домам собственно Греции и Малой Азии. В городах строятся большие двухэтажные дома.

По мере усложнения плана дома двор окружается жилыми помещениями, портиками и постепенно теряет свое назначение, превращаясь в центральную, наиболее украшенную часть дома, в его открытый центральный зал. Окончательно определился к этому времени перистиль — окруженный колоннадой внутренний парадный двор, вокруг которого располагались парадные и жилые помещения. Взамен потерявшего свое хозяйственное значение двора создается второй двор, вокруг которого и группируются все хозяйственные помещения. В богатых домах широко применяются ордера.

Перейдем к рассмотрению типов жилого дома северного Причерноморья в эллинистическую эпоху. В основном мы будем базироваться на материалах Ольвии, наиболее систематически исследованной.

Дома незажиточной части ольвийского населения располагались преимущественно на окраинах города, в районах, примыкающих к городским стенам. Здесь же находились и мастерские ремесленников, причем часть мастерских, как, например, гончарные, строились иногда за городской стеной. Образцом простейшего типа городского жилища может служить дом, открытый на верхней террасе «И» в Ольвии (рис. 4).[1] Занимая небольшую площадь (85 кв. м), дом выходил северным глухим фасадом на улицу и восточным фасадом на узкий переулок, идущий по краю террасы, укрепленной подпорной стеной. Вход в узкий, мощенный плитами двор был с востока. Два жилых помещения были расположены к северу от двора и одно помещение — к западу, очевидно, хозяйственного назначения. Помимо малых размеров и простоты плана, характерной особенностью таких домов является простейший способ их сооружения. На очень низком каменном цоколе выводятся сырцовые стены, покрытые глиняной обмазкой. Крыши таких домов были, по всей вероятности, соломенные или камышовые, покрытые слоем глины, так как внутри помещений обломки черепиц встречаются очень редко.

К домам, принадлежащим среднему слою населения, отличающимся от простых домов своими несколько бо́льшими размерами и более сложным устройством, можно отнести ольвийский дом *I*, входящий в комплекс так называемого Северного здания раскопа «II». Северное здание выходило своим фасадом на мощеную улицу; входы были расположены с южной стороны. С севера, где в непосредственной близости проходили городские стены, оно примыкало к срезу материка. Несколько необычная вытянутая форма Северного здания объясняется тем, что для его возведения могла быть использована лишь узкая полоса между улицей и дорогой вдоль оборонительной стены.

Северное здание представляет остатки двух смежных домов *I* и *II*. Дом *I* состоял из двора, мощенного плитами, окруженного тремя помещениями: *а*, *б*, *в* (рис. 5). Помещения *а* и *б*, удаленные от улицы, являлись жилыми комнатами. Пол в помещении *б* был выложен сырцовыми кирпичами квадратной формы, тогда как в помещении *а* пол был глинобитный. В помещении *б* имелся подвал хозяйственного назначения, занимавший лишь часть площади; небольшой подвал имелся и в меньшем помещении *в*. Стены дома в северной половине, примыкавшие к материку, были каменные, а в южной половине — сырцовые, на высоком каменном цоколе. От улицы двор отделялся высокой стеной, в которой имелась дверь. Дом, построенный в III в. до н. э., перестраивается во II в. до н. э. Сокращаются размеры двора, восточная часть его отходит к смежному дому *II*, принадлежащему более богатому владельцу. От момента сооружения дома *I* до его перестройки уровень улицы настолько поднялся, что пришлось сделать во дворе перед дверью каменную лестницу в четыре ступени. Очень близок к этому типу дома жилой дом Херсонеса, открытый раскопками 1936 г. (рис. 6).[2] Вход в виде узкого коридора вел с улицы на мощеный двор, с двух сторон окруженный четырьмя помещениями. В двух из них

[1] Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 43 и сл.

[1] Л. М. Славин. 1) Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., стр. 13 и сл.; 2) Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города. СА, VII, 1941, стр. 292 и сл.

[2] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 87—89, 351.

имелись подвалы, вырубленные в скале. От вышеописанного ольвийского дома *I* этот дом отличается бóльшим количеством помещений (не три, а четыре) и наличием во дворе цистерны для хранения воды.

Дома с центральным небольшим двором, мощенным плоскими плитами, с трех сторон которого группируются жилые помещения, являются характерными и наиболее распространенными в городах северного Причерноморья в эллинистический период. Количество помещений вокруг такого двора колеблется от трех до семи. В каждом доме имеются один-два подвала глубиной до 2 м, предназначенные для хранения продуктов питания. Иногда помимо каменных подвалов устраивались глубокие, расширяющиеся книзу, круглые ямы для хранения зерна. Стены таких домов, как правило, сырцовые, стоящие на каменном цоколе от 0.5 до 0.8 м высоты. В редких случаях стены небольших домов Ольвии частично стоят на слоевых субструкциях. Так, например, одна из стен Восточного здания раскопа «И» стоит на субструкции; последнее вызвано тем, что здесь начинался склон и было необходимо укрепить грунт.

Кровля домов этой группы черепичная. Обработанные каменные архитектурные детали встречаются крайне редко. Стены помещений покрывались глиняной обмазкой с побелкой, в парадных комнатах иногда встречается расписная штукатурка. В это время, в отличие от архаической эпохи, дома плотно примыкают друг к другу и часто имеют общую смежную стену. Дома включены уже в систему городских кварталов. Образцом этого типа дома с одним двором, окруженным шестью помещениями, может служить дом в Херсонесе, примыкавший к вышерас-

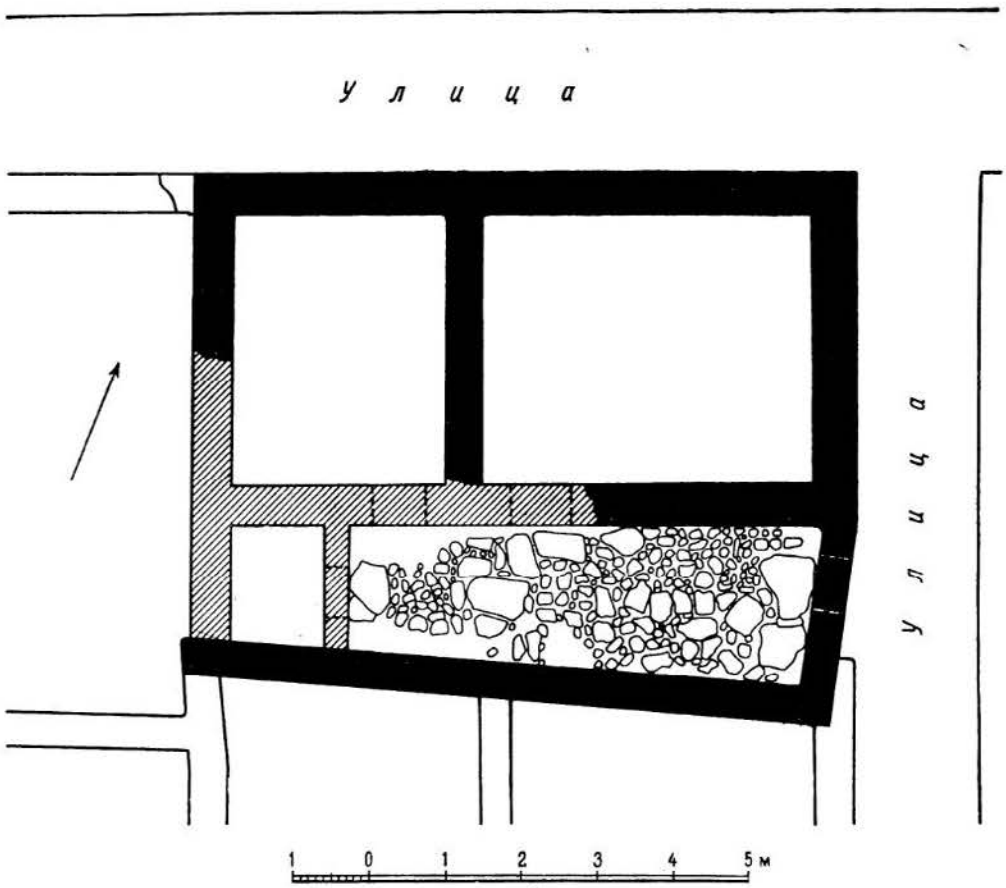

Рис. 4. План дома эллинистического времени в Ольвии.

смотренному дому с четырьмя помещениями (рис. 7).[1]

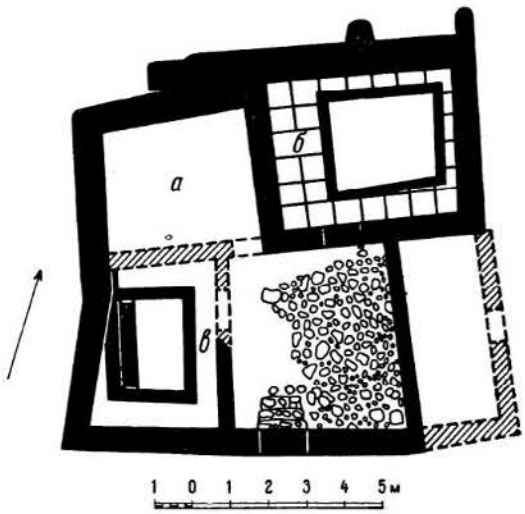

Рис. 5. План эллинистического дома Ольвии.

Следующей группой домов эллинистического периода являются дома с двумя дворами, самые разнообразные по своей планировке и устройству. В качестве примера для этой группы, наиболее простого по устройству, может служить Ольвийский дом *II* Северного здания раскопа «И».[2] Этот дом, примыкающий к дому *I* (помещения *а—б*), является промежуточным типом между домом с одним двором и богатым домом с двумя дворами. Дом *II* (III—II вв. до н. э.) построен на узкой полосе в 10 м шириной и 17 м длиной (рис. 8). Своим длинным, узким фасадом с двумя входами он выходил на мощеную улицу. Главный вход вел на квадратный дворик (4.5×4.5), замощенный плитами. В дальнейшем, при перестройке дома, дворик с трех сторон был окружен портиками на деревянных столбах, а стены помещений, выходившие во двор, были облицованы рустированными плитами.

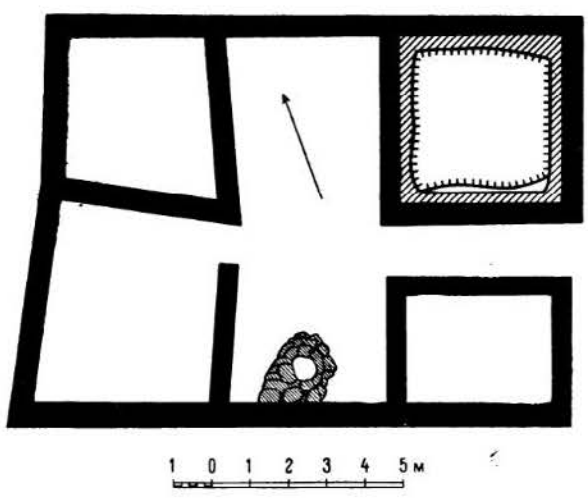

Рис. 6. План дома с четырьмя помещениями в Херсонесе.

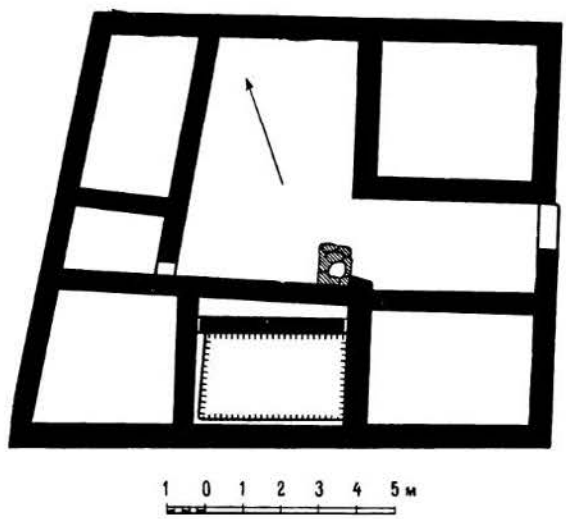

Рис. 7. План дома с шестью помещениями в Херсонесе.

Дом имел восемь помещений (рис. 9). Со двора одна дверь вела в изолированное от других помещение *з*, в котором имелся глубокий подвал. Вторая дверь вела в помещение *б*, расположенное к северу, входившее в амфиладу комнат вдоль тыльной стены; эти комнаты сообщались друг с другом.

Комнаты, расположенные в северной части дома, были жилыми; комната *б*, непосредственно выходившая во двор, судя по размерам, могла служить столовой; на стенах ее сохранились остатки глиняной обмазки со следами побелки. Небольшие комнаты *г* или *д*, наиболее отделенные от двора, могли служить спальнями.

С восточной стороны центрального двора располагались комнаты общего пользования. Из помещения *в* дверь вела в помещение *ж*, имевшее хорошо оборудованный подвал

[1] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 87—89.

[2] Ольвия, т. I, стр. 13 и сл.

(рис. 10). Пол в помещении *ж* был деревянный: в стене подвала сохранились гнезда, служившие для укладки балок междуэтажного перекрытия (рис. 11). В центре стоял подпорный столб, от которого уцелела лишь прямоугольная обкладка из мелких плит. В двух стенах подвала сделаны вертикальные пазы, которые, судя по остаткам сохранившегося в них дерева, служили для установки деревянных брусков, предохранявших стену от выпучивания. Помещение *ж* с востока граничило со вторым двором, выходившим на ту же улицу, с которой был вход и в центральный двор. Второй двор примыкал непосредственно к восточной границе дома; он был как бы изолирован от окружающих его помещений; даже в небольшое помещение *е*, расположенное в северо-восточной части его, которое сообщалось с помещением *д*, входа со двора не было. Каменный водосток отводил дождевую воду через южную стену дома.

Рис. 8. Общий вид «Северного здания» в Ольвии.

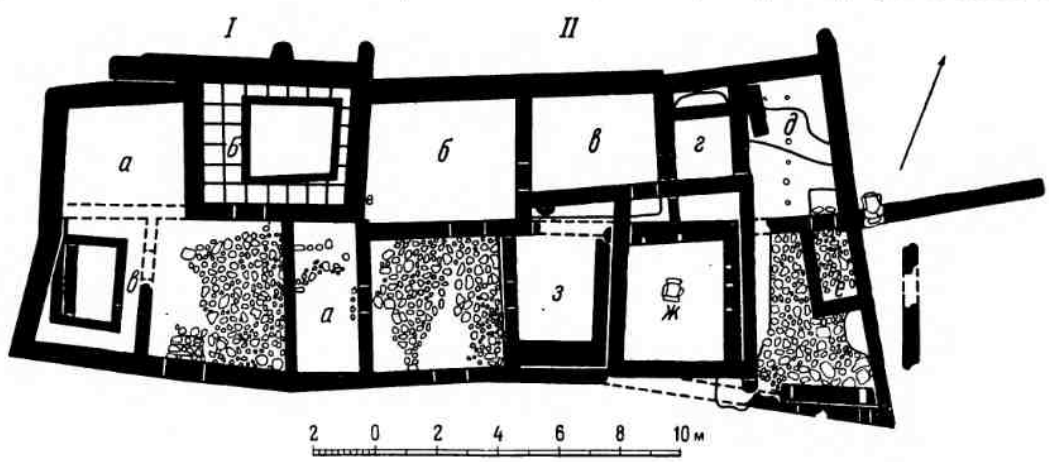

Рис. 9. План «Северного здания» в Ольвии.

Во второй строительный период центральный двор, как указывалось, окружается с трех сторон портиками на деревянных столбах. В западной части двора устраивается

Рис. 10. Подвал дома *II* «Северного здания» в Ольвии.

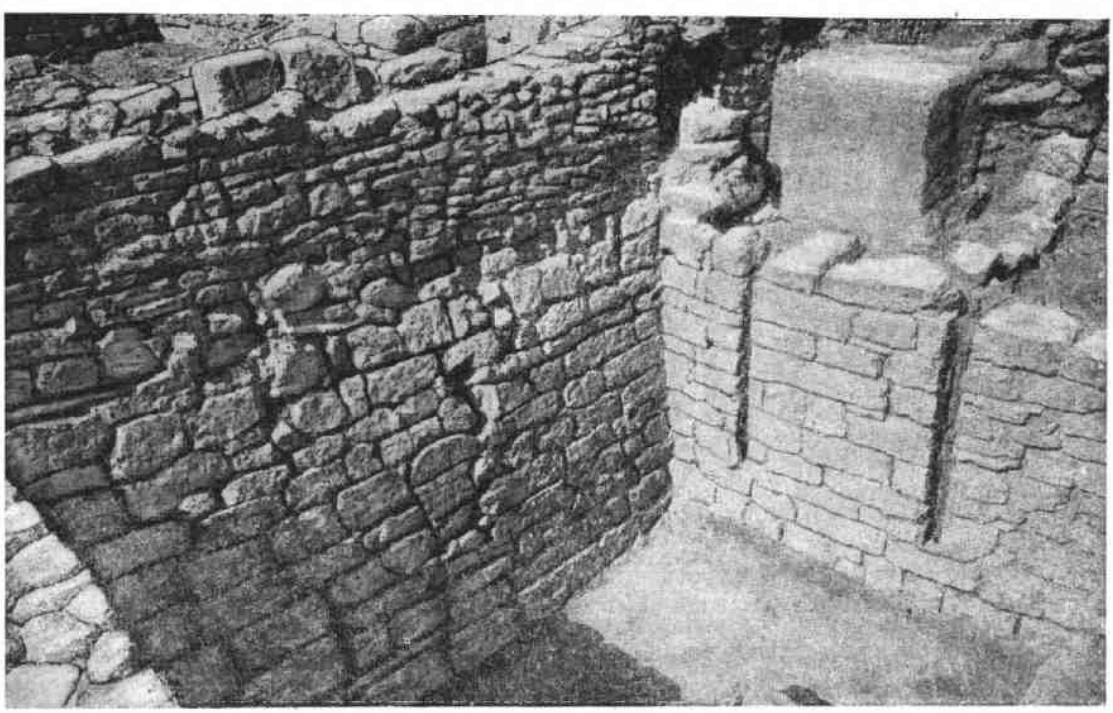

Рис. 11. Детали устройства подвала дома *II*.

новое помещение *а*, на месте отошедшей к дому *II* части соседнего дома *I*.

Дома *I* и *II* Северного здания были построены из одного и того же материала: на каменном цоколе возвышались стены из сырцовых кирпичей; исключение составляла прилегавшая к материку северная стена, сплошь выведенная из камня. Дворы были вымощены каменными плитами; судя по остаткам цветной штукатурки, преимущественно красного цвета, часть помещений была оштукатурена. Полы были глинобитные. В большинстве комнат обнаружены остатки маленьких очажков прямоугольной формы, сложенных из сырца, которые служили одновременно и для приготовления пищи и для отепления помещения.

О типе большого богатого дома с двумя дворами лучше всего можно судить также по раскопкам в Ольвии. В приречной части города раскрыт ряд кварталов жилых домов. Один из них, наиболее полно исследованный, состоит из двух смежных домов, ограниченных с трех сторон улицами (рис. 12, 13); с западной стороны дома примыкали к срезу вышележащей террасы, причем стены их служили одновременно подпорными стенами последней. По краю террасы также проходила узкая улица.

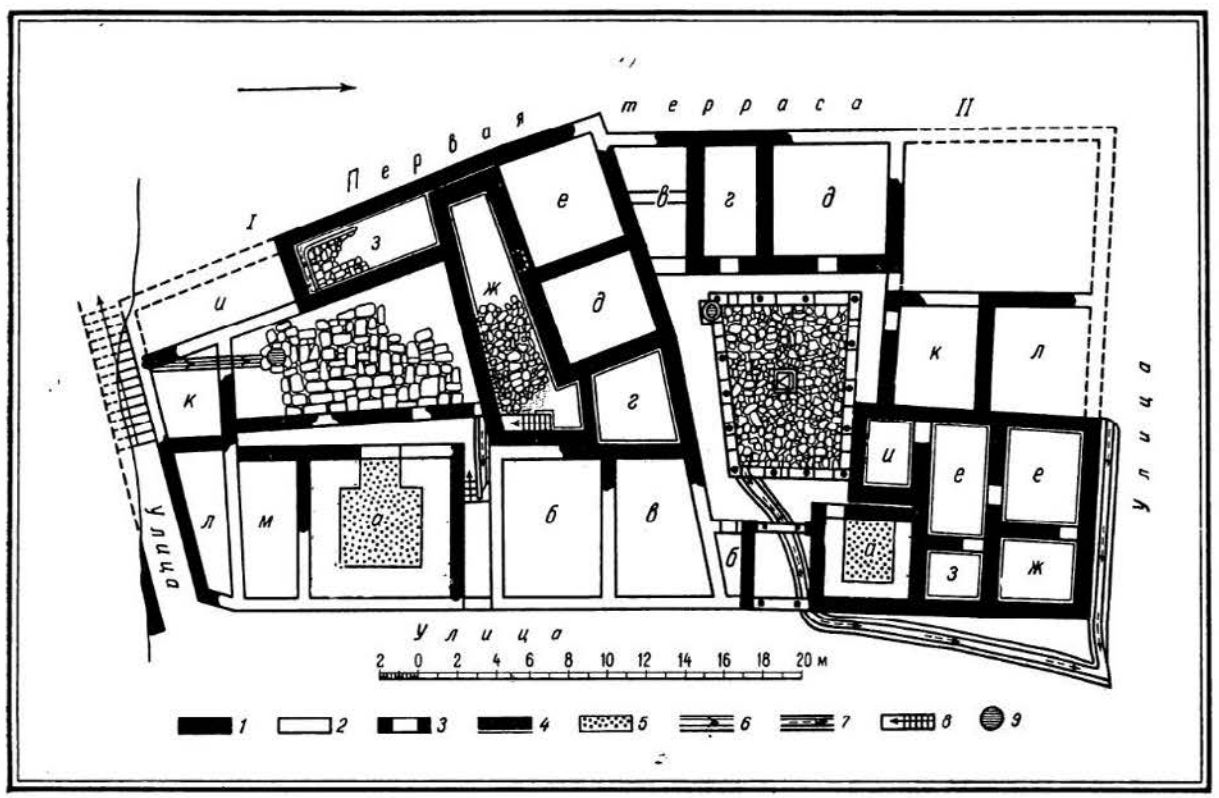

Рис. 12. План жилого квартала эллинистического времени в Нижнем городе Ольвии (справа — дом, открытый в 1909—1910 гг., слева — в 1911—1912 гг.).

1 — сохранившиеся остатки стен, *2* — полностью разобранные стены, *3* — дверные проемы, *4* — подвальные помещения, *5* — вымостки из голышей, *6* — водопроводные каналы, *7* — водостоки, *8* — каменные лестницы, *9* — колодцы. Остальное см. в тексте.

Дом, открытый в 1911—1912 гг., занимает площадь в 483 кв. м[1] (рис. 12, левая часть), северный дом с алтарем во дворе, исследованный в 1909—1910 гг., — 490 кв. м[2] (рис. 12, правая часть). Любопытно, что размеры квартала почти совпадают с размерами жилых кварталов в других частях Ольвии.

Дом 1911—1912 гг. является одним из наиболее ранних богатых домов Ольвии

[1] ОАК за 1911 г., стр. 2 и сл.; ОАК за 1912 г., стр. 1 и сл.

[2] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 1 и сл.

эллинистического времени, построенных во второй половине III в.[1]

Главный восточный фасад выходил на довольно широкую улицу, идущую с севера на юг, по середине которой пролегала водосточная магистраль. Южный фасад был обращен к подымавшейся на склон улице, объединявшей приречную часть города с нагорной. На этой улице, вскрытой лишь частично, обнаружены в месте крутого подъема остатки городской лестницы в 13 ступеней, сложенной из больших плит известняка (рис. 14).

С запада, как уже упоминалось, дом вплотную примыкал к срезу вышележащей террасы.

С севера он граничил с домом 1909—1910 гг., имея с ним общую стену.

Бросается в глаза неправильная форма дома, обусловленная его расположением на перекрестке двух улиц, которые пересекаются под тупым углом. Вход в дом был с востока. Через узкий коридорообразный проход, заканчивающийся лестницей в три-четыре ступени, попадали во двор, расположенный несколько выше уровня улицы. Трапециевидный в плане двор, вытянутый с юга на север, вымощен большими плитами (рис. 15). Открытый двор был, очевидно, окружен колоннадой, о чем свидетельствуют находки нижней части дорической капители

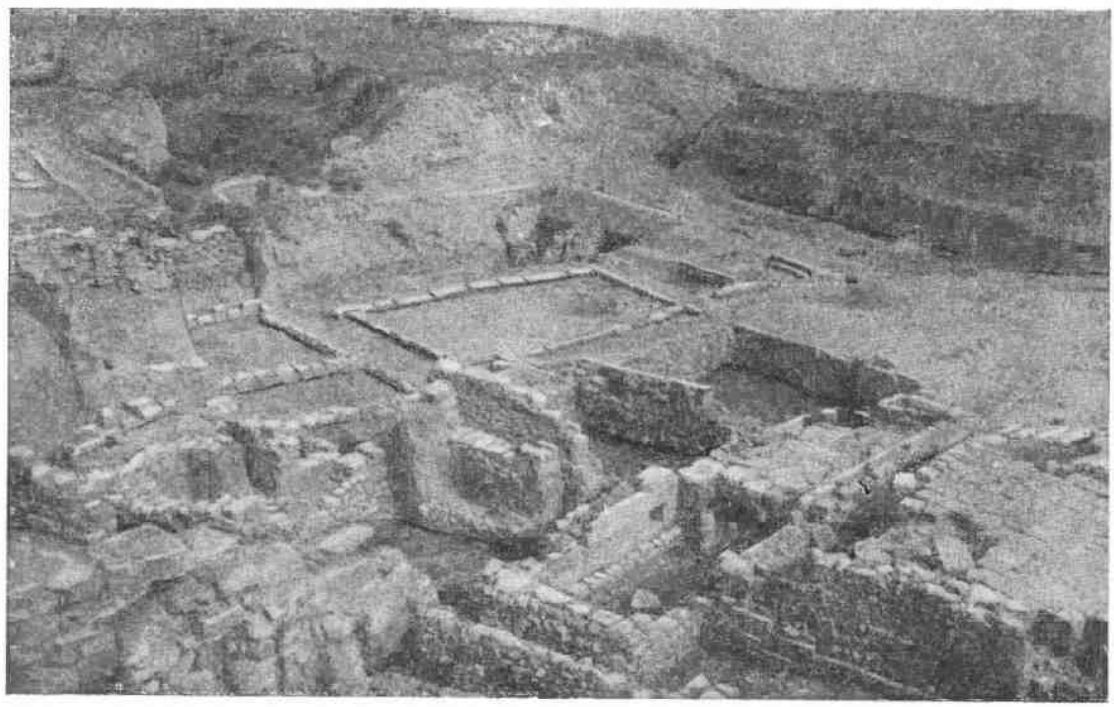

Рис. 13. Общий вид жилого квартала в Нижнем городе Ольвии.

и барабана колонны в его юго-западной части. Специальный канал выводил дождевую воду на улицу. В юго-западном углу двора находился сложенный из каменных плит большой колодец, вода в который поступала по водопроводному каналу из близлежащего источника.

Вокруг двора с четырех сторон группировались помещения (см. рис. 12). Наиболее парадное помещение *а* находилось в восточной половине дома; оно было изолировано от других комнат. По форме помещение *а* приближается к квадрату. Пол украшен мозаикой, центральное место в которой занимал узор из разноцветных окатанных речных камешков, вписанных в прямоугольник; последний был обрамлен со всех сторон шту-

[1] В свете новейших данных мы повышаем датировку дома почти на одно столетие по сравнению с датировкой Б. В. Фармаковского.

Рис. 14. Каменная лестница в Нижнем городе Ольвии.

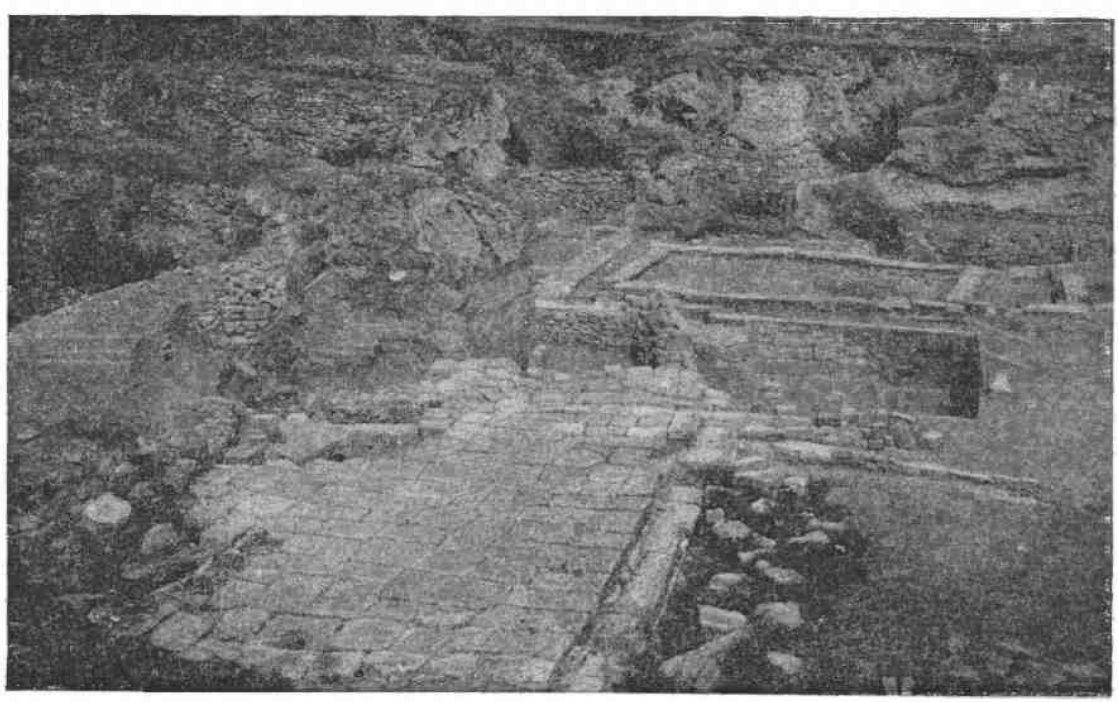

Рис. 15. Двор эллинистического дома в Нижнем городе Ольвии.

катуркой, бордюром из плотного известкового раствора, окрашенного в красный цвет (рис. 16). Широкий проход (2 м), также вымощенный галькой, соединял комнаты. Очевидно, комната *а*, судя по аналогии с домами Олинфа, являлась андроном;[1] здесь принимали гостей, здесь проводили в летнее время бóльшую часть своего досуга хозяева дома. Жилые комнаты группировались в северной части, входы в них были ориентированы на юг. Исходя из местоположения помеще-

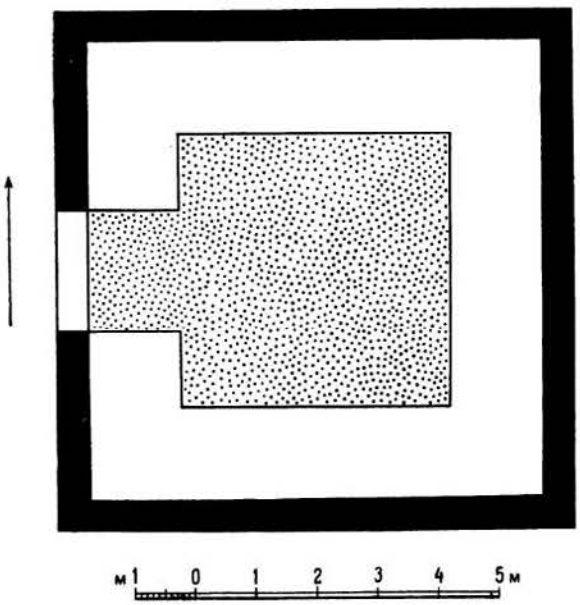

Рис. 16. Мозаичный пол дома в Нижнем городе Ольвии.

ния *к*, можно полагать, что оно предназначалось для рабов.

Характерной особенностью дома является наличие подвальных помещений, к которым относятся помещения *г*, *ж*, *з*. В помещение *г*, стены которого тщательно сложены насухо из квадров известняка, вела лестница, сохранившаяся до наших дней на высоту шести ступеней (рис. 17). Внутри помещения обнаружены следы деревянного настила из досок и балок. На полу найдено несколько фрагментированных чернолаковых рыбных блюд и обломки других типов столовой привозной посуды. Оборудование этого помещения свидетельствует, что оно, по всей вероятности, было жилым.

В одной из стен подвального помещения *ж*, узкого, продолговатой формы, имелась прямоугольная ниша, сложенная из тщательно отесанных плит известняка; в этой нише могли находиться статуэтки домашних божеств (рис. 18). Интересно устройство помещения *з*. Вдоль двух сторон его открыты водоотводные каналы, выводившие воду наружу. Наличие выхода источника, действующего до настоящего времени близ этого помещения, присутствие внутри него каналов для отвода воды, а также замост пола хорошо обработанными каменными плитами дают основание предполагать, что оно могло служить баней. Расположение бани в юго-западной части дома совпадает с описанием планировки отдельных частей греческого дома у Витрувия.

Толщина стен помещений *г*, *д*, *е*, доходящая до 1 м, заставляет предполагать, что над ними возвышался второй этаж. О существовании в Ольвии двухэтажных домов имеются и литературные свидетельства. Так, Лукиан рассказывает, что «Абавх однажды пришел в город Борисфенитов с женой и двумя детьми. . . ночью во время их сна — а им случилось остановиться в верхнем этаже — вспыхнул сильный пожар; все выходы были отрезаны, и пламя охватило дом со всех сторон».[1] При наличии второго этажа в нижнем этаже помещались мужские покои и комнаты общего пользования, в верхнем — женские покои.

Большие размеры дома, тщательность кладки его стен, наличие двора с колоннадой, парадной комнаты с мозаичной вымосткой, большое количество привозной посуды, найденной внутри дома при раскопках, достаточно ярко свидетельствуют о том, что этот дом принадлежал богатому ольвиополиту. Снаружи дом облицован рустированными плитами, по системе кладки «кордон на ребро, плита на образок». Даже стены комнат были со стороны двора облицованы рустованными плитами. Изнутри стены были покрыты штукатуркой и расписаны — сохранилось значительное количество кусков штукатурки красного, желтого, белого и черного цветов.

[1] Квадратная форма ее вполне согласуется с планом андрона домов Олинфа, а также с описанием Витрувия (VI, 7). Особенно близка комната *а* дома 1911—1912 гг. (ОАК за 1912 г., стр. 26, рис. 39) андрону олинфского дома № 5 (Excavations at Olynthus, v. II, 1930, табл. I, стр. 56 и сл.).

[1] Лукиан Самосатский. Токсарис или дружба, 61=SC, I, стр. 562.

В середине II в. до н. э. дом подвергся перестройке. Очевидно, в результате обед-

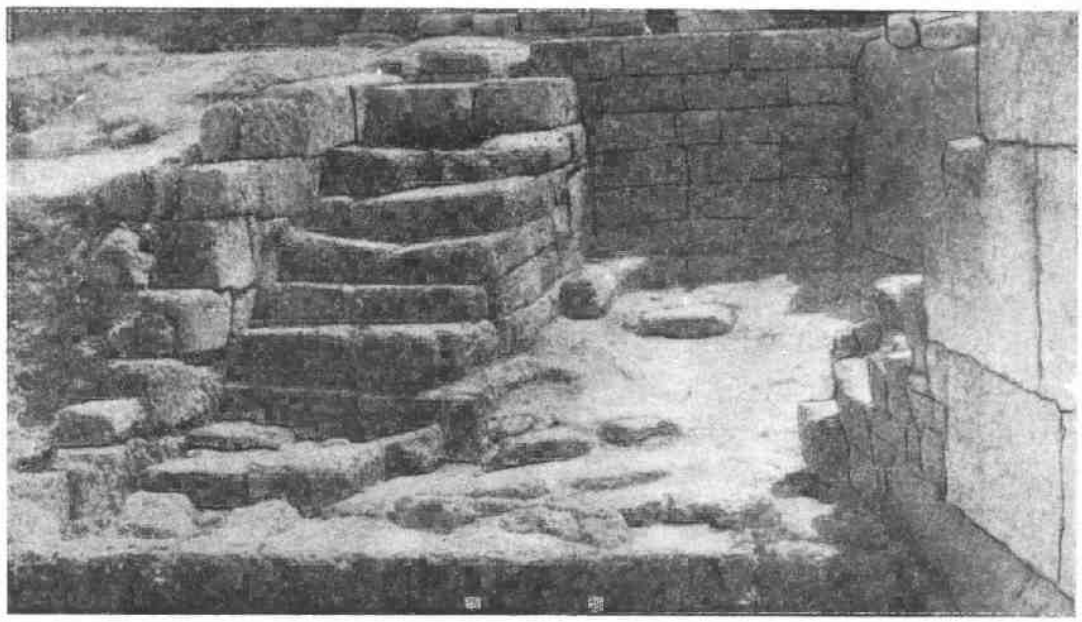

Рис. 17. Лестница в подвальное помещение дома в Нижнем городе Ольвии.

нения владельца дома, большие подвальные помещения оказались лишними. В связи с этим была засыпана лестница и упразднен подвальный этаж в помещении *г*, уничтожена комната *ж*, а на ее месте устроен двор, возможно, с той целью, чтобы лучше осветить комнаты в северной части дома. Мозаичный пол в парадном помещении *а*, требовавший ремонта, был просто перекрыт каменными плитами. Двор вновь перестилается плитами, вследствие чего уровень его несколько повышается. При этом в большом количестве используются камни вторичного употребления, среди них и крупные архитектурные детали.

С севера к дому 1911—1912 гг. примыкал дом, в центре которого находился парадный дворик с алтарем.[1] С востока и севера его ограничивали улицы, с запада, как и соседний дом, он прилегал к срезу вышележащей террасы. Вход в дом также был ориентирован на восток. Пройдя небольшие сени, попадали в трапециевидной формы двор, вытянутый с востока на запад, окружен-

Рис. 18. Ниша в стене помещения дома в Нижнем городе Ольвии.

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 13 и сл. Наличие алтаря в центре двора и особо выделенной комнаты с культовыми находками заставило Б. В. Фармаковского высказать предположение, что этот дом мог являться пританейоном. Однако в свете новейших раскопок Ольвии, Олинфа и данных Приены и Делоса должны отпасть сомнения в том, что этот дом был жилым.

ный колоннами; при раскопках были обнаружены нижние части почти всех колонн, стоявшие на стилобате (рис. 19, 20). Большое количество обломков черепиц, найденных за колоннами, свидетельствует о том, что портики были крытыми, а самый двор открытым; водосточный канал отводил дождевую воду через сени на улицу, где он соединялся с городской водосточной магистралью. Двор был

Рис. 19. Вход и двор дома с алтарем в Нижнем городе Ольвии.

выстлан каменными плитами; в центре его находился алтарь, состоявший из установленного на постаменте треножника; сохранился постамент с треугольным вырезом, в который входила база треножника. В юго-западной части двора был расположен прямоугольный в плане колодец с круглой горловиной. Жилые помещения окружали перистиль с трех сторон, оставляя свободной южную сторону двора, где он примыкал к стене соседнего дома; двери помещений выходили в окружающие двор портики. Слева от сеней находилась комната привратника *б*. Наиболее парадное помещение было расположено справа от входа. Здесь открыта комната *а*, пол которой украшен мозаичной вымосткой из цветных голышей, воспроизводящих ковровый узор (рис. 21). Центральная часть вымостки имеет рисунок сетки в виде ромбов, окруженной рамками-поясами: первый пояс заполнен рисунком плетенки, второй — меандра, третий — волны. С трех сторон мозаика была заключена в рамку из известкового раствора яркокрасного цвета. На полу комнаты найдено несколько обломков терракотовых статуэток, фрагментированная полихромная статуэтка Кибелы и обломки каменной курильницы в виде алтаря. Последнее заставляет предполагать, что эта комната служила домашним святилищем, но, вероятнее всего, она, как и аналогичная ей комната *а* с мозаикой в соседнем доме и близкая ей комната Олинфа, являлась андроном. Направо от входа были расположены три не сообщавшихся друг с другом помещения, двери которых выходили в западный портик. Одна из них, почти правильной квадратной формы (*д*), судя по размерам и положению, могла являться приемной комнатой. Северо-восточную часть дома занимало большое помещение *е*, которое, возможно, служило зимней столовой; позже оно было перегорожено на две небольшие комнаты. Из помещения *е* двери вели в две небольшие комнаты *ж* и *з*. Не исключено, что эти комнаты, как наиболее удаленные от двора, служили спальнями. К югу от помещения *е* находилось еще одно подвальное помещение *и*, открытое в процессе доследований 1947 г. Комната *и* сохранилась до высоты 2.1 м. В северо-западной части находился вход в помещение *е*. При перестройке этот подвал был засыпан, а дверной проем заложен камнями. Стены всех помещений были оштукатурены и окрашены в красный цвет.[1]

Как и для соседнего дома, для дома с алтарем характерным является наличие подвального этажа, расположенного в северо-восточной части дома. Подвальный этаж состоял из 6 комнат, часть которых служила хозяйственным целям, часть, судя по их оборудованию, была жилой.

Этот дом, построенный во второй половине III в. до н. э., в середине II в. до н. э. пере-

[1] Северо-западная часть дома, где находился, по всей вероятности, второй, хозяйственный двор, еще не раскопана.

страивается. Как и в соседнем доме, упраздняется подвальный этаж, комнаты надземного этажа сокращаются в размерах. Перестройки носят небрежный характер, используется большое количество материала, взятого из старых зданий. Оба дома погибли от пожара; рухнувшая крыша, т. е. обломки черепиц, смешанные с золой и остатками горелого дерева, толстым слоем перекрывали ванными квадрами известняка без штукатурки и раскраски. Широкий вход в дом, перекрытый архитравной плитой, требовал устройства подпор; ими служили два прямоугольных столба, от которых сохранились капители (рис. 22).

Колоннада, окружавшая двор, была выведена в дорийском ордере. Колонны установлены на стилобате из широких плит раз-

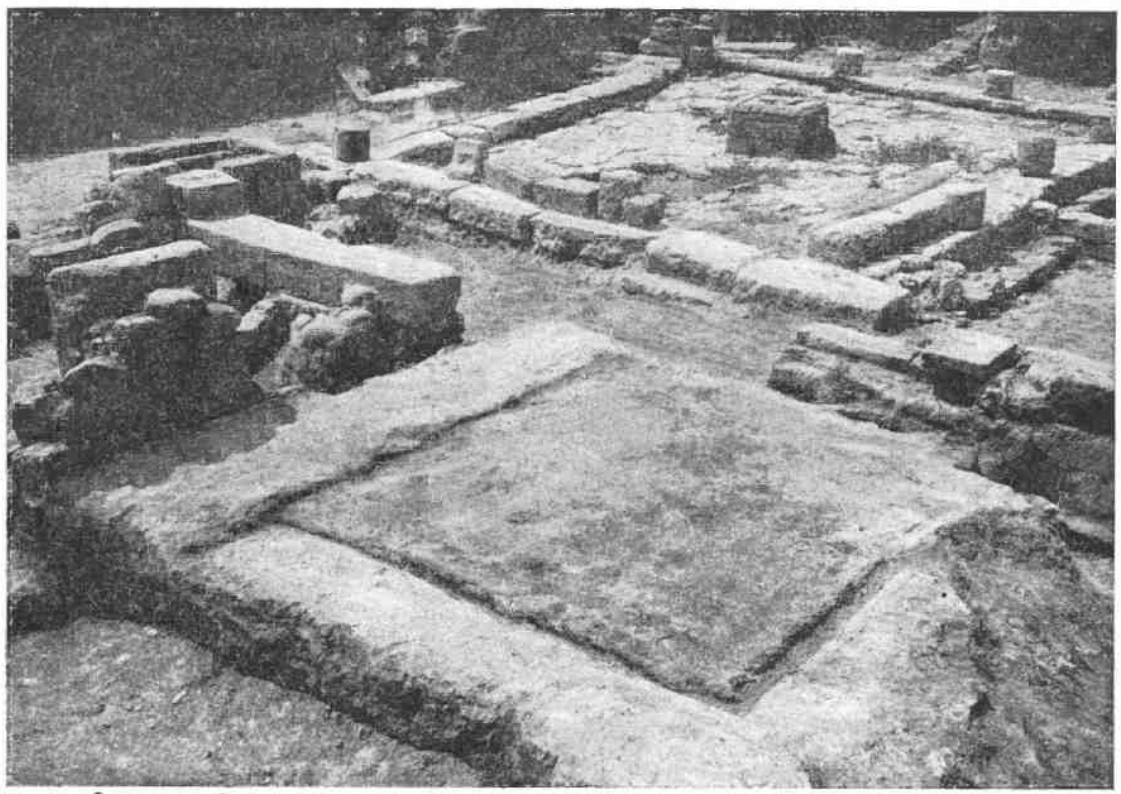

Рис. 20. Помещение с мозаичным полом и двор дома с алтарем в Нижнем городе Ольвии.

полы большинства помещений; следы огня сохранились на многих местах наружной облицовки кладок. Это произошло, очевидно, во время гетского разгрома.

Ольвийский дом с алтарем дает яркое представление об архитектурном облике богатого жилого дома с перистильным двором,[1] который применялся в богатых домах начиная еще с IV в. до н. э., но особого распространения достиг в эпоху III—II вв. до н. э. Наружный фасад дома облицован рустиро-

личной длины. Стволы колонн без каннелюр составлены из нескольких барабанов. Пропорции монолитной капители несоразмерны и обработка ее довольно грубая. Ремешки переданы суммарно и округло. Плоский эхин придавлен тяжеловатым абаком.

Архитрав также носит следы довольно грубой обработки. Под пояском (тенией) находятся полочки, не имевшие гуттов (капелек). Интервалы между полочками равны их длине. Фриз не имел триглифов. Карниз, по всей вероятности, отсутствовал. Его заменила выступающая вперед черепичная кровля. Нижний край кровли был укра-

[1] Архитектурные детали дома с алтарем см.: ОАК за 1909—1910 гг , стр. 61, 63.

шен терракотовыми антефиксами с изображениями головы Медузы, прикрывавшими концы калиптеров (рис. 23). Поясок плоских черепиц украшен рельефным орнаментом в виде меандра.

Рис. 21. Мозаика дома с алтарем.

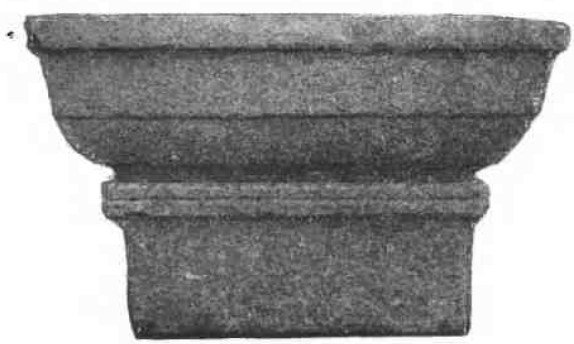

Рис. 22. Капитель столба дома с алтарем.

Рис. 23. Черепица с изображением головы Медузы с крыши дома с алтарем.

Не только в приречной части Ольвии находились богатые, большие дома; они имелись в эллинистическое время и в верхнем городе в районе Зевсова кургана, в той части, которая в VI—V вв. была окраиной, но в IV—III вв. в связи с расширением городской территории подвергалась застройке домами богатых ольвиополитов. Так, на верхнем плато,

с которого открывался красивый вид на лиман, где в римское время находился курган с каменным склепом (Зевсов курган), раскопками 1902—1903 гг. открыт дом, построенный в III в. до н. э., близкий по плану и отделке только что рассмотренным домам.[1] Вход расположен с востока. Через узкое коридорообразное помещение, как и в доме 1911 г., попадали во двор. Сохранилась мозаичная вымостка из синих, белых и светложелтых речных галек. Центральную часть вымостки занимал круг, помещенный в квадратную рамку. В четырех углах между кругом и рамкой помещены изображения пальметок (рис. 24). Центральный рисунок вымостки внутри круга, по всей вероятности сюжетный,[2] не сохранился. Рамка состоит из двух поясов: наружного с орнаментом волны и фриза с изображением грифонов, львов, пантер и кабанов (рис. 25).

Дождевая вода с крыши дома отводилась по специальному каналу в цистерну, находившуюся в одном из соседних небольших помещений. Цистерна имела грушевидную форму с отстойником на дне и была тщательно выложена штучным камнем.

Через открытый портик, украшенный двумя пилястрами, попадали в две парадные, богато отделанные комнаты, следующие одна за другой. В одной из комнат найдено значительное количество кусков белой и разноцветной штукатурки, расписанной под белый мрамор с прожилками. Несколько кусков расписной штукатурки найдено было еще на стене. В этом же помещении были обнаружены куски штукатурки с изображениями лесбийского киматия на красном фоне. Вероятно, киматий украшал верх стенной росписи. Помещение, примыкавшее ко двору с юга, также было одним из парадных, об этом говорят находки именно в этом помещении мраморных голов статуй (Гигиеи, Асклепия и др.).[1] Наряду с парадным двором имелся еще второй, хозяйственный двор, располо-

Рис. 24. Пальметка — деталь мозаичного пола в ольвийском эллинистическом доме.

[1] Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906.

[2] Центральная часть мозаичных вымосток Олинфа обычно занята изображением каких-либо сцен, см.: Excavations at Olynthus, v. II, 1930; VIII, 1938.

[1] ИАК, вып. 13, 1906, табл. 1—3.

женный в западной половине дома, и очевидно, выходивший на другую улицу. Вокруг этого двора, вымощенного каменными плитами, был сгруппирован ряд хозяйственных помещений. В одном из помещений были найдены стоящими на своих местах днища шести пифосов, посредине другого имелась хозяйственная яма.

Стены дома, сложенные из хорошо отесанных квадров известняка, возведены на слоевых субструкциях.

нам отнести их к концу III в. до н. э. Капители сохраняют пропорции лучших памятников античной архитектуры. От фриза сохранилась одна плита с двумя триглифами и двумя метопами. Фриз в ширину состоял из двух установленных на ребро плит, скрепленных между собой пиронами. Особый интерес представляет плита угловой части карниза, форма которого позволяет утверждать, что открытые детали могли находиться в перистиле двора либо общественного зда-

Рис. 25. Крылатые львы — деталь мозаичного пола в ольвийском эллинистическом доме.

Остатки богатых домов обнаружены за последние годы также и к западу от описанного здания. К их числу надо отнести открытые в Ольвии в 1940 г. остатки здания эллинистического периода с сохранившимися деталями дорийского ордера, которые принадлежали перистилю дома. Над центральными помещениями находился, очевидно, второй этаж. Дом был разрушен еще до гетского разгрома города, и плиты его были вторично использованы при сооружении хозяйственных построек. От ордера сохранились части капителей, части фриза с триглифами и части карниза (рис. 26). Пропорции, форма и тщательность отделки капителей позволяют

ния, либо, скорее всего, жилого дома. Открытые детали отличаются тщательностью отделки и прекрасными пропорциями. План жилого дома, которому они принадлежали, ввиду только частичного раскрытия его еще не установлен.

Большинство богатых жилых домов этого района имело подвальный этаж. Хорошо сохранившееся подвальное помещение было открыто раскопками 1940 г. (рис. 27). Высота его стен достигает 4 м. Каменная лестница, от которой уцелело 13 ступеней, вела со двора в подвал. Около двери находилась небольшая каменная площадка. Дверной проем высотой 1.8 м, шириной 1.2 м сохра-

нился полностью (рис. 28). Кроме входа, уцелело и окно подвала, выходившее в верхнюю часть лестничной клетки. Размеры

Рис. 26. Вторично использованные детали ордера

окна (0.6 × 0.65 см) были достаточны для освещения подвальной комнаты. Помещение это являлось жилым или имело производственное значение; позднее, при упразднении подвального этажа, окно было заделано.

Не только в Ольвии, но и в других городах Причерноморья обнаружены остатки богатых домов эллинистического времени. Хотя развалины их крайне фрагментарны, они все же позволяют говорить о том, что и на

Рис. 27. Общий вид подвального помещения дома в Верхнем городе Ольвии.

Боспоре, в частности в Пантикапее и Фанагории, существовали богатые дома, центральные помещения которых украшались мозаичной вымосткой, а стены расписной штукатуркой. Так, еще в конце XIX в. в Керчи на горе Митридат раскопаны остатки жилых комнат. Пол одной из них был покрыт толстым слоем цемента, окрашенного яркокрасной краской; в цемент вделаны куски белого мрамора неправильной формы. В других комнатах сохранились мозаичные полы из гальки белого и черного цветов. Стены были богато расписаны, причем роспись одного из помещений полностью восстанавливается (см. статью Е. В. Ернштедт «Монументальная живопись северного Причерноморья», стр. 255 и сл.). За последние годы раскопок в Пантикапее также обнаружены остатки богатых жилых домов III—II вв. до н. э.[1] Раскопками 1937—1939 гг. в Фанагории раскрыты развалины большого жилого дома с остатками полихромной росписи стен; плита от кладки стены со следами полихромной росписи на внутренней стороне и с остатками серой штукатурки на внешней поверхности свидетельствует, что стены домов в При-

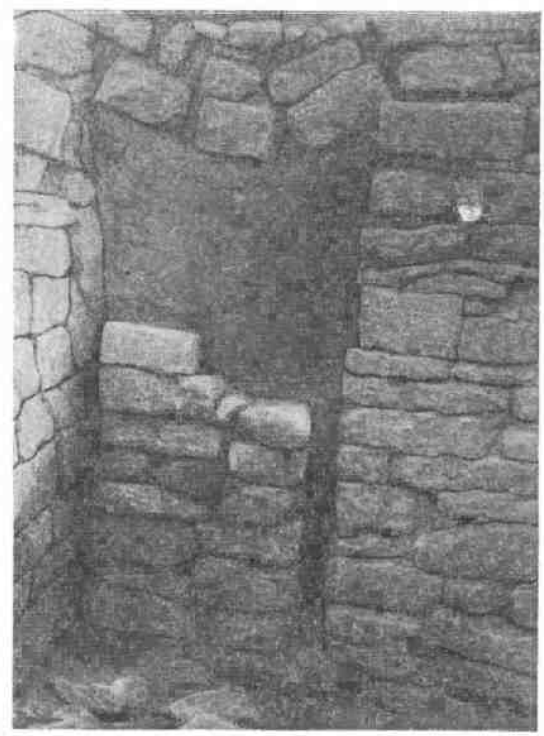

Рис. 28. Дверной проем входа в подвальное помещение дома в Верхнем городе Ольвии.

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 33.

черноморье иногда покрывались штукатуркой и снаружи.[1]

В Херсонесе открыты остатки бани при частном доме, судя по устройству которой можно сказать, что дом принадлежал богатому владельцу. Открытая баня, состоявшая, очевидно, из одного помещения, находилась вблизи дома во дворе.[2] Напротив нее расположена оштукатуренная цистерна для хранения дождевой воды. Пол бани был пригнанных плит известняка, стоящих на цоколе. Прямо с улицы через порог или по ступенькам, пройдя небольшие сени или узкий коридор, попадали во двор, окруженный колоннадой.

Двор служил основным источником света для группировавшихся вокруг него помещений, а крытые черепицей портики предоставляли в летнюю пору благодатную тень. Во дворе всегда имелся колодец или цистерна,

Рис. 29. Мозаика пола бани эллинистического дома в Херсонесе.

украшен мозаичной вымосткой из цветных галек белого, желтого, красного и темносинего цветов (рис. 29), середина вымостки заполнена изображением двух обнаженных женщин возле мраморного лутерия, края мозаики украшены растительным орнаментом. В одном из углов помещения имелось углубление для стока воды.

Попробуем воссоздать облик богатого частного дома. С улицы — глухие стены, сложенные из прекрасно отесанных, тщательно обеспечивавшие чистой питьевой водой; водосток отводил дождевую воду на улицу. В непосредственной близости от двора располагались парадные помещения, столовая, кухня и т. д., жилые комнаты находились в задних частях дома. Наиболее отдаленные от света комнаты являлись спальнями. В парадной комнате пол был обычно расцвечен мозаичным узором; разнообразные сочетания разноцветных камешков воспроизводят фигуры зверей и орнаментальные узоры.

Игра красок дополнялась полихромной росписью стен; верхние части стен украшались рельефно выполненной штукатуркой. Потолок, судя по погребальным сооружениям, отображающим структуру жилого дома, также был покрыт штукатуркой. Жилые комнаты отделывались менее богато, но и

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 296 и сл. — М. М. Кобылина. Раскопки ГМИИ в Фанагории. «Искусство», 1940, № 2, стр. 157.

[2] Г. Д. Белов. 1) Новая херсонесская мозаика. ВДИ, № 3, 1938, стр. 238—242; 2) Эллинистическая мозаика. МИА, № 34, 1953, стр. 279 и сл.

в них стены обычно покрывались штукатуркой и расписывались. Полы были деревянные или каменные; если в виде исключения и встречались глинобитные, то они покрывались коврами. Освещались помещения через окна и двери, выходившие во двор. Небольшие очаги отепляли помещения. В каждом доме имелись хорошо оборудованные хозяйственные подвалы, некоторые дома имели целые подвальные этажи с рядом сообщавшихся между собой помещений, которые служили не только хозяйственным целям, но и для жилья. Высота подвальных помещений колеблется от 2 до 2.5 м.

При доме имелась иногда собственная баня. Хозяйственные помещения группировались вокруг второго хозяйственного двора, который чаще всего находился на противоположном главному фасаду дома конце. Двор также замощен плитами. Дверь со второго двора выходила на поперечную улицу. Вокруг второго двора располагались кладовые, кухни и помещения для рабов. Здесь же группируются глубокие ямы грушевидной формы для засыпки в них запасов зерна. Часто ямы внутри имеют перегородки из камня или сырца, предназначенные для отделения друг от друга разных сортов зерна, хранящихся в яме. Некоторые кладовые были сплошь заставлены пифосами до 1.5 м высоты и глиняными сосудами, в которых сохранялись различные продукты. В хозяйственных подвалах хранились также амфоры с вином и маслом.

Стены богатых домов, имевших два этажа, всегда выводились из камня. Внутренние стены, которые не несли большой нагрузки, были сырцовыми, стоящими на каменном цоколе из крупных квадров. Кладка стен, исключительно аккуратная, состоящая из тщательно отесанных блоков известняка, выведена строго горизонтальными рядами. Между рядами уложенных на постель плит, ширина которых совпадала с шириной стен, находятся ряды вертикально поставленных, прямоугольных квадров. Везде соблюдается строгая перевязь камней. Главные фасады, выходящие на улицу, как правило, облицовывались рустованными плитами. Парадный вход на фасаде обрамлялся двумя пилястрами. Архитравное перекрытие входа оформлялось в виде антаблемента или фронтона, выполненного в неглубоком рельефе.

Колонны, поддерживавшие кровлю портиков перистиля, устанавливались на стилобате из крупных плит. Во всех открытых жилых домах северного Причерноморья как колонны, так и антаблемент делались из известняка. В перистилях жилых домов обычно применялся дорийский ордер, редко ионийский. Коринфский ордер встречается только в оформлении выходящего в перистиль фасада второго этажа.

Нижний диаметр колонн колеблется от 0.3 м до 0.45 м, средняя высота колонн перистиля равна 4 м. Стволы колонн чаще каннелированы, но встречаются и без каннелюр. Пропорции ордеров в колоннадах перистилей выдерживаются довольно строго до конца III в. до н. э.; во II в. до н. э. пропорции становятся тяжелее, детали колонн и антаблемента выполняются более грубо, стволы колонн делаются гладкими.

Отсутствие крупного строевого леса заставляло применять в междуэтажных перекрытиях балки малого сечения. Примером хорошо сохранившихся гнезд от балок междуэтажного перекрытия служит помещение *ж* с подвалом в Северном здании на раскопе «И» в Ольвии (см. рис. 11). Для укрепления полов первого этажа в подвалах устанавливались деревянные столбы-подпоры. В больших подвальных помещениях, как, например, в здании, раскрытом в 1940 г. к западу от Зевсова кургана, для укрепления междуэтажного перекрытия были установлены вдоль стен каменные столбы. Помещения подвального этажа устраивались преимущественно под парадными помещениями первого этажа, которые располагались около перистиля.

Полихромная окраска в жилых домах имелась не только на оштукатуренных стенах внутри помещений, но широко применялась и по известняку на архитектурных деталях, на фасадах и в перистилях домов. Так, антовые капители из известняка жилого дома в Ольвии имели полихромную окраску.[1]

Антаблементы перистилей домов также окрашивались яркими красками.

Крыши богатых домов всегда покрывались черепичной кровлей. На деревянную обрешетку укладывались плоские черепицы (керамиды), плотно пригнанные друг к другу. Каждая вышележащая плоская черепица находила на нижележащую и укреплялась специальными пазами. Боковые швы плоских черепиц покрывались полукруглыми чере-

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 62—63, рис. 70.

пицами (калиптерами). Часто черепицы окрашивались красной краской. При раскопках в Ольвии найдены обломки черепиц, покрытые черным лаком. Коньковые калиптеры украшались выступающими шишками в виде луковиц. Если каменный карниз здания имел выдолбленный в верхней плоскости желоб, то черепицы кровли доходили до желоба, и дождевая вода с крыши стекала через отверстия, оформленные в виде голов львов с раскрытыми пастями, помещенных на верхнем гуське (симе) карниза. Иногда каменный карниз не имеет желоба, и тогда черепицы выходят за линию карниза. В последнем случае, наиболее часто применяемом в жилых домах, плоские черепицы завершаются широким пояском с рельефным орнаментом в виде меандра. Торцы полукруглых черепиц прикрываются щитками — антефиксами. Последние часто украшены различного вида рельефами пальметок и иногда имеют изображение головы Медузы, Афины и т. д.

Наружные двери чаще делались двустворчатыми. На сохранившихся порогах домов имеются пазы для вертикально прикрепленных к створкам задвижек. В богатых домах двери украшались медными кружочками или широкими плоскими шапками гвоздей. На дверях вместо ручек навешивались кольца. Во внутренних помещениях двери были одностворчатыми.

При сравнении богатых домов с жилищами менее зажиточной части населения выявляется ряд черт, отличающих их друг от друга. Богатые дома естественно и по размерам больше, и строительный материал по качеству лучше того, который употреблялся в менее богатых домах. Архитектурные детали, найденные при раскопках богатых жилищ и свидетельствующие о декоративном убранстве здания, отсутствуют в домах менее зажиточной части населения. Нет в последних и особо парадных комнат, украшенных мозаичными полами. Стены иногда покрывались штукатуркой, но по качеству своему эта штукатурка уступала технически совершенной расписной штукатурке богатых домов. Полы, за редким исключением, были глинобитные, только над подвалами их делали из дерева.

Глинобитный пол в помещении № 1 богатого дома у Зевсова кургана в Ольвии был несомненно устлан коврами, чего нельзя предполагать для всех помещений домов, расположенных у северной городской стены в Ольвии, а также и домов в Херсонесе. Полы в них постоянно подновлялись новой обмазкой и в разрезе представляют собой многочисленные напластования прослоек из глины, иногда смешанной с золой.

Богатые дома были и более благоустроенными. Подвальные помещения в них значительно лучше оборудованы. При каждом доме имелась своя цистерна или колодец, обеспечивавшие домовладельца водой, что не всегда имело место в домах средних слоев населения Ольвии. Характерно, что в Ольвии ни одно из жилищ, группировавшихся у северной стены города, не имело ни колодца, ни цистерны для запасов воды; воду для питья приходилось, очевидно, брать из колодца общего пользования в Нижнем городе. Воду же для скота и хозяйственных нужд могли получать из обширного водохранилища, находящегося близ городских ворот.

При богатых домах имелась иногда своя баня.

Недостаточная сохранность жилых домов, раскопанных в городах северного Причерноморья, не позволяет выявить все особенности их, однако и по имеющемуся материалу можно отметить ряд деталей, не встречающихся в жилых домах собственно Греции и Малой Азии.

Греческий жилой дом, рассчитанный на продолжительный жаркий период и на дождливую зиму с холодными ветрами, в условиях северного Причерноморья, где зима хотя и непродолжительная, но снежная и с низкой температурой, сохранив свои основные черты, должен был быть приспособлен к новым климатическим условиям.

Сохраняя архитектурные формы метрополии, жилой дом в городах северного побережья Черного моря отличался внутренним устройством, деталями, рассчитанными на большее его отепление. Так, в целях сохранения тепла в зимнее время, двери помещений, расположенных вокруг внутреннего двора, устраивались преимущественно на фасадах, обращенных к югу, или на фасадах, обращенных к востоку и, реже, к западу. Если в метрополии почти каждое помещение дома имело дверь во двор, а иногда и две двери, то здесь внешних дверей старались делать как можно меньше.

На фасадах же, обращенных к северу, за очень редким исключением, дверей не

устраивали и попасть в помещения можно было только через соседние комнаты. Внешние двери делались как можно у́же. Большинство помещений было проходными.

В этой связи напомним и указание Витрувия, что на севере следует строить дома с возможно более замкнутыми помещениями, обращенными в южную сторону. Напротив, в южных странах следует жилые здания строить более открытыми и обращенными к северу.

Одной из особенностей городского строительства в северном Причерноморье является наличие подвальных этажей в богатых домах и отдельных подвальных помещений в домах менее зажиточного населения, причем подвалы имели не только хозяйственное назначение, но служили иногда и для жилья. Между тем, насколько можно судить по раскопанным до сих пор античным городам, только в двух-трех домах Приены имелись подвальные помещения.

Ольвийские жилища, построенные в период до нашей эры, имеют еще одну особенность — это подведение слоевых субструкций под стены домов, которые заменяли каменный фундамент. Незначительной мощности прослойки золы и глины были обнаружены под стенами домов VI в. до н. э. и на Березани. В Ольвии, где лёссовый грунт представлял собой не слишком прочное основание, эти субструкции нашли дальнейшее развитие в качестве фундаментов для крупных сооружений. Особенно широко применялись они в IV—II вв. до н. э. Так, например, на субструкциях значительной мощности были возведены стены дома у Зевсова кургана.

Жилые дома эллинистического периода, когда античные колонии северного Причерноморья достигают своего наибольшего развития, дают ценный материал не только для изучения архитектуры колоний на юге СССР, но и для истории античной архитектуры вообще. Открытые раскопками остатки домов являются важными звеньями в общей цепи развития греческого дома.

Со II в. до н. э. в связи с общим экономическим и политическим упадком городов северного Причерноморья замечается упадок и в архитектуре жилых домов. Старые богатые жилые дома не ремонтируются. Часть подвальных помещений умышленно засыпается. Пришедшие в ветхость дома ремонтируются крайне небрежно. При переделках в домах очень часто используется материал вторичного употребления. Так, например, при перестройке ольвийского дома с алтарем во II в. до н. э. на стилобат перистиля употреблены плиты от другого, ранее существовавшего здания.[1] В соседнем доме, открытом в 1911—1912 гг., вся вымостка двора и часть стен выполнены из прекрасных плит вторичного употребления.[2] В стены подвала дома, раскопанного в 1940 г. у Зевсова кургана, введены базы и другие архитектурные детали крупного ордера от разрушившегося ко II в. большого здания. При перестройках объем зданий сокращается.

II

В первые века нашей эры упадок в архитектуре жилых домов увеличивается еще больше. Дома Ольвии при восстановлении города после гетского разгрома строятся наспех, небрежно и сплошь из камней вторичного употребления. Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в I в. н. э., говорит: «О бывшем разорении свидетельствует плохой вид построек и тесное расположение на небольшом пространстве. . . Город застроен домишками почти без промежутков».[3] Раскопки Ольвии двух последних десятилетий, давшие весьма ценные материалы для истории строительства этого периода, полностью подтвердили слова Диона. Простейшим типом домов в это время являлся дом из одного помещения. Остатки таких домов обнаружены на всем протяжении открытой части поздней городской стены.[4]

Каждый домик состоял из одного полуподвального помещения (рис. 30, 31), дверь выходила на узкую улицу, шедшую параллельно городской стене. В двух помещениях найдены остатки лестницы в три-четыре ступени. Все помещения имели общие простенки, так что для постройки дома приходилось возводить всего две стены, третьей стеной служила стена соседнего дома, четвертой — городская стена. В каждом доме находился очаг; полы были земляные, стены сложены целиком из бутового камня. В домах найдено большое количество лепной посуды. Эти полуподвальные, однокомнатные «до-

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 48 и сл.
[2] ОАК за 1911—1912 гг., стр. 3.
[3] Дион Хрисостом. Борисфенитская речь = SC, I, стр. 171—178.
[4] Ольвия, т. I, стр. 51 и сл.

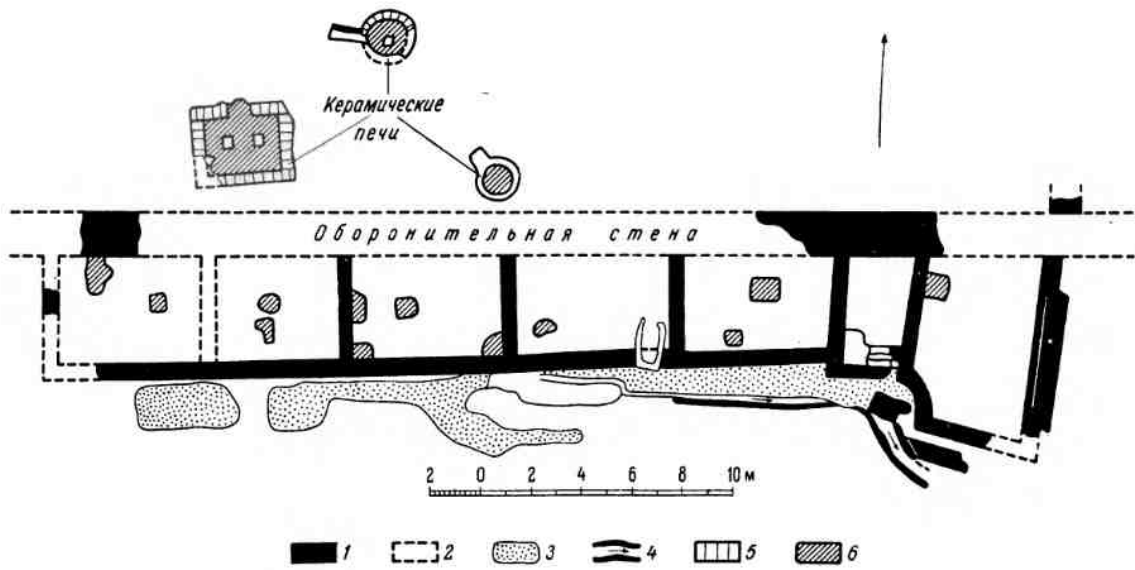

Рис. 30. План домов римского времени в Нижнем городе Ольвии.

1 — сохранившиеся остатки каменных стен, *2* — следы разобранных кладок, *3* — вымостка, *4* — водосток, *5*— стены из сырцовых кирпичей, *6* — остатки пода печей, очагов.

Рис. 31. Общий вид домов римского времени в Нижнем городе Ольвии.

мишки» ярко иллюстрируют слова Диона о состоянии Ольвии после гетского разгрома.

За время длительного существования этих однокомнатных домов (с конца I в. н. э. до IV в. н. э.) план и размер их не изменились. Перестраивались лишь верхние части кладок стен, и в связи с общим повышением уровня мостовых в городе поднимался все выше и выше уровень полов.

Центральные кварталы города застроены небольшими домами от трех до пяти помещений. Двор часто отсутствует или ему отведена небольшая площадь в 10—15 кв. м. Кладка всех домов бутовая на глине. Стены помещений имели глиняную обмазку, пол земляной. Только в одном помещении были обнаружены остатки штукатурки. Это помещение находится рядом с крупной пекарней [1] и является, очевидно, парадным помещением хозяина пекарни; в нем найдено много обломков штукатурной филенки и тяги различных профилей. Пол в помещении деревянный.

Раскопками 1909 г. были открыты остатки большого дома, относящегося к II—III вв. н. э.[2] Дом является одним из крупных домов этого периода (площадь его равна 250 кв. м) и наиболее сложным по планировке (рис. 32, 33). Центральную часть его занимает мощеный дворик в 26 кв. м, от которого на север идет узкий проход на улицу, тоже замощенный плитами. Вокруг двора группируются пять жилых помещений (*а—д*). В отдаленной от двора западной части дома находились помещения (*е—з*) хозяйственного и производственного назначения. В одном из них найден ручной жернов, в другом на уровне пола было устроено прямоугольное углубление вроде ящика, суживающееся ко дну; стены и дно углубления были облицованы черепицами. Северо-западная часть дома имеет неправильные очертания, так как здесь проходила дорога с довольно крутым подъемом на вышележащую террасу, поддерживаемую подпорными стенами. При постройке дома, сложенного из бута на глине, был в значительной мере использован камень от старых построек.

Остатки жилищ первых веков нашей эры, открытые в Ольвии, дают представление главным образом о жилище незажиточной части населения древних городов. Богатые частные дома этого периода до сих пор еще не раскрыты. Не исключена возможность, что в связи с уменьшением городской территории и сильной застроенности города в это время богатые рабовладельцы предпочитали строить дома, соответствовавшие их положению и средствам, за городом. Сельский дом (villa rustica) богатого винодела, например, хорошо сохранился в окрестностях Пантикапея,[1] загородная усадьба открыта в окрестностях Евпатории.[2]

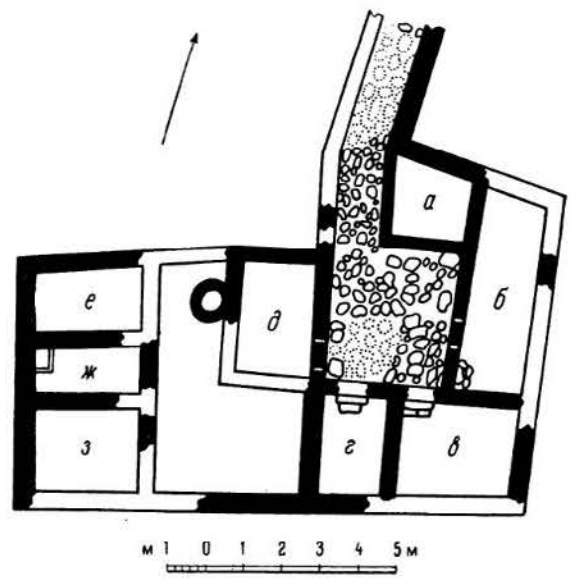

Рис. 32. План дома римского времени в Ольвии.

На Боспоре также открыты дома, принадлежащие владельцам более или менее крупных производств, ремесленникам и т. д. Так, в Мирмекии, в северной части города, на его окраине, раскопано жилище хозяина винодельни, находившейся около его дома (рис. 34).[3] Дом был построен в III в. до н. э. и существовал в несколько измененном виде вплоть до II в. н. э. Северным фасадом он выходил на улицу шириной 4 м, прохо-

[1] Ольвия, т. I, стр. 59 и сл.
[2] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 35 и сл.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, 1941, стр. 45—60.
[2] Л. А. Моисеев. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. ИТУАК, № 54, 1918, стр. 241 и сл.
[3] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия. МИА, № 4, 1940, стр. 114—125. — В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 159 и сл.

дившую вдоль городской оборонительной стены; на западе она примыкала к поперечной улице или узкому переулку. Усадьба четко разделяется на две равные части. В западной половине расположены винодельня и большая площадка, вымощенная крупными плитами известняка. На севере эту вымостку ограничивает слегка возвышающийся над ней ряд плит. Не исключено, что этот хорошо уложенный ряд плит служил основанием

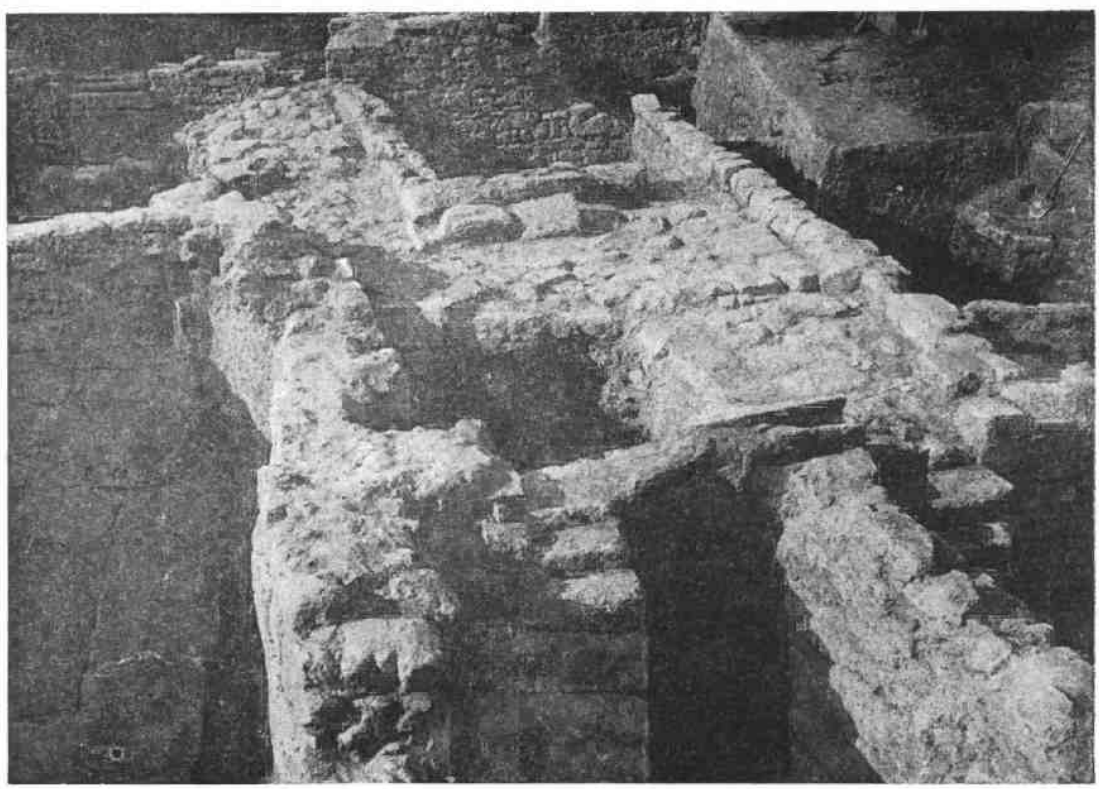

Рис. 33. Общий вид дома римского времени в Ольвии.

для установки деревянных столбов, которые поддерживали крытый навес. Возможно, что подобные навесы-портики окружали вымостку со всех сторон. Эта часть усадьбы была, очевидно, связана с виноделием и служила местом хранения сырья. Северный портик двора служил одновременно проходом в восточную, жилую половину усадьбы.

Жилой дом состоял из трех помещений (*а*—*в*), расположенных в один ряд. Под помещением *а* находился подвал. Вход в помещения был только со двора. У входа в помещение *а* было найдено много железных гвоздей, очевидно от дверей; от входа в помещение *в* сохранилась плита порога с выемкой для установки дверных рам и две ступеньки, ведущие в комнату. Большой трапециевидный в плане двор занимал всю юго-восточную часть усадьбы винодела. В ранний период здесь была устроена площадка, вымощенная крупными прямоугольными плитами. По всей вероятности, над площадкой также имелся навес, который служил укрытием в жаркие дни.[1] Довольно хорошо сохранился водосток, при помощи которого дождевая вода со двора отводилась в поглощательный колодец, расположенный на улице. Питьевую воду брали из колодца соседнего дома; для этого со двора жилой половины усадьбы, в глухой южной стене последней, был устроен проход. В первые века нашей эры площадь двора несколько сокращается. В юго-восточном углу устраивается еще одно помещение *А*, а в восточ-

[1] Об этом свидетельствуют плиты, лежащие в один ряд, которые окружают площадку, несколько возвышаясь над ее уровнем.

ной части двора делаются какие-то заграждения хозяйственного назначения. Полностью перестраивается и юго-западная часть усадьбы. Взамен большого двора с портиками здесь были построены два помещения, очевидно, связанные с виноделием.

Большой интерес представляет также открытый в Тиритаке дом (рис. 35, 36), являющийся образцом жилища рядового боспорца. Дом относится к III—IV вв. н. э.[1]

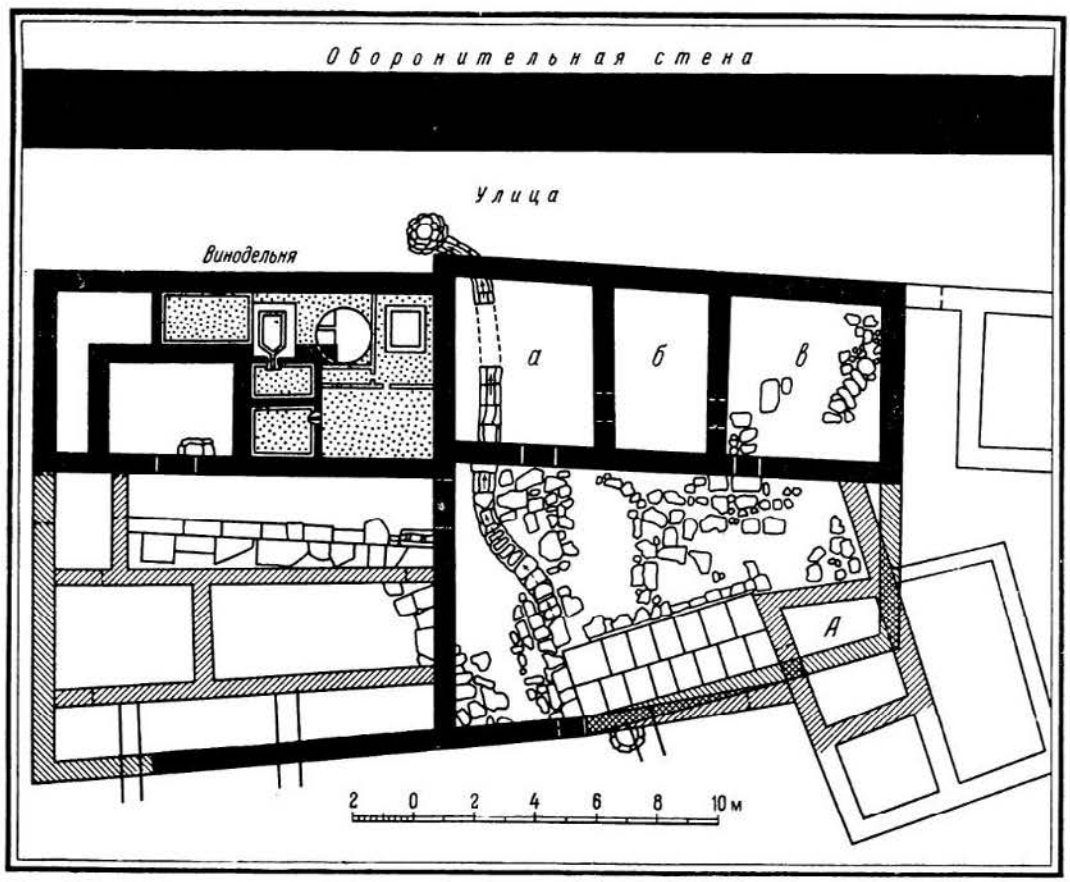

Рис. 34. Дом винодела в Мирмекии.

Как обычно, центральное положение занимает двор, вокруг которого группировались жилые и хозяйственные помещения; водосточный канал выводил со двора дождевую воду на улицу. Над частью помещений имелся второй этаж; об этом свидетельствуют остатки каменной лестницы из пяти ступеней, пристроенной со двора к стене помещения *а*.

Стены дома сложены из бутовой кладки на глине; только при возведении угловых частей и дверных проемов употреблялись более тщательно обработанные плиты. В состав дома входит восемь помещений; некоторые из них, как, например, помещение *а* и *д* были расположены несколько ниже уровня двора и для спуска в них были устроены небольшие лесенки в две-три ступени.

Помещения *а—г* служили для хозяйственных целей. В помещении *а* обнаружен большой пифос для зерна. На полу лежало много разбитых амфор, большое количество каменных рыболовных грузил. В одной из стен этого помещения обнаружена круглая ниша, которая была снаружи тщательно замазана глиной. В нише оказались остатки «строительной жертвы» — кости поросенка,

[1] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 110 и сл.

барана, осетра, поверх которых лежал светильник.

Стены помещения *б* сохранились в северо-восточном углу почти до потолка. Очевидно, проем в северной стене служил окном, которое выходило во двор.

В помещении *б* около входа слева находилась печь для приготовления пищи, справа — сложенная из плит хозяйственная загородка; здесь стояла каменная ступа; на полу оказалось много обломков больших амфор и кухонной посуды. В соседнем помещении *в* в пол врыт громадный пифос.

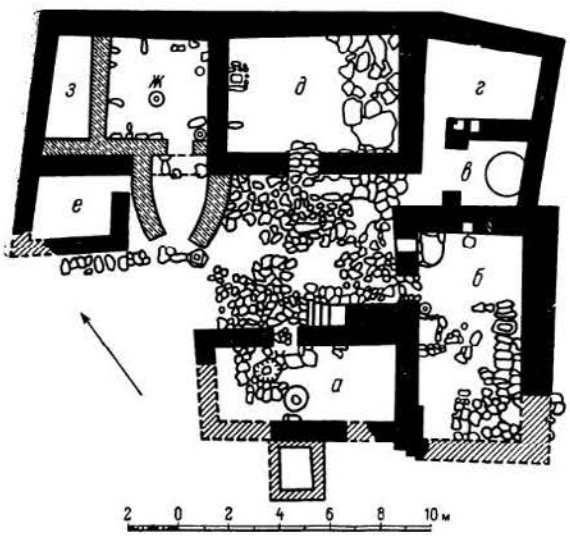

Рис. 35. План дома III—IV вв. н. э. в Тиритаке.

Большое количество амфор, в которых хранились запасы продовольствия, найдено и в помещении *г*. Помещения *д* и *ж*, обращенные входами на юг, являлись, очевидно, жилыми, а помещение *е* — кладовкой. В помещении *д* найдено значительное количество предметов ткацкого ремесла, пряслиц от веретен и др. В нем же обнаружен глиняный горшок, в котором находился клад монет, состоящий из 224 боспорских монет; вместе с монетами в сосуде оказались серебряные позолоченные серьги, бронзовый футляр для амулетов, несколько бронзовых перстней. Клад был завернут в ткань или мешочек.

Во всех помещениях обнаружено множество предметов, связанных с рыболовным делом — грузил, костяных игл для плетения сетей и др., свидетельствующих о том, что существенное значение в хозяйстве владельца дома играл рыбный промысел. Возможно, владельцу дома принадлежала и цистерна, пристроенная к помещению *а*.[1]

В Илурате за последние годы работ Боспорской экспедиции открыто много жилых домов I—III вв. н. э.[2] По своей планировке и деталям устройства отдельных помещений, они очень близки вышеописанному дому в Тиритаке. Так, один из этих домов (рис. 37) состоит из обширного двора (*е*), окруженного с трех сторон цятью помещениями (*а*—*д*). Сохранившиеся в помещении *б* остатки каменной лестницы свидетельствуют, что над частью комнат возвышался второй этаж. Как и в тиритакском доме, в отдельных помещениях находились загородки из каменных плит хозяйственного назначения, а в комнате *а* рядом с печью для приготовления пищи имелось вытяжное окно. Печь сложена из плит, поставленных на ребро; три каменных столбика служили подпорами для глиняной плиты, перекрывавшей топку.[3] Особо выделяется помещение *г*, расположенное против входа во двор, несколько обособленное от всех остальных; по размерам оно также превосходит другие комнаты. В северо-западном углу его был обнаружен своеобразный жертвенник, сложенный из каменных плит; на жертвеннике лежал человеческий череп. Очевидно, это помещение было культовым.

Характерной особенностью илуратских домов является наличие в центре усадьбы двора, по сторонам которого расположены жилые и хозяйственные помещения. Таков, например, один из домов Первой поперечной улицы[4] (рис. 38). Через узкий, коридорообразный вход попадали во двор. Так как уровень последнего находился несколько ниже уровня вымостки улицы, около порога

---

[1] Дом погиб, повидимому, в IV в. В дальнейшем, при повторном использовании дома, помещение *жс* было перестроено — оно уменьшилось в своих размерах, появилось хозяйственное помещение *з*, а к входу в помещение *жс* были пристроены сени.

[2] В. Ф. Гайдукевич. 1) Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 173 и сл.; 2) Новые исследования Илурата. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 196.

[3] Аналогичные печи имеются и в других домах Илурата. Интересно, что подобного рода печь открыта в 1950 г. в одном из помещений дома того же периода в скифском городе Неаполе.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 97 и сл.

входа были устроены две ступени. Двор, продолговатый, вытянутой формы, был вымощен плитами; в отличие от других домов Илурата в нем отсутствует водосток. Во дворе было устроено прямоугольной формы, высеченное в скале углубление, огражденное мелкими камнями. Помещения располагались вдоль длинных сторон двора. Две комнаты, находящиеся против входа, которые превосходят все остальные по размерам, предназначались, очевидно, для жилья. В одной из них — *б* — обнаружена печь, очажок, ступа, жернов. Соседнее помещение *а* наиболее оборудованное: пол его выложен каменными плитами. Комнаты по обе стороны от входа имели, очевидно, хозяйственное назначение. Так, в помещении *в* обнаружены днища стоявших здесь пифосов с запасами зерна или других продуктов питания. Помещение *г* предназначалось для скота: около одной из стен имеется каменная загородка из поставленных на ребро плит, напоминающая ясли.[1] Маленькое помещение *д*, возможно, было кладовой.

Этот дом по своей планировке восходит к типу домов эллинистического времени; он очень близок как по количеству помещений, так и по их расположению, например, домам среднего слоя населения в Ольвии и Херсонесе.

Среди домов Илурата выделяются небольшие домики. Так, например, домик, открытый в 1952 г., состоит из двора и одного помещения (рис. 39). Вход во двор был оформлен в виде узкого коридора, наподобие входа в домах III—II вв. до н. э. Не исключено, что слева от входа находилось еще одно помещение небольших размеров, северная стена которого разрушена.

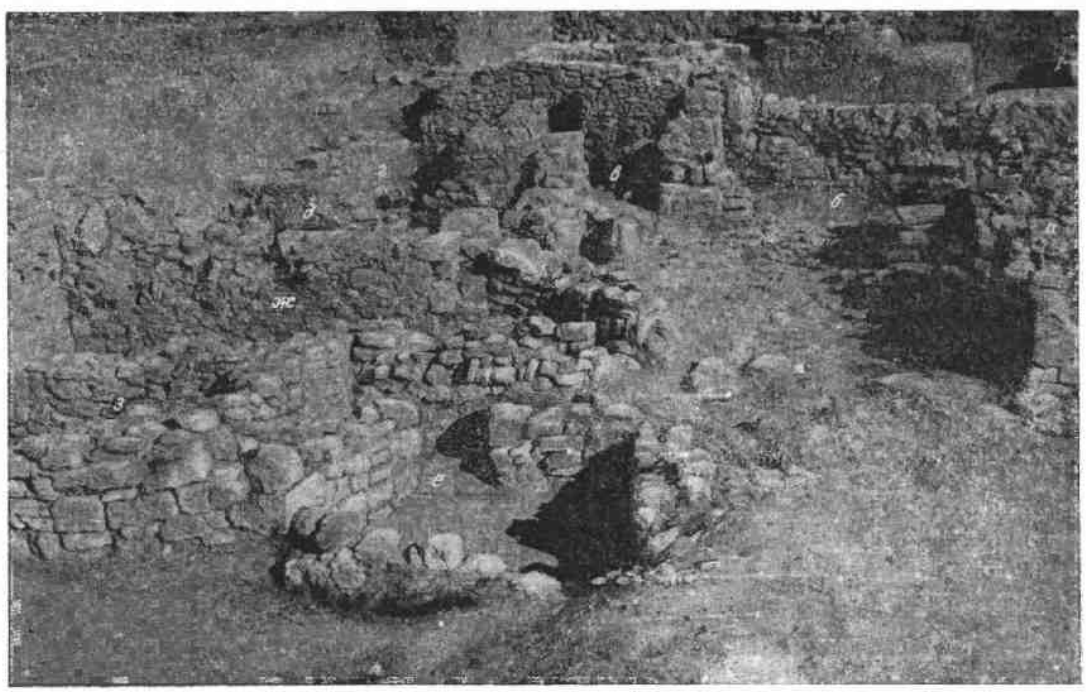

Рис. 36. Общий вид раскопок дома III—IV вв. н. э. в Тиритаке.

Все дома Илурата возводились из грубо отесанных камней на глине, только наиболее ответственные части выкладывались из тесаных плит, как, например, углы зданий, дверные и оконные проемы и т. д.; возможно, обработанные плиты употреблялись и в кладке верхних частей стен. Крыши домов были черепичные. С внутренней стороны стены обмазывались глиной, поверх которой производилась побелка. Полы в большинстве помещений были глинобитные, изредка

[1] Такие каменные загородки имеются в помещениях и других домов Илурата.

они перекрывались плитами известняка.

Жилой дом, построенный в I—начале II в. н. э. и существовавший до III в. н. э. включительно, открыт при раскопках древнего Киммерика.[1] Сохранился небольшой дворик и прилегающие к нему с севера два помещения. В одном из них найдены два

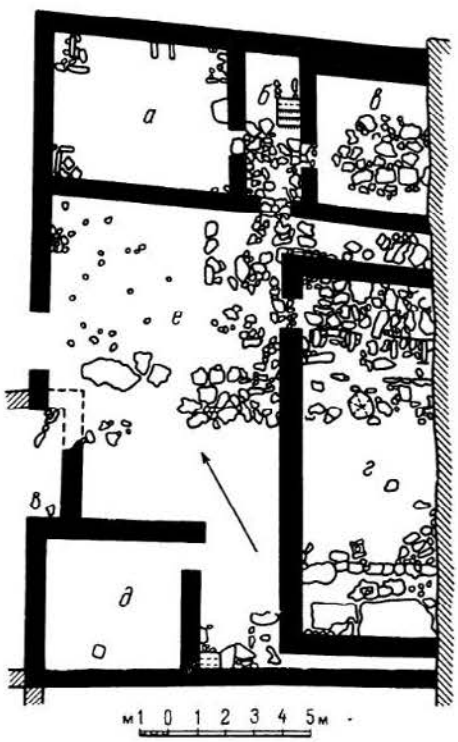

Рис. 37. План дома с жертвенником в Илурате.

жернова, две ступы, разбитое каменное корыто и др.; остатки обгорелых зерен пшеницы указывают, что в этом помещении происходил помол зерна. Большое количество зерна было обнаружено и в южном помещении, которое служило, очевидно, складом зерновых запасов. Таким образом, в самом доме и хранили и обрабатывали зерно.

При сравнении жилищного строительства первых веков нашей эры со строительством периодов классического и эллинистического бросается в глаза, что в первые века нашей

[1] И. Б. Зеест. 1) Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр 191 и сл.; 2) Киммерийская мукомольная мастерская. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 96 и сл.

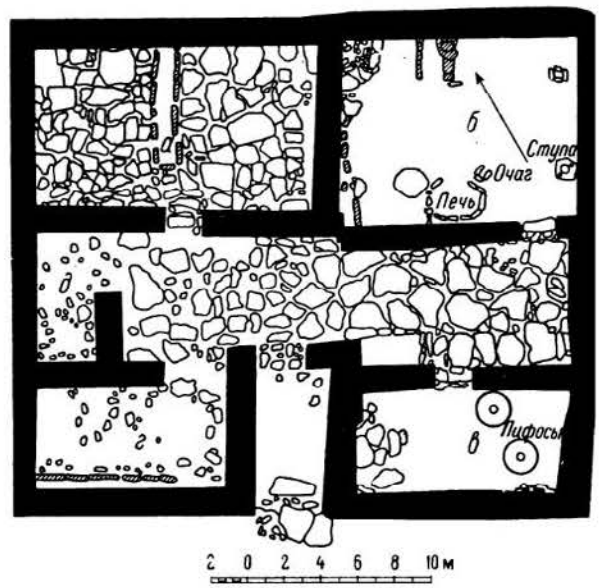

Рис. 38. План дома, открытого на Первой поперечной улице в Илурате.

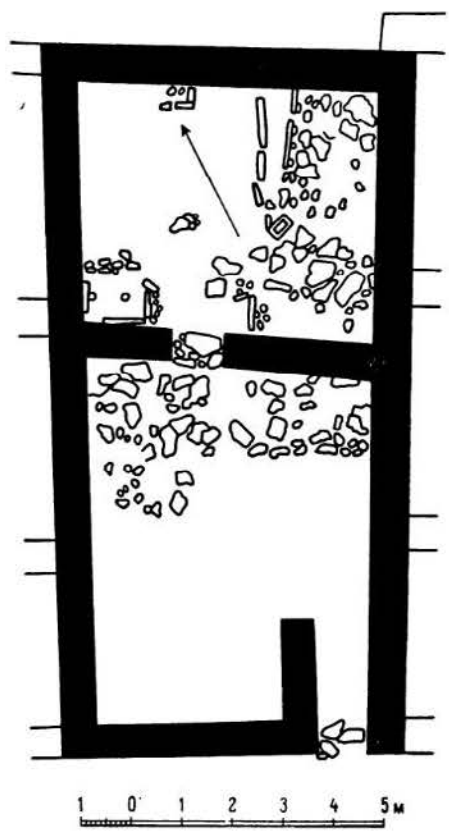

Рис. 39. План дома в Илурате, открытого в 1952 г.

эры сырец как строительный материал почти вышел из употребления: если в IV—II вв. до н. э. стены домов среднего слоя населения возводились большей частью из сырцовых кирпичей, теперь не только дома этой части населения, но и дома бедняков целиком строятся из камня. И это не удивительно, так как разрушенные к тому времени более древние постройки, которых было немало (достаточно вспомнить одну Ольвию, площадь которой сократилась чуть ли не на половину прежней территории), предоставляли камень в изобилии.

В целом по своей планировке дома первых веков нашей эры очень близки домам более раннего периода. Но для домов северного Причерноморья первых веков нашей эры является характерным наличие наряду с подвалами большого количества помещений, оборудованных для хозяйственных нужд: мы видим в них специальные приспособления в виде ящиков (Ольвия) и загородки (Ольвия, Тиритака, Илурат и др.). Ярко выраженный хозяйственный характер отдельных помещений домов, как и количество их по сравнению с домами того же среднего слоя населения в более раннее время, говорит о том, что в первые века нашей эры большой процент жилых домов в городах северного Причерноморья принадлежал ремесленникам.

Своими знаниями, далеко не полными, о домах в античных городах северного Причерноморья мы почти целиком обязаны археологическим исследованиям. Раскопки городов северного Причерноморья античной эпохи, планомерно, систематически развернувшиеся в советский период, дают уверенность в том, что те лакуны, которые сейчас имеются в изучении строительства жилых домов, в недалеком будущем будут заполнены.

Е. В. Ернштедт

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(ОБЩИЙ ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ ЖИВОПИСИ)

Стенная роспись домов и погребальных камер Причерноморья на первых этапах своего развития являлась преимущественно отражением монументальной живописи греческих культурных центров восточного Средиземноморья. Однако с течением времени в этой отрасли искусства ярко проявились особенности местного художественного творчества и создались замечательные образцы монументальной живописи, отражающие мировоззрение того смешанного греко-сарматского общества, которое сложилось в Боспорском царстве в первые века нашей эры.

Кроме того, монументальная живопись Причерноморья, столь характерная и интересная для его культуры, имеет значение и для истории античного искусства в целом. Она дает во многих случаях ключ к пониманию неясных вопросов истории античной монументальной живописи.

До середины IV в. до н. э. в Причерноморье не обнаружено следов монументальной живописи. Только примерно с середины IV в. в гробницах на Боспоре — Керчи и Тамани появляются замечательные образцы стенной росписи.[1]

Характерной чертой греческой стенной живописи является ее подчинение архитектуре. Наиболее ярко выражен ее архитектонический характер в III и во II вв. до н. э. Эта черта проявляется и в строгом, определенно обусловленном распределении поясов, или зон, орнаментов и фризов на расписных стенах в эпоху архаики, и в структурном стиле живописи домов Делоса и Приены III и II вв. до н. э., и в архитектурных стилях стенной росписи восточного Средиземноморья и Италии I в. н. э., и в инкрустационном стиле II и III вв. Но этого мало. Даже фигурная живопись эпохи архаики VI в. до н. э. и монументальная роспись великих мастеров V в. Микона и Полигнота всецело находилась в рамках тектонической разделки стены. Широкие многофигурные фризы, которые, казалось бы, довлеют в живописи камер этрусских гробниц VI и V вв.

[1] Современные исследования привели к окончательному выводу, что роспись стен домов и гробниц античной эпохи в подавляющем большинстве случаев делалась фреской. Фреской называется следующий способ росписи стен: вся стена, подлежащая росписи, покрывается слоем белой известковой штукатурки высокого качества. По мокрой штукатурке кистью земляными красками, разведенными водой, живописец в очень быстром темпе расписывает стену. Работа фреской требует громадной сноровки, большой уверенности и предварительной разметки всей композиции на полотне или каком-либо другом материале, на котором возможен рисунок в крупных масштабах. Основные контуры вдавливаются предварительно в штукатурку. Мокрая штукатурка впитывает краски, которые высыхают и затвердевают вместе с ней. Основные краски: белая — гашеная известь; желтая — охра; красная — охра; темнокрасная — купорос; синяя — 1) кобальт, 2) растертые угольи виноградного дерева; коричневая — особая темная охра; черная — 1) размешанная в воде печная сажа, 2) жженая виноградная кость; зеленая — охристая земля.

до н. э., являющейся несомненно отражением греческой малоазийской живописи, погибшей или до сих пор не открытой раскопками, всегда имеют свое строго определенное место в членении стены. Как бы они сами по себе ни приковывали внимание зрителей, они немыслимы на другом месте стены. Также немыслимо и отсутствие определенных орнаментов на определенных частях стены, скатах или сводах потолка. И к тем фронтонам, которые неминуемо образуются на узких стенах погребальных камер при двускатном потолке в эпоху архаики, и к люнеткам, которые образуются при сводчатом потолке в эпоху эллинизма II и I в. до н. э., приурочены фигурные композиции и растительные мотивы, которые не могут быть перемещены. Это тектоническое начало стенной живописи не умирает в античности никогда. Даже в эпоху преобладания цветочного стиля, развившегося в греческом мире в конце I в. до н. э. и в I в. н. э., греческие живописцы, претворив и приспособив к стенам дворцов и домов этот столь неконструктивный по своему существу стиль, ввели в него отдельные тектонические элементы.

На чем же основан тектонический характер античной стенной живописи?

Наиболее древняя система стенной росписи, как жилых домов, так и склепов греческого мира и его окраин, основывалась на ясной и простой мысли: передать в росписи структуру стены жилого дома, построенной из сырцов на каменном фундаменте. На уровне определенного количества рядов сырцовых кирпичей клалась в таких домах горизонтально деревянная балка, сдерживавшая стену из сырца. Такая же балка клалась на верхнюю часть стены; на ней покоился остов кровли. Сырец и неотесанные камни крылись известью, которая с древнейших времен окрашивалась. На этом сплошном поле стены и воспроизводилась живописно основная структура стены, т. е. цоколь, деревянная прослойка, центральная часть стены (из сырца) и верхняя деревянная часть — карниз. Каждая полоса, обозначавшая ту или иную часть стены, покрывалась определенным цветом; например, центральное поле стены часто окрашивалось в красный или желтый цвет, цоколь — в черный или белый и т. д.

Усовершенствованием этого способа постройки является создание более крепкого низа из бутового камня над каменным же, выступающим из земли фундаментом. И в более развитой росписи цоколь имеет бо́льшую высоту и выделяется более определенно. Части росписи, воспроизводившие деревянную прослойку и карниз, с древнейших времен понимались как наиболее подходящая площадь для нанесения рисунка — сначала здесь помещали ряд горизонтальных узких полосок разных цветов, позже их всегда украшал геометрический орнамент. Этот простой, древнейший вид стенной росписи, столь связанный с архитектурой, продолжал существовать в своем чистом виде даже тогда, когда возникли более сложные виды структурной системы росписи.

На этот древнейший вид стенной живописи рано начало влиять построение каменного дома сплошь из квадров твердого камня. Над цоколем воспроизводился при этом ряд высоких каменных квадров (так называемые ортостаты), на месте прежней деревянной прослойки изображались в другом цвете узкие лежащие прямоугольники камня, иногда часть этой горизонтальной зоны отдавалась орнаменту. Выше помещались несколько рядов квадров, образующих центральное поле стены и, наконец, карниз, украшенный орнаментом.

Эта структурная система стенной росписи могла усложняться, дифференцироваться, особенно средняя горизонтальная зона над ортостатами (она орнаментировалась как живописно, так и скульптурно), а также карниз, который принимал различные формы, но в своей основе система оставалась той же.

На Боспоре эта структурная система стенной росписи применялась очень отчетливо и последовательно в склепах курганных погребений Керчи, Тамани и Прикубанья, а также на стенах частных домов Пантикапея и Фанагории.

Изучая стенную живопись древнего восточного Средиземноморья и северного Причерноморья, следует иметь в виду один несомненный факт: народы античного мира первоначально не делали разницы между росписью домов живых людей и росписью домов мертвых — склепов. И там и тут то же членение стены, те же краски, те же орнаменты, те же принципы декоровки. Это особенно отчетливо проявлялось в стенной росписи склепов и домов в IV—II вв. до н. э. В это время редки и необязательны в склепах образы загробного культа и изображе-

ния хтонических божеств. Декоративные принципы довлеют и определяют характер росписи. Только в конце эпохи эллинизма и в склепах, относящихся к нашей эре, вводятся на фоне чисто декоративной росписи сюжеты и образы погребального культа, загробной жизни, подземных богов, богов психопомпов — водителей душ умерших.

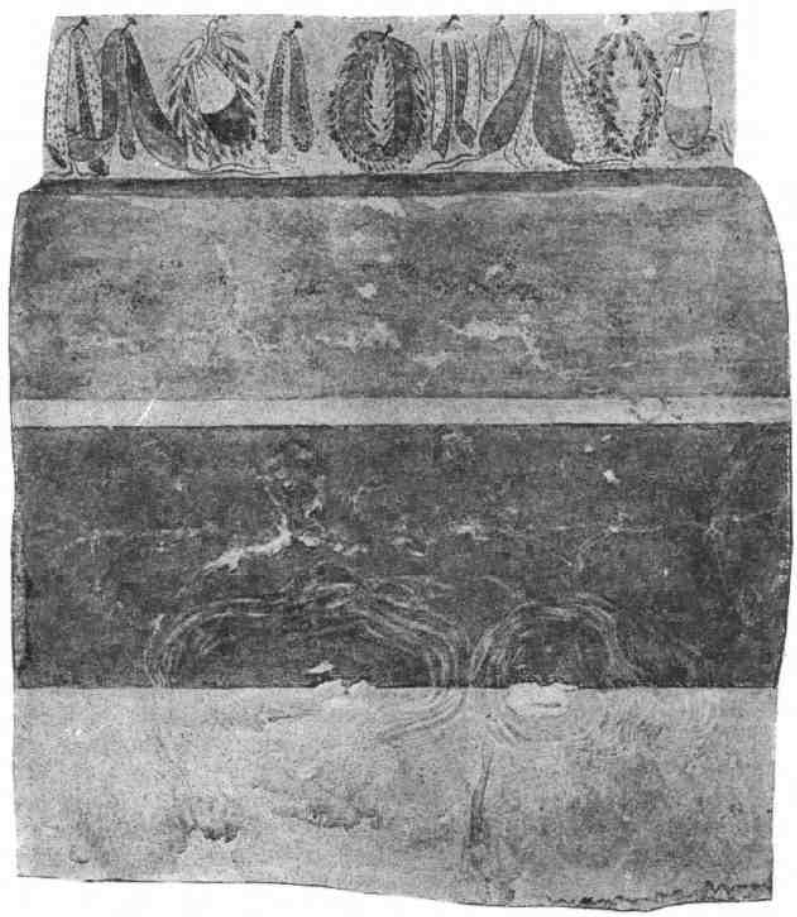

Рис. 1. Роспись склепа 1908 г.

Наиболее ранний склеп с росписью в Причерноморье — это склеп, открытый в 1908 г. в Керчи на склоне горы Митридат (рис. 1).[1] Роспись его стен состоит из широкой желтоватой полосы — цоколя, затем красной полосы, еще более широкой, выше проходит узкая белая полоска — прослойка, над ней яркожелтая широкая полоса. Над желтой полосой выступ, окрашенный тоже в желтый цвет, очевидно, карниз. Вверху белая полоса, на фоне которой изображены предметы, характерные для погребения палестрита: подвешенные на гвоздях лавровые венки, повязки, диадемы, ленты, стригил и арибаллы. Гамма красок очень архаична: желтая, красная, белая, коричневая, оранжевая, бурая, черная. Синей и зеленой нет. Эта гамма красок применялась в культурных центрах греческого мира до V в. до н. э. Судя по вещам, найденным в склепе, он построен во второй половине IV в. до н. э.

Такой пережиток архаики очень типичен для Пантикапея. Роспись склепа 1908 г. ясно показывает, как живучи были эти простейшие приемы, как цепко держалась первоначальная традиция наряду с другими более сложными, более дифференцированными

[1] АДЖ, стр. 70—82. Бóльшая часть рисунков, иллюстрирующих данную статью, является воспроизведением таблиц, изданных в «АДЖ».

росписями стены той же структурной системы. Схема росписи склепа на горе Митридат, воспроизводящая самое основное построение стены и нанесенная цельными красками, без сомнения, и на родине своей, в восточном Средиземноморье, держалась долго. Уже отживая свой век в домах и гробницах господствующего класса Греции, имевшего всегда возможность привлекать лучших мастеров и следовать последним течениям в искусстве, она сохранялась в постройках менее зажиточной части населения, а также на периферии греческого мира.

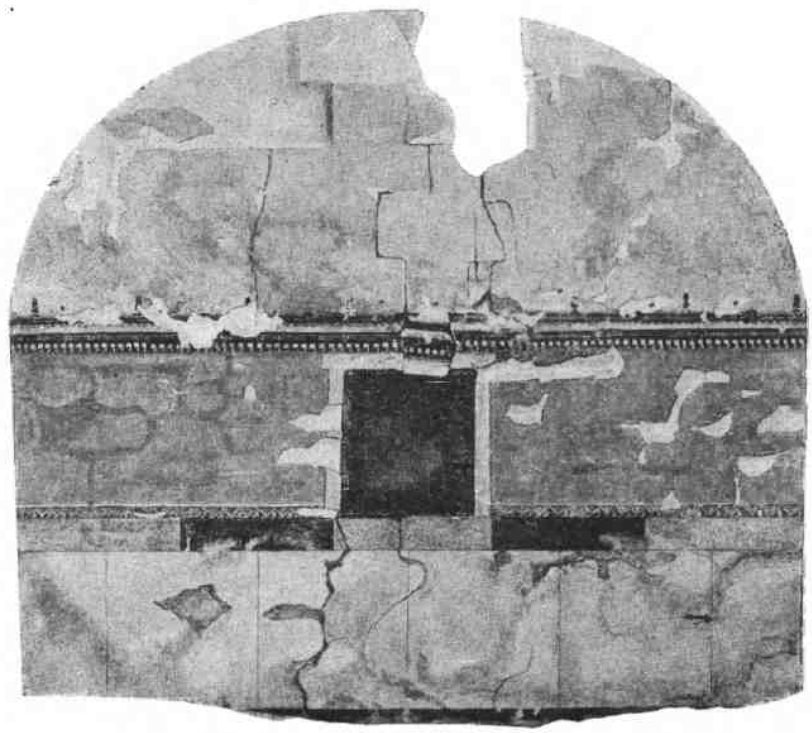

Рис. 2. Роспись стены склепа Васюриной горы.

К более развитой стадии стенной живописи относится роспись склепа I большого кургана на Васюриной горе на Таманском полуострове, расположенном между Цукурским лиманом и Таманским заливом.[1]

Широкая лестница вела к двери дромоса. Лестница была охвачена высокими каменными стенами. За дромосом — склеп, который представляет в плане не вполне правильный параллелограмм, впущенный до свода в материк. Длина его 4.7 м. Высота стен до пяты свода 1.85 м. Роспись склепа произведена фреской по тонкому слою штукатурки. Снизу доверху она такова (рис. 2): узкая черная полоса панели или цоколя, затем ряд желтовато-палевых ортостатов. Выше ортостатов — ряд лежачих длинных, узких прямоугольников, поочередно то черных, то желтых. Над прямоугольниками — гусек, украшенный лесбийским киматием на красном фоне, живописно имитирующим лепной киматий. Средняя часть стены — сплошное красное поле, выше его желтая полочка, затем сухарный фриз, рельефно оттененный белой и черной краской, темно-лиловая полочка, опять узкая белая полоска, еще выше валик, украшенный овами, написанными белой, черной и красной красками, над ними синий профиль симы. На симе, на определенных расстояниях, написаны водостоки в виде львиных голов темносинего цвета с белыми тенями. Между этими водостоками изображены поставленными на симу акротерии или балюстры. На некоторых балюстрах, а местами и на симе изображены

[1] АДЖ, стр. 30—69.

сидящие птички. Помещены птички произвольно, в полном беспорядке. Над балюстрами начинается пята свода. Сима, водостоки, балюстры и птички — все это ясно показывает, что изображено не верхнее отграничение стены закрытого помещения, а стена ограды под открытым небом. А раз это роспись погребальной камеры, то она определенно имитирующий героон, однако, не расписан целиком — свод оштукатурен. Тем не менее в центре свода изображен прямоугольный ковер с кистями по углам (рис. 3). Ковер обрамлен широким темнокрасным бордюром, внутри сплошное синее поле.

Декоровка стен склепа первого кургана на Васюриной горе имеет ближайшую ана-

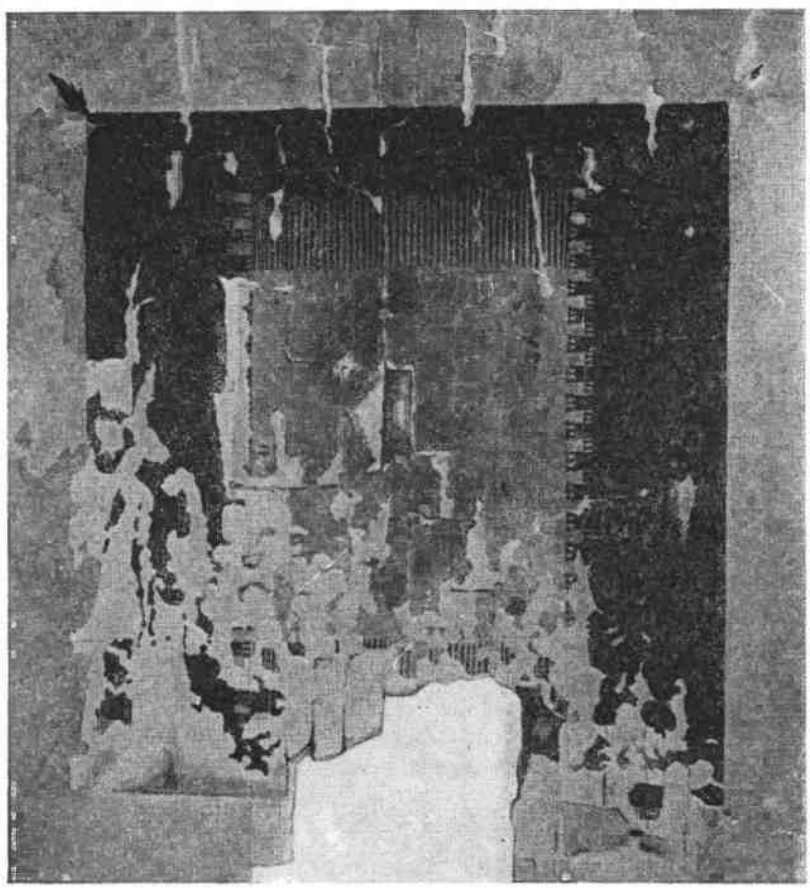

Рис. 3. Роспись свода склепа Васюриной горы.

могла быть задумана только как изображение ограды героона, т. е. священного участка места погребения представителей одного знатного рода, который по греческим, главным образом малоазийским, религиозным представлениям, должен был быть обнесен невысокими стенами, часто украшавшимися внутри и снаружи скульптурно или живописно и иногда тектонически разделанными. Над стенами такого участка — открытое небо. Склеп Васюриной горы, так

логию в росписи жилого дома на о. Делосе, хронологически одного из наиболее ранних домов этого города, где тоже над узким поясом лежащих белых прямоугольников расстилается сплошное красное поле, разделенное на квадры.[1]

[1] M. B u l a r d. Peintures murales et mosaiques de Delos. Monuments Piot, v. XIV, Paris. 1908, стр. 105, рис. 40; стр. 109.

Аналогична роспись гробницы около Александрии,[1] а также роспись гробницы Палатицы в Македонской Фракии [2] с таким же сплошным красным полем над горизонтальной зоной лежащих квадров. Судя по вещам, найденным в расписном склепе первого кургана Васюриной горы, построение его и роспись относятся к первой половине III в. до н. э.

Система декоровки этого склепа стоит в тесной связи с развитием греческой архитектуры и декоративной разделкой стены. Та же система внутреннего украшения встречается в пинакотеке Пропилей на акрополе Афин, в портике храма Афины в Пергаме и на стенах, обрамляющих главные площади двух эллинистических городов Малой Азии, — в Магнезии на Меандре и в Приене. Всюду один и тот же структурный принцип: цоколь, ряд ортостатов, узкий горизонтальный пояс, либо живописно, либо рельефно разделанный, выше сплошное поле стены, покрытое штукатуркой и окрашенное сплошь в один цвет, и, наконец, карниз.[3] В небольших зданиях низ стен (в Афинах, в Пергаме, в Приене, в Магнезии) сложен из настоящих мраморных квадров, только верх оштукатурен и окрашен. На стенах частных домов и склепов роспись наведена снизу доверху фреской по мокрой штукатурке с соблюдением того же строгого структурного членения стены.

Ковер, изображенный на своде склепа Васюриной горы поднятым и парящим в воздухе, восходит к тем коврам, которыми крылись погребальные катафалки колесниц в Малой Азии и беседки на погребальных лодках, перевозивших по Нилу тело покойного в Египте, как древнем, так и эллинистическом.

Очень близкий к васюринскому образ героона отражен в другом склепе Боспора. Близ Анапы — древней Горгиппии — в кургане был открыт небольшой склеп с полуцилиндрическим сводом и дромосом. Склеп впущен в материк до пяты свода. Сложен склеп из больших белых плит местного камня, оштукатурен и расписан. Хорошо сохранилась штукатурка и роспись только на правой стене. Схема росписи очень проста (рис. 4). Над низкой панелью или цоколем — ряд больших, широких, лежачих прямоугольников белого цвета, обрамленных с трех сторон черными полосами. Над этими квадрами идет ряд узких лежачих прямоугольников, вертикальные фуги которых приходятся посредине больших квадров. Они также со всех сторон обрамлены черной полосой. Выше снова повторяется ряд больших квадров, а над ними еще один ряд узких лежачих прямоугольников. И второй ряд больших квадров обрамлен упомянутой выше полосой. Второй ряд узких прямоугольников обрамлен сверху узенькими полосками, белой и коричневой. Над ними идет полоса лесбийского киматия на красном фоне. Выше широкий фриз — меандр, написанный белой, красной и синей красками, перспективно оттененный так, что он производит впечатление лепного. Над фризом расположен сухарный карниз, белые сухарики на темнокрасном фоне. Над сухариками полоска ов и, наконец, узенькая красная полоска. На карнизе, так же как в склепе первого кургана на Васюриной горе, стоят на определенных расстояниях друг от друга балюстры, черные, в форме коротких копий. Над карнизом свод склепа, окрашенный сплошь в голубой цвет.[1] Итак, и здесь мы видим замысел воспроизведения стены — ограды героона, а над ней голубое небо.

Подобное повторение ряда ортостатов и узкой полосы лежащих прямоугольников не встречается в росписях домов эпохи эллинизма, но оно известно в греческой и эллинистической архитектуре, например в Приене и Магнезии.[2] Деление на квадры, обозначенное только живописно черной полосой — очень частое явление в росписи домов на Делосе и Фере. Идея живописного изображения стены, обшитой плитами мрамора разных цветов, повела за собой желание изобразить выступающую полированную поверхность плиты. Этот прием част в росписи стен домов на Делосе и в гробницах некрополей Александрии. И меандр на фризе, и

[1] K. Thiersch. Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria. Berlin, 1904, табл. I—III.

[2] L. Heuzey et H. Daumet. Missions archeologiques de Macédoine. Paris, 1877, табл. 18.

[3] W. Dörpfeld. Zu den Bauwerken Athens. AM, Bd. XXXVI, 1911, стр. 51 сл., 87 сл. — M. Bulard, ук. соч., стр. 116 сл. — C. Humann, H. Kohte, C. Watzinger. Magnesia am Meander. Berlin, 1900. — Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, стр. 191.

[1] АДЖ, стр. 83—86.

[2] Th. Wiegand und H. Schrader, ук. соч., стр. 191, рис. 184.

сухарики на карнизе обычны в росписях домов на Делосе и в Приене. Склеп близ Анапы расписан в III в., судя по всем аналогиям.[1]

Если стиль и характер росписи склепов на горе Митридат, склепа первого кургана на Васюриной горе и анапского выросли первоначально из системы построения стены, сначала сырцовой, потом каменной кладки, то расписной склеп II кургана Большая Близница на Таманском полуострове построен и расписан по другим образцам.[2] Склеп прямоугольный в своем плане. Стены выложены пятью рядами квадров местного известняка. Свод уходит вверх уступами: он состоит из шести рядов, из которых нижний примыкает к стене с карнизом. Замкнут свод одной плитой длиной 1.42 м, шириной 0.71 м. На нем изображена прямо в фас женская голова громадных размеров, с кистями рук, поднятыми на уровне лица (рис. 5). Большой полный овал лица обрамлен темнокоричневыми густыми волосами, разделенными на пробор. В волосах полевые цветы, желтая повилика, красные маки и лилии на длинных стеблях с длинными тонкими листьями. В правой руке такие же желтые лилии, а левая рука держит полосатое покрывало, спадающее с затылка. На шее золотое ожерелье из круглых желтых пронизей. В мочке левого уха серьга. Это, очевидно, голова подземного божества — Деметры или Коры, скорее Коры, царицы подземного мира, образ которой так тесно связан с цветами.

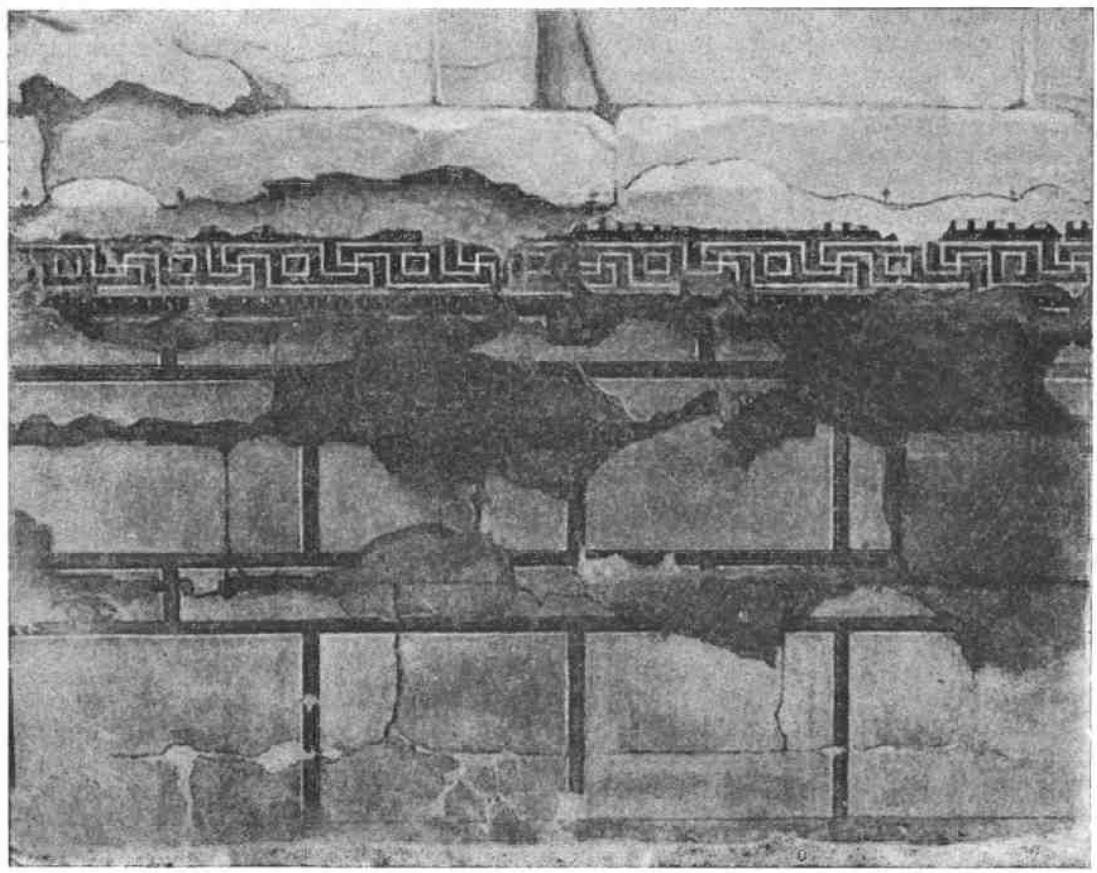

Рис. 4. Роспись правой стены склепа около Анапы.

Живопись сделана прямо по камню, без штукатурки. Шестой ряд стенных камней

[1] Склеп разрушен. См.: M. B u l a r d, ук. соч., стр. 31 сл., 103 сл.

[2] Сохранились план, разрезы склепа, два перспективных вида и зарисовка росписи в красках, исполненные после открытия склепа в 1864 г. См.: АДЖ, стр. 15 сл.

склепа занят фризом с выступающим верхним краем и вогнутой поверхностью. По бледнокрасному фону идет цветочный орнамент: на парных встречных волютах вырастают из листьев аканфа цветы араций; они чередуются с бутонами и цветами аканфа на извивающихся стеблях. Цветы изображены красными и голубыми. Над этим орнаментом жемчужная нить, ниже его овы. Как и голова Коры, живопись фриза произведена непосредственно по камню.

которые клались одинаковыми рядами. Внутренняя часть храма украшалась живописью очень строго и скромно. Только верх стены расписывался узким орнаментальным или цветочным фризом или орнаментировался таким же образом карниз. Живописью украшались и капители колонн и ант.

Обычно декорировались также потолки, т. е. кассеты потолков.[1] Все эти черты отражены в склепе II кургана Большая

Рис. 5. Голова Деметры или Коры — роспись склепа Большой Близницы.

Верхний ряд стенных камней дромоса занят другим живописным фризом. Изображены лежащие горизонтально тонкие ветки мирты с зелеными длинными листиками и красными ягодками. Над ними полоска ов, ниже веток мирты жемчужная нить. Овами расписаны капители обоих пилястров, поставленных перед входом из дромоса в склеп.

Очень крупные каменные здания, например большие храмы Греции и Малой Азии, строились, начиная с эпохи архаики, сплошь из квадров известняка или мрамора, Близница. Он построен, следовательно, по образцу святилища.

На Боспоре и стены частных богатых домов расписывались внутри. На восточном склоне горы Митридат найдены были в 1896 и 1899 гг. фундаменты, части стен и обломки расписной штукатурки. Многочисленные фрагменты этой расписной штукатурки дали возможность восстановить роспись стены (рис. 6) на основании аналогий подобных, но лучше сохранившихся стен домов, от-

[1] АДЖ, стр. 113—136.

крытых на о. Делосе. Раскопки дома на горе Митридат не были доведены до конца, и о характере здания поэтому судить нет возможности. Вероятно, это был частный дом. И тут во II в. до н. э. мастера расписывали стены по тем же принципам структурной системы. Эта структурная система значительно эволюционировала в эпоху развитого эллинизма, и в ней отражены те новые явления, которые развились уже в III в. При строительстве эллинистических дворцов Малой Азии и Александрии вошло в моду покрывать стены тонкими прямоугольными пластинками разноцветного мрамора, совокупность которых давала гармоническое сочетание красок.[1]

Способ обкладки стены этим разноцветным мрамором следовал в своей основе тем же принципам структурной системы, но давал более сложную, более богатую, дифференцированную декоровку поверхности. Так могли украшать стены своих дворцов, вилл и роскошных увеселительных зданий только цари и придворная знать. Но как только возник этот способ украшения стены ценными каменными породами (а по словам древних писателей, он возник еще в IV в.), сейчас же появились и подражания ему, т. е. роспись красками, воспроизводящая куски и полосы разноцветного мрамора, яшмы и других пород, со всеми оттенками, пятнами, прожилками этих камней и их слоистым строением. Этот способ декоровки стены, как способ более дешевый и доступный, имел громадное распространение. Дома зажиточной части населения эллинистических городов Малой Азии, островов и Александрии в III и во II вв. расписывались именно таким образом. Раскопки на острове Делосе обнаружили целую серию частных домов, относящихся к III и II вв., от которых до нас дошли в относительно хорошей сохранности стены первых этажей, покрытые подобной росписью. Роспись сделана фреской.[2]

Очень близкая роспись была найдена в эллинистических городах Малой Азии — Приене[3] и Пергаме.[4] Детали, окраска одинаковых частей композиции стены варьируют в разных домах, а тем более в разных городах, но основные принципы росписи остаются незыблемыми: это дальнейшее развитие и дифференциация все того же принципа структурного членения стены и живописное подражание разноцветным мраморам, другим каменным породам и пластическим орнаментам.

В этих росписях внизу над полом тянется низкая непрерывная полоса цоколя, либо черного, либо красного, либо белого цветов. Над цоколем высокий ряд ортостатов. Над ортостатами горизонтальная зона, которая, начиная с III в., а особенно в домах II в., членится на три-четыре горизонтальные полосы. Чаще всего это изображение длинных лежащих прямоугольных плит многоцветных конгломератов, слоистой яшмы, пестрого мрамора или брекчии; над этими плитами и под ними орнамент ов, меандра, жемчужника, иногда рельефный, иногда живописный, имитирующий рельефный фриз. Над горизонтальной зоной три или четыре ряда прямоугольных панно, каждый ряд которых выдержан в одном определенном цвете. Верх стены над карнизом, почти нигде не сохранившийся на месте, восстанавливается по обломкам и на основании более поздних аналогий. Несомненно, что в роспись верха стен были введены элементы перспективы и чисто архитектурные детали. Стуковые колонки, полуколонки, капители, пилястры, целые балюстрады, написанные краской открытые двери, балконы и окна должны были создать впечатление более легкого верха, а иногда и иллюзию широких пространств за пределами комнаты.

Именно такая роспись восстанавливается по тем фрагментам штукатурки, которые найдены при раскопке вышеупомянутого дома на восточном склоне горы Митридат. Найденные фрагменты расписной штукатурки происходят из четырех различных комплексов. Из фрагментов одного из них предположительно реконструируется роспись стены, очень близкая к росписям стен домов II в. на о. Делосе (рис. 6):

1) внизу, черный сплошной пояс цоколя;

2) над цоколем ряд высоких бледножелтых ортостатов;

3) над ортостатами, может быть, находилась сплошная черная полоса;

4) горизонтальная зона, состоящая из чередующихся черных и мраморовидных

---

[1] Altertümer von Pergamon, Bd. I, 2, Berlin, 1913, стр. 287.

[2] M. Bulard, ук. соч., стр. 127.

[3] Th. Wiegand und H. Schrader, ук. соч., стр. 314 сл., рис. 351.

[4] Altertümer von Pergamon, Bd. I, 2, стр. 152, табл. I, *1*.

длинных лежащих квадров; снизу пояс обрамлен овами, сверху рельефным широким орнаментом плетенки;

5) ряд красных квадров;

6) сплошной пояс малинового цвета, на фоне которого написан золотистой краской растительный орнамент из листьев, цветов и побегов, свернутых спиралью;

7) выше ряд, а может быть и два ряда, желтых квадров;

8) фриз меандра, написанного синей, белой и красной краской, над ним сухарики, выше овы;

9) возможно, что выше находились еще белые полосы, увенчанные лесбийским кимати́ем.

Чрезвычайная близость росписи дома на горе Митридат к росписи ряда домов на Делосе дает основание думать, что над внутренней отделкой пантикапейского здания работали греческие мастера — выходцы из того района Малой Азии и примыкающих к ней островов, где культивировались как эта система росписи, так и эти орнаменты и краски. Речь идет, конечно, о руководящих мастерах. Нанесение росписи по мокрой штукатурке, требующее быстроты выполнения, что связано с большой сноровкой, было немыслимо без помощников и подручных. Расписывали стену мастера-греки, подручными могли быть и местные мастера.

Другие комплексы фрагментов расписной штукатурки, найденные в развалинах того же дома, не дают возможности полностью восстановить роспись. Они отличаются большим богатством и разнообразием подражания мраморным плиткам и обилием блестящей зеленой краски. Судя по фрагментам, во внутреннюю отделку в качестве составных элементов входили несомненно полосы ромбовидных и треугольных плит, карнизы были богато профилированы. Пластически исполненные орнаменты лесбийского кимати́я дают 7 различных типов. Найдены и живописные колонки с капителями, а также колонки и полуколонки из штука, которые могли принадлежать только верхней части стены.

К концу эпохи эллинизма, в конце II и I вв. до н. э., на стенах склепов Боспорского царства получает большое распространение система росписи, которая, повидимому, вырастает из типа росписи III в., уже известного нам по анапскому склепу. Эта роспись также в основе структурного характера. Роспись стен склепов изображает ряды каменных квадров, причем ряд узких квадров чередуется с рядами широких. Четыре, пять или шесть рядов идут вплоть до пяты полуцилиндрического свода на длинных стенах камеры склепов. В верхней части узких стен камер между последним рядом

Рис. 6. Реконструкция росписи дома на горе Митридат.

квадров и сводом образуются люнетки, на которых помещаются сюжетные изображения. Украшение последнего ряда квадров могло быть также живописным, в виде гирлянд, птичек, в редких случаях в пределах отдельного квадра изображались человеческие фигуры. В 1932 г. на северном склоне горы Митридат был открыт склеп II в. до н. э. с изображением сцен битвы пигмеев с журавлями, помещенных в верхнем ряду

квадров.[1] К сожалению, местонахождение этого склепа не было точно зафиксировано и он оказался затерянным. Эта система росписи обычно связана с полуцилиндрическим сводом с люнетками, который получает широкое распространение во II и I вв. (склеп пигмеев был перекрыт уступчатым сводом).

Значительная часть керченских расписных склепов относится к I—II вв. н. э. — эпохе второго расцвета Боспорского царства.

В одном из склепов, открытом в 1877 г. на северном склоне горы Митридат (рис. 7), в склепе Анфестерия сына Гегесиппа, крытом плоским сводом, который понижается к входной стене и образует, следовательно, кроме двух люнеток на узких стенах камеры, еще длинные треугольные люнетки на длинных стенах,[2] над цоколем изображены ряды квадров, узкие ряды сменяются широкими. Широкая коричневая полоса, обрамленная красными линиями, отделяет кладку от живописи люнеток. В западной стене — ниша, над которой вырезана на стене надпись по-гречески: «Анфестерий сын Гегесиппа, он же Ктесамен».[3]

Рис. 7. Роспись склепа Анфестерия.

Центральное изображение заполняет западную люнетку. В левом углу условно изображено дерево с висящим на ветке горитом. Правее — войлочная юрта, построенная на остове из деревянных столбов, соединенных поперечными брусьями. Вверху — отверстие для света, из которого торчат шесты. Спереди входное отверстие, очевидно завешивавшееся ковром. В юрте видны две сидящие фигуры. Слева к юрте прислонено очень длинное копье. Справа от юрты на большом деревянном кресле сидит женщина. По обе стороны стоят слуги, изображенные в уменьшенном масштабе. Справа к юрте подъезжает безбородый всадник, одетый в камзол, расшитый металлическими бляшками. На ногах у него высокие кожаные сапоги. В правой руке он держит нагайку, в левой меч. Из-под седла спадают ленты. К нему подходит слуга, также изображенный в уменьшенном масштабе, и подносит сосуд.

В правой половине люнетки изображен другой всадник. Он ведет на поводу вторую лошадь. Третья лошадь бежит за ними. Очевидно, второй всадник — оруженосец. Ниже юрты, на квадре верхнего ряда изображен круглый пиршественный стол на трех витых ножках, перед которым стоит слуга с сосудом в руках.

В люнетке левой длинной стены изображены две лошади, зеленая и гнедая, стоящие друг против друга по обе стороны дерева. Дерево трактовано очень условно, от ствола расходятся три ветки, окаймленные большими листьями.

Итак, в первый раз мы встречаемся в Причерноморье с фигурной росписью гробниц, причем она помещается не на центральном поле стены, как это имело место у греков и этрусков в VI—IV вв. до н. э., а на люнетках.

Совершенно та же архитектура и схема росписи имеется в склепе, открытом очень близко от склепа Анфестерия на северном склоне горы Митридат в 1891 г.[1] Роспись местами плохо видна, но главная сцена зад-

[1] АДЖ, стр. 137—149.

[2] Живопись склепа была варварски разрушена прежним владельцем участка, на котором был открыт склеп; сохранились зарисовки XIX в., выполненные художником Гроссом.

[3] АДЖ, стр. 170—182.

[1] АДЖ, стр. 183—198.

ней люнетки сохранилась хорошо. В этом склепе над пестрым расписанным под мрамор цоколем (рис. 8) изображены четыре ряда квадровой кладки, широкий ряд сменяет узкий. Над рядами квадров идет широкая темнозеленая полоса, обрамленная двумя красными линиями. В каждом квадре верхнего ряда написано по два крюка, на которых подвешены ленты и гирлянды из

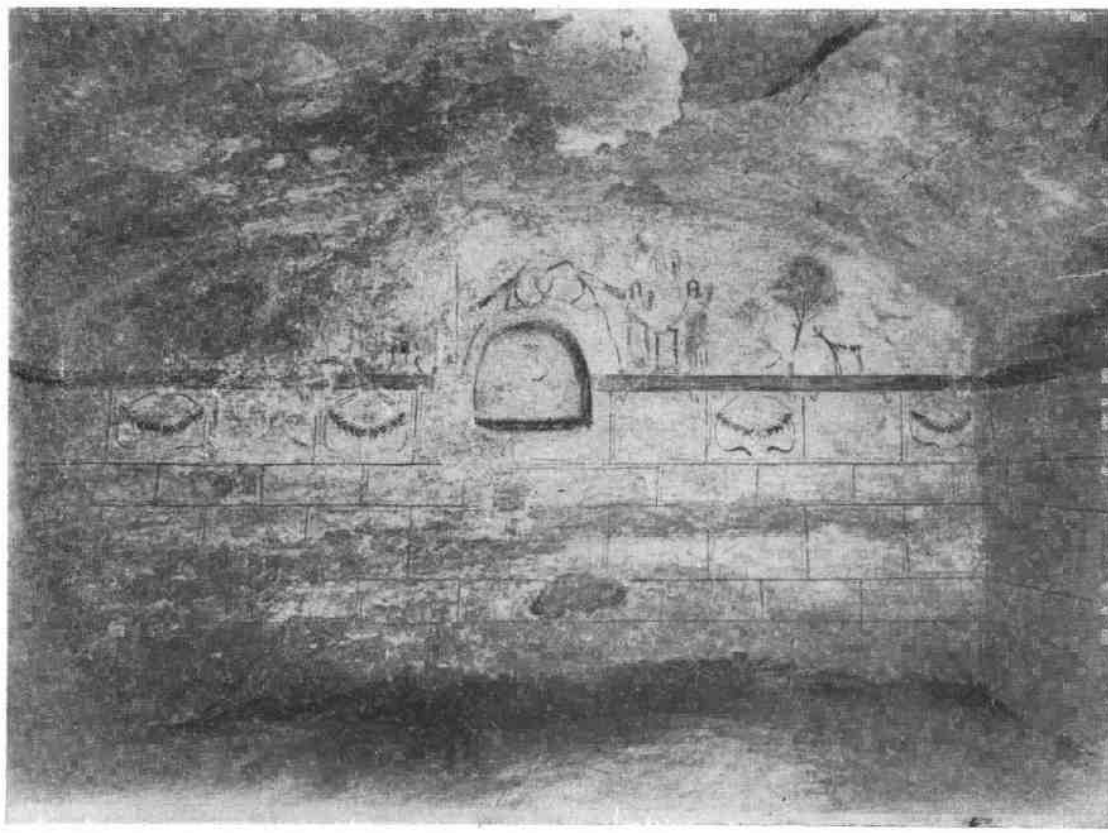

Рис. 8. Роспись стен склепа 1891 г.

хвои, плодов и цветов. Над каждой гирляндой по гранатовому яблоку.

Основная композиция размещена на люнетке задней стены. Она делится нишей на две части. В левом углу люнетки, так же как в склепе Анфестерия, изображена кочевническая юрта. Очертания ее видны слабо, детали утрачены. Справа от нее лошадь с жеребенком. Далее, направо, сцена загробной трапезы (рис. 9). Ближе к юрте, на высоком кресле с точеными ножками и поручнями сидит женщина, изображенная строго в фас, одетая в розовый хитон и плащ. Под ее ногами скамеечка. Рядом с ней маленькая фигурка служанки. У ее ног изображена люлька с двумя детьми и старшая девочка, качающая люльку. Правее — ложе, высокое, на точеных ножках, крытое полосатым нарядным одеялом. На ложе возлежит мужская фигура в розовом хитоне и голубом плаще. Перед ложем стоит круглый стол на трех изогнутых ножках, которые оканчиваются львиными лапами На столе три стеклянных сосуда и какое-то печенье. Направо от ложа маленькая фигурка слуги в розовых штанах и камзоле. Правой рукой он держит кувшин, на левом плече полотенце.[1]

По другую сторону ниши картина, расположенная в два яруса. Внизу, на одном уровне с загробной трапезой, сцены жертвоприношения и фигура танцующей жен-

[1] [Со времени открытия склепа роспись сильно пострадала, целый ряд деталей утрачен. — *Ред.*].

щины под деревом (рис. 10). Наверху выезд всадника — героизированного умершего. Вдоль верхнего края стелется ветка шиповника, усаженная цветами, на ней стоят фигуры протянули к круглому алтарю, в левых они держат по рогу изобилия.

Справа от мужчины изображена танцующая женщина с плащом, поднятым над го-

Рис. 9. Роспись склепа 1891 г. Сцена загробной трапезы.

два павлина по сторонам большого канфара.

В сцене жертвоприношения участвуют мужчина и женщина, обожествленные покойники, на что указывают их головные уборы, так называемые полосы. Правые руки обе ловой, направо дерево, рядом с которым стоит олень; за ним куст в виде ветки кактуса с сидящей на ней птицей. Это картина из жизни блаженных в загробном мире — они танцуют на лугу среди деревьев, птиц и животных Элизия.

Над этой сценой изображен выезд героизированного умершего; может быть, художник имел в виду показать ее в глубине, на втором плане. Умерший изображен в виде всадника, впереди него оруженосец. За всадником, вероятно, три члена его семьи.

В люнетке входной стены, налево от входа в склеп, написана статуя Тихи — Доброй Судьбы (рис. 11), стоящая на темно-

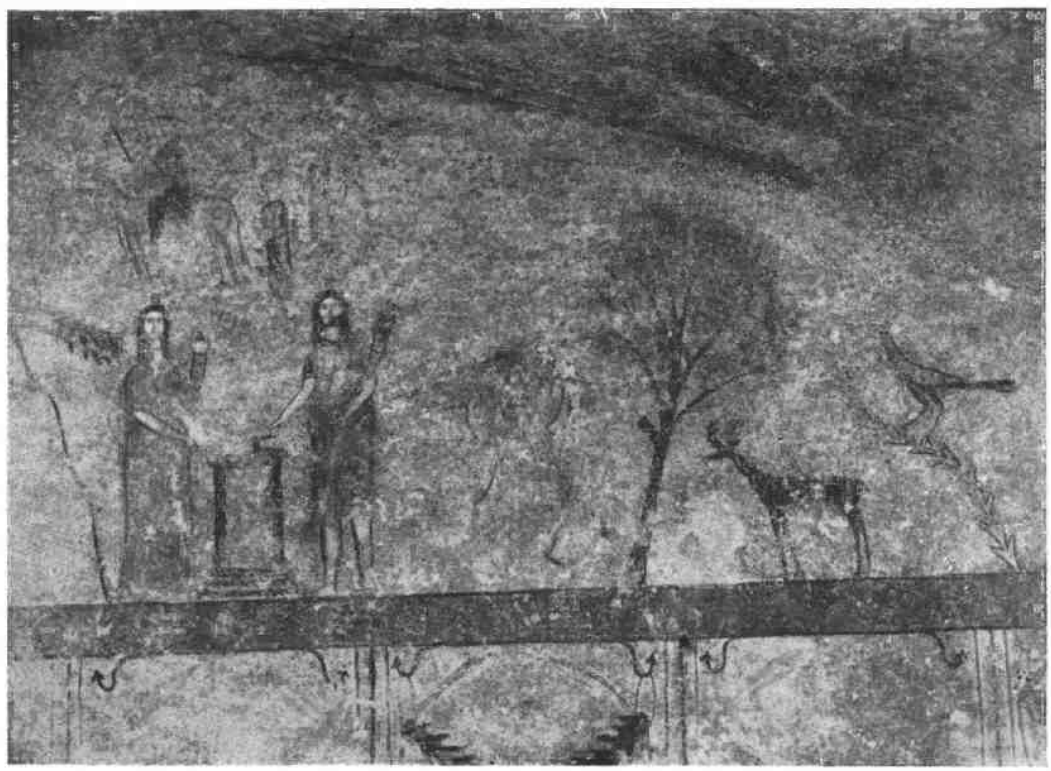

Рис. 10. Роспись склепа 1891 г. Сцена жертвоприношения.

коричневом пьедестале. На голове ее высокий головной убор, правой рукой она опирается о весло, в левой рог изобилия. Слева от статуи дерево и олень. В той же люнетке, направо от входа, нагая фигура юного Гермеса, бога — водителя душ в загробном мире; в его правой руке кошель, в левой — керикей (сохранилась верхняя часть фигуры).

Живопись этого склепа и склепа Анфестерия безусловно создана руками местных мастеров. Ничего общего с греческой живописью она не имеет, кроме отдельных образов, шаблонов и деталей. Стиль ее носит условный характер. Для нее характерны плоскостность фигур, неправильные пропорции, очень далекие от действительности краски, условные приемы передачи пейзажа, полное отсутствие перспективы. Человеческие фигуры изображаются неизменно в фас, в строго фронтальном положении. Фигуры животных, изображенные всегда в профиль, переданы совершенно условными красками, как, например, зеленая лошадь в склепе Анфестерия[1] или розовое и голубое оперение павлинов в склепе 1891 г. Пейзаж характеризуется одним деревом, куст — одной веткой. Сцены, изображенные по греческим образцам — загробная трапеза, пара обожествленных покойных, стоящих у алтаря, — передаются здесь условно, а сцена загробной трапезы, обогащенная бытовыми местными деталями, делается наивно переданной жанровой кар-

[1] Впрочем, наши суждения о стиле склепа Анфестерия затрудняются тем, что мы не имеем возможности изучить его роспись в подлиннике и вынуждены довольствоваться акварелями Гросса, который часто передавал в своих рисунках древние памятники неточно и искаженно.

тиной, так же как сцена выезда героя — покойного в склепе Анфестерия. Этот сюжет, так же как и сюжет загробной трапезы,

Рис. 11. Роспись склепа 1891 г. Фигура Тихи.

чрезвычайно широко распространен на боспорских надгробных стелах, современных склепу Анфестерия и склепу 1891 г.

Живопись этих двух склепов, структурная в нижней части стены, фигурная в люнетках, датируется I в. до н. э., возможно началом I в. н. э.

В гробницах Анфестерия и склепа 1891 г. наблюдается упрощенная передача квадровой кладки. Повидимому, это чисто местная черта, так как полноценная и артистическая передача каменной кладки живет в Средиземноморье еще в I в. н. э. Мастера северного Причерноморья уделяли все свое внимание фигурным изображениям, особенно передаче бытовых подробностей окружавшей их реальной обстановки. Стремясь к этой цели, они в это время вырабатывали свои собственные приемы как в общей схеме декоровки стен, так и в композиции фигурных сцен.

В первой половине I в. н. э. на Боспоре появляются такие росписи склепов, которые по своему основному характеру являются новыми в Причерноморье, и получают в Пантикапее большое распространение. Это прежде всего цветочный стиль[1] стенной росписи.

Сам по себе цветочный стиль стенной росписи очень древний. Он появляется еще в Египте в эпоху Нового царства, в гробницах около Фив, в склепах близ Элефантины и в богатых цветочных росписях дворца Эхнатона в Тель-эль-Амарне.[2] В птолемеевском Египте этот старый египетский декоративный стиль возрождается, проникает как в мозаику, так и в орнаментацию стеклянной и глиняной посуды всего эллинистического мира.[3] Но в области росписи архитектурных сооружений, давшей первые импульсы к развитию данного стиля, не сразу выработался тот новый облик цветочного стиля, который имел потом столь широкое распространение. Он установился в I в. до н. э. и тогда буквально наводнил стенную роспись.

К началу I в. н. э. он появляется в Причерноморье. Здесь он имеет облик, приобре-

---

[1] [Под стилем в данном случае понимается определенная система декоративной росписи. Вообще автор пользуется терминами «структурный стиль», «цветочный стиль», «инкрустационный стиль» в том условном смысле, в котором говорят, например, о четырех стилях помпеянской живописи. — *Ред.*].

[2] W. M. Flinders Petrie. Tell-el-Amarna. London, 1894.

[3] См.: АДЖ, стр. 217 и сл. и указанную там литературу.

тенный им в позднеэллинистический период: плафон полностью включается в поле росписи, стены и плафон понимаются как одно целое. Чем ниже склеп, тем этот принцип проводится определеннее и последовательнее. Стены, свод и люнетки усеяны цветами, ветками, гирляндами, листиками, лепестками, иногда — и это более частый случай — разбросанными в полном беспорядке, иногда скомпанованными в определенной декоративной системе. Гирлянды и ветки, переданные натуралистично или условно, заполняют поле свода и люнеток независимо от изображенных там же человеческих фигур и животных.

Ярким примером этого стиля может служить роспись небольшого склепа, открытого в 1895 г. в Керчи на Глинище и широко известного под именем склепа Деметры.[1] Склеп впущен в небольшой холмик и состоит из одной сравнительно маленькой погребальной камеры и короткого дромоса,[2] к которому под углом пристроен новый дромос с целью поддержания определенного режима температуры и влажности. Площадь пола камеры прямоугольная, длинные стены камеры на определенной высоте, постепенно наклоняясь, переходят в полуцилиндрический свод. Короткие стены кверху суживаются, образуя вверху люнетки. В каждой из четырех стен по небольшой нише. Стены и свод покрыты несколькими слоями штукатурки. На своде и люнетках штукатур зоватого оттенка, на стенах она темн вого цвета от примеси толченого кир Мастер, расписавший склеп, написа харный карниз на произвольном у над нишами, отделив таким образом стен от свода и люнеток. Линия карн совпадает с фактическим началом она выше его. Все же эта чисто структ веха, хотя и на произвольном месте, роль в орнаментальном распределени писи. Все поле стены трактовано как целое, даже цоколь не обозначен. Н ней и на боковых стенах, на уровне и стороны ниш, изображены горизонт брошенными на стену виноградные с гроздьями, усиками и листьями на вающихся стеблях. Ветки трактованы вестным реализмом и вместе с тем декоративны. Листья написаны зеленой ной и белой красками, стволы веток ричневатой, двух оттенков, грозди ной с белым бликом. На входной сте обе стороны входа написано по ф (рис. 12) без обозначения линий почв которой они стоят. Справа от входа, ком простенке, изображена стоящая щина в серо-синем хитоне и желтова ром плаще, спадающем с головы и покр щем фигуру до икр. Все контуры фиг складки одежды написаны резко про ными линиями черной и желтой крас лова со скорбным выражением лица дана в три четверти. Над головой ч краской греческими буквами на Καλυφώ — «Калипсо». Женская фигура кой позе очень часто встречается на на ных стелах Причерноморья. Слева от д на широком простенке, изображен бегущий Гермес с керикеем и крыл на щиколотках. Над головой грече буквами написано Ἑρμῆς. Как нимфа липсо, так и бог Гермес связаны с грече представлениями о загробном мире.

Вся люнетка входной стены запо богатой декоративной гирляндой из ротника, плауна, веток аканфа, пере цветами и плодами груш и гранатовы лок. Две птички сидят на извивах ак Гирлянда написана очень свободно, сомненным навыком, живописным у и декоративным вкусом.

На люнетке задней стены изобра сцена похищения Коры Плутоном (рис На колеснице, запряженной четверкой

---

[1] [Роспись склепа Деметры, хорошо сохранившаяся до последних лет, сильно пострадала в период Великой Отечественной войны. Во время фашистской оккупации там помещались раненые офицеры. Склеп обогревался печью-времянкой, отчего живопись покрылась копотью, а развивавшаяся в склепе влажность способствовала разрушению штукатурки и шелушению красочного слоя. Голова Деметры сохранилась довольно хорошо, но почти утрачены ветви с птицами и лепестки, разбросанные по своду. Сильно пострадала группа Плутона и Коры. Утрачена ее средняя часть. Фигура Гермеса на северной стене почти полностью утрачена. Осенью 1945 г. приступили к расчистке живописи от копоти, ее укреплению и реставрации. Работа была произведена ученым реставратором Е. А. Домбровской. С 1950 г. установлен новый режим хранения склепа: он герметически закрыт, сделаны двери между дромосом и склепом с целью свести к минимуму циркуляцию воздуха. Полностью прекращен доступ посетителей в склеп во избежание заноса микроорганизмов, которые могут способствовать разрушению живописи. В результате этих мероприятий удалось приостановить наблюдавшееся в послевоенные годы прогрессивное разрушение живописи. — *Ред.*].

[2] АДЖ, стр. 199—226.

шадей, несущихся вправо, стоит бородатый бог в синем плаще; он держит правой рукой девочку, стоящую также на колеснице. Над конями изображен парящий в воздухе нагой Гермес или Эрот с вожжами в левой руке и с кнутом в правой. По обе стороны колесницы, без всякой связи со сценой похищения, прямо на карнизе сидит по птичке. Весь фон, т. е. все поле люнетки, покрыто разбросанными длинными зелеными листиками и розовыми сердцевидными лепестками. Над головой бога надпись Πλούτων.

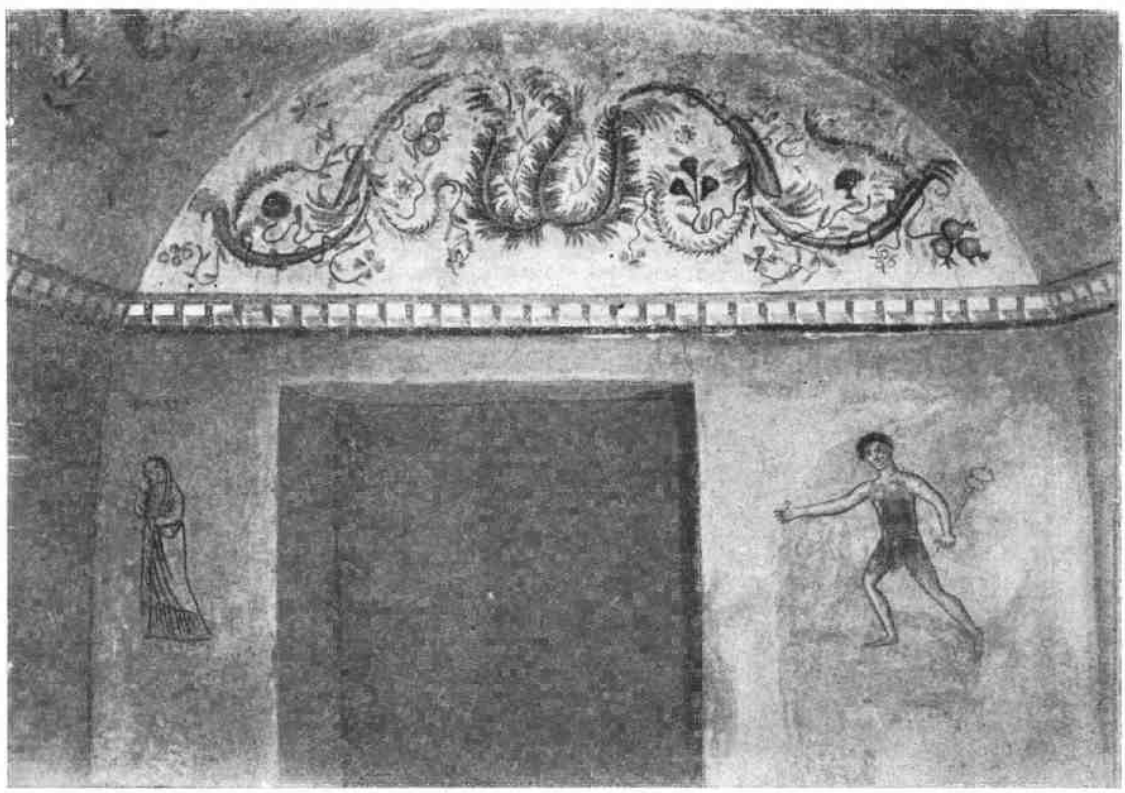

Рис. 12. Склеп Деметры. Роспись стены у входа.

В центре плафона круглый медальон, окруженный венком (рис. 14). Внутри медальона на серовато-зеленом фоне написан женский бюст. Строгое лицо с большими широко открытыми глазами, обрамленное черными волосами, изображено в легком повороте в три четверти. На шее ожерелье с подвесками. Длинные локоны спускаются на плечи. На плечах и груди синий хитон. По обе стороны головы греческими буквами белой краской написано Δημητηρ — «Деметра». Лицо Деметры написано с гораздо бóльшим умением и мастерством, чем вся остальная роспись склепа. Все поле свода вокруг медальона усеяно разбросанными зелеными листиками и розовыми лепестками.

На коротких сторонах свода, над и под медальоном, изображено по пучку цветов мака, перевязанных лентами. Посредине длинных сторон свода написано по букету из трех гранатовых стеблей с плодами и листиками, также перевязанных лентами. Ближе к углам на длинных же сторонах свода написано по две ветки лавра, густо усеянных зелеными листиками и красными ягодками. На каждой из четырех веток сидит по птичке.

В области чисто орнаментальной стенной живописи мастер склепа Деметры несомненно стоит на большой высоте: у него есть и навык, и умение свободно компановать цветочные декоративные гирлянды. В Причерноморье был, очевидно, целый репертуар образцов цветочных мотивов, гирлянд, цветов, плодов, веток, листьев, и, надо думать, для применения таких мотивов открыва-

лись широкие возможности. Птички несомненно входили в привычный репертуар боспорских живописцев. Окраска оперения птиц совершенно не соответствует действительности, но она удачно в декоративном отношении сочетается с цветочными мотивами.

Необходимо отметить также, что головы в росписи склепа Деметры написаны с бо́льшим умением и навыком, чем фигуры; голова Деметры — один из самых выдающихся памятников боспорской живописи. Она обнаруживает умение мастера владеть формой и отличается большой выразительностью. Также и голова Плутона, которая несравнима с трактовкой тела, плаща и правой руки той же фигуры. Возможно, это несоответствие объясняется тем, что на Боспоре было в ходу писание портретов. Мотивы орнаментации — растения, цветы, плоды и птицы — роднят роспись склепа Деметры с восточноэллинистическими росписями Сирии и Египта II и I вв. до н. э. Вещи, найденные в склепе, датируют его очень определенно началом I в. н. э.

Рис. 13. Роспись южного люнета склепа Деметры. Сцена похищения Коры.

В том же цветочном стиле расписан склеп, открытый на северном склоне горы Митридат в 1873 г.[1] По своему местонахождению и устройству он близок к склепу Анфестерия и склепу 1891 г. Состоит он из

Рис. 14. Склеп Деметры. Центральная роспись плафона, голова Деметры.

двух камер, расположенных одна за другой; перед каждой из них дромос. Камеры высечены в глинистом грунте, входом служит глубокий колодец. Гробницы этого типа известны в Керчи под условным названием катакомб.

В первой комнате свод сильно повышается по направлению к задней стене. На задней стене ввиду этого образуется большая люнетка, на боковых стенах треугольные люнетки и узкие люнетки на стене входа. Роспись сосредоточена на люнетках и плафоне. Реминисценции структурной разделки стены ограничиваются написанным краской сухарным карнизом, отделяющим люнетки от стены. Цоколь не обозначен совсем. Люнетки и плафон сплошь покрыты розовыми лепестками сердцевидной формы, иногда целыми бутонами и зелеными листьями, часто соединенными попарно на одном стебельке. Лепестки и листья не разбросаны, как в в склепе Деметры, а поставлены вертикально в люнетках, на плафоне — нижней частью по направлению к стене входа.

[1] АДЖ, стр. 227—243.

И на плафоне, и в люнетках изображены бои двух всадников — боспорца с сарматом (рис. 15). Интересно то, что лошади переданы только контурами. Правый всадник — победитель — сидит верхом на коне, который мчится во весь опор. Голова всадника в коническом шлеме изображена в профиль. Он одет в длинный камзол с длинными рукавами, в облегающие штаны и высокие сапоги. Поверх казакина надет длинный панцырь с короткими рукавами. Обеими руками он держит очень длинное копье. Голова побежденного всадника, изображенная в фас склонившейся горизонтально к правому плечу, была вырезана из стены проникшими в склеп грабителями и продана Историческому музею в Москве, где и находится в настоящее время. Между ногами коней лежат тела двух убитых. В левой половине люнетки картина очень попорчена. Изображено большое дерево, ветки которого расходятся веерообразно. На конце каждой ветки схематично изображена листва и плоды. Под деревом две мужские фигуры, очень плохо сохранившиеся. Содержание этой сцены неясно.

На люнетке правой стены, вероятно, был изображен миф о возвращении Коры. На этой стене две большие выбоины, и бóльшая часть фигур утрачена. Толкование содержания картины поэтому сильно затруднено. Сохранились частично две женские фигуры, повидимому, стоящие на колеснице, запряженной драконами; далее часть бегущей женской фигуры с факелами в поднятых руках, повидимому Геката. Изображены еще две парящие в воздухе женские фигуры в широких одеждах.

На люнетке левой стены декоративная картина: в центре две птички сидят на краю чаши и пьют, за чашей розовый куст из трех веток с бутонами, по обе стороны по павлину и над ними по гирлянде-мешку

В западной части плафона изображены парящими в воздухе две женские фигуры (рис. 16); тело их передано в фас, головы в профиль. Одежды их раздувает ветер. В середине плафона изображена в фас летящая женская фигура с большими крыльями и распростертыми руками. Между парящими женскими фигурами на плафоне изображены птицы и гирлянды, расположенные без какой бы то ни было системы.

Во второй камере склепа ясно выделен высокий жёлтый цоколь, обрамленный вверху черной полосой, карниз же никак не намечен. Все поля стен и плафона усеяны

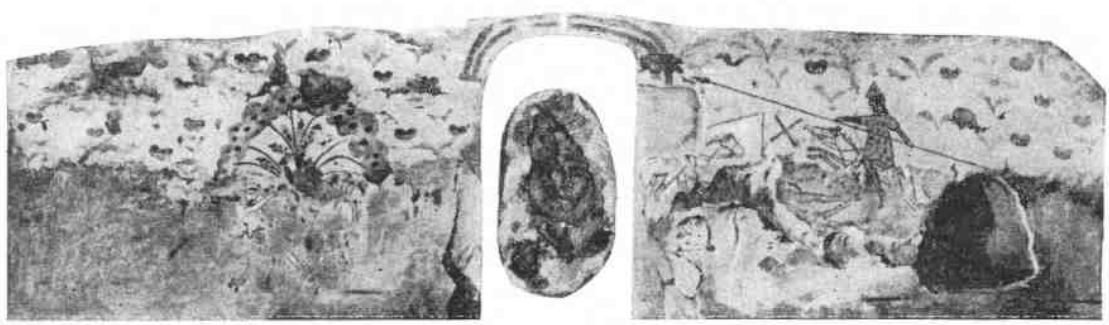

Рис. 15. Склеп 1873 г. Роспись первой камеры, сцены боя.

розовыми лепестками и зелеными листьями. В середине плафона медальон. Внутри медальона голова Медузы в фас (рис. 17).

Роспись двойного склепа представляет большой интерес как памятник культурной жизни Боспора. Эта роспись свидетельствует о том, каким большим распространением пользовались на Боспоре миф и культ Деметры и Коры. Показательно и то, что мастер, расписавший этот склеп, решился на многофигурную мифологическую композицию. Еще более интересна сцена боя двух всадников, впервые появляющаяся на стене этого склепа и трактованная очень живо. Но роспись этого склепа грубее и схематичнее росписи склепа Деметры. Особенно поражает резкость и схематичность очертаний женских фигур в сцене возвращения Коры. Профиль лиц угловатый и резкий, контуры и линии складок одежды проведены резкими черными линиями. Движения переданы наивно, но выразительно. Те же черты в картине конного боя, в которой также движе-

ние передано очень живо. Птицы восточной боковой люнетки и фигура свиньи в люнетке входной стены первой комнаты написаны с большим умением. Роспись двойного склепа датируется концом I или II в. н. э.

Характерные черты росписи двойного склепа частью проявляются и в склепе Сорака, открытом в том же районе Керчи (в 1890 г.).[1] Необычное построение этого склепа диктовалось особенностями участка, в котором он был построен. Пол погребальной камеры представляет собой неправильный длинный прямоугольник, расположенный перпендикулярно к входному коридору. Стены склепа высечены в материковой глине, местами выложены камнем и оштукатурены. Два больших четырехугольных столба из тесаных плит подпирают свод. Восточный столб соединен с северной стеной склепа стенкой, сложенной из тех же плит тесаного камня. В этой стенке сделано небольшое окошко на уровне человеческого роста. У восточной и западной стен — лежанки. В восточной части склепа образована таким образом глубокая ниша, пол которой поднят ввиду того, что столб и стенка вплотную подходят к лежанке. На ней покоился, очевидно, саркофаг с телом Сорака. Роспись наиболее обильно покрывает оба столба и обе стороны стены с окошком. Остальные стены и свод расписаны беднее, при этом роспись в этой части не везде сделана по штукатурке, а местами прямо по глине, и поэтому краска осыпалась. Основной фон росписи бледножелтый. Высокий цоколь выделен и на стенах, и на столбах красно-коричневой полосой. Выше цоколя вся поверхность столбов, стен и свода сплошь усеяна ветками с листьями, бутонами и лепестками розы. Ветки на стенах этого склепа крупнее, чем стебельки с листьями в двойном склепе, и разбросаны по разным направлениям; только местами, где нет фигурных изображений, ветки брошены на стену в одном направлении. Листья написаны гораздо схематичнее, чем в склепе Деметры и в двойном склепе 1873 г. Роспись склепа в целом носит ясно выраженный декоративный характер. Только на столбах и на обеих сторонах стены с окошком имеются фигурные изображения. Вход с внутренней стороны был обрамлен гирляндами, плохо сохранившимися. Входивший в склеп видел направо впереди западный столб, все четыре стороны которого были расписаны. На северной стороне столба среди веток и лепестков розы написан красно-коричневыми контурами нагой пляшущий пигмей, жонглирующий палками с шариками на

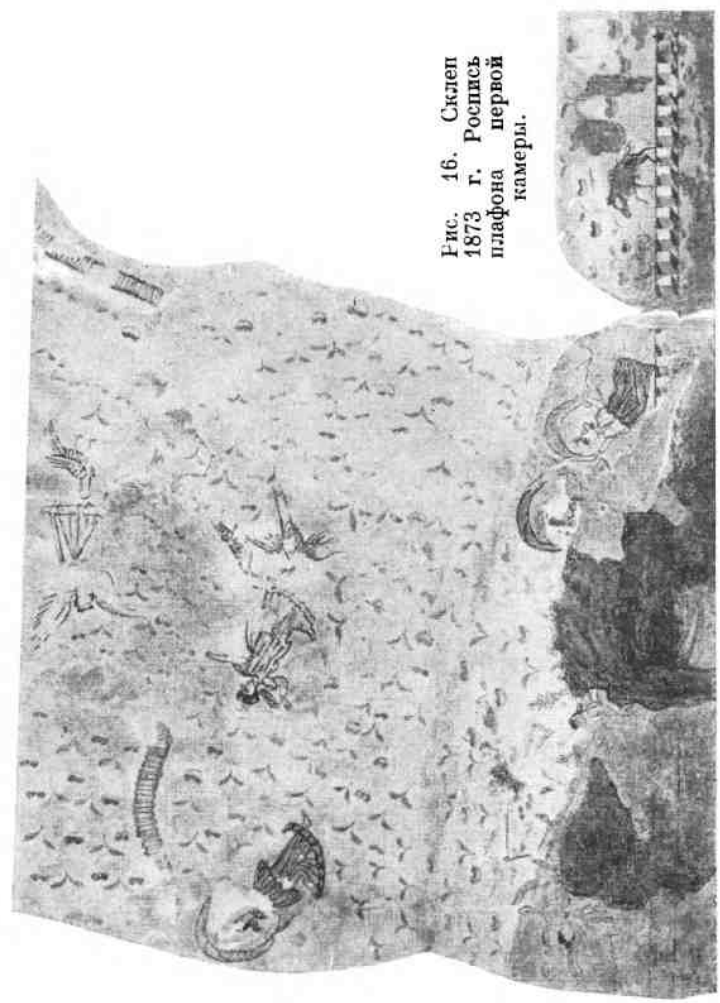

Рис. 16. Склеп 1873 г. Роспись плафона первой камеры.

[1] АДЖ, стр. 244—252.

концах. Линия контура тела и конечностей жива, гибка, пластична. Образ пляшущего пигмея служил апотропеем: шумная экстатическая пляска пигмея должна была отогнать злых духов из гробницы. На восточной стороне того же столба, в верхней его части, изображена подвешенная доска с эпитафией покойного Сорака. Эпитафия гласит: «С добрым счастьем Сорак сын Сорака, взыскатель штрафов, соорудивший эту гробницу, от основания новую, и не выбросивший ничьей чужой кости. Никто да не оскорбит меня, здесь обитающего и да не потревожит (моих) костей; если же бы кто-либо оскорбил меня или потревожил (мои) кости и выбросил их вон, то да не получит он плода ни от земли, ни от моря, и по смерти да не войдет в Аид». Над доской и эпитафией помещена гирлянда. Под доской изображены два нагих, крылатых, парящих Эрота или гения, правыми руками держащие гирлянду. Лица их изображены в фас и обрамлены каштановыми кудрями, на руках и ногах браслеты. Вся нижняя половина восточной стороны столба покрыта листьями и лепестками розы. Западная и южная стороны этого столба расписаны чисто орнаментально, ветками стилизованного кипариса — растения, связанного с культом мертвых, бутонами и ветками розы.

Рис. 17. Склеп 1873 г. Роспись плафона второй камеры, голова Медузы.

На стене с окном, примыкающим к восточному столбу, в декоративную роспись введены фигурные элементы. Направо среди веток и лепестков розы изображена статуя Гермеса на пьедестале. Над статуей изображены геральдически две птицы, держащие гирлянду.

На южной узкой стороне стены или столба роспись чисто декоративного характера: две большие ветки розы, четыре гирлянды и ветка розы в форме букета с тремя большими бутонами.

На восточной стороне стены, стороне, обращенной к лежанке, на которой стоял саркофаг с телом Сорака, написана столь обычная в склепах сцена загробной трапезы (рис. 18). На маленьком ложе с высокими точеными ножками возлежит бородатый мужчина с лирой в руках, покрытый желтым покрывалом, складки которого схематично переданы черными линиями. Перед ложем низкий деревянный стол, тоже на точеных ножках. Рядом, в кресле с высокой спинкой, украшенной фронтоном и акротериями, сидит женщина, одетая в хитон и плащ. Налево от возлежащего, в некотором отдалении, стоит круглый стол на трех витых ножках. На нем стеклянные стаканы и кувшины. Рядом крупная фигура виночерпия со стаканом и сосудом в руках. В правой части этой стороны стены, под самым сводом, написана большая безобразная, только частично сохранившаяся маска сатира или пигмея. Она, конечно, тоже служила апотропеем.

Южная и западная стены склепа расписаны гораздо беднее. Фигурных изображений здесь нет. Стены усеяны ветками, бутонами и лепестками розы, ориентированными в разные стороны. На южной стене помещены две гирлянды и пестрая птичка.

Роспись склепа Сорака является дальнейшим развитием цветочного стиля. Исполнявший ее мастер имел в виду общий декоративный эффект всего склепа. Нет ни выдержанной компановки отдельных элементов росписи, ни той отделки орнаментальных частей, которая имеется налицо в склепе Де-

метры. Расписан склеп Сорака в конце II в., возможно в первой половине III в. н. э.

Найден в Керчи и каменный саркофаг, который был внутри расписан, как погребальная камера. Саркофаг сделан из глыбы известняка. С внешней стороны он представляет собой грубо отесанный прямоугольной формы ящик с крышкой. Внутри стенки саркофага покрыты тонким слоем штукатурки и расписаны по образцу погребальных камер. Внутренняя сторона крышки, которая должна была означать потолок, также расписана. На крышке роспись сделана непосредственно по камню.[1] Длина саркофага 2.15 м, ширина 0.92 м, высота 0.81 м.

Рис. 18. Роспись склепа Сорака. Сцена загробной трапезы.

Живопись местами осыпалась, но в общем сохранилась неплохо. По всем четырем стенам идет цоколь красного цвета. Фон росписи розоватый, он усеян разбросанными крупными лепестками и листьями розы. На обеих длинных стенках написаны по четыре каннелированные колонны с профилированными базами и коринфскими капителями. Колонны делят каждую стенку на три интерколумния. Вместе с полями узких стенок получается, таким образом, 8 полей, из которых 7 заняты фигурной росписью; одно поле узкой стенки расписано орнаментально. На длинных стенках в интерколумниях представлены следующие фигурные изображения.

1. Юноша, одетый в боспорский костюм, т. е. длинные штаны, хитон с рукавами и плащ, стоит, опираясь на низкую колонку, склонив голову на левую руку (рис. 19). Справа — горит со стрелами, слева от юноши стоит лошадь, изображенная вдвое меньше человеческой фигуры.

2. Живописец-портретист, одетый в боспорский костюм, сидит на стуле в своей мастерской, держа в правой руке каутерион (инструмент, применяемый при энкаустическом способе живописи), который он греет на огне (рис. 20). Огонь тлеет в жаровне, стоящей на полу. Вправо на колонке-подставке двустворчатый ящик с красками, расположенными в виде шахматной доски. Далее вправо мольберт с подрамником. На стенах висят уже готовые портреты — бюсты в плащах. Все поле усеяно крупными лепестками розы. Это изображение мастерской станкового живописца-энкауста очень ценно, как источник для истории техники античной живописи.

3. Сцена загробной трапезы. На ложе, крытом полосатым одеялом, возлежит бородатый мужчина в рукавном хитоне и плаще. Перед ним круглый стол на витых ножках. У изголовья стоит виночерпий Слева на точеном стуле с подушкой сидит женщина в хитоне и плаще. Рядом служанка с круглой пиксидой.

[1] АДЖ, стр. 376—389.

На другой длинной стенке изображены следующие картины.

4. Два всадника, обращенные друг к другу, одетые в боспорские костюмы. Голова одного из всадников и вся нижняя часть картины сильно попорчены сыростью.

5. Группа из трех музыкантов (рис. 21). Посредине сидит на кресле со спинкой юноша, держащий на коленях ручной орган. По обе стороны стоит по флейтисту; каждый из них играет на двойной флейте. Нижняя часть картины сохранилась очень плохо.

6. Женщина с ребенком на коленях, сидящая в кресле. Справа круглый стол, к которому служанка несет поднос. Позади сидящей женщины другая служанка.

На узкой стене саркофага, той, у которой находилось изголовье покойника, изображена подвешенная за оба конца на лентах кольчатая гирлянда, типа гирлянды-мешка. Из гирлянды вырастает большой декоративный цветок с красными лепестками. На другой узкой стенке, у которой лежали ноги покойника, в левой части написан круглый стол на трех ножках в виде львиных лап. Направо два карикатурных пигмея танцуют сакральный танец, жонглируя парой палочек в каждой руке (рис. 22).

В крышке саркофага выдолблено с внутренней стороны подобие коробового свода, поверхность его расписана: разбросаны по разным направлениям ветки с листьями и гранатовыми яблоками, отдельные листья и красные лепестки. На ветке сидит большая птица.

Роспись саркофага передает в миниатюре роспись погребальной камеры, расчлененной колоннами, и выдержана в цветочном стиле. Расчленение поля росписи колоннами встречается в склепах Керчи II в. н. э. В Средиземноморье такое расчленение колоннами существует в росписи домов и склепов с V в. до н. э., но особенно характерно для I в. н. э. Датируется живопись саркофага концом I в. н. э.

Рис. 19. Роспись каменного саркофага из Керчи. Юноша.

Исключительно интересна картина мастерской портретиста-энкауста, ярко свидетельствующая о существовании такой портретной энкаустической живописи на Боспоре.[1]

[1] Энкаустика была в античности самым универсальным способом живописи. Она применялась и в станковой живописи, и в стенной, и в миниатюре на слоновой кости, и при окраске кораблей, как торговых, так и военных. Энкаустика — техника писания картин горячими, растопленными до жид-

Живопись цветочного стиля в Пантикапее достигала большого декоративного эффекта. Фигурные композиции интересовали художников главным образом своей тематикой, частично почерпнутой из живой действительности. В этом направлении боспорские художники проявили большую самостоятельность, частично отрешившись от греческих образцов и создав особый стиль, еще очень наивный по своим художественным приемам, но вполне самобытный и реалистичный в подробностях. В тех композициях, которые местные мастера заимствовали из греческого искусства, они, видимо, пользовались готовыми трафаретами, видоизменяя их на свой лад и приспособляя их к общему декоративному замыслу. Роспись склепа Сорака интересна большим пластическим мастерством в изображении человеческой фигуры по сравнению со склепом 1891 г. и двойным склепом 1873 г. Правда, и тут замечается неправильность пропорций и далекие от действительности краски. Но наряду с этим передается, хотя и очень суммарно, мускулатура торса: например linea alba на изображении статуи Гермеса склепа Сорака, грудных мускулов на телах Эротов и Гермеса. Есть и стремления к моделировке тела — при помощи штриховки нагих фигур. Тело пигмея в том же склепе гибко и живо, линии рук пластичны.

Рис. 20. Роспись каменного саркофага из Керчи. Мастерская живописца.

Наряду с цветочным стилем стенной росписи существовали и другие. Структурный

кого состояния восковыми красками. При энкаустическом способе живописи высохшие и затвердевшие краски достигают большой красочной интенсивности и сохраняются в течение столетий. Крупнейшие греческие живописцы — Аполлодор, Павсий, Паррасий — создавали монументальные энкаустические стенные картины. Писали энкаустические картины кистью. Каутерион был вспомогательным инструментом, которым разглаживались нанесенные мазки краски. Одним из больших преимуществ энкаустики было то, что она давала возможность применять все цвета краски, включая тончайшие нюансы, и очень драгоценные красящие вещества, добытые из растений и раковин, а не только устойчивые в отношении извести краски, как это имеет место во фреске. При энкаустике достигается такая интенсивность и такое горение краски, как ни в каком другом роде живописи. Сохранились только энкаустические станковые портреты, написанные на деревянных досках в Египте в эллинистическо-римскую эпоху. Это так называемые фаюмские портреты (найденные в Фаюме), их клали с покойником в саркофаг. Стенная энкаустическая живопись греков, пользовавшаяся таким громадным успехом и в греческом и в римском мире, не дошла до нас. Энкаустика была дороже фрески, но достигала бо́льших красочных эффектов.

стиль не мог внезапно отмереть с появлением цветочного стиля. Оплодотворенный новыми мотивами, он продолжал жить и на Боспоре. Новые мотивы и детали видоизменили его облик, свели его роль к немногим структурным делениям стены. В центрах восточного Средиземноморья в эпоху эллинизма на чисто структурную основу наслаивался инкрустационный стиль.[1] Уже древние писатели Витрувий и Плиний подвся, либо ее отдельные части, покрываются различными по форме пластинами цветных камней не для того, чтобы подчеркнуть структурные части стены, как это делалось в III и II вв. до н. э. в чисто структурной системе украшения стен, а для того, чтобы создать богатую полихромию. Marmoribus pingere или lapide pingere — говорит Плиний, т. е. «живописать мраморами» и «живописать камнем». Пластины мрамора од-

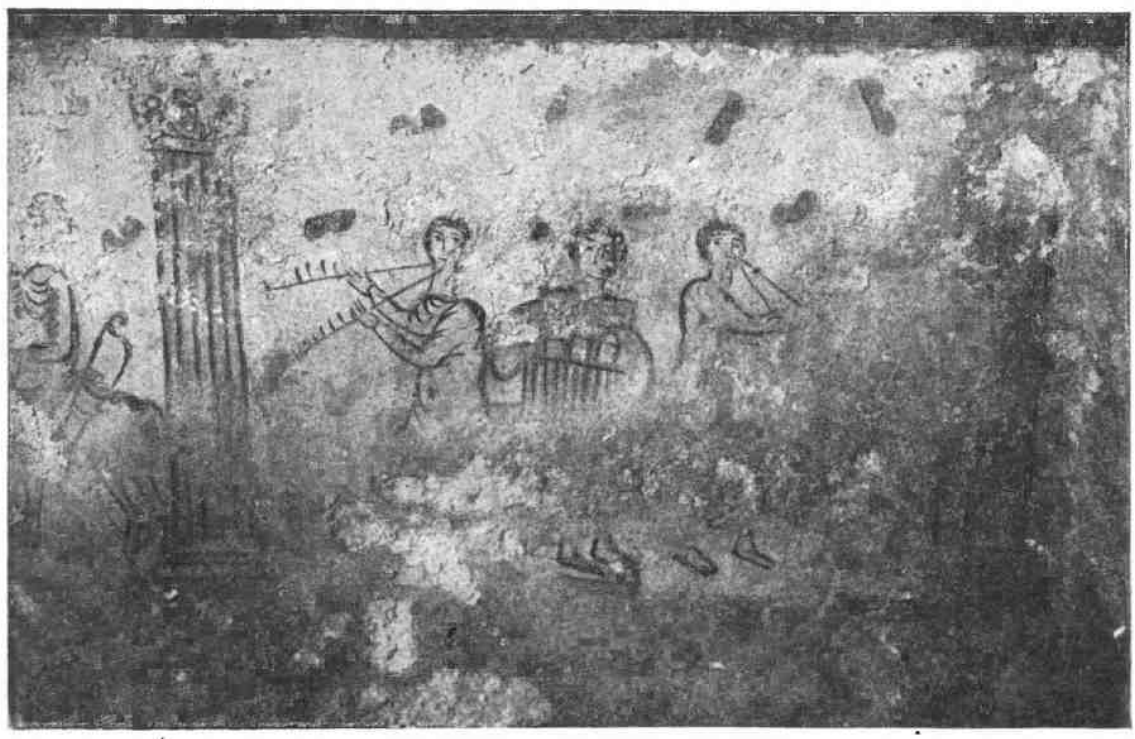

Рис. 21. Роспись каменного саркофага из Керчи. Группа из трех музыкантов.

черкивают его происхождение из Малой Азии и рассматривают дворец Мавзола в Карии как первый пример применения этого стиля в греческом мире.[2] Но он много старше. Древняя Месопотамия и Иран — его настоящая родина. Персия со своими дворцами и храмами из сырца, выложенными различными цветными камнями, дает яркие примеры этого приема декоровки стен. Принцип инкрустационного стиля следующий: основой остается чисто структурное деление стены на три части — высокий цоколь, средняя часть, верхняя часть. Эта канва, либо ного цвета и одной геометрической формы инкрустированы или вложены в камень другого цвета и другой геометрической формы. Таким образом создаются сложные фигуры, орнаменты и целые композиции. Кроме цветных камней, в орнаментации стен применялись и металл и цветное стекло. Этот дорогой способ орнаментации стен заменялся и имитировался росписью.

Применялась ли в Причерноморье орнаментация стен ценными камнями, твердо не установлено. Возможно, что она применялась, по крайней мере частично. Инкрустационный стиль стенной росписи в своем чистом виде проявился здесь в склепе, откры-

[1] Altertümer von Pergamon, Bd. I, 2, стр. 287 и сл.
[2] Витрувий, II, 8, 10.

том в 1900 г.[1] в Керчи. Над склепом был курган, к сожалению, не доследованный и разрушенный в XIX в. Склеп состоит из преддверия, или короткого дромоса без ступенек, и из трех камер, следующих одна за другой по одной линии. Первая камера, в которую вела дверь из дромоса, небольших размеров, вторая большая, центральная и несомненно главная камера склепа, наиболее богато расписанная, с саркофагом у западной стены. Наконец, третья небольшая камера с таким же саркофагом у восточной стены.

Из первой комнаты в центральную вела дверь, обрамленная антами со стороны первой комнаты. Базы ант сохранились. Вверху дверь кончалась полуциркульной аркой. Весь склеп выложен большими плитами местного известняка, уложенными на извести. Свод из массивных плит того же камня, полуцилиндрический, поднимался непосредственно над каменным выступающим карнизом. Часть его сохранилась в центральном помещении. Все стены склепа и свод были крыты толстым слоем штукатурки и расписаны фреской.

В первой комнате роспись наиболее проста. Даны три основных структурных деления: красный цоколь, средняя часть стены — ряд вертикально поставленных прямоугольников, без всякой имитации кладки, и верхняя часть в виде гладкой полосы.

В центральной камере, наиболее богато расписанной, на боковых стенах представлен инкрустационный стиль в своем самом чистом виде. Но на входной стене, сохранившейся хуже других, была фигурная роспись. На восточном простенке входной стены сохранились красный цоколь, черная полоска, а над ней, т. е. в средней части стены, написанные красными контурами передние ноги, передняя часть корпуса и голова лошади, обращенной вправо. Справа от ног лошади ясно видны ноги мужчины в зеленых штанах и желтых сапогах. Очевидно, мужчина держал лошадь за уздцы. От стены сохранилась незначительная часть, так что восстановить всю фигурную сцену невозможно.

Рис. 22. Роспись каменного саркофага из Керчи. Танец пигмеев.

[1] АДЖ, стр. 260 и сл.

Гораздо лучше сохранились боковые, восточная и западная стены (рис. 23). Внизу высокий темнокрасный цоколь, над ним узкая черная полоска. Средняя часть стены разбита на восемь прямоугольных отделений. Границей между этими отделениями служат тирсы, перевязанные посредине узкой лентой. В пределах каждого отделения изображена как бы вставленная в стену мраморная доска одного цвета, окантованная рамкой камня другого цвета; в доску инкрустирован ромб или круг третьего цвета, окантованный рамкой четвертого с зубцами пятого цвета.

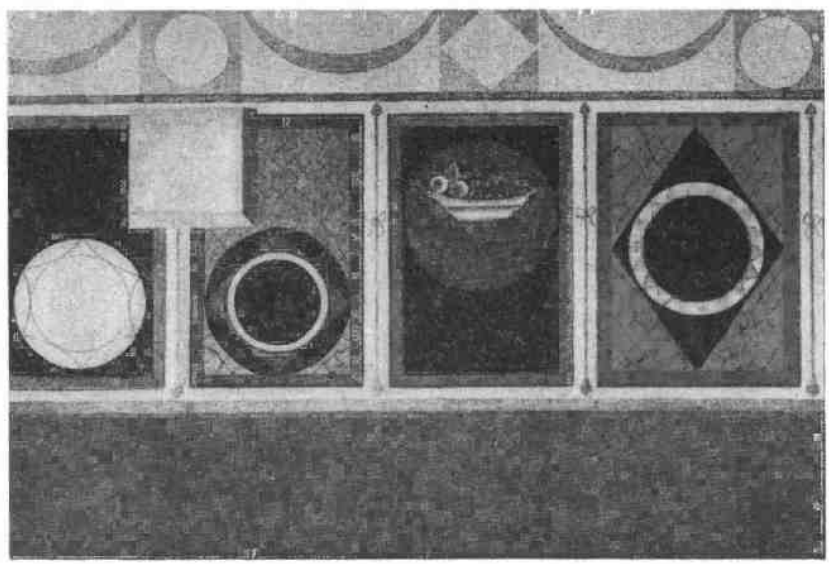

Рис. 23. Роспись стен склепа 1900 г.

Итак, принцип ясен: ряд геометрических фигур, вписанных одна в другую, заполняют каждое отделение. Исключение составляет седьмое отделение западной стены. В нем следующая композиция: красная прямоугольная доска, зеленая рамка, в верхнюю часть красного поля вставлен красный круг в белой рамке. В верхней части круга изображена инкрустированная плетеная светлая плоская корзинка с черными смоквами, черным виноградом, двумя яблоками и грушей. Все остальные 15 отделений средней части обеих стен, и восточной и западной, заполнены чисто геометрическими композициями. В чередовании этих композиций нет какой-либо симметрии и правильной последовательности. Эту широкую центральную часть стены венчает узкая черная полоска. Над полоской идет неширокий фриз, разбитый на чередующиеся розовые квадраты и белые лежачие длинные прямоугольники. В каждом прямоугольнике помещена схематичная гирлянда. В каждый розовый квадрат вписан попеременно то белый ромб, то белый круг. Над этим фризом расположен неоштукатуренный каменный карниз, над которым следует свод камеры.

Роспись задней стены центральной камеры очень плохо сохранилась, но она несомненно была расписана в той же схеме, что и боковые стены камеры. На северной и южной стенах были, конечно, люнетки. Неизвестно, были ли они расписаны. Свод был несомненно расписан. Сохранились два каменных фрагмента с остатками расписной штукатурки, которые ясно показывают, что плафон был разбит живописно на квадратные кассетки. В пределах кассеток были геометрические композиции: на одном фрагменте в кассетку вставлен бледножелтый ромб и в поле ромба сидит птичка с зелеными крыльями и хвостом, красной грудкой и головкой.

Роспись третьей комнаты очень пострадала. На восточной стене она сохранилась несколько лучше, чем на других стенах. Внизу находился высокий темнокрасный цоколь, над ним узкая черная полоска. Затем

следовала средняя часть стены. Она, повидимому, была разбита на высокие прямоугольные отделения в цветных рамках. Вправо от ниши написан богатый пурпуровый занавес с бахромой. По обе его стороны изображены колонки или полуколонки на профилированных базах. Склеп датируется первой половиной II в. н. э.

В том же инкрустационном стиле расписан ряд склепов Пантикапея. В одном из таких склепов, открытом в 1902 г., на плите, которой был завален вход в камеры (рис. 24), была написана громадная голова Медузы в фас, служившая апотропеем. Над высоким лбом вьющиеся волосы. Широко открытые глаза обведены темной красно-коричневой полосой, нос правильный, прямой, рот маленький. Под полным подбородком вьются две змеи. Письмо смелое и энергичное. Несмотря на слишком низко посаженный левый глаз, голова очень выразительна. Этот фрагмент росписи склепа — один из лучших примеров местной росписи Боспора вообще. Он датирован первой половиной II в. н. э.

В том же склепе найден и саркофаг, на одной из стенок которого написан куст виноградных лоз с гроздьями и листьями винограда (рис. 25). Лозы исходят из центра нижнего края саркофага и заполняют все поле. Как и плита с головой Медузы, это один из лучших образцов живописи в Причерноморье.[1]

Итак, цветочный и инкрустационный стили несомненно сосуществовали во II в. н. э., а может быть и в I в. н. э. на Боспоре. Начиная со II в. н. э. большим распространением там пользовалась комбинация цветочного и инкрустационного стилей. Нижняя часть стены расписывалась в тяжелом инкрустационном стиле, причем в него вводились и архитектурные элементы. В верхней части стены, в нишах и люнетках применялся цветочный стиль и фигурные сцены. Плафон мог быть поделен на части, которые были строго разграничены рамками. Одни части плафона были расписаны в цветочном стиле, другие в инкрустационном. Наиболее полно и интересно это явление отражено в так называемом Стасовском склепе. Сохранность этого склепа в общем хорошая.[1]

Строение склепа очень обычное в Пантикапее и напоминает склеп Анфестерия и первую камеру двойного склепа. Камера в основании является неправильным прямоугольником, задняя стена ее была длинней

Рис. 24. Склеп 1902 г. Голова Медузы.

и гораздо выше входной стены. На всех стенах имеются люнетки, а также ниши; в задней стене ниша большая, типа ниши-лежанки. Свод полуцилиндрический. Расписаны все стены, люнетки, потолок и задняя ниша. Высокий цоколь ясно и определенно обозначен на задней, богато расписанной стене. Собственно стену от люнетки отделяет

[1] [Плита с изображением головы Медузы и стенка саркофага с изображением виноградной лозы хранились до Великой Отечественной войны в дромосе Царского кургана в Керчи. В период фашистской оккупации обе плиты были положены на земляной пол дромоса расписанной стороной вниз. В результате этого штукатурка с краской почти полностью осыпалась. Таким образом, оба памятника погибли. — *Ред.*].

[1] Открыт он был в 1872 г. на северной покатости горы Митридат, впервые описан В. В. Стасовым, потом засыпан и потерян и вновь найден в 1899 г. См.: АДЖ, стр. 293—345.

написанный сухарный карниз; на боковых стенах люнетки отделены черной полосой. Все фигурные сюжеты помещены, как обычно в склепах Пантикапея, в люнетках и в задней нише, которая находится в пределах люнетки. Плафон и стены расписаны чисто орнаментально, стены — в инкрустационном стиле.

Центральная часть потолка расписана в цветочном стиле. Фон люнеток и задней ниши усеян также лепестками розы и листьями, соединенными попарно на одном стебельке. И тут царит, следовательно, цветочный стиль. Западная и восточная части плафона и плафон задней ниши расписаны в темнозеленый цвет. На входной северной стене, непосредственно над цоколем, изображены также большие высокие мраморовидные доски разных цветов. Инкрустационная часть росписи камеры сделана гораздо менее тщательно, чем аналогичная роспись склепа 1900 г. Циркуль, линейка и измерения применены далеко не всегда. Очень многое сделано на глаз. Прямоугольники выписаны неправильно, пилястры стоят вкось, и тем не менее эта роспись гораздо сочнее, красочнее, чем роспись склепа 1900 г. Над черной линией, отделяющей собственно стены от люнеток, на северо-восточной и западной стенах и над сухарным карнизом

Рис. 25. Роспись саркофага из склепа 1902 г.

в инкрустационном стиле. Все стены и плафон покрыты одним слоем грубой штукатурки и расписаны, вероятно, фреской.

Над темнокрасным цоколем идет широкая часть стены, расписанная в инкрустационном стиле. Роспись эта не везде одинакова. На задней южной стене она сложнее, чем на других стенах. Центральная часть задней стены непосредственно под нишей-лежанкой, но на протяжении, значительно большем, чем длина ниши, расписана следующим образом: на определенных расстояниях друг от друга — четыре ионических пилястра с капителями, украшенными овами, и с профилированными базами. В трех интерколумниях живописная имитация отделанных под мрамор геометрических фигур, вписанных одна в другую. Все три композиции одинаковы, разница только в расцветке.

Ряд расписанных под мрамор прямоугольников разных цветов на западной и восточной стенах был, повидимому, окрашен на южной задней стене склепа начинается живопись люнеток, которая играет главную роль в росписи склепа. Все люнетки расписаны. В семи люнетках фигурные сцены (в пяти люнетках задней стены и в люнетках боковых стен, западной и восточной). На задней южной стене расписаны все три стенки ниши-лежанки, а также оба простенка между нишей и углами.

Таким образом, в Стасовском склепе представлено сочетание различных стилей.

То же явление мы видели в более раннее время в склепах Алкима, Анфестерия и в склепе 1891 г.: на стенах до карниза изображение рядов квадровой кладки, в люнетках — фигурная живопись. Расписывал Стасовский склеп не один мастер, а, очевидно, несколько мастеров. Дата его — первая половина II в. н. э.

Среди вышеупомянутых семи картин однородную группу составляют средняя и левая боковая картины большой ниши задней

стены, картины западной и восточной стен камеры. На средней стене главной ниши на полосе желтого цоколя изображены по сторонам два дерева с желто-коричневым стволом и ветками (рис. 26); на конце каждой ветки условно изображена шапка листвы — зеленая на одном, бурая на другом. Между деревьями высокая трава. Среди травы изображены наступающие друг на друга кабан и маленький горный медведь. Оба зверя темнокоричневого цвета, с красноватыми отсветами, кабан с длинной щетиной. Звери переданы реалистично, с несомненным знанием повадок этих животных и с большой выразительностью; хорошо схвачено движение. Над кабаном и медведем, т. е., собственно, на втором плане картины, изображен с чисто декоративной целью большой павлин с серо-синей головкой, шеей и брюшком, оранжевыми крыльями и хвостом. Слева от головы павлина написана тоненькая гирлянда. У всех трех животных глаз изображен в фас. Весь фон усеян сердцевидными лепестками розы и листиками, которые попарно соединены на одном стебельке. Листики и лепестки не разбросаны в беспорядке, а поставлены вертикально и ориентированы так же, как и другие объекты на картине.

На левой боковой стене ниши, над желтым цоколем, в высокой степной траве изображен лев, поднявший правую переднюю лапу (рис. 27). Голова у льва приподнята, пасть приоткрыта, большой глаз изображен в фас, длинная шерсть на шее написана условно рядом волнистых линий. Длинный хвост заброшен за правую заднюю ногу. В фигуре льва много экспрессии. Над львом, справа, на втором плане изображен нагой крылатый гений на фоне темнокоричневого плаща. Он изображен быстро идущим. Голова обрамлена темнокоричневыми кудрями, в руках он держит по птичке. Под ступнями его ног почва изображена коричневыми мазками. На фоне, поверх травы, лепестки роз и парные листья.

Рис. 26. Стасовский склеп. Роспись средней стены главной ниши.

В люнетке западной стены, непосредственно над чертой, отделяющей стену от люнетки, изображены три дерева с ветками, расставленными веерообразно, с условно и суммарно написанной листвой (рис. 28). Между стволами деревьев узкими зелеными мазками вкось написана трава. По направлению к среднему дереву бегут слева олень, справа борзая собака. Глаза оленя и собаки изображены в фас. Моделировка тел отсутствует, но движения переданы очень живо. Фон усеян теми же лепестками розы и парными листьями.

На люнетке восточной стены камеры написана высокая трава. В траве стоят по обе стороны маленькой ниши пятнистые пантеры

(рис. 29). Левая пантера подняла левую лапу, правая пантера — правую лапу. Длинные хвосты заброшены у обеих за правую заднюю ногу. Пятна на теле животных переданы темными колечками. У правого угла люнетки изображено дерево, очень плохо сохранившееся. Над пантерами — бегущий крылатый гений, или Эрот, с распростертыми большими крыльями. В его расставленных руках по маленькой гирлянде. На торсе мальчика показаны грудные мускулы

Рис. 27. Стасовский склеп. Роспись левой боковой стены главной ниши.

и linea alba. Весь фон усеян лепестками розы и парными листьями. Узкие люнетки входной стены усеяны только лепестками и парными листьями, фигурных изображений нет.

Наиболее интересной частью росписи Стасовского склепа являются батальные сцены. К этой группе изображений относятся обе картины южной стены в простенках между нишей и углами и картина правой боковой стены ниши. На большом правом простенке южной стены над сухарным фризом изображен конный бой знатного боспорца с его конным же противником, может быть, из сарматского племени аланов (рис. 30). В левой части люнетки на караковой лошади, написанной в профиль, скачет боспорец. На нем высокий решетчатый шлем, казакин, штаны, высокие сапоги, длинный панцырь, надетый поверх казакина, и развевающийся плащ. Он сидит на расшитом узорами седле. Обеими руками он держит длинное копье. Голова и торс обращены к зрителю. Навстречу ему на белой лошади, изображенной в профиль, скачет противник, в котором, повидимому, следует усматривать сармата. Его голова без шлема, с развевающимися прядями волос изображена в профиль. На нем длинная рубашка, штаны, высокие сапоги и плащ. В руках его лук, он готовится пустить стрелу. За поясом кинжал. Голова и фигура написаны схематично, но тем не менее они очень выразительны. Сзади на сармата несется на буланой лошади конный воин боспорец. На нем решетчатый шлем, длинный панцырь с рукавами, в руках длинное копье. В средней части этой картины боя фрагментарно дошедшее изображение павшего конного воина — голова, отделенная от туловища, лошадь с богатым седлом, упавшая на передние ноги, сломанное копье. Слева за знатным конным боспорцем два его пеших оруженосца. Они идут рядом, плечо к плечу. На них решетчатые шлемы.

длинные панцыри поверх казакинов и штаны. Каждый держит по овальному щиту и по длинному копью. Фон усеян лепестками и парными листиками, которые производят впечатление реющих в воздухе. Сцена конного боя полна стремительного движения; она отличается большой выразительностью и драматизмом.

Как бы продолжением картины конного боя является изображение дружины пеших

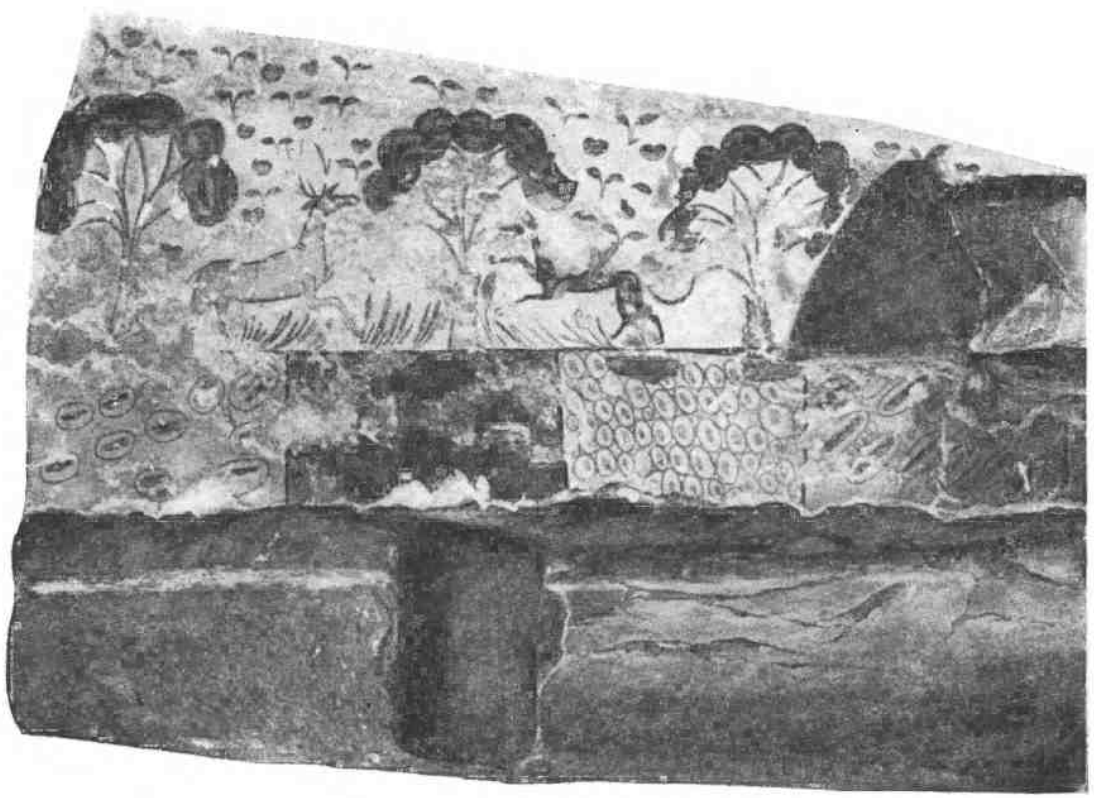

Рис. 28. Стасовский склеп. Роспись люнетки западной стены.

воинов (рис. 31) на правой боковой стене ниши. Под ногами дружинников обозначена линия почвы, вокруг них написана зелеными штрихами высокая степная трава. Их пятеро. Они все изображены идущими. Впереди всех справа стоит знаменосец в тяжелом вооружении. На нем яйцевидный решетчатый шлем и длинный подпоясанный панцырь. Под панцырем виден длинный казакин, штаны, высокие белые кожаные сапоги. Обеими руками он держит древко копья, к которому прикреплено знамя. Так же одет стоящий рядом с ним тяжеловооруженный воин, в его левой руке овальный щит и два копья. Три остальных дружинника вооружены овальными щитами и двумя копьями. На них тоже длинные казакины и штаны. Фигуры и лица правильно построены, переданы объемно. Фон усеян крупными лепестками розы и парными листиками, поставленными вертикально.

Левый простенок южной стены между большой нишей и восточным углом, который значительно короче правого простенка, занят сценой сражения молодого боспорского всадника с пешим противником (рис. 32). Посредине простенка несется влево на гнедом степном коне боспорский всадник. Всадник изображен обращенным прямо к зрителю. Конь несется влево, а правая нога всадника изображена на левой стороне коня, левая нога видна только до колена. Мастер в процессе писания заметил сделанную ошибку, но исправить ее не мог. На голове всадника яйцевидный решетчатый шлем, воин облачен в длинный панцырь с короткими рукавами, надетый на камзол, штаны, плащ покрывает грудь поверх панцыря и

развевается за спиной. Складки плаща показаны черными линиями, по углам плаща кисти. В руках всадник держит длинное копье. В округлом юном лице, в позе и движениях смелость и задор. Слева на него наскакивает бородатый пеший воин, без шлема и без панцыря. На голове войлочная шапка. Глаз изображен очень большим, остальные черты переданы суммарно, рыжая бородка выдается клином вперед. На пешем воине красноватый подпоясанный кафтан, черные штаны и высокие светлые сапоги.

Центральная часть плафона расписана в цветочном стиле. Прямоугольное поле усеяно парными листиками и лепестками розы. На это поле лепестков и листочков брошены четыре гирлянды, две серо-зеленые, две красноватые. На концах их длинные развевающиеся тесемки, и сами гирлянды извиваются, как кольчатые черви. Среди этих гирлянд, лепестков, цветков розы и листочков сидят в разных местах произвольно, в полном беспорядке десять птичек, больших и меньших, разных пород,

Рис. 29. Стасовский склеп. Роспись люнетки восточной стены.

Правой рукой он держит короткий меч или кинжал, левой — обороняется, держа ромбовидный щит. Ноги слегка согнуты в коленях, он весь подается вперед, наскакивая и обороняясь от ударов всадника. Поза его полна напряжения и очень выразительна. Налево от пешего воина изображено дерево с очень условно переданной листвой.

В правой части простенка изображены в профиль две птички, одна вверху, повернута влево, другая внизу, повернута вправо. Никакой связи со сценой сражения они не имеют и введены как чисто декоративный момент, обычный в цветочном стиле Боспора. Сцена схватки очень стремительна. Мастер вложил в нее много жизни, движения, экспрессии. Ошибки, допущенные в изображении боспорского всадника, отступают на второй план — так живо передана вся сцена.

разной расцветки. Нигде в склепах Боспора цветочный стиль Причерноморья не стоит более близко к мозаикам Сирии и Александрии, чем в этой части плафона Стасовского склепа, нигде нет более близких аналогий со стеклянными, вероятно, александрийскими сосудами, расписанными в том же цветочном стиле. Исполнение этой части плафона много тоньше и тщательнее всех частей росписи склепа.

Роспись восточной и западной частей плафона, камеры и плафона большой ниши-лежанки выдержана в инкрустационном стиле. Входящий в склеп едва ли обращал внимание на плафон ниши. Все внимание было несомненно устремлено на роспись люнеток, затем на стены и плафоны самой камеры.

При оценке росписи всей камеры Стасовского склепа в целом, надо признать, что она является замечательным произве-

лением местной стенной живописи. Работало над ней несомненно несколько живописцев, но замысел и распланировка картин принадлежат одному мастеру. Этот мастер был и одаренным живописцем и обладал развитой художественной культурой. Образы боспорских воинов, конных и пеших, тавров и аланов, но особенно боспорцев, охарактеризованных гораздо тщательнее, грамотно написаны, чувствуется известное знание анатомии. Это не плоские раскрашенные контурные изображения, с которыми мы встречались ранее. На фигурах маленьких гениев показаны даже мускулы торса. В пределах одной фигуры выдержаны должные пропорции. В пределах же всей композиции некоторые диспропорции все же наблюдаются (фигура тавра и дерево).

Картины с изображением животных замечательны не только метко схваченными чертами, характерными для этих животных, и хорошей передачей движения, но и каким-то очарованием сказки. В этих образах, вероятно, навеянных искусством Востока, — оттуда и геральдическое изображение пантер и льва с поднятыми лапами — есть и архаические черты: например, глаз неизменно изображен в фас у всех животных этого склепа, хотя все животные представлены в профиль. Но если в этой живописи сочетаются черты примитива с чертами реализма, то мастерам пантикапейцам удалось слить их воедино и создать живые непосредственно воспринимаемые зрителем образы.

Удачно осуществлено в Стасовском склепе и сочетание стилей — инкрустационного и цветочного. Тенденция к сочетанию элементов разных стилей в росписи одного склепа идет с Востока, и начиная со II в. н. э. преобладает и в Сирии, и в северной Африке,

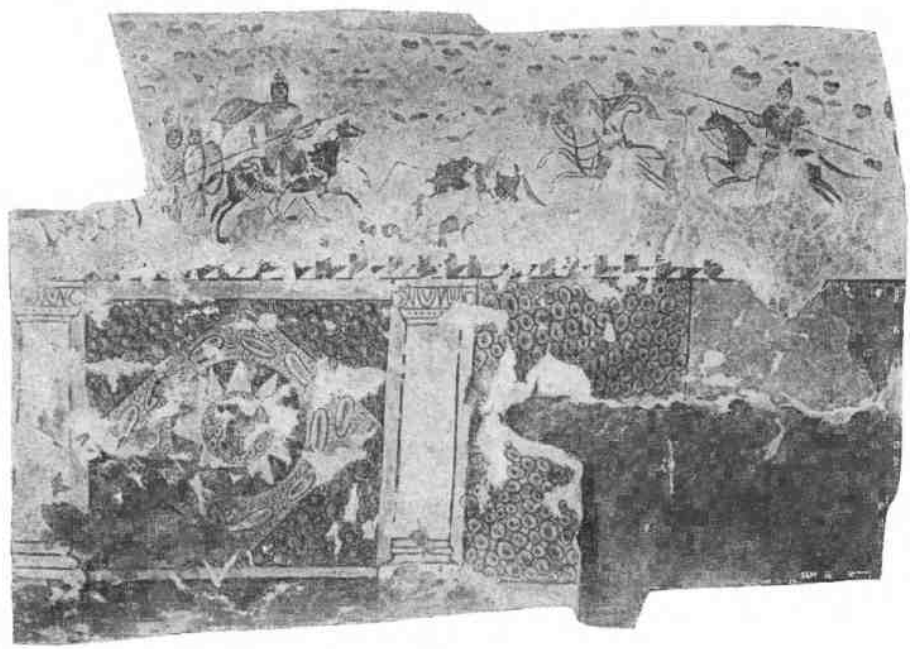

Рис. 30. Стасовский склеп. Сцена боя.

и в тех культурных центрах, которые находятся под влиянием культуры греко-сирийской и греко-египетской. От Пальмиры до Кирены, от Александрии и до Рима распространяется сочетание и взаимное проникновение этих стилей. Начинается это явление несомненно уже во второй половине I в. н. э. Даже в Италии, где преобладают архитектурные стили, например в Помпеях, можно встретить редкие, но определенные случаи сочетания архитектурного, коврового и цветочного стилей на стенах немногих помпеянских домов. В катакомбах Рима, начиная со II в., это очень частое явление.

Для полноты нашего обзора следует еще упомянуть одну группу склепов Пантика-

пея, близких один к другому как по своему архитектурному оформлению, так и по росписи. Роспись здесь нанесена прямо на стену без штукатурки. Она отличается крайне примитивным характером, схематизацией образов и мотивов и упрощением техники (рис. 33). Орнаменты, обычно геометрические, исполнены схематично и обрамляют основные архитектурные элементы склепов.[1] Роспись заполняет также свободную поверхность стены. Часто изображаются побеги виноградной лозы, фигуры животных, птиц и людей. Фигуры передаются только в контурах и крайне схематично: они, так же как и лозы винограда, геометризованы. По всей вероятности, это гробницы жителей, исповедовавших культ Диониса—Сабазия и членов тех фиасов, которые существовали на Боспоре и были посвящены этому богу. Точной датировке эти склепы не поддаются, скорее всего, они относятся к III—IV вв. н. э.

Из всего обзора росписей боспорских домов и склепов ясно и определенно вытекает, что территория Боспорского царства дает довольно последовательную, в смысле смены стилей, серию памятников монументальной живописи начиная с IV в. до н. э.

[1] АДЖ, стр. 401—43.

Эволюция монументальной живописи Боспора представляется в следующем виде: живопись появляется на стенах склепов в первой половине или около середины IV в., развивается в III и во II в. до н. э., в течение этого периода она преимущественно является отражением той живописи, которая господствует в греческих городах Малой Азии, Приены, Пергама, Магнезии и островов Делоса и Феры. Мастера, расписывавшие стены домов и склепов этой эпохи,

Рис. 31. Стасовский склеп. Группа воинов.

были в большинстве случаев греческими мастерами, живущими в Пантикапее: они целиком перенесли структурный стиль живописи восточного Средиземноморья и на стены домов и склепов Боспора.

В послемитридатовское время, в конце I в. до н. э. и I—II вв. н. э., ярко проявляется деятельность местных мастеров, которую мы знаем по росписи склепов с полуцилиндрическим сводом; местные мастера украшали здесь люнетки многофигурными композициями частью жанрового, частью религиозного характера.

В I в. н. э. на стенах склепов Пантикапея появляется цветочный стиль, зародившийся в Египте и широко распространенный в конце эпохи эллинизма в Александрии и во всех культурных центрах Сирии и Малой

Азии. В Пантикапее он имел большое применение и стимулировал богатое развитие чисто живописных декоративных элементов росписи, которая шла далеко впереди росписи фигурной. Весь I век несомненно стоит в Причерноморье под знаком цветочного стиля.

В первой половине II в. н. э., а может быть несколько раньше, оживает в Причерноморье интерес к структурному пониманию росписи стен, обогащенному инкрустационным стилем, возможно, занесенным из Малой Азии. Инкрустационный стиль в его самом чистом виде проявляется в росписи нескольких склепов Пантикапея и сочетается в одном и том же склепе с фигурной росписью, которая теперь, впервые в Причерноморье, появляется на средней части стены. На II в. падают в основном и наибольшие художественные достижения стенной живописи на Боспоре. В это же время широко применяется сочетание в одном склепе цветочного и инкрустационного стилей, в которые вводятся и архитектурные элементы. К этому времени относятся также наиболее интересные росписи сюжетного характера.

В Ольвии и Херсонесе сохранилось крайне мало памятников стенной живописи. Целых гробниц со стенной росписью до нас не дошло. Фрагменты расписной штукатурки из частных домов имеются, но пока в незначительном количестве. О реконструкции росписей ни в Ольвии, ни в Херсонесе не может быть и речи.

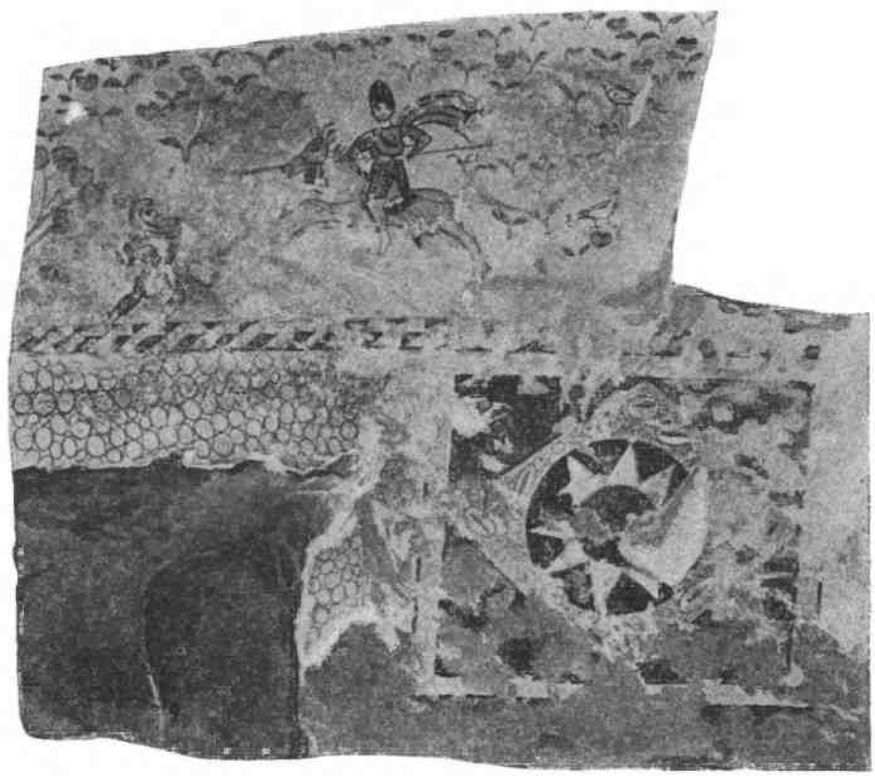

Рис. 32. Стасовский склеп. Сцена боя.

В Ольвии было найдено довольно много расписной штукатурки при расследовании большого кургана римского времени, который покрывал остатки здания более раннего, вероятно, эллинистического времени. Найдены фрагменты штукатурки разных цветов. Окраска их воспроизводит различные сорта цветных камней с разноцветными прожилками. Сохранились и куски рельефных полочек. Расположение и соотношение кусков цветной штукатурки со-

вершенно не ясно, но несомненно одно: найденные куски штукатурки происходят от росписей, имитировавших в живописи облицовку стены из разноцветных ценных каменных пород. Такая имитация облицовки в живописи встречается, как об этом говорилось выше, на островах Делосе и Фере, в городе Приене и в Пантикапее, в доме на горе Митридат.[1]

Восстановлению роспись не поддается, но, повидимому, она принадлежит к прототипам инкрустационного стиля, которые несомненно существовали в домах и резиденциях римских наместников, местных царей и царьков в Малой Азии, северной Африке и Сирии и которые, повидимому, нашли свое распространение и в богатых домах Ольвии. Подобные подлинные остатки облицовки стен ценными камнями крайне редки и в районах восточного и западного Средиземноморья. Тем ценнее их находка в северном Причерноморье.

Рис. 33. Склеп «сабазиастов».

стейшему виду подобной декоровки, относимому к III в. до н. э.

Кроме того, незначительные остатки монохромной росписи найдены в склепе II в. н. э., раскопанном в 1902 г.[2] Остатки росписи, исполненной кистью, сохранились на стене, отделяющей сени от усыпальницы и по обе стороны большой плиты, находящейся над аркой двери. Сделана она, повидимому, не художником-профессионалом, а кем-то из родственников покойника. Слева изображена змея, справа — итифаллическая фигура.

В 1938—1940 гг. при раскопках Нижнего города Ольвии найдены в квартале частных домов римского времени пластины цветного мрамора разных форм — прямоугольные, овальные, круглые, квадратные, ромбовидные, которыми были, повидимому, обложены стены в их средних или нижних частях. Куски мрамора разных цветов, преобладают все оттенки серого цвета, от темносерого до бледносерого, затем ряд оттенков красного и темнорозового с прожилками, разные тона желтой брекчии и т. д. Пластины могут относиться ко II в. н. э., к тем прототипам инкрустационного стиля, которые несомненно существовали в домах и резиденциях римских наместников, местных царей и царьков в Малой Азии, северной Африке и Сирии и которые, повидимому, нашли свое распространение и в богатых домах Ольвии. Подобные подлинные остатки облицовки стен ценными камнями крайне редки и в районах восточного и западного Средиземноморья. Тем ценнее их находка в северном Причерноморье.

В Херсонесе расписные камеры склепов встречаются гораздо реже, чем на Боспоре, и дело тут не только в том, что Херсонес подвергся гораздо большему разрушению, чем территория Боспора. В Херсонесе найдены сотни погребальных камер в некрополях, но среди них имеется лишь одна языческая расписная камера и девять христианских; в системе росписи между ними нет существенной разницы. Небольшое количество херсонесских расписных склепов

[1] См.: АДЖ, стр. 436 и сл. и указанную там литературу.

[2] АДЖ, стр. 438.

следует объяснять скорее тем, что в Херсонесе отсутствовала та крепкая традиция росписи склепов, которая была очень сильна на Боспоре.

Небольшие куски расписной штукатурки, найденные в квартале частных домов Херсонеса эллинистической эпохи, слишком незначительны для воссоздания всей картины росписи стен. Больше материала дают склепы первых веков нашей эры с остатками росписи.

В склепе, открытом в 1894 г.,[1] роспись была обнаружена на входной и на боковой стенах. С нее сделаны карандашные зарисовки, после чего склеп был засыпан. Судя по карандашным рисункам, справа от входа изображена полунагая женщина, обращенная к зрителю спиной и держащая обеими руками плащ, спустившийся ниже бедер. С левой стороны от входной двери изображены две парящие в воздухе фигуры с венками на головах. Одна из них темная, с большими крыльями, другая рядом, без крыльев, очевидно, уносимая первой фигурой. На второй фигуре светлый длинный саван, на который брошены листья и ветви. Глаза обеих фигур закрыты. Толкование этой сцены сомнений не вызывает: это гений сна, уносящий покойного. Полунагая женщина, очевидно, танцующая вакханка, ублажающая покойных в Элизии. Роспись сделана светлой мумией, контуры темные. На боковой стене сохранилась нижняя часть росписи, выдержанная, повидимому, в инкрустационном стиле: над цоколем прямоугольник, в прямоугольнике круг, в круге розетка. Простенки заполнены стилизованными побегами с темными ягодками. Возможно, фигуры были помещены вверху, а низ стены расписан в инкрустационном стиле.

В расписных гробницах некрополя Херсонеса обычно царит комбинация двух стилей: низ выдержан в тяжелом инкрустационном стиле, вверху стен либо гирлянды и птицы, венки, ветки, виноградные лозы, либо — и это редкий случай — человеческие фигуры. Рассыпанных лепестков и листьев нет совсем. Полосы и гирлянды подчеркивают архитектуру склепа. Система росписи стен в Херсонесе находит себе ближайшие аналогии в росписи стен на Востоке, в Сирии и Палестине.

Таким образом, немногие дошедшие до нас расписные склепы Херсонеса ясно показывают, что в этом городе не было устойчивой традиции росписи погребальных сооружений, которая держалась в течение восьми веков на Боспоре, традиции, создавшей целую серию расписных камерных гробниц, представляющих яркую картину смены стилей стенной живописи по эпохам и отражающей в основном те же этапы, по которым развивалась стенная живопись восточного Средиземноморья.

[1] АДЖ, стр. 442—448.

А. П. Иванова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ БОСПОРСКОЙ ЖИВОПИСИ

Боспорские росписи первых веков нашей эры принадлежат к числу наиболее выдающихся памятников искусства северного Причерноморья. В эту эпоху в различных областях боспорского искусства складывается своеобразный местный стиль, развитие которого было тесно связано с сложившейся в это время на Боспоре исторической обстановкой. Если в последние века нашей эры Боспорское царство пережило глубокие внешние и внутренние потрясения, борьбу со скифским государством Скилура и Пилака, восстание рабов под предводительством Савмака и Митридатовские войны, то I—II вв. н. э. являются эпохой второго экономического и культурного расцвета Боспора,[1] выразившегося, в частности, в значительном росте ряда отраслей местного производства. Ведущая роль и широкое распространение местного стиля, наиболее яркие примеры которого дают боспорские стелы и монументальная живопись, органическая переработка античных художественных традиций и образцов на местной основе были теснейшим образом связаны также с интенсивной сарматизацией Боспора.

Боспорская живопись первых веков нашей эры находит ближайшую параллель в отношении круга сюжетов в боспорском надгробном рельефе этого времени. Это преимущественно сюжеты, связанные с представлениями о загробном мире и культом героизированного умершего.

Однако было бы неправильным видеть во всех этих изображениях одно только религиозное содержание. Они особенно интересны именно тем, что в них получила чрезвычайно богатое и многообразное отражение реальная жизнь, бытовая обстановка и внешний облик боспорцев.

Значительное место занимают в боспорской живописи также сюжеты и образы греческой мифологии, подвергавшиеся своеобразной переработке боспорскими художниками.

В полном соответствии с религиозным содержанием боспорской живописи стоит условный иератический [1] стиль, получивший яркое проявление в росписях ряда склепов. Наиболее характерным примером может служить роспись склепа 1891 г.[2] В изображении человеческих фигур преобладают фронтальная поза, строгая неподвижность и статуарная изолированность — каждая фигура может быть изъята из общей композиции без ущерба для самой себя и всех остальных. Характерны в этом смысле фигуры у входа [3] (рис. 11 [4]), а также сцена жертвоприноше-

[1] См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 320.

[1] Иератический — торжественный, условный стиль в искусстве, чаще всего связанный с религиозными изображениями.

[2] См. статью Е. В. Ернштедт в настоящем томе (стр. 258 и сл.).

[3] МАР, № 19, 1896, табл. IX. Статуарный характер Тихи подчеркнут тем, что она изображена стоящей на пьедестале, т. е. задуманной действительно как статуя.

[4] Здесь и далее автор ссылается на соответствующие номера рисунков к статье Е. В. Ернштедт, помещенной в настоящем сборнике.

ния [1] (рис. 10). В том и другом случае мы видим по паре фигур, стоящих неподвижно, в строго фронтальной позе, у входа — хтонических богов, встречающих душу умершего у преддверия загробного мира, в сцене жертвоприношения — героизированных умерших.

В сцене трапезы обращает на себя внимание условная разница масштабов в изображении рабов и господ.

В то же время при внимательном анализе памятников боспорской живописи первых веков нашей эры можно установить ряд общих явлений, не укладывающихся полностью в понятие условного иератического стиля. Боспорская живопись знает своеобразный этнографический реализм, особенно яркое проявление получивший в росписи Стасовского склепа (рис. 31, 32). Наиболее выдающийся памятник боспорской живописи I в. н. э. — роспись склепа с изображением Деметры — свидетельствует о том, что боспорские живописцы выработали своеобразные приемы глубокой и проникновенной психологической характеристики человеческого лица, во многих случаях достигая при этом большой эмоциональной выразительности (рис. 14). Таким образом, отдельные памятники боспорской живописи позволяют ставить вопрос о наличии реалистической тенденции в творчестве местных художников, противостоящей господствующему условному иератическому стилю.

Было бы неправильным чрезмерно упрощать характеристику боспорской живописи, представлять себе ее как нечто совершенно монолитное. Искусство Боспора в период его второго расцвета было явлением, в достаточной степени сложным, в нем можно проследить сосуществование и борьбу различных тенденций. Яркий пример этого явления для боспорской живописи начала I в. н. э. дает склеп Деметры (рис. 12—14), роспись которого во многих отношениях противоположна условному иератическому стилю склепа 1891 г. В росписи последнего склепа приходится прежде всего отметить значительно бо́льшую подчиненность архитектуре. Композиция росписи его южного люнета носит строго уравновешенный характер. Это равновесие достигается равномерным распределением фигур по обе стороны ниши и вообще по всей поверхности люнета, подчеркивается и усиливается сравнительным однообразием поз и статичностью фигур, симметрией и повторяемостью однородных мотивов в отдельных сценах, как, например, в сцене жертвоприношения.

В склепе Деметры известная симметрия и уравновешенность композиции имеет место только в росписи свода, где распределение декоративных мотивов — букеты цветов и птицы на ветках вокруг центрального медальона с головой Деметры — подчинено основной задаче: подчеркнуть доминирующее значение этого центрального изображения.[1] Но эта уравновешенность композиции прослеживается только при внимательном анализе системы расположения отдельных мотивов. При беглом взгляде она не обращает на себя внимания, как это имеет место в росписи склепа 1891 г. Наоборот, первое впечатление, которое оставляет роспись плафона склепа Деметры, это впечатление свободы, с которой разбросаны по его поверхности отдельные изображения, особенно усиливающееся общим цветочным фоном.

Что касается росписи южного люнета склепа Деметры (рис. 13), то ее композиция совершенно иная, чем композиция южного люнета склепа 1891 г. Известное подчинение архитектуре склепа здесь сказывается только в том, что основное изображение — колесница, на которой находятся фигуры Плутона и Коры, — помещено строго в центре люнета. Центральной вертикальной осью всей композиции является фигура Плутона, причем здесь следует отметить одну особенность, отсутствующую в росписи склепа 1891 г.: эта центральная ось является не только формальным, но и смысловым центром композиции, построение которой подчинено не столько архитектуре склепа, сколько основному содержанию изображения. В склепе 1891 г. центр отмечен декоративной композицией, изображающей павлинов, пьющих из вазы, в то время как человеческие фигуры заполняют боковые сегменты люнета.

Свобода композиции южного люнета склепа Деметры достигается, в частности, постановкой колесницы и четверки лошадей по диагонали. Таким образом, центральная вертикаль в виде фигуры Плутона не встречает уравновешивающей ее горизонтальной

[1] МАР, № 19, 1896, табл. XI.

[1] АДЖ, табл. LVII.

линии, а пересекается диагональю. Как и в росписи свода, общее впечатление свободы композиции усиливается цветочным фоном. Эта свобода композиции в сочетании с упрощенной, даже несколько схематизированной трактовкой фигур и тоже упрощенной, но вместе с тем чрезвычайно острой выразительностью лиц (мрачный облик Плутона, испуганное лицо Коры) делает всю сцену исключительно жизненной.

В росписи склепа Деметры человеческая фигура имеет центральное значение, тогда как в склепе 1891 г. она является одним из элементов декоративной системы. Отсюда та скованность, статичность и условность в самой трактовке человеческой фигуры, которая характерна для росписи склепа 1891 г. и находит, в частности, свое яркое проявление в строгой фронтальности и неподвижности фигур у входа. Статуарная неподвижность подчеркнута тем, что Тиха изображена на пьедестале, как статуя. Очень вероятно, что на таком же пьедестале был изображен Гермес, подобно Гермесу склепа Сорака.[1]

Фигуры склепа 1891 г. отличаются значительно большей плоскостностью, чем фигуры склепа Деметры. В росписи склепа 1891 г. господствует чистый локальный цвет, фигуры обводятся четкой линией контура, часто процарапанной и заполненной коричневой краской.

В композиционном отношении роспись склепа Деметры примыкает к довольно прочно установившейся в росписи боспорских склепов традиции — изображения головы в центре свода.[2]

Отдаленным предшественником склепа Деметры, связанным с ним сюжетно и свидетельствующим о существовании этой традиции в боспорской живописи еще в IV в. до н. э., является расписной склеп Большой Близницы (рис. 5). Сравнение головы Деметры или Коры в склепе Большой Близницы с головой богини склепа Деметры в высшей степени поучительно для понимания той эволюции, которую пережил этот образ в боспорском искусстве.

В склепе Большой Близницы голова Деметры или Коры была написана на квадратной плите, замыкавшей ступенчатый свод. Боспорский художник в высшей степени своеобразно использовал традицию греческой декоративной живописи — расписывать кассеты потолков (lacunaria), родоначальником которой Плиний называет живописца IV в. Павсия.[1] Повидимому, излюбленным мотивом в росписях такого рода кассет, которым особенно охотно пользовался Павсий, было изображение полуфигуры в окружении растительного орнамента в фас, профиль или три четверти, часто увенчанной венком, с атрибутами в руках. Иногда изображались также детские фигурки (маленькие эроты).[2]

Сикс в своем исследовании о Павсии поставил роспись склепа Большой Близницы в прямую и непосредственную связь с античной традицией изображения голов в кассетах [3] и даже использует ее для характеристики стиля Павсия: он считает, например, характерными особенностями тех голов, которыми Павсий имел обыкновение украшать кассеты потолков, большие глаза, резко изогнутую верхнюю губу и сильно развитой подбородок.[4]

Повторяю, что известная связь между греческой традицией росписи кассет потолков и росписью склепа Большой Близницы существует, но это связь преимущественно формального порядка; она заключается в том, что в склепе Большой Близницы тоже

---

[1] Plin., N. H., XXX, 124. — Six. Pausias. JAI, XX, 1905, стр. 155.

[2] Six, ук. соч., стр. 162. Не исключена возможность предположения, что такого рода расписные кассеты появились в Греции не в IV в., а значительно раньше. В своей статье Сикс опубликовал хранящуюся в Британском музее кассету памятника Нереид в Ксанфе со следами росписи, позволяющими восстановить изображение головы в три четверти и следы окружавшего ее растительного орнамента (ук. соч., стр. 157, рис. 2, 3). Сикс использует этот памятник как аргумент в пользу датировки памятника Нереид IV в. до н. э., временем ликийского царя Перикла (374—362). Но в настоящее время прочно установлена датировка памятника Нереид — V в.; дискуссионным остается только вопрос о том, следует ли его отнести ко второй четверти V в. или к концу столетия. В связи с этим следует предполагать, что традиция расписных кассет восходит еще к V в. Павсий не был в таком случае изобретателем этого рода живописи, каким его считает Плиний, а только одним из наиболее ярких ее представителей.

[3] Six, ук. соч., стр. 159. Так же ставит этот вопрос Е. В. Ернштедт, см. стр. 255 настоящего сборника.

[4] Six, ук. соч., стр. 162.

[1] MAP, № 19, 1896, табл. III.

[2] В. Д. Блаватский. Склеп Деметры. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», сб. статей под ред. акад. И. Грабаря, М.—Л., 1948, стр. 9 и сл.

изображена голова в окружении растительного орнамента, причем она заполняет квадратную плиту, по форме напоминающую кассеты. Но этим сходство и ограничивается. Дальше начинаются различия. Самое основное различие — композиционное, обусловленное своеобразием архитектуры склепа Большой Близницы, который является характерным представителем боспорских склепов, перекрытых ступенчатым сводом; подобные склепы не находят никаких аналогий в архитектуре классической Греции. Плиту, замыкающую свод, никак нельзя назвать кассетой. Кассет на потолке бывает много, поэтому живопись, украшающая каждую из кассет в отдельности, не может быть композиционным центром здания. А голова Коры в склепе Большой Близницы является именно его композиционным центром, так как она написана на центральной, замыкающей свод плите.

Следует учесть также различие техническое. Павсий писал по мрамору в энкаустической технике. Склеп Большой Близницы сложен из местного известняка, и живопись была нанесена непосредственно по известняку, без всякого грунта. Живопись по мрамору и пористому известняку нельзя считать одинаковой по технике. Состава красок мы не знаем, и у нас нет достаточных оснований говорить об энкаустической технике, хотя вообще эта техника живописи была, повидимому, широко распространена на Боспоре, как и во всем античном мире.

Необходимо отметить также то обстоятельство, что на Боспоре техника росписи по известняку была широко распространена и прочно вошла в обиход — в раскраске надгробных стел, архитектурных деталей и т. п.

В боспорской живописи склеп Большой Близницы является далеко не единственным примером этой техники. Из крупных памятников позднейшего времени следует назвать крышку керченского известнякового саркофага, хранящегося в Эрмитаже, на которой роспись нанесена непосредственно по камню, тогда как стенки этого саркофага расписаны по штукатурке.

Помимо этого, следует отметить многочисленные боспорские стелы V—III вв. до н. э., также сделанные из местного известняка, на которых применялась раскраска букв, а иногда и элементы декоративной росписи — гирлянды, ленты. На позднейших керченских стелах с рельефами мы также сплошь и рядом видим раскрашенные буквы, да и рельефы тоже обычно раскрашивались, причем эта раскраска наносилась непосредственно по камню.

Наконец, боспорская архитектура, основным материалом которой был тот же местный известняк, широко применяла полихромию. Лучшим примером могут служить капители с растительным орнаментом, найденные Думбергом на горе Митридат.[1]

Следует также отметить некоторые своеобразные особенности стиля росписи склепа Большой Близницы. Голова Деметры или Коры из Большой Близницы по массивным, полным формам лица, объемность которых передана чрезвычайно подчеркнуто, может быть поставлена в связь с образом Деметры, выработанным в греческом искусстве IV в. Но общая композиция ее носит строго иератический характер, чуждый греческому искусству. Это впечатление иератичности создается жестом рук, симметрично поднятых по обе стороны головы, и главным образом трактовкой глаз — широко раскрытых и неподвижно смотрящих перед собой в пространство. Следует отметить, что трактовка глаз богини не имеет ничего общего с приемами патетического стиля греческой скульптуры IV в., для которой характерны прежде всего резкое углубление внутреннего угла глаза и излом в линиях надбровных дуг. Неподвижность взгляда, симметрично поднятые с двух сторон к голове руки, ясно выраженная средняя линия лица, строго правильный рисунок носа, рта и подбородка создают впечатление фронтальности головы. Но это впечатление ложно: голова дана в некотором повороте и раккурсе, в лице наблюдается ясно выраженная асимметрия — левая щека значительно шире правой, волосы с левой стороны отведены назад и оставляют лицо открытым, тогда как с правой стороны они сильнее прикрывают щеку, пробор в волосах проведен не совсем прямо. Можно предположить, что все эти черты имели место в греческом прототипе, который был перед глазами художника, расписывавшего склеп Большой Близницы. Но местному боспорскому живописцу все эти приемы оставались чуждыми.

[1] См. рис. 11 в статье А. Н. Карасева «Архитектура», стр. 196 настоящего сборника.

Наоборот, ему представлялось нормальным изображение божества в торжественном, строго фронтальном положении, как изображена, например, скифская богиня на золотой пластинке из Карагодеуашхского кургана.[1] Он механически воспроизвел раккурс лица во второстепенных деталях, тогда как в его основных элементах ярко выявилось тяготение к фронтальности.

Сикс в упомянутом выше исследовании отметил полное отсутствие квадратных кассет с живописным или скульптурным изображением голов в позднейших античных памятниках — их хронологическая граница не заходит за пределы IV в.[2] В более позднее, римское время встречаются, хотя сравнительно редко, рельефные изображения голов в круглом обрамлении; примером может служить плафон терм Тита.[3]

Голова (или, точнее, бюст) богини в склепе Деметры также включена в круглый медальон (рис. 14). В этом смысле, как и для Большой Близницы, можно отметить известную чисто формальную связь с античной традицией, но в данном случае эта связь еще менее значительна. Существенно прежде всего то, что античные памятники дают примеры только скульптурного, а не живописного изображения голов на сводах, однако основное различие заключается в принципе композиции. Рельефные головы терм Тита подобно живописным и скульптурным головам в кассетах более раннего времени не занимают центрального положения в своде.

Что касается головы в плафоне склепа Деметры, то, хотя она и не является единственным живописным изображением в склепе, подобно голове богини склепа Большой Близницы, но все же играет роль основного композиционного центра всей росписи, в которой бесспорно доминирует образ богини. В этом смысле можно сказать, что роспись склепа Деметры с точки зрения общего принципа композиции продолжает и развивает традицию боспорской живописи, идущую еще от IV в. до н. э.

[1] См. рис. 30 в статье Е. О. Прушевской, помещенной в настоящем сборнике на стр. 347.

[2] S i x, ук. соч., стр. 160.

[3] K. R o n c z e w s k i. Gewölbeschmuck im römischen Altertum, Berlin, 1903, табл. V. Изображение голов в круглых медальонах, вписанных в квадратные кассеты (но не в центре свода, а в бордюрах), мы видим на крестовом своде бани виллы Адриана близ Тиволи (там же, табл. VIII, IX).

Что касается техники росписи склепа Деметры, то здесь, само собой разумеется, нет никакой преемственной связи с росписью Большой Близницы и тем более с живописью Павсия, так как склеп Деметры расписан в технике фрески.

Самая орнаментация свода склепа Деметры принципиально отличается от орнаментации, рельефной или живописной, римских сводов I в. н. э.: орнаментация значительной части римских сводов построена на сочетании отдельных, равноценных мотивов.[1] Можно, правда, указать случаи и другого композиционного решения, характерным примером которого может служить так называемый позолоченный потолок (volta dorata) в Золотом доме Нерона,[2] где в центре свода помещен главный, наиболее крупный по масштабам круглый медальон с утраченным в настоящее время изображением сцены похищения Ганимеда или какого-то другого любовного приключения Зевса;[3] по сторонам этого центрального круглого медальона расположен ряд других сюжетных изображений и декоративных мотивов, включенных частично в прямоугольные обрамления. Обилие различных сюжетных, часто многофигурных изображений создает известную раздробленность композиции: центральный медальон не играет доминирующей роли, тем более, что сам он также заполнен многофигурной композицией, усиливающей общую дробность.

Композиция свода склепа Деметры носит значительно более лаконичный и концентрированный характер. Медальон с бю-

[1] Римские каменные кассетированные своды как правило, воспроизводят схему декоровки греческих кассетированных плоских потолков.

[2] F. W e e g e. Der goldene Haus des Nero JAI, XXVIII, 1913, табл. 4, 6, рис. 15, 23. См. также: P. D u c a t i. L'arte in Roma dalle origine al sec. VIII. Roma, 1938, табл. XCIX.

[3] F. W e e g e, ук. соч., стр. 176. Такой же в принципе характер носит роспись свода гробницы Назониев, общая композиция которого отличается той же дробностью, как в Золотом доме Нерона. См.: K. R o n c z e w s k i, ук. соч., рис. 31. Подобный характер имеет и скульптурная декоровка (раскрашенный штуковый рельеф) гробницы на Via Latina. Рельефы включены в многочисленные прямоугольные кассеты. В центре свода квадратная кассета с вписанным в нее круглым медальоном. Примером такой же расчлененности скульптурного декора может служить свод подземной базилики, открытой близ Porta Maggiore, относящейся к середине I в. н. э.; см.: P. D u c a t i. L'arte in Roma. . ., табл. XVII, XXXIII.

стом Деметры является единственным его сюжетным изображением, вся остальная роспись свода служит его декоративным обрамлением и подчинена ему не только формально, но и сюжетно: растительные мотивы, которые, строго говоря, нельзя назвать растительным орнаментом, — это свободные изображения цветов, фруктов и веток с листьями, они подчеркивают и раскрывают характер Деметры как богини растительности.

В лице Деметры наблюдается ясно выраженная асимметрия, связанная с раккурсом головы. Правая несколько шире левой. Прослеживается известная незначительная асимметрия в рисунке надбровных дуг, носа, рта и подбородка.

Широко раскрытые глаза трактованы несколько иначе, чем у Деметры или Коры Большой Близницы: у последней сильно расширенные зрачки сочетаются со спокойными и ровными линиями надбровных дуг. У богини склеца Деметры надбровные дуги высоко подняты, что создает ощущение подвижности мышц лица и тем самым вносит элемент психологической выразительности. Это впечатление подкрепляется и подчеркивается отмеченной выше асимметрией в рисунке отдельных черт лица.

Следует отметить, что асимметрия является одним из основных приемов характеристики лиц в росписи склепа Деметры. С большой резкостью подчеркнута эта асимметрия в крайне примитивном по рисунку лице Коры, искаженном страхом.[1] Резко асимметрично также лицо Калипсо, которая изображена в традиционной траурной позе, хорошо знакомой нам по рельефам боспорских надгробных стел.[2] На стелах в большинстве случаев эта траурная поза является условным традиционным приемом, почти трафаретом — она сочетается с совершенно спокойным, часто неподвижным положением фигуры и бесстрастным лицом. Здесь же у Калипсо она приобретает действительную психологическую выразительность в связи с несколько наивной, но проникнутой своеобразной экспрессией, характеристикой лица.

Известная асимметрия имеет место и в лице Гермеса. Раккурс его лица близок к раккурсу лица Деметры, но значительно более резко подчеркнут в связи с тем, что его голова изображена в три четверти, а вся фигура дана в сильном движении. Асимметрия лица так же подчеркивает это движение, как и вытянутая вперед рука, изображенная непропорционально длинной, по сравнению с левой.

Асимметрия в лицах Гермеса, Калипсо и Коры подчеркнута значительно резче, чем у Деметры. При гораздо более схематичном и примитивном рисунке она носит здесь, особенно в лице Коры, несколько наивный характер.

У Деметры эта асимметрия дана гораздо более сдержанно, она чуть намечена в связи с тем, что ее голова дана в наиболее спокойном положении в фас.

Голова Деметры наиболее правильно построена в анатомическом отношении, в ее трактовке значительно меньше дают себя чувствовать примитивные приемы, чем, например, в трактовке фигур южного люнета.

Но при этом необходимо отметить ее отличие от современной греко-римской живописи, в частности от росписей Помпеи и Геркуланума. Во всех этих росписях изображение человеческой фигуры и головы отличается ясно выраженной телесностью, носит как бы скульптурный характер. Это можно подтвердить на примере любого памятника античной живописи, более или менее близкого по времени к склепу Деметры, как, например, помпеянские росписи, копирующие произведения греческих живописцев IV—III вв. до н. э. Достаточно напомнить хотя бы такие близкие по характеру к Деметре идеальные женские головы, как голова нимфы Аркадии в геркуланской фреске с изображением Геракла, нашедшего Телефа,[1] голова Геры во фреске, изображающей брак Зевса и Геры,[2] в доме трагического поэта в Помпеях, голова Бризеиды во фреске того же помпеянского дома, изображающей Ахилла и Бризеиду,[3] и т. п. Все они отличаются пласти-

---

[1] В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 8 и 9.

[2] См., например: K W, табл. XII, №№ 157, 164; XIII, № 185; XIV, № 205; XV, № 219; XVII, № 249.

[1] Хорошую репродукцию ее, ясно передающую основные особенности стиля, см.: P. Ducati. Pittura Etrusca, Italo-Greca e Romana. Novara, 1942, табл. 66.

[2] Там же, табл. 79.

[3] Там же, табл. 56.

ческой лепкой, мы ясно чувствуем их объем — линия, цвет и светотень служат преимущественно средством передачи объема, более отчетливого выявления пластической формы.

Достаточно сравнить голову Деметры с любой из этих голов, чтобы почувствовать ее относительно гораздо бóльшую плоскостность.

В этом смысле Деметра Большой Близницы стоит значительно ближе к античной живописи. По сравнению с богиней склепа Деметры она гораздо более скульптурна, отличается значительно большей объемностью и телесностью.

Эту разницу в подходе можно ясно почувствовать при сравнении такой детали, как трактовка волос. У Деметры Большой Близницы волосы переданы обычными приемами античной живописи — ясно ощущается пластическая лепка отдельных прядей; в передаче этих пластических форм большую роль играет светотень. Волосы богини склепа Деметры переданы своеобразным приемом: по основному рыжевато-коричневому фону правильными параллельными линиями проведены черные пряди. Тем же приемом были переданы волосы Плутона и Коры.[1]

В боспорской живописи I—II вв. н. э. этот прием был, повидимому, довольно широко распространен. По крайней мере тот же прием встречается на керченском расписном саркофаге, хранящемся в Эрмитаже;[2] этим же приемом переданы волосы Медузы на плафоне камеры двойного склепа 1873 г.[3] (рис. 17).

Вместе с тем нельзя назвать голову Деметры совершенно плоскостной. Даже этот своеобразный прием трактовки волос как-то по-своему передает рельефность прядей.[4]

На шее отчетливо показаны складки кожи. В самой характеристике лица применена, хотя и очень сдержанно, светотень: мы видим тени под глазами, под подбородком и нижней губой. Следует при этом отметить, что переходы от освещенных частей к затененным даны с большой мягкостью. В трактовке лица нет резко подчеркнутых контуров, наоборот, они как бы окутаны дымкой. Необходимо оговорить, что эту особенность не передает акварель М. В. Фармаковского, на основании которой голова Деметры издана Ростовцевым. М. В. Фармаковский слишком резко подчеркнул основные линии как контуров, так и складок на поверхности лица.

Чрезвычайно интересно и важно то обстоятельство, что в характеристике образа Деметры как страдающей матери боспорский художник не пошел по пути использования традиционных приемов, а нашел свои собственные выразительные средства.

В тесной связи с тем большим мастерством, которое обнаружил живописец склепа Деметры в области психологической характеристики лица, находится и факт наличия индивидуального портрета в боспорской живописи.

Предположение Ю. А. Кулаковского о портретном характере фигур в сцене жертвоприношения в склепе 1891 г.[1] кажется мне мало убедительным: скорее они передают общий, идеальный тип, который повторяется и в сцене загробной трапезы, а также, с очень небольшими отклонениями, в лицах Гермеса и Тихи у входа. Особенно характерен тип женского лица — с удлиненным, вытянутым овалом и тонкими чертами, — который встречается также на боспорских стелах.

Более убедительным представляется мне предположение Ю. А. Кулаковского о портретности лица Сорака, изображенного возлежащим в сцене загробной трапезы.[2]

---

[1] Эта особенность ясно видна на подлинной акварели М. В. Фармаковского, хранящейся в архиве ЛОИИМК (шифр: 227, инв. № 1870). На таблице в издании Ростовцева эта деталь пропадает, отдельные пряди сливаются, волосы кажутся черными. В настоящее время в результате значительных повреждений живописи черная краска на волосах Плутона утрачена полностью и они производят впечатление огненно-рыжих.

[2] Подлинная акварель М. В. Фармаковского хранится в архиве ЛОИИМК (шифр: 537, инв. № 4239).

[3] Подлинная акварель М. В. Фармаковского хранится в архиве ЛОИИМК (шифр: 527, инв. № 4195).

[4] Этот прием особенно хорошо передает акварель Рюдигера (архив ЛОИИМК, Р I, инв. № 2222). На акварели М. В. Фармаковского (архив ЛОИИМК, Р I, инв. № 1869) основной фон сделан слишком темным, густокоричневым, но самый прием передачи волос вполне ясен.

[1] Ю. А. Кулаковский. Древности южной России. Две Керченские катакомбы с фресками. МАР, № 19, 1896, стр. 41.

[2] Там же, стр. 25: «Хотя рисунок отличается грубостью исполнения в техническом отношении а самая работа носит на себе следы очевидной поспешности, тем не менее с большой вероятностью можно утверждать, что тип лица здесь портретный Коротко остриженные волосы на голове, борода и

Напрашивается предположение о портретности по крайней мере некоторых лиц на керченском расписном саркофаге 1900 г.[1] Впечатление индивидуальной характеристики производят лица мужской и женской фигур в сцене загробной трапезы. Особенно характерно лицо женщины, очевидно, немолодой. В ее лице резко выражена асимметрия, черты неправильны — крупный массивный подбородок, длинный нос и маленький, узкий лоб. Овал лица удлиненный, вытянутый, в противоположность лицу возлежащей мужской фигуры в той же сцене, отличающемуся широким и коротким овалом. Повреждение живописи не дает возможности судить о характеристике лица мужской фигуры в деталях, но уже самые его пропорции, также отличающиеся от пропорций лица сидящей женщины, говорят в пользу предположения о его портретности.

Расписной саркофаг 1900 г. представляет особый интерес в связи с проблемой портрета в боспорском искусстве, а также и в связи с тем, что на этом саркофаге изображена мастерская живописца-портретиста, работающего в энкаустической технике (рис. 20). Произведения этого живописца, напоминающие фаюмские портреты, развешены тут же на стене. До нас не дошли памятники боспорской станковой живописи, но изображение на саркофаге заставляет предположить существование таких живописцев-портретистов на Боспоре. В противоположность фаюмскому портрету их произведения, очевидно, предназначались не для погребений, а, скорее, для хранения в доме. Иначе трудно было бы объяснить, что ни разу в раскопках прекрасно исследованных боспорских некрополей такого рода памятники не были обнаружены.[2]

Традиции портретной живописи, так же как и портретной скульптуры, могут быть прослежены на Боспоре начиная с эллинистической эпохи. Большой интерес с этой точки зрения представляет полихромный сосуд III в. до н. э. с изображением бородатой мужской, очевидно, портретной головы.[3] Характер живописи наводит на мысль о том, что она воспроизводит какой-то монументальный оригинал, а не рассчитана на украшение сосуда, с формой которого она плохо согласуется.

С полной уверенностью можно констатировать наличие индивидуальной характеристики лиц в одном замечательном памятнике боспорской живописи — в группе стоящих воинов, изображенных на правой стене главной ниши Стасовского склепа (рис. 31); у первого слева воина лицо сравнительно широкое, у второго более узкое, с удлиненными чертами, у третьего, занимающего среднее место в ряду и выделяющегося уже тем, что он значительно ниже ростом остальных четырех воинов, лицо широкое, обрамленное густой шапкой волос; чрезвычайно индивидуально лицо четвертого воина, характеристика которого отличается большой выразительностью: у него большие глаза, нахмуренные брови, резко обозначен нос, изгиб рта; у пятого воина лицо сравнительно короткое, черты его резко асимметричны, взгляд направлен влево, ассимметрия лица особенно подчеркнута резкой тенью на подбородке.

Одно из изображений на керченском известняковом расписном саркофаге 1900 г. (рис. 18) позволяет поставить вопрос о семейном портрете в боспорской живописи. Изображена сидящая в кресле женщина, которая держит на руке также сидящего ребенка. Хотя мать и ребенок изображены в три четверти вправо, но позу той и другой фигуры мы имеем полное право назвать фронтальной, так как обе фигуры лишены какого бы то ни было внутреннего движения, сидят совершенно прямо и неподвижно, все основные части той и другой фигуры расположены в одной плоскости, каждую из них можно было бы разделить на две уравновешивающие друг друга половины вертикальной линией, проведенной от макушки головы. При этом, очевидно, главный вид на фигуры предполагался не в три четверти, а в фас. Изображение производит такое впечатление, как будто бы здесь изображена сбоку фронтально стоящая статуя. При этом средние оси обоих фигур полностью совпадают. Вся композиция чрезвычайно напоминает средневековые изображения мадонны с младенцем на руках.

Строго иератический характер этой композиции может быть связан с тем, что в пред-

---

усы, широкие брови — все это нарисовано, повидимому, не без желания придать сходство. . . с владельцем катакомбы Сораком».

[1] См. рис. 19 на стр. 270 и рис. 20 на стр. 271 настоящего сборника.

[2] В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 398) предполагает, что сам умерший, похороненный в саркофаге, был таким живописцем-портретистом.

[3] В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 143, рис. 24.

ставлении боспорцев образ героизированной, обожествленной умершей сливается с образом богини-матери.

Изображение женщины с ребенком на известняковом саркофаге показывает, как тесно переплетаются в боспорской живописи религиозное содержание и реальная действительность.

Наиболее интересно изображение семейной группы в росписи склепа 1891 г., где оно приближается к настоящей бытовой сцене (рис. 9). В сцене загробной трапезы слева от пиршественного стола изображены два младенца в люльке, за люлькой сидит старшая девочка — нянька. К сожалению, эта часть росписи чрезвычайно сильно повреждена.

Трудно судить с уверенностью о степени индивидуальной характеристики трех детских лиц из-за их плохой сохранности. Ясно показана только разница в их размерах, соответствующая разнице в возрасте детей: правый ребенок самый маленький, левый — постарше, девочка-нянька самая старшая. Вообще же круглые лица с довольно суммарно трактованными чертами передают скорее общий тип, как и все вообще лица в склепе 1891 г. Условный характер носит цвет: основной тон лиц желтый, контуры коричневые, черты лица переданы коричневыми и черными линиями.

Это уникальное для Боспора изображение, задуманное как бытовая сцена, наиболее свободно по своей композиции, совершенно порвавшей с традиционной иератичностью, так ярко проявившейся во всех остальных частях росписи склепа 1891 г.

В связи с этим можно сказать, что роспись склепа 1891 г. не носит чисто религиозного характера и что ей не чужды отдельные реалистические черты.

Интересно с этой точки зрения изображение кочевнической юрты в склепе 1891 г.[1] (в настоящее время контуры ее почти неразличимы), находящее ближайшую аналогию в росписи склепа Анфестерия (рис. 7).

Более сохранившиеся части росписи склепа 1891 г. — сцена жертвоприношения и отчасти сцена трапезы — обнаруживают, как было отмечено выше, чрезвычайно ярко выраженный условный, плоскостной, иератический характер, близкий к стилю боспорских стел. Насколько можно судить о стиле росписи склепа Анфестерия по рисунку Гросса, следует предполагать, что и он отличается той же иератической условностью.

Повидимому, в этих двух одновременных памятниках религиозно-символическая композиция была трактована в духе сложившегося в это время на Боспоре условного иератического стиля, но с внесением ряда реалистических бытовых деталей.

Реалистическая тенденция боспорской живописи, особенно ярко проявившаяся в I в. н. э. в росписи склепа Деметры, получает дальнейшее развитие в росписи так называемого Стасовского склепа. Батальные картины Стасовского склепа — сцены боя конных боспорских воинов с сарматами (рис. 30, 32) — отличаются большой этнографической точностью в изображении внешнего облика, костюма и вооружения как боспорцев, так и их противников, большой живостью и свободой движения. Большой заслугой В. В. Стасова, автора первого научного описания склепа, следует считать то, что он подчеркнул большое значение росписи как историко-культурного источника, а также то, что он правильно понял ее реалистический характер. В. В. Стасов называл батальные сцены склепа «жанровыми картинами» (tableaux de genre). Он подчеркнул также глубокое своеобразие росписи склепа, отметив, что она не может быть полностью объяснена на основе как греко-римского, так и восточного искусства того времени. Это своеобразие боспорской живописи он поставил в связь с исторической обстановкой после митридатовского времени, характеризующейся усилением роли местных элементов во всех областях культуры Боспора.

Большой интерес представляет изображение пейзажа в росписи Стасовского склепа (рис. 26—29). С этой точки зрения прежде всего заслуживает внимания изображение зверей под деревьями (рис. 26—28) и травы. Наконец к деталям, характеризующим место действия, принадлежат линии почвы под ногами зверей на южной стене центральной ниши-лежанки, где лев изображен стоящим на земле, а собака на траве.

Такие же линии почвы имеются и в батальных сценах; так, в сцене боя конного боспорца с пешим воином под ногами коня показана почва, переданная желтой линией (рис. 32).

---

[1] МАР, № 19, 1896, табл. XI. — АДЖ, стр. 186, 189.

Условный прием изображения неровной, скалистой местности при помощи линий почвы под ногами действующих лиц может быть поставлен в связь с чрезвычайно древними традициями античного искусства — с «горным пейзажем» живописи Полигнота [1] и даже с памятниками значительно более глубокой древности.

Эта традиция сохраняется и живет также и в эллинистическо-римской живописи и мозаике. Характерным примером может служить мозаичный пол виллы в Галикарнассе с изображением конных Мелеагра и Аталанты, бегущего льва, скачущего козла и собаки, где мы видим такие же линии почвы под ногами.[2]

Такие же линии наряду с изображением деревьев, трав и цветов встречаются на позднеримских и раннесредневековых (IV—VI вв. н. э.) мозаиках из Карфагена [3] и Утики [4] с изображением сцен охоты.

По общему композиционному замыслу пейзажные сцены Стасовского склепа находят некоторые аналогии в живописи Дура Европос, в частности в росписи Митреума, изображающей сцену охоты.[5] Не следует, однако, чрезмерно переоценивать эту близость.

Прежде всего необходимо подчеркнуть большое своеобразие боспорской живописи, в частности росписи Стасовского склепа. Это своеобразие нашло свое яркое проявление также и в отношении к пейзажу. Большой интерес представляет с этой точки зрения цветочный фон, играющий значительную роль и в пейзажных, и в батальных картинах Стасовского склепа, так же как и в двойном склепе 1873 г.

Систему покрытия фона картины беспорядочно разбросанными желтовато-зелеными листьями и желтовато-розовыми цветами мы встречаем неоднократно в боспорской живописи. Было бы совершенно неправильным рассматривать всегда этот цветочный фон как изображение пейзажа. Сплошь и рядом этот фон появляется в таких сценах, которые бесспорно понимались как происходящие в закрытом помещении, например, в сцене загробной трапезы в склепе Сорака, в аналогичной сцене на расписном саркофаге 1900 г. или в изображении художника-портретиста на том же саркофаге. Этот фон носит несомненно чисто условный характер.

Такой же условный характер носил, очевидно, цветочный фон в батальной картине первой камеры двойного склепа 1873 г., вообще очень близкой к батальным картинам Стасовского склепа.

Худшая сохранность росписи склепа 1873 г. и ее менее высокое художественное качество несколько ослабляет это общее впечатление, но в основном характер той и другой росписи аналогичен.

В росписи Стасовского склепа наблюдается одна деталь, указывающая на то, что цветочный фон играл здесь роль не только абстрактного пространства, но и сознательно использовался художником как элемент пейзажа: в росписи восточной стены центральной ниши-лежанки мы видим отдельные лепестки и листья, трактованные так же, как весь цветочный фон, но посаженные на стебле, т. е. превращенные в настоящие цветы, следовательно, играющие роль таких же равноправных элементов пейзажа, как деревья или трава. То же имеет место и в пейзажной сцене на южной стене центральной ниши-лежанки. Следовательно, художник ставил в данном случае своей задачей показ места действия, изображение реального степного пейзажа.

В целом несомненно, что боспорская живопись первых веков нашей эры отличается значительно большей плоскостностью по сравнению с памятниками более ранней эпохи, как, например, роспись склепа 1908 г. (рис. 1), во фризе которого применяются все приемы перспективного изображения, известные в греческой живописи. Характерна, например, такая деталь, как перспективное изображение гвоздей. Интересно сравнить эту деталь с одной мелкой деталью в росписи склепа 1891 г.: во фризе этого склепа изображены гирлянды цветов и фруктов, подвешенные на крючках, трактованных совершенно плоскостно.

---

[1] Б. В. Фармаковский. Вазовая живопись и ее отношение к монументальному искусству в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. Зап. Класс. отд. Русск. Археолог. общ., т. X, СПб., 1899, стр. 75, 129 и сл.

[2] R. P. Hinks. Catalogue of the Greek, Etruscan and Roman paintings and mosaics in the British Museum. London, 1933, № 5a, b, c, стр. 126 и сл., рис. 142—144; № 51a, b, стр. 129 и сл., рис. 147—148.

[3] Там же, № 57b, c, e, f, стр. 144 и сл., рис. 162—165.

[4] Там же, № 45, стр. 119 и сл., рис. 137.

[5] M. Rostovzew. Das Mithraeum von Dura. RM XLIX, 1—2, 1934, стр 19.

Необходимо отметить также характерное для боспорской живописи преобладание чистого локального цвета. Боспорские живописцы часто прибегают к контрастным сопоставлениям цвета. Так, например, в изображении стоящих воинов в Стасовском склепе наблюдается чередование воина в розовой рубахе с воином в голубовато-серой рубахе и серой кольчуге. Сочетание голубовато-зеленого цвета с желтовато-розовым имеет место в одеждах летящих фигур на своде первой камеры двойного склепа 1873 г. Сопоставление чрезвычайно интенсивного розового и желтого цвета с таким же интенсивным голубым играет большую роль в росписи 1891 г. Не случайно, по всей вероятности, и последовательное чередование тонов — красных и желтых, с одной стороны, синих, серых, иногда зеленых, с другой, — в пантикапейских росписях инкрустационного стиля, в передаче разноцветной мраморировки стены. Эта система отчетливо прослеживается в росписи склепа 1875 г. по акварели Гросса.

Та же последовательность имеет место и в росписи Стасовского склепа. Этот принцип чередования контрастных цветов — желтого и красного с серым и синим — теснейшим образом связан с декоративным характером боспорской живописи.

Не исключена возможность, что боспорская живопись испытала на себе известное влияние отдаленных восточных областей Римской империи, в частности Дура Европос.[1] Но не следует забывать и того, что вкус к пестроте и многокрасочности на Боспоре в первые века нашей эры мог и должен был питаться из гораздо более близкого источника, каким было сарматское искусство с его стилем полихромной инкрустации.

Итак, можно сделать вывод, что в боспорской живописи I—II вв. н. э. сложился своеобразный местный стиль. Как показывает роспись склепа 1891 г., расписной саркофаг из Государственного Эрмитажа и некоторые другие памятники, боспорская живопись отличается от современного ей грекоримского искусства большей условностью, абстрактностью и иератичностью, особенно в понимании образа человека. Характерны для этих памятников плоскостность и статичность композиции, статуарная изолированность фигур, условная разница в масштабах господ и рабов. Этот условный иератический стиль полностью соответствует религиозному содержанию боспорской живописи, связанному с представлениями о героизированном умершем. Можно предположить в то же время, что эти художественные образы отражали и закрепляли существующую систему социальных отношений, их героическая торжественность прекрасно соответствует задаче возвеличивания и прославления господствующего класса.

Наряду с этим заслуживает внимания реалистическая тенденция, ясно выраженная в боспорской живописи и сказывающаяся в передаче этнических особенностей, индивидуальном портрете, психологической характеристике лица, своеобразном понимании пейзажа. Это свидетельствует об освоении и переработке боспорскими живописцами классических и эллинистических художественных традиций. Но реалистические элементы боспорской живописи не могут быть полностью сведены к подражанию греческим образцам. Значительно важнее и интереснее то живое и непосредственное отражение реальной действительности, которое можно проследить в боспорской живописи, хотя местный художник и передавал ее часто примитивными средствами.

[1] Б. В. Фармаковский обратил внимание на близкую аналогию, которую находит инкрустационный стиль керченских росписей в живописи Пальмиры; см.: Живопись в Пальмире. Отд. оттиск из Изв. Русск. Археолог. инст. в Константинополе, т. VIII, вып. 3, 1902, стр. 12.

М. И. Максимова и М. А. Наливкина

СКУЛЬПТУРА

Трудно себе представить античный город без статуй на площадях, в храмах, в общественных и частных зданиях.

Дошедшие до нас надписи на целом ряде постаментов для статуй, воздвигавшихся либо в честь богов, либо в честь особо известных, прославившихся своей деятельностью граждан, а также находки памятников скульптуры на местах античных поселений свидетельствуют об их широком распространении в греческих колониях северного Причерноморья. О том же говорят и известия древних писателей. Но большинство дошедших до нас памятников скульптуры колоний северного Причерноморья сохранилось не целиком, а в обломках. Целые статуи, найденные в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре, пока единичны. Это объясняется отчасти тем, что произведения скульптуры в древности особенно подвергались порче и уничтожению во время войн, когда в городах в той или иной мере разрушались городские сооружения, здания и храмы. Дион Хрисостом, греческий философ и ритор, живший в I в. н. э., говоря о разорении Ольвии гетами, отмечает, что в ольвийских храмах не осталось ни одной целой статуи, все они изуродованы, равно как и изображения на надгробных рельефах.

При раскопках и случайных находках в различных пунктах северного Причерноморья встречаются памятники привозной и местной скульптуры двух родов: 1) круглая скульптура в виде монументальных статуй, предназначавшихся для установки в общественных зданиях, на площадях и в храмах (сюда же следует отнести и погребальные статуи и полуфигуры, ставившиеся на могилы, а также статуэтки небольших размеров, служившие украшением жилищ, вотивными приношениями и т. п.); 2) рельефы посвятительные и надгробные.

Основными материалами скульптурных произведений, найденных в северном Причерноморье, были мрамор и известняк; из мрамора изготовлены главным образом привозные образцы, хотя находки неоконченных античных скульптур из мрамора подтверждают, что рельефы и статуи иногда изготовлялись на месте из привозного мрамора; известняк, находимый повсеместно на нашем юге, служил материалом для большинства скульптур и рельефов, изваянных в мастерских Причерноморья. В редких случаях в официальных надписях греческих колоний имеются указания на изготовление статуй из бронзы, но до нас дошли лишь единичные скульптурные памятники из металла (см. стр. 350). Не исключена возможность применения для скульптуры дерева, как это имело место и в Греции.

Привозные статуи и скульптурные рельефы, изготовленные из различных сортов греческих скульптурных мраморов, часто позволяют определить путем анализа их материала те культурные центры, откуда поступали в северное Причерноморье произведения скульптуры. Местный крымский мрамор юрско-мелового возраста, залегающий недалеко от Балаклавы в так называемой «мраморной балке», ввиду особой его структуры вряд ли мог служить для ваяния.

Обладая красивым желтовато-красноватым цветом, он мог употребляться только для облицовки зданий.

В города северного Причерноморья несомненно переселялись отдельные мастера-скульпторы из Греции и Малой Азии, создававшие произведения чисто греческого стиля. Наряду с такими, может быть, временно приезжавшими в колонии греческими скульпторами, с течением времени в крупных причерноморских колониях появились мастерские местных скульпторов. Среди местных мастеров были несомненно греки, хорошо знавшие греческие скульптурные традиции. Об этом свидетельствуют как особенности стиля скульптуры отдельных севернопричерноморских центров, так и надписи на пьедесталах статуй, содержащие чисто греческие имена скульпторов. Но были и местные мастера не-греки, имена которых до нас не дошли. В своих работах они сумели создать образцы скульптуры, в которых отразилось их собственное мировоззрение.

ПРИВОЗНАЯ СКУЛЬПТУРА

Произведения скульпторов Греции и Рима поступали в северное Причерноморье в течение всего периода существования ко-

Рис. 1. Архаический «курос» из Ольвии.

лоний. Это, как и ряд других явлений, указывает на то, что между греческими городами Средиземноморья и городами юга СССР в античное время существовали не только экономические, но и культурные связи.

Наиболее ранние привозные скульптурные произведения, найденные на местах античных поселений северного Причерноморья, относятся еще к архаическому периоду. Это памятники, происходящие из ионийских центров, главным образом из Милета и с островов Эгейского моря.

Рис. 2. Обломок архаической головы из Ольвии.

Из Ольвии происходит фрагмент статуэтки юноши типа так называемых «архаических Аполлонов» или «куросов» (рис. 1). Этот заимствованный греками из Египта статуарный тип стоящей в строго фронтальном построении юношеской фигуры в течение VI в. до н. э. получил широкое распространение во всей Греции, и преимущественно на нем мастера, постепенно совершенствуясь, учились изображению человеческого тела. Ольвийская статуэтка сработана была на одном из островов Эгейского моря, может быть на Самосе, на что указывает качество мрамора и некоторые особенности стиля. Судя по моделировке грудных мускулов и по другим признакам, время ее изготовления падает на вторую треть VI в. до н. э.[1]

К несколько более раннему времени относится обломок головы от статуи такого же типа, как и предыдущий фрагмент (рис. 2). Волосы, опускающиеся на затылок, разделены на отдельные пряди и квадратики; широкая форма всей головы, приближающаяся к форме куба, сближает ольвийскую

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический «курос» из Ольвии. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 164—170, рис. 23—26.

голову со скульптурами начала VI в. до н.э.[1]

Все черты, присущие греческой архаической скульптуре, — статичность, замкнутость контурных линий при непременном фронтальном построении фигуры — прослеживаются и на других ранних привозных скульптурных произведениях, обломки которых найдены на территории северного Причерноморья.

Греческим скульпторам, работавшим в конце архаической эпохи, свойственно стремление к конкретному изображению живой натуры. При общей, еще архаической, связанности позы наблюдаются попытки оживить фигуру отдельными мотивами. Старательно разрабатываются складки одежды, трактуемые, однако, чисто декоративно.

Из ионийских памятников строгого стиля, сменившего стиль эпохи архаики, заслуживает внимания найденная в Ольвии полихромная (раскрашенная) мраморная стела (плита), на двух сторонах которой имеются изображения (рис. 3, *а*, *б*). На одной из сторон рельефа изображен нагой юноша, на другой — фигура амазонки или скифа-воина. На боковых вертикальных ребрах рельефа имеются греческие посвятительные надписи — одна стихотворная, вторая прозаическая. Этот памятник, до конца еще не истолкованный, интересен как редкий тип стелы, украшенной рельефами с двух сторон. Интересны и сами рельефы и, наконец, надписи. Нагой юноша-воин, изображенный на одной из сторон стелы, повидимому, держал в правой руке древко копья, упи-

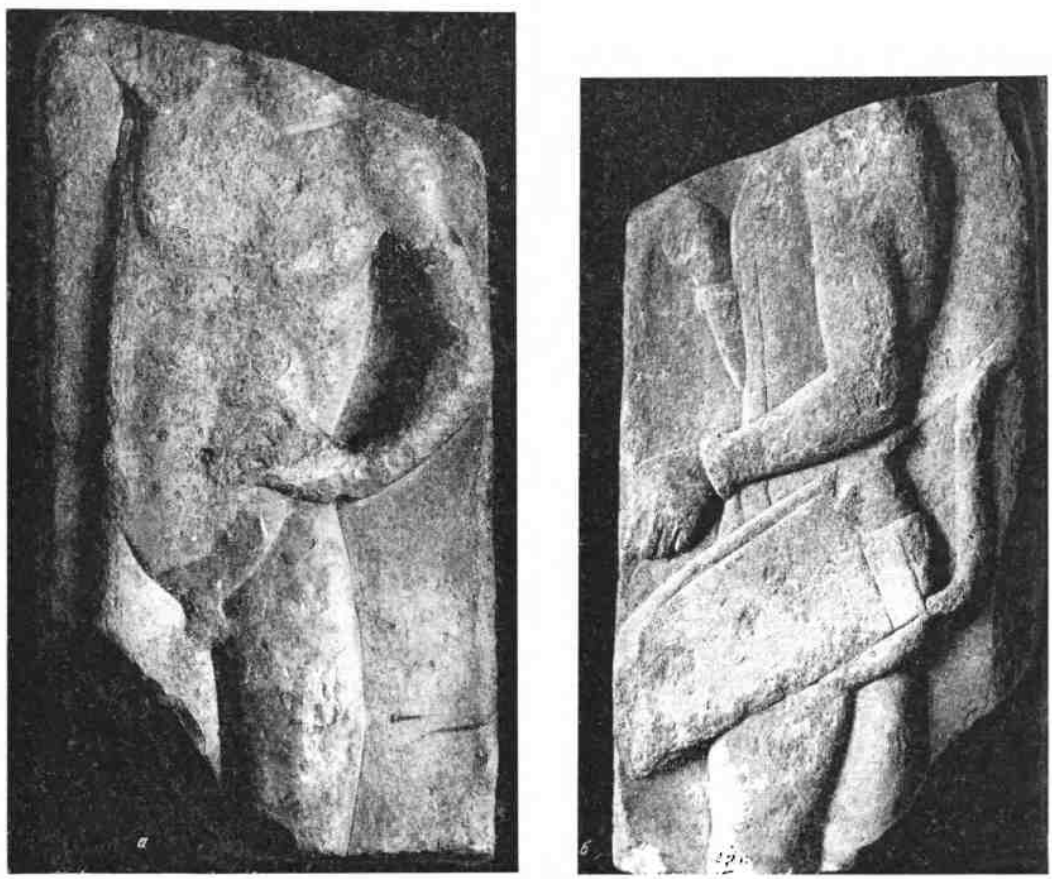

Рис. 3. Стела Херсонского музея.
а — юноша; *б* — амазонка.

[1] ОАК за 1906 г., стр. 32, рис. 24 — O. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage, II. Berlin-Leipzig, 1931, стр. 3, рис. 3—4, табл. XXXI, рис. 441.

равшееся нижним концом в землю. Ладонь левой руки касается бока тела, и туловище склоняется на левую сторону, нарушая тем самым строгость фронтального построения фигуры. По моделировке нагого тела можно судить об овладении мастером натурой, хотя

короткой куртки с оборкой; ноги, повидимому, были одеты в длинные, плотно облегавшие тело штаны. Подобная одежда встречается в греческой вазовой живописи конца VI—начала V вв. до н. э. на изображениях амазонок и варваров.[1]

Рис. 4. Надгробие с головой юноши из Керчи.

он еще и не отрешился полностью от приемов архаического искусства, о чем свидетельствует плоскостность изображения. Перед нами произведение раннего строгого стиля ионийской пластики начала V в. до н. э.

На другой стороне стелы изображена в профиль фигура, вооруженная луком, вложенным в свисающий с плеча горит. В руках у нее стрела. Одежда состоит из

Стилистически и хронологически близким, особенно к первому рельефу ольвийской стелы, является обломок мраморного надгробного рельефа с изображением юноши в профиль (рис. 4), найденный в Керчи.[2]

[1] Б. В. Фармаковский. Мраморная стела Херсонского музея из Ольвии. ИАК, вып. 58, 1915, стр. 82—133, табл. II—IV.

[2] KW, табл. XXXI, рис. 441.

Сочность и свежесть рисунка, мягкость в трактовке контурных линий головы и плеч ставят данный рельеф в ряд первоклассных произведений ионийской пластики первой половины V в. до н. э.

Найденный в Керчи круглый мраморный фрагментированный алтарь (или база для статуи), украшенный рельефными фигурами, принадлежит к числу привозных скульптур второй половины V в. до н. э. (рис. 5).[1] Изображенные по кругу женские фигуры, закутанные в верхние одежды (гиматии), воспроизводят, повидимому, культовое праздничное шествие в честь какого-то божества. Женщины следуют размеренным шагом одна за другой в строгой последовательности. Сохраняя единство торжественного шествия, каждая из его участниц в то же время отличается от других индивидуальными чертами. Типы изображенных фигур восходят к строгому стилю, но в движениях чувствуется влияние иного, нового стиля, свойственного греческой пластике второй половины V в. до н. э.

В V и в IV вв. до н. э. греческие колонии северного Причерноморья как в экономическом, так и в культурном отношениях были тесно связаны с Афинами. Произведения времени великого аттического скульптора Фидия и его школы несомненно доставлялись в Причерноморье, но до нас они не дошли. Об интересе причерноморцев к художественной жизни Афин эпохи Фидия мы можем судить лишь по несколько более поздним памятникам, воспроизводящим знаменитую статую Афины-Девы Фидия в Парфеноне. Это, во-первых, два золотых медальона с головой Афины из кургана Куль-Оба (см. статью Е. О. Прушевской в настоящем сборнике, стр. 344). На голове богини шлем, украшенный фигурами сфинкса, пегасов и грифонов. На наушниках помещены совы. Подобными же изображениями, согласно литературному преданию, был украшен шлем хризэлефантинной статуи Афины-Девы Фидия. Оба медальона являются произведениями греческой торевтики конца V или начала IV в. до н. э.

Свободной копией той же статуи Афины-Девы Фидия является и небольшая мраморная статуэтка IV—III вв. до н. э., найденная в Ольвии (рис. 6).[1] Дорический хитон скреплен на груди панцырем-эгидой с изображением горгоны. Левой рукой богиня опиралась на щит, который не сохранился. Ряд деталей отличают ольвийскую статуэтку от оригинала Фидия. Поза и складки одежды иные, чем на оригинале, под правой рукой отсутствует подпорка. Мастер, работая над данной статуэткой, передал стиль Фидия, не рабски копируя оригинал, но внеся в работу большую долю собственной творческой фантазии.

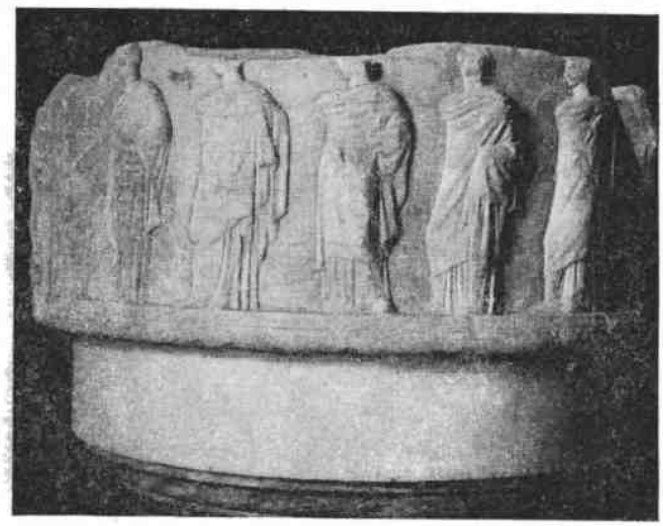

Рис. 5. Круглая база из Керчи.

Может быть, работой афинского скульптора IV—III вв. была колоссальная статуя льва, обломки которой были найдены на месте древней Ольвии. Сохранившиеся части двух лап животного поражают силой моделировки и тщательностью отделки.[2]

Творчество ведущих греческих скульпторов IV в. Скопаса, Праксителя и Лисиппа, в значительной мере определившее ход развития греческой пластики в эллинистическую эпоху, оставило заметный след и в районе Причерноморья. Подлинных и несомненных произведений этих мастеров здесь,

[1] А. Б. Ашик. Воспорское царство, ч. III. Одесса, 1849, рис. CII.

[1] Б. В. Фармаковский. 1) Мраморная статуэтка Афины-Девы. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 63—93, табл. I—II. 2). Еще об ольвийской статуэтке Афины. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 109—114. — О. Ф. Вальдгауер. Ольвийская статуэтка Афины. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 99—111.

[2] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 159—160, рис. 19—20.

правда, пока не обнаружено, но о том, что таковые там бытовали, говорят надписи Ольвии и Херсонеса, упоминающие имена Праксителя и другого известного афин-

Рис. 6. Статуэтка Афины из Ольвии.

ского скульптора IV в. до н. э. Поликрата. Во всяком случае ряд скульптур, происходящих из северного Причерноморья, свидетельствует о проникновении в этот район работ, относящихся к школам данных мастеров.

Наиболее замечательными произведениями школы Скопаса, найденными в северном Причерноморье, являются: полихромная скульптура — голова Геракла [1] из собрания Государственного Эрмитажа в Ленинграде (рис. 7) и бородатая голова, хранящаяся в Историческом музее в Москве, по всей вероятности, изображающая Асклепия [1] (рис. 8).

На обеих скульптурах волосы трактованы суммарно с подчеркиванием светотеней. Эта особенность, равно как трактовка внешних углов глаз и общее выражение пафоса свидетельствуют о том, что перед нами произведения если не самого Скопаса, мастера в передаче сильных эмоций, то художника его школы.

Из произведений стилистически близких Праксителю, с большей или меньшей долей вероятности, можно назвать сильно поврежденную мраморную статую Диониса из Керчи (рис. 9).[2] Ее характеризуют обобщение и идеализация форм, мягкие наклоны и

Рис. 7. Полихромная голова Геракла.

движения фигуры, свойственные творчеству Праксителя.

[1] JHS, v. XLIV, 1924, стр. 47, рис. 2. — O. Waldhauer, ук. соч., т. I. Berlin-Leipzig, 1928, стр. 82, табл. XILIV, рис. 76.

[1] О. Ф. Вальдгауер. Памятники древней скульптуры в Историческом музее в Москве. ИАК, вып. 23, 1907, стр. 76. рис. 4. — JHS, v. XLIV. 1924, стр. 49, рис. 4, табл. I.

[2] ОАК за 1865 г., стр. VII. — O. Waldhauer, ук. соч., II, стр. 31, рис. 31.

В последующую эпоху наряду с прежними художественными центрами Греции во многих эллинистических государствах были основаны новые школы ваяния, где под влиянием традиций греческого искусства IV в., но в то же время и в связи с задачами, возникшими перед художниками в результате глубоких изменений, происшедших в Средиземноморье в конце IV и начале III в., мастера эпохи эллинизма создали новые, свежие направления в искусстве. Среди скульптур, происходящих из северного Причерноморья, имеются памятники, свидетельствующие о культурных связях этого района с рядом скульптурных школ эпохи эллинизма, с аттической, александрийской и пергамской школами.

Образцом малой скульптуры этой эпохи является мраморная фрагментированная статуэтка юного Диониса из Тиритаки, принадлежащая аттическому кругу скульптур и носящая культовый характер (рис. 10).[1] Сделанная из белого мрамора, статуэтка дает совершенно новый образ Диониса. Особенности ее стиля — сравнительно плоскостное построение всей фигуры Диониса, постановка ног и складки плаща — восходят еще к мотивам V и IV вв. до н. э. Но ряд

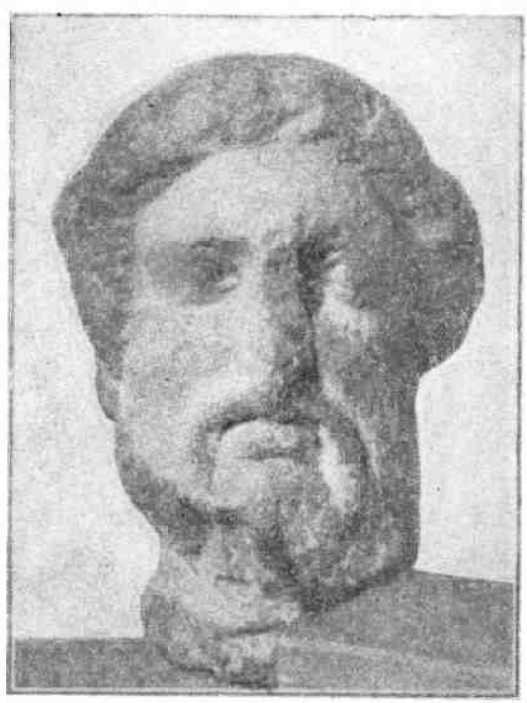

Рис. 8. Голова Асклепия.

Рис. 9. Статуя Диониса из Керчи.

весьма тонко наблюденных деталей и трактовка нагого тела, хитона, небриды и складок плаща сближают статуэтку с произведениями аттической пластики первой половины III в. до н. э. Статуэтка интересна не только тем, что она привезена из Афин на далекий Боспор, но также и потому, что она является редким образцом малой аттической пластики первой половины III в. до н. э.

Три мраморные головы, найденные в Ольвии, исполнены под сильным влиянием выдающихся мастеров Греции IV в. до н. э. (рис. 11—13).[1] Одна из них (рис. 11), изоб-

[1] Е. В. Ернштедт. Статуэтка Диониса из Тиритаки. СА, VII, 1941, стр. 174—188, рис. 1—2.

[1] Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 191—215, табл. I—III. — O. Waldhauer, ук. соч., I, стр. 62, табл. XXVII, рис. 47.

ражающая бога Асклепия, по характеру работы и патетическому выражению лица

Рис. 10. Статуэтка Диониса из Тиритаки.

близка к уже упомянутой ранее скульптуре Скопаса, находящейся в Историческом музее. Выполненная из белого, слегка голубоватого мрамора голова носит на себе следы тонкой моделировки. Глаза изображены устремленными вверх, в пространство, взор мечтательный, рот приоткрыт, череп, подбородок и щеки скрыты мягко, но смело трактованной массой волос, переданной с помощью буравчика. От произведений IV в. до н. э. голова Асклепия отличается тем, что она обработана лишь спереди. Сзади голова отделана весьма суммарно. Это явление характерно для скульптур эллинистического времени, особенно для александрийских. На эллинистическую эпоху указывают также передача волос, бросающих тень на лицо, и наклон головы в сторону.

Женская голова из Ольвии (рис. 12), может быть изображающая Гигиею, богиню здоровья, также отразила в себе сильное влияние доэллинистической скульптуры IV в. Расчесанные на две стороны волосы слегка закрывают уши; повидимому, прическа завершалась наверху узлом (голова сохранилась неполностью). Идеальный тип головки близок праксителевским типам Афродиты. Нежные, мягко моделированные черты лица богини, высокий лоб и нос, тонкий подбородок, сближают голову со скульптурными головами александрийской школы III в. до н. э.

Третья голова из Ольвии (рис. 13) изображает улыбающегося Эрота, с длинными волосами, густой массой покрывающими щеки. В трактовке волос и глаз мальчика отражено влияние стиля Скопаса. Общий облик лица носит следы школы Праксителя. Улыбка, нежность выражения и живопис-

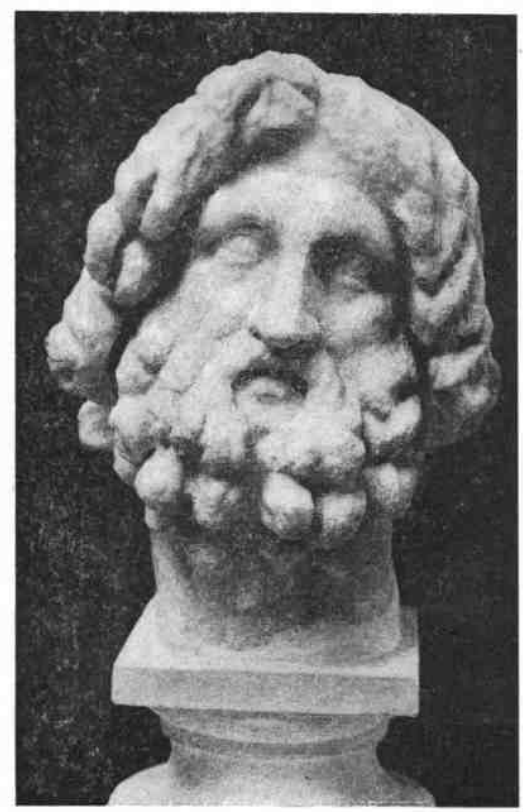

Рис. 11. Голова Асклепия из Ольвии.

ность трактовки сближает больше всего и эту ольвийскую голову с александрийскими изделиями из мрамора.

Связь Ольвии с Александрийской школой осуществлялась прямо или же через

посредство Родоса, торговые связи которого с Причерноморьем подтверждаются различными видами археологических памятников и памятников искусства.

В эллинистический период в северное Причерноморье поступали также скульптурные произведения Пергамской школы скульпторов. Портретная голова, найденная в Керчи, изображает, возможно, Митридата Евпатора (рис. 14).[1] По особенностям стиля, ярко выраженному драматизму и пафосу она может быть отнесена к образцам пергамской скульптуры.

Античная скульптура первых веков нашей эры, в том числе и портретная, также нашла себе отражение в найденных на территории Причерноморья памятниках.

К числу мраморных привозных скульптур, найденных на территории Керчи и исполненных в стиле античного портрета,

Рис. 12. Женская голова из Ольвии.

относится бюст одного из боспорских царей, по всей вероятности, фрагмент статуи (рис. 15).[1] Отожествить его с определенным правителем Боспора пока не удалось. В головном

Рис. 13. Голова Эрота из Ольвии.

царском уборе, украшенном диадемой, и в волосах просверлены буравом круглые отверстия, служившие, очевидно, для прикрепления каких-то украшений, сделанных из металла. По характеру трактовки черт лица голову можно датировать временем до II в. н. э.

К этому же времени следует отнести и несколько монументальных скульптур животных, найденных в различных пунктах северного Причерноморья. Мраморный лев, положивший переднюю лапу на голову растерзанного быка (рис. 16), найденный в одном из курганов в окрестностях Керчи, представляет собой интересный образец декоративной скульптуры.[2] Два льва, найденные в Ольвии, худшей сохранности, чем керченский лев, интересны не только как

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № П, 1909, 144.

[1] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 179, рис. 5.

[2] ОАК за 1894 г., стр. 5, рис. 1.

скульптурные памятники: на их спинах начертаны еще не прочтенные, но, вероятно, письменные знаки.[1]

Рис. 14. Голова Митридата Евпатора из Керчи.

Фрагментированная мраморная статуя Кибелы из Керчи (рис. 17), найденная на горе Митридат, представляет богиню, сидящую на троне, по бокам которого помещены с одной стороны лев, с другой тимпан[2]. Тип статуи восходит к V—IV вв. до н. э., но своеобразные укороченные формы фигуры богини и чрезвычайно тщательная полировка поверхности мрамора указывают на работу римского копииста, исполненную не ранее II в. н. э.

К числу хороших портретных скульптур относится найденная в Ольвии женская голова[3] III в. н. э., представляющая, по-видимому, либо Паулину, жену Максимина I, либо сестру жены римского императора Септимия Севера Юлию Мезу, изображения которой встречаются и на римских монетах императорского времени. Приблизительно к тому же времени относится найденная в Ольвии мраморная статуэтка мальчика, служившая украшением фонтана в доме или в саду богатого ольвиополита (рис. 18).[1]

На крышке сильно поврежденного мраморного саркофага конца II в. н. э., найденного в одном из склепов на городище Мирмекия близ Керчи, изображены две возлежащие на ложе фигуры, мужская и женская, опирающиеся на изголовье и повернутые лицами друг к другу.[2] В левой руке у мужчины свиток, а правая положена на плечо женщины. На лицевой и боковой сторонах саркофага были изображены сцены из

Рис. 15. Фрагментированная голова из Керчи.

жизни Ахилла на о. Скиросе. Сохранились фигуры Одиссея и его спутников, увлекаю-

[1] ЗОО, т. III, 1853, стр. 247, табл. VI. — И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933, стр. 14, рис. 7.

[2] O. Waldhauer, ук. соч., III, Berlin-Leipzig, 1936, № 248, табл. XIV—XV, рис. 20.

[3] С. А. Жебелев. Памятники классической скульптуры, хранящиеся в музее Одесского общества. ЗОО, т. XXII (1900 г.), стр. 71, рис. 5.

[1] ОАК за 1905 г., стр. 15, рис. 15—16.

[2] А. Б. Ашик, ук. соч., ч. II, 1848, стр. 41; ч. III, 1849, рис. 118, 119.

Рис. 16. Статуя льва из Керчи.

Рис. 17. Статуя Кибелы из Керчи.

Рис. 18. Статуэтка мальчика из Ольвии

щих Ахилла из среды окружающих его дочерей Ликомеда (рис. 19). На задней стороне изображены парящие гении.

Перечисленными памятниками отнюдь не исчерпывается весь список находок привозной греческой и римской скульптуры колоний северного Причерноморья, хранящихся в центральных и местных музеях нашей страны, но поскольку главное внимание уделяется нами произведениям местных ма-

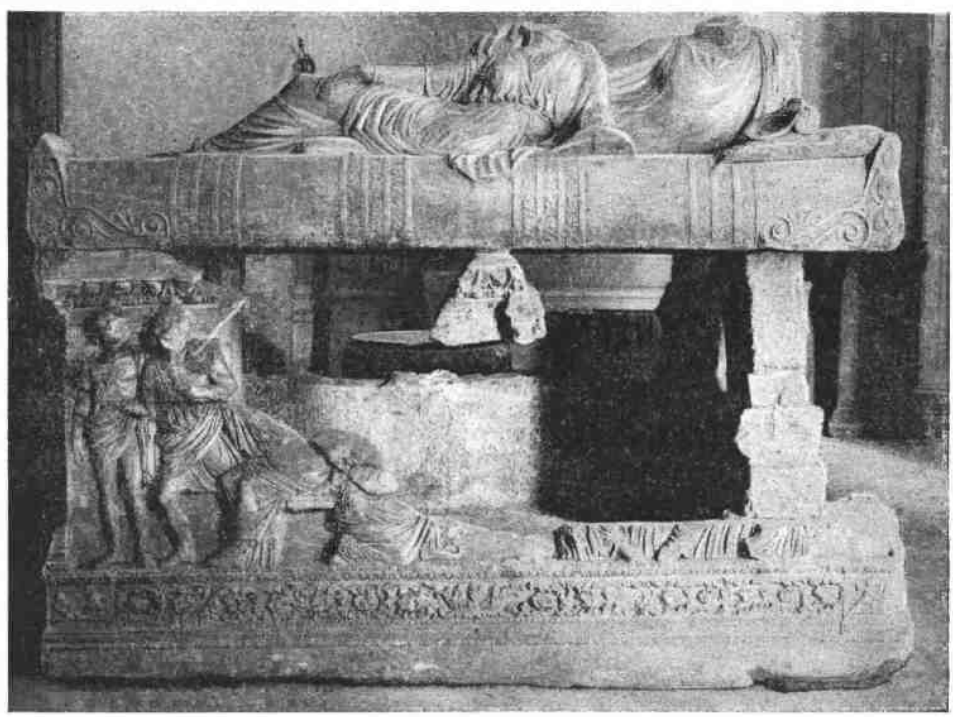

Рис. 19. Мраморный саркофаг из Мирмекия.

стеров, мы остановились здесь лишь на наиболее характерных образцах этой категории памятников.

МЕСТНАЯ СКУЛЬПТУРА

Большой заслугой советской науки следует признать живой интерес к местным художественным изделиям. В частности, в отношении скульптуры советскими учеными была выполнена большая работа по размежеванию привозных и местных памятников и по изучению последних с целью выявления художественных особенностей их стиля и определения элементов, из которых он генетически слагался. Эта работа еще далека от своего завершения. Только отдельные памятники и группы таковых постепенно получают правильную историко-художественную оценку, что дает возможность не только говорить о самом факте существования скульптурных мастерских в целом ряде городов Причерноморья, но и частично наметить пути развития местного стиля в ваянии. Однако, в настоящее время еще невозможно дать полную и четкую картину эволюции местной скульптуры по центрам производства и отдельным эпохам. Только в самой общей форме можно установить, что в скульптуре, так же как и в живописи и в различных отраслях художественного ремесла, на почве северного Причерноморья путем слияния античных и туземных традиций сложился и утвердился в первые века нашей эры своеобразный художественный стиль как выразитель идеологии создавшего его этнически неоднородного общества.

Взятое в целом это явление находит себе аналогии всюду, где античный мир близко сталкивался с миром «варваров», например, в Галлии, Германии, на Переднем Востоке и т. д. и где местные элементы в искусстве, оплодотворенные античными влияниями,

окрепли и в результате социально-экономического и культурного роста соответствующих общественных объединений в свою очередь начали оказывать обратное воздействие на уже утерявшие к этому времени былую силу и свежесть нормы античного искусства.

На формирование нового стиля в скульптуре влияли этническая среда и общественно-экономические условия, присущие отдельным городам и государствам Причерноморья, и это привело к тому, что в продукции мастерских того или иного культурного центра замечаются некоторые несвойственные другим мастерским особенности, хотя общая линия развития местного художественного стиля всюду идет в одном направлении. Ее можно охарактеризовать как постепенное, органическое слияние туземных и античных художественных элементов, с явным преобладанием первых в конце античной эпохи; и это несмотря на то, что, как мы видели выше, города северного Причерноморья не прекращали ввоза античных изделий до последних веков своего существования и, следовательно, не теряли контакта с художественной жизнью Греции. Но в первые века нашей эры местные скульпторы выработали собственные устойчивые навыки и формы, и античные статуи и рельефы утеряли для них прежнее значение недосягаемых образцов. Конечно, и в это время попадаются скульптурные произведения, которые стремятся возможно точно следовать за античными оригиналами, но это скорее исключения из общего правила.

Будущее принадлежало не слепым подражателям, а тем местным художникам, которые осознали самих себя и внутренне отмежевались от по существу чуждого им античного искусства.

Наиболее видное место среди изделий скульптурных мастерских северного Причерноморья занимают надгробия.[1] Те привозные мраморные саркофаги, статуи и стелы, которыми украшали свои могилы представители греческой и местной знати, были не по средствам для средних слоев населения, а так как обычай ставить на могилы каменные памятники был распространен как среди греков, так и среди «варваров» — в связи с культом мертвых он был неотъемлемой частью их религиозных обычаев, — то для местных скульпторов открывалось в этом направлении широкое поле деятельности.

Весьма значительное количество надгробных памятников, особенно стел, дошло до нас на территории Боспорского царства. Хронологически они распределяются на время от V в. до н. э. примерно до III в. н. э. и при наличии различных течений, часто существующих параллельно друг с другом, в общем и целом дают картину постепенного перехода от подражания греческим образцам к утверждению местного стиля в скульптуре.

Наиболее древние надгробные стелы Боспора представляют собой гладкие плиты (иногда увенчанные простым карнизом) с начертанной на них надписью — именем погребенного. В конце V или в начале IV в. входят в моду стелы афинского образца в виде узкой, высокой плиты, заканчивающейся наверху карнизом и так называемым анфемием, т. е. украшением из растительных мотивов, по большей части пальметками. На рис. 20, *а*, *б* сопоставлены два анфемия от стел этого типа с листьями аканфа и пальметкой. Первый фрагмент происходит от мраморной привозной стелы, второй от местного, весьма неуклюжего подражания из известняка. Необходимо оговориться, что встречаются и гораздо более совершенные местные повторения этого мотива.

В III в. до н. э. появляются на Боспоре стелы другой, более сложной формы, принятой в это время в Афинах и в некоторых других областях Греции. Это небольшие каменные плиты продолговатой формы, поставленные на узкое ребро. Верхняя половина плиты оформлена в виде ниши, обрамленной пилястрами и увенчанной фронтоном с акротериями и рельефными розетками. В нише помещались фигурные изображения — различные сцены из жизни умерших или связанные с представлениями об их пребывании в загробном мире: прощание супругов, семейные группы, конные и пешие воины, мореходы на корабле, загробная трапеза и т. д. Рельефы расцвечивались яркими красками, а на гладкой поверхности стелы, под нишей, вырезалась эпитафия. Подобные стелы удерживаются на Боспоре вплоть до II в. н. э., претерпевая лишь второстепенные изменения в своем архитектурном

[1] Ю. Ю. Марти. 1) Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 87—90; 2) Позднеэллинистические надгробия Боспора. СА, VII, 1941, стр. 31—44. G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

оформлении. Так, во II в. до н. э. широкое распространение получает малоазийская форма стелы с аркой над нишей. В своей совокупности данная серия надгробий дает чрезвычайно ценный материал для знакомства с бытом, религиозными представлениями населения Боспора и в то же время она наглядно показывает постепенное усиление местных элементов в художественном стиле рельефов и надгробия в целом.

Немногочисленные стелы III—I вв. до н. э. выделяются тщательностью и художественностью работы: фон рельефа хорошо

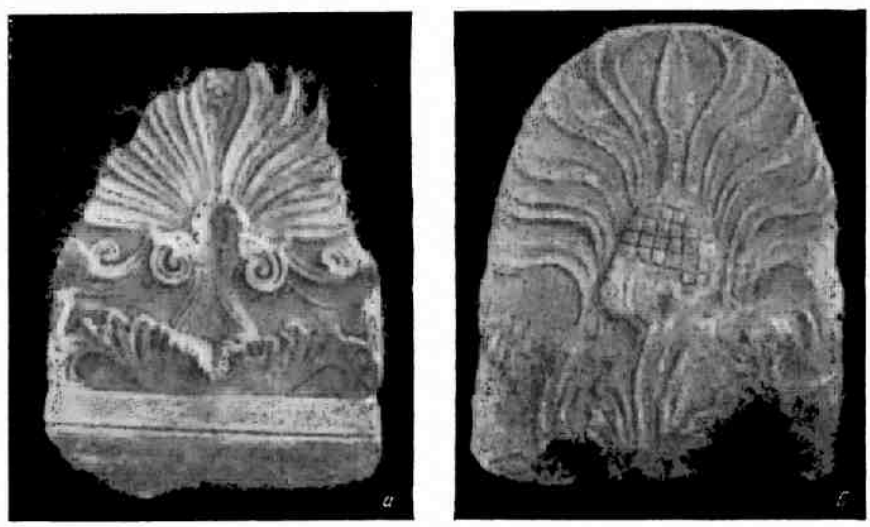

Рис. 20. Анфемии от погребальных стел.
а — привозной; *б* — местный.

сглажен, архитектурное оформление изящно, надписи вырезаны аккуратно, фигуры выразительны и пластичны, черты лица и складки одежды передаются просто, но старательно и правдиво (рис. 21). Позы фигур естественны и свободны. Нередко сцены прощания с умершим проникнуты грустно-созерцательным настроением. Мастера, изваявшие эти стелы из малопригодного для скульптурной обработки известняка, близко следовали за античными образцами, возмещая тонкость моделировки яркой красочностью. Но в передаче подробностей они сознательно отступали от привозных оригиналов. Так, фигуры на стеле III в. до н. э., изображенной на рис. 22, одеты по-местному — куртка, штаны и сапоги у мужчины, камзол у женщины. В реалистической передаче одежды и аксессуаров проявляется свойственный местному стилю интерес к бытовым деталям.

В I в. н. э. надгробные стелы не изменяют своей формы, но в трактовке рельефов часто замечается отход от прежних традиций: пластичность уступает место плоскостности, живость поз и движений — статичности. Вместе с тем сильнее пробивается наружу иная концепция поминальных изображений. Греческие траурно-идиллические сцены прощания с умершим, как бы перенесенные в иную, идеальную сферу бытия, сменяются реалистическими картинами земной жизни умершего, рисующими окружавшую его при жизни обстановку и то положение, которое он занимал в обществе. Тем самым рельефы приобретают скорее биографический, а не героизирующий характер, причем нередко повествования о деяниях покойного уже не умещаются на одном рельефе, и отведенная для изображения плоскость стелы делится на два пояса, в которых помещаются две различные сцены. Так, на надгробной стеле Стратоника (рис. 23) этот гражданин Боспора представлен в верхнем рельефе как ученый муж за своими литературными занятиями, а ниже он же фигурирует в виде вооруженного всадника.[1] Свитки, стол, одежда Стра-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, рис. 64.

тоника, его вооружение и конь переданы подробно и реалистично; эти аксессуары главным образом и характеризуют умершего как ученого и храброго воина, тогда как фигуры Стратоника и окружающих его слуг более или менее нейтральны.

В боспорских стелах II в. н. э. также нет полного единообразия стиля. Наряду с некоторыми, датированными серединой или второй половиной II в. надгробиями, сохраняющими традиционное архитектурное

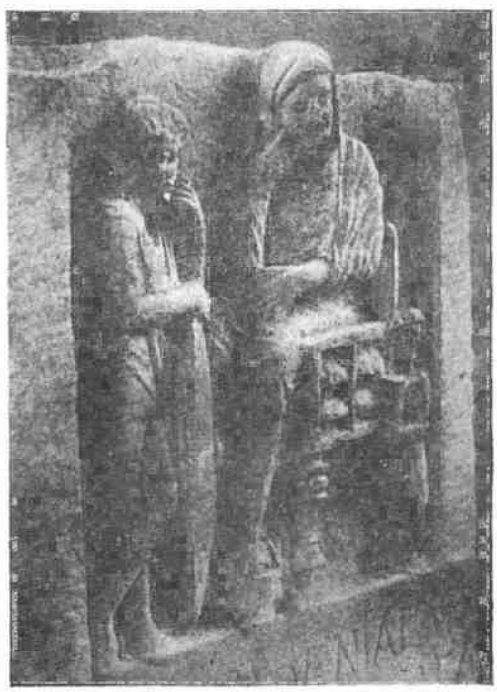

Рис. 21. Боспорская стела с изображением Каллисфении и Каллиника.

оформление и пластичность рельефа (стела Филофема, фанагорийская стела),[1] входят в употребление узкие и высокие стелы (свыше 2 м высотой); фигурные изображения на них часто располагаются уже не по двум, а по трем ярусам. Архитектурное оформление теряет свою четкость и конструктивность, а часто и вовсе исчезает, и в стиле изображений побеждают местные черты — плоскостность, графичность и схематизм в соединении с обстоятельностью рассказа и наивным реализмом. На поврежденной стеле (рис. 24) в верхнем ряду представлена загробная трапеза, где главное внимание обращено на перечисление деталей обстановки (см., например, узорчатое покрывало, наброшенное на ноги пирующего). Во втором ярусе — молодой человек с отрядом вооруженных пехотинцев, вытянутых в одну линию, совершенно одинаковых и неподвижных. Третий рельеф ныне почти совсем утрачен.

Рис. 22. Надгробие из Керчи.

Еще более поздняя стела[1] повторяет с некоторыми вариантами две из только что описанных сцен и в средней зоне дает изображение женщины, восседающей на троне, и трех стоящих перед ней отроков. Почти вся плоскость стелы занята фигурами: боковые пилястры превратились в простые рамки рельефов, карниз чуть намечен. Совершенно плоский рельеф едва выделяется над фоном, и подробности, которым по-прежнему уделяется много внимания, пе-

[1] А. П. Иванова. Надгробная стела вольноотпущенника Филофема. ВДИ, № 4, 1948, стр. 154—158, рис. 1.

[1] Воспроизведение ее см.: Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора, рис. 23.

Рис. 23. Стела Стратоника из Керчи.

реданы простыми нарезными линиями. Надписи на подобных стелах вырезаются крайне небрежно, среди имен умерших все чаще и чаще встречаются имена варварские. Нередко греческие надписи заменяются тамгами.

Рельефы вовсе исчезают со стел, вероятно, в III в. н. э. и последние принимают форму гладких каменных плит, увенчан-

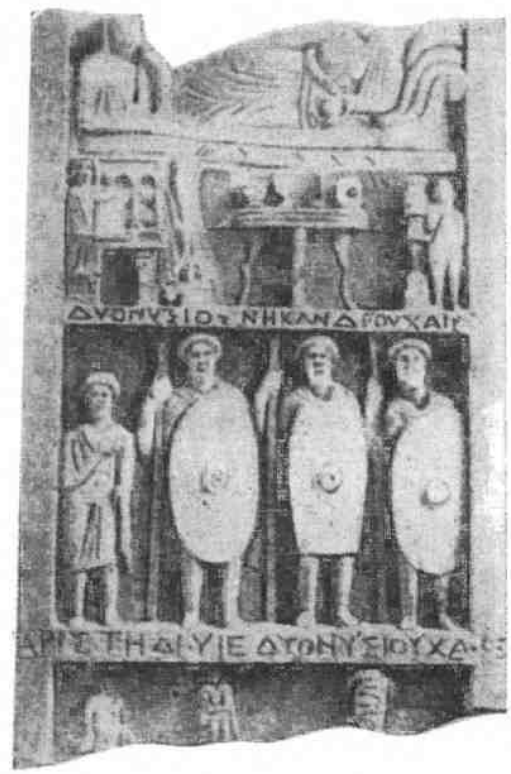

Рис. 24. Трехчастная стела из Керчи.

ных упрощенным карнизом. Надпись теперь не вырезается, а наносится красной краской.

Помимо надгробий описанного типа, ведущих свое происхождение из Греции, на Боспоре и в других областях северного Причерноморья были распространены стелы иного рода. Это так называемые антропоморфные стелы — каменные плиты, внешние очертания которых имитируют облик головы и плеч человека.[1] Греция не знала подобных надгробий, но среди местного населения северного Причерноморья они были обычным явлением. В Тиритаке

[1] А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 239—259.

были найдены три каменных стелы, которые по обстоятельствам находки должны быть отнесены к доскифской, так называемой киммерийской эпохе.[1] По своим очертаниям они приближаются к формам человеческого туловища с маленькой, слабо выдающейся головой. Поверхность их обработана скульптурно в виде рельефа: на голове обозначены глаза и нос, показаны руки, непосредственно вырастающие из шеи, а у одной из стел намечены женские груди (рис. 25). От подобных изображений по прямой линии происходят антропоморфные стелы северного Причерноморья античной эпохи, яркий пример устойчивости местных традиций. Интересно отметить, что если, как было указано выше, надгробные стелы эллинского типа в первые века нашей эры ставились иногда на могилах лиц негреческого происхождения, то среди многочисленных антропоморфных стел Боспора, лишенных всяких надписей и совершенно гладких, вероятно водруженных на могилах варваров, попадаются иногда даже высеченные из мрамора антропоморфные надгробия, украшенные рельефами, повторяющими обычные сюжеты стел эллинского типа и снабженные греческими надписями. Нельзя не видеть в этих фактах ярких показателей взаимного проникновения греческой и «варварской» культуры на почве северного Причерноморья.

Рис. 25. Тиритакская стела.

Рис. 26. Статуя скифа-воина из Краснодара.

Как греки, так и представители местного населения украшали свои гробницы статуями. Греческое население колоний и в этом отношении следовало примеру метрополии, а местное население опиралось на собственную древнюю традицию. На вершину скифских курганных насыпей нередко водружались каменные изваяния мужских и женских фигур (рис. 26). Эти скифские статуи в сущности представляют собой детализированные антропоморфные стелы, ско-

[1] Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 39, рис. 50—51.

рее рельефы, чем круглую скульптуру. Это очень толстые плиты известняка, рельефно обработанные спереди и с боков и грубо отесанные с тыльной стороны. Скифская одежда, украшения, вооружение и черты лица даны в плоском рельефе или углубленными контурными линиями. У скифа на рис. 26 предплечье держащей рог руки отделено от туловища.[1] Общий характер этих изваяний плоскостный и схематичный. Мастера стремятся не к правдивой пере-

Рис. 27. Надгробная статуя из Керчи.

даче форм тела и правильному построению фигуры, а к общей внушительности образа и подчеркиванию характеризующих фигуру деталей (см., например, голову грифона на панцыре и акинак на рис. 26). В первые века нашей эры греческие и скифские статуи, столь различные между собой по своему художественному оформлению и общей концепции, в северном Причерноморье бытовали рядом. Скульпторы, обслуживавшие население городов, следовали то одной, то другой традиции и в римскую эпоху выработали особый тип надгробных статуй, неизвестный нигде, кроме северного Причерноморья, и представляющий собой органическое слияние местных и античных скульптурных традиций.

Еще к эллинистической эпохе относится статуя, изображенная на рис. 27.[1] По общей концепции она примыкает к античным образцам, что сказывается в постановке фигуры и в мотиве плаща, перекинутого через плечо, но неправильные пропорции, неуверенность движений, плоскостность в трактовке складок и отсутствие обработки спины выдают местного мастера, только поверхностно знакомого с приемами античного ваяния. По длинному ряду женских полуфигур — также надгробных памятников — можно шаг за шагом проследить постепенный отход местных скульпторов от греческих образцов. В более ранних полуфигурах еще очень живо чувствуются античные традиции, но в дальнейшем формы становятся все более плоскими и схематичными. В конце концов получаются статуи, которые по своему внешнему очертанию приближаются к антропоморфным стелам, а по трактовке форм — к скифским статуям с их условностью, декоративностью и общей тяжеловесностью (рис. 28).

Боспорские скульпторы изготовляли, конечно, не только надгробия разных видов. Из их мастерских выходили также изделия, не связанные с культом умерших, — посвятительные и декоративные рельефы, культовые и портретные статуи и прочие изделия. Местным скульпторам приходилось осваивать готовые античные образцы, но они не довольствовались рабским подражанием и перерабатывали их на свой лад, сообщая им черты, родственные собственному восприятию действительности.

Бронзовый портретный бюст внучки Митридата, царицы Динамии, вероятно, выполнен приезжим греческим мастером, так как в нем не отразилось никаких местных художественных черт. Но в двух портретных статуях I в. н. э., найденных в середине XIX в. в Керчи,[2] и в недавно обнаруженной близ Анапы статуе правителя Горгиппии Неокла, точно датируемой надписью

[1] ИРАИМК, т. IV, 1925, табл. II.

[1] М. М. Кобылина, ук. соч., стр. 182, рис. 7, *1*.

[2] Там же, стр. 176, рис. 3.

187 годом н. э., можно наблюдать интересное сочетание античных и местных элементов как в костюме, так и в художественной трактовке.

Статуи из Керчи изображают, надо полагать, супружескую чету. В женской статуе нет ничего индивидуального. Она точно передает весьма распространенный в это время во всем античном мире статуарный тип женщины, поверх длинного хитона закутанной в большой плащ и печально склонившей голову набок. Зато в мужской статуе (рис. 29,*а*) заметно явное стремление к индивидуальной характеристике. Это представитель местного населения и притом поэт или ученый. Поза молодого человека, как бы выступающего перед слушателями, плащ, красивыми складками облегающий его фигуру, и жест левой руки, держащей свиток, взятый из стоящего тут же ящика для свитков (киботия), заимствованы у античных статуй знаменитых поэтов и ораторов. Но черты лица, прическа, высокие мягкие сапоги, штаны и нательная рубашка выдают в нем жителя северного Причерноморья, по своим склонностям и занятиям товарища Стратоника с боспорской стелы (рис. 23). Целый ряд особенностей статуи Неокла (рис. 29, *б*) — поза и некоторые художественные приемы, особенно в передаче волос и черт лица, — роднят ее с римским портретным искусством эпохи Антонинов. Но известные жесткость и плоскостность стиля при большой жизненной выразительности указывают на принадлежность этой статуи к изделиям скульптуры северного Причерноморья.[1]

Найденная в Керчи на горе Митридат фрагментированная герма Геракла из местного известняка (рис. 30) в несколько упрощенном виде копирует античный образец.[2] Но мраморная голова Зевса, также происходящая с горы Митридат и относящаяся, вероятно, ко II в. н. э., носит совершенно иной характер.[3] Пластичность здесь утрачена, голова построена по принципу отдельных плоскостей, встречающихся под различными углами, черты лица переданы графически, а трактовка волос и бороды орнаментальна. Сквозь эти формы только смутно просвечивает образ верховного эллинского бога.

Скульптурные мастерские имелись не только в Пантикапее, но и в других, менее значительных городах Боспорского царства. В одном из склепов Нимфея, относящемся, вероятно, ко II в. н. э., найдено было три небольших рельефа местной работы (рис. 31, *а—в*), изображающие Афину, Пана и Силена.[1] Античные мифологические образы ча-

Рис. 28. Надгробная статуя из Керчи.

стично не поняты художником (голова Медузы на груди Афины передана в виде висящего на шее медальона, а не украшения эгиды) и искажены до неузнаваемости. Однако, несмотря на грубость работы, маска Силена с ее утрированными, почти карикатурными чертами обладает большой выразительностью и силой, словно мастер влил здесь в античный образ черты, подмеченные им в живой, окружавшей его среде.

В Танаисе найден был посвятительный рельеф некоего Трифона (III в. н. э.), на котором представлен мчащийся на коне

[1] М. М. Кобылина, ук. соч., стр. 173, рис. 1; стр. 175, рис. 2.

[2] ОАК за 1899 г., стр. 32. — O. Waldhauer, ук. соч., I, стр. 49, табл. XIX, рис. 33.

[3] O. Waldhauer, ук. соч., I, стр. 84, табл. XLVIII, рис. 81.

[1] АДЖ, табл. XCVI, *1—3*.

воин (рис. 32).[1] Эта композиция хорошо известна по многочисленным повторениям на фресках и рельефах Пантикапея. Рельеф из Танаиса менее схематичен, чем многие даже более ранние рельефы Пантикапея. Главное внимание и здесь обращено на детали одежды и вооружения, но вместе с тем формы довольно пластичны и хорошо передан стремительный бег коня, подчеркнутый развевающимся по ветру плащом всадника.

В этом позднем памятнике, происходящем из города, расположенного на окраине Боспорского царства, ясно чувствуется живучесть античной художественной традиции.

Дошедшие до нас памятники местной скульптуры Херсонеса относятся почти исключительно к последним векам до нашей эры и к первым векам нашей эры. Среди них, так же как и на Боспоре, главное место занимают надгробия и притом восходящие к уже известным нам двум типам — греческим архитектурным стелам с рельефами и антропоморфным стелам. Однако

Рис. 29. Портретные статуи.
а — юноша (из Керчи); *б* — Неокл (из Анапы).

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 949, рис. 41.

несмотря на общие корни, развитие обоих типов протекало здесь в несколько ином направлении и привело к созданию памятников, сильно отличающихся от аналогичных скульптурных достижений Боспора.

На рис. 33 изображена надгробная стела Филократа, датируемая началом I в. н. э.[1] На первый взгляд она напоминает боспорские памятники той же эпохи, но при внимательном изучении в глаза бросаются существенные различия. Так, архитектурное оформление потеряло здесь свой конструктивный смысл благодаря скошенности боковых граней-пилястров и превратилось в простое декоративное обрамление. Рельеф, изображающий широко распространенный на Боспоре сюжет — загробную трапезу, трактован своеобразно: фигуры более объемны, чем на боспорских рельефах, а главное, в передаче черт лица и волос заметно стремление к портретному сходству, и эта цель достигается при помощи художественных приемов, свойственных римской портретной пластике эпохи Августа. В то же время невыдержанность пропорций и общая приземистость фигур резко отличают эту композицию от произведений античного искусства.

Особенности этой стелы — дегенерация архитектурного оформления, объемность рельефа (иногда в сочетании с плоскостностью деталей), приземистость фигур и стремление к портретному сходству изображаемых лиц — свойственны целому ряду херсонесских надгробий I—IV вв. н. э. и могут считаться характерными для продукции херсонесских скульптурных мастерских. Интерес к портретному сходству идет так далеко, что многие стелы можно отнести к тому или иному времени на основании причесок и форм лица изображенных, совершенно так же, как это делается при изучении римских портретов. Возможно, что это явление отчасти связано с особой группой надгробий, наличие которых в Херсонесе обусловлено политическими причинами — присутствием в этом городе римского гарнизона. На могилах римских солдат, умиравших в Херсонесе, ставились надгробия, изготовленные в местных мастерских, но в какой-то мере отражающие в себе римские обычаи.

На рис. 34 мы видим надгробие солдата I италийского легиона Аврелия Виктора, умершего в конце II в. н. э.[1] Памятник представляет собой простую каменную рамку-нишу, лишенную архитектурного расчленения, в которую вставлена тонкая каменная плита; половина этой плиты занята портретом умершего, а другая половина — подробной надписью на латинском языке. В целом это устройство напоминает рядовые надгробные памятники Рима — портреты умерших, исполненные горельефом или плоским рельефом и вставляемые в каменные ниши. Аврелий Виктор одет в плащ римского солдата и черты его носят ясно выраженный портретный характер. В способе передачи волос и бороды и в трактовке несколько асимметричных форм лица заметно знакомство мастера с римскими портретными бюстами второй половины II в. н. э.

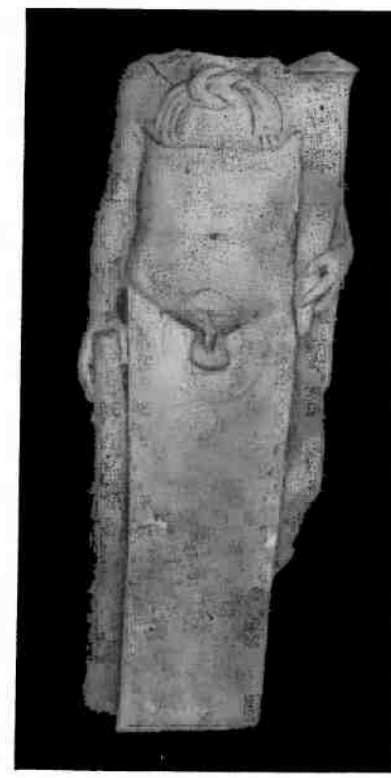

Рис. 30. Герма Геракла. Пантикапей.

[1] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941, стр. 113, рис. 7.

[1] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия . . , стр. 111, рис. 3.

а

б

в

Рис. 31. Рельефы из Нимфея.
а — Афина; *б* — Пан; *в* — Силен.

Этот тип надгробия применялся в Херсонесе и для могил местных граждан. На рис. 35 изображен памятник херсонесца по имени Скиф сын Феагена.[1] Мраморная плита с портретом Скифа и с греческой надписью вставлена в гнездо, высеченное в блоке песчаника. Рядом имеется пустое место, предназначенное для второй плиты, вероятно, для портрета жены Скифа. Приемы передачи черт лица, волос и бороды Скифа во многом напоминают портрет Аврелия Виктора и также изобличают знакомство автора с римским искусством конца II в. н. э., откуда вытекает, что херсонесские скульпторы, обслуживавшие римский гарнизон, приобрели на этой работе определенные художественные навыки, которые они сохранили и при выполнении заказов граждан Херсонеса.

Серия надгробий римских солдат с поясными портретами или портретами во весь рост продолжается в Херсонесе до III в. н. э., причем черты местного стиля — укороченные пропорции и схематизация — в позднее время выявляются на них все определеннее.

Рис. 36 передает надгробную стелу Аврелия Виатора, III в. н. э.[2] Маленькая фигура умершего с ясно очерченным контуром и почти геометрически правильным построением совершенно непропорциональна; обе ноги показаны в профиль, носками

Рис. 33. Стела Филократа. Херсонес.

наружу, движения угловаты, формы схематичны; со свойственной местному искусству северного Причерноморья любовью к деталям подробно обозначены застежка, кисточка плаща, ремешки сандалий, остроконечная шапка, птица и кисть винограда в руках; лицо еще сохраняет стремление к индивидуализации, но и здесь схема побеждает живую форму.

Весьма вероятно, что на своеобразное развитие античной надгробной стелы в Херсонесе наложили свою печать портретные надгробия римских солдат.

То же явление, т. е. стремление к портретному сходству, прослеживается и на серии херсонесских антропоморфных стел.[1] Эти суммарные образы человека, вероятно, имели какое-то символическое значение в представлениях о загробном мире. В Херсо-

Рис. 32. Рельеф Трифона. Танаис.

[1] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия . . . , стр. 111, рис. 4.
[2] МАР, № 17, 1895, стр. 16, рис. 15.

[1] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия . . . , стр. 109, рис. 1.

несе они иногда вырезались целыми группами на внешних стенах катакомб или помещались в рамки-ниши подобно вышеописанным плитам с портретами. Наиболее древние из них, относящиеся еще к начальному периоду существования города, мало чем отличаются от аналогичных памятников Боспора. Это одиночные или парные контурные изображения человеческой головы, с плечами, с передней гладко отесанной поверхностью и округлой задней стороной.

Рис. 34. Надгробие Аврелия Виктора. Херсонес.

Рис. 35. Надгробие Скифа сына Феагена. Херсонес.

В конце II—I в. до н. э. трактовка человеческих фигур на надгробиях несколько изменяется: удлиняется туловище, более четко обозначается шея и нередко на передней плоскости головы штрихами грубо намечаются черты лица. В первые века нашей эры развитие антроцоморфной стелы в сторону приближения к природе идет еще дальше. Появляются контурные рельефные бюсты с поднятыми кверху руками. Изготовляются небольшие гермы с расширяющимся книзу основанием, как у глиняных фигурок женского божества из святилища тавров близ Ялты. Другие стелы сохраняют общие очертания антропоморфных изображений, но трактуются уже как рельефные бюсты на каменном фоне и оживляются внутренним рисунком.

Рис. 36. Надгробие Аврелия Виатора. Херсонес.

Далее необходимо отметить бюст конца II или начала III в. н. э., изображенный

на рис. 37. Внешние очертания этого высеченного из известняка памятника совпадают с формой антропоморфных надгробий, но это уже не рельеф, а круглая скульптура, хотя и крайне схематичная. Грушевидная форма лица, глаза, нос, рот, клиновидная борода и густая шапка волос, облепляющих череп, даны очень упрощенно, и все же облик в целом нельзя назвать отвлеченным. В нем схвачены и закреплены черты этнографического типа, что и позволяет предположительно считать его изображением тавра. Так на почве Херсонеса антропоморфная стела развилась от чисто условной схемы до образа, способного передать черты, наблюденные в реальной действительности.

Среди немногочисленных известных нам в настоящее время посвятительных рельефов, изготовленных в Херсонесе и Херсонесской области, видное место занимают изображения Геракла — героя-эпонима Гераклеи Понтийской, метрополии Херсонеса. Двенадцать подвигов Геракла и другие мифы, связанные с деяниями этого героя, были излюбленной темой античного искусства, трактовавшейся в разнообразных вариантах. Так, три подвига Геракла (вывод Цербера из Аида, укрощение критского быка и похищение яблок Гесперид) изображены на одной из 16 мраморных плит, найденных в 1935 г. в базилике VI в. н. э. в Херсонесе, где они служили для вымостки пола.[1] Это, надо думать, только часть большой композиции, изображавшей все 12 подвигов Геракла и исполненной, вероятно, местным мастером в конце II в. н. э. (рис. 38).

Херсонесские памятники с изображениями Геракла отличаются от античных рядом своеобразных особенностей. Рельеф из местного известняка (рис. 39) был найден в районе Евпатории.[2] Он изображает пирующего Геракла. Массивные формы его могучего тела, благородные очертания головы, атрибуты героя, аксессуары пира, может быть даже обрамление рельефа в виде наложенных друг на друга камней, изображающих вход в пещеру, наконец, общая композиция рельефа — все это черты, целиком перенесенные сюда местным мастером с греческого

Рис. 37. Надгробный бюст. Херсонес.

Рис. 38. Рельеф с изображением Геракла Херсонес.

[1] Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 280, рис. 17.

[2] М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. СА, VI, 1940, стр. 108, рис. 1.

оригинала. Рука местного мастера дает себя знать в типичных для работ херсонесских скульпторов укороченных пропорциях ног, в положении левой ноги, упирающейся в рамку рельефа и в некоторой общей неловкости посадки фигуры. В целом эта работа, относящаяся ко II, может быть к III в. до н. э., однако, производит впечатление довольно точного воспроизведения античного оригинала и отличается большой пластичностью форм.

Рис. 39. Рельеф с изображением пирующего Геракла. Саки.

Совершенно иные черты характеризуют другой, более поздний рельеф, происходящий также из района Евпатории (рис. 41).[1] Тема этого памятника очень близка к только что описанной композиции. Это юный Геракл на отдыхе после трудов, но какая разница в трактовке сюжета! Объемность исчезла, весь передний план рельефа выдержан в одной, слабо выдающейся над фоном плоскости, и детали — волосы, черты лица, пальцы — переданы графически. Суставы рук и ног совсем не обозначены, кисть левой руки неестественно вывернута, а вытянутая левая нога подпирается камнем. Близкие аналогии для художественных приемов мастера данного рельефа, например, для чересчур близко придвинутых к переносице глаз, формы век в виде ободков и т. д., можно найти не в античном искусстве, а в местной херсонесской скульптурной традиции, в херсонесских надгробиях.

Большой интерес для истории скульптуры на нашем юге, а также и для характеристики культурных связей скифов с городами северного Причерноморья представляют два рельефа, найденные в Неаполисе, столице скифского царства в Крыму, еще в 20-х годах XIX в.[1] Один из них ныне утрачен и известен лишь по слепку и зарисовке, другой хранится в Одесском музее. Утраченный рельеф (рис. 40) был выполнен на мраморе. Это лишь фрагмент небольшого размера, на котором сохранились голова старика с частью его фигуры и голова юноши. Оба одеты в скифскую одежду, поверх которой накинуты греческие плащи; на головах у них войлочные скифские шапки. Как можно заключить по наклону фигур и по некоторым другим признакам, старик и юноша ехали верхом на бегущих вправо конях. Одежда характеризует всадников как эллинизованных скифов, а довольно хорошо различимые черты лица старика носят печать индивидуальности. Это несомненно портрет, хотя и несколько идеализированный. Место находки, характеристика старшего всадника, а также сличение его с головой Скилура на монетах Ольвии не оставляет сомнений в тожестве изображенного на рельефе человека. Пожилой человек на рельефе — скифский царь Скилур, а скачущий рядом с ним юноша, по всей вероятности, его сын, соправитель и наследник Палак.

Второй рельеф (рис. 42) изваян из мелкозернистого известняка. На нем представлен конный юноша-воин, мечущий копье на скаку. Сходство его одеяния с одеяниями фигур на первом рельефе и сходство с юношей на парном портрете позволяет отожествить юного всадника на втором рельефе с Палаком. Оба рельефа найдены были близко друг от друга, и тут же лежали мраморные плиты с греческими надписями, одна из которых упоминает имя Скилура, что косвенно подтверждает отожествление пор-

[1] М. А. Наливкина, ук. соч., стр. 111, рис. 3.

[1] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57, рис. 19—22.

Рис. 40. Портретный рельеф Скилура и Палака. Неаполь Скифский.

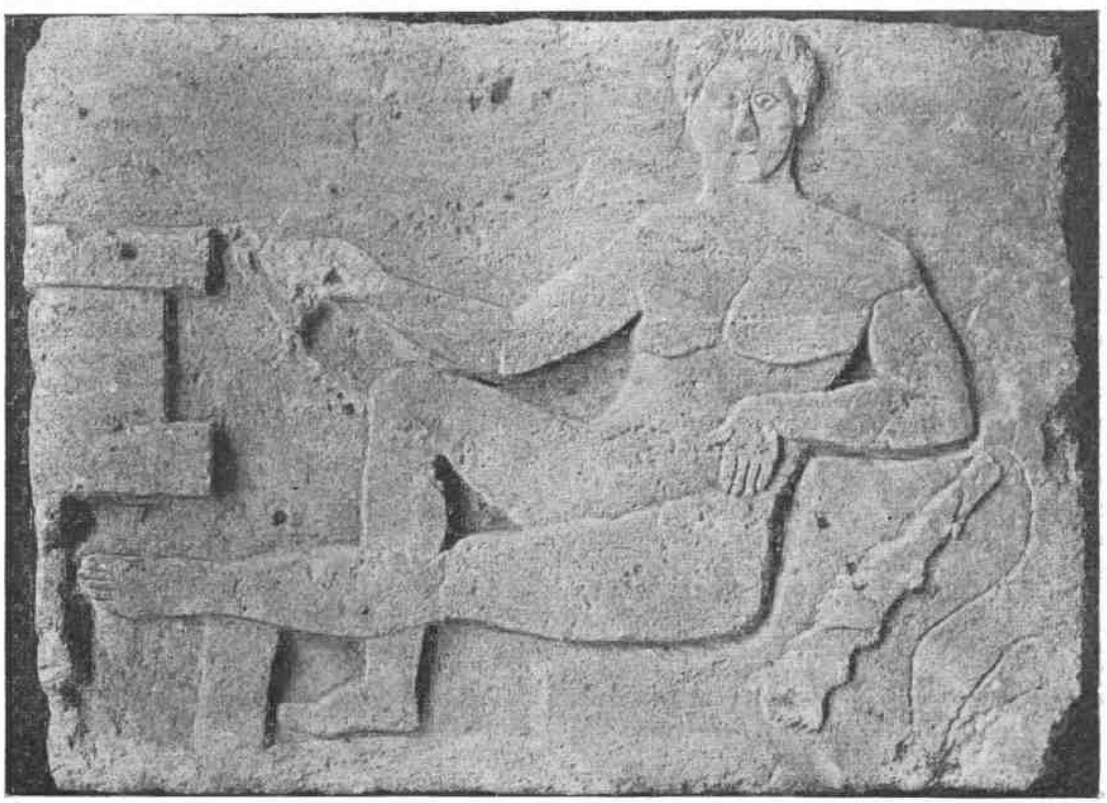

Рис. 41. Рельеф с изображением отдыхающего Геракла. Мойнаки.

третов на рельефах со Скилуром и Палаком.

Греческие надписи на базах и греческие плащи Скилура и Палака говорят об эллинизации скифских царей. О том же свидетельствует и стиль рельефов, но между обоими памятниками в этом отношении имеются существенные различия. Первый портрет, изваянный из мрамора горельеф,

Рис. 42. Портретный рельеф Палака. Неаполь Скифский.

несомненно сделан мастером-греком, работавшим в Неаполисе или в Херсонесе и только отчасти утратившим античные скульптурные навыки, что сказалось лишь в передаче несущественных подробностей. В основном созданные им образы не отступают от традиций эллинистического портрета. В изображении одинокого всадника, наоборот, доминируют черты местного стиля: пропорции юноши и коня несоразмерны, фигура всадника анатомически неправильна и неловко сидит на коне; быстрый бег коня неубедителен, в известной мере утрачена и объемность фигур. Но мастеру, свободно, по-своему переработавшему здесь античную композицию, удалось слить коня и всадника в единый выразительный образ, в котором некоторая наивность художественных средств сочетается с внутренней силой и декоративностью. Автором этого произведения мог быть только местный скульптор, учившийся у греков, но сумевший сохранить собственную художественную индивидуальность.

Местная скульптура Ольвии известна нам гораздо меньше, чем местная скульптура Боспора и Херсонеса. В ольвийском некрополе стояли антропоморфные стелы из местного раковистого известняка, в окрестностях Ольвии обнаружено несколько статуй и гермообразные изваяния мужских и женских фигур, отчасти напоминающие вышеупомянутую герму из Херсонеса. Из Козырок близ Ольвии происходит фрагментированный рельеф грубой работы, изображающий всадника, стоящую перед ним фигуру и двух собак, а также две монументальные, сильно поврежденные статуи конных воинов.[1] К числу круглых ольвийских скульптур местной работы относится ряд статуэток сидящей на троне Кибелы, а также надгробных рельефов,[2] среди которых выделяется своей необычной композицией семейное надгробие Метробии, Деметрия и Демокона (II—I вв. до н. э.),[3] а также двухъярусная стела Стратона, относящаяся к римской эпохе.[4] Можно назвать еще посвятительные рельефы, которые передают в знакомой нам местной плоскостной манере античные композиции, например ритуальные пляски. Этот материал, однако, недостаточен для выявления характерных особенностей стиля скульптурных мастерских Ольвии и для установления отдельных этапов его формирования.

---

[1] ОАК за 1909 г., стр. 101, рис. 146.
[2] Л. М. Славін. Ольвія. Київ, 1938, стр. 58, рис. 34.
[3] KW, табл. XXVI, № 381.
[4] KW, табл. XLIX, № 688.

Е. О. Прушевская

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА

(ТОРЕВТИКА)

Северное Причерноморье — неисчерпаемый источник ценнейшего для исторической науки материала: изделий из металлов. Материал этот свидетельствует о той крупной роли, которую играл металл в жизни северного Причерноморья в античную эпоху. Кроме обычного применения для изготовления орудий труда и простых предметов домашнего обихода, металл шел на выделку различного рода вооружения, украшений, предметов культово-ритуального характера и т. д.

Ни одна из других областей распространения античной культуры не может сравниться с северным Причерноморьем по обилию и разнообразию дошедших до нас металлических изделий. Особенно это касается изделий из драгоценных металлов. При тщательном исследовании этот материал освещает в большей мере, чем какой-либо другой вид памятников, целый ряд вопросов социальной, экономической и политической истории северного Причерноморья в период, непосредственно предшествующий греческой колонизации края и в последующие за ней века.

Происходящие отсюда прославленные на весь мир изделия торевтики из электра, золота и серебра дошли до нас благодаря тому, что они входили в погребальный инвентарь как захоронений представителей высших слоев населения, так частично и рядовых погребений городских некрополей, особенно же курганов Боспора и Скифии.

Однако и подкурганные погребальные сооружения не гарантировали сохранности вещей от расхищения и гибели. Большинство курганов, как исследованных, так и не подвергавшихся археологическому изучению, несут следы разграбления, произведенного при этом частью еще в древности, во время, близкое к моменту захоронения, частью в новое время. Именно предметы из драгоценных металлов главным образом и привлекали грабителей.

В курганах, не подвергшихся разрушению и не разграбленных, хрупкие металлические вещи сохранились прекрасно, особенно золотые и электровые, окисление которых ничтожно. Понятно, что в культурных отложениях городищ подобных вещей не находят вовсе.

Большинство найденных в нашей стране металлических вещей художественной работы хранится в Государственном Эрмитаже, собрание которого в части находок в северном Причерноморье является первым в мире. Имеются материалы и во многих других музеях страны.

Среди очень разнообразных видов металлических предметов художественной работы, находимых в северном Причерноморье, наименьшее место занимают произведения скульптуры, которые представлены в бронзе почти лишь одними частями утвари, ручками зеркал и т. п., а в золоте — частями украшений. Металлические статуи и статуэтки, чаще всего служившие для посвя-

тительных целей, что засвидетельствовано эпиграфическими источниками, не сохранились (за ничтожными исключениями) именно потому, что к погребальному ритуалу они отношения не имели и в погребения их не помещали. Эта скульптура, как и наиболее массивные вещи из золота, серебра и бронзы, ценившаяся очень высоко и представлявшая собой редкость, несомненно долгое время была в обращении, подвергалась перевозкам в случаях перехода населения на новые места, а также уничтожению путем переплавки либо в государственных, либо в частных интересах.

При оценке значения цветных металлов в жизни северного Причерноморья наряду с вещами, сделанными на местах, в неменьшей мере должен учитываться импорт. Только при рассмотрении всей совокупности материала могут быть в полной мере выявлены и характер и размеры импорта, различные направления деятельности местных мастерских и соотношение роли импорта и местных изделий в экономике и в художественной жизни причерноморских античных городов.

Одной из наиболее значительных и актуальных задач является исследование металлообработки в отдельных центрах северного Причерноморья с выявлением специфических особенностей производства каждого центра в отдельности, значения и роли его продукции.

Пути к разрешению этой задачи лежат почти исключительно в исследовании вещественного материала, так как письменные источники, ни эпиграфические, ни литературные, этого рода вопросов не затрагивают.

Для изучения истории обработки металлов в северном Причерноморье огромную важность представляют всякого рода памятники, связанные с самим производством: остатки мастерских, различного рода орудия производства, бракованные изделия, отходы производства и т. п., но, к сожалению, находки подобного материала еще довольно редки. Значительно богаче представлены уже готовые изделия местной работы.

Обработка металлов, важнейшее из всех ремесел в рассматриваемую эпоху, естественно, производилась во многих пунктах северного Причерноморья, но особенно значительную роль она играла в двух районах развития античной городской культуры — в Буго-Днепровском районе (Ольвия) и в районе Боспора Киммерийского (Пантикапей). Ольвия и Пантикапей представляли в то же время крупнейшие торговые центры, в которые преимущественно поступал импорт из Греции. Импортируемые металлические изделия наряду с местной продукцией распространялись далее вглубь страны. Третьим центром являлся Херсонес, имевший в течение многих веков крупное значение в древней истории Крымского полуострова, но обработка металла в Херсонесе приняла значительные размеры лишь в первые века нашей эры.

ОЛЬВИЯ

Археологический материал из Ольвии благодаря систематически производящимся раскопкам разносторонне характеризует использование металла различными группами городского населения.

Так как металлических предметов большой художественной и материальной ценности в сколько-нибудь значительном количестве в рядовые погребения ольвиополитов не клали, то в своей массе материал из некрополя носит очень скромный характер. Он главным образом состоит из предметов утилитарного назначения, из которых лишь немногие имеют художественную обработку, и из простых украшений; что же касается вещей, происходящих из городища, то они почти всегда бывают находимы в обломках. Ввиду этого ольвийский материал в целом производит впечатление несколько бедное и для неспециалиста на первый взгляд неинтересное. Для науки же он не только очень ценен по своей полноте, но при пристальном изучении и чрезвычайно интересен.

Наиболее яркий материал по художественной обработке металла Ольвия дает в ранний период, в VI и в первой половине V в. до н. э. Его находят в могилах ольвийского некрополя, в городище, а также за пределами Ольвии, в поселениях и курганах Побужья и Приднепровья, и наконец, в западных районах распространения скифской культуры. Тут и импорт, попавший в эти отдаленные районы через Ольвию, и подражание ольвийским изделиям, находимым в самом городе, и вещи, которые по стилистическим признакам должны быть связаны непосредственно с ольвийским производством.

Импортировались в Ольвию в этот период типичные греческие вещи: преиму-

щественно бронзовая утварь и зеркала, предметы с бронзовыми конструктивными частями или украшениями, электровые и серебряные украшения; бронза — из собственно Греции и прилегающих к ней островов, электр и серебро — из малоазийских центров.

Из импортных изделий назовем следующие: бронзовые сосуды, например, великолепный фрагментированный кратер, украшенный на ручках скульптурными фигурами горгон, исполненными в характерной для Греции, дорого стоившей технике отливки с восковой модели (при данном способе отливки форма могла служить для изготовления одного предмета; рис. 1);[1] далее — глубокие ложки для вычерпывания и разливания вина в чаши и ситечки для его процеживания при разливании; ручки тех и других иногда украшены гравированным растительным орнаментом.

Рис. 1. Ручка бронзового кратера с изображением горгоны. Курган у с. Мартоноши Херсонской обл.

В скифских курганах находки кратеров представляют большую редкость, очевидно, потому, что скифы, как известно, пили цельное вино, не смешивая его с водой по обычаю греков. В связи с этим черпаки у них, повидимому, употреблялись для вычерпывания вина не из кратера, а непосредственно из амфоры и обычно клались в погребение вместе с амфорой. Возможно, что скиф, которому принадлежал отмеченный выше замечательный кратер, употреблял его не по назначению.

Рис. 2. Бронзовое зеркало с изображением Афродиты на ручке. Курган у с. Анновки Херсонской обл.

Находят в скифских погребениях и бронзовые зеркала разных типов. У некоторых ручки сделаны в виде скульптурной фигуры, конструктивно связанной с зеркалом, как, например, зеркало с ручкой в виде фигуры Афродиты с поднятыми над

[1] С. А. Жебелев и В. К. Мальмберг. Три архаических бронзы из Херсонской губ. МАР, № 32, 1907, стр. 36 и сл. — ОАК за 1889 г., стр. 30, рис. 12.

головой руками, которые поддерживают тяжесть диска зеркала (рис. 2).[1] В этой связи необходимо упомянуть аргосские зеркала с плоскими ручками, украшенными гравированными изображениями, иногда тоже Афродиты (рис. 3),[2] или коринфские, украшением ручки которых служит тончайшая бронзовая накладная пластинка с мифологической сценой, в рельефе, исполненном тиснением.[3]

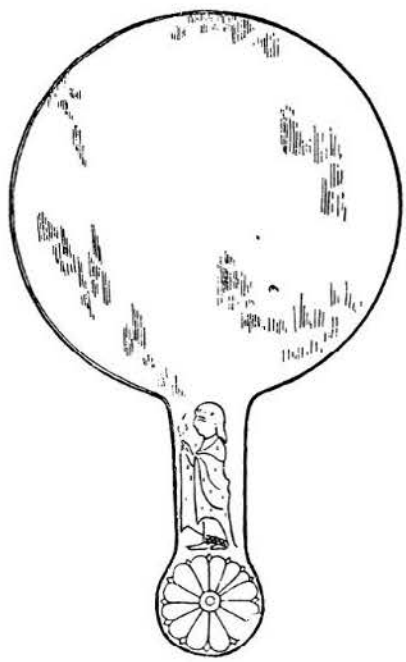

Рис. 3. Бронзовое зеркало с гравированной фигурой на ручке. Некрополь у с. Марицыно Херсонской обл.

Из Ольвии происходят роскошные деревянные шкатулки или ларчики с бронзовыми ножками в виде ног животных, как, например, шкатулка, поддерживаемая бронзовыми козьими ножками.[4] Нарядная деревянная мебель того времени украшалась железными гвоздями с декоративными, сложно профилированными бронзовыми шляпками. Такая мебель, об употреблении которой в Ольвии говорят только сохранившиеся шляпки гвоздей, выделывалась на Пелопоннесе.

По местам находки можно заметить, что перечисленные предметы были распространены неравномерно. Если греческая утварь и зеркала встречаются в большом количестве в курганах западного района Скифии, то ввозимые в Ольвию мебель, ларчики и другие предметы, связанные исключительно с бытом греческого населения, дальше вглубь страны не шли. С греческими культами связаны все те мелкие предметы, которые изготовлялись специально для посвятительных целей, как, например, найденный в Ольвии миниатюрный круглый аргосский щит, несомненно изготовленный в аргосской мастерской.[1]

В греческих погребениях Ольвии со скромным по обычаю этой эпохи инвентарем из привозных вещей представлены простые изделия Малой Азии (или связанных с ней островов), изготовленные из тех металлов, которыми были богаты Иония, Кария, Лидия, т. е. из электра и серебра. В женских погребениях чаще всего можно встретить серьги в виде простых несомкнутых проволочных колечек с подвесками в форме калачика, по нескольку штук на каждую серьгу. Иногда в месте соединения вздутой части с проволокой они бывают украшены крупинками зерни.[2] Обычны также ионийские браслеты с львиными головами на концах, сделанные из листового электра, накладывающегося на серебряную или бронзовую основу, и маленькие, типично ионийские электровые перстни с узким щитком, нередко с вырезанным на нем изображением для печати (рис. 4).[3] Таков характер импорта в VI в. до н. э.

Ольвийские раскопки дали значительный материал для суждения и о местных изделиях. Однако характер и стиль их может быть вполне выявлен лишь при расширении обзора за пределы Ольвии, так как среди находок в Скифии имеются вещи, которые следует признать ввезенными вглубь страны именно из Ольвии, где они и были изготовлены.

Характер ольвийской художественной продукции, типы изделий, их техника и

---

[1] ОАК за 1897 г., стр. 78 и сл., рис. 186.
[2] Praehistorische Zeitschrift, Bd. V, 1—2, 1913, стр. 6, рис. 3, *в*.
[3] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, табл. X, *9*.
[4] АА, 1911, стр. 357, рис. 45. — ОАК за 1911 г., стр. 18, рис. 21.

[1] Гос. Эрмитаж. ОАМ, Ол., 1913, В = 438.
[2] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 40, рис. 50.
[3] Гос. Эрмитаж, ОАМ, Ол., 1902, № 436.

стиль настолько своеобразны, что есть возможность говорить об особом, специфически ольвийском характере изделий и о создающемся в Ольвии в VI в. до н. э. художественном стиле.

Постановка дела обработки металлов в Ольвии после основания ее греками в высшей степени примечательна и является одним из наиболее ярких проявлений жизни этого города во всем ее отличии от жизни других греческих городов.

Обработка металлов была организована и развилась здесь на основе использования опыта несомненно ранее существовавших в Скифии местных мастерских, в которых из железа и бронзы вырабатывались орудия труда, оружие и простые украшения. Роль греков в реорганизации дела выразилась, повидимому, не столько в укрупнении мастерских, сколько в увеличении их числа, с введением греков наряду со скифами в состав мастеров, и в организации ювелирной мастерской, для которой греками мог быть предоставлен импортный металл — электр. Сколько-нибудь значительного повышения техники в мастерских, изготовлявших изделия из бронзы и железа, до обычного уровня греческих не произошло.

В Ольвии стали создаваться вещи скифские по назначению и по типам (была найдена форма из мягкого известняка для изготовления птичьих головок путем тиснения и греческие ольвийские формы). При этом в выработке изделий греческих типов проявилось своеобразное соединение греческих форм с иной, более низкой, чем в мастерских Греции, техникой.

Ведущую роль занимает в Ольвии обработка бронзы; медная руда, повидимому, добывалась где-то неподалеку, возможно в Донецком бассейне. Монеты, крупные, полноценные, литые, которые появились в Ольвии в конце VI в. и затем выпускались во всяком случае до середины IV в. до н. э.,[1] характеризуют одну из отраслей ольвийского металлического производства. Их оформление на основе греческих образцов отличается от последних применением техники литья и необычной для Греции в раннюю эпоху художественной формой отлитого вместе с фоном рельефа.

[1] [А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 123 и сл., табл. XXX, *3*; XXXI— *Ред.*].

Наиболее полное представление о характере работ в бронзе дают ольвийские зеркала. Основной тип предмета — зеркало с ручкой — заимствован из Греции, где художественное оформление ручек зеркал было очень разнообразным. В Ольвии некоторые зеркала греческой формы украшены и соответствующими греческим мотивам изображениями, но выполнены они в иной технике, чем это делалось в Греции.

В качестве примера приведем зеркало с плоской, отлитой отдельно ручкой (рис. 5), оканчивающейся диском и украшенной рельефами: на ручке — стоящая Афродита

Рис. 4. Электровый перстень. Ольвия.

с поднятыми над головой руками, на диске — сидящий сфинкс. Изображение Афродиты на данном зеркале повторяет фигуру, представленную на греческом зеркале (рис. 2),[1] конструктивно там осмысленную; сфинкс — один из греческих мотивов, часто использующихся на монетах. Но встречающиеся на греческих зеркалах плоские ручки, украшенные иногда фигурными изображениями, выполнялись другими техническими приемами. На зеркале, найденном в приднепровском кургане, рельеф отлит вместе с фоном, и это придает данной вещи негреческий, специфически ольвийский характер. Сходное зеркало с цветком и с головой горгоны принадлежит к той же ольвийской группе вещей.

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. X, *3*.

Совершенно своеобразная форма литого зеркала была создана в Ольвии в середине VI в. до н. э. (рис. 6). Это зеркало в виде диска с высоко выступающими краями, с продольными ребрами на ручке, украшенной на одном или на обоих концах фигурами зверей или бараньими головами.[1] Этот тип зеркала явно восходит к распространенному в Скифии зеркалу без ручки и к рукояти

Рис. 5. Бронзовое зеркало с фигурами Афродиты и сфинкса на ручке. Полтавский р-н.

скифского кинжала и ножа и создался из негреческих элементов под влиянием греческой среды.

Зеркала с изображениями зверей вводят нас в круг ольвийских металлических изделий со звериными формами. Многочисленные и разнообразные изделия скифских типов, рассчитанных на удовлетворение спроса скифского населения, видимо, вырабатывались в Ольвии. Их делали и из бронзы, и из железа, и из электра; часто применялось соединение двух или даже трех металлов в одном предмете. Характерны ольвийские бронзовые крестообразные украшения колчанов (рис. 7), обтянутые электровым листом, электровые бляшки для нашивания на одежду в виде свернувшегося кольцом хищника.[1]

Ольвийские изделия, вызванные специальным спросом скифского населения, ис-

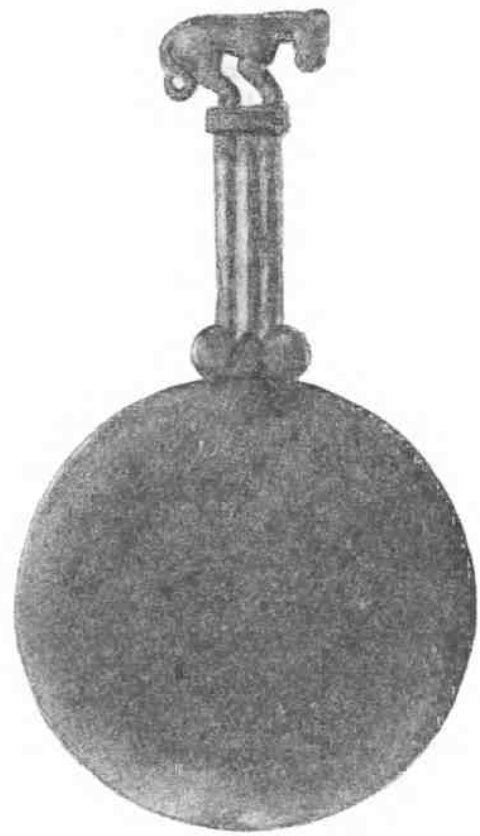

Рис. 6. Бронзовое зеркало. Ольвия.

полнялись, следовательно, преимущественно в так называемом зверином стиле, характерном для скифского искусства. Показательна в этом отношении найденная в Ольвии форма для тиснения электровых украшений скифского типа (рис. 8).[2]

Роль Ольвии в выработке подобных изображений сказалась в том, что, получив

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XIII, *6*.

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. VIII, *2*.

[2] Б. В. Фармаковський. Розкопування Ольбії р. 1926. Одесса, 1929, стр. 51, рис. 42.

от местного населения большей частью уже готовые, сложившиеся образы, например, барса, оленя и ряда других животных, в некоторых случаях близких влившимся с Востока в греческое искусство Малой Азии образам, ольвийские мастерские создали из отдельных готовых форм новые сочетания и внесли ряд дополнительных изображений, особенно растительный орнамент (пальметка, розетка и др.). Характерен в этом отношении головной убор из электровых штампованных пластин с орнаментом, составленным из головы птицы, спирали, розетки и пальметки (рис. 9).

Рис. 7. Бронзовая бляха крестообразной формы, с рельефами. Курган у с. Шумейко Киевской обл.

Ольвийские мастера внесли также чисто ювелирный элемент в изделия из электра: орнаментацию из зерни, как, например, на рукояти и ножнах меча. Объясняется это тем, что ольвийская ювелирная мастерская работала несомненно в непосредственной связи с кузнечно-литейной (это сказалось в применении разных металлов в одном предмете). Эта же мастерская вырабатывала также изделия чисто ювелирного характера, т. е. всевозможные украшения с широким применением техники зерни. Среди них назовем пронизи для ожерелий в ионийском стиле, подвески для серег в виде голубков (по три на каждое колечко-серьгу) — местная форма вместо ионийских калачиков (рис. 10).[1] Особенного внимания заслуживают ушные украшения в виде петли, охватывающей ушную раковину и заканчивающейся на одном конце или маленькой шляпкой гвоздя, или чаще всего на наиболее нарядных экземплярах — бараньими головами, а на другом конце — большим круглым щитком в форме греческого щита с выступающей на нем в центре головой льва. Щиток украшен группами зерни и филигранью.[2] Эти ушные украшения по своей форме связаны с более простыми, распространенными в Скифии ушными украшениями.

Развившееся в VI в. до н. э. в Ольвии металлообрабатывающее производство вырабатывало очень много изделий. Но, за исключением железа и бронзы, ольвийские мастерские не располагали местными цветными металлами. Электр поступал в Ольвию, видимо, лишь в ограниченном количестве, а серебра почти не было вовсе. В Ольвии вырабатывалось также незначительное количество свинцовых изделий (пряслица и т. п.). Золота Ольвия не знает примерно до середины V в. до н. э., когда начинают изредка встречаться золотые импортные украшения (перстни).

Рис. 8. Форма из мягкого камня для тиснения.

Металлообработка существовала в Ольвии в течение всей ее истории. Но тот художественный подъем, который наблюдается в этом деле в VI в. до н. э., постепенно — к концу V в. — падает одновременно с уменьшением торгового значения города и с перемещением центра торговли в Бос-

[1] Гос. Эрмитаж, ОАМ, Ол., 1913, В = 638.
[2] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. IX.

пор. Заметно уменьшается в Ольвии производство вещей, рассчитанных на Скифию, и, вероятно, в связи с этим наблюдается некоторое обеднение художественных форм. В течение IV в. до н. э. и позднее продукция мельчает, сводится преимущественно к предметам чисто утилитарного значения, к мелким украшениям и т. п.

Оживление торговых сношений Ольвии с различными греческими центрами в эллинистический период проявлялось в некотором незначительном притоке импортных металлических изделий, например простой греческой серебряной утвари. Художественных вещей из металлов этого периода в ольвийском некрополе до сих пор было обнаружено очень мало, но надо не упускать из виду, что наиболее богатые из расследованных погребений оказывались ограбленными. Маленькое бронзовое зеркало с рельефным бюстом Деметры[1] является, повидимому, импортным. В Ольвии выделывались обычные в это время венки с золотыми листьями для погребальных обрядов, а также штампованные бронзовые (золоченые) и электровые бляшки.

Рис. 9. Украшение головного убора, пластинчатое, из электра. Курган у с. Ситняжки Киевской обл.

Эллинистический период интересен в ольвийском производстве изготовлением массовых мелких поделок из бронзы и свинца (рис. 11, *а*, *б*);[1] характерны украшения гробов в виде литых изображений черепа быка (рис. 11, *в*);[2] найдены и формы для отливки некоторых из них. Технические принципы работы остаются прежними. Основная масса вещей изготовляется отливкой, среди них даже такие изделия, которые чаще делают из проволоки, например браслеты.[3]

Новый период жизни города, после разрушения его гетами, характеризуется продолжением изготовления вещей из бронзы и железа и довольно оживленной деятельностью ювелирной мастерской, которая вырабатывает теперь и изделия из золота.

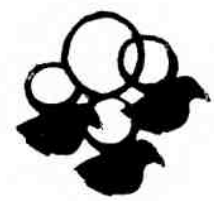

Рис. 10. Электровые серьги с подвесками в виде голубей. Ольвия.

Ольвия в послегетский период развивается, повидимому, при участии кельтских элементов населения. Это находит отражение в ее металлической продукции, особенно в изготовлении фибул. Замечательно, что находки в Ольвии предшествующих периодов почти не дают этого столь распространенного в Греции предмета, что указывает на отличие ольвийской одежды от обычной греческой. Еще в догетский период фибулы появляются в Ольвии в тех формах, в которых они встречаются у кельтов. Найдены экземпляры средне- и позднелатенского типа; позднее большое количество фибул

[1] ОАК за 1902 г., стр. 13, рис. 20.

[1] Гос. Эрмитаж, Ол., 140, 1229, 3639.

[2] Гос. Эрмитаж, Ол., 1228.

[3] Б. В. Фармаковський. Розкопування Ольбії р. 1926, стр. 51, рис. 41.

видимо, вырабатывавшихся в самой Ольвии, представляет собой разновидность застежек, встречаемую в находках на Балканах (рис. 12, *а*). В Ольвии же развивается производство фибул с подогнутой ножкой (рис. 12, *б*).[1] Снижение ювелирной техники при работе над украшениями представляет собой в эту эпоху явление, общее для всех областей античного мира и связанное с широким применением форм и штампов. Оно отражено и в ольвийских поделках.

В послегетский период на ювелирных изделиях Ольвии сказалось сарматское влияние. Изделия подобного типа найдены в курганах вблизи Ольвии. Однако этот материал еще слишком мал для суждения о месте его выработки; можно предположить, что некоторые вещи доставлялись в район Ольвии из другого центра.

проникали изделия, распространенные в римских провинциях: замки и ключи, различные инструменты и т. п.

Рис. 11. Фигуры из свинца. Ольвия.
а — всадник; *б* — воин; *в* — букраний.

БОСПОР

Северо-восточный район Причерноморья прошел другие, чем Ольвия, пути развития в области художественной обработки металлов.

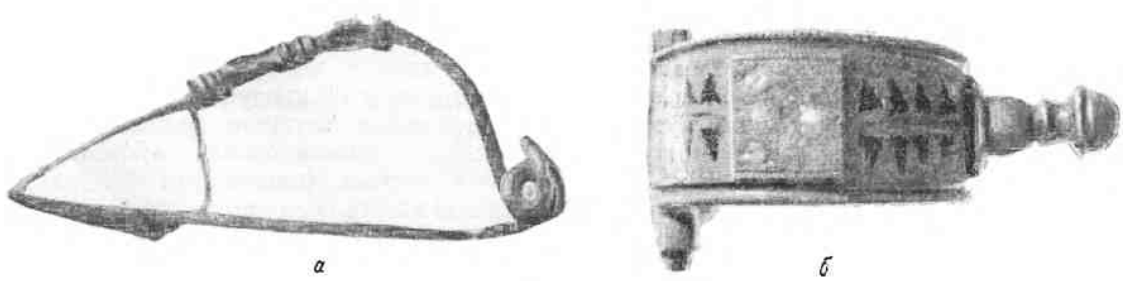

Рис. 12. Бронзовые фибулы. Ольвия.
а — с подвесной ножкой; *б* — с подогнутой ножкой, с эмалью.

Кроме того, в производстве Ольвии, как и других городов северного Причерноморья,

Уже в эпоху греческой колонизации северо-восточного побережья Черного моря этнический состав населения здесь был разнородным. Это обстоятельство, а также обусловленная географическим положением

[1] Гос. Эрмитаж, Ол., 1901, № 314, 766; Ол., 1912, Д = 177; Ол., 1913, № 823; Ол., 1915, С = 46; Ол., 1906, № 1046; Ол., 1910, № 227.

непосредственная связь с Востоком определили разнообразие и богатство художественных форм, бывших в обращении в этом районе.

Еще в период до начала образования Боспорского государства здесь наблюдается широкое применение художественных металлических изделий из бронзы, электра, золота и серебра у высших слоев греческого и особенно местного населения, главным образом в районе Боспора Киммерийского.

Группа своеобразных памятников, указывающая на очень тесные связи, существовавшие у скифов с Востоком, падает на ранний период греческой колонизации (начало VI в. до н. э.).

ность этого вида оружия, стилистически резко отличаются от изображений на самих ножнах: на них представлен лежащий олень — фигура, типичная для скифского искусства, в четко выраженном раннем скифском стиле.[1] Обрамлением выступа служат скифские стилизованные птичьи головы.

Трудно предположить, чтобы эти столь разные по стилю части ножен были исполнены одним и тем же мастером; вероятнее, что модели для выступов ножен были исполнены скифским мастером, а модели для ножен и для рукоятей — восточным.

В ранний период греческой колонизации северо-восточного района Причерноморья наблюдается импорт предметов из драго-

Рис. 13. Золотые ножны меча (деталь). Курган Келермесский.

Знаменитые предметы вооружения, обтянутые золотым листом с рельефными изображениями, — секира и акинак (короткий скифский меч)[1] из Келермесского кургана на Кубани и сходный по системе украшения акинак из Литого кургана (из так называемого Мельгуновского клада)[2] в районе нижнего течения Днепра, представляют собой изделия, выполненные, вероятно, в районе Закавказья. Золотые рукояти и ножны двух акинаков украшены многочисленными фигурами фантастических существ (рис. 13) и изображением священного древа, характерными для искусства Переднего Востока. Последние исследования в области культуры Закавказья устанавливают тематическую и отчасти стилистическую связь изображений на этих предметах вооружения с памятниками Урарту. Фигуры боковых выступов на ножнах обоих акинаков, составляющих характерную особен-

пенных металлов из Малой Азии; до настоящего времени он выявлен лишь небольшим количеством находок.

Особенно замечательны два серебряных предмета, найденных в тех же Келермесских курганах (начало VI в. до н. э.), оба с разнообразными изображениями мифологического характера. Это зеркало и сильно поврежденный ритон (рог для питья). Зеркало (рис. 14) представляет собой серебряный диск с высоким бортом, в центре диска маленький выступ — ручка. Гладкая сторона диска служила зеркалом и была тщательно отполирована, оборотная сторона с бортом (показанная на рисунке) покрыта электровым листом и богато украшена графически выполненными изображениями. Вся поверхность разделена на 8 неправильных секторов. В каждом, обрамленном орнаментом поле — различные группы или отдельные фигуры: богиня-«владычица зверей» с двумя пантерами, два сатира, борющихся с грифоном, геральдические группы львов и сфинксов, лев, терзающий быка, изо-

[1] Гос. Эрмитаж, ОПК, инв. КУ, 1903/4. 2.

[2] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, № 31, 1911. [См. также: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 128. — *Ред.*].

[1] Гос. Эрмитаж, ОПК, инв. КУ, 1904/1.28.

бражения медведя и льва, ближе к центру помещены отдельные фигуры диких и домашних животных — кабана, лисицы, барана и др.

Это зеркало — выдающийся памятник греческого искусства Малой Азии, в котором отражены уходящие в глубокую древность религиозные представления, передан-

Рис. 14. Зеркало с мифологическими изображениями (электр на серебре). Курган Келермесский.

ные в единственном в своем роде сочетании. Стиль отдельных фигур и групп характерен для греческого архаического искусства Малой Азии.[1]

Импорт из Греции быстро достигает значительных размеров. Ввозятся главным образом бронзовые предметы защитного вооружения — шлемы, поножи, а также бронзовая утварь (в том числе канделябры) и посуда, преимущественно из ионийских центров. Например, с о. Самоса происходит бронзовая энохоя со скульптурными фигурами лежащего силена и сидящего мальчика (рис. 15). В V в. обращает на себя внимание импорт прекрасной аттической серебряной посуды, отделанной преимущественно гравировкой с применением позолоты: напри-

мер, килик с изображением сидящей Ники — богини победы (рис. 16).[1]

Наряду с греческими вещами среди импорта выделяется несколько изделий ахеменидского Ирана, в том числе знаменитый серебряный ритон с передней частью фигуры крылатого козерога, найденный в четвертом Семибратнем кургане.[2]

Северо-восточный район Причерноморья явился чрезвычайно творческим в области

[1] [В настоящее время келермесское зеркало получило иное толкование; см.: М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 281—305. — *Ред.*].

[1] ОАК за 1881 г., стр. 5 и сл., табл. I, *1, 2*.
[2] Там же, табл. I, *5*.

торевтики. Очень большой процент металлических изделий, найденных в подкурганных погребениях различных групп населения в географических границах Боспора и далеко за их пределами, в степных районах Скифии, как в Прикубанье и в Придонье, так и в Приднепровье и Прибужье, должен быть признан продукцией мастерских северо-восточного района, района Боспора.

Возможность получения сырья — электра, золота, меди, а также серебра, — может быть, частично из местных источников (вопрос о местах добычи находится еще

Рис. 15. Бронзовая энохоя. Курган около Нимфея.

в стадии разработки), и удобство путей сообщения при получении его из более отдаленных районов, с одной стороны, наличие потребляющей среды и растущий спрос на изделия — с другой, обусловили в этом районе очень рано (в VI в. до н. э.) крупное развитие художественной обработки металлов. Повидимому, она сначала сосредоточивалась преимущественно в бассейне р. Кубани.

Вещи из драгоценных металлов и из бронзы, характеризующие местную продукцию времени начала греческой колонизации и последующего периода, до начала образования Боспорского государства, неоднородны в стилистическом отношении. Имеющийся в распоряжении науки громадный материал очень разнообразен. Стилистическое разнообразие памятников обычно недооценивается; вещи раннего периода с изображениями зверей обычно сводятся к двум группам: скифской (все предметы, не носящие явного влияния греческого стиля) и греческой. При пристальном исследовании устанавливается, что здесь сильна струя художественного стиля местных племен, т. е. скифского искусства, но не менее сильна также струя искусства иранского. Соприкосновение двух течений, главным образом в области тематики, именно в изображении зверей, не должно смущать нас, так как скифские изделия составляют лишь одну из многочисленных групп памятников искусства с близкой тематикой у различных, сосуществовавших одновременно племен и народов Передней Азии, Причерноморья, Сибири.

В первой половине V в. до н. э. принимает определенные формы художественная обработка металлов в каком-то центре в районе нижнего течения р. Кубани. Очень интересный материал этого времени был найден в Семибратних курганах.

Характерны такие изделия, как служившие для обивки деревянных кубков электровые бляхи с чеканными изображениями: фантастическое существо — полусобака, полуптица,[1] орел, терзающий зайца (рис. 17)[2] и др. Если в первом случае самый сюжет указывает на Восток, да и стиль изображения легко убеждает в нескифском характере этой фигуры, то стиль изображения орла с зайцем определить не так легко. На первый взгляд бляха производит впечатление греческого изделия. Однако эта вещь не греческая, а лишь отражающая греческое влияние на местного мастера.

В Семибратних курганах было найдено большое количество электровых прорезных штампованных бляшек, употреблявшихся для нашивания на одежду, на погребальный покров и т. д.; некоторые из них по орнаментировке стилистически близки к бляхам с орлом и зайцем. Почти все фигуры этих бляшек воспроизводят различные типы греческих монет, например бляшка в виде передней части крылатого кабана (рис. 18), на которой в сильном увеличении повторено изображение, встречающееся на монетах ионийского города Клазо-

[1] ОАК за 1877 г., стр. 9 и сл.
[2] ОАК за 1876 г., стр. 138 и сл., табл. III.

мен в Малой Азии; однако стиль фигуры на бляшке иной, чем на монете — некоторые орнаментальные элементы в трактовке фигуры явно чужды греческому искусству.

Роль греков в производстве металлических изделий на Боспоре до Спартокидов, повидимому, была незначительна; она выразилась главным образом в выделке небольшого количества простых украшений в ионийском стиле. Среди украшений V в. до н. э. особенно характерны восходящие к ионийским типам ушные или височные подвески (рис. 19) из согнутого стержня с орнаментированными концами: на каждом конце — пирамидка из шариков и цилиндрик со спиралями из филиграни и с группами зерни.[1] Такие подвески были очень распространены на Боспоре; чаще всего встречаются подвески, сделанные из электра (позднее — из золота) на бронзовой основе, но встречаются также серебряные и даже бронзовые.

Коренное изменение всей картины металлообработки на Боспоре вносит начинающаяся в последней трети V в. и продолжающаяся в IV в. до н. э. организация Боспорского государства Спартокидами. Усиленное развитие хлебной торговли, особенно с Афинами, рост значения верхних слоев населения, все усиливающийся спрос на предметы роскоши из драгоценных металлов со стороны скифского населения, значительный приток драгоценных металлов, особенно афинского серебра, оживление, а затем рост монетного дела и привлечение для работы над штемпелями монет и изделиями торевтики наиболее выдающихся художников — вот главные факторы, вызвавшие к жизни необычайное развитие торевтики в Пантикапее.[1]

Рис. 16. Серебряный килик с гравированной фигурой Ники. Четвертый Семибратний курган.

[1] Гос. Эрмитаж, ОАМ, инв. Т, 1852—1856.

[1] [В последнее время была выдвинута гипотеза о фракийском происхождении наиболее выдающихся изделий торевтики V—IV вв. до н. э., найденных в северном Причерноморье. См.: А. П. Манцевич. 1) Гребень и фиала из кургана Солоха. ВДИ, № 2, 1949, стр. 217 и сл.; 2) К во-

Впрочем, и в это время продолжается импорт прекрасных металлических вещей.

Рис. 17. Золотая бляха с изображениями орла и зайца. Четвертый Семибратний курган.

Бронзовое оружие и утварь поступают из Греции, главным образом из ионийских областей, золотые украшения (ожерелья,

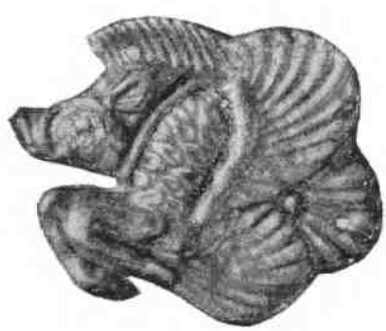

Рис. 18. Электровая бляшка с изображением крылатого кабана. Четвертый Семибратний курган.

серьги и т. п.) — из различных греческих центров.

просу о торевтике в скифскую эпоху. СА, XIII, 1950, стр. 196 и сл. Однако наиболее вероятным местом изготовления этих изделий все же следует считать Пантикапей. — *Ред.*].

Разнообразие стиля вещей, распространившихся по северному Причерноморью из Пантикапея и при его посредстве, огромно, а исследование этого материала особенно сложно. Не всегда легко выясняется вопрос о месте изготовления отдельных предметов и во многих случаях он не может быть еще признан решенным. В этом очерке мы имеем возможность отметить лишь незначительную часть громадного материала, относящегося к разбираемой эпохе.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что приток серебряных изделий из Афин приостанавливается в конце правления Спартока I, может быть, в связи с развитием торевтики Пантикапея, с одной стороны, и

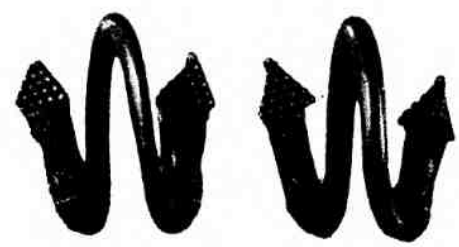

Рис. 19. Височные или ушные подвески из согнутого стержня с пирамидками на концах.

с другой — с экономическим состоянием Афин во время Пелопонесской войны. Зато в IV в. до н. э. замечается значительный импорт из Греции замечательных украшений. Таковы, например, знаменитые серьги с подвесками, найденные в женском погребении около Феодосии.[1] Серьги состоят из диска с растительной орнаментацией и из ажурной подвески ладьевидной формы с мелкими к ней привесками. Над «ладьей» помещена миниатюрная колесница, запряженная четверкой коней и управляемая крылатой богиней победы — Никой, по сторонам — две фигуры крылатых гениев. Серьги относятся к середине IV в. до н. э. и являются образцом изумительно тонкой техники греческого ювелирного искусства. Эти серьги прекрасной сохранности и представляют собой наиболее роскошный из дошедших до нас экземпляров такого типа. Тонкость технической выделки подобных украшений тем более удивительна, что нет никаких сведений о знакомстве

[1] ДБК, табл. XII, 3. — [Сокровища Эрмитажа. М.—Л., 1949, стр. 89 и сл. — *Ред.*].

греков с увеличительным стеклом. Однако миниатюрные художественные работы греческих торевтов засвидетельствованы литературными источниками. Описывается, например, исполненная художником Мирмекидом колесница, запряженная четверкой коней, столь миниатюрных размеров, что вся эта группа была меньше мухи. Возможность применения необычайно тонкой техники филиграни и зерни обусловлена тем, что греки для таких изделий не пользовались припаем из другого металла и припаивали отдельные части золотом же, делая его только более легкоплавким на поверхности этих частей.

Замечательны также ожерелья тончайшей филигранной работы в виде плетенки из золотых проволок с мелкими подвесками.

Конец V и IV в. до н. э. — время наивысшего подъема искусства художественной обработки драгоценных металлов на Боспоре. В столице государства, Пантикапее, создается, явно в непосредственной связи с двором правителей Боспора, крупная мастерская, которая в одной своей части представляет монетный двор, где вырезываются штемпеля и чеканятся монеты, сперва только серебряные, а затем также и золотые, тогда как другая часть ее занята производством предметов вооружения, утвари, предметов украшения и т. п. Материалом служило серебро и электр вначале, в меньшем количестве золото, употреблявшееся главным образом для украшений и для позолоты серебряных, а также электровых изделий. В значительном размере золото начинает обрабатываться в IV в. до н. э. в связи с чеканкой пантикапейских золотых статеров. Типы вырабатываемых изделий лишь отчасти чисто греческие, в большинстве же случаев они отвечают спросу местных групп населения: боспорских царей и знати, в своем составе имеющей и греческие и различные негреческие элементы. Поэтому в Пантикапее, как раньше в различных центрах Боспора, делают оружие скифского типа: акинаки с роскошными рукоятями и ножнами, обитыми электровым листом; великолепные гориты, также обитые электром или серебром и позолоченные; электровую и серебряную утварь распространенных в Скифии форм и, наконец, несколько видоизмененную применительно к вкусам заказчика греческую утварь. Во многих подкурганных погребениях найдены наборы вещей, очевидно, исполненных по специальному заказу.

Руководящую роль в этом деле занимают греческие художники, и большинство особенно выдающихся изделий, вышедших из пантикапейских мастерских в этот период, сделано руками греческих мастеров. Но наряду с греками работают и приобретают видное место также негреческие, преимущественно местные, скифские мастера. Те и другие работают рука об руку и в некоторых случаях обрабатывают предметы из одного набора вещей, а иногда даже отдельные части одного и того же предмета.

Характер эпохи отчетливо отражается в нескольких великолепных вещах из массивного золота. В курганах Куль-Оба и Солоха было найдено по золотой чаше (фиалы) очень больших размеров. Форма обеих фиал, их размеры и характер художественной обработки одинаковы: поверхность каждой испещрена выполненными чеканкой рельефными изображениями.[1] На фиале из кургана Солоха (рис. 20) изображены группы львов, терзающих животных, настолько близкие подобным группам на монетах второй трети V в. до н. э. города Аканфа на полуострове Халкидоне, что мы без сомнения можем установить принадлежность мастеров, работавших над чашами, к художественной школе северной Греции. Можно было бы предположить, что местом их производства был какой-то центр Фракийско-Македонского района, неподалеку от богатейших источников золота в горе Пангее и др. Однако сопоставление изображений на фиале из Солохи с некоторыми изделиями из находок в северном Причерноморье позволяет думать, что чаши были сделаны в Пантикапее при Спартоке I мастером, может быть, привлеченным на Боспор из Фракийско-Македонского района.

Знаменитый золотой гребень из кургана Солоха (рис. 21)[2] принадлежит к ряду тех изделий из драгоценных металлов эпохи первых Спартокидов, на которых изображены с бóльшим или меньшим реализмом бытовые сцены из жизни местного населения. Над фризом лежащих львов помещена скульп-

[1] [А. П. Манцевич. Гребень и фиала из кургана Солоха, стр. 310—317. — *Ред.*].

[2] [Там же, стр. 310—317. — Сокровища Эрмитажа, стр. 77 и сл. — *Ред.*].

турная группа, представляющая бой грека или, вероятнее, судя по его одежде, представителя эллинизованной группы скифского высшего слоя, со скифами. На всаднике поверх одежды кочевника панцырь, греческий шлем и поножи; он направляет копье на скифа, конь которого пал, второй скиф, спешащий на помощь, готовится нанести всаднику удар кинжалом.

Эта группа представляет замечательный памятник искусства конца V в. до н. э. Гребень мет исключительной роскоши, этот гребень, конечно, был исполнен специально для скифского вождя. Это обстоятельство, хорошее знакомство с одеждой и вооружением скифов, а также некоторая стилистическая связь с пантикапейскими вещами позволяют думать, что гребень был выполнен в Пантикапее.

Две замечательные обивки колчанов, сделанные с одной модели, были найдены в районе Приднепровья.[1] Обивка, проис-

Рис. 20. Золотая фиала с рельефными группами зверей. Курган Солоха.

ходящая из Чертомлыцкого кургана, была найдена вместе с обивкой ножен меча одинаковой работы и того же стиля. Вещи эти был, повидимому, исполнен выдающимся греческим скульптором. Известно, что в это время многие скульпторы, работавшие в бронзе и в мраморе, изготовляли одновременно изделия из золота. В трактовке фигур и лиц художник не стремился к передаче этнических особенностей; интерес к реальной действительности выражен лишь в старательной передаче мельчайших подробностей одежды и вооружения. Пред-

[1] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в М. Ильинцах. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 45—118. — [В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949. рис. 15. — *Ред.*].

исполнены из позолоченного электра. Вся поверхность их украшена рельефами греческой работы. На обивке горита из Чертомлыцкого кургана изображены сцены из мифов о юности греческого героя Ахилла. Композиция механически перенесена из монументального искусства и пригнана к форме горита. Вероятно, эти вещи были сделаны в Пантикапее в конце V — начале IV в. до н. э.

Серебро обрабатывается главным образом греческими мастерами. Знаменитая серебряная амфора (рис. 22) из Чертомлыцкого кургана и редкая по величине серебряная чаша в форме таза, вместе с ней найденная, — единственные в мире сохранившиеся образцы греческой серебряной утвари больших размеров. В конструкции амфоры имеются особенности, до сих пор нигде не встреченные: в горле ее вделано сито для процеживания вина при наполнении амфоры, в нижней части — краны (в форме головы коня и львиных голов), закрывавшиеся серебряными же пробками

Рис. 21. Золотой гребень. Курган Солоха.

на цепочках. Форма амфоры ионийская, восходящая к форме, известной в самосской керамике еще в VI в. до н. э.

Художественная отделка амфоры состоит из покрывающего ее стенки пышного растительного орнамента с птицами среди

Рис. 22. Серебряная амфора. Чертомлыцкий курган.

ветвей и цветов, исполненного гравировкой, на плечиках сосуда — декоративный фриз: грифоны, терзающие оленя, и второй фриз, исполненный в рельефе, представляющий собой бытовые сцены из жизни скифов-коневодов. И рельефный фриз, и гравированные орнаменты, и фигуры были выделены позолотой на серебряном фоне амфоры. Прекрасны птицы по общему рисунку и по тончайшей гравировке деталей, очень эффектен и весь декоративный развитой растительный орнамент. Знаменитый фриз на плечиках амфоры наряду с несколькими другими вещами, о которых речь будет ниже, представляет собой один из ценнейших документальных источников для наших конкретных представлений о скифах и

их быте. Как произведение искусства этот фриз оценивается очень высоко. Прекрасно задумана различная высота рельефа, от фигур на передней стороне сосуда, исполненных почти в круглой скульптуре, до фигур в низком рельефе на противоположной стороне сосуда. Бытовые сцены рисуют следующие моменты: скифы ловят арканом лошадей, стреноживают их и т. д. Реализм в изображении типов лица, прически,

Рис. 23. Электровый сосуд с изображением скифов. Курган Куль-Оба.

одежды скифов, а также в передаче маленькой степной лошади поразителен. Несомненно, исполнивший фриз художник видел скифов своими глазами, скорее всего он жил в северном Причерноморье, и эта греческой формы ваза была сделана не в Греции. Развитой, очень декоративный орнамент ведет к Самосу, а стиль изображения птиц с тончайшей отделкой деталей близок стилю хиосского резчика по камню Дексамена (см. рис. 2 в статье М. И. Максимовой «Резные камни», стр. 441 настоящего сборника). Время исполнения амфоры определяется границей V—IV вв. до н. э.

Большое количество серебряной утвари меньших размеров стилистически близко к чертомлыцкой амфоре. Это главным образом небольшие сосуды сферической формы с горлом. Форма эта хорошо известна по восточным памятникам очень большой древности. Она была очень широко распространена и у скифов в различном материале — глине, дереве, серебре. В ряде случаев можно предполагать, что сосуды этого типа употреблялись для ритуальных целей. Другая группа серебряных сосудов — низкий широкий кубок с плоскими горизонтальными ручками, прикрепленными к краям, — повторяет распространенный у скифов тип деревянной посуды. На тех и на других серебряных сосудах встречается рельефная декоровка в виде фриза с изображением водяных птиц, на первых помещались и группы львов и грифонов, терзающих оленей.

Особое место среди этих вещей занимают два сферических сосуда со сценами из жизни скифов, выполненных в чеканном рельефе: один, серебряный, найденный в кургане близ Воронежа, второй — знаменитый электровый из кургана Куль-Оба (рис. 23).[1] На этом сосуде изображены скифы, отдыхающие после боя. Центральное место занимает сидящий военачальник или вождь, слушающий сообщение подбежавшего к нему скифа. Один скиф поправляет тетиву своего лука. Замечательны две группы — скиф перевязывает ногу раненого и сцена выдергивания зуба. С большим реализмом и с малейшими деталями переданы люди, их одежда и оружие. Замечательна условно-психологическая характеристика, особенно скифа, подвергающегося зубной операции. Характерен элемент пейзажа: изображены неровности почвы, кочки или камни, на которых сидят скифы, и мелкие кустики полевых цветов. Кульобская ваза с ее условным реализмом по времени близка чертомлыцкой вазе.

Образцом изделия, в котором принимали участие мастера различных направлений, является электровая обивка ножен меча из кургана Куль-Оба (рис. 24).[2] Фриз исполнен негреческим мастером. В группах оленя, терзаемого грифоном и львом,

---

[1] М. И. Ростовцев. Воронежский сосуд. МАР, № 34, 1914, табл. I—IV.

[2] ДБК, табл. XXVI, 2.

и газели, терзаемой пантерой, стиль мастера выразился и в трактовке мускулатуры ног хищника, в показе ребер, и в условной декоративной разделке тела, а также в манере изображения шерсти гривы льва и перьев в крыльях грифона, не говоря о всей фигуре газели. Модель для фигуры гиппокампа

Рис. 24. Электровая обивка ножен меча. Курган Куль-Оба.

(морской конь) на выступе ножен исполнена греческим мастером.

Одним из самых замечательных памятников искусства Пантикапея является серебряный сосуд чеканной работы, найденный в кургане Солоха (рис. 25).[1] Это одна из самых прекрасных вещей в области греческой торевтики из числа сохранившихся до наших дней. Скифская форма сосуда и негреческая работа ручек с бараньими головами указывают на выделку его в северном Причерноморье. Сюжет рельефных

Рис. 25. Серебряный сосуд с изображением сцен охоты. Курган Солоха.

групп тоже имеет местный колорит: изображены сцены охоты скифов, но переданы эти сцены в совершенно другом стиле, чем на

[1] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 115, рис. 187.

вышерассмотренных вещах. Они лишены той особой реалистичности, того акцента на мельчайшие детали, которые так характерны, например, для электрового сосуда из кургана Куль-Оба. Замечателен рисунок коней в быстром движении, с сильным поворотом головы, очень выразительна фигура льва. Большое совершенство композиции, тонкая техника чеканки говорят о работе одного из первоклассных греческих художников.

В IV в. до н. э. в Пантикапее было широко поставлено также и ювелирное дело. Греческие мастера с большим техническим уменьем изготовляли вещи из золота, отчасти чеканной работы, главным же образом чисто ювелирные изделия с применением филиграни и в небольшом количестве эмали голубого и зеленого цветов. Изделия Боспора отличаются большей пышностью. Сообразно со вкусом и требованиями заказчиков здесь выполнялись пышные калафы (головные уборы) с накрепленными на них отдельно исполненными фигурами,[1] крупные височные подвески с фигурными изображениями (например с головой Афины-Девы) и привесками,[2] роскошные сложные ожерелья (рис. 26),[3] наконец, бляшки очень разнообразного рисунка, частью с изображениями, непосредственно воспроизводящими встречающиеся на греческих монетах, очевидно, служивших образцами для мастеров (рис. 27), частью с совершенно иными сюжетами, как, например, найденная в кургане Большая Близница полуфигура крылатой местной богини (рис. 28).[4] Количество нашивных бляшек, найденных в одном кургане, доходит иногда до нескольких сот.

Характерный золотой головной убор местной формы был найден в кургане на мысе Ак-Бурун около Керчи, заключавшем в себе погребение, вероятно, одного из правителей Боспора (рис. 29).[5] Это ажурная шапка полуяйцевидной формы, которая в свое время была подбита мехом. Весь рисунок этого головного убора состоит из волют, листьев аканфа и пышного цветка каллы в стиле подобных же изображений в пантикапейской скульптуре и живописи второй половины IV в. до н. э.

Большое значение для характеристики культуры Боспора представляют предметы из серебра и золота с изображениями сцен ритуального характера. Таковы два предмета IV в. до н. э. из кургана Карагодеуашх: серебряный ритон с изображением двух всадников, из которых один, мужское божество, передает ритон второму всаднику, царю,[1] и золотая пластина, составлявшая нашивку на передней части женского головного убора (рис. 30).[2] На пластине — рельефная группа: богиня, сидящая в фас в таком именно головном уборе, часть которого составляла настоящая пластина, с накинутым на него покрывалом. Она окружена прислужницами или жрицами и жрецом, держащим в руках сосуд сферической формы. Перед богиней молодой скиф, которому она передает ритон. Содержание обеих сцен — принятие царской власти от божества. Эти предметы представляют собой одни из последних изделий с чеканным рельефом, изготовленных в пантикапейских мастерских в IV в. до н. э. В них, особенно в пластине, явно господствует местный художественный стиль.

Организация крупного производства в столице государства Пантикапее не исключала деятельности мелких мастерских в различных поселениях Боспора. Они существуют, обслуживая местное население. Интересно отметить такие изделия в курганах около станицы Елисаветовской на Дону (древний Танаис), как, например, бляшки из очень бледного электра с большим процентом серебра, изображения на которых исполнены рельефным штампом. Среди них характерны четырехугольные бляшки с изображением сирены в фас, выполненные в своеобразном местном стиле; характерна распластанная в фас фигура и очерченный овальный контур лица.

В эллинистическую эпоху, по крайней мере в III в. до н. э., продолжается импорт из Аттики высокохудожественных произведений торевтики. В одном из некрополей близ Керчи была найдена целая серия различных форм серебряных сосудов (канфаров, кувшинов и др.), иногда миниатюрных раз-

[1] [В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 287. — *Ред.*].
[2] [Там же, стр. 271. — *Ред.*].
[3] ИАК, вып. 63, 1917, стр. 73, табл. V.
[4] ОАК за 1865 г., табл. III.
[5] ОАК за 1875 г., стр. XXXIV.

[1] Е. М. Придик. Два серебряных ритона из коллекции Эрмитажа. ЗОО, т. XXX, 1912, стр. 167 и сл.
[2] МАР, № 13, 1894, стр. 8, табл. III, *1*.

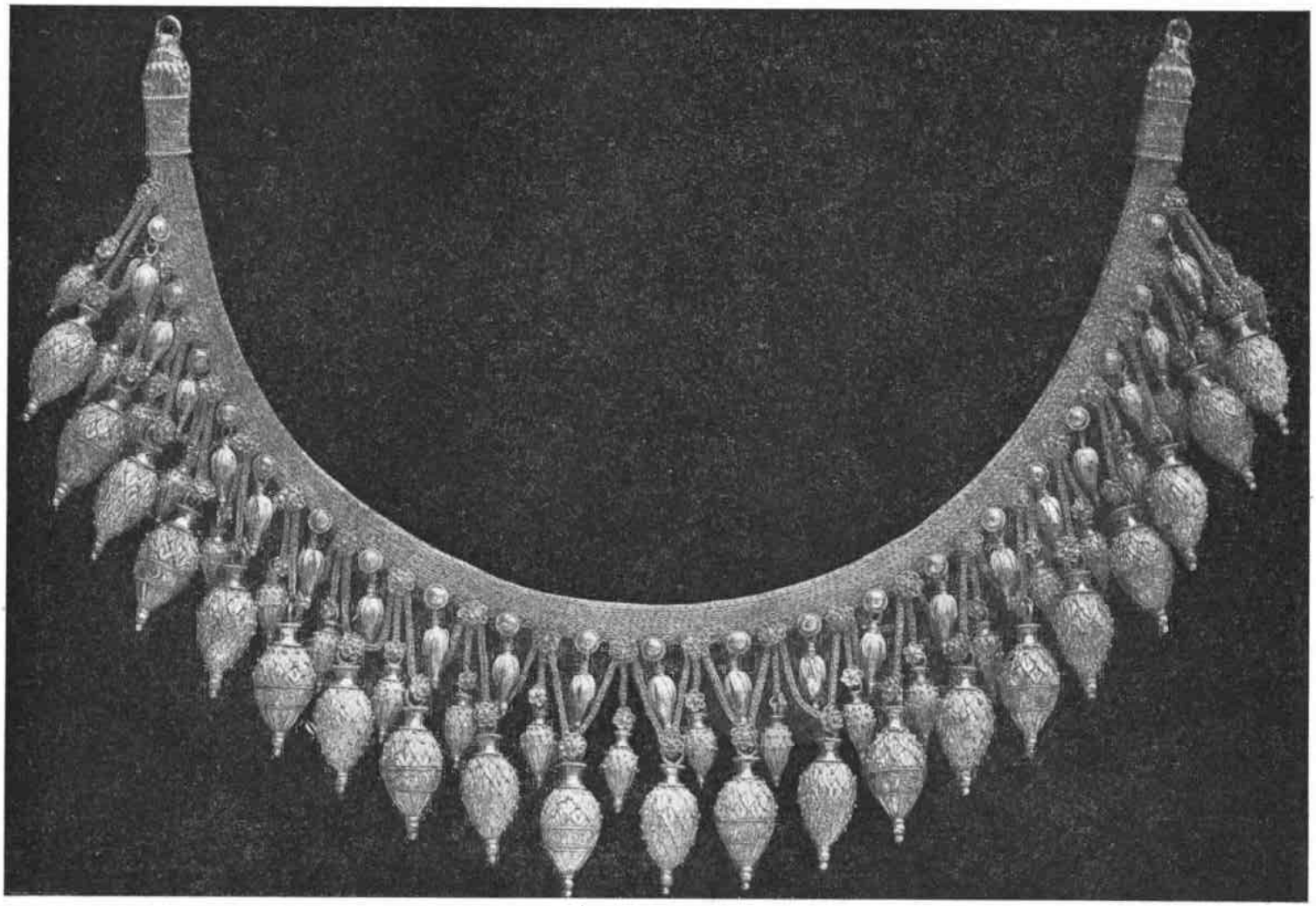

Рис. 26. Золотое ожерелье. Курган Большая Близница.

меров, украшенных позолотой (рис. 31).[1] Эти изделия можно рассматривать как выражение того же направления аттического художественного ремесла на его позднем этапе,

Рис. 27. Электровые бляшки. Пантикапей.

к которому принадлежат упомянутые выше килики из Семибратних курганов (рис. 16).

Работа пантикапейских мастерских в эту эпоху продолжается с тем же размахом, но

Рис. 28. Электровая бляшка, изображающая крылатую богиню. Курган Большая Близница.

художественный уровень изделий понижается в связи с общим упадком техники торевтики этого периода и введением литья деталей вместо чеканки. Серебряные кубки и другая утварь исполняются в стиле греческих изделий этого периода, с рельефными литыми ручками, иногда с литыми же рельефными медальонами, вставленными в дно чаши, или только с вдавленными и позолоченными орнаментами. Изготовлялись эти вещи для ближайшего к Пантикапею района, в Скифию они не поступали.

В ювелирном деле в эллинистическую эпоху наступает резкий перелом. Постепенная сарматизация северного Причерноморья

Рис. 29. Золотой головной убор. Курган на мысе Ак-Бурун.

особенно резко проявляется на Боспоре и совпадает по времени с проникновением восточных элементов в греческое ювелирное искусство, что вело к образованию красочного стиля золотых украшений, усеянных цветными камнями — гранатами, сердоликами, халцедонами.

Среди найденных на Боспоре изделий некоторые представляют греческий импорт и ничем не отличаются от широко распространенных в это время античных образцов. Другие же вещи явно местного происхождения, например, золотые венки с тонкими листьями, изготовлявшиеся специально для погребального ритуала, различные бусы, подвески, амулеты и т. п. Особенно много находок этого рода вещей было сделано на Таманском полуострове.

[1] ИАК, вып. 35. 1910, стр. 118.

Очень характерны для III в. до н. э. налобные украшения с узлом посредине. Роскошная диадема была найдена в Артюховском

Рис. 30. Золотая пластина с рельефными изображениями. Курган Карагодеуашх.

кургане с привесками и с узлом, составленным из крупных гранатов, обработанных по форме жгута (рис. 34).[1] Тот же характер носят булавки с привесками на цепочках с цветными камнями. Очень распространены перстни, из них некоторые крупных размеров, с камнями, иногда с рельефными бюстами, исполненными в золоте и в камнях (см. в настоящем сборнике статью М. И. Максимовой «Резные камни», табл. II). Серьги

Рис. 31. Серебряный сосуд с витой ручкой. Пантикапей — погребение у Карантинного шоссе.

изготовлялись чаще всего с подвесками в виде скульптурных фигур Эрота или других божеств.[1]

Тесное соприкосновение Боспора с сарматскими племенами во II—I вв. до н. э. явилось источником новых форм в искусстве Пантикапея. По своему содержанию искусство сарматов было очень близко искусству других кочевых племен: главной

[1] ОАК за 1878—1879 гг., стр. LI, табл. I, *1* (Гос. Эрмитаж, Арт. 81, № 6595). — ИАК, вып. 60, 1916, стр. 26.

[1] ОАК за 1880 г., табл. I, *11*, *12*.

тематикой и у них было изображение животных. Это содержание было воспринято Боспором лишь в небольшой степени. Формы же сарматского ювелирного искусства с его красочным стилем оказались приемлемы для населения Боспора, у которого, как выше было отмечено, стиль ювелирного искусства уже изменился под влиянием новой греко-восточной струи.

Рис. 32. Бляха со стеклами в золотой оправе. Курган у ст. Артанизовской.

Характерными изделиями сармато-боспорского стиля этого периода являются украшения, найденные на Таманском полуострове, например бляхи с крупными стеклами в золотой оправе (рис. 32).[1] Однако наряду с новыми формами ювелирного искусства на Боспоре продолжают изготовляться вещи и по античным образцам с фигурными изображениями в рельефе.

Такого рода украшения были очень распространены и их изготовляли даже в небольших поселениях Боспора. При раскопках Тиритаки был найден бронзовый штамп для тиснения бляшек с изображением бюста Афродиты.[2] Совершенно аналогичной формы золотые бляшки оказались в одном погребении III—II вв. до н. э. в Танаисе (Недвиговка): [3] часть бляшек нашивалась на одежду, некоторые напаивались на перстни; из таких же бляшек делались медальоны-подвески.

Рис. 33. Фрагмент золотого ритона. Курган у сел. Мерджаны Кубанской обл.

[1] ОАК за 1900 г., стр. 104 и сл. — А. А. Спицын. Фалары южной России. ИАК, вып. 29, 1908, стр. 19 и сл.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Находки античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 298—301.

[3] [Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 62. — *Ред.*].

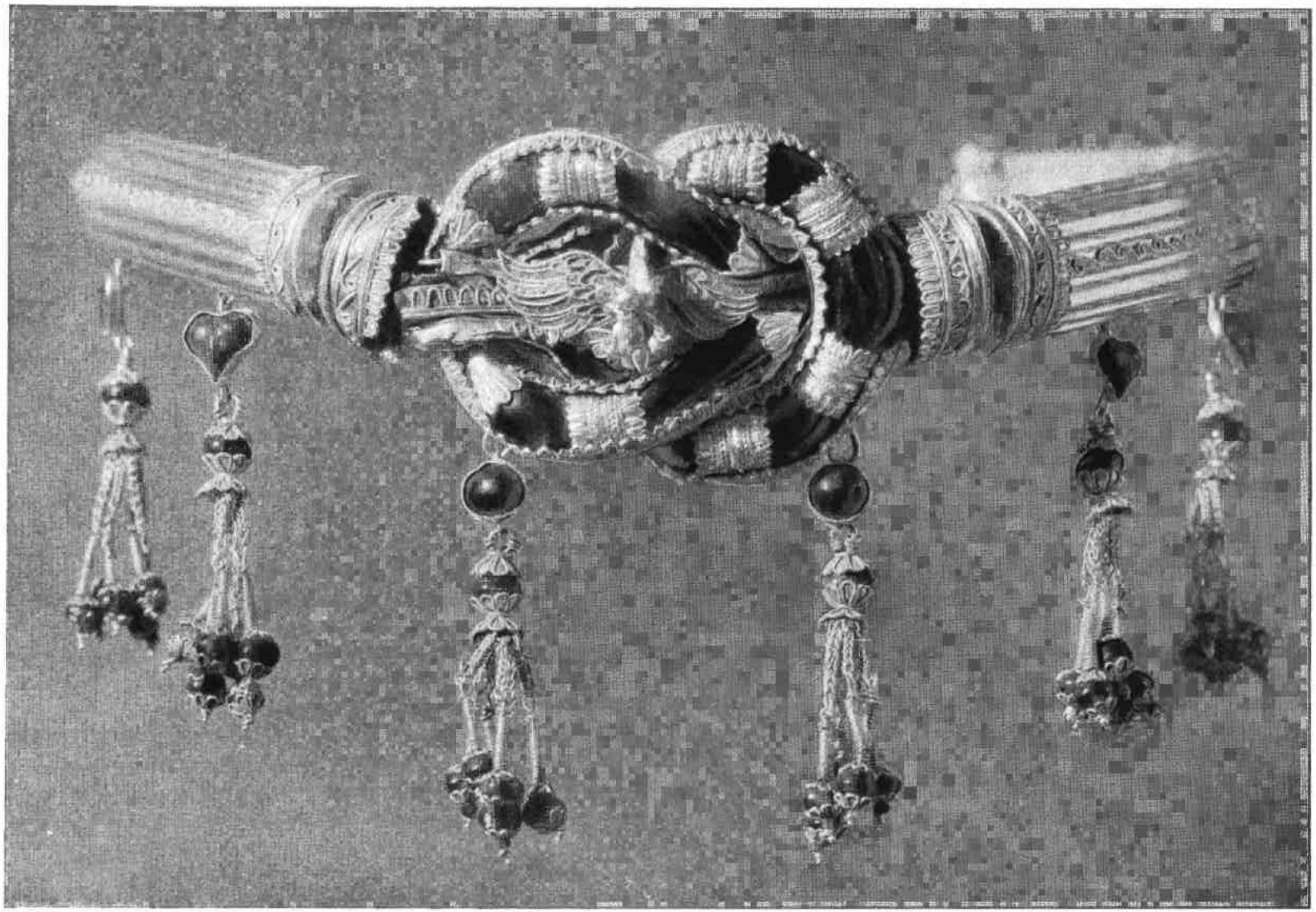

Рис. 34. Золотая диадема с гранатами. Курган Артюховский.

Интересный образец искусства одного из боспорских городов этого периода представляет золотой ритон (рис. 33) с изображением сидящей богини, держащей сферический сосуд, и рядом (т. е. перед ней) царя верхом на коне с ритоном в руке.[1] Группа, выполненная в низком рельефе, носит характерные черты местного искусства: фигуры показаны фронтально, складки одежды богини трактованы условно — прямыми параллельными линиями и т. д. Стиль этой группы близок стилю рельефов на некоторых боспорских надгробных плитах из известняка. Ритон сохранился лишь частично.

В первые века нашей эры наступает новая эпоха в искусстве Боспора. Импорт металлических изделий теперь незначителен, ввозилась главным образом утварь — брон-

Рис. 35. Бронзовый ковш с клеймом. Некрополь Гниловского городища.

зовая и серебряная. Среди бронзовой утвари главное место в I в. н. э. занимают изделия (посуда, канделябры, светильники) италийских мастерских; на некоторых такого рода сосудах имеются латинские клейма (рис. 35).[2] Но все возрастающее значение стекла выдвигает на первое место импорт разнообразной стеклянной посуды, во многих случаях вытесняющей металлическую. Некоторые импортные металлические изделия на Боспоре в первые века нашей эры, повидимому, были привезены римскими солдатами или официальными лицами, которые во время своего пребывания на Боспоре продавали отдельные предметы западноримского происхождения. К числу их принадлежит, например, найденная в Керчи бронзовая пиксида галло-

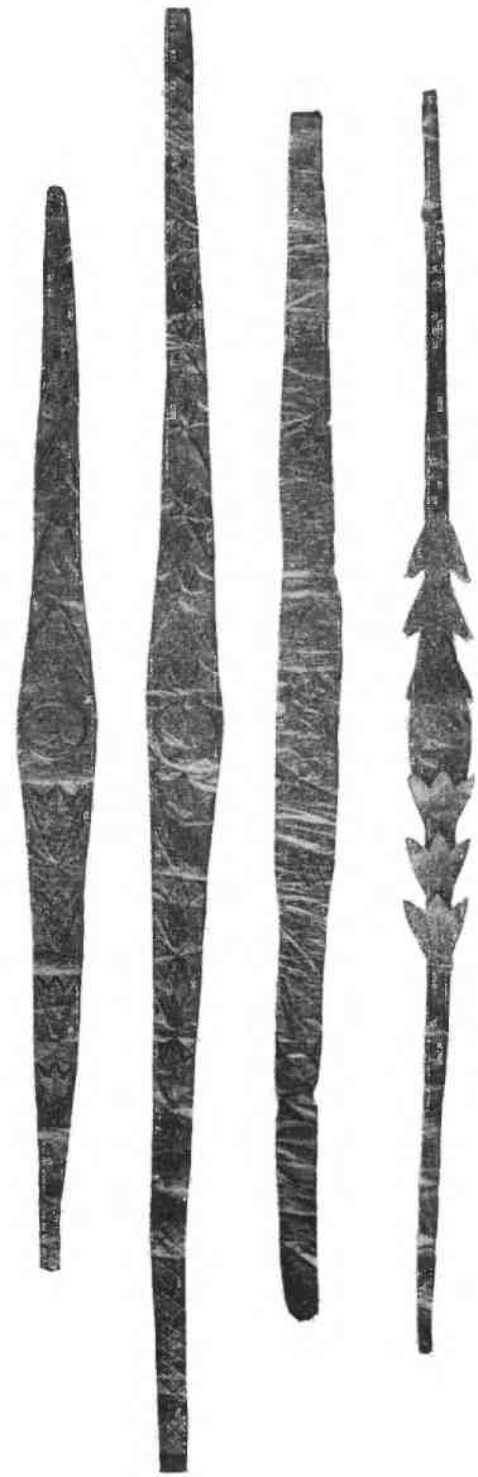

Рис. 36. Золотые погребальные венки. Пантикапей.

[1] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Кавказе. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 134.

[2] [Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 144 и сл. — *Ред.*].

римского происхождения, украшенная разноцветной эмалью, находящаяся ныне в Лувре, и т. п. Большое серебряное блюдо с орнаментацией чернью и с именем царя Рискупорида, найденное в погребении Рискупорида III или одного из членов его семьи (III в. н. э.), имеет монограмму, вероятно, содержащую имя римского императора Каракаллы. Блюдо было, повидимому, подарено императором боспорскому царю.[1]

Среди памятников I в. н. э. выделяется единственный сохранившийся образец боспорской портретной скульптуры в бронзе — бюст боспорской царицы Динамии, внучки Митридата Евпатора. Это хорошая работа какого-то обосновавшегося на Боспоре античного мастера. Характерны тяжелые формы лица немолодой женщины, модная в I в. н. э. прическа, а особенно фригийской формы головной убор, усеянный восьмиконечными звездами, инкрустированными серебром. Такой головной убор был свойствен изображениям иранского солнечного божества.[2]

Мастерские Пантикапея, занимавшиеся изготовлением художественных вещей из металла, уже в последние века до нашей эры все более увеличивают производство изделий для широких слоев населения. Это в еще большей мере становится заметным в первые века нашей эры. Главное значение местных мастерских Пантикапея заключается в ювелирном деле, которое ведется в больших размерах, вероятно, с привлечением к работе значительного количества местных мастеров. Заметно стремление широко пользоваться механическими приемами, например штампованием. Изготовляются в очень большом количестве всевозможные предметы украшений античных типов: перстни, серьги и т. п.

Многочисленные изделия, исполненные из тонкого золотого листа, предназначались исключительно для погребального ритуала: всевозможные пряжки, украшения концов ремней. Наиболее распространенный тип погребальных венчиков состоял из тонкой золотой пластины удлиненной формы со штампованными орнаментами и с вставленными в нее золотыми же листьями сельдерея — растения, употреблявшегося в римском погребальном культе; посредине пластинок обычно имеется оттиск монеты, иногда здесь прикреплялся кружок с оттиском монеты (брактеат). Для этой цели выбиралась монета с изображением боспорского царя, чаще же — лицевая сторона римской монеты с портретом императора (рис. 36).[1]

Производство металлических изделий было сосредоточено, как и ранее, главным образом в Пантикапее, художественная жизнь которого переживает расцвет во II—III вв. н. э., когда на Боспоре вполне определяются черты нового художественного стиля. Этот стиль в области ювелирного искусства создался на почве сильной сарматизации Боспора. Очень вероятно, что многие, типично сарматские золотые вещи, найденные в Прикубанье и в Придонье, были выполнены в мастерских Пантикапея.

Новый, собственно боспорский стиль в ювелирных изделиях первых веков нашей эры отличается от сарматского стиля в степных районах прежде всего почти полным отсутствием в нем изображений зверей. Наличие в нем сильно геометризованного растительного орнамента — черта, появляющаяся во всех районах распространения сарматского искусства. В этом отношении характерны мелкие бляшки, служившие для нашивания на одежду (рис. 37).[2]

В технике металлических вещей рассматриваемого периода обычно применение псевдо-филиграни и псевдо-зерни, т. е. проволочки с насечками, подражающей прежним украшениям мелкими шариками. В ювелирных изделиях этого времени в большом количестве применяются камни красных оттенков: гранаты, сердолики и др. Некоторые вещи боспорско-сарматского стиля по своим формам сходны с сарматскими вещами, найденными в степных районах: например, флакон из погребения боспорского царя Рискупорида III (рис. 38, *а*) чрезвычайно сходен с флаконом из сарматского погребения, открытого в Новочеркасске (рис. 38, *б*).[3]

---

[1] S. Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmerien. Paris, 1892, стр. 81 и сл., № 11, табл. XXX, *11*,

[2] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. Древности. Труды Моск. археолог. общ., т. XXV, 1916 [См. рис. 41 к статье В. Ф. Гайдукевича в настоящем сборнике. — *Ред.*].

[1] ДБК, табл. III, *1*; IV, *1*.

[2] ДБК, табл. XXII.

[3] ОАК за 1864 г., стр. XX. — S. Reinach, ук. соч., стр. 72, табл. XXIV, 25. — И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. СПб., 1889, вып. 2, стр. 154, рис. 134; вып. 3, стр. 138, рис. 158.

В этот период в сарматском искусстве становятся излюбленными изделия, украшенные инкрустацией из цветных камней с плоско срезанной поверхностью, вставленных в металлические ячейки. Эта техника ювелирного искусства имела широкое распространение на Востоке и в северном Причерноморье, особенно в его восточных районах. Еще сравнительно недавно происхождение этого инкрустационного полихромного стиля пытались связывать с готами. В настоящее время вполне установлено, что указанный стиль сложился на Боспоре до появления в северном Причерноморье готских племен.

Погребение Рискупорида III и одновременно с ним другие раскопанные в Керчи погребения, вероятно, членов того же боспорского царского дома, заключали в себе наборы характерных для первой половины III в. н. э. ювелирных изделий. Замечательны широкие венцы, к передней стороне которых прикреплялась четырехугольная пластина со штампованным изображением Ники, венчающей царя, или мужского божества на коне перед алтарем.[1] Сбруя декоративного характера, изготовленная для погребальных целей, представляет в этих погребениях соединенные кольцами пластины с вставленными в них крупными камнями. Пластины сделаны из бронзы, обтянутой серебром, поверхность которого в свою очередь прикрыта золотым листком.

[1] ДБК, табл. III, *3*,

Золотая маска из погребения, которое можно считать погребением самого Рискупорида III, носит на себе ясно выраженные портретные черты. Маска, предназначавшаяся для прикрытия лица умершего, была исполнена по скульптурной модели и представляет собой прекрасную работу художника, сумевшего отлично передать индивидуальные черты покойного.[1]

ХЕРСОНЕС

Херсонес занимает иное положение, чем Ольвия и Боспор, как в отношении художественной металлообработки, так и в отношении импорта металлических изделий. Материалов, характеризующих ранний период Херсонеса, почти не имеется; к IV—III вв. до н. э. относится ряд замечательных ювелирных золотых украшений, найденных в некоторых погребениях Херсонеса. Они носят изолированный характер и, можно предположить, были импортированы через Боспор. Эти вещи представляют образцы лучших греческих ювелирных изделий того же характера, что и отмеченные выше в находках на Боспоре.

Среди них имеются серьги типа серег с подвесками из Феодосии (рис. 40),[2] налобное украшение с узлом посредине и с фигуркой сирены, вставленной в узел

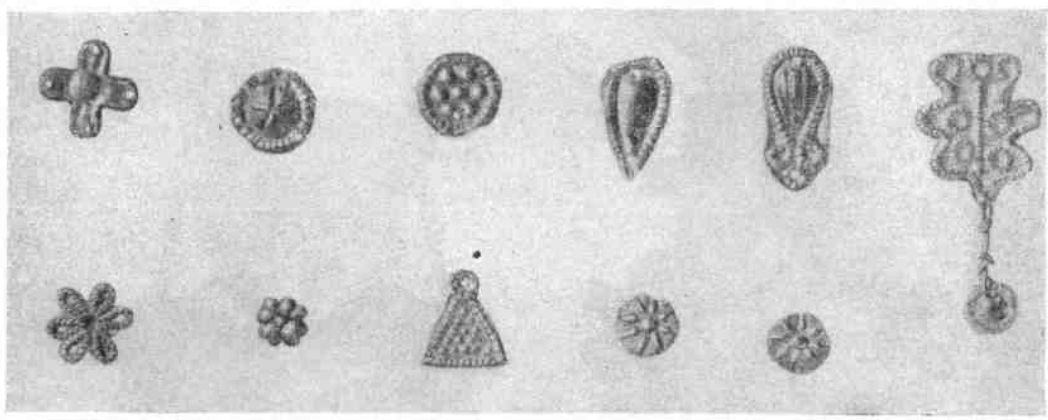

Рис. 37. Набор бляшек. Пантикапей.

[1] ДБК, табл. I. — [Сокровища Эрмитажа, стр. 36].

[2] [Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, табл. IV, *2*; VII].

(рис. 39),[1] а также другие изделия того же характера.

На некоторых из золотых вещей, найденных в Херсонесе и относящихся к эллинистическому периоду, чувствуется сильное влияние Пантикапея. Возможно, они и были импортированы из Пантикапея. Такова, например, часть золотых перстней. На гладком щитке одного из них воспроизведено изображение, имеющееся на медной монете Левкона II (см. табл. I, *2* в статье М. И. Максимовой «Резные камни», стр. 340 настоящего сборника), на другом — изображение оборотной стороны золотого статера Лисимаха,[2] монеты, имевшей широкое обращение в Причерноморье.

Если эти золотые вещи представляют импорт, то более простые золотые изделия несомненно изготовлялись в самом Херсонесе. К числу таких изделий должны быть отнесены штампованные бляшки, из которых особенно интересны бляшки с изображением головы сатира, аналогичной пантикапейским монетам. Технической особенностью херсонесских бляшек является то, что края их большей частью оставлялись необрезанными, так что они имеют четырехугольную форму с гладким полем у краев.[1]

В серебряных украшениях Херсонеса интересно отметить элемент скульптуры. Так, вместе с золотыми украшениями был найден серебряный перстень с большим круглым щитком, на котором имеется изображение в высоком рельефе бюста Афродиты с Эротом у плеча. Рельеф исполнен отливкой. Именно подобные рельефные серебряные украшения характерны для херсонесской мастерской, изготовлявшей терракотовые рельефы и статуэтки.[2]

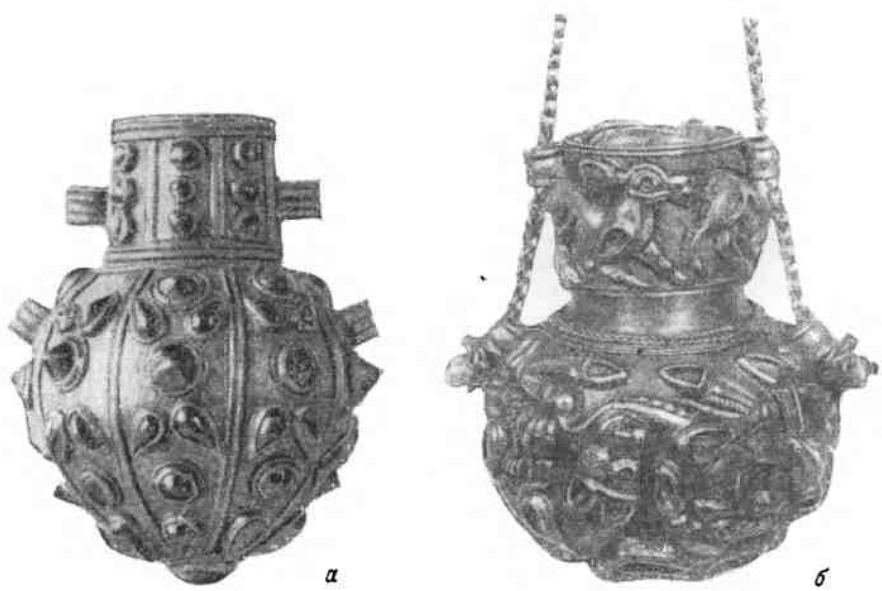

Рис. 38. Золотые флаконы.

а — украшенный гранатами, из Пантикапея; *б* — с изображениями зверей, из Новочеркасска.

В первые века нашей эры в Херсонесе продолжается обработка серебра плохого качества с большой примесью меди. Работы в серебре происходят в той же мастерской, где изготовлялись одновременно изделия из бронзы. Выходившие оттуда вещи должны были удовлетворять спрос городского населения. Это прежде всего различные мелкие предметы украшения, пряжки и т. д. Встре-

[1] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. I. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. Херсонесский сборник, т. I, Севастополь, 1926, стр. 14 и сл., рис. 10.

[2] Там же, стр. 21, рис. 10, 13, *а*.

[1] [Г. Д. Белов, ук. соч., табл. VII. —*Ред.*].

[2] К. Э. Гриневич, ук. соч., стр. 37, рис. 17.

Рис. 39. Золотая диадема. Херсонес.

чаются также образцы бронзовой утвари местного происхождения. Иногда эти изделия украшались скульптурными бюстами или головками.

В это же время организуется в более значительных размерах ювелирная мастерская, работа которой шла непрерывно. Мастерская производила различные украшения из золота и серебра очень своеобразного характера. Техника изготовления этих изделий невысока, серег.[1] Среди штампованных бляшек, найденных в Херсонесе, встречается много бляшек с изображениями греческих мифологических фигур.[2] Так же как и на Боспоре, в Херсонесе делали брактеаты с монет. Очень своеобразны херсонесские венчики и пластинки овальной формы, служившие для закрытия глаз умершего при погребении. Обычно на них имеется штампованный орнамент (рис. 42).[3]

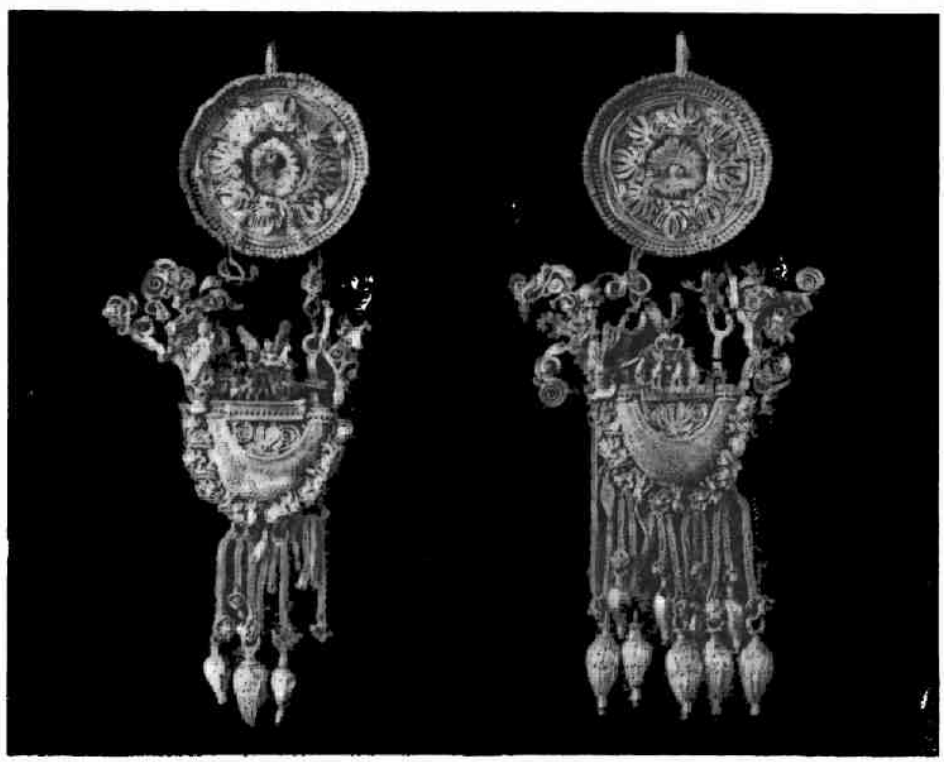

Рис. 40. Золотые серьги. Херсонес.

применение механических процессов, характерное для ювелирного дела первых веков нашей эры в Херсонесе особенно заметно. Встречается много таких украшений, как серьги с применением техники штампования: золотая пластинка со штампованным рельефом и с прикрепленными к ней тоже штампованными подвесками (рис. 41). Очень распространены вставки камей. Особенно часто встречаются образцы камей грубой работы, исполненные по шаблону и вставлявшиеся в украшения столь же трафаретного типа, рассчитанные на широкий сбыт, например в щитки

Среди изделий массового характера встречаются вещи более высокого качества, как, например, ожерелье, состоящее из цветных камней и стекол разного цвета в золотой оправе, образующих цепь с золотым шнурком на конце и с подвеской в виде бабочки, также со вставками из камней (рис. 43).[4] Очень разнообразны перстни с камнями.

[1] [См. статью М. И. Максимовой «Резные камни», стр. 442 настоящего сборника. — *Ред.*].
[2] [Г. Д. Белов, ук. соч., табл. VII. — *Ред.*].
[3] Гос. Эрмитаж, ОАМ. X, 1910-46, 47.
[4] Там же, 1896-18.

Общий характер херсонесских ювелирных изделий в первые века нашей эры резко отличается от изделий Пантикапея, так как в Херсонесе не обнаруживается влияния сарматского ювелирного искусства. Эта особенность Херсонеса объясняется тем, что он

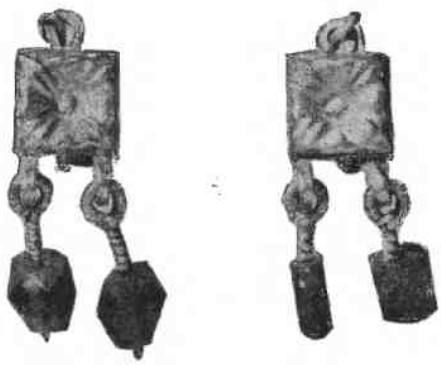

Рис. 41. Золотые серьги. Херсонес.

более других городов сохранил античный характер своей культуры, как в греческую эпоху, так и в первые века нашей эры.

Рассмотренные три главные центра металлообработки — Ольвия, Пантикапей и Херсонес — проявили разные специфические особенности. Херсонес в своей продукции мало отличается от других центров на периферии античного мира, Ольвия создает на скифской почве очень своеобразное греческо-скифское металлическое производство, которое, однако, вследствие низкой техники не получило большого художественного развития. Оно не могло конкурировать с художественной продукцией Боспора, гораздо более мощного и в экономическом и в политическом отношении. Поэтому ольвийское производство металлических изделий в более поздние периоды было направлено главным образом на изготовление предметов утилитарного назначения. Боспор создал крупное металлообрабатывающее производство, в которое были вовлечены представители всех значительных художественных направлений, отвечавших вкусам различных групп населения.

Замечательные памятники торевтики Боспора, созданные в эпоху первых Спартокидов, занимают очень видное место в античном искусстве не только северного Причерноморья, но и Греции. Боспор в конце V и IV вв. до н. э. явился полем широкой и чрезвычайно плодотворной деятельности для ряда лучших греческих мастеров-торевтов. Мастерские Боспора с течением времени выработали свой стиль, видоизменявшийся на протяжении веков в связи с все более усиливавшимся притоком в города Боспора негреческого населения.

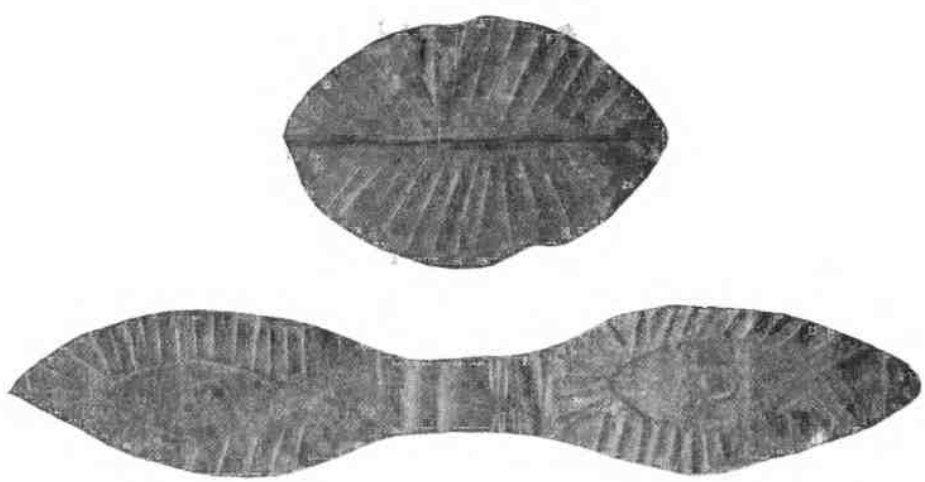

Рис. 42. Золотые пластинки для глаз и для рта. Херсонес.

Исследование художественного металлического производства и импорта показывает, что в северном Причерноморье крупная роль того и другого объясняется взаимоотношением греческих городов с местным населе-

нием. Спрос на изделия из драгоценных металлов был очень велик со стороны местного населения, особенно скифских вождей, окружавших себя роскошью, желавших иметь золотые украшения, одежду, усеянную золотыми или электровыми нашивными бляшками, оружие, конское убранство и утварь — также из золота и серебра. В более поздние периоды сарматская знать, хотя и в меньшем количестве, но все же предъявляла также спрос на драгоценные вещи. Значение античных городов северного Причерноморья в снабжении местной скифо-сарматской знати художественными изделиями из металла несомненно было очень велико.

Т. Н. Книпович

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОЬЯ

Среди многочисленных предметов, применявшихся в быту населения городов северного Причерноморья, безусловно наиболее распространенную группу составляет керамика — сосуды, вылепленные из глины и подвергнутые обжигу. Из глины делалась кухонная утварь — горшки, сковороды, миски; глиняной была по большей части и столовая посуда — тарелки, блюда, чашки, кубки, кувшины; глиняные вазы, расписанные или снабженные рельефными изображениями, служили украшением обстановки домов. Сосуды,сделанные из других материалов, были распространены гораздо меньше. Стеклянная посуда получила широкое применение только в первые века нашей эры; металлические сосуды были дороги и, за редкими исключениями, употреблялись лишь в качестве парадной художественной утвари состоятельных слоев населения.

В настоящем очерке мы будем рассматривать главным образом художественную керамику, составлявшую во всем античном мире важную отрасль прикладного искусства.[1] Как и при рассмотрении других категорий находок в городах северного Причерноморья, мы встретимся здесь с двумя главными группами — с группой изделий, изготовлявшихся вне северного Причерноморья и привозившихся в причерноморские колонии в обмен на продукты этой области, и с группой изделий, сделанных на месте. При основной нашей задаче — дать представление о культуре колоний северного Причерноморья во всех ее специфических особенностях — нас, конечно, будет особенно интересовать вторая группа: именно она может дать представление о художественном уровне, вкусах и направлениях, распространенных в среде населения северного Причерноморья. Но мы не можем обойти вниманием также и керамику привозную: она была здесь настолько распространена, особенно в некоторые периоды, что без ознакомления хотя бы с основными ее особенностями нельзя составить полного представления и о художественной культуре причерноморских поселений. К тому же некоторые из привозных изделий представляют безусловный интерес именно в связи с северным Причерноморьем: это изделия, изготовленные специально для вывоза в данную область, с учетом вкусов и потребностей ее населения. И, наконец, привозная керамика несомненно влияла, иногда и очень сильно, на создание некоторых местных групп посуды. В силу сказанного мы начнем настоящий очерк с краткого обзора привозной художественной керамики.

[1] Из общих работ, посвященных античной художественной керамике, назовем основные и наиболее доступные: В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953. — О. Ф. Вальдгауер. Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных расписных ваз. Пгр., 1914. — H. Walters. History of Ancient Pottery Greek, Etruscan and Roman, v. I—II. London, 1905. — E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. I—III. München, 1923. — E. Buschor. Griechische Vasen. München, 1940.

ПРИВОЗНАЯ КЕРАМИКА АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Импорт художественной керамики в области северного Причерноморья начинается еще до основания здесь колоний. В конце VII в. до н. э. начинаются первые достоверно известные нам поездки греков-ионийцев в область северного Причерноморья.[1] Этими поездками и открывается интересующий нас импорт греческой художественной керамики: среди товаров, привозившихся в это время греками в обмен на продукты северного Причерноморья, наиболее распространены были расписные вазы работы мастерских восточногреческих центров — Родоса, Самоса и др. При этом в северное Причерноморье поступали никак не худшие произведения греческих мастерских — некоторые из них представляют предметы высокохудожественные, иногда даже не встречающие повторений среди находок в греческих городах.

Один из лучших экземпляров этой ранней восточногреческой керамики представляет большая расписная ваза, найденная в кургане Темир-Гора, вблизи которого был основан несколько позже Пантикапей. Ваза (рис. 1)[1] относится еще ко второй половине VII в. до н. э.; в ней ярко выражены все основные особенности стиля раннеархаической керамики, создающегося в области древней Ионии под сильным восточным влиянием. Интересен прежде всего характер росписи, выполненной коричневой краской по светлой желтоватой обмазке и сплошным узором покрывающей поверхность сосуда. Типичную для данного времени черту представляет расположение росписи поясами, охватывающими всю вазу; не менее типично содержание росписи. Только на горле, на ручке и в нижней части вазы мы встречаем простые геометрические орнаменты, остальная же роспись слагается из изображений животных; на других вазах той же группы к таким «звериным» изображениям прибавляются еще растительные орнаменты (цветы, гирлянды), заменяющие

Рис. 1. Ваза из погребения в кургане Темир-Гора.
а — вид сбоку; *б* — вид сверху.

[1] О предшествующих основанию колоний сношениях греков с областью северного Причерноморья см.: А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 50 и сл.; в работе А. А. Иессена указаны и другие работы, рассматривающие те же вопросы.

[1] Издана Б. В. Фармаковским (Милетские вазы из России. М., 1914. Древности. Труды Моск. археолог. общ., т. XXV, 1916, отд. оттиск, стр. 5, табл. VIII, IX).

те немногие геометрические рисунки, которые мы видели на вазе кургана Темир-Гора. Среди изображенных на описываемой вазе животных мы находим быка, пантеру, зайца, особенно же много горных козлов, чаще всего воспроизводимых на сосудах данной группы. Все фигуры сильно стилизованы, позы их очень условны и все они составляют части сложного и красивого узора, покрывающего вазу. Интересен один из приемов, применяемый мастерами в их стремлении украсить поверхность вазы сплошным узором: все пустые промежутки — между фигурами, сверху, снизу, даже между ногами того или иного зверя — заполняются так называемым заполнительным орнаментом, рисунками геометрического или растительного содержания. При такой росписи изображения не имеют самостоятельного значения, они входят в общую систему орнаментации. Такой стиль называют декоративным; он представляет одну из характерных особенностей греческой керамики раннего времени.

Кроме вазы кургана Темир-Гора, в наших коллекциях есть и еще ряд экземпляров того же рода, вывезенных греками в область северного Причерноморья в период, предшествующий основанию здесь колоний; все они хуже сохранились — это не целые сосуды, а только части их. Среди них интересны вазы, горлышко которых переходит в головы животных — быка, барана;[1] нижние части этих ваз имели роспись, подобную росписи кувшина Темир-Горы.

Из всех этих сосудов некоторые представляют скорее всего продукцию Родоса, другие — Самоса; итак, импорт наиболее ранней художественной керамики идет из той самой области греческой Ионии, выходцами из которой в то же время или несколько позже был основан ряд крупных колоний северного Причерноморья.

Перейдем к следующему периоду, соответствующему начальному времени существования колоний и укладывающемуся в пределы VI в. до н. э.[2] И в это время в импорте керамики преобладают изделия греческой Ионии; из производивших художественные сосуды центров в северном Причерноморье представлены Родос, Самос, Клазомены, а также менее крупные поселения той же области. Керамика эта очень характерна. Сосудов или хотя бы фрагментов сосудов, подобных уже известной нам вазе из кургана Темир-Гора, в городах северного Причерноморья встречается мало, и найдены все имеющиеся экземпляры только в самом раннем из причерноморских поселений — поселении на о. Березани; в остальных же городах мы имеем дело с изделиями не ранее второй четверти VI в. до н. э., главным образом с предметами середины и второй половины VI в. до н. э. В росписи керамики этого времени наблюдаются по сравнению с известными нам вазами VII и начала VI в. существенные изменения. Сохраняется, особенно в некоторых группах, традиция изображать животных и растительные орнаменты; но эти изображения чем дальше, тем больше теряют прежний декоративный характер — вместо рядов следующих друг за другом животных на вазе воспроизводится иногда отдельная фигура зверя, иногда небольшие сценки, в которых все чаще и чаще участвуют и люди. Заполнительный орнамент постепенно исчезает. В результате всего этого главное изображение уже заметно выделяется на окружающем его фоне, то сплошь закрашенном, то расписанном поясками различной ширины.

Изредка и во второй четверти VI в. встречаются сосуды, сохраняющие общий декоративный стиль, при наличии изменений, выражающихся в меньшей тщательности исполнения, в применении наряду с контурным рисунком также и силуэтного рисунка с обозначением деталей резьбой. Примером может служить большая родосская ваза, найденная в поселении на о. Березани (рис. 2).

Типичный экземпляр, принадлежащий приблизительно середине VI в. до н. э., представляет ваза «клазоменского стиля» с изображением оленя, найденная в одном из некрополей Таманского полуострова

---

[1] Обломок вазы с горлом, переходящим в голову барана, издан в статье Т. Н. Книпович «К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э.» (ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 97 и сл., рис. 26). Там же (рис. 25) изображен фрагмент аналогичной вазы с горлом, переходящим в голову быка.

[2] Обзор основных групп встречающейся в городах северного Причерноморья архаической керамики дан в статье Р. В. Шмидт «Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки» (МИА, № 25, 1952, стр. 223 и сл.).

(рис. 3).[1] Стилистически близки данной вазе изображения на вазах той же или других восточногреческих групп горных козлов, кабанов, львов, водяных птиц и других животных, а также фантастических существ — сфинксов, сирен, крылатых коней и т. д. Встречаются в то же время в керамике области Ионии и иные типы росписи, состоящие в воспроизведении чисто орнаментальных мотивов, так называемого чернофигурного стиля. Такое название принято для росписи, характерной чертой которой является изображение фигур, исполненных блестящей черной глазурью, так называемым античным лаком, на оранжево-красном фоне глины; детали прочерчиваются резцом. Этот стиль во второй половине VI в. до н. э. распространяется по всей Греции, но наибольшего раз-

Рис. 2. Расписная родосская ваза с о. Березани.

как орнамент чешуек, сетка из перекрещивающихся точечных линий и т. д.; такого рода вазы особенно известны на Самосе (рис. 4) и в Клазоменах. В колонии северного Причерноморья вазы с орнаментальной росписью ввозились в большом количестве; впоследствии они оказывают существенное влияние на развитие местной художественной керамики.

Дальнейшее развитие ионийской керамики приводит к окончательному упрочению в ней вития он достигает не в Ионии, а в Аттике; о нем мы будем говорить ниже.

Наряду с керамикой, изготовлявшейся в области греческой Ионии, ввозятся также изделия других областей. Интересна группа керамики, центром производства которой был скорее всего Навкратис, ионийская колония в области Египта.[1] По излюбленным

[1] См.: Н. А. Э н м а н. Ионийская амфора с Таманского полуострова. ИАК, вып. 45, 1912, стр. 92 и сл.

[1] Навкратийское происхождение рассматриваемой группы керамики подвергается в последнее время со стороны некоторых исследователей (см.: E. P f u h l, ук. соч., стр. 144 и сл.) сомнению; основанием для этого служит факт многочислен ных находок такого рода керамики на о. Хиосе

сюжетам, по стилю изображений, по орнаментам эта группа имеет много общего с известной нам по вазе кургана Темир-Гора родосской керамикой. Но в навкратийской керамике преобладают сосуды иных типов — по большей части это уже не большие вазы, как вазы на рис. 1, 2 и 3, а маленькие тонкостенные кувшинчики или кубки; выполнение

Рис. 3. Ваза «клазоменского стиля» с Таманского полуострова.

их отличается исключительными достоинствами как техническими, так и художественными. В города северного Причерноморья навкратийская керамика ввозилась в довольно значительном количестве. Одним из лучших экземпляров этой группы является найденный в 1940 г. в Ольвии кубок с изображением пляшущих человеческих фигурок (рис. 5): в стиле этих фигурок чувствуется влияние Египта, области, в которой находился Навкратис. Кубок относится приблизительно к середине VI в. до н. э.; сосуды второй половины VI в. отличаются росписью более скудной и схематичной.

В то же время начинается импорт керамики центральной Греции — материковой и

Рис. 4. Ваза «стиля Фикеллура» (Самос) из Пантикапея.

островной. Среди центров, изделия которых ввозятся в область северного Причерноморья, едва ли не первое место принадлежит в это время Коринфу. Коринфская керамика отличается большими техническими достоинствами. Благодаря наличию в районе Коринфа залежей прекрасной пластичной глины светлых тонов, коринфские гончары даже и в раннее время не применяли обычной светлой обмазки, а расписывали сосуды прямо по поверхности глины бледножелтого или зеленоватого цвета. Своеобразна и рос-

Вопрос не может считаться вполне решенным; ряд веских соображений говорит все же в пользу Навкратиса как центра производства во всяком случае некоторой части известной нам керамики такого типа. Сводка различных высказываний по данному вопросу приведена у Р. В. Шмидт (ук. соч., стр. 235 и сл.).

пись коринфской керамики — густая, исполненная в технике силуэта, с прочерченными резьбой деталями. Следует, впрочем, отметить, что время, когда изделия Коринфа поступали в причерноморские колонии (середина и вторая половина VI в. до н. э., отчасти и начало V в. до н. э.) являлось для коринфского стиля уже периодом упадка; роспись становится в это время схематичнее, беднее, она сводится к воспроизведению небольшого количества геометрических и растительных мотивов. В коринфской керамике преобладают маленькие сосудики—различные флакончики, чашечки, шкатулочки с крышками и т. д.; особенно типичны арибаллы — шаровидные сосудики для жидкого масла, употреблявшиеся при гимнастических упражнениях. На рис. 6 изображены два коринфских сосудика из Ольвии — арибалл и энохоя.

Рис. 5. Навкратийский кубок из Ольвии.

Во второй половине VI в. к числу центров, ввозивших свои керамические изделия в область северного Причерноморья, присоединяется Аттика. Как уже упоминалось, в Аттике достигает особого развития распространившееся в течение VI в. до н. э. новое течение в архаической керамике — чернофигурный стиль. В росписи этих ваз уже ярко проявляется замена старого декоративного стиля стилем изобразительным. Главное изображение занимает на сосуде центральное место; остальная часть вазы или остается незакрашенной, или сплошь покрывается черным лаком — в этом случае для основного изображения оставляется в цвете оранжево-красной глины незакрашенный четырехугольник. Окончательно исчезают заполнительные орнаменты; остальные орнаменты занимают минимальное место. Главное действующее лицо — уже не животные, а человек; сравнительно редко воспроизводятся отдельные фигуры, обычно же изображения представляют целые сценки, чаще всего из области греческой мифологии или эпоса. Из числа чернофигурных ваз, найденных в колониях северного Причерноморья, приведем для примера большую амфору из Пантикапея со сложным изображением битвы кентавров (полулюдей, полуконей) с племенем лапифов (рис. 7).

Рис. 6. Коринфские арибалл и энохоя из Ольвии.

Наряду с аттической керамикой до самого конца VI в. продолжался ввоз также и ионийских сосудов. Кроме уже рассмотренных категорий художественных ваз,

следует упомянуть еще керамику с более простой росписью в виде поясков и полосок. Эти сосуды, не являясь предметами искусства в точном смысле этого слова, имели важное значение в северном Причерноморье: в подражание им в причерноморских городах развилось свое производство аналогичной керамики.

Следующий период охватывает V и IV вв. до н. э. В античном мире эти века характе-

Рис. 7. Чернофигурная аттическая амфора из Пантикапея. Битва лапифов с кентаврами.

ризуются ярко выраженным преобладанием Аттики, становящейся в это время государством, наиболее сильным в политическом и экономическом отношении. К числу областей, входящих в сферу влияния Аттики, принадлежало и северное Причерноморье, продукты которого были необходимы стране с быстро растущим населением. Это обстоятельство имело существенное значение для того направления, которое получило в рассматриваемый период развитие культуры причерноморских колоний: в V и IV вв. преобладающим стал уже не ионийский, а аттический импорт художественных изделий. Среди этих изделий на первом по распространенности месте стоит расписная керамика.

Мы уже видели, что в аттической керамике непосредственно предшествующего времени (вторая половина VI в.) впервые ясно проявилась тенденция к замене декоративного стиля изобразительным. В аттической керамике V и IV вв. эта тенденция получает дальнейшее развитие. Чернофигурный стиль создавал лишь ограниченные возможности для передачи всех деталей изображения: черные силуэты с обозначенными резьбой деталями лица и фигуры неизбежно являлись весьма условными. В рассматриваемый период (V—IV вв.) производство ваз чернофигурного стиля постепенно выводится из употребления. Эта манера росписи прочно удерживается только на так называемых панафинейских амфорах, больших сосудах, выдававшихся в качестве награды победителям в происходивших в Аттике состязаниях борцов и музыкантов; в соответствии с назначением этих ваз на них изображались сцены состязаний и богиня Афина, покровительница города Афин. В остальных группах керамики чернофигурные изображения встречаются в это время редко и главным образом только в V в.; выполнение их отличается крайней небрежностью и схематизмом.

На смену чернофигурному стилю идет так называемый краснофигурный стиль: изображаемые фигуры очерчиваются на оранжево-красной поверхности сосуда контурной черной линией, причем весь окружающий фигуру фон закрашивается блестящей черной глазурью, условно называемой обыкновенно лаком. Детали — черты лица, мускулатура, одежда — передаются уже не резьбой, а тонкими линиями черной глазури; применение той же глазури в разбавленном виде, дающей бледные желтовато-коричневые линии, создает возможность дальнейшей детализации изображений.

Краснофигурный стиль вазовых изображений, создающийся еще в конце VI в. до н. э., держится в Аттике в течение V и IV вв. до н. э., отчасти заходя и в III в. Стиль изображений не остается, конечно, неизменным в течение всего обозначенного периода; развивается особая отрасль античного искусства, в которой участвуют крупные художники, создающие свои направления, свои

школы. Мы здесь можем познакомиться, конечно, лишь с основными этапами развития этого стиля.

В начале своего существования краснофигурный стиль является еще очень условным, что сказывается и в передаче человеческого лица, и в фигурах людей и животных, и даже в изображении одежды. В течение V в. рисунок постепенно становится более свободным, позы естественнее, фигуры живее; мастера все более и более овладевают компановкой сложных сцен, среди которых большая часть заимствована из греческой мифологии и эпоса.

Дальнейшее развитие краснофигурного стиля состоит в усложнении изображений, что сказывается как в создании сложных композиций, в которых участвует много действующих лиц, так и в воспроизведении большого количества деталей одежды и обстановки. Фигуры изображаются в разнообразных позах; художники особенно охотно передают трудные раккурсы. Вместе с тем простой краснофигурный рисунок уже не удовлетворяет — он дополняется раскраской разноцветными красками, позолотой, иногда и рельефом. Усложняются, становятся более вычурными и формы ваз, прежде отличавшиеся простотой и изяществом. Все вместе создает тот характерный «роскошный» стиль, который получает широкое распространение в IV в. до н. э. и который резко отличается от простых, скромных, вместе с тем весьма художественных ваз первой половины V в.

Во второй половине IV в. уже проявляются черты упадка краснофигурной керамики. Изображения становятся схематичнее, грубее; вместо большого разнообразия сюжетов воспроизводится очень ограниченное их количество; в рисунке нет прежнего мастерства, он небрежен, исполняется по определенным трафаретам, создающим впечатление о массовом ремесленном выполнении, без участия крупных художников.

Одновременно с краснофигурными вазами в Аттике производилась и другая группа керамики — так называемая чернолаковая керамика, в которой черный лак покрывал уже не часть сосуда, а всю его поверхность. Аттика достигла громадного технического совершенства в изготовлении этой глазури; аттическая глазурь создавала поверхность гладкую, ровную, и вместе с тем предохраняла сосуд от разрушений: она не разъедается самыми сильными кислотами (серной, азотной). Вследствие всего этого чернолаковая керамика получила широкое применение в качестве обиходной посуды городского населения как в Аттике, так и за ее пределами. Аттическая чернолаковая керамика отличалась вместе с тем и большой художественностью выполнения: в ней получили распространение изящные, тонко детализированные формы сосудов, иногда имеющие прямо архитектурную четкость очертаний. Некоторые из сосудов этой группы (особенно начиная с IV в.) украшались поверх глазури накладными орнаментами, сделанными полужидкой глиной и иногда позолоченными. Излюблены в данной группе были также орнаменты вдавленные, выполненные резьбой и штампованными оттисками.

В города северного Причерноморья аттические вазы упомянутых групп ввозились непрерывно, хотя и не всегда в одинаково большом количестве, с конца VI в. до н. э. Импорт краснофигурной керамики в область северного Причерноморья кончается в первой половине III в. до н. э.; чернолаковая керамика, простая и орнаментированная, продолжает ввозиться в III, даже во II в. до н. э. Среди найденных в причерноморских городах аттических сосудов встречаются прекрасные образцы, принадлежащие всем главным этапам развития аттического стиля. Познакомимся с некоторыми характерными группами и экземплярами.

К числу ранних краснофигурных ваз (начало V в. до н. э.) принадлежит найденный в Пантикапее кратер с изображением греческих богов — Афины, наливающей вино в чашу стоящего перед ней Зевса (рис. 8, *а*). Более поздним временем (несколько позже середины V в.) датируется также происходящий из Пантикапея кувшин с изображением лесного демона-силена, убегающего с похищенной им гермой бога Диониса (рис. 8, *б*). Этот кувшин отличается уже большей свободой изображения, что особенно бросается в глаза при сравнении его с первой из воспроизведенных у нас краснофигурных ваз: силен изображен в быстром движении, поза жизненна, фигура анатомически правильна.

Ваз, подобных двум воспроизведенным у нас, найдено при раскопках причерноморских городов сравнительно немного. Гораздо богаче представлены более поздние группы, принадлежащие концу V и IV в. до н. э. Мы встречаем прежде всего большую группу ваз усложненного «роскошного» стиля; боль-

шим количеством находок такого рода ваз в северном Причерноморье, особенно в районе Пантикапея, объясняется употребляемое некоторыми историками искусства обозначение этой группы названием «керченские вазы».[1] Образцом этой группы может служить воспроизведенная на рис. 9 кальпида IV в. до н. э. с изображением сцены поздравления новобрачной. В этой вазе ярко проявляются все особенности нового усложненного стиля, с тонким, доведенным до изощренности рисунком, с применением полихромии («многокрасочности», т. е. раскраски разноцветными красками) и золота. В изображенной сцене участвует много персонажей — сидящая в центре сцены новобрачная, летающие вокруг нее эроты, подруги, пришедшие приветствовать новобрачную, девочка, служанка. Художник свободно воспроизводит разнообразные позы и сложные ракурсы; обратим, например, внимание на повторяющийся полуоборот спиной вперед. На большой высоте и техническое выполнение вазы — прекрасная глазурь, тонко обработанная чистая, имеющая красивый оранжевый цвет глина.

Большим количеством экземпляров представлена у нас и самая поздняя группа аттической краснофигурной керамики с небрежными, повторяющимися изображениями.

Рис. 8. Краснофигурные вазы из Пантикапея.

а — кратер с изображением Афины и Зевса; *б* — кувшин с изображением Силена с гермой Диониса.

На ней мы, впрочем, остановимся особо. Широко распространена была в северном Причерноморье также и аттическая чернолаковая керамика; на рис. 10 изображен ряд сосудов этой группы, найденных в причерноморских городах.

Среди аттических ваз, найденных в северном Причерноморье, заслуживает особого внимания одна группа, занимающая промежуточное положение между керамикой и терракотовыми статуэтками. Это так называемые вазы-статуэтки или фигурные вазы: фигура, бюст или голова человека или какого-либо существа переходит в верхней части в горлышко сосуда. Мы здесь остано-

[1] Об этой группе краснофигурной керамики см.: С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. МАР. № 35, 1915

вимся на одной находке, представляющей исключительный интерес.[1]

В одном богатом женском погребении, обнаруженном в кургане близ Фанагории, оказалось среди прочих вещей шесть таких ваз-статуэток в форме сфинкса, рождающейся из раковины Афродиты, сирены, крылатого чистых тонов — красного, синего, голубого, желтого, розового; умелое и тщательное применение этого небольшого набора красок создает исключительно живой и красивый красочный эффект. Две из этих ваз-статуэток, изображающие сидящего сфинкса и выходящую из раковины Афродиту, воспроизведены

Рис. 9. Кальпида из Пантикапея. Поздравление новобрачных. «Керченский стиль».
а — роспись лицевой стороны; *б* — деталь росписи.

демона, птицы, женщины. Все эти вазы-статуэтки представляют прекрасные образцы аттического искусства конца V в. до н. э. При тонкой изящной лепке этих фигур поражает также их раскраска, необычайно хорошо сохранившаяся. Поверх плотной желтоватой обмазки наложены краски красивых, на рис. 11. Ваз, подобных этим, не найдено в самой Аттике — они представляют пока предметы действительно уникальные.

Широкое распространение аттических художественных ваз в быту населения причерноморских колоний, особенно в кругах пантикапейской знати, должно было значительно увеличить их производство в Аттике. Это не могло не отразиться и на характере аттических изделий: среди них мы можем проследить группу, специально изготовляв-

[1] Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Зап. РАИМК, вып. I, 1921.

шуюся на экспорт, с учетом вкусов населения северного Причерноморья.

Едва ли не самым ярким образцом такого рода изделий является известный лекиф (флакон), расписанный афинским художником Ксенофантом (рис. 12).[1] По форме, по прекрасно обработанной глине и не менее характерной блестящей черной глазури этот лекиф представляет типичное аттическое изделие; этому вполне соответствует греческая надпись вокруг горлышка, в переводе означающая «сделал Ксенофант афинянин». Но в изображениях, покрывающих поверхность лекифа, есть черты, не свойственные аттической керамике того времени, к которому он относится (конец V или самое начало IV в. до н. э.). Изображена охота, в которой принимают участие греки, персы и скифы; из них некоторые охотятся на колеснице, другие пешком, третьи верхом на коне; они охотятся на реальных животных (вепрь, олень), а также на фантастических грифонов. Некоторые фигуры изображены в обычной краснофигурной технике, другие даны в рельефе и раскрашены. Изображения персов и скифов лишены этнографического реализма, скорее это условные фигуры «варваров» — не-греков, в том виде, в каком их представляли работавшие в Греции греческие художники. Сложность и вычурность стиля этой вазы дополняется еще орнаментом — рельефным и позолоченным ожерельем на плечиках вазы.

Рис. 10. Образцы чернолаковой керамики.
а — кубок из Тамани; *б* — чаша с граффити из Ольвии.

Все описанные особенности объясняются тем, что лекиф Ксенофанта сделан художником-афинянином, работавшим у себя в Аттике, не знающим и не видевшим скифов; сделан он специально для сбыта в северном

[1] А. А. Передольская. Вазы Ксенофанта. Гос. Эрмитаж, Труды Отд. истории искусства и культуры античного мира, I, Л., 1945, стр. 47 и сл.

Причерноморье, в связи с чем стоит и чрезмерная «варварская» роскошь его стиля, и изображения, связанные, по греческим представлениям, с северным Причерноморьем. Мы встречаем здесь скифов, персов, бывших, как известно, в Скифии, фантастических грифонов, тоже обитавших, по греческим сказаниям, в области Скифии.

Рис. 11. Фигурные сосуды из погребения около Фанагории.
а — сфинкс; *б* — Афродита.

Описанный лекиф — не единственная известная нам работа афинского художника Ксенофанта. Другой сосуд той же формы, но меньших размеров и тоже с надписью «сделал Ксенофант афинянин» был найден в насыпи так называемого Змеиного кургана близ Керчи. Лекиф из Змеиного кургана отличается теми же, что и первый, стилистическими и техническими особенностями; некоторые фигуры повторяются на обоих сосудах в совершенно тождественном виде, что заставляет предположить изготовление их в одних и тех же формах.

Еще заметнее становится группа аттических изделий, изготовляемых специально на экспорт в область северного Причерноморья в более позднее время — в конце IV—начале III в. до н. э.[1] Излюбленными на этих вазах являются изображения, связанные с греческим мифом об амазонках: мы уже видели, что это один из мифов, местом действия которого греки считали область северного Причерноморья. На сосудах этой группы встречаются то сцены битвы греков с амазонками, то крупные головы амазонки и коня, амазонки и грифона и т. д. (рис. 13). Небрежность рисунка, повторение постоянно одной и той же формы — пелики (двуручная ваза с округлыми очертаниями и широким отогнутым венчиком) свидетельствуют о массовом выпуске сосудов этой группы.

По сравнению с массой аттических сосудов керамические изделия других греческих областей поступали в V и IV вв. в города северного Причерноморья в небольшом коли-

[1] Об этих аттических вазах см.: М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, стр. 136 и сл.

честве. Сколько-нибудь существенную роль играет в это время, кроме Аттики, только Иония. Продолжают ввозиться простые ионийские сосуды, расписанные в старой архаической манере поясков и полосок; наряду с ними в Ионии развивается группа чернолаковой керамики, по качеству значительно

Рис. 12. Лекиф Ксенофанта. Пантикапей.

уступающая аттической. Ведущая роль в описанных новых течениях в художественной керамике V и IV вв. принадлежит во всяком случае Аттике.

Итак, импорт художественной керамики в города северного Причерноморья в V и IVвв. до н. э. характеризуется преобладанием аттических изделий при наличии также изделий восточногреческих областей. Такое положение наблюдается во всех городах — в Ольвии, в Херсонесе, на Боспоре. Но известные различия между отдельными центрами все же имеются. Нигде импорт аттической художественной керамики не выражен настолько ярко, не представлен таким количеством экземпляров, как на Боспоре: здесь встречаются и первоклассные образцы, не имеющие пока повторений в других местно-

Рис. 13. Краснофигурная пелика с головой амазонки. Пантикапей.

стях, и целые массы рядовых ремесленных изделий, употребляемых в быту самых широких кругов населения. Нас это не может удивлять: первенствующая роль Боспора в торговле северного Причерноморья с Афинами общеизвестна.

Следующий период охватывает III, II и I вв. до н. э. Главное отличие этого периода от предыдущего состоит в том, что Аттика утрачивает свою первенствующую роль в снабжении северного Причерноморья произведениями искусства. Правда, импорт аттических

художественных изделий не совсем прекращается и в это время: продукцию аттических мастерских мы встретим в материале городов северного Причерноморья среди памятников скульптуры, в металлической утвари, среди терракотовых статуэток. Но процент аттических изделий в общей массе предметов искусства, бытующих в городах северного Причерноморья III—I вв. до н. э., становится уже значительно меньшим по сравнению с предшествующим периодом, первенство во ввозе такого рода предметов возвращается вновь к области западного побережья Малой Азии с островами Эгейского моря. Среди ряда центров, импортирующих художественные предметы в область северного Причерноморья, выделяется Пергам; немаловажное значение имеют и Самос, и Делос. Египетский импорт, значеитльный в VI в. и слабее выраженный в V и IV вв., вновь усиливается. Основанная в Египте в IV в. Александрия становится крупным художественным центром, изделия которого проникают далеко за пределы непосредственно примыкающей к ней территории, в том числе и на северное побережье Черного моря.

Все указанные особенности можно проследить и на ввозившейся в северное Причерноморье художественной керамике. Вазы краснофигурного стиля выходят из употребления; взамен краснофигурной росписи развивается орнаментация иного характера. Большое распространение получает группа чернолаковой керамики с орнаментом, выполнявшимся по темному фону резьбой, накладными красками и полужидкой глиной.[1] Начало этого стиля мы уже видели на аттических чернолаковых сосудах предшествующего периода. В III в. в Аттике окончательно вырабатывается новый стиль художественной керамики, с обильной орнаментацией, выполняемой разжиженной желтой глиной и белой краской по темному, обычно коричневатому, фону глазури. Как формы сосудов, так и характер орнаментации свидетельствуют о несомненной зависимости этой группы керамики от металлических, в частности серебряных, сосудов, производство которых было особенно распространено в Аттике IV и III вв. до н. э.

Возникнув в Аттике, новый стиль керамики делается излюбленным в целом ряде областей античного мира: мы встречаем его, всегда, конечно, со специфическими особенностями, свойственными каждой данной области, в Италии, в Александрии в Египте, в городах Малой Азии.

В северном Причерноморье аттическая керамика рассматриваемой группы встречается не в очень большом количестве и главным образом в III в.; в находках II в. эта группа представлена небольшим количеством экземпляров, в I в. отсутствует совсем. Значительно обильнее находки сосудов того же стиля, но производившихся в городах Малой Азии и прежде всего в Пергаме; безусловно доминирующим становится малоазийский импорт во II и I вв. до н. э. Технически рассматриваемая керамика, особенно малоазийская, уже значительно уступает аттическим чернолаковым сосудам V и IV вв., что главным образом сказывается в качестве глазури: глазурь не имеет прежнего блеска, цвет ее не черный, а буроватый, иногда с переходами в красный тон.

На рис. 14, *а*, *б* и 19, *в* изображены сосуды рассмотренной категории — аттическая амфора из Пантикапея (*а*) и два малоазийских канфара — из Пантикапея (*б*) и Ольвии (рис. 19, *в*).

Наряду с описанной получает распространение и другая группа сосудов, поверхность которых украшается рельефными фигурками и гирляндами. Эта группа подразделяется на два основных вида. Простейший вид, возникновение которого можно было установить еще в предшествующий период (вспомним, например, лекифы Ксенофанта), характеризуется тем, что гладкая поверхность сосуда украшается отдельными налепленными на нее фигурками или гирляндами. Более распространен в северном Причерноморье другой вид, когда рельефные украшения (фигурки, орнаменты геометрического и растительного характера) покрывают поверхность сосуда сплошным узором.[1] Группа сосудов с рельефной орнаментацией возникла и развилась также под несомненным влиянием металлической утвари.

Одним из лучших экземпляров рельефной керамики является сосуд из Ольвии, изображенный на рис. 15, *а*. Интересно,

[1] Об эллинистической чернолаковой керамике с орнаментом по фону глазури см.: CA, XI, 1949, стр. 271 и сл.

[1] О вазах с рельефной орнаментацией эллинистического времени см.: F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922.

что подражание металлическим образцам сказалось здесь не только в рельефной орнаментации, более свойственной металлическим, чем глиняным сосудам, но и в форме вазы. Так, от верхнего края в обе стороны отходят узкие, заостряющиеся выступы: у металлических сосудов-ведер такие выступы имели отверстия, через которые продевалась служившая ручкой проволока. Не случайно также, что покрывающая эту вазу темная глазурь имеет заметный металлический отблеск: изготовлявший сосуд гончар стремился, очевидно, придать ему вид металлического изделия.

Рис. 14. Эллинистические вазы. Пантикапей.
а — аттическая амфора; *б* — малоазийский канфар.

Рельефные украшения у описываемой вазы обильнее и разнообразнее, чем у большинства сосудов той же группы. Кроме обычных орнаментов и тоже часто встречающегося фриза с фигурками летающих эротов, мы видим здесь группы греческих богов, менад, силенов; эти группы повторяются по несколько раз каждая в совершенно одинаковом виде, что объясняется применением штампов.

На том же рисунке (рис. 15, *б*, *в*) воспроизведены вазы той же группы, но иной формы и с более простой орнаментацией. Это сосуды — «мегарские чашки» — наиболее излюбленной в данной группе полушаровидной формы.

Вопрос о центрах, в которых возникли оба упомянутых вида рельефной керамики, не может считаться вполне выясненным. Не подлежит сомнению, что уже в III в. до н. э. вазы обеих этих групп выделывались в самых различных пунктах как материковой Греции, так и восточногреческих областей; известна выделка их и в западнопонтийских городах.[1] В северном Причерноморье мы больше всего имеем дело с продукцией Пергама, Самоса и Делоса.[2]

Одновременно с рельефной керамикой существовала и еще одна группа художественной керамики — с темной росписью по светлому фону. Иногда эта роспись делается прямо по ничем не покрытой глине — тогда ваза по характеру росписи напоминает известные нам чернофигурные вазы VI в. до н. э.; чаще поверхность сосуда бывает покрыта плотной белой обмазкой, по которой и выполняется темная роспись. В указанной группе правильно видят возрождение древних архаических приемов росписи;[3] действительно, вазы с коричневой росписью по белому или желтоватому фону заставляют сразу же вспомнить расписную керамику VII и VI вв. до н. э. — родосскую, навкратийскую и т. д. Но при внешнем сходстве

[1] См.: Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 116.

[2] О «мегарских чашках» производства причерноморских мастерских речь будет ниже.

[3] Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗОО, XXVIII, 1895, стр. 174.

красочного впечатления, создаваемого архаической керамикой VII—VI вв., с одной стороны, и рассматриваемой группой ваз III—II вв. — с другой, между теми и другими сосудами имеются и существенные различия. Различно прежде всего содержание росписи. Типичные для раннего времени изображения зверей здесь не встречаются почти совсем: их заменяют чаще всего растительные гирлянды, наряду с которыми нередки и некоторые новые мотивы, например изображения музыкальных инструментов. Отличаются и формы сосудов: вычурные, подчеркнутые очертания ваз III—II вв. далеки от простых и строгих форм, свойственных VII и VI вв. до н. э.

Рис. 15. Эллинистические рельефные вазы.

а — сосуд из Ольвии; *б*, *в* — «мегарские чашки» из Пантикапея.

Как и две предыдущих группы, керамика с росписью по светлому фону выделывалась в различных областях античного мира. Но один из центров, производивших изделия такого рода, особенно известен: этот центр — Александрия в Египте. Расписная керамика Александрии получает широкую известность как по техническим особенностям, так и по тонко выполненной росписи, в которой преобладают растительные мотивы. Боль-

Рис. 16. Эллинистический расписной лагинос из Ольвии.

шинство александрийских ваз представляют гидрии — сосуды для воды с тремя ручками.

Группа керамики с росписью по светлому фону получила в северном Причерноморье неменьшее распространение, чем две предыдущих. Среди причерноморских находок встречаются и вазы работы малоазийских мастерских, и александрийские изделия. Один из типичных для этой группы сосудов — флакон (лагинос) из Ольвии — изображен на рис. 16.

Итак, после периода, характеризующегося в области импорта художественной керамики в северное Причерноморье преобладанием Аттики, восстанавливается прежнее положение, с преимущественным притоком художественных изделий и художественных направлений из восточногреческих областей. Такое положение сохраняется в течение всех трех последних веков до нашей эры.

Последний период составляют первые четыре века нашей эры. Политически этот период определяется главенствующей ролью в античном мире Римской империи; это отражается и на жизни городов северного Причерноморья, из которых каждый в той или иной форме, в той или иной степени испытывает на себе влияние новой политической ситуации. Не может не сказаться это и на характере импорта, в частности импорта художественной керамики: среди найденных в северном Причерноморье образцов привозной керамики представлена также и италийская группа.

С другой стороны, на характер импорта керамики влияют и некоторые общие изменения в соотношении между категориями употребляющейся повсеместно в различных областях античного мира посуды. Художественная керамика продолжает применяться и в это время, но значение ее уже далеко не то, каким оно было в предыдущие периоды: наряду с ней входит в употребление стеклянная посуда, причем развивается и выделка ряда групп художественного стекла, как, например, стеклянные вазы расписные, мозаичные, рельефные. В связи с этим роль керамических изделий в художественной культуре первых веков нашей эры, как вообще в античных центрах, так, в частности, в причерноморских колониях, не была особенно значительной, во всяком случае по сравнению с предыдущими периодами. Но ряд групп художественной керамики имеется и в это время; поступают такие изделия и в причерноморские колонии. Охарактеризуем их вкратце.

Главная отличительная черта керамики рассматриваемого периода — замена темной, черной или темнокоричневой глазури глазурью желто-красной или буровато-красной, в связи с чем стоит и утвердившееся обозначение этой группы термином «краснолаковая керамика».[1] Указанное изменение

[1] Сведения о краснолаковой керамике в городах северного Причерноморья содержатся в нашей работе, помещенной в МИА, № 25, 1952, стр. 289 и сл.

в цвете глазури—черта, свойственная всей обиходной керамике этого времени, выделываемой как в восточногреческих мастерских, так и в западной части античного мира, в Италии. Вторая черта, также наблюдаемая повсеместно, — окончательное исчезновение росписи. Только в начале этого периода, в качестве остатков стиля керамики последних веков до нашей эры, встречаются случаи нанесения белой краской растительного орнамента, обычно сильно схематизированного. Позже и такой орнамент исчезает: орнаментация, если она имеется, выполняется или рельефом, или путем нанесения на сосуд вдавленных оттисков, насечек и т. д. Наконец, третья особенность этой керамики — применение в ней клейм, именных (т. е. содержащих имена мастеров или владельцев мастерских) или фигурных.

Говоря об импорте в города северного Причерноморья краснолаковой керамики, следует упомянуть прежде всего Италию. Именно в Италии достигло особой высоты производство краснолаковой керамики. Около конца I в. до н. э. здесь возникает целый ряд крупных мастерских, производящих громадное количество керамики, предназначенной и для населения Италии, и на экспорт. Из ряда выдвигающихся здесь производственных центров главный — Арреций в северной Италии.

Италийская, в особенности арретинская, керамика получает широкую известность как по высоким качествам своей глины и глазури, так и по прекрасной выделке сосудов, отличающихся исключительно четкими и правильными очертаниями. Эти качества сделали арретинскую керамику категорией обиходной посуды, особенно ценимой во всем античном мире. Но наряду с посудой утилитарного назначения в Италии изготовлялось и значительное количество художественных ваз. По орнаментации они имеют сходство с уже известными нам группами рельефной керамики последних веков до нашей эры; и здесь мы должны отметить два типа рельефных украшений — сплошную рельефную орнаментацию на всей или почти всей поверхности и отдельные, налепленные на гладкую поверхность сосуда фигуры и узоры.

В города северного Причерноморья италийская керамика ввозилась в небольшом количестве; однако она все же представлена там рядом характерных образцов, среди которых имеются экземпляры, снабженные клеймами известных арретинских мастерских. Имеются среди находок и экземпляры художественной италийской керамики с орнаментацией обоих намеченных типов, но количество их очень невелико, к тому же, за единичными исключениями, все вообще находки италийской керамики происходят из двух центров — Ольвии и Херсонеса; все они принадлежат ограниченному отрезку времени — около начала нашей эры. Значительным ввоз италийской керамики в область северного Причерноморья несомненно не был.

Гораздо бóльшим количеством находок представлен импорт из восточногреческих центров, особенно из района западного побережья Малой Азии с прилегающими островами. Два главных центра, производившие здесь в первые века нашей эры керамику, — Самос и Пергам. Преобладающее большинство найденных в причерноморских поселениях изделий этих центров представляет простую обиходную посуду без всяких украшений. Но встречаются и художественные вазы. К началу I в. н. э. относится группа сосудов пергамской работы с рельефными украшениями. Лучший экземпляр этой группы — найденный в Пантикапее краснолаковый кувшин с выполненными в высоком рельефе фигурами двух цапель и змеи между ними (рис. 17). Изображения налеплены на гладкую поверхность; кроме них, на вазе имеются орнаменты вокруг горла и под ручкой. В том же стиле, но ниже по художественности выполнения сделан и ряд других, также найденных в Пантикапее, сосудов, украшенных рельефными гирляндами и фигурками птичек; ввозились подобные сосуды и в Ольвию. У всех этих сосудов рельефные изображения оттискивались в форме и налеплялись на гладкую поверхность вазы; встречается также и прием выделки в форме целой части сосуда вместе с украшающим ее рельефом. Особенно часто применяется этот прием при выделке светильников.

Ввоз рельефной краснолаковой керамики в города северного Причерноморья может быть прослежен в течение всей римской эпохи; более поздние сосуды отличаются, впрочем, значительно меньшей художественностью выполнения, и самые рельефы наносятся более упрощенными способами, без применения форм. Своеобразным видом

орнаментации, распространившимся в позднее время в малоазийской краснолаковой керамике, является украшение стенок сосуда узорами, образуемыми оттисками штампов, прежде служивших для клеймения сосудов.

Значительно слабее, чем краснолаковая, была распространена в северном Причерноморье керамика, поверхность которой покрывалась свинцовой глазурью зеленовато-

Рис. 17. Краснолаковый кувшин из Пантикапея. Две цапли и змея.

того, желтого или бурого цвета.[1] Формы сосудов в этой группе близки типам краснолаковой керамики, отличия наблюдаются только в деталях. Большинство таких ваз имеют рельефные изображения; преобладают простые растительные гирлянды и узоры, но встречаются и сложные сцены из области античной мифологии и эпоса. Интересна воспроизведенная на одном из найденных в Пантикапее сосудов этой группы сцена возвращения Ифигении из Тавриды: мастер воспроизвел на сосуде, предназначенном для экспорта в северное Причерноморье, сцену мифа, местом действия которого была именно данная область. Место производства, если и не всех сосудов описанной группы, то во всяком случае ранних и лучших из них, — уже встречавшаяся нам Александрия в Египте.

Перечисленными группами исчерпывается основная масса поступавшей в первые века нашей эры в северное Причерноморье художественной керамики. Итак, в последний период античной эпохи бо́льшая часть привозной керамики поступала из тех же областей, из которых она ввозилась в начальный период существования городов и из которых она в сущности не переставала поступать и позже: ослабление, но не прекращение восточногреческого импорта можно констатировать только для V и IV вв. до н. э., когда главная роль в снабжении Причерноморья художественной керамикой временно перешла к Аттике. В художественной культуре античных городов северного Причерноморья этот период преобладания Аттики имел, впрочем, важное значение: именно из аттической керамики были заим-

[1] Об этой группе см.: Э. Р. Штерн. Античная глазированная посуда с юга России. Одесса, 1899 (отд. оттиск из т. XXII, ЗОО).

ствованы образцы для некоторых групп художественной керамики, возникших и развившихся уже в самом северном Причерноморье. Мы убедимся в этом при рассмотрении местной керамики греческих городов северного Причерноморья.

МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Мы познакомились с главными группами художественной керамики, ввозившимися в города северного Причерноморья в течение античной эпохи. В продолжение того же периода в обиходе населения причерноморских городов находилось значительное количество керамических изделий, производившихся здесь же, на месте.

Производство керамики в колониях северного Причерноморья началось, повидимому, уже вскоре после возникновения этих колоний; затем оно продолжалось на протяжении всей античной эпохи. Но роль местной художественной керамики в обиходе населения причерноморских городов по сравнению с ролью импортных изделий того же рода была далеко не всегда одинакова: понадобилось довольно много времени для того, чтобы в городах развилось производство действительно своеобразных местных художественных ваз. Рассмотрим в хронологическом порядке все известные нам группы керамики, изготовлявшейся в причерноморских городах.

Первый период охватывает VI, V и IV вв. до н. э., т. е. то время, когда в городах северного Причерноморья сначала преобладал импорт памятников ионийского искусства (VI в. до н. э.), затем доминирующим стал импорт аттический, при наличии также и ионийского (V—IV вв. до н. э.). Среди выделывающейся в это время в поселениях северного Причерноморья керамики намечается ряд разнородных групп. Первая группа — группа скифских, вылепленных от руки, без гончарного круга, сосудов, преимущественно горшков, с простейшими украшениями, сделанными посредством защипывания краев сосуда, нажимов ногтя, насечек, наколов; реже встречаются начерченные острым предметом простейшие узоры. Это та группа, которую мы встречаем в то же время в скифских поселениях или погребениях и которая в городах выделывалась скифской частью населения: своеобразных, свойственных именно городам черт мы в этих сосудах не найдем. Производ таких вылепленных от руки сосудов на дается в течение всего намеченного пер и переходит в следующие века.[1]

Иной характер имеют остальные гр местной керамики, производившейся в IV вв. до н. э. В их число входят пр сосуды без украшений и покрытия, мес чернолаковые сосуды и расписные со Черта, общая всем этим категориям и в с тем отличающая их от первой упомян группы, — что все они сформованы помощи гончарного круга и все встре аналогии среди изделий уже не скиф а греческих.

Группа керамики без украшений и крытия не принадлежит к категории х жественных изделий и подробному ра трению в настоящем очерке не подле Также не может считаться художестве посудой и более совершенная по выд местная чернолаковая керамика. Огр чимся поэтому лишь самой краткой хар ристикой обеих групп. Как уже отмеча группы эти тесно связаны с керамикой др греческих областей. Это сказывается пр всего в типах сосудов, иногда соверш идентичных, иногда близких типам, делывавшимся в различных центрах х риковой Греции и особенно греческой Ио причерноморские сосуды отличаются большей части только большей просто иногда грубоватостью выделки. Изредка в же технике выделывались сосуды, вос изводящие типы скифской утвари, напр тип скифских плоскодонных горшков. С ным образом обстоит дело и с глазурью, менявшейся в местной чернолаковой рамике причерноморских городов: она метно уступает не только аттической, и менее совершенной ионийской глаз Встречается в это время также иной, ре в Греции способ обработки поверхн посредством лощения, полировки; об ное применение этого способа представ особенность техники керамического изводства местного населения север Причерноморья.

Производство чернолаковой кера началось в причерноморских городах, видимому, позже, чем производство сос

[1] Подробнее эта группа местной кера рассматривается в статье Е. Г. Кастанаян «Х жественные элементы в лепной керамике Бос (см. стр. 392 и сл. настоящего сборника).

без отделки поверхности или сосудов лощеных; сколько-нибудь значительное распространение выделка местной чернолаковой керамики приобретает только в IV в. до н. э.

Более художественный характер носит последняя группа ваз, выделывавшихся в VI—IV вв. до н. э. в городах северного Причерноморья, — расписные вазы. Действительно художественных изделий, впро-

Рис. 18. Энохоя с оттиснутой головой силена. Пантикапей.

чем, мало в рассматриваемый период и среди экземпляров этой группы. Подавляющее большинство известных нам причерноморских расписных сосудов VI—IV вв. до н. э.[1] представляет близкое подражание ионийской керамике с росписью в виде поясков, полосок, реже концентрических кругов, волнистых линий, зигзагов и прочих несложных геометрических орнаментов; от ионийских сосудов причерноморские отличаются качествами глины, краской, которой выполнена роспись, более упрощенной выделкой, иногда деталями формы. Типы сосудов в этой группе довольно однообразны. Чаще всего встречаются чашечки или блюдца с одной ручкой, блюда, различного рода кувшины и амфоры. Технически рассматриваемая группа может быть разбита на две части — на сосуды с росписью по поверхности глины и сосуды, расписанные поверх обмазки.

Интересный экземпляр этой группы представляет кувшин типа энохои с пояском на тулове и оттиснутым изображением, близко напоминающим изображения силенов на пантикапейских монетах (рис. 18).

Производство сосудов ионийского типа с росписью в виде поясков и полосок было, как мы уже отмечали, распространено во всех городах северного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. Реже встречается местная расписная керамика того же типа, но с несколько более богатой росписью. Труднее решить вопрос о том, не производились ли в причерноморских городах также и вазы с более сложной росписью, в состав которой входили и растительные мотивы, и изображения животных, подобные родосским, самосским и клазоменским вазам или вазам чернофигурным и краснофигурным. Поскольку никем еще не произведено детальное изучение с указанной точки зрения всех найденных в северном Причерноморье сосудов упомянутых групп, мы должны считать вопрос о производстве такого рода ваз открытым. Ограничимся пока сводкой тех немногих сведений, которые есть у нас по затронутому вопросу.[1]

Если бросить взгляд на все известные нам группы античной художественной керамики VI—IV вв. до н. э. с точки зрения производственных центров, мы убедимся, что каждая из групп производилась не в одном только центре, а имела свои отрасли и в других местах. Так, архаическая керамика «звериного стиля» производилась, например, на Родосе, Самосе, в Навкратисе, а в центральной Греции — в Коринфе, Аттике и других областях. Более того, также и сравнительно

[1] Наиболее интересна и обильно представлена керамика этой группы в материалах Нимфейской экспедиции; см.: М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 249 и сл., рис. 12, *2*; 13, 14.

[1] Вопрос о производстве в городах северного Причерноморья расписных ваз, по стилю своему близких керамике родосско-милетской группы, поставлен Р. В. Шмидт; см.: Р. В. Шмидт, ук. соч., стр. 228 и сл., особенно стр. 230, 231.

узкие, свойственные как будто именно определенному центру группы производились в довольно близком виде в других местах. В подражание, например, коринфской керамике возникло близкое коринфскому по стилю, но отличающееся по технике производство ваз в Италии (так называемая итало-коринфская группа). А краснофигурный стиль, возникший и развившийся в V и IV вв. в Аттике, вызвал к жизни производство краснофигурной керамики в ряде пунктов южной Италии. Таких примеров мы знаем много. Все эти местные ответвления групп, создавшихся в определенных центрах, имеют, конечно, и свои особенности, более или менее резко выраженные, более или менее своеобразные.

Вполне естественно было бы, если бы и в городах северного Причерноморья, где имелись богатые месторождения хорошей глины и где издавна существовало производство глиняной посуды, возникли свои местные разновидности тех групп, которые были хорошо известны там уже по большому количеству привозных экземпляров. Возможно, что местными причерноморскими изделиями являются некоторые вазы, покрытые плохой глазурью, отличающиеся от аттических также и по качествам глины. Но едва ли это местное производство играло сколько-нибудь значительную роль в культуре области. Во всяком случае приходится считать несомненным, что как раз наиболее характерные группы расписной керамики, в большом количестве найденные именно в городах северного Причерноморья (вспомним вазы «керченского стиля», см. стр. 363—364), являются безусловно привозными. Это доказывается находками многочисленных аналогичных экземпляров в других областях античного мира, где мы никак не можем предполагать импорт из северного Причерноморья; к тому же техника всех этих групп не имеет каких-либо выраженных местных черт, отличающих их от аттических. При таких условиях приходится считать, что в рассматриваемый период в области северного Причерноморья не развилось еще производство сколько-нибудь своеобразной художественной керамики: те экземпляры, которые можно считать местными, носят характер чисто подражательный.

Характерной чертой всей местной керамики этого времени является проникновение некоторых местных особенностей в группы, в основе сохраняющие греческий характер. Такой местной особенностью следует, например, признать обработку поверхности лощением. Лощение — местный прием, широко распространенный еще в доскифской керамике, выделывавшейся местным населением северного Причерноморья, и применявшийся при выделке также и скифской посуды: распространение его в группах простой керамики греческого типа, как, например, в сероглиняной ольвийской керамике, нужно, повидимому, отнести именно за счет скифских влияний. Второй местной чертой является производство в технике формовки на кругу сосудов скифских типов, например, плоскодонных горшочков. Следует, впрочем, отметить, что таких местных типов встречается в находках этого времени мало.

Иной характер приобретает керамическое производство в следующий период. Черты, свойственные этому периоду, начинают появляться уже в IV в. до н. э.; временем, когда изменение характера местного керамического производства становится уже вполне выраженным, являются III и II вв. до н. э.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с керамическими находками этого времени, — значительное развитие производства в городах северного Причерноморья керамики самых различных категорий. Если в начале первого намеченного нами периода (VI в.) группы привозной керамики безусловно доминируют над местными, если и позже, в V в., процент местной керамики все еще не очень велик, — то начиная с IV в. идет быстрое нарастание количества местных изделий, а среди остатков жилых комплексов III в. мы встречаем в массовом количестве сосуды, сделанные на месте.[1] К ним относится прежде всего посуда чисто утилитарного назначения: кухонные горшки, сковороды, миски, блюда, тарелки, чашечки, кувшины и прочие сосуды, необходимые в быту населения. Значительная часть этой посуды не имеет ни украшений, ни даже какой-либо обработки поверхности. Наряду с такой посудой встречается уже известная нам местная чернолаковая, т. е. покрытая тем-

[1] О местной керамике эллинистического времени см.: Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 122 и сл., табл. XXVI—XXXIX; МИА, № 25, 1952, стр. 201 и сл.

носерой, буроватой или тусклой черной глазурью: другую разновидность посуды с покрытой глазурью поверхностью представляет появляющаяся в III в. краснолаковая керамика с тусклой глазурью красноватого цвета. Продолжается также и в этот период, особенно в начале его, производство знакомой нам керамики с росписью «ионийского типа», в виде темных или красных поясков. И наконец развивается производство настоящей художественной керамики, включающей ряд интересных групп и экземпляров. На этом последнем материале нам придется остановиться особо; пока охарактеризуем в общих чертах более простые группы III—II вв. до н. э., которые были только что перечислены нами.

Как в предшествующий период, среди форм сосудов преобладают формы греческие. Но в это время делается более заметным, чем это было раньше, влияние местной посуды или деталей местной посуды. Так, например, в технике, свойственной античной керамике, воспроизводятся чисто скифские типы сосудов. Особенно характерным является воспроизведение в технике античной керамики сосуда с округлыми стенками и плоскими полукруглыми выступами, заменяющими ручки; последний тип встречается как среди скифской металлической утвари, так и среди скифских вылепленных от руки горшков. Интересно, что эти формы проникают не только в число сделанных на кругу простых кухонных горшков, но и в группы керамики с глазурованной поверхностью, как местная краснолаковая керамика.[1]

Некоторые характерные местные особенности приобретают в северном Причерноморье и греческие типы сосудов. Если не считать некоторой упрощенности, формы многих причерноморских сосудов не отличаются от форм сосудов, изготовлявшихся в городах Греции и Малой Азии. Но здесь мы встречаемся с интересным явлением: в северном Причерноморье сплошь и рядом воспроизводятся не те формы, которые характерны для греческой утвари того же времени, а такие типы, которые были там в употреблении раньше. Так, в III в. в городах северного Причерноморья применяются типы V, иногда и VI в. до н. э. Это, конечно, не случайность. Возникшее вместе с основанием колоний производство пользовалось образцами того времени, т. е. преимущественно образцами VI в. до н. э. Так возникло производство керамики «ионийского типа», особенно свойственной метрополии в эпоху основания колоний; так же перешли в производство колоний и формы сосудов, свойственные раннему времени. В дальнейшем гончары северного Причерноморья продолжали воспроизводить усвоенный ими стиль орнаментации, как и усвоенные ими типы сосудов. Этот стиль и эти типы не оставались, конечно, неизменными, но развитие их могло идти медленнее, чем в Греции, где жизнь текла интенсивнее, и идти не всегда по тем путям, по каким шло производство в Греции. В результате этого уже в III в. в искусстве причерноморских городов имеется много архаических черт, исчезнувших или по крайней мере ослабевших в метрополии.

В то же время в причерноморской керамике появляются и некоторые особые детали. Такой деталью является украшение сосудов маленькими плоскими кружочками, которых иногда помещалось по несколько на ручке сосуда. Другим приемом является воспроизведение на сосудах украшений, не свойственных керамическим изделиям, а взятых, например, с предметов металлических. К этой группе изделий мы, впрочем, еще вернемся.

Все отмеченные приемы вносят характерные специфические черты в изделия северного Причерноморья. Но гораздо важнее те новые черты, которые мы встречаем в художественной керамике. К рассмотрению этой керамики мы и переходим.

К числу групп художественной керамики III—II вв. до н. э. принадлежат прежде всего сосуды с исполненной по светлому фону росписью, в которой преобладают мотивы главным образом растительные, реже — геометрические (рис. 19, а, б). Такие сосуды встречаются с III в. до н. э. во всех главных городах северного Причерноморья — в Ольвии, в городах Боспора, в Херсонесе.[1] Общей чертой всех этих сосудов является роспись растительного содержания по светлому фону; но в выполнении этой росписи наблюдаются определенные различия. Различны прежде всего краски, которыми вы-

[1] См.: Ольвия, т. I, стр. 157, 158, рис. 104.

[1] См.: Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 140 и сл.; В. Д. Блаватський. Полихромна ойнохоя з Ольвії. Археологія, I, Київ, 1947, стр. 153 и сл.

полняется роспись: иногда это коричневая или коричневато-красная глазурь, такая же, какой покрывается поверхность так называемой чернолаковой керамики; иногда же — тусклая однородная темнокрасная краска типа тех накладных красок, которые применялись в полихромной росписи. Изредка

Рис. 19. Расписные сосуды III в. до н. э.

Местные: *а* — из Мирмекия; *б* — из Танаиса; малоазийский: *в* — из Ольвии.

применяются также и другие краски — белая и синяя. Более существенны различия в обработке поверхности ваз. С этой точки зрения описываемая керамика распадается на две категории. У одних сосудов роспись выполнена по светлой обмазке; эта обмазка редко совсем белая, чаще она имеет цвет желтоватый или сероватый. У других сосудов обмазки нет, но поверхность подвергнута лощению, хорошо известному по скифской и сарматской керамике и применявшемуся, как мы видели, на ольвийской простой сероглиняной посуде.

Распространенных в этой группе типов сосудов сравнительно немного. Большинство сосудов представляет кувшины с округлыми очертаниями, широким, косо срезанным венчиком и плоской ручкой. Расположение росписи на таких кувшинах всегда одно и то же — главные орнаменты помещаются на плечах и горле, ниже идут простые пояски, подобные встречающимся на керамике «ионийского типа». Из других сосудов той же группы отметим курильницы — сосуды для курения ароматических веществ, с цилиндрическим туловом, на ножке и с крышкой; интересны также леканы, форма которых повторяет в упрощенном виде тип, хорошо известный в керамике Аттики и Малой Азии.[1]

Содержанием росписи, как мы говорили, служат главным образом различные растительные мотивы — гирлянды, ветви. Многие из них повторяются с большим постоянством, как, например, орнамент плюща или орнамент остроконечных схематизированных листочков. Но наряду с этим обычным типом росписи встречаются и другие. Так, своеобразный характер имеет одна ваза, найденная в Ольвии:[2] на плечах ее мы видим не растительные гирлянды, а ряды чешуек, выполненных красной и белой красками. Такие узоры не обычны для рассматриваемого

[1] М. М. Кобылина. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, стр. 245, рис. 3, *2—4*.

[2] СА, VII, 1941, стр. 140—141, рис. 1, 2.

времени — они были распространены гораздо раньше, на сосудах VI в. до н. э. самосской, клазоменской и других групп. Кроме этого орнамента, на ольвийской вазе присутствуют также и другие, геометрические, а не растительные орнаменты, как орнамент ов, также комбинации точек и вертикальных черточек. Своеобразный и необычный вид этого кувшина дополняется еще тем, что роспись наведена на поверхность, обработанную лощением, выполненным резкими и грубыми штрихами.

При рассмотрении групп привозных сосудов мы видели, что керамика с растительной росписью по светлому фону выделывалась в то же время и в других областях античного мира — в Александрии, в Малой Азии, в городах материковой Греции. Рассматриваемая нами группа сосудов производства городов северного Причерноморья безусловно аналогична этим группам: с точки зрения художественной, это несомненно одно и то же явление. Но, всматриваясь ближе в особенности техники и стиля причерноморских расписных сосудов, мы замечаем и в них, как видели это в группах более простой посуды, наличие ряда своеобразных особенностей. Местной чертой является прежде всего применяющаяся и в этой группе обработка поверхности лощением. Другую местную черту представляет встречающаяся на некоторых расписных сосудах и уже известная нам орнаментация вазы налепными глиняными кружками. Оба эти местные приема особенно бросаются в глаза в группе керамики с росписью по светлому фону, в которой ясно выражен греческий характер. Простые налепные кружочки производят впечатление лишних на вазах античной формы с античной росписью; также и лощение не портит впечатления лишь в том случае, если оно выполнено тонко и тщательно, что бывает далеко не всегда.

Заслуживает внимания отмеченный нами случай, когда на вазе рассматриваемой группы оказался орнамент чешуек, свойственный более раннему времени. При рассмотрении привозной расписной керамики эллинистического времени мы указывали, что в ее стиле и технике наблюдается возрождение традиций, свойственных более древнему времени. Присутствие на нашей вазе орнамента чешуек представляет явление того же порядка, но еще более ярко выраженное. Мы уже отмечали, что устойчивость старых приемов и тенденций, выражающаяся как в стиле, так и в технике изделий, представляет одну из характерных черт искусства северного Причерноморья, как и вообще всех местностей, расположенных на периферии античного мира.

Мы говорили уже, что расписная керамика рассмотренной группы производилась в III и II вв. до н. э. и в Ольвии, и в Херсонесе, и в городах Боспора. Керамика всех этих трех областей в главных ее чертах очень однородна как по типам сосудов, так и по росписи. Но есть и некоторые черты, свойственные каждому данному центру и сказывающиеся в деталях формы и техники. Может быть, не является случайностью, что в Херсонесе, сохранившем во всех своих особенностях наиболее греческий облик, не применялся, повидимому, местный прием лощения. Следует, впрочем, отметить, что пока материал и немногочислен, и изучен не в такой степени, чтобы мы могли уже теперь охарактеризовать особенности производства описанной группы в каждой из трех намеченных областей. Отличительные черты, заставившие нас определить данную группу как в основе греческую и примыкающую к направлению, охватившему в то же время различные области античного мира, общи всем ее ответвлениям.

Больше своеобразных черт мы встретим в другой группе расписной керамики северного Причерноморья — группе так называемых акварельных или полихромных ваз. Следует сразу же оговориться, что утвердившееся за этой группой название «акварельные вазы» неправильно: оно было дано в связи с предположением, что краски, которыми расписывались эти вазы, принадлежат к типу акварельных, т. е. разведенных на воде. Дальнейшие исследования не подтвердили этого предположения, поскольку в красках оказалась несомненная примесь нерастворимого в воде связующего вещества (предположительно казеина). Мы будем в дальнейшем употреблять для этой группы более правильное название «полихромные вазы».

Чтобы правильнее оценить все особенности причерноморских полихромных ваз, необходимо учесть их назначение. Эти вазы постоянно встречаются в погребениях населения причерноморских городов, датирующихся III и отчасти II вв. до н. э.; местная полихромная керамика идет, таким образом, на смену аттическим вазам IV в., составляв-

шим постоянную часть погребального инвентаря в более ранний период.

В связи со сказанным интересно, что ряд особенностей сближает рассматриваемую местную керамику с поздними аттическими краснофигурными вазами. Общей чертой обеих этих групп являются изображения на темном фоне, причем главную роль в изображениях играют фигуры людей или мифологических существ; иногда это целые сцены из греческой мифологии. Затем, хотя в нашей причерноморской керамике преобладает роспись в разноцветных тонах, многие фигуры и особенно орнаменты являются и здесь красными на черном фоне. Далее, общими оказываются и наиболее часто встречающиеся сюжеты изображений: как на поздних краснофигурных вазах, так и в причерноморской полихромной керамике наиболее излюбленными являются изображения, связанные с мифом об амазонках; и что особенно характерно, даже традиционные изображения на обратной стороне вазы двух фигур мужчин в плащах часто воспроизводятся на причерноморских полихромных вазах. Сходство мы найдем, особенно в некоторых местностях, также и в излюбленных типах сосудов. Все это безусловно свидетельствует о том, что рассматриваемая полихромная керамика создалась в городах северного Причерноморья под определенным и сильным воздействием аттических краснофигурных ваз IV и начала III в. до н. э.

Несмотря на все эти черты сходства, даже поверхностное ознакомление с вазами рассматриваемой группы убеждает нас в том, что здесь мы имеем дело с явлением совершенно иным, чем краснофигурный аттический стиль, с направлением, принципиально отличающимся в ряде существеннейших пунктов от всех господствовавших в Аттике художественных направлений. Мы помним технику краснофигурного рисунка. Основная его особенность состоит в том, что все фигуры оставляются в оранжево-красном цвете глины, из которой сделана ваза, а промежутки между фигурами заливаются блестящей черной глазурью — знаменитым аттическим лаком; на получающихся красных фигурах все детали передаются тонкими линиями того же лака, густого или разбавленного. Совершенно иной характер носят изображения на наших причерноморских вазах. Незакрашенную поверхность глины мы можем видеть только внутри вазы и то не всегда; наружная же поверхность раскрашена вся — фигуры и орнаменты написаны иногда разноцветными красками, иногда буровато-красной краской, имитирующей оранжево-красный тон аттической глины; тусклую серовато-черную краску мы видим и в промежутках между фигурами. При внимательном рассмотрении выясняется, что для создания одного и того же красочного впечатления художники пользовались различными приемами. Наиболее простым способом нанесения росписи было, когда поверхность вазы вся окрашивалась в темный цвет и затем по темному фону густыми красками наносилась вся роспись — фигуры, орнаменты; в других же случаях темной краской закрашивались только промежутки между фигурами, сами же изображения наносились прямо на непокрытую темной краской поверхность. В обоих случаях художники обыкновенно применяли подгрунтовку цветных изображений белой краской, на которой краски приобретали более яркие и чистые тона.

Следует также отметить, что роспись описанного характера, подражающая позднеаттическим краснофигурным сосудам, не является единственным типом, представленным на причерноморских полихромных вазах: встречаются также случаи, когда фигуры изображаются на красном фоне, реже на совсем светлом фоне.

Особенно интересны те новые черты, которые мы найдем в манере выполнения изображений на причерноморских полихромных вазах. Само по себе употребление разноцветных красок имело место иногда и раньше, в частности, оно встречалось на аттических краснофигурных вазах. Но применяются здесь эти краски совершенно иначе. Там мы имели просто частичную раскраску рисунка, в основе линейного; здесь же мы встречаемся с настоящей живописью, в которой художники вполне овладели приемами передачи светотени: благодаря умелому, иногда даже подчеркнутому воспроизведению бликов и теней, фигуры рельефно выделяются на окружающем их фоне и все изображения приобретают значительную жизненность и выразительность. Правда, наряду с такого рода достижениями многие из полихромных ваз производят в других отношениях впечатление значительного огрубения по сравнению с аттическими. Уже самая выделка их, более грубая и примитивная, бросается

в глаза с первого взгляда. Они сделаны из глины более низкого качества, менее однородной, содержащей много примесей, слабее обожжены, вследствие чего полихромный сосуд имеет значительно больший вес, чем равный ему по величине аттический; форма упрощена и часто не вполне правильна и симметрична.

Имеющиеся в наших музеях в значительном количестве вазы рассматриваемой группы по стилю далеко неоднородны. Рассмотрим сначала те экземпляры, которые по особенностям своего стиля наиболее близки гре-

Рис. 20. Полихромная пелика. Пан и две менады. Две фигуры в плащах. Пантикапей.

ческому искусству того же или несколько более раннего времени.

Мы уже говорили о зависимости стиля полихромных ваз от поздней аттической керамики. Из всех сохранившихся полихромных ваз едва ли не ярче всего проявляется эта зависимость у пелики, воспроизведенной на рис. 20. По технике эта ваза не отличается в основных чертах от других причерноморских полихромных ваз: также и у нее поверхность вся закрашена темносерой краской, поверх которой густыми красками выполнена роспись. Но выраженной и развитой живописной манеры мы здесь не встречаем: как контуры, так и детали переданы линиями, или черными по красному фону, или красноватыми — по светлому. В этой технике выполнены изображения, по сюжетам также тесно примыкающие к греческим образцам. На лицевой стороне изображена группа божеств из свиты бога Диониса — Пан и две менады: слева Пан, играющий на двойной флейте и приближающийся к менаде, менада убегает, оглядываясь назад, на Пана; справа фигура второй менады. Фигуры Пана и одной из менад написаны красной краской, фигура другой менады бледнорозоватая. На обратной стороне — две фигуры в плащах. Типы лиц сходны с типами, встречающимися в греческом искусстве того же времени; весь рисунок вообще еще близок рисунку на краснофигурных вазах. Тем не менее, не говоря о технике, целый ряд особенностей отличает эту вазу от аттических. Орнаменты здесь обильнее, они прямо нагромождены один на другой, покрывая все незаполненные основным изображением части сосуда; на горле, кроме орнаментов, написанных красной краской — золоченое ожерелье; разноцветные краски применяются в количестве, значительно большем, чем это имеет место на краснофигурных вазах. Интересна передача белка глаза Пана белой краской, что придает его глазу особенную живость.

Значительно меньше связана с краснофигурной керамикой другая ваза, исполненная, может быть, в еще более греческом стиле и отличающаяся исключительными художественными достоинствами (рис. 21). Ваза принадлежит к числу разновидностей амфор; данная разновидность отличается очень узким горлом и резко расширяющимся к середине туловом; внизу ваза не имеет обычной ножки — она стояла на особой подставке, от которой сохранились только кусочки. С обеих сторон вазы выделено по красному четырехугольному полю, на котором и находятся главные изображения; остальная часть вазы покрыта тусклой серовато-черной краской, поверх которой красной, голубой и розовой красками написаны орнаменты. Из орнаментов только красные пальметки под ручками в какой-то степени напоминают о краснофигурном стиле; в остальном мы имеем пеструю разноцветную роспись, которая ни по красочному впечатлению, ни по манере никак не похожа на роспись аттических ваз. Очертания вазы не вполне правильны, глина пористая, плохо промытая и слабо обожженная, но рисунок отличается большими достоинствами, выдвигающими описываемую вазу в число выдающихся памятников искусства.

Оба изображения тесно связаны между собой: их тема — прощание умершего ребенка с матерью и переселение его в Аид, царство мертвых. На одной стороне мы видим сцену прощания матери с ребенком: мать сидит в кресле, опираясь подбородком на согнутую руку и грустно смотря на приближающегося ребенка, сопровождаемого служанкой; сзади — алтарь. На другой стороне та же служанка ведет ребенка к ожидающему его в своей лодке Харону, перевозившему, по представлению греков, души умерших через реку Стикс, отделяющую мир живых от царства мертвых. Между ребенком и Хароном — бог Гермес: этот бог считался у греков «проводником душ» умерших в Аид.

Рис. 21. Полихромная ваза из Ольвии.
а — сцена прощания матери с ребенком; *б* — проводы ребенка к лодке Харона.

Обе эти сцены, где смерть ребенка так просто и наивно изображается как уход от матери в другой мир, поражают выразительностью и прелестью выполнения. Тип грустно склонившей голову матери заставляет вспомнить о греческих надгробных памятниках с теми же изображениями; чисто греческим является и тип Гермеса; выразительна фигура Харона, пристально всматривающегося в приближающегося к нему ребенка. Плохая сохранность красок не дает нам возможности уверенно говорить о том, какой вид имела эта ваза первоначально: повидимому, нежно окрашенные лица, голубые, розовые и желтые тона одежды и предметов отчетливо выступали на яркокрасном фоне выделенных четырехугольников. Следует обратить внимание на манеру выполнения повернутых в фас лиц. Блики и тени положены здесь еще очень мягко, в отличие от других ваз, о которых речь будет ниже.

Описанная ваза найдена в Ольвии; она относится, повидимому, еще к первой половине III в. до н. э.

Кроме двух описанных ваз, есть и еще экземпляры, в которых ясно выражены черты греческого стиля. Из них заслуживает упоминания урна с росписью по белой облицовке: на обеих сторонах ее — крупные женские

головы в профиль на темнорозовом фоне. Греческий стиль сказывается здесь как в типе лица, так и в орнаментах. И эта ваза происходит из Ольвии. Следует, впрочем, отметить, что не такие греческие вазы составляют большую часть имеющихся у нас полихромных ваз; значительно больше другая группа, к рассмотрению которой мы и переходим.

Рис. 22. Полихромная пелика из Пантикапея.
а — лицевая сторона: битва амазонки с греком; *б* — обратная сторона: фигуры в плащах.

На рис. 22, *а* изображена одна из найденных в Пантикапее полихромных ваз. По форме это пелика, ничем не отличающаяся от известных нам поздних краснофигурных пелик: пантикапейская полихромная ваза имеет только менее четкие и не вполне симметричные очертания. Поверхность ее вся окрашена темносерой, почти черной, тусклой краской; по этому черно-серому фону фигуры и орнаменты нанесены частью буровато-красной, частью разноцветными красками. Всмотримся сначала в изображение лицевой стороны. Здесь изображена сцена битвы амазонки с греком. С точки зрения художественной, большой интерес представляет фигура грека (слева, обращенная в фас). Все выступающие черты лица и тела воина подчеркнуты бликами, вследствие чего фигуры ярко и жизненно выделяются на тусклом темносером фоне. Изображенная сцена не лишена и значительной условности, и прямых недочетов. Неестественной является самая поза воина, замахивающегося кинжалом на свою противницу, но не обернувшегося лицом к ней, а смотрящего перед собой. Недочетом является и слишком красная окраска тела того же воина, получившаяся, вероятно, в силу желания художника порезче оттенить все выпуклости. Но в целом группа не лишена выразительности и полна движения.

В иной манере изображены и орнаменты, и сцена на обратной стороне (две фигуры в плащах) — здесь определенное и довольно грубое подражание краснофигурному стилю. Орнаменты далеки от тонкости и изящества орнаментов на аттических, хотя бы и поздних вазах; некоторые из них (орнаменты ов) являются все же в основе греческими, другие представляют совсем упрощенные и схематизированные узоры (например образуемая перекрещивающимися линиями сетка с точками внутри). Грубо и упрощенно изображены и фигуры: это тем более останавливает внимание, что их нельзя считать выполненными небрежно; напротив, очертания их проведены довольно тщательно.

Интересны типы изображенных на обратной стороне фигур в плащах (рис. 22, *б*). Эти люди, круглоголовые, большеглазые, курносые, не имеют ничего общего с хорошо известным классическим греческим типом; вместе с тем особенности изображаемых лиц таковы, что их никак нельзя объяснить только небрежной или неумелой работой — здесь воспроизводится совершенно иной тип, чем тот, который мы встречаем на греческих вазах того же или несколько более раннего времени.

Просматривая с той же точки зрения изображения на полихромных вазах, мы убеждаемся, что воспроизведение негреческого типа повторяется на многих экземплярах. При этом на ряде ваз воспроизводится тот же тип, что и на рассматриваемой пелике, на других тип носит иной характер, не менее резко отличаясь от греческого; этот второй тип характеризуется особенно удлиненным черепом и крупным длинным носом. Очевидно, не случайность, что отмеченные особенности оказались особенно характерными для ваз, найденных в области Боспора. Само собой напрашивается предположение, что мы имеем здесь дело с вопроизведением представителей какого-то негреческого населения, жившего в области Боспора наряду с греками. Это предположение находит подтверждение в другом материале: несомненно, что те же типы воспроизводятся в грубых местных терракотовых фигурках, которыми был так богат Боспор в первые века нашей эры. Интересно, что типы этих боспорских терракот были уже раньше сопоставлены с типами местных племен северного Причерноморья, при этом сделано это было наиболее компетентными в данном вопросе специалистами: мы имеем в виду наблюдения антропологов, изучавших найденные при раскопках в области северного Причерноморья человеческие скелеты.[1]

Описанная пелика является одним из наиболее характерных экземпляров боспорской группы местных полихромных ваз: сосудов, аналогичных ей по технике, сюжетам и стилю, особенно много среди многочисленных местных расписных ваз, хранящихся в наших музеях.

Рис. 23. Полихромный лекиф из Пантикапея.

Из остальных ваз интересен найденный в Пантикапее лекиф с изображением мужского лица (рис. 23).[2] Большая часть сосуда покрыта красной краской; спереди оставлен в цвете глины участок овальной формы, на котором изображена в фас голова бородатого

[1] D. Anoutchine. Sur les crânes anciens, artificiellement déformés, trouvés en Russie. Congrès international d'archéologie préhistorique et d'antropologie. II-me Session, à Moscou, v. I, M., 1892, стр. 263 и сл. (особенно стр. 265), рис. 4.

[2] См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 143, рис. 24.

мужчины. Изображение это весьма своеобразно. Как и на большинстве других полихромных ваз, оно выполнено в живописной манере, с бликами на лбу и на носу; хорошо передано освещение лица справа. Но живопись дополнена здесь толстыми черными линиями, обрисовывающими голову, шею и плечи; такими же линиями нанесены брови и

Рис. 24. Полихромная пелика с растительной росписью из Пантикапея.

верхние веки глаз. Интересен тип мужчины — худое, продолговатое лицо, с большими, широко открытыми глазами, большими ушами, короткой, округло очерченной бородой. Этот тип также не имеет ничего общего с классическим греческим типом; он воспроизводит, вероятно, одного из боспорцев местного, негреческого происхождения.

Мы познакомились с лучшими и наиболее характерными экземплярами причерноморской полихромной керамики. Просмотрим бегло остальные имеющиеся в наших собраниях вазы той же группы.

С точки зрения сюжетов изображений, этот материал дает мало нового. Безусловно преобладающим мотивом являются сцены сражений, в которых участвуют амазонки. Среди ваз с такими сюжетами большинство представляет пелики, аналогичные во всех основных чертах уже рассмотренной нами эрмитажной пелике из Пантикапея (рис. 22); различия между отдельными экземплярами состоят в композиции изображаемых сцен, в окраске костюма сражающихся, в воспроизведении конного или пешего боя. Эти изображения чаще всего и по манере выполнения аналогичны изображению на той же пантикапейской пелике, но некоторые вазы с теми же сюжетами носят более выдержанный греческий стиль, что сказывается и в трактовке фигур главной сцены, и в орнаментах.

Из других сюжетов встречаются изображения отдельных голов, также уже знакомые нам: мы видели, что среди них имеются изображения, как выдержанные в чисто греческом стиле, так и характеризующиеся резко выраженными местными чертами. Отметим, что в таком виде воспроизводятся, кроме женских и мужских голов, также головы сирен и головы амазонок, последние обычно в сопровождении головы коня или сражающегося с амазонкой грифона. Далее, встречаются группы эротов на дельфинах, группы сирен, грифоны, особенно во время сражения с аримаспами или амазонками. Редки изображения реальных животных: мы знаем только одну вазу, на которой изображены гуси среди растений. Наконец, роспись некоторых ваз рассматриваемой группы слагается из различного рода растительных мотивов — гирлянд, ветвей, обычно вместе с повязками. Характерным образцом вазы с росписью последнего типа может служить найденная в Пантикапее пелика, изображенная на рис. 24. Сама по себе роспись такого содержания встречается и на вазах, производившихся в то же время в различных центрах Греции: вспомним, например, упоминавшиеся у нас вазы, поверхность которых покрывалась глазурью коричневого цвета и украшалась орнаментами, выполненными желтой и белой накладными красками (см. стр. 369). Но особенностью, свойственной группе причерноморских по-

лихромных ваз, является необычайное обилие росписи, густо заполняющей всю поверхность сосуда сверху донизу. Это обилие отличает причерноморские вазы с полихромной растительной росписью по темному фону от керамики греческих центров, для которой характерно как раз небольшое количество таких растительных изображений, располагающихся обычно на горле и плечах сосуда.

Итак, в отношении сюжетов рассматриваемая группа не вносит, повидимому, ничего существенно нового: воспроизводятся те же мотивы, которые свойственны греческим памятникам искусства. При этом повторяются изображения, связанные с греческими представлениями о потустороннем мире, что зависит от специального назначения ваз, употребляемых в составе могильного инвентаря. Во всем этом нет как будто ничего, принципиально отличающего эту группу от памятников греческого искусства. Но если мы будем сравнивать причерноморские полихромные вазы не с памятниками греческого искусства вообще, а с керамикой эллинистической эпохи, нам бросится в глаза существенное различие между сюжетами изображений той и другой групп: оно состоит в преобладании на причерноморских полихромных вазах сцен из греческой мифологии, в то время как в керамике всех других областей античного мира такого рода изображения встречаются в данный период редко, заменяясь изображениями орнаментальными, преимущественно растительными. Таким образом, мы вновь имеем дело с уже известным нам явлением: причерноморские полихромные вазы находят аналогии не в современной им античной керамике, а в группах более ранних, какими являются, например, аттические краснофигурные вазы. В данном случае это не просто свойственная периферии большая устойчивость прежних художественных течений, не просто более медленное отживание этих течений. Запоздалые, по традиции повторяемые изображения всегда схематичны, небрежно выполнены, в них воспроизводятся стереотипные, однообразные даже в мелочах группы. Между тем, художники полихромных ваз несомненно стараются вносить в свои изображения новые детали, разрабатывают и совершенствуют принятую ими живописную манеру, а иногда создают и действительно художественные группы, вроде обеих сцен на ольвийской амфоре с Хароном.

Что касается стиля тех изображений, о сюжетах которых мы только что говорили, то с ним мы достаточно познакомились при рассмотрении наиболее характерных экземпляров: обзор остального материала не внесет в этом отношении ничего существенно нового. Как мы видели, главной особенностью рассмотренной группы расписной керамики является замена рисунка полихромной живописью, причем художники обнаруживают хорошее знакомство с принципами передачи светотени и умело применяют это знание. Мы видели также, что исполнение этих изображений не всегда однородно — оно отличается то яркостью, красочностью, сочетающимися с упрощенностью, то выдержано в более мягкой манере. Преобладает выполнение, стоящее ближе к первому из только что указанных типов.

Мало нового найдем мы также при рассмотрении проходившего перед нами материала в отношении форм сосудов. Безусловно преобладает форма пелики; повторно встречается также тип амфоры вроде известной нам амфоры с Хароном; иногда такие амфоры ставились на отдельные подставки, иногда имели свою, приделанную к сосуду ножку. Остальные формы встречаются значительно реже. Все формы восходят к типам, известным в греческой керамике; от аналогичных сосудов, встречающихся в то же время в греческих городах, причерноморские вазы отличаются некоторыми деталями, а главное упрощенностью формы, ее меньшей правильностью и симметричностью.

Где производились причерноморские полихромные вазы, в одном ли центре, или в различных, как рассмотренная нами керамика с росписью по светлому фону? На основании имеющихся у нас данных мы можем в настоящее время говорить с уверенностью во всяком случае о двух центрах производства этой керамики. Главным, к числу произведений которого принадлежит подавляющее большинство имеющихся в наших собраниях полихромных ваз, является Пантикапей; второй центр, уступающий Пантикапею по количеству, но не по качеству известных нам экземпляров этой группы, представляет Ольвия. Продукция каждого из центров характеризуется своими особенностями. Для Пантикапея особенно типичны пелики с изображениями из цикла сказаний об амазонках. Несомненно, что эта группа возникла на почве подражания привозным пеликам IV и на-

чала III в. до н. э.; но Пантикапей создал свой стиль, с характерными местными чертами, выражающийся как в своеобразной живописной манере, яркой, красочной, но упрощенной, так и в типах изображаемых персонажей. Интересно, что и другие характерные местные экземпляры, как, например, упоминавшийся нами лекиф с бородатым мужским лицом, найдены также в Пантикапее: очевидно, именно этот центр являлся колыбелью наиболее характерных и своеобразных местных течений в области расписной керамики. Излюбленной формой сосуда была у пантикапейских мастеров бесспорно пелика: кроме упомянутых изображений из цикла мифов об амазонках, на вазах этой формы встречаются и другие — крупные головы, сирены, эроты на дельфинах, также растительные орнаменты. Все другие формы встречаются в пантикапейской полихромной керамике значительно реже.

Обратимся к Ольвии. При наличии тех же основных черт, которые характеризуют всю вообще полихромную керамику северного Причерноморья, мы встретим здесь и кое-какие особенности, свойственные специально Ольвии. Вспомним прежде всего, что именно Ольвии принадлежит лучшая из известных нам причерноморских полихромных ваз — амфора с изображениями прощания умершего ребенка с матерью и встречи этого ребенка с Гермесом и Хароном. Мы видим, следовательно, что в Ольвии в начале III в. до н. э. работал какой-то художник, расписавший сосуд в манере, принятой в северном Причерноморье, но с сохранением греческих традиций в изображаемых сценах, в позах фигур, во всей композиции; прибавим, что художник этот стоял на значительной высоте мастерства. Заслуживает также внимания, что в Ольвии сделана и другая ваза, на которую мы указывали в связи с чисто греческим рисунком на ней — урна с изображением женской головы в профиль.

Другие ольвийские полихромные вазы отличаются меньшей художественностью, роспись их скуднее, проще, но экземпляров, подобных описанным нами боспорским пеликам, мы среди них не найдем. Развитие росписи полихромных ваз в Ольвии шло по другим путям. Мы не встретим здесь, как на Боспоре, определенно выраженного, хотя и приобретающего упрощенные формы, подражания краснофигурному стилю: случаи, когда можно все же уловить хотя бы внешнее, красочное сходство с этим стилем, крайне редки и малохарактерны — краснофигурный стиль проявляется здесь только в исполнении красного орнамента по темному фону. Полихромия здесь ярче и резче выражена, чем на Боспоре, и роспись имеет часто совсем иной характер благодаря большой распространенности именно в Ольвии белого, а не темного фона, окружающего изображения.

Иными, чем в Пантикапее, являются и излюбленные в Ольвии формы полихромных ваз. В Ольвии нет типа сосуда, настолько преобладающего над другими, каким является в Пантикапее пелика. Более других распространена только форма амфоры, типа амфоры с Хароном; кроме нее встречаются и пелики, и урны, и курильницы, и другие формы: разнообразие форм здесь несомненно больше, чем в Пантикапее.

Мы рассмотрели характерные особенности причерноморских полихромных ваз, выражающиеся в сюжетах, стиле росписи, употребительных формах сосудов; коснулись и вопросов о центрах производства этих ваз. Несомненно, что из всех групп художественной керамики античных городов северного Причерноморья группа полихромных ваз представляет явление наиболее значительное. Интересно представить себе, в каком отношении стоит эта группа к другим группам античной керамики того же времени, иначе говоря, имеется ли что-либо подобное этим вазам и вне северного Причерноморья?

О целом ряде моментов, сближающих эти вазы с другими группами античного искусства в отношении типов сосудов и сюжетов изображения, мы уже говорили. Существеннее выяснить, встречает ли повторения вне северного Причерноморья главная черта причерноморских ваз — живописная манера, в которой выдержаны их изображения.

В этом отношении дело обстоит следующим образом. Применение разноцветных красок встречается в античной керамике и раньше III в., когда в северном Причерноморье развивается полихромная живопись, но в это время оно представляет исключение, и рисунок, а не живопись, является еще несомненно господствующим. Иначе обстоит дело в III в. до н. э. Вазы с полихромной росписью получают в это время распространение в разных местах; кроме северного Причерноморья, мы должны в особенности указать

на Египет и южную Италию. Полихромная керамика являлась в это время высокоценимой парадной посудой. По свидетельству одного из греческих авторов, Филоксена Родосского, вазы, расписанные разноцветными красками, составляли бóльшую часть парадной утвари, употреблявшейся при угощении на одном из празднеств при Птолемее Филадельфе (285—247); мальчики несли в торжественной процессии 20 золотых сосудов, 50 серебряных и 300 расписанных разноцветными красками. Итак, распространение полихромной керамики свойственно в это время вообще античному миру, а не специально городам северного Причерноморья. Но в то же время не подлежит сомнению большее своеобразие причерноморских полихромных ваз по сравнению с другими. Живописная манера изображений является чертой, которая получает особое развитие именно в северном Причерноморье. Это не должно нас удивлять — то же развитие живописи мы встретим и в стенной росписи. Более того, чисто причерноморской особенностью является также и воспроизведение сюжетов, в других местах уже вышедших из употребления, и выработавшийся здесь (особенно в боспорской группе) стиль — яркий, красочный, сочный, хотя и не лишенный грубоватости и некоторой примитивности. В общем, несомненно, что эти тяжелые, плохо обожженные и не всегда хорошо сформованные сосуды представляют значительное явление в области истории искусства, интересное и при восстановлении общей картины развития античного искусства, и особенно важное для занимающихся культурой северного Причерноморья.

Все остальные группы художественной керамики, производившейся в колониях северного Причерноморья в последние века до нашей эры, и менее распространены, и гораздо менее характерны. Среди этого материала выделяется целый ряд экземпляров, представляющих близкие имитации сосудов производства мастерских Греции. Так, находкой форм для оттиска рельефов в одной херсонесской мастерской устанавливается выделка в Херсонесе керамики, украшенной налепными рельефами и совершенно аналогичной хорошо известным нам изделиям центральной и малоазийской Греции.[1]

Воспроизводились в колониях северного Причерноморья и другие греческие группы, как группа «мегарских чашек»[1] или группа сосудов с орнаментами, исполненными по коричневой поверхности накладными красками, полужидкой глиной, резьбой. Все эти сосуды отличаются от выделывавшихся в греческих мастерских техническими особенностями; что касается стиля, то в нем нет, повидимому, каких-либо действительно своеобразных, специфически причерноморских черт.

Более своеобразной является группа сосудов, имитирующих металлическую утварь. Вдавленный орнамент, возникший на почве подражания гравировке по металлу, ручки, здесь прилепленные к стенке и потерявшие всякий смысл, — все это представляет характерные детали, в которых выражается наивное и упрощенное копирование изделий иной техники.

Если мы бросим взгляд на все рассмотренные нами категории местной художественной керамики городов северного Причерноморья в доримскую эпоху, мы увидим проявлявшуюся повсюду античную основу, но эти античные элементы при переработке их в иной, неантичной или не вполне античной среде создают иногда категории весьма своеобразные, какой является рассмотренная нами полихромная керамика. Иной характер имеет керамика городов северного Причерноморья в следующий период — в первые века нашей эры.

Группы, в которых определяющими являются античные элементы, имеются и в это время, но несравненно более распространена керамика, где преобладают элементы местные. Познакомимся бегло с обоими упомянутыми видами причерноморской керамики первых веков нашей эры.

Местная керамика античного типа включает в первые века нашей эры прежде всего

---

[1] О херсонесской мастерской см.: В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. МАР, № 34, 1914, стр. 1 и сл.

[1] Производство сосудов типа «мегарских чашек» в городах северного Причерноморья вполне установлено находками при раскопках этих городов форм для изготовления таких чашек; см.: В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Гос. Музей изобразит. искусств, Памятники искусства, 2, М., 1947, стр. 14, рис. 8; В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. АИБ, стр. 34, рис. 7.

группу краснолаковой керамики, т. е. сосудов, покрытых глазурью буровато-красного или желтовато-красного цвета. В большей своей части эти сосуды не могут, собственно, быть отнесены к разряду художественной керамики. Это простые тарелки, чашки, кувшины и горшочки, сделанные из местной глины и покрытые глазурью местного изготовления; глазурь эта обыкновенно по своему качеству ниже не только итальянской, но и малоазийской. Выделку такой керамики мы можем установить во всех крупных городах северного Причерноморья, в Ольвии, на Боспоре, в Херсонесе; особенно

Рис. 25. Горшочек из Херсонеса. II в. н. э.

развито было, повидимому, это производство в Херсонесе. Орнаментированы причерноморские краснолаковые сосуды бывают редко. Встречаются, как и в группах, выделываемых в античных центрах, налепные орнаменты, реже головы или фигуры; чаще украшением служат вдавленные узоры, сделанные на стенке сосуда еще до покрытия глазурью. Группа эта имеет определенный подражательный характер и стоит в несомненной зависимости от малоазийских изделий.

Интереснее и характернее другая группа — расписные сосуды. Мы видели, что в античных областях роспись в первые века нашей эры выходит из употребления; это во всяком случае имеет место как раз в тех областях, из которых поступает в это время импорт в северное Причерноморье, как Малая Азия и северная Италия. Но в причерноморских городах расписные сосуды встречаются в течение во всяком случае первых трех веков нашей эры, хотя едва ли в значительном количестве. Роспись состоит здесь преимущественно в воспроизведении несложных растительных мотивов, выполняемых белой краской по фону, обычно темному, сероватому, черному или бурому, реже красному. Наиболее интересна здесь группа выделывавшихся в Херсонесе маленьких одноручных горшечков, на которых белой краской выполнялись или орнаменты (рис. 25), или надписи; содержание надписей говорит о культовом назначении этих сосудов. Существование этой группы представляет несомненный интерес. Итак, и в первые века нашей эры не сошла со сцены расписная керамика, имевшая столь значительное распространение в последние века до нашей эры.

Если рассмотренные группы местной керамики первых веков нашей эры можно все же связать с античными образцами, то совсем иной характер имеют другие сосуды, выделывавшиеся в то же время в причерноморских городах. Наиболее характерны лощеные сосуды из серой, иногда почти черной глины; эти сосуды в особенно большом количестве встречаются в Ольвии, значительно распространены они были и на Боспоре. Формы сосудов здесь уже бесспорно в основной их массе не античные, а местные; местный прием представляет обработка поверхности посредством лощения, местными являются и типы украшения этих сосудов. Эти типы орнаментации сводятся к двум. На многих сосудах нанесены на оставленные без лощения участки поверхности простейшие геометрические узоры — сетка, черточки, волнистые линии и т. д. Более интересным приемом является украшение сосуда налепными фигурками животных; особенно часто такие фигурки заменяют ручки. В этих фигурках мы имеем позднее проявление местного «звериного стиля» [1] в его сарматской разновидности. В основных чертах описываемая керамика совершенно сходна с местной керамикой, широко распространенной по всем районам существования сарматской культуры. Правда, иногда и в этой группе встречаются типы сосудов, восходящие к античным; но это не меняет дела — влияние

[1] Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 247; см. также статью того же автора в настоящем сборнике «Художественные элементы в лепной керамике Боспора».

античных типов проникает и в далекие сарматские области, а в городах может итти речь только о несколько большем проценте таких античных типов.

Мы познакомились с основными группами художественной керамики, выделывавшейся в городах северного Причерноморья во все время их существования, с VI в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Те изменения, которые прослеживаются во всех сторонах культуры городов северного Причерноморья и предпосылками для которых служит прежде всего увеличение в позднее время местных элементов в населении городов, нашли свое отражение также и в этой области местного художественного производства. Производящаяся здесь керамика, вначале тесно связанная с керамикой греческой Ионии, в дальнейшем приобретает все больше местных черт, становится все более и более своеобразной. Наибольший подъем в производстве художественной керамики наблюдается в эллинистическую эпоху. А первые века нашей эры характеризуются нарастанием чисто местных элементов, в чем еще раз отразились более общие, более глубокие изменения, происходящие в это время во всех сторонах жизни причерноморских городов.

Е. Г. Кастанаян

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ БОСПОРА

Лепная, т. е. изготовленная без гончарного круга, керамика, о которой будет итти речь в настоящем очерке, является производством местного населения Боспорского царства. Несмотря на свою примитивность, эта керамика не лишена художественных элементов, выражавшихся в стремлении придать некоторую нарядность путем орнаментации отдельных частей сосудов. Это говорит о том, что лепная посуда предназначалась не только для использования ее в качестве кухонной; она выполняла в быту, повидимому, и более широкие функции как столовая посуда. Эта керамика занимает весьма важное место среди керамических находок из боспорских городов, что свидетельствует об этнической смешанности населения этих городов и служит иллюстрацией своеобразия культуры Боспора, формировавшейся в процессе взаимодействия греческой и местной культур. Особенное распространение лепной керамики в античных городах Боспора имело место в первые века нашей эры. Это наиболее заметно в таких городах, как Илурат и Тиритака. Широкое распространение лепной посуды в боспорских городах в указанный период свидетельствует об усилении роли местных, скифо-сарматских, элементов в культуре Боспора в первые века нашей эры.

Рис. 1. Лепной сосуд VI в. до н. э. из Гермонассы.

О самих формах наиболее древних лепных сосудов Боспора VI—V вв. н. э. можно мало что сказать, так как находки их немногочисленны и попадаются они по большей части лишь в виде отдельных обломков. Из целых форм можно указать на кувшин из Гермонассы (рис. 1).

Некоторое представление о древнейших орнаментированных лепных сосудах Боспора дают находки из раскопок боспорских городов.[1] Отметим прежде всего обломки лепного лощеного сосуда VI в. до н. э. из Мирмекия, украшенного геометрическим орнаментом. Он состоит из двух рядов круглых вдавлений, ниже которых располагаются про-

[1] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 249—288.

черченные острым инструментом ромбы с перекрещивающимися сторонами, образующими сплошную сетку по корпусу сосуда. Ромбы частично заполнены вертикальной резной штриховкой, частично образуют гладкую поверхность, причем замечается правильное чередование штрихованных и нештрихованных плоскостей (рис. 2, *1*).[1]

Обломки лепных, обычно лощеных сосудов VI в. до н. э. с такого рода резным орнаментом найдены в Порфмии (рис. 2, *2*), Тиритаке,[2] Нимфее,[3] Пантикапее.[4]

Из некрополя таманского городища (Гермонасса) происходит уже упоминавшийся выше (рис. 1) кувшин с резным орнаментом в виде двойного ряда перекрещивающихся полос со штриховкой внутри.[5]

Сосуды с геометрическим орнаментом в виде треугольников, заполненных штриховкой, встречены также в Елисаветовском городище на нижнем Дону, в слоях V в. до н. э. и более поздних.[6] Генетически лепная керамика с такой орнаментацией связана с более ранней эпохой, как это показывают материалы Кобякова городища того же района. Там они встречаются в слоях, относящихся к периоду догреческой колонизации («Кобякова культура II»).[1]

Резной геометрический орнамент присущ не только лепной керамике Боспора. Его мы находим и в других областях северного Причерноморья и прежде всего на керамике из зольников Бельского городища, дающей очень близкие аналогии архаической лепной керамике Боспора.[2]

Область распространения сосудов с резным орнаментом геометрического рисунка чрезвычайно широка. Появившись еще в начале I тысячелетия до н. э. и продолжая существовать в раннескифский период, этот орнамент получает широкое распространение от Западной Украины и Киевщины до Крыма. Сосуды с подобным орнаментом мы находим в раннескифских курганах — близ Смелы,[3] в бывш. Чигиринском и Каневском уездах Киевской губ.[4] и в курганах эпохи, предшествующей скифской, — на Херсонщине и в Придонье.[5]

Многочисленные аналогии нашим сосудам с резным геометрическим орнаментом дает и Северный Кавказ.[6] Форма этих сосудов, в основном приземистых, шарообразных кувшинов с прямым, слегка расширяю-

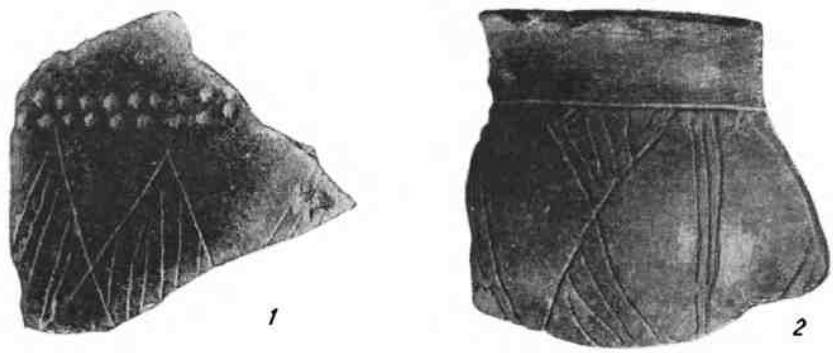

Рис. 2. Образцы орнаментации на лепных сосудах VI в. до н. э.
1 — из Мирмекия; *2* — из Порфмия.

[1] МИА, № 4, 1941, стр. 129, рис. 29.
[2] Там же, стр. 40, рис. 53.
[3] М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. АИБ, стр. 78, рис. 3.
[4] И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 83, рис. 1.
[5] Инв. № Т/38-163.
[6] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 171, рис. 50*а*, *2*.

[1] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 129, рис. 25; стр. 130, рис. 26; стр. 132, рис. 28.
[2] Тр. IУ АС, т. III, 1911, табл. I, *1*, *3*.
[3] ИАК, вып. 4, 1902, стр. 31, рис. 3.
[4] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 49, рис. 4. — Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, табл. XII, *2*.
[5] ESA, v. II, 1926, стр. 51, рис. 4—5; стр. 59, рис. 5; стр. 63, рис. 9; стр. 67, рис. 5, 6. — Старовинності Ізюмщини, вып. III, 1928, табл. II, *3*.
[6] См.: МИА, № 3, 1941, табл. XX, *3*.

щимся кверху, вытянутым горлом и плоскодонных или круглодонных шарообразных чашек, очевидно, была присуща и нашим сосудам, от которых дошли лишь обломки.[1]

Таким образом, наиболее ранняя лепная керамика боспорских городов имеет много общего в своей орнаментации с керамикой весьма обширного района распространения культуры эпохи поздней бронзы и раннескифской культуры. Именно в ранний период жизни боспорских городов (VI—V вв. до н. э.) замечается наибольшее сходство этой керамики с керамикой раннескифской эпохи, в частности с керамикой лесостепной полосы северного Причерноморья. В дальнейшем боспорская лепная керамика все больше приобретает специфически местный колорит.

Рис. 3. Обломок лепного сосуда VI в. до н. э. Мирмекий.

Переходим ко второму типу орнамента на наиболее ранних лепных сосудах Боспора, представленных среди керамики VI—V вв. до н. э. Мирмекия и Елисаветовского городища — области древнего Танаиса. Это, во-первых, ногтевой орнамент, заполняющий в несколько рядов горло сосуда и край венчика (рис. 3).[2] Встречается ногтевой и ямочный орнамент, располагающийся в один ряд или по шейке или по венчику сосуда, иногда и на шейке и на венчике (рис. 4, *1*).[3]

С конца V—начала IV в. н. э. появляются новые типы орнамента, представленного на сосудах из Елисаветовского городища, — насечки по краю горшка (рис. 4, *2*), налепленный по плечикам и горловине валик с ямочными вдавлениями и насечками, штриховка резными перекрещивающимися линиями, оттиски зубчатого штампа и, наконец, орнамент, нанесенный кольчатым штампом.[1]

От эллинистического времени сохранилось также мало форм лепной посуды. Некоторые из них представлены на рис. 5.

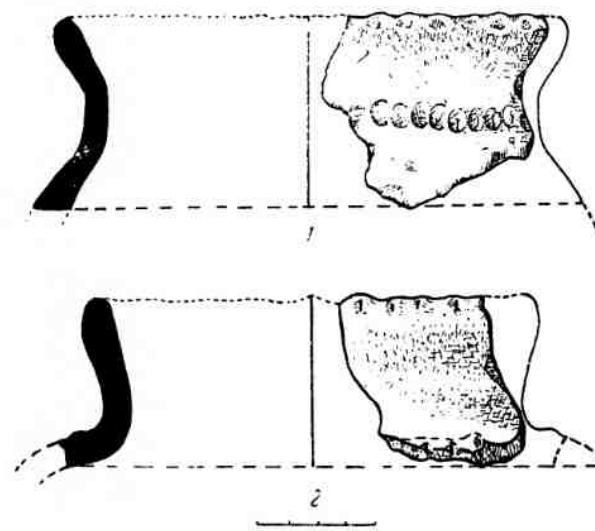

Рис. 4. Обломки лепных сосудов V в. до н. э. Танаис.

В это время и в первые века нашей эры в лепной керамике Боспора продолжает оставаться орнамент в виде вдавлин (рис. 6, *1*), который располагается теперь только по венчику сосуда и отличается от орнамента более раннего времени формой вдавлин, узкоовальных или ромбовидных, расположенных горизонтально, узким концом друг к другу, вместо круглых или широкоовальных предыдущего периода.[2]

Сама техника нанесения орнамента в виде ряда вдавлин в эллинистическое время уже другая. Если орнамент предыдущего времени

---

[1] А. А. Бобринский. Курганы и археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1894, табл. VII, *20*, *25*. — СГАИМК, т. I, 1926, стр. 129, рис. 25 и др.

[2] МИА, № 4, 1941, стр. 128, рис. 26.

[3] МИА, № 25, 1952, стр. 252 и сл., рис. 5. — Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища. . ., стр. 162, рис. 45, *1*, *2*; рис. 49, *2—4*, *6—8*.

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища. ., стр. 163 и сл., рис. 46, *1*, *3*; 47, *1*; 48, 49. — Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 117.

[2] МИА, № 25, 1952, стр. 254 и сл., рис. 5, *3*.

(VI—V вв. до н. э.) наносился при помощи ногтя или пальцев, или какого-то ручного инструмента с тупым концом, вследствие чего он был неровен и неаккуратен, то орнамент эллинистических сосудов наносился, вероятно, при помощи штампа, так как вдавлины имеют правильную, четкую форму.

В тот же период продолжает существовать орнамент, оттиснутый кольчатым штампом, который мог наноситься срезанной, полой внутри тростинкой (рис. 6, *2*).[1] Появляется также орнамент в виде косых насечек, располагающихся по плечикам горшка (рис. 6, *3*).[2]

Надо отметить, что в эллинистическое время орнаментация на лепных сосудах Боспора была распространена гораздо менее, чем в VI—V вв. до н. э. Объясняется это тем, что на Боспоре с IV в. до н. э. широко развивается производство гончарной посуды, не только столовой, но и кухонной. Это, естественно, повлекло за собой рост потребления гончарной посуды в быту, лепной же посуде отводилась роль кухонной, да и то в ограниченном количестве. Исчезает стремление придать этой посуде известную нарядность, что было свойственно керамике ранней, функции которой были универсальны.

Изготовление лепной посуды, почти лишенной украшений, продолжается примерно до II в. н. э., когда орнаментация на ней вновь становится распространенным явлением.

Среди лепной посуды первых веков нашей эры были распространены чашки (рис. 7), а также разнообразные кувшины и горшки. В эту эпоху вновь встречается ямочный орнамент, главным образом на венчиках чашек, реже на венчиках горшков. Он имеет вид ряда вдавлин миндалевидной формы, нанесенных по утолщенному снаружи краю, отчего на горизонтальной плоскости венчика образуется выпуклая волнистая линия (рис. 8, *1*). Чашки с таким орнаментом распространены среди керамики Илурата, Мирмекия и Тиритаки. Иногда эти вдавлины располагаются на горизонтальной или скошенной изнутри плоскости венчика. В некоторых случаях они имеют форму косых врезанных полос, пересекающих линию венчика, отчего последний приобретает зубчатую поверхность (рис. 8, *4*). Встречаются и насечки по внутреннему утолщенному краю чашки (рис. 8, *3*). Кроме вышеописанных орнаментов, на чашках II — первой половины III в. н. э. бывают орнаменты и в виде ряда круглых плоских налепов, располагающихся на плоскости венчика (рис. 8, *2*) в виде резной зигзагообразной или волнистой линии, а также ряда круглых мелких дырочек (рис. 8, *5*).[1]

В это же время, начиная примерно с конца I и до середины III в. н. э., в боспорских городах — Илурате, Мирмекии,

Рис. 5. Лепные сосуды III—II вв. до н. э.

1, 3 — из Мирмекия; *2* — из Тиритаки.

Нимфее, Тиритаке — распространены чашки с ручками в виде налепов и выступов (рис. 9). Эти выступы и налепы в свою очередь украшены ямочным или щипковым орнаментом (рис. 11, *1*) или врезанными линиями (рис. 11, *2*), или, наконец, неглубокими овальными вдавлинами, идущими поперек ручек-выступов (рис. 11, *3*, *4*); иногда ручки-выступы бывают двойными,

[1] Там же, рис. 5, *4*
[2] Там же, рис. 5, *6*.

[1] МИА, № 25, 1952, стр. 258 и сл., 271 и сл.

по краям или на верхней плоскости они украшаются насечками или вдавлинами, делающими края ручки зубчатыми или волнистыми, но сосуды с такими ручками относятся уже к III—IV вв. н. э. (рис. 11, *5*).

Сосуды с подобными ручками в виде выступов и налепов встречаются, кроме

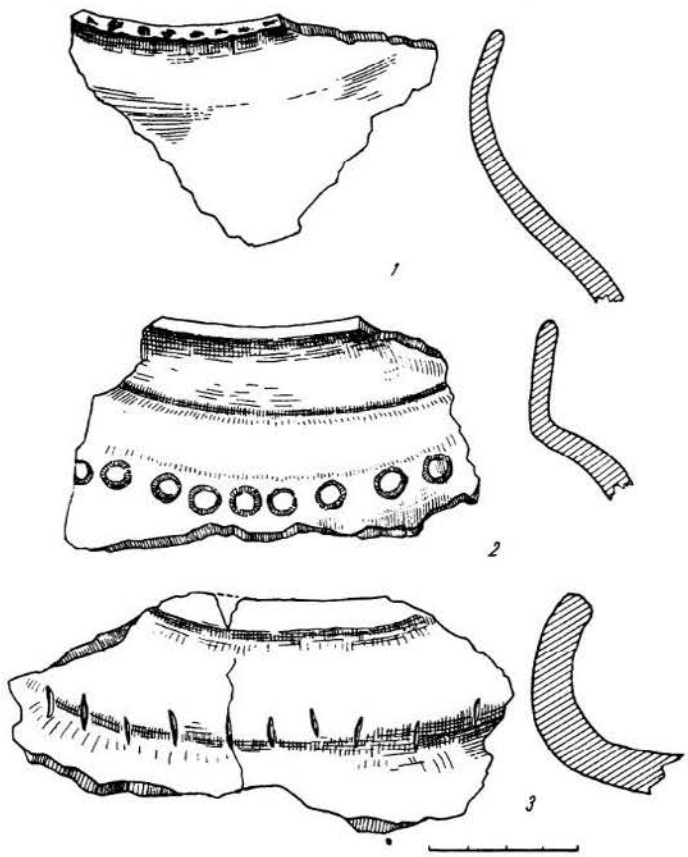

Рис. 6. Обломки лепных сосудов конца IV—начала III в. до н. э. Мирмекий.

Боспора, и в других местах. Так, ручки в виде полуовальных горизонтальных выступов и дугообразных налепов встречаются в Ольвии, только там они относятся еще к эллинистическому времени.[1] Ручки-выступы имеются и на скифских сосудах Приднепровья того же времени, в том числе и на металлических, примером чему могут служить серебряные сосуды из курганов Солохи и Чмыревой могилы, а также сосуды из других курганов Приднепровья.[1] Сосуды с подобными ручками-налепами были распространены в первые века нашей эры также на Северном Кавказе[2] и в Средней Азии.[3]

Кроме орнаментации на венчике и по туловищу, а также орнаментированных ручек-налепов, боспорские лепные чашки имеют иногда налепленный кругом горловины валик, гладкий или украшенный ямочным орнаментом (рис. 11, *6*). Такие чашки найдены были в Тиритаке, в слое II в.—первой половины III в. н. э.[4] Стенки чашек этой эпохи украшаются также резной ломаной линией, как на чашке из некрополя Недвиговки (Танаис) III в. н. э.[5]

Горшки той же эпохи украшаются по венчику ямочным орнаментом (рис. 10), оттисками треугольного штампа (рис. 12, *1*, *2*), косыми насечками (рис. 12, *3*).

Во II в. н. э. на лепных горшках Боспора появляется также резной геометрический орнамент, который держится до конца III в. н. э. (рис. 13). Этот орнамент представляет собой как бы возрождение геометрического орнамента, описанного нами при характеристике сосудов из слоя IV в. до н. э. Однако на горшках II—III вв. н. э. он отличается тем, что здесь мы совершенно не видим ромбических фигур, столь характерных для VI в. до н. э. Встречаются лишь треугольники, нередко входящие вершинами

[1] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 139, рис. 96; стр. 168, рис. 104; табл. XXVII, *3*; XXVIII, *1*, *4*.

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 132, рис. 199; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 115, рис. 287; стр. 120, рис. 191, 198.

[2] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, 1889, стр. 121, рис. 31.

[3] Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 21, рис. 9 (см. о датировке слоя Каунчи II: Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 73).

[4] Там же, стр. 271.

[5] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 79, рис. 34, *в*.

друг в друга, причем пространство внутри них не заполняется штриховкой, как на архаических сосудах. Подобная орнамен-

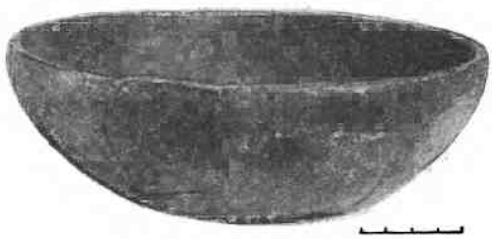

Рис. 7. Лепная чашка I—II вв. н. э. Тиритака.

тация в виде резных геометрических фигур, несколько даже более сложного рисунка, наблюдается и на боспорской керамике этого времени, изготовленной на гончарном круге. Лепные сосуды с подобной орнаментацией были найдены в слоях II—III вв. н. э. Илурата и Мирмекия.

Орнаментация на боспорских сосудах II—III вв. н. э. бывает иногда весьма сложной. Так, на чашке, представленной на рис. 14, мы видим орнамент трех видов: по наружному краю венчика идет ряд овальных вдавлин, отчего на верхней плоскости венчика образуется выпуклая волнистая линия. Ниже этой волнистой линии располагается орнамент, оттиснутый кольчатым штампом, знакомым нам по сосудам эллинистического периода. Наконец, еще ниже, на месте сгиба венчика с внутренней стороны сосуда, нанесен ряд косых насечек. На рис. 15, *1* — орнамент другого рода, состоящий из резных треугольников, входящих вершинами друг в друга; по наружному краю нанесены косые насечки. Чашки с описанными двумя видами орнаментации распространены были в Тиритаке.[1]

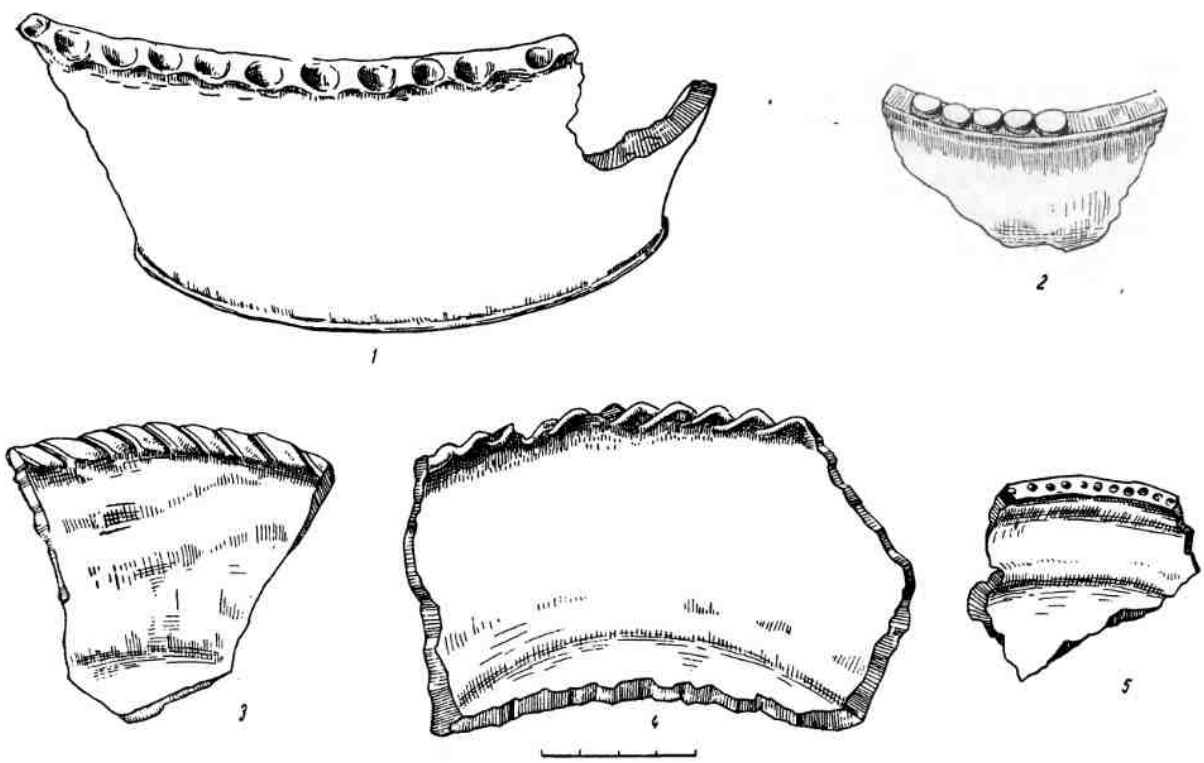

Рис. 8. Орнаментация на сосудах конца I—начала III в. н. э.
1, 4 — из Илурата; *3* — из Мирмекия; *2, 5* — из Тиритаки.

Кроме орнаментов в собственном смысле слова, на лепных сосудах Боспора встре-

[1] МИА, № 25, 1952, стр. 271 и сл.

чаются в качестве украшения отдельные рисунки. Так, на одном из тиритакских лепных кувшинов имеется рисунок «елочки», расположенный под ручкой. Надо сказать, что мотив «елочки» мы видим и в орнаментации илуратских сосудов, исполненных на гончарном круге.[1]

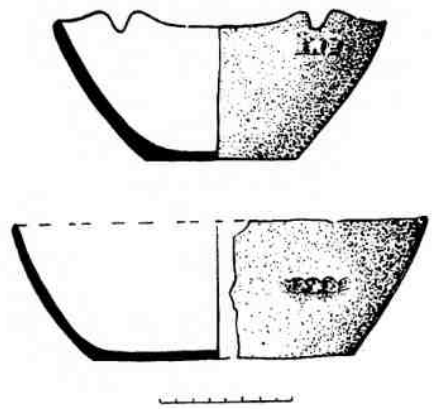

Рис. 9. Лепные миски с ручками-налепами.

Распространен в это время также орнамент в виде резных кружков по тулову сосуда (рис. 15, 2) и двойного ряда насечек между резным линейным орнаментом (рис. 15, 3).

Рис. 10. Горшок из таманского некрополя (Гермонасса) II—III вв. н. э.

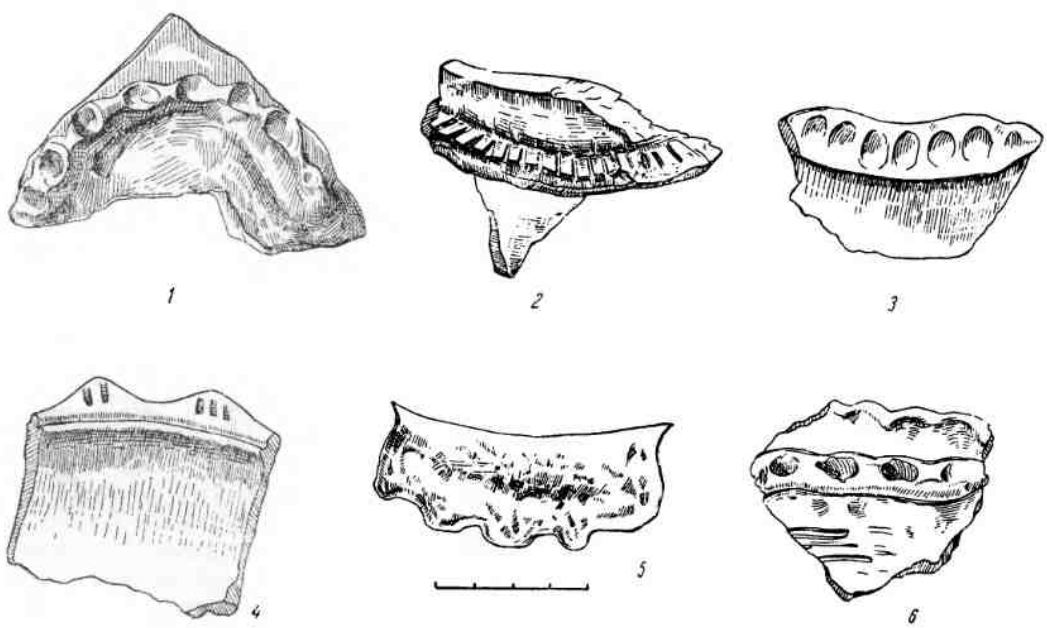

Рис. 11. Орнаментированные ручки лепных сосудов начала III в. н. э.
1, 3 — из Мирмекия; *2, 4, 5, 6* — из Тиритаки.

Нередко украшения встречаются не только на туловище сосудов или на их венчиках, но и на ручках. Ручки часто выделываются не гладкими, а реберчатыми (оче-

[1] МИА, № 25, 1952, стр. 281.

видно, подражание ручкам амфор первых веков нашей эры), иногда они украшаются ямками, оттиснутыми пальцем (рис. 16, *1*), резными насечками на ребрах желобчатых ручек (рис. 16, *2*), штрихами (рис. 16, *4*), наколами (рис. 16, *3*) или рядом мелких углублений треугольной формы (рис. 16, *5*); последний вид орнамента встречается также на венчиках и на туловище сосудов (рис. 16, *6*). В более позднее время, на грани III—IV вв. н. э., встречаются ручки с мелким продольным рифлением (рис. 16, *7*).

В III—IV вв. н. э. в боспорских городах замечается обилие лепной посуды. От этого периода до нас дошло наибольшее количество целых лепных горшков и кувшинов (некоторые образцы их даны на рис. 17). Обилие лепной посуды, замечаемое на Боспоре уже с конца II в. н. э., объясняется усиленной сарматизацией боспорских городов в этот период. Хлынувшие на Боспор выходцы из местных поселений северного Причерноморья привнесли туда свои хозяйственные навыки и, в частности, пользование посудой, вылепленной от руки. Экономический упадок Боспора, который особенно усилился с середины III в. н. э., отражался на состоянии ремесла и торговли. Керамическое производство сократилось, место гончарного промысла все больше стало занимать изготовление посуды от руки, домашними способами. Вместе с распространением лепной посуды в обиходе боспорского населения она вновь приобретает известную нарядность, т. е. украшается различного рода орнаментами. Эта посуда теперь снова становится универсальной, т. е. употребляется не только в качестве кухонной посуды, но выполняет также функции посуды столовой.

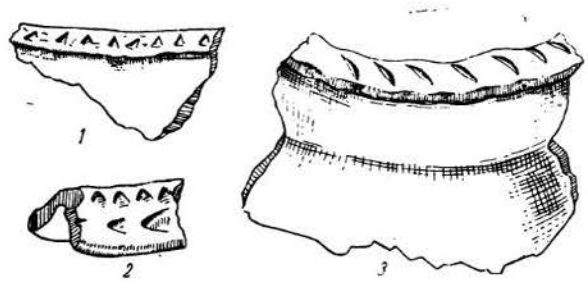

Рис. 12. Орнаменты на венчиках лепных горшков II—III вв. н. э. Илурат.

В III—IV вв. н. э. распространены были лепные блюда, у которых плоскости бортиков украшались резными косыми насечками,[1] оттисками кольчатого штампа или резным орнаментом в виде волнистой линии.[2]

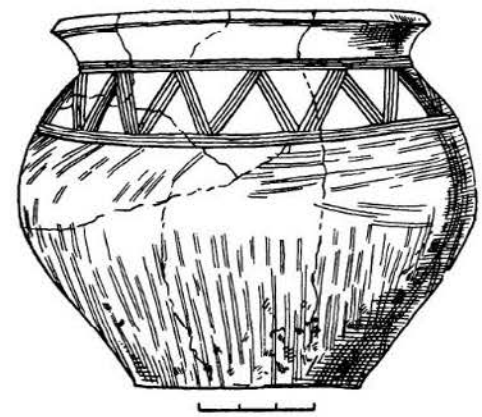

Рис. 13. Лепной сосуд с резным геометрическим орнаментом. II—первая половина III в. н. э. Илурат.

Довольно оригинальными по своей декоровке являются два лощеных сосуда из Пантикапея, относящихся к III—IV вв. н. э. Один из них имеет форму небольшого горшка конусообразной формы. Вся поверхность его, за исключением самой нижней части, покрыта полосами различного орнамента (рис. 18, *1*).[3] Вверху идет орнамент в виде отпечатков кольчатого штампа, затем два пояса из косых резных линий; ниже располагается пояс из овальных вдавлин. Поверхность другого горшка покрыта двумя

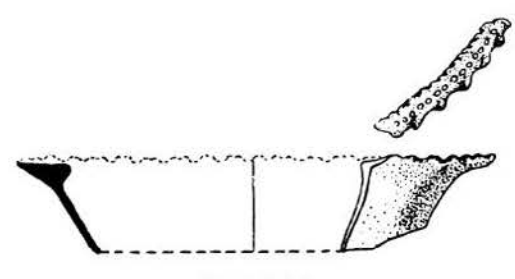

Рис. 14. Лепная чашка III в. н. э. Тиритака.

[1] МИА, № 25, 1952, стр. 284, рис. 47, *8*.
[2] Там же, стр. 284, рис. 47, *6*, *8*.
[3] Эрмитаж, ОДМ, П, 1872, 37.

поясами орнамента, чередующегося с горизонтальными желобками. Под венчиком (рис. 18, *2*) [1] располагаются лощеные, пересекающиеся полосы. Ниже идут желобки, затем — второй пояс орнамента из треугольников, исполненных лощеными линиями. Площадь внутри треугольников заполнена косой резной штриховкой, пространство между ними — такой же косой штриховкой, но исполненной лощеными линиями. Ниже снова идут желобки.

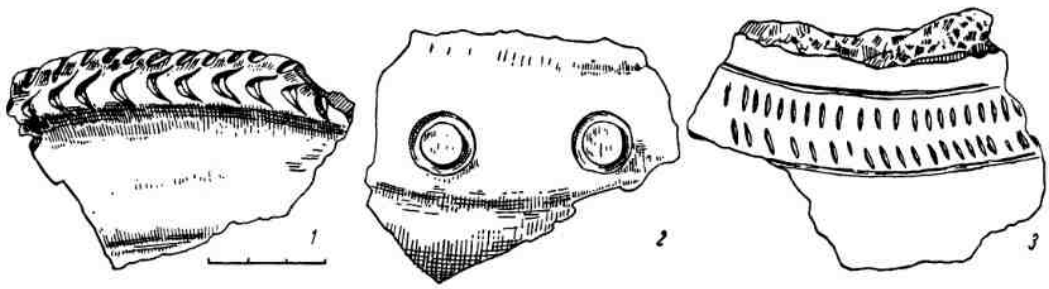

Рис. 15. Обломки лепных сосудов II—III вв. н. э.
1 — из Тиритаки; *2,3* — из Илурата.

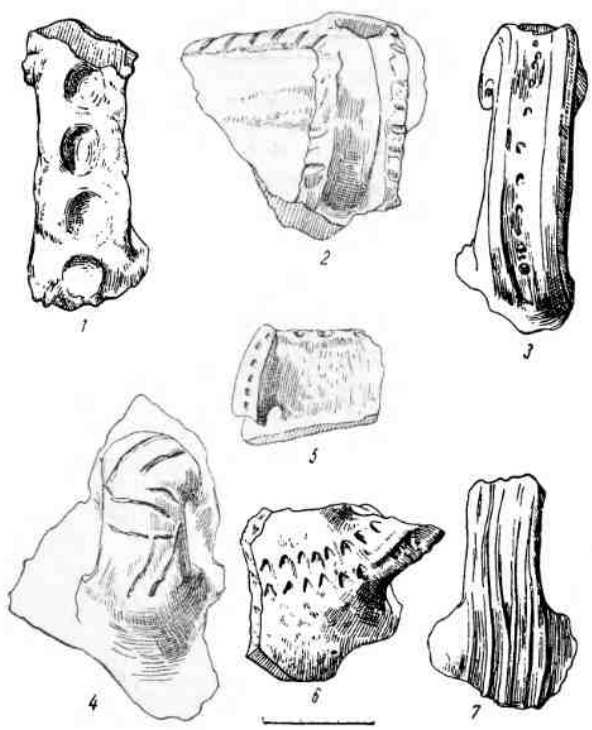

Рис. 16. Ручки лепных сосудов первых веков нашей эры.
1 — из Мирмекия; *2—4* — из Илурата; *5—7* — из Тиритаки.

Рис. 17. Лепные сосуды конца III—IV в. н. э. Тиритака.

Продолжает бытовать в III—IV вв. н. э. и ямочный орнамент по венчику горшков, однако в это время он носит весьма небрежный характер. Встречается и орнамент насечками по венчику и плечикам сосудов. Вообще же, как правило, лепные сосуды

[1] Эрмитаж, ОДМ, П, 1872, 38.

в IV в. н. э. редко орнаментируются, в отличие от сосудов II—III вв.

Особого внимания заслуживают сосуды, получившие широкое распространение на Боспоре в первые века нашей эры и объединяемые одним общим признаком — формой ручек, исполненных в виде фигур животных. Мы остановимся лишь на лепных сосудах с зооморфными ручками, но надо отметить, что сосуды с ручками в виде животных занимали значительное место и среди керамики, изготовленной на гончарном круге.[1]

К наиболее ранним сосудам этого типа относятся сосуды с ручками в виде животных, изображениям которых присущи более или менее реалистические черты. Таков, например, сосуд из Краснодара, найденный в могильнике. Это широкогорлый кувшин с ручкой, напоминающей фигурку барана (рис. 19, *1*). Мордой баран упирается в край горла кувшина, по бокам морды намечены рога.[2] В Донском музее г. Новочеркасска хранится кувшин с ручкой, также напоминающей фигуру животного (рис. 19, *2*).[3] Заостренной мордой зверек упирается в край горла кувшина, передние и задние конечности представляют собой перекладины ручки. Из Пантикапея происходит горшок с ручкой в виде кабана.[1] На венчике сосуда перед мордой животного налеплен круглый плоский кружок, такой же кружок налеплен на спине, ближе к морде. Еще два круглых налепа расположены по бокам морды животного. Некоторые исследователи считают, что эти последние кружки должны были изображать глаза. Подчеркнуто крупные размеры их объясняют тем, что глаза на зооморфных ручках

Рис. 18. Сосуды III—IV вв. н. э. Пантикапей.

сосудов играли роль оберега. Оберегами служили, повидимому, и сами фигуры животных, заменяющие ручки. Об этом говорят этнографические параллели. Так, у народов Дагестана до недавнего времени существовало представление о том, что ручка на сосуде предохраняет содержимое сосуда от проникновения в него шайтана.[2] Таким образом и налепы на пантикапейском горшке, надо полагать, являются глазами-оберегами. Нас не должно смущать то, что они расположены не на самой морде живот-

[1] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Гос. Эрмитаж. Труды Отд. первобытн. культуры, вып. I, 1940. — Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, т. XIV, 1950, стр. 247 и сл.

[2] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 178, рис. 3.

[3] Там же, стр. 179, рис. 4.

[1] Там же, табл. VII, *1*,

[2] Ср.: К. М. Скалон, ук. соч., стр. 183. — См. также: А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современных племен Дагестана. Матер. по этнограф., т. IV, вып. 1, 1927, стр. 73.

ного, а по бокам ее. Здесь играет роль и схематизация изображения кабана, и специальное назначение этих «глаз» в качестве именно оберега, требующее, чтобы они были возможно крупнее. Надо оговориться, что ручка в виде кабанов — явление редкое в лепной технике. Они чаще встречаются на сосудах, изготовленных на гончарном круге.[1]

В боспорской керамике встречаются также сосуды с ручками, напоминающими изображение лошади. Оно сильно схематизировано, сходство с этим животным можно заметить только по верхней части ручки, где имеется торчащий вверх отросток, который в сочетании с верхней перекладиной ручки создает впечатление морды лошади.[2]

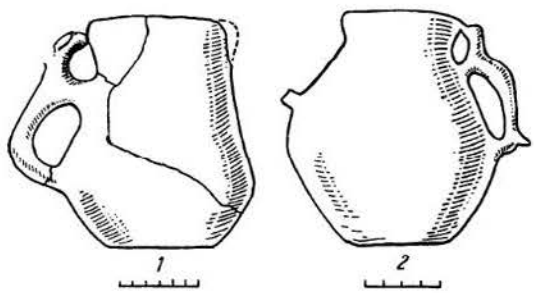

Рис. 19. Сосуды с ручками в виде животных. I—II вв. н. э.

Сходные формы ручек имеются у сосудов, изготовленных на гончарном круге, найденных на Кубани.[3] Эти сосуды, как и предыдущие, датируются I—II вв. н. э.

Целую серию сосудов с зооморфными ручками дали раскопки Тиритаки. Среди них имеются сосуды, на которых весьма реалистично изображены фигурки собак — в виде ручки [4] или в виде рельефа под ручкой (рис. 20).[5] Эти изображения собак характерны для керамики Тиритаки, их мы не встречали среди сарматской керамики Кубани и Дона. В этом отношении керамика Тиритаки имеет сходство с керамикой Кавказа, где изображение собаки встречается на различных памятниках материальной культуры.[1]

Изображения собак наиболее реалистичны из всех других изображений животных на сосудах Тиритаки. Сосуды эти могут быть отнесены к I—II вв. н. э.

Ко II—III вв. н. э. относится кувшин, найденный в одной из рыбозасолочных ванн в Тиритаке. Ручка этого сосуда имеет выступ, напоминающий голову барана с закрученными с двух сторон рогами. На нижнем конце ручки имеется отросток, изображающий хвост (рис. 21).[2] К этому же периоду

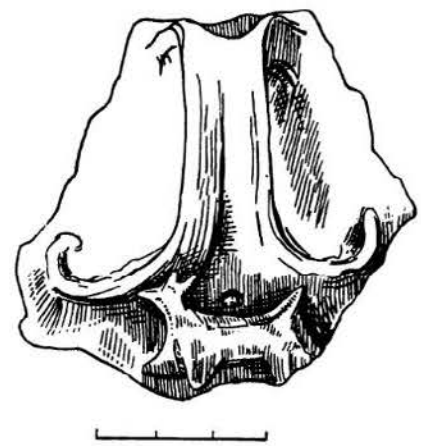

Рис. 20. Обломок сосуда с изображением собаки. I—II вв. н. э. Тиритака.

относится и обломок венчика с ручкой в виде птицы, держащей клювом край сосуда. По спинке птицы прочерчены резные линии, изображающие, по всей видимости, оперение (рис. 22).[3] Это изображение сильно схематизировано, однако не достигло еще той степени схематизации, которая свойственна сосудам позднеантичного периода III—IV вв. н. э.

К таким сосудам[4] можно причислить, например, найденный в Тиритаке горшочек с двумя ручками, имеющими вверху выступ, напоминающий голову животного (рис. 17, *2*). Найденный также в Тиритаке фрагмент горла кувшина, представленный на рис. 23, по аналогии своей ручки с руч-

[1] К. М. Скалон, ук. соч., стр. 189 и сл., рис. 8, *10*, табл. III—VI; VIII, *2*. — Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. . ., стр. 248, рис. 2.
[2] К. М. Скалон, ук. соч., табл. VIII, *1*.
[3] Там же, стр. 199, рис. 12.
[4] МИА, № 4, 1941, стр. 51, рис. 2.
[5] МИА, № 25, 1952, стр. 98.

[1] А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, II, 1922, стр. 237 и сл.
[2] СА, XV, 1951, стр. 25, рис. 4.
[3] Там же, стр. 249, рис. 3.
[4] См. о них: СА, XV, 1951, стр. 251.

ками горшочка, изображенного на рис. 17, *2*, относится к тому же позднеантичному времени — IV в. н. э. Аналогичные ручки имеются и на керченских кувшинах, изготовленных на гончарном круге.

Из просмотренного нами материала видно, что изображения животных в виде

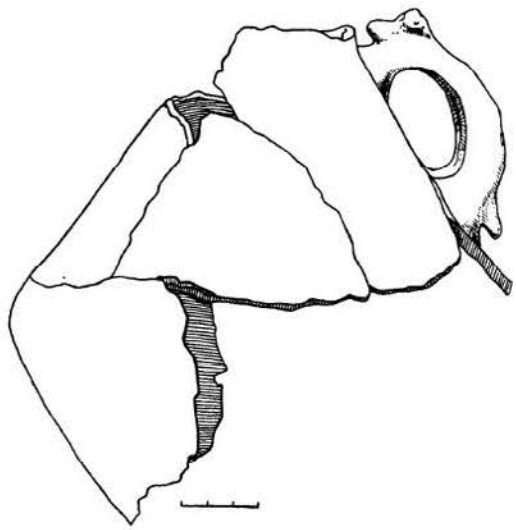

Рис. 21. Сосуд с ручкой в виде фигурки барана. II в. н. э. Тиритака.

ручек сосудов, более или менее реалистичные в I—II вв. н. э., с течением времени сильно схематизируются. Крайнюю степень схематизации представляют изображения на сосудах позднеантичного времени, эпохи III—IV вв. н. э.

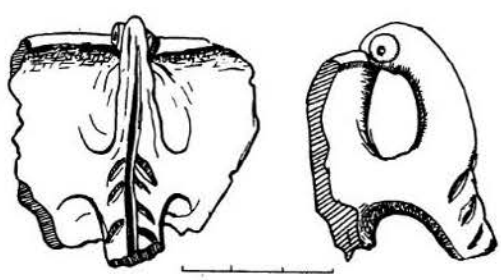

Рис. 22. Обломок ручки сосуда в виде схематизированного изображения птицы. II в. н. э. Тиритака.

На примере описанной нами группы керамики с зооморфными ручками выявляется тесная связь между лепной керамикой Боспора и сарматской керамикой Кубани и Дона, а также Северного Кавказа. Это лишний раз подтверждает, какую силу имели в античных городах Боспора местные традиции, выраженные, в частности, в формах и орнаментации лепной керамики. Кроме того, наличие сосудов с зооморфными ручками среди сарматской керамики в городах Боспора и в поселениях окружающей его территории — Дона и Кубани — указывает на сильную связь культуры этого района с культурой Кавказа и Средней Азии.[1] Наглядное представление об этом дают находки сосудов с ручками в виде изображений животных, обнаруженные в различных могильниках этих областей.[2]

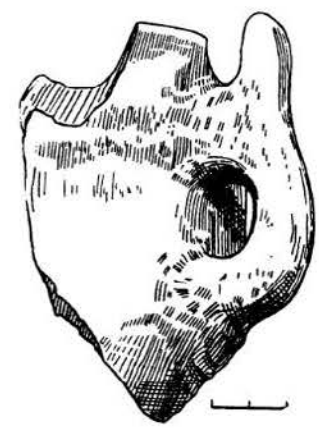

Рис. 23. Обломок сосуда с ручкой в виде схематизированного изображения животного. IV в. н. э. Тиритака.

Таким образом, керамика Боспора первых веков нашей эры по своим формам более сходна с керамикой Средней Азии и Кавказа, а не с сосудами западных областей северного Причерноморья, как это наблюдается в ранние периоды, т. е. в VI—V вв. до н. э.

В завершение характеристики художественных элементов лепной керамики Боспора отметим сосуды, туловища которых укра-

[1] П. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 161, рис. 54; стр. 198 и сл., 210 и сл., 285 и сл.; табл. XXIV, *8*; XXXV, *6*; XCIX, *1*; CXXVIII, *10*; CXXIX, *7*.

[2] Там же, стр. 161, рис. 54. — МАК, вып. I, 1888, табл. XIV, *1*. — К. М. Скалон, ук. соч., стр. 210 и сл., рис. 18, табл. XV, *1*, *2*. — Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки. . ., стр. 74, рис. 14. — Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 15, рис. 14, 15; стр. 17, рис. 18.

шены вертикальными желобками, напоминающими каннелюры. Сюда относятся два лепных лощеных кувшина, хранящихся в Керченском историко-археологическом музее.[1] К сожалению, условия их находки не дают возможности датировать их с точностью. Однако формы их ручек — у одного сосуда сильно уплощенная с боков, у другого исполненная в виде очень стилизованной фигуры животного (рис. 24) — дают возможность отнести эти сосуды к IV в. н. э.

Изучение лепной художественной керамики Боспора позволяет сделать и некоторые общие выводы относительно связей,

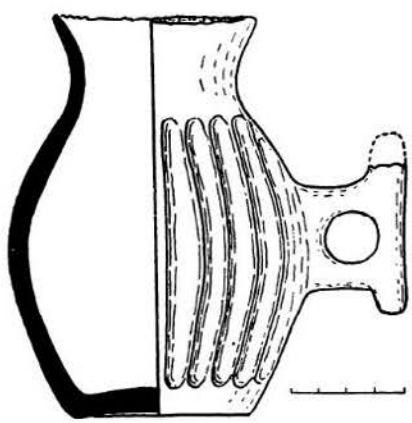

Рис. 24. Сосуд IV в. н. э. Пантикапей.

существовавших между этой керамикой и керамикой других центров, а также относительно значения лепной посуды в керамике Боспора.

Прежде всего следует отметить как характерное явление — распространение разнообразной орнаментации на лепных сосудах раннего времени, VI—V вв. до н. э., в виде резного геометрического орнамента и орнамента вдавлинами или ногтевого. Как мы уже указывали, это следует объяснять тем обстоятельством, что лепная керамика этого раннего периода имела очень широкое применение — она употреблялась не только в качестве кухонной посуды, функции которой она выполняла в более поздний период, но и столовой. В то время в Боспорских городах не было еще достаточно широко развито производство керамической посуды на гончарном круге, привозная же посуда не была доступна всей массе населения. В типах орнамента этой ранней лепной посуды Боспора выявляются связи с керамикой западных центров северного Причерноморья, районов Приднепровья и нижнего Побужья, а также Кавказа.

Начиная с IV в. до н. э. картина несколько меняется. Геометрический и ногтевой орнаменты исчезают, остается орнамент в виде ряда вдавлин, располагающихся лишь по венчику горшков, причем вдавлины эти нанесены уже, как было указано выше, не вертикально, по внешнему краю венчика, а горизонтально, узкими концами друг к другу. Появляются и новые типы орнаментации: оттиски кольчатого штампа по тулову и насечки по шейке сосудов. В общем же орнаментация для лепных сосудов эллинистического времени становится уже не характерной. Это явление особенно хорошо прослежено на материалах Мирмекия и Тиритаки,[1] а также Фанагории[2] и Танаиса[3] и объясняется развитием на Боспоре в этот период массового производства посуды, изготовленной на гончарном круге, не только столовой, но и кухонной, которая вместе с импортной посудой, ввозившейся в большом количестве на Боспор в связи с широким развитием торговых связей Боспора с эллинистическими центрами, являлась серьезным конкурентом лепной керамики, начинающей играть уже весьма скромную роль только в качестве кухонной посуды.[4] Это подтверждается малочисленностью находок лепных сосудов при раскопках эллинистических слоев боспорских городов. И не только количество, но и качество этих сосудов показывает, что лепной керамике не уделяется такого внимания, как раньше.

Во II—III вв. н. э. на Боспоре возрождается тенденция к художественному оформлению лепных сосудов. Вновь становится

[1] Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина. Доп. опись 1923 г., V, 127, № 10.

[1] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, стр. 258.

[2] И. Т. Кругликова. К вопросу о негреческом населении Фанагории. ВДИ, № 1, 1950, стр. 107.

[3] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища. . ., стр. 174.

[4] См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 79, 83 и сл.; Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, IX, 1949, стр. 255 и сл., 283 и сл.

распространенной орнаментация в виде ряда вдавлин, резных треугольников или оттисков кольчатого штампа. Орнаментация эта свойственна, как отмечалось выше, и боспорской керамике, изготовленной на гончарном круге, прекрасно представленной находками в Илурате. Характерно, что распространение на Боспоре сосудов с орнаментацией падает на III в. н. э. Как было уже указано, в это время наблюдается наибольшее число находок лепной керамики при раскопках боспорских городов. Очевидно, в связи с общим экономическим упадком на Боспоре постепенно начинает расширяться производство лепной керамики за счет производства сосудов на гончарном круге. Лепная керамика начинает вновь приобретать универсальные функции, т. е. функции не только кухонной, но и столовой посуды. Это определяет возрождение на лепной керамике различной орнаментации, стремление к ее разукрашиванию как посуды, могущей в некоторых случаях служить посудой парадной.

Распространение в быту боспорского населения лепной керамики с вышеуказанными орнаментальными мотивами, часто местного происхождения, особенно возросшее в первые века нашей эры по сравнению с предыдущими периодами, объясняется общей «варваризацией» культуры боспорских городов в это время, особенно начиная с III в. н. э., что доказывается, в частности, и распространением местных черт в погребальном обряде пантикапейского некрополя.[1] Это явление в свою очередь связано с экономическим упадком Боспора, который следует рассматривать как следствие общего распада античной рабовладельческой системы.

Ярким показателем «варваризации», точнее сарматизации, боспорских городов в области производства лепной керамики является распространение сосудов с ручками в виде животных, свойственных и керамике сарматских поселений Дона, Кубани и Северного Кавказа.

Изучение орнаментальных, художественных мотивов лепной керамики боспорских городов показывает, насколько сильны были элементы местной культуры в этих городах на всем протяжении их истории. Несмотря на огромное влияние античной культуры в целом, несмотря на обильное распространение в этих городах импортной греческой керамики, местная лепная керамика скифо-сарматского типа продолжала бытовать в боспорских городах и оставалась, за немногими исключениями, самобытной как по своим формам, так и по орнаментации.

Будучи в отличие от гончарной посуды, изготовлявшейся в мастерских, продуктом домашнего производства, лепная керамика наименее подвергалась влиянию античной культуры. Благодаря этому она оставалась на всем протяжении истории северного Причерноморья античного периода продуктом самобытного творчества представителей местного населения; вот почему изучение лепной керамики крайне важно для уяснения специфики творчества и художественных вкусов местного населения северного Причерноморья, в частности Боспора, как в его городах, так и на его периферии.

[1] В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 409 и сл.

А. П. Иванова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА И КОСТИ

ДЕРЕВО

Среди художественных ремесел северного Причерноморья не последнее место принадлежало искусству резьбы по дереву и кости.

Дерево применялось не только в художественном ремесле Боспора, оно широко использовалось также в строительном производстве и в кораблестроении. На территории Боспора было найдено большое количество деревянных изделий. Прежде всего нужно назвать деревянные саркофаги, наряду с которыми археологи очень часто находят простые деревянные гробы. Кроме того, найден ряд деревянных шкатулок и коробочек различной формы, служивших преимущественно для хранения принадлежностей женского туалета. В одной из таких коробочек сохранилось зеркало и деревянный гребешок. Иногда коробочки имеют прямоугольную форму (рис. 1), но чаще всего встречаются так называемые пиксиды — коробочки цилиндрической формы (рис. 2). Их стенки обычно бывают орнаментированы врезанными двойными кругами неправильной формы, сделанными от руки, без применения циркуля.

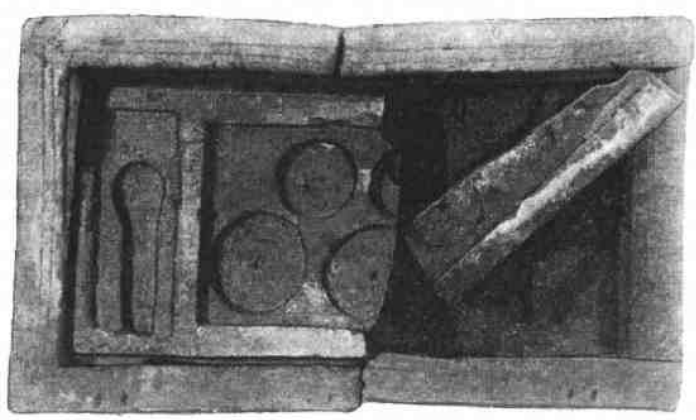

Рис. 1. Деревянная коробочка для туалетных принадлежностей.

Такие же врезанные круги служат распространенным украшением деревянных гребней, довольно часто встречающихся в северном Причерноморье. Гребень, как правило, имеет с одной стороны редкие, с другой частые зубцы и в общем похож на современный (рис. 3). К числу более редких находок принадлежит происходящий из Керчи деревянный гребешок, украшенный в центре надписью, выполненной в технике ажурной резьбы: «Дар сестре».

Из дерева часто делались головные булавки — шпильки, иногда с позолоченными головками.

Встречаются деревянные веретена с деревянными же пряслицами.

В одном из самых богатых керченских погребений, так называемом кургане «Царицы с золотой маской» III в. н. э., найдено деревянное веретено, обтянутое золотым листом. В ряде погребений были найдены плетеные из прутьев корзинки, наполненные орехами, каштанами и рожками.

Дерево находило себе применение и в сапожном производстве; в Эрмитаже хранится деревянная подошва от сандалии (рис. 4). Из дерева делались иногда детские игрушки; любопытная игрушка — маленький горит с луком — была найдена в одном из пантикапейских погребений римского времени (рис. 5).

Несомненно, дерево широко использовалось в производстве мебели. В одном из керченских погребений II в. н. э. был найден

Рис. 2. Деревянные пиксиды I в. н. э.

круглый деревянный стол-треножник. При вскрытии гробницы верхняя часть его распалась, но значительные части от трех ножек удалось сохранить, укрепив их при помощи воска (рис. 6).[1] В Британском музее хранится также, происходящая, повидимому, из Пантикапея ножка от подобного же столика-треножника.[2] Тип такого стола-треножника прослеживается в Греции начиная с IV в. до н. э. Единственный подлинный экземпляр полной сохранности, происходящий из Египта, хранится в Брюссельском музее.[3] Ножки его имеют форму лап антилопы, в верхней части они заканчиваются головами лебедей, вырастающих из листьев аканфа. В керченских надгробных рельефах I—II в. н. э. чрезвычайно

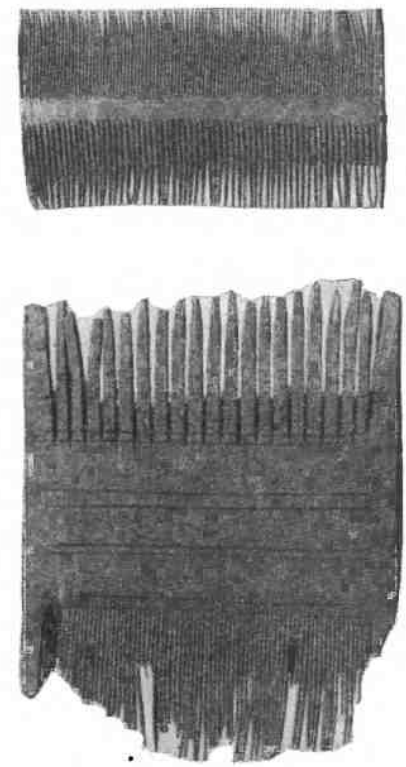

Рис. 3. Деревянные гребни.

детально изображаются и подобные столы, и постели, и кресла с высокими спинками, и другие предметы домашней обстановки,

Рис. 4. Деревянная подошва сандалии.

в производстве которых большую роль играет дерево.

Нужно полагать, что Херсонес и Ольвия были также достаточно богаты различными деревянными изделиями, но последние со-

---

[1] А. П. Иванова. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора римского времени. Гос. Эрмитаж, Труды Отд. античн. мира, I, Л., 1945, стр. 183, табл. X.

[2] G. M. A. Richter. Ancient Furniture, a History of Greek, Etruscan and Roman Furniture. Oxford, 1926, рис. 215.

[3] Там же рис. 213.

хранились несравненно хуже, чем на Боспоре, — только в виде единичных образцов гробов и саркофагов.[1]

Боспорские деревянные изделия имеют уникальное значение для истории античного художественного ремесла. Мы хорошо знаем из литературных источников о той большой роли, которую играло дерево как в материальном производстве, так и в искусстве античной Греции и Рима, но мы почти не знаем подлинных памятников деревянной

Рис. 5. Детская игрушка — деревянный горит с луком и стрелами.

резьбы. Счастливое исключение наряду с Боспорским царством представляет Абусир в Египте, где был найден ряд резных деревянных саркофагов IV—III вв. до н. э.[2]

Как показал технологический анализ[3] отдельных частей хранящихся в Эрмитаже боспорских деревянных саркофагов, они делались преимущественно из кипариса и тисса; часто применялись для отдельных деталей самшит и железное дерево, иногда встречается кизиловое дерево и кедр. На территории Керченского и Таманского полуостровов эти деревья никогда не росли, хотя в древности эта местность и не представляла собой такой голой степи, как в настоящее время. Повидимому, дерево привозили на Боспор с Кавказа.

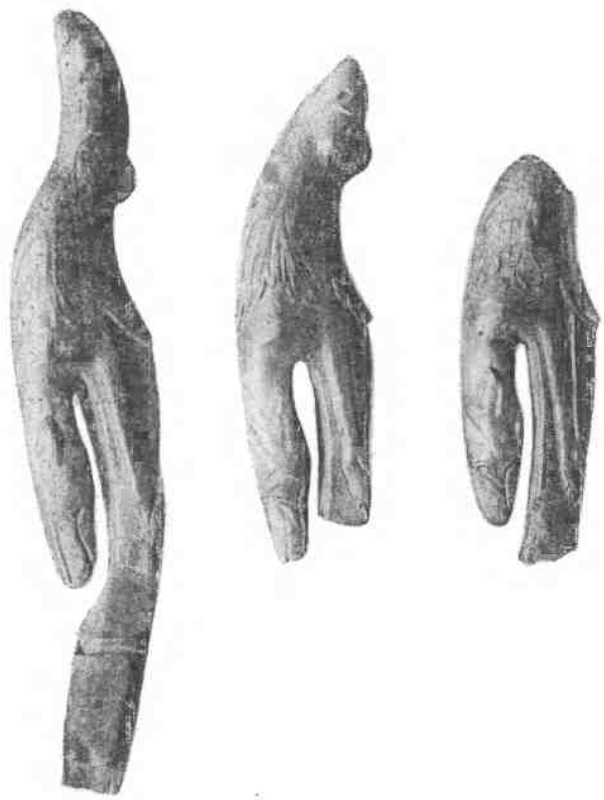

Рис. 6. Части деревянного столика-треножника, найденного в Керчи.

Интересно отметить, что кипарис, тисс, самшит и кедр были прекрасно известны древним авторам. Греки высоко ценили их крепость и прочность, но железное дерево им известно не было. Родиной железного дерева является Закавказье и Персия. Промышленное использование его, очевидно, являлось особенностью северного Причерноморья, которое опередило в этом отношении Грецию и Рим.

В крупных городах Боспора работали деревообделочные мастерские. При выполнении больших и срочных заказов, как, например, при изготовлении большого, богато украшенного саркофага, работа разделя-

[1] См., например, деревянный саркофаг из Ольвии (ИАК, вып. 3, 1902, стр. 11, рис. 3).

[2] Абусирские саркофаги опубликованы в кн.: C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexander des Grossen. Leipzig, 1905.

[3] Технологический анализ образцов древесины боспорских деревянных саркофагов, хранящихся в Гос. Эрмитаже, был произведен профессором Лесотехнической академии С. И. Ваниным.

лась между несколькими мастерами, каждому из них поручалось изготовление нескольких отдельных деталей. Мы можем предполагать, что среди работавших в этих мастерских ремесленников были греки или во всяком случае люди, хорошо освоившие греческую культуру. Об этом говорят как отдельные стилистические особенности боспорских резных изделий, так и то обстоятельство, что для определения порядка прикрепления разных украшений на саркофаг их иногда помечали буквами греческого алфавита. В то же время там работали и мастера местного происхождения, причем их навыки, вкусы и стиль накладывали свой особый отпечаток на боспорские деревянные изделия.

Большие саркофаги делались на основании моделей и образцов, которые были распространены не только в боспорских мастерских, но и в других, даже весьма отдаленных районах античного мира, как, например, в Абусире.

В распоряжении боспорских мастеров, очевидно, находился весь довольно богатый инструментарий, включавший топор, пилу, рубанок, сверло и др.

На Боспоре довольно широко пользовались также токарным станком, при помощи которого делались, например, упоминавшиеся выше пиксиды. Некоторые орнаменты резных деревянных саркофагов были также сделаны при помощи токарного станка, другие вырезаны ножом.

Доски саркофага соединялись, как правило, при помощи деревянных шипов или пиронов, которые вставлялись в пазы ножек. Отдельные резные украшения прикреплялись при помощи деревянных гвоздей, которые вставлялись в круглые дырки в стенках саркофага. Железные гвозди применялись, насколько нам известно, только для простых гробов и вообще для деревянных изделий, не имеющих художественной ценности. Отдельные украшения приклеивались. Трудно точно указать, какой именно клей применялся в северном Причерноморье. Вообще же античным деревообделочникам были известны три сорта клея: 1) клей, добываемый из бычьих шкур (ταυρόκολλα), 2) столярный клей (ξυλόκολλα) и 3) рыбий клей (ἰχθυόκολλα).

На Боспоре имеются налицо отдельные попытки консервации древесины: в одном из керченских погребений был найден саркофаг, доски которого пропитаны каким-то веществом, повидимому, для обеспечения лучшей сохранности изделия.

Декоративное убранство боспорских саркофагов отличалось исключительным богатством. Прежде всего нужно отметить деревянные резные украшения, при изготовлении которых иногда применялась ажурная резьба. Помимо резьбы, большую роль играла раскраска отдельных частей; иногда вместо резьбы основным украшением саркофага служила роспись. Несколько хорошо сохранившихся досок с росписью было найдено в кургане Куль-Оба (рис. 7). Были также случаи находки шкатулок и коробочек, украшенных росписью. Многие резные украшения были позолочены. Наряду с деревянными резными украшениями встречаются украшения из кости и отдельные металлические детали из бронзы или свинца.

Помимо росписи и резьбы, на саркофагах V—IV вв. до н. э. довольно часто применялась инкрустация, т. е. вкладка из дерева другого тона, слоновой кости или янтаря[1] (рис. 8). В качестве ценных украшений в эту эпоху встречаются и отдельные стеклянные вставки.

В I—II вв. н. э., как общее правило, преобладают более дешевые способы украшения саркофагов. Взамен инкрустации был изобретен новый технический прием украшения при помощи наклеенных тонких деревянных пластинок; иногда встречаются орнаменты (например розетка) из стружки (рис. 9). Излюбленным украшением саркофагов первых веков нашей эры являются накладные рельефные терракотовые или гипсовые фигурки и орнаменты. Саркофаги являются наиболее яркими и интересными в художественном отношении памятниками деревянной резьбы Боспора. В их числе мы находим как выдающиеся образцы греческого декоративного искусства, так и произведения местного искусства, отличающиеся большим стилистическим своеобразием.

Основная масса дошедших до нас памятников этого рода распадается на две большие группы — саркофаги конца V—начала III в. до н. э. (время Спартокидов) и саркофаги первых веков нашей эры.

В V—III вв. до н. э. деревянные саркофаги, бóльшая часть которых происходит

[1] C. Watzinger, ук. соч., № 16.

из богатых погребений боспорской знати, отличаются пышностью декоративного убранства, обилием позолоты, богатством и разнообразием орнаментации. Все это находится в полном соответствии с той исключительной «варварской» роскошью, которая свойственна погребениям боспорской знати этого времени. В этот период мы встречаем на Боспоре два основных типа саркофага, характерных для античного мира вообще: саркофаг в форме ящика, повторяющий в увеличенном масштабе форму деревянного ларца, и саркофаг с колоннами, в форме храма-жилища героизированного умершего.

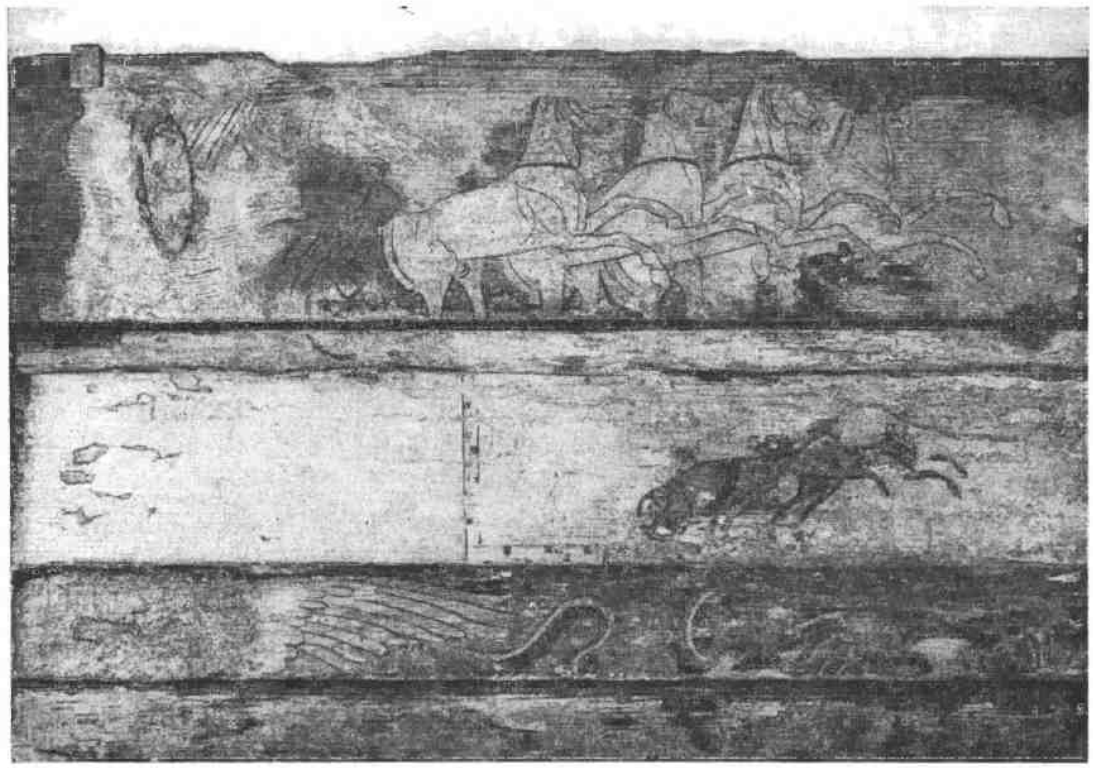

Рис. 7. Деталь расписных досок из Куль-Обы.

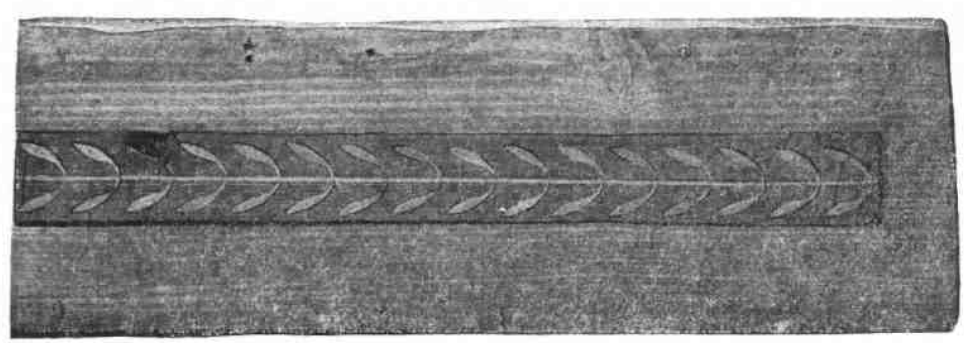

Рис. 8. Доска деревянного саркофага с инкрустацией.

Саркофаги второго типа для эпохи расцвета Боспора известны нам недостаточно, так как до нас дошли только отдельные,

разрозненные их фрагменты. Общий вид этих саркофагов должен был напоминать знаменитый мраморный саркофаг IV в. до н. э. из Сидона, известный под именем «саркофага плакальщиц». Такой саркофаг с колоннами был найден в кургане так называемой Павловской батареи близ Керчи, где была похоронена жрица Деметры.[1] Этот курган, принадлежащий к числу наиболее богатых боспорских погребений, относится к первой половине IV в. до н. э. К сожалению, от саркофага сохранились только отдельные детали резных орнаментов, колонка и три ионические капители; глазок волюты одной из этих капителей сделан из янтаря.

Фрагменты другого подобного саркофага того же периода найдены в кургане Большая Близница на Таманском полуострове.[1] Особенно интересна четырехгранная капитель, украшенная орнаментом в виде пальметок и цветов лотоса; с одной стороны капители помещена сцена борьбы зверей (грифоны преследуют лошадь); все эти изображения выполнены способом инкрустации.

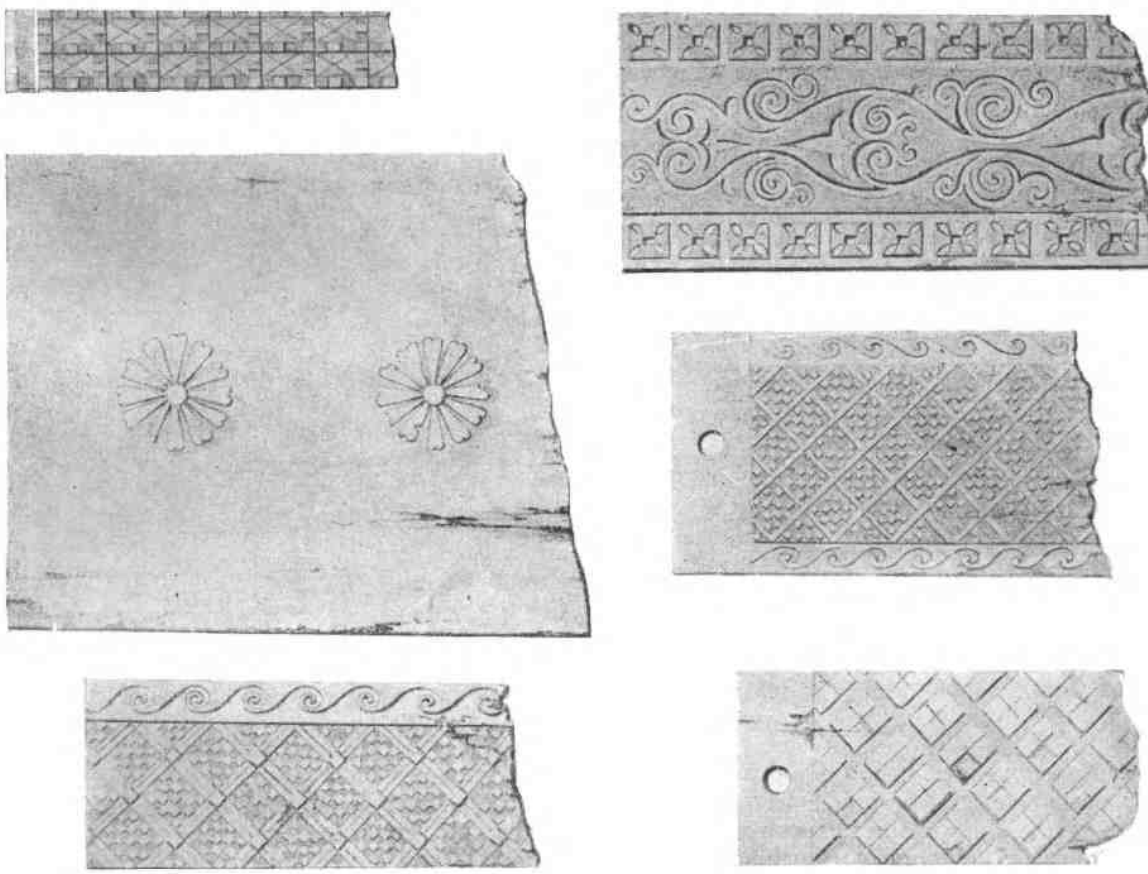

Рис. 9. Части деревянного саркофага I в. н. э. с накладным орнаментом из стружки. (Рисунок Ф. И. Гросса).

Значительно лучше сохранились некоторые саркофаги в форме ящика.

В Змеином кургане близ Керчи был найден саркофаг, сделанный в IV в. до н. э. по более старой модели, относящейся еще к последней четверти V в. до н. э. (рис. 10—11).[2] Он дает нам возможность судить

[1] ОАК за 1859 г., стр. 29, виньетка. — C. Watzinger ук. соч., стр. 45 (№ 26).

[1] ОАК за 1865 г., табл. VI. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 47 (№ 28).

[2] А. Б. Ашик. Боспорское царство, III. Одесса, 1849, рис. CCXII. — ДБК, табл. LXXXI—LXXXII. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 40 (№ 18).

о наиболее древнем из известных нам типов саркофага-ящика. Нужно отметить, что в декоративном убранстве саркофага-ящика значительную роль играют архитектурные мотивы. Саркофаг Змеиного кургана имеет форму прямоугольного ящика. Насколько можно судить по аналогии с другими подобными памятниками, он был перекрыт двускатной крышкой, которая до нас не дошла. Не дошли до нас и позолоченные кариатиды в виде обнаженных женских фигур, находившиеся по углам саркофага, стилистически к аттическим скульптурам последней четверти V в., и резной позолоченный орнамент (рис. 11).

В IV и начале III в. до н. э. наиболее широкое распространение на Боспоре получает другой тип саркофага-ящика, форма которого связана с формой деревянного ларца: это прямоугольный саркофаг на четырех более или менее высоких ножках, с двускатной крышей; стенки обычно украшены вставленной в среднюю их часть узкой доской, окрашенной, как правило, в розо-

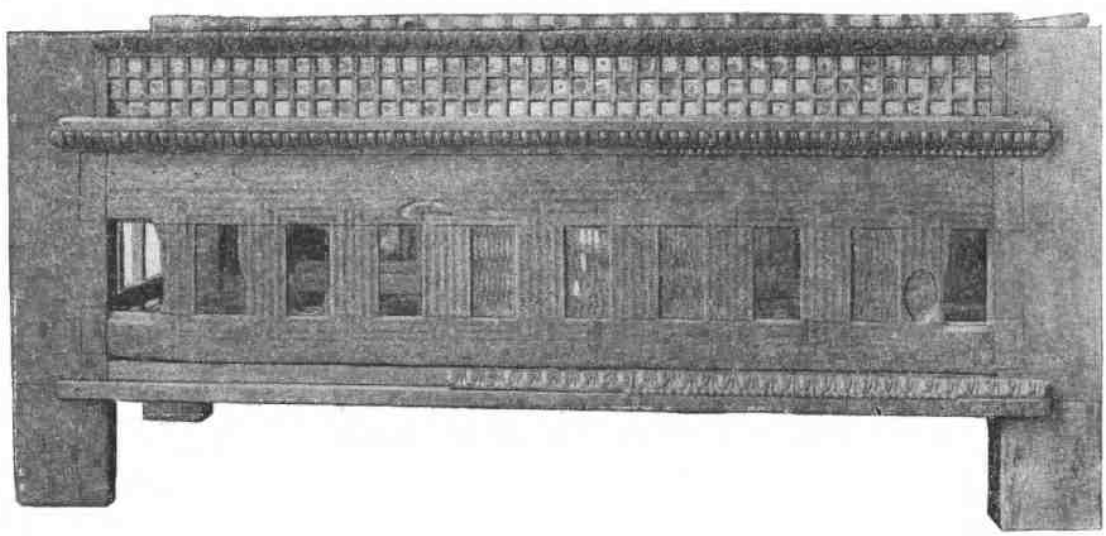

Рис. 10. Продольная стенка саркофага из Змеиного кургана.

как об этом сообщает обнаруживший его археолог А. Б. Ашик.[1] Архитектурная орнаментика занимает значительное место на саркофаге Змеиного кургана: мы встречаем тут овы, киматии, ряд пальметок, жемчужную нить. Центральная часть стенок построена по принципу дорического фриза из триглифов и метоп: она украшена вставленными через определенные промежутки тонкими пластинками дерева, орнаментированными инкрустацией из слоновой кости в форме ромбов и чешуйчатого орнамента; большая часть инкрустации утрачена — сохранились пустые гнезда и незначительные остатки заполняющих их пластинок слоновой кости. На одной из боковых стенок помещены резные позолоченные рельефы, изображающие Аполлона и Геру, близкие

[1] А. Б. Ашик, ук. соч., стр. 87.

вый или красный цвет, к которой прикреплены резные украшения. Этот тип саркофага не является исключительно боспорским; такой же саркофаг был найден в Ольвии. Целая серия таких же саркофагов происходит из Абусира в Египте.

Прекрасно сохранившийся саркофаг этого типа был найден в 5-м кургане из цепи курганов Юз-Оба близ Керчи,[1] служившем некрополем боспорской знати. Саркофаг играл по существу роль футляра, в котором заключался второй внутренний прямоугольный гроб без крышки, с высоко поднятым полом, на котором лежал покойник так, что он был хорошо виден, если

[1] ОАК за 1860 г., табл. VI. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 35 (№ 10), рис. 63.

открыть крышку наружного саркофага[1] (рис. 12).

Любопытно устройство крышки саркофага из Юз-Обы: на гребне ее был устроен своеобразный шарнир из ряда цилиндрических деревянных петель, уложенных на продольном желобе (рис. 13). Для точного определения порядка сборки все петли по-

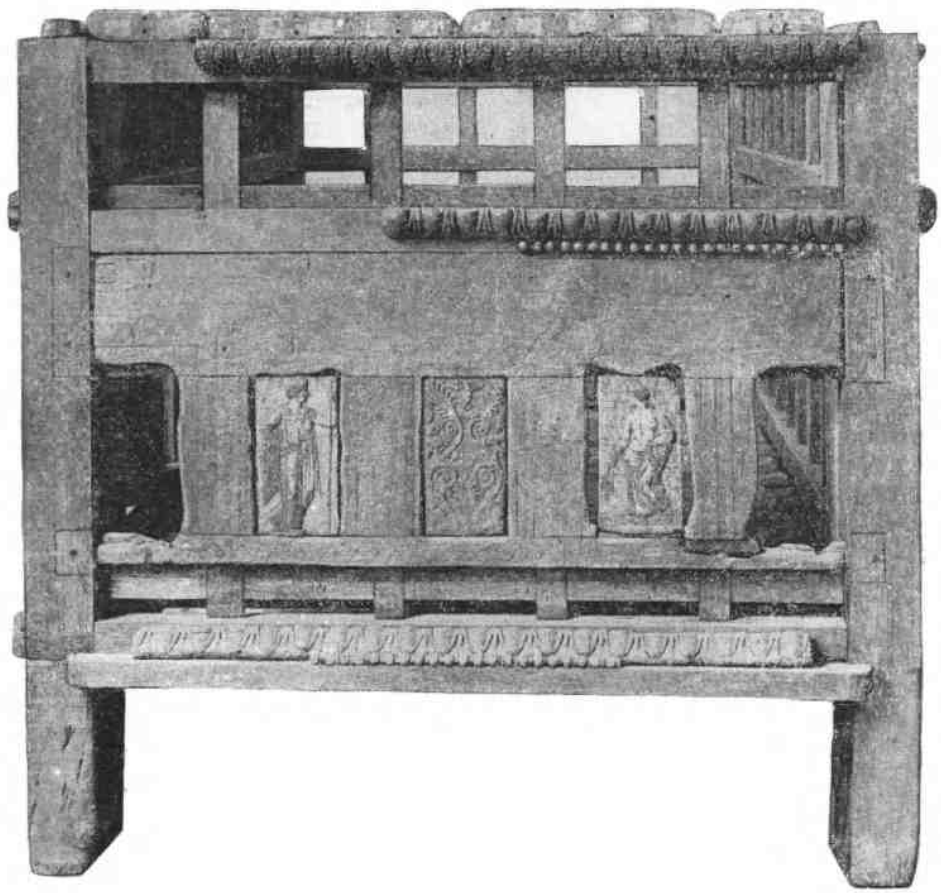

Рис. 11. Боковая стенка саркофага из Змеиного кургана.

мечены буквами греческого алфавита. Такое же устройство крышки встречается и на абусирских саркофагах.[2]

В той же цепи курганов Юз-Оба, в последнем из них, заключавшем в себе погребение воина, датирующееся первой половиной IV в. до н. э., был найден саркофаг того же типа, что и описанный выше саркофаг из 5-го кургана.[1] Он также играл роль чехла или футляра,[2] внутри которого заключался каменный помост; на этом каменном помосте находилось деревянное ложе, на котором и лежал остов воина. К сожалению, от этого саркофага до нас дошли только окрашенные в розовый цвет узкие доски, к которым были прикреплены резные позолоченные фигурки, изображавшие сцены борьбы зверей; эти фигурки также частично сохранились, но в сильно поврежденном состоянии. На досках видны греческие буквы, указывающие места прикрепления резных фигурок.

Описанный тип саркофага в форме ящика сохраняется в III в. до н. э., но его декоратив-

[1] Это наблюдение было сделано научным сотрудником Гос. Эрмитажа М. П. Ваулиной.

[2] C. Watzinge ук. соч., стр. 70, рис. 127.

[1] ДБК, табл. LXXXIV, рис. 2, *a*, *b*, *c*. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 38 (№ 14).

[2] См. рапорт А. Б. Ашика Керчь-Еникальскому градоначальнику от 20 февраля 1839 г. (Архив Гос. Эрмитажа, дело № 9, 1837—1842 гг., ч. II).

ное оформление становится значительно более роскошным. К этой эпохе относится саркофаг, найденный в богатом женском погребении в станице Благовещенской близ Анапы[1] (рис. 14). Это такой же прямоугольный ящик, как юзобский, со вставленными в середину стенок узкими досками, окрашенными в ро-

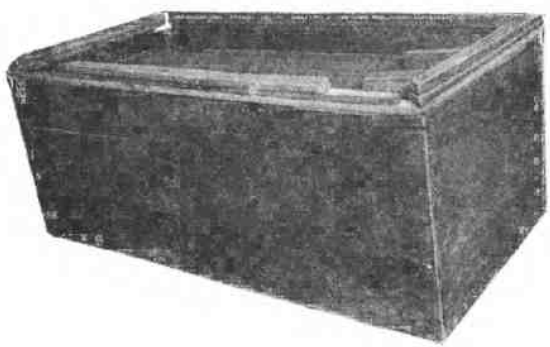

Рис. 12. Внутренний саркофаг. Юз-Оба.

зовый цвет. К ним были прикреплены резные позолоченные фигурки нереид, везущих оружие Ахиллу. На каждой длинной стороне находилось по семь таких фигурок, на каждой короткой — по три. Ножки саркофага покрыты резным позолоченным растительным орнаментом. Саркофаг был увен-

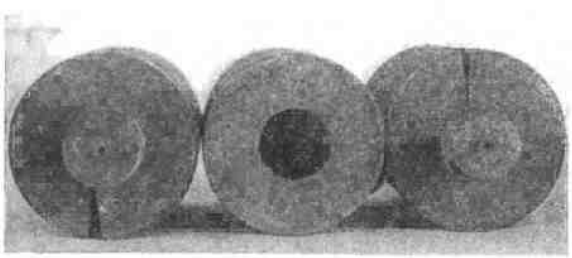

Рис. 13. Цилиндрические деревянные петли саркофага из Юз-Обы, помеченные греческими буквами.

чан двускатной крышей, в настоящее время утраченной; зато сохранились миниатюрные резные позолоченные фигурки воинов, служившие украшением крышки (рис. 17).

Резные фигурки анапского саркофага принадлежат к числу наиболее интересных памятников не только боспорской деревянной резьбы, но и боспорского искусства в целом. Они показывают с большой яркостью, как местный боспорский художник, работая по греческим образцам, умел проявить свою творческую самостоятельность и своеобразно их передать.

Нереиды, везущие оружие Ахиллу, — сюжет, очень популярный в античном искусстве. Нереиды едут на морских чудовищах и везут Ахиллу, кто щит, кто меч, кто шлем, кто поножь. Морские чудовища, везущие нереид, хорошо знакомы греческой мифологии и греческому искусству; мы видим тут морских драконов, тритонид — женщин с рыбьими хвостами (иногда у них имеются еще крылья, прикрепленные на месте перехода человеческого туловища в рыбий хвост) и морских кентавров, или тритонов, — существ с человеческим туловищем, конскими передними ногами и рыбьим хвостом.

Фигурки сделаны по эллинистическим образцам. В некоторых фигурках мы видим характерные для эллинистического искусства изысканные, стройные пропорции женских фигур, грацию поз и движений, сложный разворот фигур в пространстве, прихотливую игру линий как в расположении складок одежд, так и в сложном рисунке загнутого кольцами рыбьего хвоста тритониды.[1]

Все те особенности эллинистического стиля, которые отмечены выше, отсутствуют у других фигур, не обладающих такой изысканностью и стройностью, они более тяжелы и приземисты, композиция совершенно плоскостна.[2] Местный мастер, делавший эти группы, тоже имел перед глазами эллинистический оригинал, но он не понял его основного характера. Не понял он его не потому, что был плохим мастером, а потому, что он был воспитан в традициях более примитивного местного искусства; эллинистическая художественная культура оставалась ему чуждой.

Более точно передан эллинистический оригинал в группе нереиды на морском драконе, везущей щит[3] (рис. 15). Но лицо нереиды с резкими, неправильными чертами совершенно не соответствует античным нормам красоты. Поражает также несвойственная греческому искусству большая резкость

[1] ОАК за 1882—1888 гг., стр. XX—XXXI, Приложение, стр. 47 и сл., табл. III, IV, V и рис. в тексте. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 36 (№ 12), рис. 64.

[1] ОАК за 1882—1888 гг., табл. III, *1*.
[2] Там же, табл. III, *2*.
[3] Там же, табл. IV, *1*.

в трактовке отдельных деталей, например волос. Все эти особенности можно заметить, только внимательно всматриваясь в фигурку. Она, конечно, не предназначалась для такого длительного и пристального разглядывания: это декоративная вещь, рассчитанная на общее впечатление при беглом на нее взгляде. Нельзя не отдать справедливости боспорскому резчику по дереву; искажая греческий оригинал, он вместе с тем нашел В греческом искусстве мы ничего подобного не знаем. Приходится снова подчеркнуть, что эта суммарность и обобщенность трактовки нисколько не снижают выразительности движения. Мастер, сумевший несколькими штрихами добиться такой живости и яркости общего впечатления, был несомненно большим художником.

Подводя итоги тому, что нам известно о деревянной резьбе эпохи расцвета Боспора,

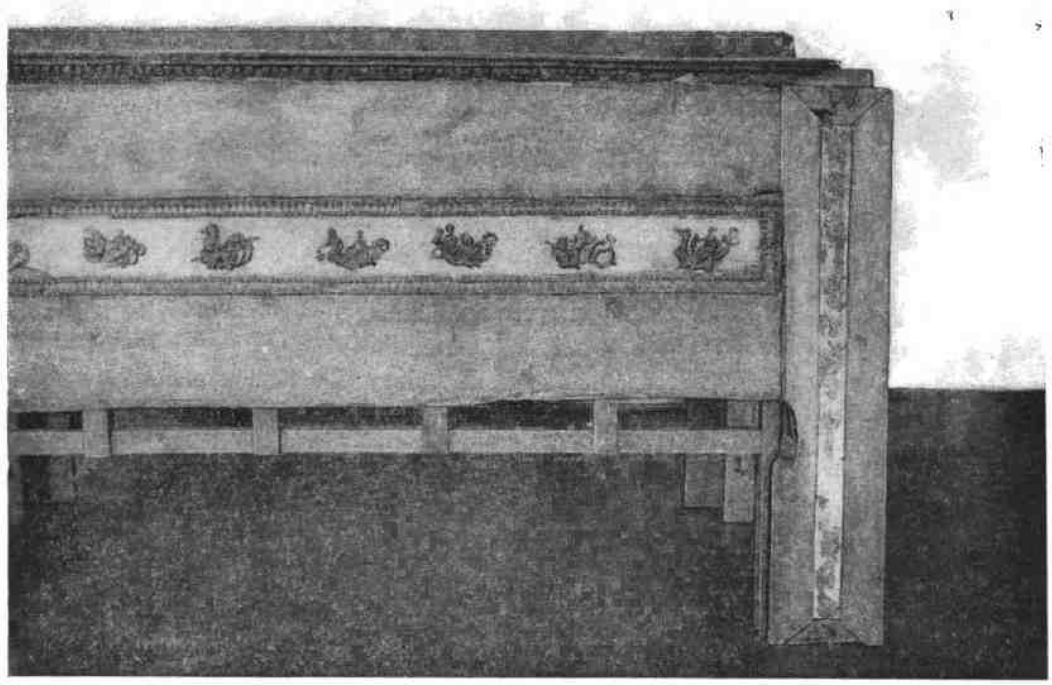

Рис. 14. Саркофаг III в. до н. э., найденный близ Анапы.

новые приемы решения своей декоративной задачи, и его своеобразная манера резьбы нисколько не ослабляет остроты характеристики.

Те же характерные приемы резьбы могут быть отмечены в группе нереиды на морском кентавре, везущей щит [1] (рис. 16).

Очень интересны также фигурки воинов с крыши того же саркофага (рис. 17):[2] они даны в живом движении, но при этом трактованы крайне суммарно, детали почти не проработаны, формы сильно обобщены. Эти особенности нужно также рассматривать как местные боспорские художественные приемы.

можно сказать, что в период с конца V по III в. до н. э. это искусство стояло в Боспорском государстве на большой высоте; в его развитии значительную роль сыграли греческие модели и образцы, а также, очевидно, и греческие мастера, работавшие на Боспоре, но в ряде случаев местные мастера подвергали греческие образцы переработке на свой лад, утверждая в искусстве свои художественные приемы. С особенной яркостью творчество местных мастеров и местный боспорский стиль в деревянной резьбе проявили себя в первые века нашей эры, когда, после глубоких потрясений II—I вв. до н. э. (восстание рабов под предводительством Савмака и митридатовские войны), Боспорское царство

[1] ОАК за 1882—1888 гг., табл. III, *4*.
[2] Там же, табл. V, *5—8*.

вступило в полосу нового экономического и культурного подъема, связанного со значительным усилением роли местного населения во всех областях его жизни.

В это время на Боспоре получает особенно широкое распространение тип саркофага в форме храма, с колоннами или пилястрами. Не исключена возможность того,

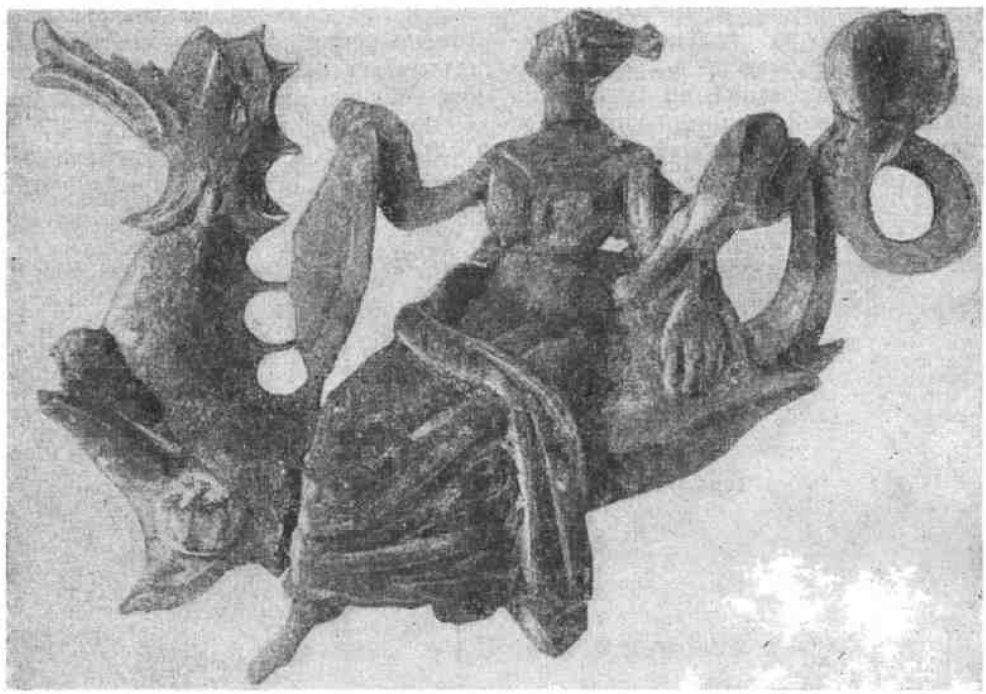

Рис. 15. Нереида на морском драконе, везущая щит.

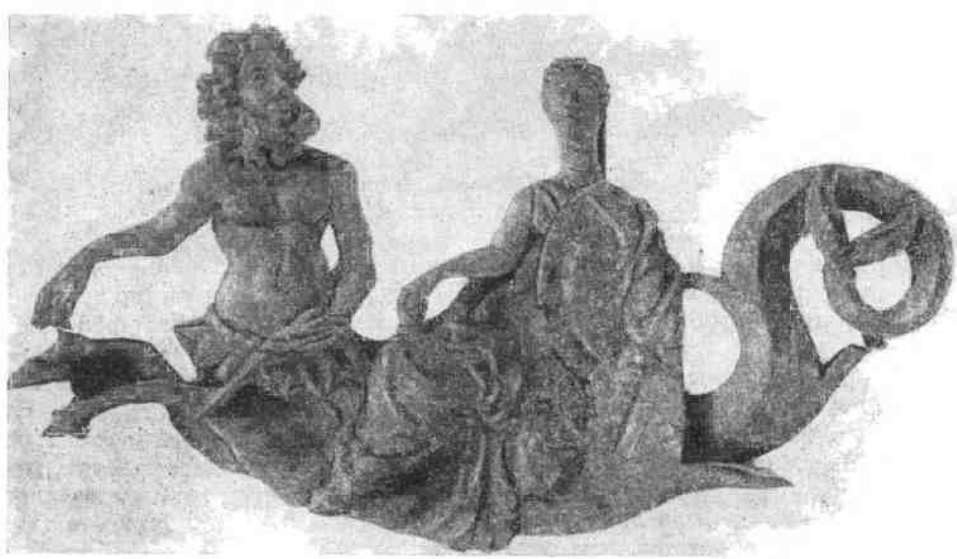

Рис. 16. Нереида на морском кентавре, везущая щит.

что Боспор испытал на себе в этом отношении влияние Малой Азии, где в это время тип саркофага с колоннами получил блестящее развитие.

В I в. н. э. был распространен саркофаг чисто архитектурного типа, в форме небольшого храмика с двускатной крышей, все четыре стенки которого украшены арками, покоящимися на пилястрах. В Эрмитаже имеется прекрасно сохранившийся саркофаг этого типа, найденный в 1910 г. в женском погребении в окрестностях Керчи (рис. 18).[1] В этом сравнительно простом и скромном погребении женщины, принадлежавшей к средним слоям городского населения Пантикапея, была найдена плетеная из прутьев корзинка с орехами, каштанами и рожками (рис. 19), которые должны были, по верованиям боспорцев, служить пищей покойнице, а также ряд характерных предметов женского обихода: деревянное веретено с остатками шерсти и две цилиндрические деревянные коробочки — пиксиды (рис. 2), в одной из них сохранились румяна.

Нужно отметить одну любопытную особенность этого саркофага: его крышка была прибита к стенкам деревянными гвоздями; зато одна из боковых стенок легко вынималась и служила дверкой, через которую вдвигался открытый внутренний гроб с покойником.

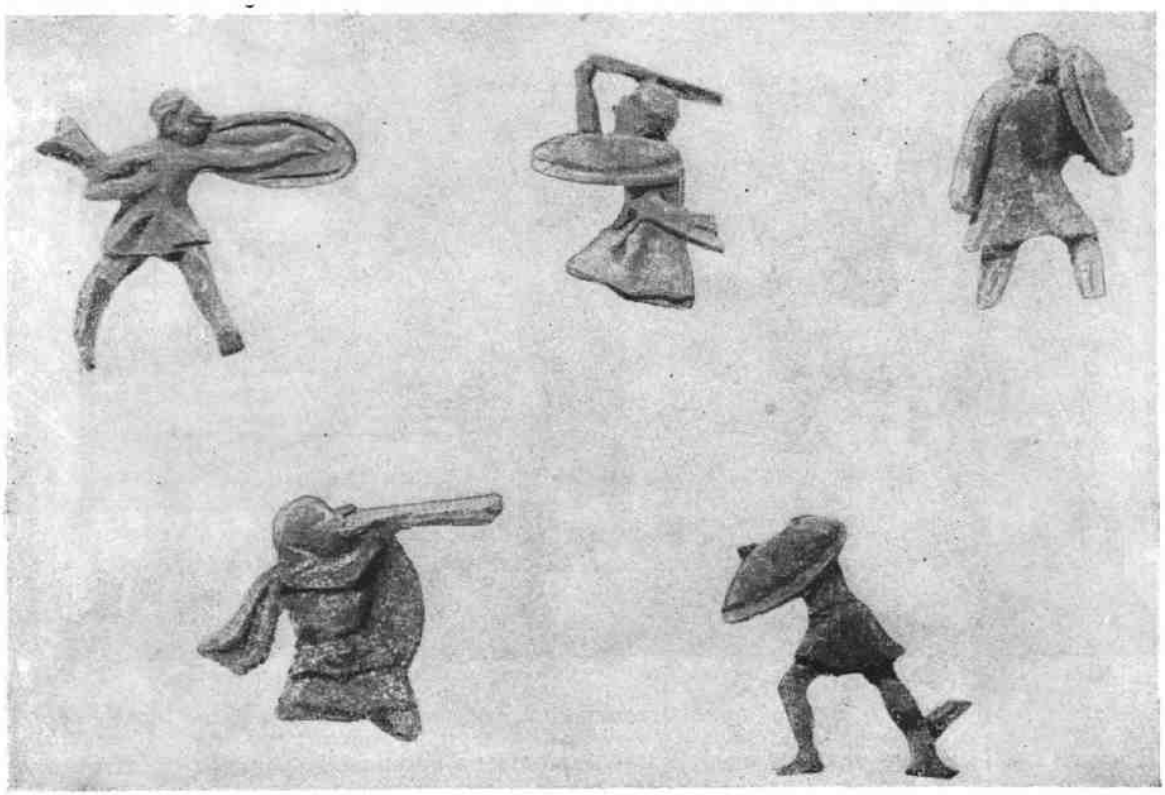

Рис. 17. Деревянные резные фигурки воинов. Анапский саркофаг.

Встречаются также на Боспоре в I—II вв. н. э. саркофаги, стенки которых украшены не пилястрами, а каннелированными полуколоннами. Арки не являются строго обязательной принадлежностью саркофагов этого типа.

Не всегда боспорские саркофаги этого времени ограничивались чисто архитектурной декорацией. Очень часто между колоннами или пилястрами помещались резные или накладные из другого материала украшения.

[1] ИАК, вып. 47, 1913, стр. 51, № 28. — А. П. Иванова, ук. соч., стр. 170 и сл., табл. IX.

В 1928 г. на горе Митридат был найден детский саркофаг начала I в. н. э., украшенный плоскими пилястрами, между которыми помещены розетки из стружки и видны следы резных украшений. Такие саркофаги были известны и ранее. Остатки саркофага с подобной орнаментацией были открыты на горе Митридат в 1872 г. (рис. 9).

линии, которые можно понять как ленты от этих венков.

Нужно отметить также ажурную резьбу как один из приемов украшения саркофагов, распространенный во II в. н. э.

В Керчи было найдено два саркофага II в. н. э. с колоннами и гипсовыми прилепами, верхняя часть стенок которых была

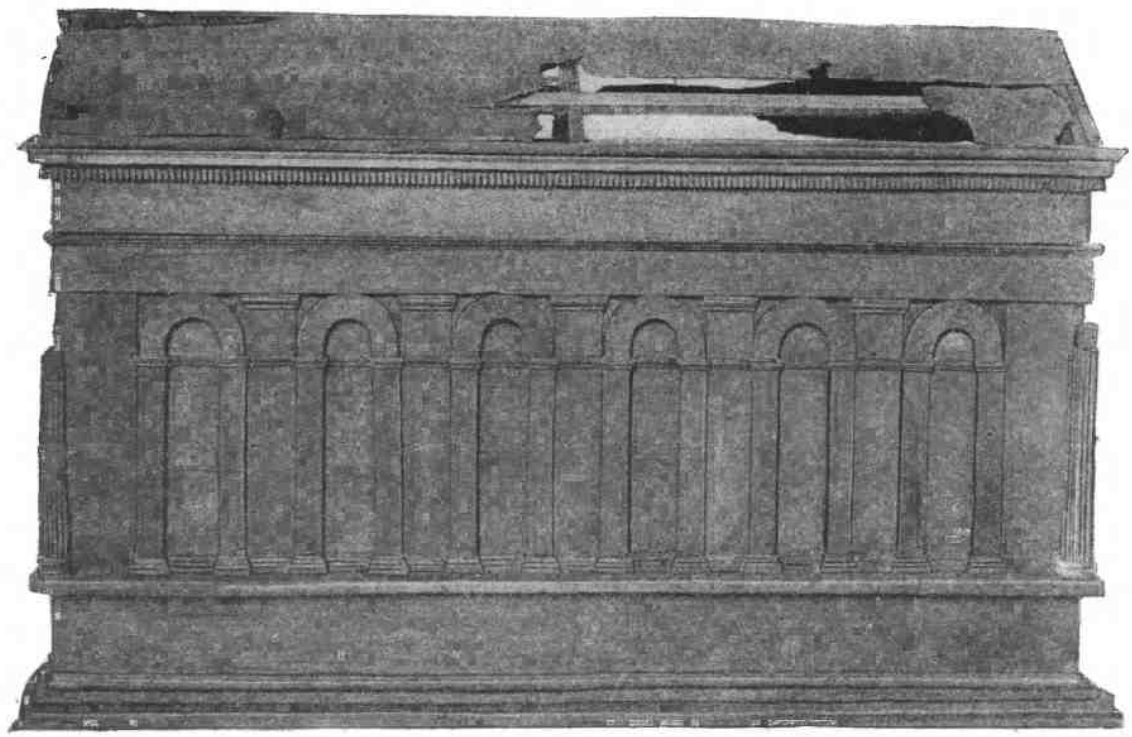

Рис. 18. Саркофаг I в. н. э. в форме храма из женского погребения, открытого в 1910 г. близ Керчи.

В конце I и II в. н. э. входят в моду накладные гипсовые и терракотовые рельефы, ярко и пестро раскрашенные, которые помещались на стенках саркофагов между колоннами.

В отдельных случаях накладные гипсовые украшения сочетались с росписью. В Эрмитаже имеется саркофаг с довольно хорошо сохранившимися следами росписи белой и черной краской.[1] На стенке видны выцарапанные по циркулю двойные круги, указывающие, повидимому, на то, что там были прикреплены гипсовые венки. Рядом с этими кругами видны извилистые черные

украшена ажурными рельефами. Эти ажурные рельефы представляют исключительный интерес как памятники местной боспорской деревянной резьбы. Если в творчестве местных мастеров более раннего времени наблюдаются своеобразные художественные приемы, то здесь можно говорить о сложившемся местном стиле.

От одного из этих саркофагов, открытого в Керчи в 1889 г., сохранились только отдельные разрозненные рельефы, изображающие лошадь, на которую нападают волки, собак, пантеру, а также персонажи из античной мифологии — кентавров, пегаса, гиппокампа; один из рельефов изображает цирковую сцену: бестиарий поражает копьем поднявшегося на задние ноги льва.

[1] А. П. Иванова, ук. соч., табл. XI.

От второго саркофага, найденного также в Керчи в 1900 г., сравнительно хорошо сохранились четыре доски с ажурными рельефами. На поперечных стенках саркофага было помещено по одному ажурному рельефу: один из них изображает бестиария,[1] поражающего копьем льва, другой — группу противопоставленных друг другу грифона и быка. Рельефы заключены в прямоугольные рамки. На продольных стенках было помещено по семь ажурных рельефов, разделенных узкими гладкими простенками. Рельефы продольных стенок изображают пантеру, кентавра, группу ниобид, двух гениев над погребальным венком, двух юношей, стоящих по сторонам большой вазы, льва, бегущего оленя под деревом. Некоторые из этих сюжетов непосредственно связаны с заупокойным культом и часто использовались при украшении античных саркофагов; так, например, миф о внезапной трагической гибели ниобид обычно изображался на саркофагах людей, умерших скоропостижно. Но многие рельефы, как, например, изображение кентавра, носят чисто декоративный характер.

На рельефах сохранились довольно значительные следы раскраски: глаза передаются черной краской на одеждах ниобид сохранились следы белой и голубой краски. В те же цвета были окрашены и гипсовые украшения, которые были помещены между колоннами саркофага, ниже ажурных рельефов. Ажурные рельефы были, очевидно, прикреплены к какому-то окрашенному фону, на котором четко выделялись их силуэты. Весь саркофаг в целом должен был производить впечатление своей яркой красочностью и декоративностью.

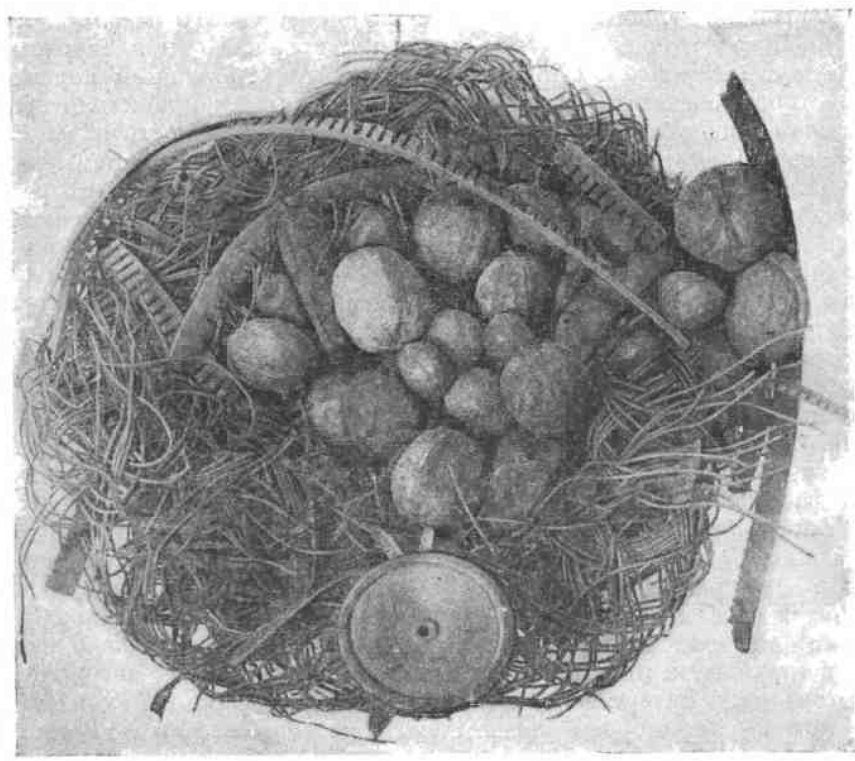

Рис. 19. Корзинка с орехами, каштанами и рожками из женского погребения I в. н. э. с деревянным саркофагом в форме храма.

Преимущественно декоративный характер рельефов сказывается в строго уравновешенной композиции продольной доски: первому слева рельефу, изображающему пантеру, иду-

[1] Так назывались люди, преимущественно рабы, принимавшие участие в звериных травлях в римском цирке.

щую вправо, соответствует соседний рельеф с изображением кентавра влево; в правой части доски такое же соответствие замечается между львом, идущим вправо, и оленем, бегущим влево. Строгая уравновешенность характерна и для композиции отдельных рельефов. В рельефе с оленем (рис. 20, *а*) левый верхний угол занимает голова оленя, правый верхний угол—вершина дерева; дерево наклонено влево, голова оленя повернута вправо — таким образом и голова оленя и вершина дерева обращены к центру и уравновешивают друг друга. В рельефе с ниобидами (рис. 20, *б*) строгое соответствие достигается расположением плащей брата и сестры. Рельеф с изображением двух гениев над венком и рельеф, изображающий юношей у вазы, построены строго симметрично.

Некоторые из ажурных рельефов изображают мифологические сюжеты и делались они по греческим образцам. Но все эти греческие образцы подверглись своеобразной переработке боспорским мастером. Характер этой переработки с особенно большой яркостью можно проследить в рельефе с ниобидами; раненый брат падает на одно колено, причем ноги его видны в профиль, а торс и голова в фас; то же у поддерживающей его сестры. Таким образом, обе фигуры остаются в одной плоскости. Этого не могло быть в греческом оригинале; несомненно, что там фигуры были изображены в стремительном движении, которое должно было быть развернуто в трехмерном пространстве. Боспорского мастера мало интересовал драматизм и психологическая сторона греческого мифа, он подошел к этой сцене, как к чисто декоративной композиции. Поэтому обе фигуры у него застыли в условной неподвижности. За спинами брата и сестры развеваются раздуваемые ветром плащи. Этот мотив часто встречается в античном искусстве; смысл его заключается в том, чтобы подчеркнуть стремительное движение. Но в руках боспорского мастера II в. н. э. мотив стремительного движения превратился в орнаментальную схему: складки плащей расположены в одной плоскости, складки плаща сестры даны в строго симметричном рисунке, конец плаща брата декоративно загнут кверху.

Плоскостность в композиции фигур — отличительный признак стиля ажурных рельефов. Характерна в этом отношении условная поза быков первого саркофага — их головы повернуты в фас, в то время как туловище изображено в профиль.

Плоскостностью отличается трактовка фигур людей и животных. Совершенно отсутствует моделировка поверхности, детали передаются условной врезанной линией. С этим связана и крайняя обобщенность форм; черты человеческих лиц иногда приближаются к простейшим геометрическим формам.

Все эти примитивные черты ажурных рельефов чужды греко-римскому искусству этого времени. Но для творчества местных боспорских художников первых веков нашей эры они крайне характерны. Декоративность, плоскостность и условные приемы изображения хорошо знакомы нам, например, по боспорским надгробным рельефам этой эпохи. Многочисленные стилистические аналогии находят наши ажурные рельефы также в декоративных росписях пантикапейских гробниц I—II вв. н. э.: там можно найти сходные фигуры животных, неоднократно повторяется тот же характерный тип человеческой фигуры, как и на наших саркофагах, — несколько приземистый, с большой головой, широким овалом лица и широко раскрытыми черными глазами.

В то же время необходимо отметить некоторые отдельные сцены, в трактовке которых обнаруживается реалистическая тенденция, стоящая в противоречии с господствующим в деревянной резьбе Боспора I—II вв. н. э. условным стилем. Большой живостью отличается рельеф, на котором изображены волки, нападающие на лошадь. Чрезвычайно своеобразен рельеф того же саркофага с изображением бестиария (рис. 21). Трактовка тела бестиария крайне примитивна, поражают резкие анатомические неправильности, которые в других рельефах не встречаются: правая рука не имеет суставов, правая нога не имеет колена, икра ее слишком утолщена, ступни слишком коротки и толсты. В то же время характеристика головы отличается реалистическими чертами, несвойственными остальным рельефам: длинные, густые, беспорядочно лежащие волосы, борода и неправильные, резко обозначенные черты лица передают местный этнический тип. Вместе с этим в лице имеются некоторые неправильности, которые вряд ли объясняются только неумелостью мастера; скорее, они говорят о его стремлении оживить лицо и придать ему выразительность. Лицо асимметрично: рот посажен криво, глаза не одинаковы, причем

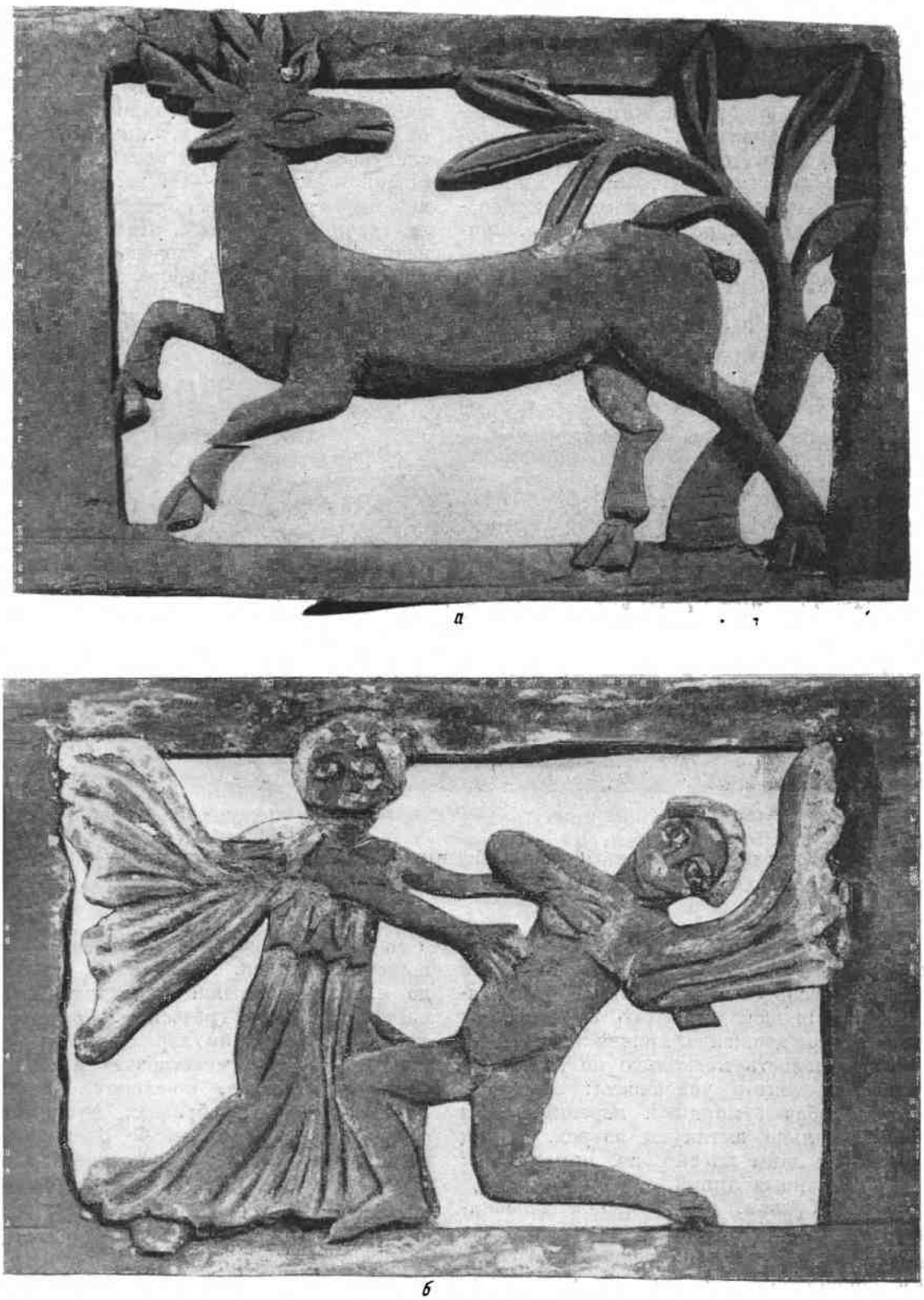

Рис. 20. Ажурные рельефы саркофага II в. н. э., найденного в Керчи в 1900 г.
а — олень под деревом; *б* — дочь Ниобы, поддерживающая раненого брата.

левый расположен несколько ниже правого. Рельеф этот является работой местного мастера, совершенно не затронутого эллинизацией. В его творчестве интересна реалистическая направленность, стремление передать живую действительность при помощи тех примитивных средств, которыми он владеет.

К числу интереснейших памятников боспорской деревянной резьбы II в. н. э. принадлежит упоминавшийся выше столик-треножник (рис. 6). Его ножки украшены изо-

стической тенденции наряду с господствующим условным декоративным стилем.

Изучение найденных на Боспоре деревянных изделий, относящихся ко времени от V в. до н. э. по II в. н. э., позволяет сделать следующие выводы. В боспорском художественном ремесле V—III вв. до н. э. и первых веков нашей эры обработка дерева играла значительную роль. На Боспоре несомненно существовали деревообделочные мастерские, в которых работали как греки, так

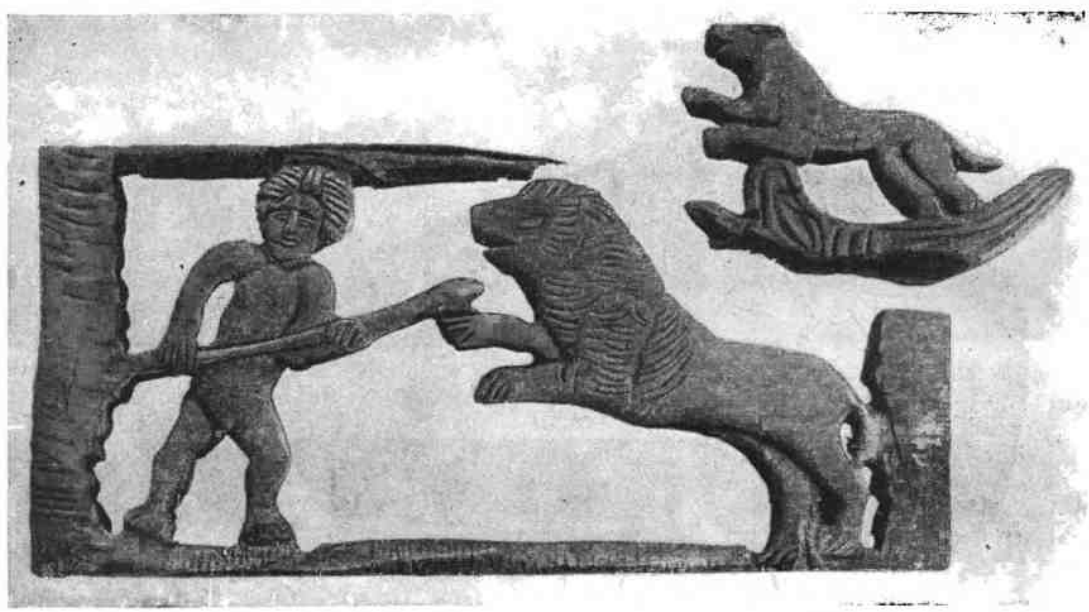

Рис. 21. Ажурный рельеф с изображением бестиария, принадлежащий деревянному саркофагу, найденному в Керчи в 1883 г.

бражением охотничьих собак, выскакивающих из аканфовых листьев. В изображении собак интересно сочетание условности и реализма: с большой живостью передано их стремительное движение, причем эта живость и стремительность нисколько не теряют от наличия элементов условности: острые и длинные собачьи морды и передние лапы слишком сильно вытянуты вперед, детали голов собак даны плоскостно, при помощи резких врезанных линий.

Таким образом, в боспорской деревянной резьбе I—II вв. н. э. ведущую роль играет местный стиль. Основным достижением боспорских мастеров этого периода следует признать высокое декоративное мастерство. Нужно отметить наличие реали-

и мастера местного происхождения. В большинстве случаев, особенно в V—III вв. до н. э., боспорские деревянные изделия изготовлялись по греческим образцам и носят чисто греческий характер. Но в то же время дает себя чувствовать и творчество местных мастеров, по-своему перерабатывающих греческие образцы. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора можно проследить уже в эллинистическое время; в первые века нашей эры этот стиль становится господствующим. Памятники боспорской деревянной резьбы имеют огромное значение как для истории античного искусства в целом, так и для изучения художественного творчества местных мастеров северного Причерноморья.

ГИПСОВЫЕ ПРИЛЕПЫ БОСПОРСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ САРКОФАГОВ

Как было упомянуто выше, из наиболее распространенных способов украшения боспорских деревянных саркофагов I—II вв. н. э. были ярко и пестро раскрашенные гипсовые и терракотовые рельефы, прикреплявшиеся в простенках между колоннами. Из гипса сплошь и рядом делались капители и базы колонн, а также угловые акротерии, помещавшиеся на крышке саркофага.

Такое широкое использование гипса как одного из самых излюбленных материалов мелкой декоративной пластики, в частности массовое производство гипсовых рельефов-прилепов, является одной из местных особенностей боспорского художественного ремесла первых веков нашей эры.

В числе гипсовых прилепов встречаются довольно разнообразные орнаменты — шишечки, балясинки, венки, пальметки и другие мотивы растительной орнаментики. Не менее распространены головы и фигуры животных — быков, львов, дельфинов, птиц, а также людей, чаще всего изображения мифологических сюжетов и персонажей.

Было бы большой ошибкой думать, что гипсовые прилепы помещались на саркофагах с чисто декоративной целью. Несомненно, бóльшая часть из них имела религиозно-символическое значение, связанное с представлениями о загробном мире. Очень часто гипсовые прилепы помещались на саркофаг с магической апотропаической целью, т. е. они должны были охранять покой умершего и устрашать всякого, кто захочет его потревожить. Так как в это время на Боспоре неоднократно имели место случаи ограбления гробниц, то родственники умершего считали необходимым помещать в гробницах всякого рода амулеты, апотропаические изображения или писать на стенах гробниц заклинания и проклятия по адресу возможных грабителей.

Часто встречается среди гипсовых прилепов изображение женской полуфигуры, ноги которой переходят в растительные побеги. Это довольно широко распространенный в античном декоративном искусстве образ богини растительности и плодородия. В северном Причерноморье этот образ имел особое значение. Сплошь и рядом можно видеть такие изображения, где ноги женщины заканчиваются не растительными побегами, а туловищами змей или драконов. Следовательно, этот традиционный мотив античного декоративного искусства был осмыслен в северном Причерноморье как образ скифской змееногой богини, женщины-змеи— родоначальницы скифов (согласно легенде, рассказанной Геродотом, скифы произошли от брака Геракла с женщиной-змеей).

Другой излюбленный сюжет гипсовых прилепов — изображение Эрота на дельфине (рис. 22), лебеде или голубе. Эрот в греческой мифологии — не только легкомысленный божок любви, но и божество смерти. Поэтому изображение Эрота в качестве украшения саркофагов вполне закономерно. Чаще всего, повидимому, фигурки эротов украшали детские саркофаги. В одном детском

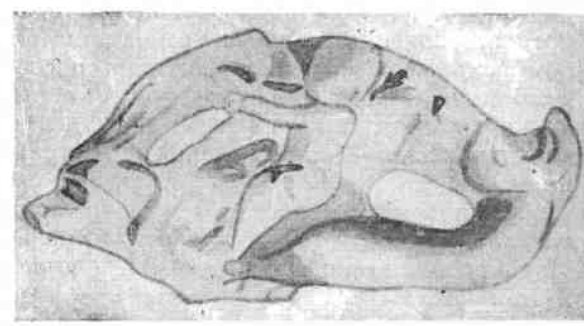

Рис. 22. Эрот на дельфине. Гипс.

погребении I в. н. э. в Керчи была найдена целая гипсовая статуэтка Эрота — интересный памятник боспорской малой скульптуры.[1]

Популярность образа Эрота в боспорском художественном ремесле была связана также и с тем обстоятельством, что Эрот — спутник Афродиты, одной из наиболее почитаемых на Боспоре богинь.

Чрезвычайно интересными памятниками боспорского художественного ремесла являются многочисленные гипсовые и терракотовые прилепы, изображающие миф о гибели ниобид. Они могут служить ярким примером своеобразной переработки греческих художественных образцов местными боспорскими мастерами.

Акад. С. А. Жебелев в своем исследовании «Пантикапейские ниобиды», сопостав-

[1] Н. П. Кивокурцев. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота. СА, VII, 1941, стр. 180 и сл., рис. 1.

ляя керченские рельефы с глиняными фигурками ниобид, найденными в южной Италии, отмечает большую драматизацию сюжета в пантикапейских фигурках.[1]

Как доказал в той же работе С. А. Жебелев, некоторые из пантикапейских фигурок ниобид восходят к образцам V в. и находят, в частности, аналогии в принадлежащем к кругу Фидия эрмитажном рельефе из собрания Кампана[2] и мраморном диске Британского музея.[3]

Если мы сравним одну из пантикапейских фигурок ниобид, находящую ближайшую аналогию на двух упомянутых памятниках (№ 7 по нумерации С. А. Жебелева),[4] со сходными с ней фигурами эрмитажного рельефа и лондонского диска, то от нашего внимания не скроется различие в характеристике лица при общем сходстве позы, мотива, движения; лицо фигуры на эрмитажном рельефе совершенно спокойно, в соответствии с классическим идеалом V в. (на лондонском диске лицо фигуры сбито), лицо пантикапейской фигуры искажено страданием.

Такая психологическая выразительность лиц характерна для подавляющего большинства пантикапейских ниобид.[5] Большую роль в этой психологической характеристике играет асимметрия лица, стоящая в противоречии с общим декоративным характером фигур и декоративной трактовкой сюжета. То обстоятельство, что фигуры ниобид предназначались для украшения саркофагов с колоннами и прикреплялись в промежутках между колоннами, исключало возможность той трактовки сюжета гибели ниобид, которая имела место, например, в рельефах римских саркофагов,[6] где дается связный рассказ, объединенный общим драматическим действием. На боспорских саркофагах связь между фигурами и их общее действие нарушаются разделяющими их колоннами. Пантикапейские ниобиды оказываются такими же изолированными, как фигуры, украшающие малоазийские саркофаги с колоннами. Эта особенность пантикапейских ниобид ослабляет драматизм сюжета и подчеркивает декоративное значение фигур. Движение их, иногда чрезвычайно сильное и стремительное, развертывается в одной плоскости.[1]

Ясно выраженная декоративность пантикапейских ниобид стоит в противоречии с психологической выразительностью их лиц, так же как плоскостная композиция стоит в противоречии с пластической моделировкой фигур и лиц.

Движение фигур и психологическая выразительность лиц иногда подчеркиваются развевающимися по ветру волосами. Таким образом, в стиле пантикапейских ниобид также уживаются противоположные и противоречивые друг другу художественные тенденции, как и в деревянной резьбе.

Среди гипсовых прилепов, хранящихся в Керченском музее, имеется мужская голова, повидимому, не принадлежащая к ниобидам, во всяком случае не находящая аналогии в опубликованной С. А. Жебелевым серии типов. Она носит несколько гротескный характер и во всяком случае очень далека от идеального классического типа: лицо широкое и короткое, крупный, неправильный нос, полные губы и торчащие уши. Глаза обозначены черной краской. Лицо резко асимметрично, эта асимметрия подчеркивается различной величиной и формой ушей и глаз. Впечатление несколько гротескного характера создается и этой асимметрией, и рельефной пластической трактовкой крупных, неправильных черт, и пластической моделировкой высокого лба.

Несомненно апотропаическое, устрашающее значение имели широко распространенные среди боспорских гипсовых прилепов маски Медузы (рис. 23).

Голова Медузы как украшение надгробных памятников играет вообще большую роль в античном искусстве; это теснейшим образом связано с ее апотропаическим значением. Наиболее характерным примером могут служить хотя бы римские саркофаги, на которых маски Медузы обычно помещаются по углам крышки; этот тип римского сарко-

---

[1] С. А. Жебелев. Пантикапейские Ниобиды. МАР, № 24, 1901, стр. 57.

[2] О. Ф. Вальдгауер. Миф о гибели Ниобид в искусстве V в. до х. э. Гос. Эрмитаж, Труды Отд. античного мира, т. I, Л., 1945, стр. 5 и сл., табл. I—VI.

[3] С. А. Жебелев, ук. соч., рис. 46, стр. 37. — О. Ф. Вальдгауер, ук. соч., табл. VII, *1*.

[4] С. А. Жебелев, ук. соч., рис. 6, стр. 7.

[5] Особенно характерным примером может служить фигура сына Ниобы (№ 5 по нумерации С. А. Жебелева; ук. соч., табл. I).

[6] C. Robert. Die antiken Sarkophag-Reliefs, Bd. III, 3, Berlin, 1899, стр. 373, и сл., табл. XCIX—CII, рис. 320—321.

[1] А. П. Иванова, ук. соч., стр. 117.

фага с угловыми масками Медузы прослеживается начиная с I в. до н. э. по III в. н. э. Иногда они помещались по сторонам от надписи, заключавшей имя умершего: устрашающие маски Медузы должны были защищать умершего от действия злых сил и охранять его память.

Среди гипсовых прилепов встречаются довольно разнообразные типы Медузы. Некоторые из них сохраняют в достаточно строгой форме идеальный классический тип — удлиненный овал лица, правильные черты, но значительно более распространен тип, характеризующийся широким и коротким овалом лица, резкой асимметрией, припухлостью одной щеки, коротким носом, несколько заостренным подбородком (рис. 23).

С точки зрения формальных приемов трактовки керченские гипсовые маски Медузы имеют много общего с гипсовыми силенами: черты лица и вьющиеся змееподобные волосы трактованы обобщенно, но объемно, с расчетом на игру светотени. Экспрессия и гротескный характер подчеркиваются яркой раскраской. На волосах Медузы мы видим сплошь и рядом следы голубой или розовой краски. Глаза, как правило, передаются черной краской, но на одном экземпляре Керченского музея наблюдается совершенно условная расцветка — глаза переданы красной краской, очевидно, с целью усилить устрашающий, чудовищный характер Медузы.

Такое акцентирование уродливых и чудовищных черт в образе Медузы характерно вообще для греко-варварского искусства периферии античного мира и связано в первую очередь с апотропаическим значением этого образа.

Наряду с масками Медузы большое место занимают среди боспорских гипсовых прилепов также театральные трагические маски. Театральные маски, трагические и комические, играют вообще довольно значительную роль в декоративном убранстве античных саркофагов.[1] Это обстоятельство находит, повидимому, свое объяснение в связи театрального искусства с культом Диониса, который является, как всякий земледельческий культ, также и культом хтоническим, загробным.

Но керченские гипсовые трагические маски, повидимому, так же как и маски Медузы, силенов и многие другие гипсовые прилепы, тоже играют роль апотропеев.

Предположение такого рода невольно возникает в связи с их гротескным характером и преувеличенной экспрессией.

Экспрессия, подчеркнуто патетическое выражение является, конечно, необходимой особенностью античной трагической маски вообще. Но при этом греческие трагические маски сохраняют в основном идеальный характер, патетическое выражение не искажает классической правильности черт лица.

Рис. 23. Маска Медузы. Гипс.

Отдельные экземпляры керченских гипсовых и терракотовых прилепов передают в основном этот идеальный тип. Примером может служить трагическая маска, служившая украшением деревянного саркофага II в. н. э. с ажурными рельефами, найденного в 1883 г. в Керчи.

Но, как и маски Медузы, керченские трагические маски в подавляющем большинстве отступают от идеального классического канона. Характерные черты античной трагической маски — широко раскрытый рот и глаза, высоко поднятые линии надбровных дуг — в керченских гипсовых прилепах, как правило, сильно преувеличиваются, причем линии надбровных дуг выступают объемными массами.

---

[1] См., например: W. Altmann. Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage. Berlin, 1902, стр. 75, рис. 23. — C. Robert. Roman Sarkophagi at Clieveden. JHS, XX, 1900, стр. 81 и сл., табл. VII, *a*.

Наряду с утрировкой тех черт, которые придают трагической маске обязательное для нее патетическое выражение, в значительной части керченских гипсовых прилепов наблюдается искажение черт лица, свойственных классическому типу трагической маски. У многих из них мы видим горбатый нос, который придает маске гротескный характер. Этот характер гротеска еще более подчеркивается сильно впалыми, глубоко провалившимися щеками, резко выступающим подбородком и объемной, но сильно обобщенной

Рис. 24. Фрагмент трагической маски из Кызаульского некрополя.

трактовкой всех деталей лица. Самые пропорции лица часто искажаются.

В результате такой радикальной переработки типа греческой трагической маски боспорские гипсовые прилепы приближаются по своему характеру к керченским терракотовым гротескам, игравшим такую же роль апотропеев в погребениях боспорцев.

Заслуживают внимания трагические маски, найденные в 1930 г. при раскопках Кызаульского некрополя и относящиеся к I—II вв. н. э. Эта находка интересна как показатель распространения гипсовых прилепов не только в Пантикапее, но и отдаленных от столицы боспорских поселениях. Вместе с трагическими масками были найдены также маски Медузы и гипсовые балясины. Кызаульские трагические маски принадлежат к ярко выраженному гротескному типу, с горбатым носом, провалившимися щеками и преувеличенно рельефными надбровными дугами (рис. 24). На волосах и лице сохранились следы розовой краски.

В большинстве случаев керченские трагические маски, как и другие гипсовые прилепы, отличаются яркой раскраской. Мы видим на них обычные краски — голубую, розовую, черную. Глаза, как правило, передаются черной краской, иногда изображаются ресницы. Рот иногда отмечается яркорозовой краской. Но в отдельных случаях, как и на масках Медузы, расцветка носит условный характер. Так, на одном экземпляре Керченского музея рот окрашен в ярко-голубой цвет.

Апотропаический характер носили, очевидно, также и распространенные среди керченских гипсовых прилепов звериные, в особенности львиные, маски. Такое же значение имели, повидимому, и букрании — маски быков. Они отличаются в большинстве случаев крайне суммарной и небрежной трактовкой, граничащей с искажением анатомии, иногда неправильностями в деталях, асимметрией. Встречаются экземпляры, на которых глаза поставлены на различных уровнях. Небрежность, повидимому, совершенно сознательная, имеет место иногда и в самом рисунке глаз. Резко обозначенные черной краской глаза, круглые или овальные, придают керченским гипсовым букраниям особую гротескную выразительность. Яркой краской, чаще всего охристо-желтой или коричневой, передается также шерсть на лбу. Иногда и эта раскраска носит условный характер. Так, на некоторых экземплярах Керченского музея сохранились следы красной краски на лбу, ушах и морде.

Яркость краски и ее условный характер, как на букраниях, так и на многих других охарактеризованных выше керченских гипсовых прилепах, связана, очевидно, с их основной задачей — производить устрашающее впечатление. Этой же цели служила и гротескная трактовка форм, утрировка ее объемности, асимметрия, отдельные неправильности и искажения анатомии.

Итак, значение гипсовых прилепов боспорских деревянных саркофагов не ограничивалось чисто декоративной функцией. Тем не менее они прекрасно разрешали декоративные задачи и наглядно свидетельствуют о своеобразном и незаурядном декоратив-

ном мастерстве боспорских художников I—II вв. н. э. Большой интерес с этой точки зрения представляет их раскраска. Преобладают чистые, интенсивные цвета: голубой, розовый, охристо-желтый, коричневый, черный. Эти же цвета играют значительную роль в боспорской монументальной живописи этого времени. Характерным примером может служить роспись склепа начала I в. н. э., открытого в Керчи в 1891 г. Как в боспорской монументальной живописи, так и в гипсовых прилепах, сказывается характерный для сарматского искусства вкус к яркой красочности. В этом можно видеть результат сарматского влияния на искусство Боспора первых веков нашей эры.

Условность раскраски, объясняющаяся декоративными соображениями, встречается в гипсовых прилепах различного содержания. Так, например, изображая Эрота на дельфине, боспорский мастер окрашивает дельфина в голубой, а иногда в розовый цвет.

Однако иногда раскраска передает подлинный цвет изображаемых предметов. Чрезвычайно интересны в этом отношении некоторые гипсовые фигурки ниобид, хранящиеся в Керченском музее: на их одеждах сохранились следы голубой и черной краски, при помощи которых переданы пестрая кайма и рисунок ткани.

Боспорские гипсовые прилепы представляют совершенно своеобразную группу памятников местного искусства, не находящую аналогий за пределами Боспора. Стилистический анализ их дает возможность проследить черты условного декоративного стиля наряду с реалистической тенденцией, своеобразно и ярко проявившейся в этой отрасли боспорского художественного ремесла.

КОСТЬ

При археологических исследованиях античных городов северного Причерноморья часто встречаются различные изделия из кости.

В погребениях нередки находки так называемых астрагалов — костей животных (чаще всего мелкие ножные кости овец), употреблявшихся для игры.

Кость часто использовалась как материал для различного рода поделок игрового назначения: встречаются игральные кости в виде кубиков, с очками на всех шести гранях. Из кости часто делались шашки — круглые, напоминающие наши современные шашки. Наряду с последними известны тессеры (т. е. жетоны) с изображениями на лицевой стороне, с надписью и цифрой на обороте, служившие также для игр, сходных отчасти с современными шашками или игрой в триктрак. Вообще подобные тессеры находили в античном мире разнообразное применение. Так, например, в Риме они служили билетами для входа в цирк или театр.

Встречаются костяные куклы с подвесными руками и ногами. Такая кукла была найдена в Херсонесе.[1]

Из кости, как и из дерева, делались гребешки, шпильки, пиксиды. В погребениях северного Причерноморья были обнаружены костяные пиксиды с сохранившимися в них древними румянами. Встречаются костяные подвески — амулеты в виде человеческой фигурки, гермы, палицы Геракла, кукиша.

Кость, так же как и рог животных, служила материалом для различных поделок хозяйственного назначения: встречаются костяные шильца, веретена, иногда украшенные гравировкой, различной формы ложечки, черенки ножей, часто с орнаментом в виде врезанных кружков. Материалом для этого рода поделок служила простая кость. При раскопках двух крупнейших городов Боспорского царства — Пантикапея и Фанагории — найдено большое количество различных костяных изделий хозяйственного назначения. Среди них наблюдаются изделия со следами производственного брака, иногда незаконченные, или просто заготовки для разнообразных поделок.[2] Эти находки служат бесспорным доказательством существования местного костерезного производства в городах Боспорского царства. Исследование техники обработки этих изделий указывает на применение таких инструментов, как нож, пила и сверло.

Слоновая кость применялась как материал для греческой монументальной скульптуры. Известны статуи, например знаменитый Зевс Олимпийский Фидия, выполненные в так называемой хризэлефантинной технике, т. е. из золота и слоновой кости на деревянной основе. В мебели и декоративных изделиях слоновая кость ввиду своей большой цен-

[1] ИАК, вып. 16, 1905, стр. 77.

[2] И. Т. Кругликова. Костяная фигурка Эрота из Керчи. (К вопросу о костерезном ремесле на Боспоре). ВДИ, №2, 1949, стр. 103 и сл., табл. I, 2.

ности применялась преимущественно для облицовочных работ или для инкрустации. Подобное применение она нашла и в художественном ремесле северного Причерноморья. Как уже упоминалось выше, саркофаг Змеиного кургана был инкрустирован слоновой костью. В 5-м кургане Юз-Обы был найден наряду с описанным выше саркофагом [1] другой саркофаг того же типа, украшенный деревянными резными фигурами грифонов, крылья которых были сделаны из слоновой кости.

В Кульобском кургане был найден ряд обломков пластинок слоновой кости, служивших, повидимому, для облицовки деревянного саркофага.[2] Среди этих обломков имеется кацитель ионического пилястра, глазок ее сделан из зеленоватого стекла. Сохранившиеся обломки пластин украшены тончайшей гравировкой, изображающей суд Париса, миф о похищении дочерей Левкиппа Диоскурами и ряд других мифических сцен, а также сцены охоты, сидящих женщин и т. п. К сожалению, обломки не дают возможности восстановить изображенные сцены целиком, о значении некоторых из них можно только догадываться. Рисунок отличается исключительной тонкостью и напоминает лучшие произведения аттической вазовой живописи конца V в. до н. э.

Подобные костяные пластинки с гравированным рисунком неоднократно применялись для облицовки деревянных ларцов и саркофагов.

В одной из пантикапейских гробниц второй половины IV в. до н. э., открытой в 1867 г., была обнаружена пластинка слоновой кости с гравированным изображением сидящей Афродиты, на колени которой облокотился Эрот. Эта пластинка служила украшением деревянного ларца, к которому она была прикреплена при помощи костяных шипов.[3]

Все эти костяные пластинки с гравировкой и росписью стилистически очень напоминают аттическую краснофигурную вазовую живопись конца V и IV в. до н. э., произведения которой в большом количестве ввозились на Боспор. Вполне возможно, что там на месте могли работать и аттические мастера, которые выполняли роспись и гравировку на кости, украшавшей боспорские деревянные изделия.

Ряд мелких фрагментов пластинок слоновой кости, служивших, очевидно, для украшения деревянного саркофага, был найден в погребении воина в кургане Большая Близница, относящемся к IV в. до н. э. (рис. 25, 26).[1] Изображения вырезаны по контуру, детали переданы гравировкой. К сожалению, от них сохранились только отдельные, очень мелкие обломки, которые не дают возможности даже приблизительно восстановить сюжет и композицию. Наряду с расписными фрагментами, среди которых можно различить голову Пана, сатира, части человеческих фигур, имеются фрагменты мелких резных орнаментов архитектурного характера.[2]

В IV—III вв. до н. э. подобные вырезанные по контуру и гравированные пластинки как слоновой, так и простой трубчатой кости, служившие для облицовки деревянных ларцов и саркофагов, были исключительно широко распространены на Боспоре. Значительная часть их является работой местных мастеров.

К числу таких изделий относится найденная в 1946 г. при раскопках Пантикапея пластинка трубчатой кости с изображением летящего Эрота.[3] Фигурка изображена в свободном и живом движении, чрезвычайно тонко переданы пухлые формы детского тела, хотя детали трактованы несколько упрощенно.

В 1939 г. в Нимфее была найдена костяная пластинка, изображающая фигуру юноши, выполненная в той же технике.[4]

Наряду с этим широко распространенным на Боспоре типом костяных изделий там встречается и миниатюрная круглая скульптура из кости, характерным образцом которой может служить маленькая (длина 3.4 см) фигурка Пегаса из слоновой кости, найденная в женском погребении на Таман-

[1] См. стр. 413 настоящего сборника.

[2] А. А. Передольская. Слоновая кость из кургана Куль-Оба. Гос. Эрмитаж, Труды Отд. античного мира, т. I, Л., 1945, стр. 69 и сл., табл. I—VI.

[3] То же.

[1] ОАК за 1866 г., стр. 6, табл. I—II.

[2] Ближайшей аналогией костяным пластинкам из Большой Близницы могут служить две найденные в 1913 г. на горе Митридат пластинки, одна из которых изображает Пана, а другая Борея, похищающего Орифию.

[3] И. Т. Кругликова, ук. соч., стр. 100 и сл., рис. 1.

[4] М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1932 г. Гос. Эрмитаж. Труды. Отд. античного мира, т. I, Л., 1945, табл. XXII, 2, стр. 162.

ском полуострове[1] (рис. 27). Фигурка перевита серебряной проволокой, повидимому, она служила подвеской ожерелья. Несмотря на миниатюрный размер, прекрасно передано движение, напряженная мускулатура и раздутые ноздри. Фигурка стилистически близка к скульптуре эпохи эллинизма. Костяные фигурки встречаются также в Ольвии и Херсонесе. В Ольвии в 1907 г. найдена миниатюрная фигурка сидящей женщины, служив-

Все рассмотренные выше костяные изделия по стилю являются греческими, хотя отдельные технические приемы резьбы и некоторая упрощенность трактовки деталей в отдельных случаях (мужская фигурка из Херсонеса, пластинка с изображением Эрота из Керчи) выдают руку местного мастера.

Как пример переработки греческого образца местным мастером интересен миниатюрный костяной рельеф из Танаиса, изобра-

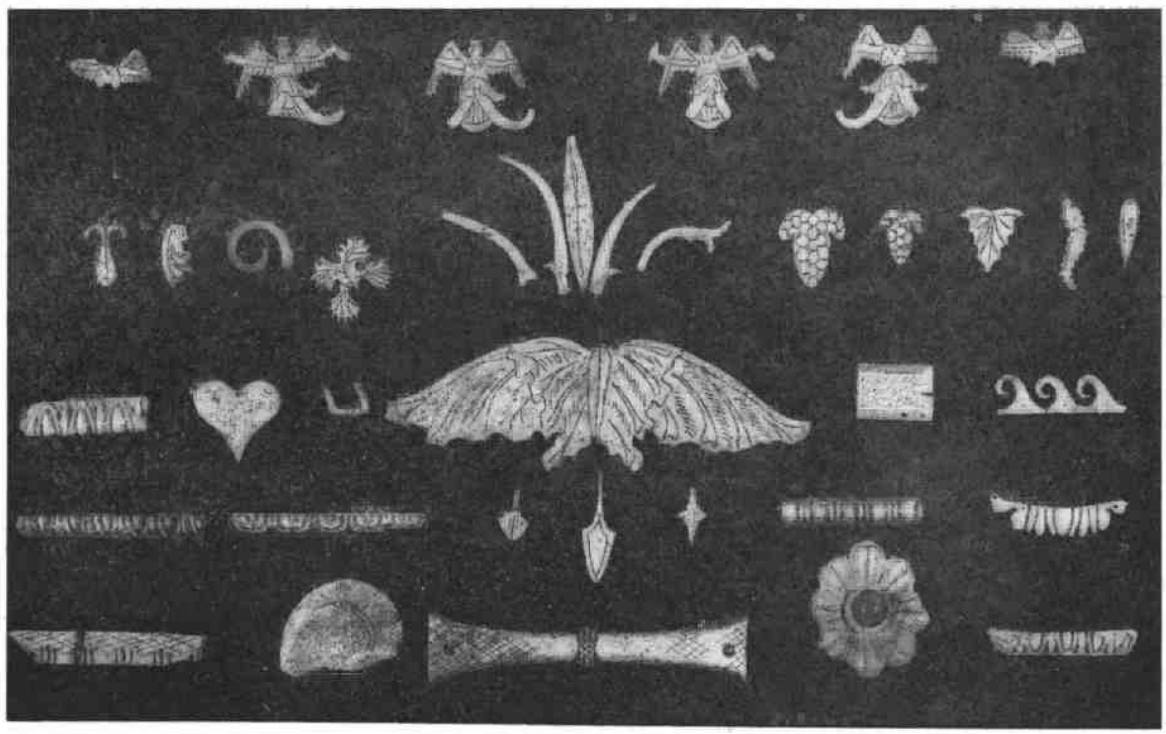

Рис. 25. Украшения деревянного саркофага из кургана Большая Близница. Кость.

шая, повидимому, украшением деревянного саркофага или шкатулки и относящаяся к IV в. до н. э.[2] Интересна рельефная костяная фигурка, найденная в 1904 г. в Херсонесе:[3] изображена мужская фигура в живом движении, одетая в короткий хитон и плащ, с бичом в руке. Назначение ее остается неясным.

жающий Диониса с пантерой и относящийся к эллинистическому времени (рис. 28); пропорции фигуры Диониса не соответствуют античному канону, они слишком приземисты, тело трактовано значительно более плоскостно, чем это сделал бы греческий мастер. Здесь, таким образом, сказываются те же черты местного стиля, местной переработки эллинистического мотива, которые можно наблюдать в боспорской деревянной резьбе и других памятниках местного искусства.

Исключительно большой интерес с этой точки зрения представляют костяные пластинки с рельефным изображением головы

[1] К. К. Герц. Исторический обзор археологических открытий на Таманском полуострове. СПб., 1898, стр. 110 и сл.

[2] ОАК за 1907 г., стр. 57, рис. 47. — ИАК, вып. 33, 1909, стр. 106, рис. 4.

[3] ИАК, вып. 20, 1906, стр. 54 и сл., рис. 26.

Силена в профиль, найденные в Тиритаке и Мирмекии[1] в 1934 г. (рис. 29) и в Фанагории в 1937 г.[2]

Фанагорийский Силен отличается плоскостностью и декоративностью. Трактовка уха, волос, бороды носит чисто орнаментальный характер. Эта переработка эллинистического типа Силена в духе местного стиля, может быть, обусловлена влиянием искусства синдов.[3]

Голова Силена из Мирмекия в стилистическом отношении резко отличается от фанагорийской и на первый взгляд как будто бы значительно точнее передает эллинистический оригинал. Трактовка форм объемная. Местную работу выдает только их значительное обобщение и схематизация — вместо мягкой пластической округлости эллинистических скульптур мы видим здесь резко очерченные грани. Такая резкость и угловатость в трактовке форм также является приемом местного искусства.

Рис. 26. Украшения деревянного саркофага из кургана Большая Близница. Кость.

Заслуживает внимания оригинальный памятник, происходящий из Ольвии и относящийся также к эллинистическому времени. Это обломок костяной пиксиды, стенки которой украшены изображениями Эротов, выполненными в высоком рельефе.[1] Сохранилось две фигурки Эротов: один из них сидит,

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове. ВДИ, № 1, 1937, стр. 227, рис. 6.

[2] М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 343, рис. 3.

[3] М. М. Кобылина, ук. соч., стр. 349.

[1] ОАК за 1904 г., стр. 39. — ИАК, вып. 33, 1909, стр. 132, рис. 57, 58.

повернувшись в профиль влево от зрителя и играет на двойной флейте; другой стоит лицом к сидящему и жонглирует шариками. Изображение Эрота в виде ребенка характерно для эллинистического искусства, но ольвийский мастер делает некоторые ошибки против анатомии, он не справляется с изображением фигуры в профиль; показывая в профиль ноги и голову, он поворачивает туловище в фас. Несвойственна греческому искусству также резкость и угловатость в передаче движения руки и ног. Одеяние Эрота, жонглирующего шариками, напоминает передник — одежду народов древнего Востока. Этот памятник представляет большой интерес, так как он показывает наличие отдельных восточных черт в художественном ремесле северного Причерноморья.

Рис. 27. Фигурка Пегаса. Кость.

Рис. 28. Дионис — миниатюрный костяной рельеф эллинистического времени. Танаис.

Связи с Востоком могут быть прослежены и в памятниках послегетской Ольвии. Интересен с этой точки зрения найденный в Ольвии при раскопках 1938 г. костяной гребень, украшенный гравированным рисунком, изображающим водяных птиц, скорее всего уток, и голову мальчика, держащего палец у рта — характерный жест Гарпократа, изображения которого были чрезвычайно широко распространены в искусстве эллинистическо-римского Египта.

К I—II вв. н. э. относится другой интересный памятник, свидетельствующий о связях послегетской Ольвии с Востоком: 14 костяных пластинок, украшенных рельефами и служивших, повидимому, облицовкой ритона.[1] На одной из этих пластинок изображен парфянский царь, на других — обнаженные танцовщицы, акробаты и музыканты. Таким образом, рельефные украшения сосуда воспроизводили, очевидно, целую сцену придворной жизни Ирана. Этот памятник декоративного искусства Ирана I—II вв. н. э. мог попасть в Ольвию в результате торговых сношений с восточными странами.

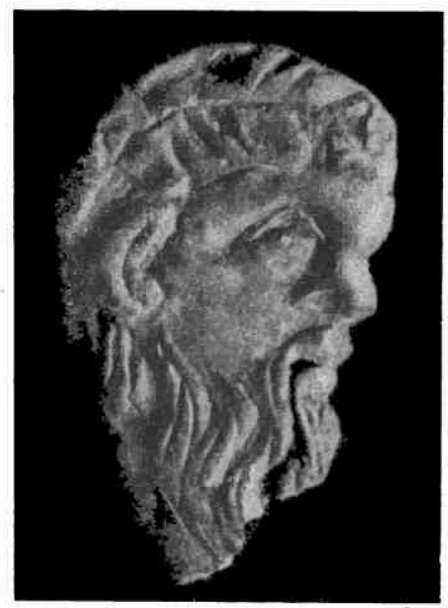

Рис. 29. Костяная пластинка эллинистического времени с изображением головы Силена из Мирмекия.

[1] ОАК за 1906 г., стр. 39. — ИАК, вып. 33, 1909, стр. 134, 135, рис. 60—65.

Следует вместе с тем отметить, что в первые века нашей эры в северном Причерноморье было широко развито местное костерезное производство.

Интересно, в частности, что на Боспоре в это время сохраняется идущая от IV в. до н. э. традиция вырезанных по контуру изображений, но без гравировки деталей внутри контура. Таким образом, эти изображения передают только силуэт фигуры. Характерным примером может служить найденная в 1934 г. в Тиритаке пластинка с изображением тритона.[1]

Среди изделий из кости первых веков нашей эры значительное место занимают круглые игральные шашки и тессеры, снабженные надписями и изображениями и служившие для игр. Такие тессеры встречаются в Ольвии[2] и Херсонесе, но особенно интересная в этом отношении находка была сделана в Керчи (рис. 30, 31). В детской гробнице начала II в. н. э. была найдена деревянная шкатулка в бронзовой оправе, в которой были плотно уложены 15 костяных тессер.[3] На лицевой стороне каждой из этих тессер имеется рельефное изображение — иногда это портретные головы, например, голова императора Августа или его внука Люция Цезаря; часто встречаются головы богов: Зевса, Геракла, Хроноса, Диоскуров, Афродиты, Геры; наряду с греческими богами изображена египетская богиня Изида. На одной из тессер представлен храм, один раз встречается изображение венка, который служил наградой победителям на состязаниях. На оборотной стороне каждой тессеры имеется греческая надпись, в большинстве случаев имя изображенного лица, а также римская и греческая цифры. Может быть, и имена богов имели цифровое значение, определенное имя могло соответствовать определенному количеству очков в игре. Игры, для которых служили подобные тессеры, зародились, повидимому, в Александрии и были распространены широко во всем античном мире. Такое же широкое распространение получили и те типы изображений, которые на них встречаются. Делались они, очевидно, на местах; это была продукция массового характера, которую не имело смысла вывозить из отдаленных крупных центров. Самый характер изображений голов на керченских тессерах отличается от изображения на подобной же тессере, найденной в Ольвии. Для керченских шашек характерен сильно вытянутый овал и схематическая передача волос и складок одежды. Нужно отметить, что, например, портретное сходство в изображении Августа крайне приблизительно: боспорского мастера мало интересовали индивидуальные черты римского императора; поэтому головы, которые, судя по надписям, должны были быть портретами, в сущности передают общий отвлеченный тип. Некоторые из костяных изделий первых веков нашей эры, найденных в северном Причерноморье, обнаруживают своеобразную переработку образов греческой мифологии и искусства местными мастерами.

Интересным примером переработки широко известного греческого статуарного типа Афродиты боспорским мастером является фигурка из слоновой кости, хранящаяся в Эрмитаже и происходящая из Керчи.[1] Фигурка довольно точно воспроизводит знаменитую эллинистическую статую Афродиты Медичи (недостает головы), у ее правой ноги изображена снятая и брошенная на вазу одежда. Богиня стоит на стебле, служившем ручкой маленького бронзового зеркала. Фигурка является безусловно местной работой, об этом говорит общая суммарная трактовка тела, некоторая плоскостность и угловатость (согнутая в локте правая рука; рис. 32).

Подобные местные повторения широко известных в греческой монументальной скульптуре изображений Афродиты встречаются и в других центрах северного Причерноморья. Характерна, например, найденная в 1903 в Херсонесе костяная шпилька или ручка от костяной ложечки в виде фигурки Афродиты[2] (рис. 33). Датировка фигурки определяется совместной находкой 12 римских светильников. Поза ее также несколько напоминает статую Афродиты Медичи или ее прототип IV в. до н. э. — Книдскую Афродиту Праксителя. Здесь имеет место тот же легкий наклон вперед верхней части торса. Наиболее существенное отличие от керченской фигурки заключается в том, что ноги ее покрыты одеждой, которую она придерживает левой рукой, в то время как правую руку

[1] МИА, № 4, 1941, стр. 53, рис. 74.
[2] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 100 и сл., рис. 144—145.
[3] ИАК, вып. 10, 1904, стр. 109 и сл.

[1] ДБК, табл. XXXI, *11*, *11а*.
[2] ИАК, вып. 16, 1905, стр. 49, рис. 8.

Рис. 30. Керченские костяные тессеры.

держит у груди. Этот вариант тоже довольно хорошо известен в эллинистическо-римском искусстве. У ног ее изображен дельфин. Голова утрачена, на плечах сохранились локоны. Трактовка деталей также бесспорно выдает руку местного мастера. Очень характерна суммарная обработка задней стороны, а также непропорционально тонкие, угловато-изогнутые руки, плоскостно трактованные грудь и живот, под грудью глубокая впадина. Складки одежды даны в виде вертикальных врезанных линий.

Рис. 31. Керченские костяные тессеры.

Рис. 32. Ручка от бронзового зеркала. Керчь.

Почти аналогичная по мотиву костяная фигурка Афродиты была найдена в Ольвии при раскопках 1938 г. Фигурка отличается еще более резко выраженным схематизмом и плоскостью в трактовке тела. О резком нарушении античного закона красоты свидетельствуют непропорционально большие руки.

На херсонесских костяных изделиях можно проследить также использование и переработку местными мастерами памятников римского исторического рельефа. Интересна с этой точки зрения найденная в 1904 г. прямоугольная костяная пластинка, служившая, повидимому, для украшения деревянного ларца (рис. 34).[1] Пластинка украшена рельефом. Изображен чрезвычайно юный воин-«варвар». Он одет в широкие, ложащиеся свободными складками штаны, грудь его обнажена, через правое плечо и грудь тянется портупея, на правом боку ножны меча, в правой руке он держит меч, в левой щит. Это изображение «варвара» сделано не с натуры, а на основании римского образца, который херсонесский мастер плохо понял. Сходные изображения полуобнаженных «варваров» встречаются на рельефах колонны Траяна. На обнаженной груди воина мы видим резкие складки. Повидимому, на римском оригинале были видны выступающие под грудью ребра, а херсонесский мастер понял эти линии как складки одежды. Густую шапку волос он

[1] ИАК, вып. 20, 1906, стр. 56, рис. 29.

передал при помощи схематических прямых перекрещивающихся линий и придал ей чрезвычайно правильные очертания, понимая ее, очевидно, как головной убор. Несмотря на все эти ошибки мастера и на погрешности против анатомии, вся фигура в целом, ее поза, движение, переданы с большой живостью и выразительностью, с тем особым реализмом, который не раз уже приходилось отмечать как характерную черту для местного искусства северного Причерноморья.

Рис. 33. Костяная шпилька с рельефной фигуркой Афродиты, найденная в Херсонесе (в 1903 г.). Эрмитаж.

Развитие искусства резьбы по кости в северном Причерноморье мы имеем возможность проследить вплоть до позднеантичного периода III—IV вв. н. э. Резко выраженная активизация местного элемента

Рис. 34. Костяная пластинка с изображением воина из Херсонеса.

характерна для всех областей культуры северного Причерноморья этого времени. К IV в. н. э. относится найденная в 1891 г. в Херсонесе костяная подвеска-амулет в виде маленькой итифаллитической фигурки с непропорционально большой головой, большим животом и выдвинутыми вперед руками (рис. 35,*а*).[1] Фигурка представляет собой гротеск, уродливые черты подчеркнуты до преувеличения, и для придания особой выразительности этому уродству все формы трактованы объемно. Объем-

[1] Она найдена в разграбленной каменной гробнице вместе с частью деформированного черепа, бронзовыми монетами Рискупорида IV (261—276 гг. н. э.), Диоклетиана, Лициния, Константина, Констанция II и Валентиниана I; см.: ОАК за 1891 г., стр. 68, № 390.

ная трактовка сочетается с предельным обобщением форм и связана с резкими контрастами света и тени. Лицо отличается резкой асимметрией (косо посаженный рот). Глаза трактованы в виде двух круглых дырочек, глубоко сидящих под сильно на-

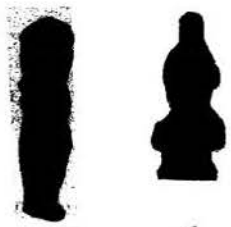

Рис. 35. Костяные подвески-амулеты в виде человеческих фигурок.

висающими бровями, которые бросают резкую черную тень. Фигурка задумана в движении — об этом ясно говорят ее протянутые руки. Примитивный характер этого памятника заставляет предполагать, что он связан с народной традицией подобных апотропаических изображений, имевшей место в Херсонесе задолго до IV в. н. э. Близкой аналогией ему является костяная подвеска-амулет в виде бюста, также найденная в Херсонесе (35, *б*). Черты лица резко неправильны. При этом, несмотря на примитивность трактовки, лицо очень выразительно.

Подводя итоги всему сказанному об искусстве резьбы по кости в северном Причерноморье, можно утверждать, что кость находила там довольно разнообразное применение.

Рассмотренные памятники наглядно показывают, что сосуществование и борьба условного декоративного стиля и реалистических тенденций, ярко выраженная в местном искусстве северного Причерноморья, может быть прослежена и в позднеантичный период.

Таким образом, в костерезном искусстве северного Причерноморья первых веков нашей эры, как и в резьбе по дереву, при наличии в нем греческих и восточных элементов на первый план выступает местный стиль. Местные мастера создают все наиболее интересное, свежее и яркое в этой области.

М. И. Максимова

РЕЗНЫЕ КАМНИ

Среди изделий античного художественного ремесла видное место занимают геммы, или резные камни, — мелкие поделки из полудрагоценных цветных камней с вырезанными на них изображениями. Приятные для глаз своими красивыми красочными тонами, голубые и серые халцедоны, красные сердолики, вишневые гранаты, горные хрустали, сардониксы и т. д. служили материалом для разнообразных изделий, украшавших быт древнего человека, — бус, подвесок, пряжек, булавок, мелких вазочек и т. п.; от них геммы отличаются тем, что главным их признаком является не внешняя форма предмета, а вырезанное на камне изображение.

Резьба на твердых камнях сопряжена с немалыми техническими трудностями и требует высокого мастерства и длительной практики. Зато твердость камня предохраняет его от действия времени, благодаря чему изделия античных резчиков дошли до нас в большом числе и в хорошей сохранности. На них запечатлен обширный мир художественных образов, заимствованных непосредственно из жизни или навеянных скульптурой и живописью и тесно связанных с культурой создавшего их общества.

По мастерству выполнения многие из античных гемм являются настоящими произведениями искусства и как таковые они очень высоко ценились еще в древности.

Но для истории культуры резные камни интересны не только своей богатой тематикой и своим подчас высоким художественным совершенством.

В жизни древних народов они в огромном своем большинстве служили печатями, и именно это практическое их применение и сыграло главную роль в широком распространении гемм в античном мире.[1]

По способу резьбы на камне геммы делятся на две категории — камеи, или камни с рельефными изображениями, и интальи, или геммы, с изображениями, вырезанными вглубь. Камеи появляются сравнительно поздно, как продукт царствовавшего в эпоху эллинизма стремления к роскоши. Практического применения они не имели, а служили лишь украшениями: вставлялись в браслеты, серьги и т. п. и, так сказать, оживляли собой ювелирные изделия.

Гораздо более длительна история интальий. Камни с вырезанными вглубь изображениями, рассчитанные на получение от них отпечатков, были известны в странах восточных культур еще в глубокой древности. В античном мире, особенно в последние века его существования, геммы-печати производились в огромном количестве, что может быть объяснено только особой ролью, выпавшей на долю печати в античном обществе. И в самом деле, если в настоящее время печать стала принадлежностью учреждений и почти не употреб-

[1] М. Максимова. 1) Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, стр. 8 и сл.; 2) Античные печати северного Причерноморья. ВДИ, № 1, 1937, стр. 251 и сл. (см. указанную там литературу).

ляется частными лицами, то у народов древности, особенно в развитом рабовладельческом обществе, личная печать была необходима каждому гражданину. В домашнем быту она заменяла мало распространенные в то время ключи и замки и накладывалась на всякого рода вместилища, где хранились припасы, утварь и другое добро, а иногда и на самое имущество — глиняные и даже бронзовые предметы обихода. Печать охраняла право личной собственности владельца на имущество и давала гарантию его неприкосновенности. Такие же функции она выполняла и в экспортной торговле и, помимо того, нередко служила здесь, как и в производстве, «фабричной» маркой. Печатью же скреплялись и всякого рода письменные документы — договора, заключенные между частными лицами, а также декреты и постановления государственных органов.[1] На документы печать прилагали не только договаривающиеся стороны и магистраты, но и многочисленные свидетели, присутствовавшие при составлении актов. Потребность в печатях в условиях античного полиса, при наличии укоренившегося права частной собственности и развитой письменности, была, следовательно, огромной, чем и обусловливается широкое распространение гемм в античном мире.

В северном Причерноморье можно наблюдать то же явление. Геммы находят здесь преимущественно в могилах, куда их, по распространенному во всей древности обычаю, клали вместе с покойником и прочим его личным имуществом. Некрополи крупных городов — Ольвии, Херсонеса и особенно Пантикапея — дали большое количество резных камней и металлических перстней-печатей. Находят их и в менее значительных населенных центрах — Феодосии, Горгиппии, Нимфее и т. д., а также в многочисленных погребениях, рассеянных по Керченскому и Таманскому полуостровам. Общее число происходящих из северного Причерноморья гемм не поддается сейчас даже приблизительному учету, так как резные камни вследствие своей портативности и ценности часто делались добычей «счастливчиков» и расходились затем по рукам. Но и тех гемм, которые происходят из планомерных раскопок и хранятся в настоящее время в музеях СССР, более чем достаточно для того, чтобы доказать распространение обычая пользоваться печатями среди населения указанных городов и областей. Хронологически этот материал распределяется на большой промежуток времени, с середины VI в. до н. э. до III в. н. э. На протяжении этих веков он претерпевает всякого рода изменения, в которых отражаются как эволюция форм и стилей античных гемм и античного искусства, так и те конкретные исторические условия, в которых жило и развивалось общество северного Причерноморья.

Коренное население этих областей до переселения сюда греков не знало печатей, так как оно находилось еще на той ступени развития, когда, не имея письменности и охраняемой государством частной собственности, оно в них не нуждалось. Лишь постепенно, по мере того, как местные племена стали втягиваться в экономическую и политическую жизнь греческих городов и воспринимать их культуру, они, подобно грекам, научились пользоваться печатями и в свою очередь оказали известное влияние на производство этого рода изделий. Этот процесс постепенного внедрения печатей в быт местного населения может быть отчетливо прослежен по резным камням всего северного Причерноморья, особенно Херсонеса и Боспорского царства.[1]

Наиболее древние экземпляры среди гемм и печатей, найденных в северном Причерноморье, обнаружены были в ольвийском некрополе. Это несколько серебряных перстней архаической формы и, вероятно, ионийской работы, один из которых изображен на рис. 1.[2] На ромбовидном щитке этого перстня вырезано изображение готовящегося к прыжку льва, а в каждый из углов ромба вбито по маленькому гвоздю из электра. Этот своеобразный прием украшения перстня, по всей вероятности, связан

[1] O. Rubenson. Elephantine Papyri, Berlin, 1907, стр. 5. — H. Walters. Loco sigilli. Melanges G. Perrot. Paris, 1903, стр. 333. — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines, s. v., Signum. — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgardt, s. v., Signum.

[1] М. Максимова. Античные печати северного Причерноморья; ср. также: М. Максимова. Геммы из некрополя Мцхети-Самтавро (раскопки 1938—1939 гг.). Вестн. Гос. Музея Грузии, XVI-B, 1950.

[2] Эрмитаж, инв. № Ол., 17764.

с суевериями. Среди греков распространена была вера в чудодейственные свойства перстней и резных камней, в их способность охранять человека от дурного глаза, болезней и всякого рода напастей. Такую же силу приписывали и гвоздям, а соединение тех и других в одном изделии должно было повысить их магические свойства.[1]

В Боспорском царстве до сих пор не было найдено гемм и перстней-печатей архаического стиля. Даже камни первой половины V в. являются здесь большой редкостью. На табл. I, *1* изображен происходящий из гробницы на горе Митридат скарабеоид (форма печати, типичная для греческих гемм V и IV вв. до н. э., — овальный камень с выпуклой спинкой и продольным отверстием для шнура или стержня оправы).[2] На нижней поверхности камня весьма тонко и искусно вырезан лев с поднятой передней лапой и наклоненной в сторону головой. По художественному стилю изображения камень датируется эпохой строгого стиля, т. е. первой половиной V в. до н. э., и сближается с изделиями греческих мастерских Малой Азии.

В Херсонесе самая ранняя печать найдена была в склепе под городской стеной, построенном в самом конце IV или начале III в.[3] Однако эта печать (табл. I, *2*), судя по форме перстня, вероятно, относится еще к середине IV в., что подтверждается и тем обстоятельством, что перстень сильно потерт и, следовательно, долго находился в употреблении, прежде чем попал в могилу. На его щитке вырезано оружие Геракла — лук и палица — эмблема, встречающаяся, между прочим, и на монетах Левкона II.

Полного расцвета камнерезное искусство Греции достигает во второй половине V в. Эта эпоха представлена в северном Причерноморье блестяще. Правда, из Ольвии имеется пока только несколько экземпляров перстней-печатей и гемм V—IV вв., но зато Боспорское царство выступает здесь с богатейшей серией великолепных памятников, которая убедительно свидетельствует об экономическом и культурном подъеме этой области. Можно сказать, что ни одна из стран, входивших в состав античного мира или с ним соприкасавшихся, не дала такой обширной жатвы первоклассных произведений глиптики (искусства резьбы по камню), как именно царство Спартокидов. Правда, эти богатства распределяются между отдельными слоями населения далеко не равномерно; наоборот, здесь налицо резкий контраст между верхушкой общества и гражданами среднего достатка. В скромных земляных гробницах на горе Митридат и в Глинище настоящих резных камней почти не попадается. Их место заступают дешевые имитации, так называемые литики, т. е. стеклянные отливки с вырезанных на твердых камнях гемм. Литики вставлены в простые бронзовые или серебряные оправы. Совершенно иной характер носят подобные предметы, происходящие из богатых курганных погребений и плитовых гробниц в Пантикапее и его окрестностях, особенно из серии курганов на Юз-Обе. Дешевых суррогатов гемм здесь вовсе нет, перстни-печати сделаны из золота, из того же материала исполнены тончайшие ювелирные оправы резных камней, а последние в свою очередь отличаются как редкими по красоте породами, так и высоким качеством резьбы. Рис. 2 передает изображение летящей цапли, вырезанное на скарабеоиде из голубого халцедона.[1] Это работа выдающегося резчика второй половины V в. Дексамена, уроженца о. Хиоса. С неподражаемой силой и нежностью переданы очертания и

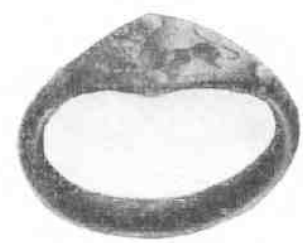

Рис. 1. Серебряный ионийский перстень. VI в. до н. э.

[1] М. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа, стр. 10 и сл. О перстнях с вбитыми в них гвоздями см.: F. H. Marshall. Catalogue of finger-rings. . . in the British Museum. London, 1907, с. XXXIII.

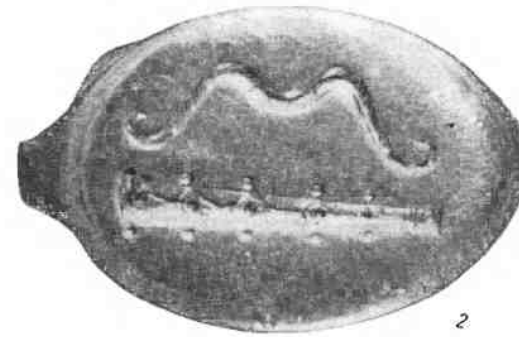
[2] Эрмитаж, инв. № П., 1911, 10.

[3] A. Manzewitsch. Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad, 1932, стр. 10, табл. I, *9*.

[1] ОАК за 1861 г., табл. VI, *10*, стр. 142 и сл. — A. Furtwängler. Die antiken Gemmen. Berlin, 1900, табл. XIV, *4*. — Е. В. Эрнштедт. К вопросу о стиле резчика Дексамена. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 289 и сл. — М. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа, табл. II.

1

2

3

4

5

6

Табл. I. Резные камни V—III вв. до н. э.

1 — скарабеоид с изображением льва, *2* — печать с изображением лука и палицы Геракла, *3* — гемма с изображением перса, *4* — скарабеоид с изображением коня на ристалище, *5* — камея золотого перстня с изображением Афины, *6* — камея золотого перстня с изображением Ники. Увеличено в два раза.

формы парящей в голубом эфире птицы и мельчайшие подробности ее оперенья. Скарабеоид из пестрой яшмы (красной с желтыми пятнами), изображенный на табл. I, *4*, вероятно, вышел из-под резца того же мастера.[1] На нем представлен конь, оторвавшийся от колесницы и в одиночку достигающий цели состязания — столба, к которому привязана повязка победителя. Это благородный конь незадачливого возницы, параллель к стихам Феогнида (Элегии, ст. 257—260):

«Я — скаковая, прекрасная лошадь, но плох безнадежно
Правящий мною ездок. Это всего мне больней.
О, как мне часто хотелось бежать, оборвавши поводья,
Сбросив внезапно с себя наземь того седока!».

(Перевод В. Вересаева).

На золотом перстне (табл. I, *3*) мастер Афинад вырезал знатного перса, проверяющего правильность стрелы.[2] Сходные изображения встречаются на малоазийских монетах Датама и на многочисленных ионийских и персидских геммах той же эпохи. Но ни одно из этих изображений не может сравниться с работой Афинада по искусной композиции фигуры, по замечательной характеристике этнического типа перса и тончайшей передаче подробностей — волос, браслетов, узоров на анаксиридах и орнамента на ножках стула.

Такие же богатые по материалу и совершенные по работе геммы обнаружены были и в курганах той же эпохи, расположенных в отдаленных от Пантикапея частях Керченского и Таманского полуостровов, на Темир-Горе, в Нимфее, в Семибратних курганах, в Большой и Малой Близницах и т. д. Общественная верхушка Боспорского царства, как греческая торговая аристократия, так и сливающаяся с ней на почве общих экономических интересов местная землевладельческая знать, приобретала в эту эпоху своего процветания лучшие изделия греческого камнерезного искусства, привозимые в Пантикапей греческими купцами. Но и этого ей было мало. Торговцы доставляли им геммы и из других, далеких стран. В тех же богатых погребениях Боспорского царства наряду с греческими резными камнями и перстнями-печатями находятся и вставленные в греческие золотые оправы персидские цилиндры и финикийские и даже италийские скарабеи с резными изображениями.[1]

Большой спрос на печати в V и IV вв., повидимому, породил в Пантикапее и местное производство.[2] В Пантикапее существовала ювелирная мастерская, где, между прочим, изготовлялись и золотые перстни-печати несколько отличной от греческой формы. Концы их шинок не спаяны, и перстень поэтому может охватить палец любой толщины. Эта форма, совершенно неизвестная в Греции, напоминает скифские спиралевидные перстни, и весьма вероятно, что ювелиры Пантикапея в данном случае специально имели в виду местные вкусы; это подтверждается и тем наблюдением, что многие подобные перстни были обнаружены в скифских курганах Приднепровья и Кубани, а другие в негреческих погребениях Боспорского царства. Но влияние местных элементов сказалось только в форме этих перстней. Что касается стиля и выбора изображений, то они остаются чисто греческими.

Рис. 2. Халцедоновый скарабеоид с изображением летящей цапли. 2-я пол. V в. до н. э. Увеличено.

[1] ОАК за 1860 г., табл. IV, *10*, стр. 86. — A. Furtwängler, ук. соч., табл. XIV.

[2] ОАК за 1861 г., табл. VI, *11*, стр. 147. — A. Furtwängler, ук. соч., табл. X, *27*. — М. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа, табл. II.

[1] ДБК, табл. XVI, *2*, *5*, *10*, *13*, *14*; XV, *11*.

[2] М. Максимова. Античные печати северного Причерноморья, стр. 257 и сл.

Весьма вероятно, что упомянутые выше стеклянные литики, находимые в небогатых погребениях и также иногда служившие для товарообмена со скифами, выделывались на месте в Пантикапее, а не привозились из далеких стран; техника их изготовления чрезвычайно проста и не требует особого искусства.

Процветание Боспора продолжалось и в течение начального периода эпохи эллинизма. Соответственно с этим в геммах III в., находимых на территории Боспорского царства, нельзя заметить принципиальных изменений ни в отношении высокого качества изделий, ни с точки зрения распределения памятников между отдельными слоями населения. Меняется только внешний облик изделий, что находится в связи с крупными новшествами в греческом камнерезном искусстве эпохи эллинизма: появлением камей и созданием нового вида печати — металлического перстня со вставленным в него резным камнем. До III в. геммы и металлические перстни-печати вели, так сказать, раздельное существование: перстни делались целиком из металла, а каменные печати носились на шнурах или вделывались в разнообразные металлические, большей частью подвижные оправы, неудобные для ношения на пальце. Только в III в. камни и металлические перстни слились в одно целое, причем печатью был камень, а перстень служил для него оправой. Таким образом создана была та форма печати, которая вследствие своей практической целесообразности продолжает жить и до настоящего времени.

Но слияние резного камня с металлическим перстнем произошло не сразу. Наиболее ранние перстни этой категории слишком громоздки и сложны по своей конструкции для употребления в качестве печатей. Близ Пантикапея, в богатых погребениях на Карантинной дороге, найдена была целая серия таких пышных, орнаментальных золотых перстней, огромной величины и очень тяжелых: некоторые из них весят более 60 г (табл. I, *5*, *6*).[1] Вставками для них служат камеи или интальи очень больших размеров и потому непригодные для употребления в качестве печатей. Резьба выполнена гораздо более небрежно, чем на геммах классической эпохи, но общий вид памятников благодаря обилию золота, сложной орнаментации перстней и прекрасному качеству вставных гранатов весьма эффектен. Сходные изделия находятся и в некоторых курганах Таманского полуострова (Артюховские курганы, курганы близ Горгиппии), но число их по сравнению с предыдущей эпохой заметно падает.

Зато увеличивается количество более простых и дешевых печатей. В эллинистическую эпоху во всем северном Причерноморье широкое распространение получают бронзовые перстни с вырезанными на щитке портретными бюстами (табл. II, *1*).[1] Подобные перстни встречаются в Ольвии и в Херсонесе. На Боспоре они доминируют в течение II и I вв. до н. э., тогда как золотые перстни с геммами в это время там почти исчезают. Это указывает, с одной стороны, на оскудение боспорской знати, а, с другой стороны, на распространение обычая пользоваться печатями среди широких слоев населения — словом, на известные социальные сдвиги, происшедшие в обществе в течение смутных времен II и I вв. до н. э.

Результаты этого уравнительного процесса совершенно ясно сказываются на печатях конца I в. до н. э. и I в. н. э., относящихся к новой эпохе процветания Боспорского царства. Поразительно не только очень большое число золотых перстней с геммами данной эпохи (в собрании Эрмитажа насчитывается около 120 таких перстней из Пантикапея), но особенно их распределение между гробницами различных типов — контраст между геммами богачей и менее состоятельных слоев населения теперь стирается. Перстни, сделанные из листового золота и украшенные гранатами — наиболее распространенный на Боспоре вид печати эпохи ранней Римской империи, — находятся как в богатых погребениях (например в Зайцевском склепе), так и в простых гробницах на Митридате, в Глинище и на Тамани, откуда можно заключить, что население городов, пестрое по своему этническому составу, стало более однородным по имущественному положению и культурному уровню.

К сожалению, еще не установлено, где выделывались дутые золотые перстни с гра-

[1] ДБК, табл. XV, *15* — бюст Афины, камея, гранат, *9* — Афродита перед трофеем, инталья, гранат. Оба перстня найдены в 1838 г. в гробнице у Карантинного шоссе близ Керчи.

[1] ДБК, табл. XVIII, *12*. Найден близ Керчи.

1

2

3

5

4

6

7

Табл. II. Резные камни II в. до н. э.—III в. н. э.

1 — портретное изображение на щитке бронзового перстня, *2* — золотой перстень с гранатом, *3* — камея с портретом Друза Младшего, *4* — гемма с портретом императора Клавдия, *5* — гемма с портретом Савромата II, *6* — гемма с портретом Котиса III, *7* — гемма с изображением статуи Асклепия и Гигиейи. Увеличено в два раза.

натами, столь характерные для Пантикапея первого века Римской империи. Формы перстней следуют за общеантичной модой того времени, но вставленные в перстни геммы отличаются от изделий Греции и Италии как породой камня (гранат), которая почти не встречается на западе, так и эскизной манерой резьбы — наследием глиптики эпохи эллинизма (табл. II, *2*). Сфера распространения этих перстней ограничивается областями, расположенными вокруг Черного моря. Больше всего их найдено было в Пантикапее и Боспорском царстве, но они имеются в небольшом количестве и в Херсонесе и других пунктах северного Причерноморья, а отдельные экземпляры происходят из Византии и Закавказья. Основываясь на массовых находках в Пантикапее, можно предположить, что именно в этом городе находился центр производства данных печатей. Однако полной уверенности в этом в настоящее время быть не может, поскольку многие крупные городские центры Причерноморья, где могло бы быть сосредоточено это производство, например Синопа, еще не исследованы археологически и вся данная группа резных камней не подвергалась детальному изучению. Впрочем, стиль изображений на этих геммах греческий, без следов местных влияний.

Лучших резчиков эпохи притягивал в это время Рим. Их произведения проникали на Боспор только в виде редких исключений, в Ольвии же и Херсонесе они вовсе отсутствуют. На табл. II, *3*, *4* изображены два таких произведения столичного искусства. Первое из них — камея из двуслойного сардоникса с портретом Друза Младшего, очень тонкой работы. Она найдена была в каменной гробнице на горе Митридат.[1] Второе — вырезанный вглубь на овальном, вставленном в золотой перстень аметисте портрет императора Клавдия, работы известного резчика первой половины I в. н. э. Скилака. Последний камень происходит из каменного склепа в окрестностях Пантикапея.[2]

Золотые перстни с гранатами бытуют в Пантикапее до конца I в. н. э. Во II и III вв. их сменяют печати, более простые по материалу и совсем непритязательные в отношении художественности резьбы. Художественно исполненные геммы изготовляются в античном мире и в это время, но особенно растет массовое производство дешевых гемм, рассчитанных на широкого потребителя. Геммы изготовляются не только в крупных городах Италии и Греции, но и в мелких мастерских на окраинах Римской империи и даже за ее пределами.[1] В этих мастерских работают преимущественно греческие и италийские мастера, и поэтому характер их произведений единообразен. Трудно и часто даже невозможно отличить гемму, вырезанную на берегах Рейна, от резного камня, изготовленного в Италии или в Малой Азии. Сюжетами изображений служат по большей части статуарные фигуры греческих богов с присущими им атрибутами. Среди них особой популярностью пользуется богиня счастья и удачи Тиха-Фортуна и покровитель торговли Гермес. Резьба становится все более и более неряшливой и суммарной. Качество изделий неудержимо падает за счет их количества.

Геммы северного Причерноморья этой эпохи ничем не отличаются от таких же массовых изделий, находимых на всем протяжении античного мира. Количество их, особенно в Херсонесе, не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Через крупные приморские города геммы проникают и в далекие внутренние области, на среднее течение Днепра и даже на Урал.[2] Художественные античные изделия среди них уже не встречается. Зато в северном Причерноморье можно наблюдать теперь новое явление, весьма знаменательное как показатель роста местной культуры.

Некоторые слои местного населения, как уже было указано выше, научились пользоваться печатями еще в V в. до н. э., и тогда же в Пантикапее возникло производство отдельных видов печатей. Но местная культура в то время еще была недостаточно развита для того, чтобы создать печати своего стиля, и изготовленные в Пантикапее перстни-печати остались античными по своему

---

[1] Garschin — Engelhardt, N. Eine Kertocher Kamee mit dem Boldnisse Drusus des Jünqereu. JAI. 1926 (41), S. 239 сл.

[2] Эрмитаж, инв. № П., 1894, 12. — М. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа, табл. III.

[1] М. Максимова. Геммы из некрополя Мцхети-Самтавро, стр. 233 и сл., 238 и сл.

[2] См.: РАНИОН, Труды Секции археологии, М., 1928, III, стр. 132, № 288.

общему характеру. Только в римскую эпоху, когда широкие слои местного населения слились с живущими в городах греками и когда на базе этого слияния возникла и окрепла местная смешанная культура, окончательно образовался и своеобразный местный художественный стиль. В области резьбы по камню он проявил себя в конце II в. н. э.

На табл. II, *5—7* изображены три резных камня, найденных в Херсонесе и по своему стилю выпадающих из общей массы античных гемм II и III вв. Наиболее ярко этот стиль проявляется на камне с портретом боспорского царя Савромата II (табл. II, *5*), который отличается наивным, но свежим реализмом, непосредственностью в передаче натуры, при невысокой общей художественной подготовке мастера, что сказывается в целом ряде погрешностей против анатомии.[1] Те же черты, но уже в соединении с некоторой схематизацией свойственны и двум несколько более поздним камням — портрету Котиса III [1] (табл. II, *6*) и изображению статуи Асклепия и Гигиейи [2] (табл. II, *7*). Мастера, резавшие эти камни, несомненно учились у античных резчиков и на произведениях античного камнерезного искусства. От них они восприняли технические приемы работы и общие художественные познания. Но в то же время они осознали свое, отличное от античного мировоззрения восприятие реального мира и сумели выразить его в свежих художественных формах. Эти три камня местной работы завершают собой длинную эволюцию гемм в северном Причерноморье и наглядно показывают, как в результате многовекового сложного социально-экономического процесса местное население целиком освоило одно из достижений античной культуры и сумело претворить его согласно собственным запросам.

---

[1] ОАК за 1906 г., стр. 81, рис. 83. — ИАК, вып. 33, 1909, стр. 54 и сл. — М. Максимова. Античные печати северного Причерноморья стр. 258, рис. 1, *А*.

[1] ОАК за 1905 г., стр. 53, рис. 56. — ИАК, вып. 23, 1907, стр. 75, рис. 5. — М. Максимова, Античные печати северного Причерноморья, стр. 258, рис. 1, *Б*.

[2] ОАК за 1894 г., стр. 64, рис. 92. — М. Максимова. Античные печати северного Причерноморья, стр. 261, рис. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись. СПб., 1914.
АИБ — Археология и история Боспора, вып. I. Сборник статей, Симферополь, 1952.
ВДИ — Вестник древней истории.
ДАН — Доклады Академии Наук СССР.
ДБК — Древности Босфора Киммерийского, I—III. СПб., 1854.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИОН — Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук.
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
Тр. . . АС — Труды . . . Археологического съезда.
AA — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. Archaeologischer Anzeiger.
AM — Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung.
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua.
IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. St.-Petersburg, I², 1916; II, 1890; IV, 1901.
JAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
KW — G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
RM — Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Römische Abteilung.
SC — Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих, и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., т. I, 1893; т. II, 1904.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

С. А. Жебелев. Источники для изучения истории античной культуры северного Причерноморья 5

В. Ф. Гайдукевич. История античных городов северного Причерноморья. (Краткий очерк) 23

А. Н. Зограф. Денежное обращение и монетное дело северного Причерноморья 148

Т. Н. Книпович. Основные линии развития искусства городов северного Причерноморья в античную эпоху 164

А. Н. Карасев. Архитектура. (Краткий очерк) 188

Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов северного Причерноморья 215

Е. В. Эрнштедт. Монументальная живопись северного Причерноморья. (Общий обзор памятников живописи) 248

А. П. Иванова. О некоторых особенностях боспорской живописи . . . 286

М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура 297

Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. (Торевтика) 325

Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах северного Причерноморья 356

Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора 392

А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости 406

М. И. Максимова. Резные камни 437

Список сокращений 443

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

•

Редактор Издательства *Л. Л. Викторова*
Художник *Б. А. Скорохватов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Л. А. Петрова, Т. А. Пострелова,*
Г. А. Рудницкая и *Е. Б. Томсинская*

•

РИСО АН СССР № 123-2Р. М. 47122. Подписано к печати 9/IX 1955. Бумага 84×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 14. Печ. л. 45.92. Уч.-изд. л. 46.5 +3 вкл. (0.44 уч.-изд. л.). Тираж 2500. Зак. № 135.
Цена 31 р. 10 к.

1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница и столбец	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
24—25, карта	ее сев.-вост. угол	Гиłанис	Гипанис
31, правый	2 снизу	ἐμπόρνον	ἐμπόριον
34, левый	22 сверху	συλοικίζοντες	σολοικιζοντες
45, »	2 снизу	χώρας	Χώρας
50, правый	5 »	т. XXVII, 1907	т. XXVIII, 1910
89, »	24 сверху	спорных	опорных
101, »	19 снизу	Vitae parall., XX	Vitae parall., Per., XX
116, »	1 »	Diod., XXII, 24	Diod., XX, 24
118, левый	3 »	Диодора (XXII, 25)	Диодора (XX, 25)
119, »	3 »	III—II вв.	III—I вв.
145, правый	12 »	223 г. н. э.	234 г. н. э.
163, »	12 »	Радамасе	Радамсаде
286, левый	12—13 сверху	Пилака	Палака
348, »	Подпись к рис. 32	у ст. Артанизовской	у ст. Ахтанизовской
370, правый	1 снизу	1895	1910
444, левый	»	des Jünqereu	des Jüngeren